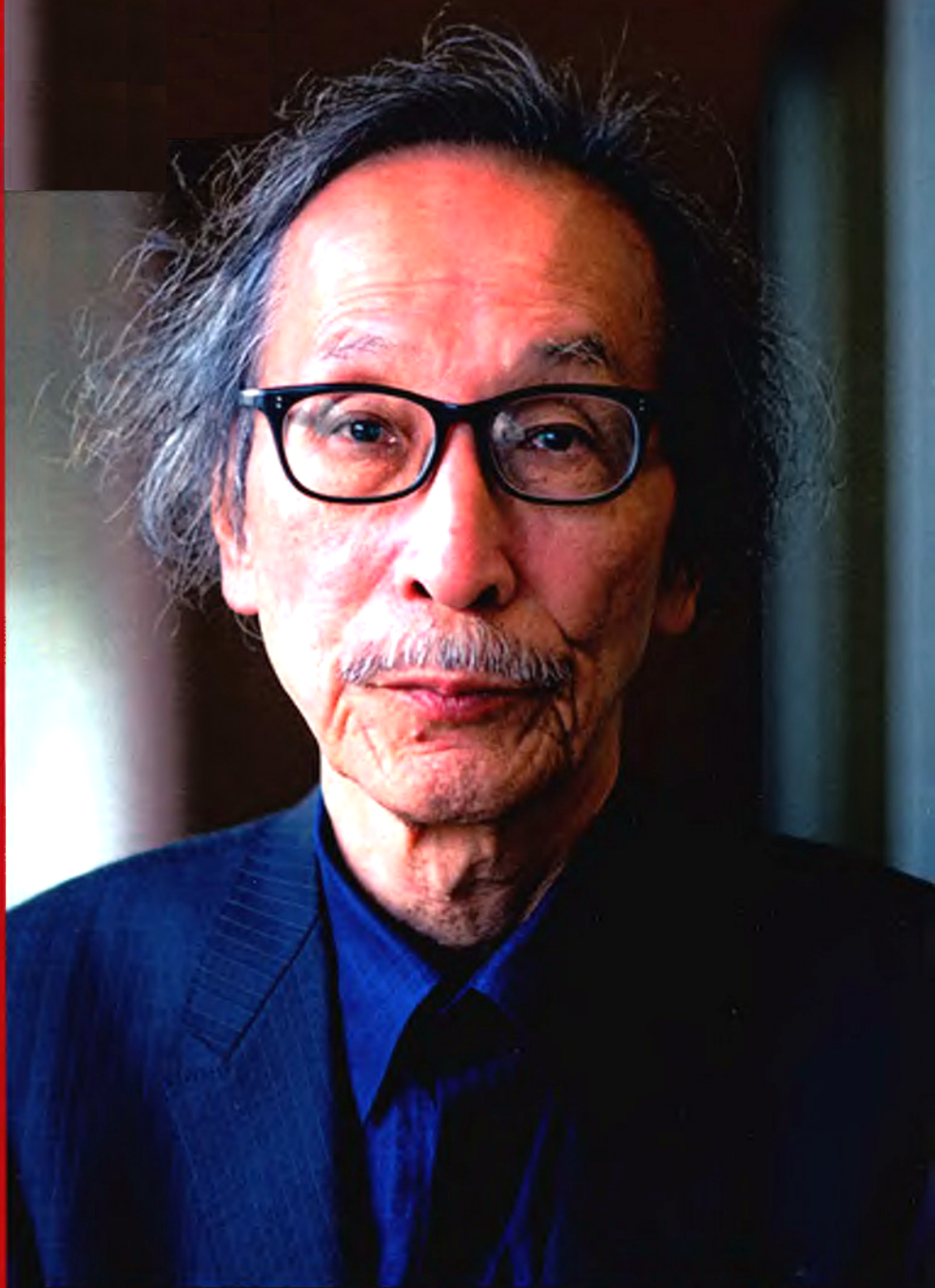

В
А
Д
А

Х
А
Р
У
К
И

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ
РОССИИ**

ВАДА Харуки

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ РОССИИ

Избранные труды
1960–2017

ВАДА Харуки

Политическая история России. Избранные труды. 1960–2017.

В 1999 году Ассоциация издала сборник трудов выдающегося японского историка и русиста «Россия как проблема всемирной истории». Спустя 20 лет читателям представляется возможность познакомиться не только с прежними работами, но и новыми научными изысканиями автора, которые находятся в центре общественной повестки – Русско-японская война, Карл Маркс и революционная Россия, Февральская революция 1917 года, Ленин и Бухарин. В этих, казалось бы, известных сюжетах профессор Вада находит новые повороты и аспекты анализа.

СОДЕРЖАНИЕ

— Предисловие	7
— Путь историка.....	11
1960	
Заметки о Г.В. Плеханове.....	15
1970	
Кровавое воскресенье – начало российской революции	25
1974	
Февральская революция 1917 года.....	45
1977	
Карл Маркс и революционная Россия.....	70
1980	
Политическая логика советского антифашизма	105
1981	
Солидарность японских и русских социалистов во время Русско-японской войны.....	169
1982	
Революция в эпоху государств: Ленин и Бухарин	181
1983–1984	
Вера Фигнер в первые годы после российской революции (1917–1923).....	202
1985	
Представления о России в Японии: учитель, враг, собрат по страданиям	240
1986	
Распутин, царь и царица. Читая роман Валентина Пикуля.....	256
1987	
Лев Тихомиров: его духовный мир в последние годы жизни (1913–1923).....	278

1987	
Наследство 1960-х годов.....	322
1988	
Перестройка и переосмысление советской истории (1986–1988)	337
1990	
Образ Великой Французской революции в ходе российской революции 1917 года.....	374
1990	
Место российской революции во всемирной истории	387
1998	
Корейская война и Япония: политика Сталина	399
2003	
Судьба коммуниста: Носака Сандзо	441
2007	
Знай своего врага: русские военные и военно-морские агенты в Японии.....	462
2008	
Политические взгляды и стратегия М.Т. Лорис-Меликова	497
2012	
Русско-японские переговоры. Путь Японии к началу войны с Россией	512
2017	
Февральская революция: новая концепция японских историков.....	531
Исии Норие	
«Азиатское магнитное поле» исследователя России.....	542
Икэда Ёсиро	
Вада Харуки в XXI веке.....	555
Хроника жизни Вада Харуки.....	563
Избранные труды Вада Харуки.....	566

«Причуды знатока» российской истории *Вместо Предисловия*

У гениального Басё есть удивительные по своей глубине и метафоричности строки:

Вот причуда знатока!
На цветок без аромата
Опустился мотылек.

Наблюдательный и отточенный взгляд поэта фиксирует парадоксальное и непостижимое, автор этого трехстишия как бы даже отступает перед величием природы, явления которой он не в силах понять и объяснить. Для него мотылек – безусловный и непререкаемый авторитет в богатой симфонии цветочных ароматов. Можно было бы, конечно, усмотреть в том, что это создание установило свой мимолетный выбор вовсе не на благоухающем растении, ошибку, случайное действие хаотически мечущегося неразумного существа, и даже где-то внутренне усмехнуться над его примитивностью – но Басё понимает, что всё это не так, что выбор мотылька, несомненно, чем-то обусловлен, а человек просто не в силах его постичь. Отсюда – сложное переплетение эмоций поэта: досады из-за невозможности узнать, что кроется за таким странным решением этого крошечного виртуоза в понимании запахов, и в то же время явного восторга и преклонения перед величием и недоступностью для человека законов природы, сосредоточенных в данный миг, как в капле воды, в одном этом насекомом. Отсюда и потрясающая по своей силе оценка всей наблюдаемой ситуации как «причуды знатока»...

Очень часто исследователи истории чужих для себя культур и других стран предпочитают заниматься проблемами на стыке, на пересечении этих тем и их родного и – как им представляется –

тонко понимаемого прошлого. Наверное, такой выбор вполне естественен и не может вызывать критики: тягаться с учеными, принадлежащими к изучаемым культурам, выросшими в них и понимающими многие детали и нюансы прошлого уже хотя бы по одному факту своего происхождения, всё равно бессмысленно, а так хотя бы можно найти для себя какие-то частные вопросы, в которых реально стать конкурентоспособным. И лишь немногие отваживаются – естественно, после фундаментальной подготовки и основательного погружения в реалии неродной истории – заговорить с носителями чужой культуры на одном проблемном языке.

Японский историк и русист Харуки Вада относится именно к таким избранным. Он вполне мог бы найти для себя какую-либо удобную японо-российскую проблематику – благо, что общих сюжетов, в том числе сложных и неудобных для обеих сторон, между нами по-соседски с избытком, – и, зная русский язык, стать признанным мэтром не только у себя дома, но и среди российских коллег, занимающихся тем же самым – только со своей стороны и чаще всего без японского языка, в лучшем случае – с английским.

Но историк никогда не искал легких путей, а старался ухватить самое значимое – то, что в данный момент находится в острие общественной повестки. Взять хотя бы публикуемое в настоящем сборнике историческое расследование о нашумевшем на излете советской эпохи романе Валентина Пикуля «У последней черты». Харуки Вада не только предпринял основательную и в высшей степени компетентную деконструкцию этого текста, продемонстрировал его многочисленные несовпадения с исторической реальностью, но и объяснил, почему это крайне сомнительное по своим характеристикам произведение оказалось настолько востребованным в позднем СССР. Чтобы написать это исследование, недостаточно было одной лишь подготовки историка-русиста – в гораздо большей степени требовалось особое чутье мастера, своего рода «причуда знатока», чтобы отважиться взяться за неудобный для советской действительности вопрос, который к тому же сам по себе являлся для нашего человека 1970-х годов как бы дешифровкой окружавшей его жизни. Можно предположить, что мотылек Басё опустил на цветок со столь тонким и незаметным ароматом, который поэт просто не смог различить и посчитал его лишенным всякого запаха. Поминаемый Харуки Вада в этом очерке вполне достойный советский ис-

торик не уловил (или не захотел улавливать) «аромата» истории позднесамодержавной России, а вот японский русист безошибочно угадал бездонный потенциал этой темы, замаранной распиаренным в угоду больших политических игр литературным шулером.

Можно назвать и другой сюжет – не то чтобы совсем «без аромата», но с «ароматом», который приелся, стал, как представляется, до конца очевидным и потому однообразно прямолинейным. Это работа Харуки Вада о М.Т. Лорис-Меликове – блестящий пример анализа, выдержанного в духе политической антропологии. Биография этого деятеля считается подробно изученной, его взгляды кажутся понятными, а поведение видится прозрачно объяснимым. Однако японский исследователь показывает нам совершенно неожиданного Лориса – точно затерявшегося в целой веренице образов: как он сам представлял себя окружающим, каким его видели окружающие, каким он хотел себя предьявить обществу, что общество хотело увидеть в этом своем новом кумире (а для кого-то – антигерое). Такое впечатление, что, читая статью о Лорис-Меликове, начинаешь вслед за Харуки Вада чувствовать забытые и трудноуловимые вибрации той эпохи. Но для того, чтобы эта вереница образов реформатора стал очевидной, потребовалась очередная «причуда знатока» русской истории – понять, с какой стороны на него взглянуть, и, поняв это, должным образом реализовать свой замысел.

Отдельное направление изысканий исследователя – это народничество, восприятие этого феномена сквозь во многом противоположные друг другу личности Веры Фигнер и Льва Тихомирова. Для Харуки Вады эти люди превратились в персонификации двух политических парадигм, вот уже более двух веков (как минимум – а то и дольше) борющихся друг с другом за право определять курс, по которому движется наша страна. Эти парадигмы – «только сильная власть спасет Россию», за что ратовал Тихомиров, и «Россия должна быть освобождена» – эту установку отстаивала всей своей жизнью Фигнер. Удивительно тонкое наблюдение – видимо, недоступное для нас, их соотечественников и потомков, из-за замысленности взгляда, притупления остроты восприятия, следования штампам вместо свободного и непредвзятого постижения исторической действительности. Словом, опять-таки из-за атрофии своего рода исторического обоняния...

Харуки Вада отмечает свое восьмидесятилетие. И на этот юбилей хочется пожелать сенсею, мастеру сохранения и по возможности приумножения присущего ему удивительного профессионального чутья, благодаря которому он по-прежнему способен демонстрировать «причуды знатока»: усматривать новые повороты и аспекты, казалось бы, избитых, вдоль и поперек изученных, кажущихся лишенными «аромата» тем, ставить неожиданные вопросы, благодаря которым возможны принципиально новые направления исторических изысканий. И за всё это получать самую высокую из возможных наград – безусловный авторитет среди российских историков, изучающих прошлое своей страны и признающих, что им, как оказывается, есть чему поучиться у своего зарубежного коллеги.

Геннадий БОРДЮГОВ

Путь историка

13-го января 2018 года мне исполнилось 80 лет. Хотя мое здоровье проявляет признаки ослабления, я еще сохранил силу духа и разума. В ближайшем будущем я намерен написать две книги, которые будут моими последними работами.

Первая книга – коллективная биография двух народников, Льва Тихомирова и Веры Фигнер. Предварительно ее можно назвать просто «Лев и Вера».

Учась на филологическом факультете Токийского университета, я выбрал темой изучения проблемы народничества 1870-х годов. В 1960 году я подал в качестве дипломной работы свою статью о народническом обществе «Земля и Воля» и окончил университет. Тогда я читал много воспоминаний народников и понял, что народническое движение было делом одного поколения «семидесятников». Участники его родились в основном в начале 1850-х годов, начали революционное движение в начале 1870-х годов и потерпели крах движения в начале 1880-х годов. Смерть на эшафоте, заключение в крепости на 20 лет, идейный поворот к марксизму, сохранение духа и продолжение прежней деятельности или так называемое ренегатство, отказ от карьеры революционера – диапазон их судеб был широким. Во всяком случае, уцелевшие смогли жить дальше, и многие дожили до первой революции в 1905 году, когда им было уже за 50. А те, кому посчастливилось дожить до 60–65 лет, увидели падение самодержавия в 1917 году.

Меня заинтересовали фигуры шести народников-семидесятников, которые встретили Российскую революцию 1917 года. Л.А. Тихомиров, монархист и правый публицист, поддержал Февральскую революцию и признал неизбежность падения Временного правительства. Н.В. Чайковский, народный социалист и кооператор, боролся против Советской власти как министр Архангельского белого правительства. Г.В. Плеханов, меньшевик и оборонец, не признал Октябрьскую революцию, но отказался от

поста министра Украинской Рады. Вера Фигнер, бывшая эсэрка и беспартийная, не поддержала Октябрьской революции и в качестве сотрудника Политического Красного креста занималась судьбой политзаключенных Советской власти. М.А. Натансон, член ЦК ПСР и левый эсэр, поддержал Октябрьскую революцию и умер от болезни в Швейцарии в 1919 году. Н.К. Судзиловский-Руссель, доктор и эмигрант в Японии, не вернулся в Россию и умер в Китае в 1930 году.

Об одном из них – Г.В. Плеханове – я впервые написал маленькую статью в 1960 году. Тогда меня, 22-летнего юношу, чрезвычайно интересовало то, как можно сохранить идеал молодых лет и жить без раскаяний. Тогда у меня родился план написать коллективную биографию этих шести народников на фоне истории России XIX–XX веков. В 1963 году я опубликовал маленькое извещение о моей затее.

В 1970 году я впервые оказался в Советском Союзе. Когда я просматривал каталог Библиотеки имени В.И. Ленина, я нашел, что Тихомиров опубликовал много книг и брошюр. Я начал собирать копии произведений моих героев.

Тогда, в начале 1970-х годов, я участвовал в антивоенной агитации среди американских солдат в Японии. Следовательно, я особенно интересовался жизнью Николая Судзиловского, Доктора Русселя, который во времени Русско-японской войны приехал в Японию для того, чтобы пропагандировать революционную идею среди российских военнопленных, интернированных в разных местах Японии. После войны Доктор Руссель жил в Нагасаки и помогал издавать революционную газету «Воля». У него были два сына и дочь от японских женщин. Я решил написать биографию Доктора Русселя отдельно и прежде всех прочих. Двухтомная биография «Николай Руссель: народник, перешедший много границ» была издана в 1973 году.

В 1978–1979 гг. я провел один год в Советском Союзе. Я впервые получил возможность заниматься в советских архивах. Я решил посвятить эту возможность исследованию биографий народников. В этот раз я выбрал в качестве своих героев трех человек: Г.В. Плеханова, Веру Фигнер и Льва Тихомирова. Работа с личным архивным делом Веры Фигнер открыла мне неизвестные страницы ее жизни в 1920-е годы: Политический Красный крест и Комитет для увековечения памяти П.А. Кропоткина. В Ленинграде я работал в Доме Плеханова и читал воспоминания жены Плеханова. Там я случайно познакомился с молодым историком

Львом Лурье, а через него – с диссидентом-историком Арсением Рогинским. О своем разговоре с ними на тему моего сюжета я уже писал в предисловии моего старого сборника статей.

Пребывание в Советском Союзе дало мне много и расширило мой кругозор. У меня родилась новая идея о Российской революции как явлении эпохи мировых войн. После возвращения я решил сосредоточить мое исследование на двух героях: Тихомирове и Фигнер, – и уделить большее внимание жизни Веры Фигнер в Советском Союзе.

В 1983 году я написал статью о Вере Фигнер, ее жизни и деятельности в первые годы Советской власти, а в 1987 году – статью о Льве Тихомирове в последние годы его жизни. После этих работ мне стало ясно, что эти два человека представляют собой полную противоположность друг другу. Лев – мужчина, неоднократно менявший свои политические убеждения, слабохарактерный, а Вера – женщина, верная своему убеждению, с сильным характером. Кредо Веры состояло в том, что Россия должна быть освобождена. Она сама 20 лет просидела в Шлиссельбургской крепости. В 1909 году она начала заниматься помощью политзаключенным царского правительства. В 1917 году она занималась помощью освобожденным политзаключенным, а в 1922 году участвовала в деятельности Политического Красного креста, помогая политзаключенным Советской власти. В свою очередь, у Тихомирова тоже было неизменное кредо. Оно состояло в том, что только сильная власть спасет Россию. Сначала он верил революционной диктатуре, которая должна быть создана народовольческой революцией. Потом он разочаровался в ней и начал верить в самодержавие. После первой революции он поверил П. Столыпину и стал его советником. В 1913 году он разочаровался в царе Николае II и оставил должность редактора-издателя газеты «Московские ведомости», а впоследствии поддержал Февральскую революцию. Но и Керенский обманул его надежды. Наконец, Тихомиров признал, что только большевики сохранили «понимание государственности».

Теперь мне кажется, что эти два кредо: «только сильная власть спасет Россию» и «Россия должна быть освобождена», – являются собой два основных принципа Российской истории в XIX–XX веках. Россия всегда страдала из-за противоречия между этими принципами, из-за невозможности их уравновесить. Даже теперь страдание продолжается.

Мне хочется довести до конца эту многолетнюю работу и написать коллективную биографию «Лев и Вера». Моя работа слишком запоздала, и моя старость не может не оказать на нее физическое и нравственное влияние. Но все-таки я хочу ее завершить.

Я долго думал, что книга «Лев и Вера» должна стать моей последней работой. Но в прошлом году, году столетия Российской революции, у меня вдруг появилась идея написать большую биографию В.И. Ленина. К этой идее меня подтолкнул опыт написания краткой биографии Ленина. В 2017 году, по просьбе издательства, я написал популярную книгу о Ленине, в которой было всего сто страниц. Работая над ней, я обнаружил, что еще не выяснено даже то, как Ленин думал и работал в Октябрьские дни. Вот почему мы до сих пор не можем различать Октябрьскую революцию и Ленинскую революцию, начавшуюся в начале января 1918 года. Кроме того, я долго изучал личность и идеи Ленина и его жизнь. Как известно, Роберт Сервис опубликовал свой двухтомник биографии Ленина, написанный на основе открытых архивных материалов, уже в 2002 году. Но я надеюсь взяться за биографию Ленина уже после книги «Лев и Вера». Конечно, если силы подведут меня, моя надежда останется напрасной. Но я думаю, что имею право мечтать.

10 февраля 2018 г.

1960

Заметки о Г.В. Плеханове*

Наибольшим пороком революционера является дожить до старости. В последние дни я часто об этом думаю. Даже В.И. Ленин, умерший как «homme d'Etat»^{1, 2}, когда-то высказал следующее мнение. «Знаете Вы, что является наибольшим пороком?» Кржижановский, собеседник Ленина, недоумевал. Ответил сам Ленин: «Быть старше 55 лет»³. Ленин умер до того, как ему исполнилось 55 лет. Л.Д. Троцкий записал этот эпизод в своем дневнике, когда ему было 55 лет. Что означает это? Может, человек просто становится более упрямым по мере старости. Или он может выполнить в своей жизни только одну задачу, возложенную на него историей. Быть может, оба ответа верные. Но все-таки история бывает жестокой особенно к революционерам.

Наш герой, Георгий Валентинович Плеханов, умер 30 мая (новый стиль) 1918 года. Ему было 61 год. Тогда его имя, образно говоря, было внесено «в перечень покойных революционеров, которые жили слишком долго, и кончину которых ждали долго»⁴.

За год до смерти, в 1917 году, Плеханов на родине являл собой очень жалкую фигуру. 31-го марта Плеханов наконец возвратился в Петроград из-за границы. Многолетняя жизнь эмигранта окончилась. 1 марта 1880 г. он покинул Россию с растущим сомнением к народничеству, поощряемый словами друга-товарища О.В. Аптекмана: «Мы оживем, а то мы теперь двигаемся, как осенние мухи – не то живы, не то мертвы. Нет сил больше терпеть! Уезжай, Жорж, уезжай!»⁵. Тогда ему было 23 года. Теперь

---

* Впервые опубликовано: Плеханов обозгаки (Заметки о Г.В. Плеханове), Наука номадо, октябрь 1960 г.

¹ Государственный человек – *фр.*

² *Lefevre H. Pour connaitre la pensee de Lenine.* – Paris, 1957. P. 13.

³ *Trotsky Leon. Trotsky's Diary in Exile: 1935.* – Harvard University Press, 1958. P. 43.

⁴ Слова японского писателя-анархиста, дадаиста Цудзи Джун (1884–1944).

⁵ *Аптекман О.В. Общество «Земля и Воля» 70-х годов.* – Петроград, 1924. С. 225–226.

он – старик, в конец замученный болезнью. Его отъезд из России 37 лет назад дал родине много, теперь же его возвращение в Россию не могло дать родине ничего.

С вокзала его привезли на торжественное заседание в Народном доме, организованное Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Н.С. Чхеидзе рекомендовал Плеханова в самых пылких выражениях. Последовала шумная овация депутатов. Но Плеханов, в шубе, стоял неподвижно и не сказал ни слова.

2-го апреля Плеханов появился на Всероссийском совещании Советов рабочих и солдатских депутатов и произнес свою первую речь в новой России.

«Я всегда был за освобождение русской трудящейся массы от ига ее домашних эксплуататоров. Но когда я увидел с полной ясностью, что к числу Романовых, к числу их приспешников, к числу всех тех, которые стояли жадной толпою у трона, к числу угнетателей русского народа, спешат присоединиться Гогенцоллерны, спешат присоединиться немцы, то я сказал: наша обязанность защищать весь русский народ от немцев, защищать его от Гогенцоллернов (шумные аплодисменты)». «Я никогда не видел, товарищи, почему эксплуататор, говорящий по-немецки, должен пользоваться каким-нибудь снисхождением с нашей стороны сравнительно с эксплуататором, говорящим по-русски. Это не имеет никакого смысла. Мы желаем России освобождения от всякой эксплуатации, откуда бы она ни шла. Да здравствует Россия вольная, независимая, избавленная от эксплуатации, как со стороны внутреннего врага, так и врага внешнего!»⁶.

Эта речь, которая не содержала классовую точку зрения, обрадовала большинство участников совещания, оборонцев. Но даже они не пожелали включить Плеханова в состав президиума совещания. Н. Суханов, часто резкий на язык наблюдатель, вспоминает так. «Новое большинство также не обнаруживало склонности идти навстречу контакту с Плехановым: оно не хотело компрометировать себя в глазах масс. Оно правильно полагало: можно делать, но не следует говорить, не надо афишировать»⁷.

Итак, деятельность Плеханова в 1917 году на родине сузилась до сотрудничества в газете «Единство», которую он с товарищами издавал.

---

⁶ Плеханов Г.В. Год на родине. Том 1. – Париж, 1921. С. 9.

⁷ Sukhanov N.N. The Russian Revolution 1917: A Personal Record. – Oxford University Press, 1955. P. 260. Суханов Н.Н. Записки о революции. Том 1. – М., 1991. С. 335.

Само собой разумеется, Плеханов выступил против ленинских Апрельских тезисов, которые защищали идею «власть Советам». Он заклеил эти тезисы «бредовыми». В конце апреля он получил письмо от матроса из Ревеля. «Прочитав вашу газету “Единство” и обратив внимание на ваше воззвание – “пролетарии всех стран, соединяйтесь”, я бы советовал вам писать: “буржуазия всех стран, соединяйтесь”... Я открыто скажу, что вы – человек, продавший свою совесть капиталу».

Как ответил на это Плеханов? Он опубликовал краткую заметку «Письма темных людей»: «Когда я выпустил “Наши разногласия”, тогда даже в среде образованных людей встречалось с доверием то мнение, что я продался правительству. Теперь меня считают продажным только очень темные люди. Из этого следует, что Россия все-таки подвигается вперед, хотя и не с такой быстротой, какая была бы желательна»⁸. Вполне в духе элитаризма. Плеханов не возражал оппоненту теоретически, а лишь подчеркивал, что является никем иным, как человеком, который дал России марксизм, написав ту книгу тридцать три года тому назад. Словно старый гвардеец, который заставляет новобранца помолчать, гордясь длительностью своего служебного стажа.

Напоследок Плеханов вспомнил Яна Гуса, который с улыбкой сострадания воскликнул: «святая простота!», указывая на старуху, принесшую свою вязанку дров, чтобы бросить в костер, на котором ему предстояло сгореть. «Мы все должны следовать его примеру»⁹. Тихое примирение с действительностью вместо активного противоборства – было ли это проявлением старости?

В июле Плеханов выступал на митинге вместе с Е.К. Брешко-Брешковской, Б.В. Савинковым и Н.В. Чайковским. Собравшиеся рабочие и солдаты кричали им: «Изменники! Контрреволюционеры!» Савинков, вскочив, громко крикнул: «Кто вы есть, чтобы оскорблять нас такими словами? Что вы, бездельники, сделали для революции? Ничего вообще... А эти мужчины и женщины сидели в тюрьмах, умирали от голода и холода в Сибири, снова и снова рисковали своей жизнью... Как же вы смеете обвинять меня в том, что я “контр-революционер”?» После митинга Плеханов шепнул Савинкову: «Если эти маньяки – революционеры, то я предпочитаю называться «контр-революционером»¹⁰.

---

⁸ Плеханов. Год на родине. Т. 1. С. 94–95.

⁹ Арзаев Ю. Г. В. Плеханов (Биографический очерк) // Плеханов. Год на родине. Том 1. С. VI.

¹⁰ Sorokin Pitirim A. Leaves from Diary. – Boston, 1950. P. 56–57.

Если человек занимается политической деятельностью, он не должен допускать, чтобы его называли «реакционером». Он должен сделать все возможное, для того чтобы отказаться от такого названия, потому что в политическом мире брошенное прозвище, приклеенный ярлык становится маской, которую невозможно сорвать с себя. Плеханов был слишком наблюдательным и далеким от политики, в отличие от Савинкова.

Осенью его болезнь ухудшилась. Он встретил Октябрьскую революцию прикованным к постели в Царском селе. 28 октября он опубликовал «Открытое письмо к петроградским рабочим» в своей газете «Единство». Он прямо сказал: последние события «меня огорчают». Он долго объяснял, как он хотел торжества рабочего класса. «Итак, не потому огорчают меня события последних дней, чтобы я не хотел торжества рабочего класса в России, а именно потому, что я призываю его всеми силами души». Вспомните замечание Энгельса. Он сказал, что «для рабочего класса не может быть большего исторического несчастья, как захват политической власти в такое время, когда он к этому еще не готов»¹¹. Это было политическим завещанием русского меньшевизма.

31 октября квартира Плеханова была обыскана группой из матроса, солдата и красногвардейца. Они появились у двери и сказали: «Мы пришли искать оружие. Нам нужен хозяин. Где его комната?». Жена Розалия Марковна пошла с ними в комнату, где лежал Плеханов. Она успела сказать: «пришли». Ю. Арзаев, который передал этот эпизод, сравнил его с картиной художника А. Наумова «Белинский перед смертью». Великого критика, посвятившего жизнь идее прогресса своей родины, на смертном одре посетил посланец мира, с которым он всегда боролся – жандарм Третьего отделения. Это печальное зрелище, но настроение хозяина чистое. А здесь старика, который по своему сознанию сорок лет был революционером, обыскивали молодые гвардейцы революционной власти. Это комическое зрелище, но глаза хозяина мрачны.

Матрос, подойдя вплотную к Плеханову, приблизил револьвер к его лицу и крикнул: «Выдайте оружие, а то, если найдем его сами, я тут же убью Вас на месте». Розалия Марковна обратилась к матросу со словами: «Уверяю вас всем святым, что мы не храним оружия». Но матрос ответил: «Ну, что мне святые! Не верю я в святых!».

---

¹¹ Плеханов Г.В. Год на родине. Том 2. – Париж, 1921. С. 244–248.

Опять допрос: «Какого Вы звания? – Писательского. – Что Вы пишете? – О революции, о социализме. – Ну, что революция! И Керенский был революционером!»¹².

Но несмотря на то, что Плеханов перешел за противоположную сторону баррикад, он не взял оружия. Когда Украинская Рада предложила Плеханову должность министра, он отказался. Плеханов ответил, что он посвятил сорок лет своей жизни делу рабочего класса, а теперь ему предлагают стрелять в рабочих, и что он не стреляет в рабочих¹³.

В январе 1918 года Виктор Чернов в «Деле народа» написал, что большевики – дети Плеханова. Плеханов, читая это, вспомнил, что давно Виктор Адлер говаривал ему полу-шутя, полу-серьезно: «Ленин – ваш сын». Он тогда ответил Адлеру на это: «Если сын, то очевидно незаконный». И Плеханов написал статью «Буки, Аз – Ба», которая оказалась последней в его творчестве. «Нельзя и меня, как теоретика русского марксизма, делать ответственным за всякое нелепое или преступное действие всякого русского “марксёнка” или всякой группы “марксят”»¹⁴. Таким образом, отец публично открестился от своих детей. С другой стороны, революционная власть, которая считала необходимым взять Плеханова под свою защиту, издала декрет, по которому должна была быть отправлена стража для «охраны личности и имущества гражданина Г.В. Плеханова»¹⁵.

Отец и дети не признают друг друга. Это трагедия, в которой проявляется сущность революции. Кажется, настоящая революция не может обойтись без устранения старых революционеров. Но Марк Натансон, тоже старик, притом стоявший на позиции народничества, которую Плеханов бросил тридцать три года тому назад, присоединился к Октябрьской революции. Мы увидели в последней главе книги Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» фигуру Натансона, который доложил о «свадьбе» Совета рабочих депутатов и Совета крестьянских депутатов на крестьянском съезде 15 ноября 1917 года.

Если так, то мы не можем свести трагедию Плеханова к сущности революции. Биограф Плеханова должен искать семя трагедии в духовных исканиях самого Плеханова, в его жизни.

---

¹² Арзаев. Указ. статья. С. XLII–XLIV.

¹³ Сидоров М. Г. В. Плеханов: выдающийся пропагандист марксистской теории. – М., 1956. С. 51.

¹⁴ Плеханов. Год на родине. Том 2. С. 268.

¹⁵ Арзаев. Указ. статья. С. XLV.

Идейное развитие Плеханова можно разделить на три периода: период народничества – до 1883 года, период марксизма – с 1883 года до 1903 года и период меньшевизма – после 1903 года. Итак, в жизни Плеханова были два поворотных пункта. Согласно обычной трактовке, каждый период рассматривался обособлено, а причины поворотов искали во внешних факторах. Переход от народничества к марксизму объяснялся как результат развития капитализма и роста рабочего движения в России. А поворот к меньшевизму был следствием недостатка контакта с российским рабочим движением¹⁶.

Едва ли такая картина верна. Плеханов всегда подчеркивал свою последовательность. Он писал в предисловии к первому тому первого издания Собрания сочинений: «Мое нынешнее миро-созерцание представляет собой не более как логическое развитие основной мысли, увлекавшей меня уже тогда, когда я работал в органах революционного народничества.»¹⁷ И в его последней, процитированной выше, статье он написал так: «Но в том-то и дело, что я рассуждаю теперь все так же, как рассуждал прежде»¹⁸.

Повторяю, только внешние факторы не могут объяснить идейную эволюцию Плеханова. Имея в виду его слова, что всегда существовал неизменный «я» при 180-градусном повороте мысли, мне хочется поискать иные ответы. Биография Плеханова изучена очень слабо. В последние годы опубликованы книги только об его философских, экономических и эстетических взглядах¹⁹. Остальные издания – тонкие брошюры. В 1920-е годы С.Я. Вольфсон и В. Баганян опубликовали солидные книги²⁰. Первая мне еще недоступна. Вторая ограничивается политическими взглядами. Сам Плеханов не написал мемуаров, ценные воспоминания о нем оставили только Л. Дейч и О.В. Аптекман²¹.

¹⁶ Сидоров. Указ. соч. Митин М.Б. Историческая роль Г.В. Плеханова в русском и международном рабочем движении. – М., 1957. Фолин В.А. Философские взгляды Г.В. Плеханова. – М., 1955.

¹⁷ Плеханов Г.В. Сочинения. Том 1. С. 19.

¹⁸ Плеханов. Год на родине. Том 2. С. 265.

¹⁹ Бровер И.М. Экономические взгляды Г.В. Плеханова. – М., 1960. Черкашин Д. Эстетические взгляды Г.В. Плеханова. – Харьков, 1959.

²⁰ Вольфсон С.Я. Плеханов. – Минск, 1924. Баганян В. Г.В. Плеханов. – М., 1924.

²¹ Дейч Л.Г. Г.В. Плеханов. – М., 1922. Аптекман О.В. Г.В. Плеханов. – Л., 1924.

Известно, что Розалия Марковна написала большие воспоминания, но они не опубликованы до сих пор²².

Его младшая сестра Варвара изложила в своих воспоминаниях характерные черты Плеханова в детстве и отрочестве. Перечислю ее основные наблюдения. «Он необыкновенно смел, отважен, неустрашим». «Любовь к животным осталось у него навсегда». «Жорж был очень вспылчив». Он «стоически переносил боль». Наконец, «он был очень застенчив и чрезвычайно сердился на маму, когда она выставляла на вид его блестящие способности»²³. Этот мальчик, самый умный среди братьев и сестер, запоем читал книги и вырос в человека, который больше всего ценит свой внутренний мир. В воспоминаниях Варвары не найти описания того, как Плеханов весело смеялся бы или хохотал. Возможно, это говорит о том, что у него не доставало чувства юмора, духа игры. В заметках о Плеханове часто фигурирует слово «насмешка». Насмешка отличается от юмора. Если юмор или игра связывают людей, соединяют одного человека с другим, то насмешка является позицией, когда один человек смотрит на другого сверху, отдаляет себя от другого. Наверное, склонность Плеханова дистанцироваться от других была подготовлена с детства.

Л. Дейч познакомился с Плехановым в Петербурге в 1876 году. Они были почти ровесники, Дейч только на год старше. Своей внешностью и костюмом Плеханов удивил Дейча. «Плеханов – в противоположность почти всем тогдашним революционерам – нисколько не походил на “нигилиста”»: он одевался чисто, аккуратно, но без претензий на франтовство; волосы на голове причесывал назад, небольшую темно-русую бородку своевременно подстригал»²⁴. Дейч написал, что сравнивая такого юного Плеханова с тем Плехановым, каким он был в более пожилом возрасте, он не находил большой разницы как во внешности, так и в манерах, приемах, характере. Если я скажу, что эти манеры, этот стиль жизни выдают стремление Плеханова к аккуратности, упорядоченности и рациональности, к миру без противоречий, было бы это слишком большим преувеличением?

---

²² [Примечание 2018 года] В 1979 году я прочитал в Доме Плеханова (Ленинград) две рукописи Р.М. Плехановой «Моя жизнь. Воспоминания» (266 листов) и «Год на родине (отрывок из воспоминаний). Часть I» (33 листа). Но я не хочу дописать ничего здесь.

²³ Позднякова-Плеханова В.В. Детство и отрочество Г.В. Плеханова // Группа «Освобождение труда». Сб. 1. – М., 1924. С. 85–87.

²⁴ Дейч. Указ. соч. С. 6.

В том же 1876 году Плеханов вступил в общество «Земля и воля», а оттуда перешел в группу «Черный передел», порвав с главным течением движения, склонным к терроризму. Наконец, в 1883 году за границей он объявил себя марксистом. О.В. Аптекман, который был его товарищем в двух обществах, дал проницательную оценку духовного мира Плеханова.

«Я мог бы, оставаясь близким к истине, дать такую характеристику духовной индивидуальности Плеханова: по познавательным своим наклонностям он – исследователь, ученый, философ; по темпераменту – публицист, воин, трибун. Создаваемые им – самостоятельно или не самостоятельно, все равно – ценности становятся интегральной частью его духовного бытия, сплавляются с его духовной личностью, и потому становятся для него не только объективной, но и субъективной ценностью, за целостность и сохранность которых он готов душу положить. И будет он те ценности оборонять от врагов своих всеми мерами *sans treve ni merci*²⁵. Таков уже был Плеханов в юные и молодые годы, таким остался он и в зрелые. Не знает он половинчатости в сфере познания, чужд и отвратителен ему всякий эклектум, и потому так суров, жесток он ко всякой теоретической мешанине, беспощаден в своей полемике к вилияниям...»²⁶.

Мы уже указали, что у молодого Плеханова была склонность дистанцироваться от действительности. Эта склонность является способом познания «ученого», по Аптекману. Для ученых более важной является рациональная модель действительности, которая не содержит противоречия, чем сама действительность. Никакой эклектум недопустим. Напротив, политическое мышление всегда обращает пристальное внимание к подвижной, многообразной, противоречивой действительности, вечно изменяющимся ситуациям. Целостность субъективной картины остается второстепенной у политических деятелей.

Крупнейший теоретик партии «Народная воля» Л. Тихомиров был известен тем, что после развала партии сделал 180-градусный идейный разворот к монархизму. Он оставил тонкие аналитические заметки о духовной индивидуальности бывших товарищей-революционеров. О Плеханове Тихомиров написал так: «Он имел натуру адвоката, замечательное искусство в построении силлогизма, в диалектике...»²⁷. Это преувеличение, но

²⁵ Без перерыва и жалости – *фр.*

²⁶ Аптекман. Указ. соч. С. 222.

²⁷ Тихомиров Л. Воспоминания. – М.–Л., 1927. С. 90.

подмечено точно. Для адвоката важно не реальное преступление, а скорее его собственная теория, собственное видение событий...

Такая позиция по отношению к действительности может объяснить идейную эволюцию Плеханова. Сначала он порвал связи с народовольцами, потому что народовольчество было более эклектичным, чем землевольчество. Когда деятельность общества «Земля и воля» зашла в тупик, члены общества, которые искали пути выхода из тупика, создали новую партию «Народная воля». Плеханов не одобрил такой путь и организовал небольшую, тактически оппортунистическую, группу «Черный передел». Этот шаг назад от действительности приблизил его к принятию марксизма. Марксизм отличался от предшествовавших ему утопических теорий социализма тем, что нашел основание для перехода к социализму не в желании и воле индивидумов, а в противоречии капиталистического общества и объективных законов общественного развития. Вот почему оппортунисты использовали марксизм как теоретическое оправдание собственного бездействия. В 1870-х годах таким ученым-марксистом был Н.И. Зибер, а в 1890-х годах – легальные марксисты. Плеханов был совершенно другой человек, но все-таки остается фактом, что оппортунистические элементы народничества сыграли роль в деле принятии марксизма как революционной теории.

И в последующие тридцать лет Плеханов был неизменно хорошим учителем марксизма в России и выучил несколько поколений русских марксистов. Это была самая подходящая роль для него. В 1903 году, когда революция перестала быть символом, сном революционно настроенных интеллигентов, занимавшихся просветительской работой среди рабочих, а становилась действительностью народных масс, аксиомы марксизма должны были быть перекованы заново в конкретные линии революционной деятельности. Требовалось вплотную приблизиться к действительности. Когда родился большевизм, Плеханова среди его сторонников не оказалось. Вместе с П.Б. Аксельродом, Л. Дейчем, и Верой Засулич, бывшими членами групп «Черный передел» и «Освобождение труда», он стал меньшевиком. Плеханов-меньшевик боролся беспощадно против нападков на марксистскую философию. Это естественно. Не побоюсь сказать, что отношение к действительности, которое сформировалось у Плеханова в юности, привело марксизм в Россию, заслужив ему

почетную репутацию отца русского марксизма, и в то же время обусловило его поворот к меньшевизму и последнюю трагедию в 1917 году.

На четвертом (Объединительном) съезде РСДРП Плеханов, противостоя Ленину, высказался так: «Если то, что я сказал, означает неверие в торжество революции, то я, действительно, грешен этим грехом. *Mea culpa, mea maxima culpa!*^{28,29}».

---

²⁸ Моя вина, моя самая большая вина – лат.

²⁹ Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. – М., 1959. С. 61

1970

Кровавое воскресенье – начало русской революции*

Предисловие

9 января (по старому, 22 января по новому стилю) 1905 года, столица Российской империи Санкт-Петербург была покрыта снегом, как всегда. Но в этот день 100 тысяч рабочих, их жён и детей, родителей и родственников шли шествием к Императорскому дворцу с рабочих окраин. Путь им преградили войска, и они были расстреляны. Кровь умирающих рабочих и их семей окрасила снег. Этот день был назван «Кровавым воскресеньем».

Со времени крестьянского бунта под руководством Пугачёва не было в России такого многочисленного народного движения, организованного одним решением.

Все авторы единогласно признают, что это событие было началом русской революции. Но оно слишком долго сопровождалось вульгарным истолкованием и умышленным искажением. В результате, истина оказалась сокрыта от глаз.

Если Вам кажется, что в кровавое воскресенье народные массы, полные верой в царя, просто собрались и пошли к дворцу, то Вы сильно ошибаетесь. Если было бы так, то при первых угрозах со стороны военных люди разбежались бы. Но на деле шествующие массы, несмотря на предупреждения, шли вперед, поощряя себя и других возгласами «Свобода или смерть!» и не боясь нападения конных солдат. Устрашённые этими шагами народа, представители власти в ответ приказали открыть стрельбу. У народа было убеждение. Они думали, что пошли к царскому дворцу, чтобы искать правду. Если правда не была найдена, они были готовы умирать.

Непосредственно после кровавого воскресенья роль священника Гапона, который подал эту идею народу, оценивалась спра-

---

* Впервые опубликовано: Ти но нитиёби (Кровавое воскресенье), (совм. с Акико Вада). – Токио, 1970. 213 с.

ведливо. Брошюра писательницы Л. Гуревич, написанная на основе свидетельств двухсот человек, явилась классическим произведением о событии 9-го января¹. Но когда Гапон был убит и доказана его связь с охранкой, роль Гапона сразу стала отрицательной. Даже М. Горький, близко друживший с Гапоном, начал его ругать и представлять сомнительным с самого начала.

Потом это событие стали объяснять самостоятельным движением рабочих масс. Гапон якобы только подчинился рабочим для того, чтобы сохранить за собой пост руководителя движения.

Но наконец в 1930-х годах в печально известной книге «История ВКП(б). Краткий курс» была изложена история большой провокации попа Гапона. Эта официальная версия долго господствовала в советской исторической науке и оказала влияние на историков Японии.

После критики культа Сталина на XX съезде КПСС профессор Нисизима Ариацу, взявшись переоценить это событие, отказался от версии провокации и реабилитировал версию самостоятельного движения рабочих масс². В это же время С.Н. Семанов, стоя на аналогичной точке зрения, опубликовал свою книгу об этом событии к его шестидесятилетней годовщине³.

Но Нисизима, следуя логике развития движения по формуле «от экономического требования к политическому» и «от стачки к демонстрации», не мог понять идею народного движения. Символично, что у него присутствовало изучение требований в петиции, но отсутствовало изучение стиля и логики самой петиции. Народ терпит долго угнетение и нищету, но в какой-то момент он перестаёт терпеть и начинает действовать. Что это за момент? В этом самая главная проблема.

Само собой разумеется, событие 9-го января явилось результатом гигантского подъёма народных масс. Но этот подъём руководствовался оригинальной идеей противостояния. Идея, которой вооружил их Гапон, шла от традиционной мысли русского народа. Более того, можно сказать, что эта идея также связана с современной идеей противодействия «без насилия»⁴.

¹ Гуревич Л. Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г. – Берлин, 1906.

² Нисизима Ариацу. Россия какумэй зэнси но кэнкю – тинонитиёби зикэн то Гапон кумий (Исследование предыстории Российской революции – Событие «Кровавое воскресенье» и гапоновские собрания). – Токио, 1977.

³ Семанов С.Н. Кровавое воскресенье. – Л., 1965.

⁴ Среди представителей этой мысли мы найдем такие имена, как Л. Толстой, М. Ганди и Мартин Л. Кинг.

Быть может, настоящая книга переоценивает роль Гапона в событии «кровавого воскресенья». Но авторы не намерены восхвалять личность Гапона. Для нас важны моменты, в которые простой народ начинает переступать границу между сферой обычной жизни и сферой политического действия, потому что мы сами приобрели такой опыт из нашей двухлетней деятельности против Вьетнамской войны.

1-го мая 1970 года

Глава IV

Предложение шествия к Зимнему дворцу

Зловещие залпы

В канун праздника Крещения Господня во льду Невы напротив Зимнего дворца сделали большую прорубь, над которой установили часовню. Это сооружение называлось Иордань – символический образ палестинской реки Иордан, в водах которой принял Крещение Иисус Христос. 6 января здесь по традиции служили водосвятный молебен в присутствии царской семьи. Духовно далеко от проблем и волнений рабочих масс в их районах, здесь царил неизменная церемония и порядок.

В 11 часов процессия придворных чинов и кавалеров двинулась по залам Зимнего дворца, тихо распевая гимны. Согласно церемониалу, царь Николай Второй не вернулся во внутренние покои, а прошёл в сопровождении военной свиты через Николаевский зал и спустился по лестнице в Иорданский подъезд, откуда вышел прямо на Иордань. Придворные же чины остались в Николаевском зале, где вместе с дипломатическим корпусом и высшими сановниками смотрели через окна на церемонию у Иордани. В окно было видно, как царь сошел к Иордани, устроенной на Неве в виде шатра. Митрополит Антоний под пение хора погрузил святой крест в воду. В то же время, пушки Петропавловской крепости салютовали сто одним залпом. При третьем или четвертом выстреле в окне Николаевского зала наверху раздался треск разбитых стекол. В то же время что-то ударило в стену возле окна, отскочило и покатилося по паркету зала. Дамы по-

сольства, стоявшие впереди, были осыпаны мелким стеклом. Они закричали и бросились назад. Кто-то поднял один из катившихся по паркету шариков – это оказалась картечь. Кто-то по-русски крикнул: «Стреляют по-настоящему!». В окнах видны были круглые отверстия. Салют между тем продолжался. Во дворце началась паника⁵.

Некоторые подумали, что это несостоявшееся покушение на царя Николая Второго. Жена министра внутренних дел Е.А. Святополк-Мирская написала в своем дневнике: «Конечно, все решили, что покушение»⁶.

Из дворца директор канцелярии МВД Д.Н. Любимов поехал прямо к министру внутренних дел П.Д. Святополк-Мирскому, который по нездоровью не был во дворце. Туда приехал директор департамента полиции А.А. Лопухин. Во время их разговора раздался телефонный звонок от градоначальника Фуллона. Оказывается, по небрежности одно или два салютующих орудия были заряжены учебными снарядами.

«Мы с Лопухиным уходили очень удрученные. «Тревожное время, – говорил Лопухин, ведь в Петербурге бастует свыше 120.000 рабочих, а электрическая забастовка с завтрашнего дня решена»⁷.

Это событие было предзнаменованием гигантского взрыва. Когда в Николаевском зале люди испугались этих случайных выстрелов, готовилось гораздо более страшное событие для Зимнего дворца.

Тогда глава Выборгского отдела гапоновского «Собрания русских рабочих города Санкт-Петербурга» Н.М. Варнашѐв шел через Дворцовый мост к квартире Гапона, для того чтобы получить текст петиции. Его ждало важное предложение.

Предложение шествия к Зимнему дворцу

Варнашѐв написал в своих воспоминаниях: «6-го января к 12 час. дня я уже был у Гапона, но петиция еще не была готова. У него я застал Тана, Богучарского и еще незнакомого мне интеллигента,

---

⁵ Любимов Д.Н. Гапон и 9 января // Вопросы истории. 1965. № 8–9. С. 123.

⁶ Дневник Е.А. Святополк-Мирской // Исторические записки. Т. 77. 1965. С. 272.

⁷ Любимов. Указ. соч. С. 124.

который был занят составлением текста петиции. С Гапоном мы вышли в другую комнату и здесь, взяв меня за рукав, он пониженным голосом, очевидно не желая, чтобы слышали в соседней комнате, спросил: «Скажи, как по-твоему? Не лучше ли будет, если подавать петицию мы отправимся всем миром? Известим царя и кого следует, что, скажем, в воскресенье, соберемся у Зимнего дворца! Что народ хочет его видеть и больше никого! Что ты скажешь?» В первый момент я был ошеломлён. Такою дикою мне показалась эта идея. Но затем засверкали иные мысли: – поддерживать петицию забастовкой? Но долго ли? Неделю, другую! Голод, лживые обещания, и вернутся к работе! А дальше – разгром “Собрания”. Аресты – тюрьмы переполнены. Вера в царя-батюшку – по старому.

“Шествием же” – брали быка за рога! Маска будет сброшена! Слепой узрит! С народом или против народа? Будут стрелять. Расстреляют идею царя! А жертвы – так и этак неизбежны! Предупредить – кто боится, не пойдет, а умирать – так умирать с музыкой! И через пару минут, понизив голос до шёпота, бросая отрывистые фразы, мы горячо друг другу поддакивали⁸.

Варнашёв был ошеломлён идеей шествия к Зимнему дворцу. Это предложение оказалось эпохальным в полном значении слова.

Советские историки полагали неизменно с 1930-х годов, что эта стратегия была предложена провокатором Гапоном с согласия властей для того, чтобы подавить ширящееся забастовочное движение столичных рабочих. Но таких соглашений с властью явно не было. Некоторые историки настаивают, что это предложение не было провокацией, и что это было сделано такими социал-демократами, как А.Е. Карелин. Это также не подтверждается источниками.

19 февраля 1902 года великий князь Сергей Александрович присутствовал на митинге московской организации зубатовцев в Кремле, где собрались шестьдесят рабочих. Это могло навести Гапона на мысль. Певец И. Павлов, который руководил музыкальным кружком гапоновского «собрания», написал, что он в начале 1904 года услышал от Гапона «мысль идти к царю»⁹.

---

⁸ *Варнашёв Н.М.* От начала до конца с Гапоновской организацией в С.-Петербурге (Воспоминания) //Историко-революционный сборник. Т. 1. – М.-Пг., 1924. С. 203–204.

⁹ *Павлов И.* Из воспоминаний о «Рабочем союзе» и священнике Гапоне // Минувшие годы. 1908. Кн. III. С. 89.

Можно сказать, что в абстрактной форме такая идея всегда жила в уме Гапона. Но несомненно, что реально он начал думать об этом после середины декабря 1904 года, когда он решил представить царю петицию. Определить содержание петиции, а также дату и способ её подачи – все было поручено Гапону. Он должен был думать над этими проблемами. В воспоминаниях Н. Петрова и А. Карелина было сказано, что оба предложения – представить петицию и представить её рабочей массой – были сделаны одновременно, и что Гапон едва принял их¹⁰. Но в корреспонденции в эсеровский орган «Революционная Россия» было написано так: «Петиция должна была быть подана депутацией, состоявшей из 400 рабочих – выборных представителей всех забастовавших фабрик и заводов... Депутация эта с крестом, хоругвями и иконой Спасителя (некоторые говорят, что носили также портрет царя) с отцом Гапоном во главе должна была двинуться ко дворцу. Этот “крестный ход” – так называемой депутации рабочих – должен был предстать пред светлые очи царя. Все это было придумано отцом Гапоном, чтобы как можно больше подчеркнуть мирный характер депутации...»¹¹.

Похожее изложение было найдено в корреспонденции в газете «Искра». Поэтому, наверное, это должно было быть способом, предложенным массам 5-го января для того, чтобы представить петицию царю.

Сам Гапон в своих воспоминаниях свидетельствует так. Вечером 5-го он вернулся домой с несколькими литераторами и английским корреспондентом. «Я просил этих друзей составить набросок петиции царю, содержащей статьи нашей программы. Но их наброски не удовлетворили меня достаточно, и затем, я, используя эти, написал петицию, которая была представлена наконец. Тогда я решил, что народ сам должен привезти её к царю»¹². Один из упомянутых Гапоном литераторов, А.И. Матюшинский, написал «Исповедь А.И. Матюшинского», в которой шествие к Зимнему дворцу объявлялось его идеей. Но судя по всему, мы можем верить в изложение Гапона. Тогда рабочие изо дня в день собирались перед отделами «собраний».

В такой ситуации было естественно двинуться от подачи через депутацию к массовому шествию. Но чтобы захватить души и ор-

¹⁰ Карелин А.Е. Девятое января и Гапон. Воспоминания // Красная летопись. 1922. № 1. С. 111.

¹¹ Революционная Россия. № 58. 20 января 1905. С. 11.

¹² Гапон G. The Story of My Life. – London, 1906. P. 160.

ганизовать людей, была необходима идея. Идея шествия выражается в стиле и логике петиции. Это означает, что идея шествия принадлежит не кому иному, как Гапону, автору петиции.

6-го января после обеда у Гапона состоялось совещание представителей отделов «Собрания», в котором было решено, что в следующее воскресенье, 9-го января, в два часа дня все рабочие Петербурга собираются на Дворцовой площади и представят петицию царю. Гапон завершил петицию до вечера.

Петиция для подачи царю

«Государь! Мы, рабочие и жители города С.-Петербурга разных сословий, наши жены, и дети, и беспомощные старцы – родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать. Мы и терпели, но нас толкают все дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь. Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.

И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы не многого просили, мы желали только того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука. Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсудили наши нужды. Но в этом нам отказали, – нам отказали в праве говорить о наших нуждах, находя, что такого права за нами не признает закон. Незаконны также оказались наши просьбы уменьшить число рабочих часов до 8 в день; устанавливать цену на нашу работу вместе с нами и с нашего согласия, рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией заводов; увеличить чернорабочим и женщинам плату за их труд до 1 руб. в день; отменить сверхурочные работы; лечить нас внимательно и без оскорблений; устроить мастерские так, чтобы в них можно было работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега.

Вот это оказалось, по мнению наших хозяев и фабрично-заводской администрации противозаконно, всякая наша просьба – преступление, а наше желание улучшить наше положение – дер-

зость, оскорбительная для них. Государь, нас здесь многие тысячи, все это люди только по виду, только по наружности, – в действительности же за нами, равно как и за всем русским народом, не признают ни одного человеческого права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать нужды, принимать меры к улучшению нашего положения. Нас поработили, и поработили под покровительством твоих чиновников, с их помощью, при их содействии. Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса и народа, бросают в тюрьму, отправляют в ссылку. Карают, как за преступление, за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалеть забитого, бесправного, измученного человека – значит совершить тяжкое преступление. Весь народ рабочий и крестьяне отданы на произвол чиновничьего правительства, состоящего из казнокрадов и грабителей. Совершенно не только не заботящегося об интересах народа, но попирающего эти интересы. Чиновничье правительство довело страну до полного разорения, навлекло на нее позорную войну и все дальше и дальше ведет Россию к гибели. Мы, рабочие и народ, не имеем никакого голоса в расходовании взимаемых с нас огромных поборов. Мы даже не знаем, куда и на что деньги, собираемые с обнищавшего народа, уходят. Народ лишен возможности выражать свои желания, требования, участвовать в установлении налогов и расходовании их. Рабочие лишены возможности организоваться в союзы для защиты своих интересов.

Государь! Разве это согласно с божескими законами, милостью которых ты царствуешь? И разве можно жить при таких законах. Не лучше ли умереть, – умереть всем нам, трудящимся людям всей России? Пусть живут и наслаждаются капиталисты – эксплуататоры рабочего класса и чиновники – казнокрады и грабители русского народа. Вот, что стоит перед нами, государь, и это-то нас и собрало к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников. Разрушь стену между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь ты поставлен на счастье народу, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук, к нам оно не доходит, мы получаем только горе и унижение. Взгляни без гнева, внимательно на наши просьбы, они направлены не ко злу, а к добру, как для нас, так и для тебя, государь. Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из

невыносимого для всех положения. Россия слишком велика, нужды её слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо народное представительство, необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собой. Ведь ему только и известны истинные его нужды. Не отглаткивай его помощь, прими её, повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий, представителей и от рабочих. Пусть тут будет и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель, – пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, – а для этого повели, чтобы выборы в Учредительное собрание происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов.

Это самая главная наша просьба, в ней и на ней зиждется всё, это главный и единственный пластырь для наших больных ран, без которого эти раны сильно будут сочиться и быстро двигать нас к смерти.

Но одна мера всё же не может залечить наших ран. Необходимы еще и другие, и мы прямо и открыто, как отцу, говорим тебе, государь, о них от лица всего трудящегося класса России.

Меры против невежества и беспорядка русского народа

– Немедленное освобождение и возвращение всех, пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки

– Немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слов, печати, свободы собраний, свободы совести в деле религии

– Общее и обязательное народное образование на государственный счет

– Ответственность министров перед народом и гарантия законности правления

– Равенство перед законом всех без исключения

– Отделение церкви от государства

Меры против нищеты народной

– Отмена косвенных налогов и замена их прямым прогрессивным подоходным налогом

– Отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передачи земли народу

– Исполнение заказов военного, морского ведомства должно быть в России, а не за границей

– Прекращение войны по воле народа

Меры против гнета капитала над трудом

– Отмена института фабричных инспекторов

– Учреждение при заводах и фабриках постоянных комиссий выборных рабочих, которые совместно с администрацией разбирали бы все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабочего не может состояться иначе, как с постановления этой комиссии.

– Свобода потребительно-производственных и профессиональных рабочих союзов – немедленно.

– 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ

– Свобода борьбы труда с капиталом – немедленно

– Нормальная заработная плата – немедленно

– Непременное участие представителей рабочих классов в разработке законопроекта о государственном страховании рабочих – немедленно

Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе; лишь при удовлетворении их возможно освобождение нашей Родины от рабства и нищеты, возможно её процветание, возможно рабочим организовать для защиты своих интересов от наглой эксплуатации капиталистов и грабящего и душащего народ чиновничьего правительства. Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь. Россию и счастливой и славной, а имя твоё запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена, а не повелишь, не отзовёшься на нашу мольбу, – мы умрём здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу. Пусть наша жизнь будет жертвой для страдавшей России. Нам не жаль этой жертвы, мы охотно принесим её.

Священник Георгий Гапон
Рабочий _____»¹³

Сохранилось несколько вариантов петиции. Мы приводим машинописный текст, который хранится в Музее революции в

¹³ Начало новой русской революции. Январь–март 1905 года. Документы и материалы. – М., 1965. С. 28–31.

Москве. По С.Н. Семанову, листы с подписями рабочих хранились у историка Н.П. Павлова-Сильванского, а после его смерти были утеряны¹⁴.

Народные утопии в России и царь

Выдающийся русский этнограф К.В. Чистов впервые в 1967 году открыл замечательный факт, что в русской народной мысли с начала XVII века существовала легенда о «возвращающихся избавителях»¹⁵. С тех пор эта легенда неизменно играла важную роль во всех массовых народных движениях.

Сущность этой легенды состоит в том, что царь (или царевич), который захотел дать своему народу волю и счастье, оказывался перед опасностью убийства боярами, дворянами и чиновниками и бежал из дворца или заточения. Он долго странствовал по Руси и наконец возвращался, чтобы спасти свой народ. Надо только узнать этого «возвращающегося избавителя». Если люди узнают его и последуют за ним, воля и счастье будут им даны.

Последнее грандиозное народное движение, вдохновлённое этой легендой, было крестьянской войной под руководством Е. Пугачёва. Казак Пугачёв назвался Петром Третьим. Поражение крестьянской войны имело решающее значение в соотношении сил между царской властью и русским народом. Можно сказать, что самодержавие окончательно установилось в это время. Началась эпоха зимы для русского народа. Тем не менее, в середине XIX века наблюдались некоторые признаки крестьянского движения. В них вначале легенда о «возвращающихся избавителях» играла определенную роль, но потом её сменила идея «правлящего царя-освободителя»¹⁶.

Крестьянское восстание под руководством Антона Петрова, состоявшееся в селе Бездна в апреле 1861 года, явилось первым движением, основанным на новой идее. Антон Петров сказал крестьянам, что царь дал «истинную волю», и что они должны не верить попам и чиновникам, которые передали ложное содержание «воли». Его слова были записаны в письме управляющего

---

¹⁴ Семанов. Указ. соч. С. 84.

¹⁵ Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. – М., 1967. С. 24–33.

¹⁶ Понятие «царь-освободитель» принадлежало официальной пропаганде; я здесь использую термин «правлящий царь-освободитель» как вариант народной легенды о «возвращающихся избавителях».

имением крепостника. «Истинную волю тогда только получите, когда сохраните того человека, который найдет вам её. Истинная воля до тех пор не даётся, пока не прольётся много крови христианской. Крепко накрепко царь приказал того человека караулить и днём и ночью, и конным и пешим, сохранять от всякой напасти и не допускать до него ни господ, ни попов, ни чиновников... Будут вас обманывать, говорить, что от царя пришли, не верьте им... А когда придёт час, приедет сюда от царя младший юноша 17 лет, на правом плече золотая медаль, а на левом серебряная, тому поверьте и меня выдайте. Станут вас страшить войском, не бойтесь, никто не смеет бить народ православный без царского приказа. А если дворяне подкупят и будут в вас стрелять, то и вы рубите топорами тех царских слушников»¹⁷.

12-го апреля 1861 г. 231 солдат пришли под командованием графа А.С. Апраксина в село и окружили избу Антон Петрова. Им противостояли 5000 крестьян из соседних сел и деревень. Крестьяне подняли крик «воля, воля» и кричали: «Нам не нужно посланного от царя, но самого царя давай нам; стреляйте, но стрелять вы будете не в нас, а в Александра Николаевича»¹⁸. Апраксин приказал сделать несколько залпов и убил 51 крестьянина. Тогда Антон Петров вышел из дома и был взят.

Попытки использовать эту идею были и у революционных народников 1870-х годов. В 1876 году южные народники поселились в Чигиринском уезде Киевской губернии и показали подложный манифест Александра II крестьянам. В нем было написано: «непрестанная 20-летняя борьба наша за вас с дворянством убедила нас, наконец, что только вы сами можете свергнуть с себя дворянское иго». «Когда же священная борьба ваша с дворянами – этим хитрым, но слабым врагом вашим – с божией помощью увенчается для вас победой, тогда вся земля с лесами и сенокосами станет таким же бесплатным достоянием вашим, как вода, свет, солнечный и всякий другой дар божий, созданный для человека; не будет повинностей и налогов... не будет ненавистного вам дворянского начальства... и воцарится тогда свобода и благоденствие на земле русской»¹⁹. Крестьяне поверили этому манифесту, и тысяча человек из 12 сел и деревень записались в

---

¹⁷ Крестьянское движение в России в 1861 году после отмены крепостного права. – М., 1949. С. 63.

¹⁸ Там же. С. 67, 69.

¹⁹ Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. Сборник документов. – М., 1968. С. 141–143.

тайную дружину до середины 1877 года. Скоро организаторы были репрессированы властью, и это была единственная успешная организация народников в деревне в 1870-е годы.

В городах народники связали себя со стихийной борьбой рабочих. В 1878 году в Санкт-Петербурге рабочие Новой бумагопрядильни начали забастовку. Это стало началом нового этапа рабочего движения в России. Народники посещали рабочих и помогали им. Рабочие сначала думали, что эти люди являются посланными к ним «тайными агентами царя». Они, возмущенные неискренними ответами хозяина фабрики и градоначальника, решили представить жалобу наследнику Александру Александровичу. 15 марта около 200 рабочих собрались перед Аничковым дворцом и вручали свою жалобу градоначальнику. В ней было написано: «Мы, обманутые рабочие бумагопрядильной фабрики, обращаемся к вашему высочеству с жалобой на притеснения со стороны наших хозяев и полиции... Мы обращаемся к вам, как дети к отцу. Если не будут удовлетворены наши справедливые требования, то мы будем знать, что нам не на кого надеяться, что никто не заступится за нас и мы должны положиться на себя и на свои руки»²⁰. Эта жалоба была составлена народниками-активистами. Не получив ответа, рабочие распространили слух, что наследник живёт с женой директора фабрики, и что он даже владеет акциями фабрики. Такая жалоба не была подана во время следующей забастовки в 1879 году.

В XX веке русский народ начал приходить движение, словно очнулся от долгого сна. Одновременно возродилась народная легенда о «правлящем царе-освободителе». В 1902 году во время крестьянских волнений в Полтавской и Харьковской губерниях говорили о том, что якобы посланный от царя агент являлся организатором крестьянской борьбы.

В русле этих событий идея шествия к царю у Гапона означала последнюю попытку использовать по максимуму народную легенду о «правлящем царе-освободителе» и тем самым испытать её на прочность.

За правду

6-е января было праздничным днем. Фабрики и заводы не работали. Число рабочих, посетивших отделы «Собрания» везде значительно выросло. Рабочие, стоя в очереди, заявляли о желании

---

²⁰ Плеханов Г.В. Сочинения. Т. III. С. 428.

записаться в собрание и просили о помощи в составлении требований к руководству фабрик и заводов. Варнашёв пишет об обстановке в Выборгском отделе: «О записи членами думать было нечего. Требования записывались, а затем в краткой, сжатой речи объяснялась петиция, её связь с их экономическими требованиями, общим положением рабочего класса, улучшить которое может только царь, предоставив рабочим права. Затем предлагалось в соседней комнате всем расписываться на листах бумаги, которые будут пришиты к петиции»²¹.

«Я хорошо помню мое тревожное самочувствие и заботу – как поймет предложенную петицию эта нетронутая пропагандой и поднывавшаяся из самых низов рабочая сила – когда она наполняла отдел, снимая шапки и крестясь, отыскивая образ, или просто на царский портрет. Но вскоре я успокоился. Все силы отдела до последнего рядового были налицо. Хозяева заботливо принимали гостей, предусматривая всё. Мне же оставалось представлять отдел и заверять их работу. Внутренний и наружный порядок поддерживался рядовыми. Они, вытащив столы на улицу, записывают со слов явившихся требования, какие им желательно предъявить заводу, и доставляют моему помощнику Смирнову только для редакции, затем переписывают... Они, соединившись по два, по три человека и помогая друг другу, образуют на улице сотни митингов, давая объяснение и – самое важное – знакомят гостей с петицией, по мере сил разьясняя вытекающую необходимость политических прав из их экономических требований и выделяя то, что должно быть предъявлено правительству. Ответы на возникающие вопросы, которые одолеть им не по силам, они предлагают спросить у председателя, когда войдут в помещение, или, пользуясь отливом, прибегают ко мне за разъяснением – как объяснять тот или иной вопрос... Так действовали рядовые члены до последней минуты»²².

В других отделах наблюдалась похожая картина. Гапон продолжил работать над петицией после совещания представителей отделов «Собрания». Вечером он окончил эту работу и послал копии петиции в отделы. Ночью он объяснил идею петиции в Нарвском отделе.

«Вечером 6-го Гапон в собрании Нарвского района десяткам тысяч рабочих (собравшимся по сменам) объявил: “мы искали

---

²¹ Варнашёв. Указ. соч. С. 204.

²² Там же. С. 204–205.

правду: у Смирнова нам отказали, были в правлении – отказали, у министра вн[утренних] дел тоже, у министра финансов тоже, остаётся одно: идём, товарищи, к царю! Идём?” – ответ: – “Идём”. – “Если он действительно любит свой народ, если он царь, он должен исполнить то, что мы у него просим?” – Ответ: – “Должен”. – “Не нужно нам казнокрадов министров и чиновников, мы не можем дальше жить так, как жили до сих пор. Если же и царь нам правды не даст, мы сами добьёмся её. Добьёмся?” – “Добьёмся”. – «Костями ляжем за свободу?» – “Ляжем”. Речь эта повторилась всем сменам и принималась с большим энтузиазмом»²³.

Правда – это русское слово, означающее истину, справедливость, а также мир, страну и общественную систему, основанную на истине и справедливости. Поэт Н.А. Некрасов в своей знаменитой поэме «Кому на Руси жить хорошо» написал так. Крестьянка Матрёна скорбит о своем умершем сыне: «Неужели ни бог, ни царь не вступится?» Старик отвечает: «Высоко бог, далеко царь...», – и советует: «Терпи, многострадальная! Нам правду не найти». Искать правду – это означает искать мир, где божья правда осуществляется.

Глава VI

Кровавое воскресенье [выдержки]

Начало шествия

Девятое января 1905 года – заря рокового воскресенья взошла над столицей Российской империи.

В 5 часа 30 минут утра два батальона 89-го Беломорского пехотного полка прибыли на Балтийский вокзал из Ревеля. Оттуда солдаты направились на Васильевский остров, Невскую часть и Петербургскую часть. Одна рота, направленная в Петербургскую часть, пришла в Народный дом за Петропавловской крепостью. Там они угощались чаем, сахаром, сосисками, котлетами и белым хлебом по приказу директора дома великого князя Ольденбургского.

---

²³ Революционная Россия. № 60. 5 марта 1905 г. С. 18.

В 8 часов 30 минут батальон 90-го Онежского пехотного полка и два батальона 91-го Двинского пехотного полка прибыли на Балтийский вокзал. Батальон Онежского полка двинулся в Невскую часть, а два батальона Двинского полка в Нарвскую часть.

Столичные полки вышли из казарм в 9 часов и пошли в определенные места. Это завершилось к 11 часам. Все важные учреждения, ворота, главные дороги и мосты были взяты под охрану. Теперь столица представлялась большим лагерем.

Погода выдалась на удивление пригожая для Санкт-Петербурга. В небе не было ни облачка. Снег покрыл столицу и сверкал на солнце.

С раннего утра рабочие тоже начали движение. В Колпинском отделе, находящемся на самой отдалённой окраине, уже перед рассветом собрались тысячи людей. После митинга, в 7 часов, тысяча рабочих отправились к столице. Юноши хотели петь «Варшавянку», но глава отдела Быков удержал их, прося идти молча. В шествии участвовал солдат Финляндского стрелкового полка, который был послан для охраны казённого Ижорского завода. Такой пример не был известен в других отделах.

В Невском отделе пять или десять тысяч рабочих собрались в 9 часов. Сообщение о том, что один рабочий из лидеров, посетивший накануне вечером своего родственника-жандарма, был встречен тепло, ободрило рабочих: «жандармы всё знают и не будут мешать». В первый ряд всё-таки решили поставить детей. Ибо шли к царю, и если солдаты будут стрелять, рабочие могут взять их за плечи и сказать: «Братцы, что вы! Да разве можно в своих?».

Митинг начался. Петров, глава отдела, спрашивал массы: «Товарищи, готовы ли пойти на смерть?». Массы ответили: «Пошли на смерть!»

В отделе на Васильевском острове атмосфера также была накалена. Одна студентка изложила ход событий подробно.

«Толпа все прибывала. К 10 ч. двери собрания были открыты, и мы вошли. Настроение толпы было напряжённо-спокойное, чувствовалась какая-то связь, какое-то дружеское взаимное отношение. Были и женщины, молодые и старые, хотя немного. Громадное помещение сплошь было заполнено народом. Стояли на скамьях, на окнах. Разговора не слышно было... На эстраде появился пожилой рабочий и обратился к толпе: “Товарищи! Вы знаете, зачем мы идём. Мы идём к Царю за правдой. Невмоготу нам стало жить. Помните ли вы Минина, который обратился к

народу, чтобы спасти Русь. Но от кого? От поляков. Теперь мы должны спасти Русь от чиновников, под гнётом которых мы страдаем. Из нас выжимают пот и кровь. Вам ли описывать нашу жизнь рабочую. Мы живём в одной комнате по 10 семей, также и холостые. Так ли я говорю?” – “Верно! Верно!” раздалось со всех сторон... – “И вот, товарищи, мы идем к Царю. Если он нам Царь, если он любит народ свой, он должен нас выслушать. Мы послали ему через министра письмо, в котором просили выйти к нам в 2 ч. дня на Дворцовую площадь. Мы представим ему петицию, в которой выражены все наши требования, известные вам. Не может быть, чтобы он нас не принял. Мы идем к нему с открытой душой. Мы гарантировали ему неприкосновенность его личности. Он должен нас выслушать, он это сделает. Товарищи! Так идём же все к Царю. Я первый пойду, в первых рядах, и когда мы падём, вторые ряды за нами. Но не может быть, чтобы он велел в нас стрелять”... Где-то в толпе поднялся студент и хотел говорить, но толпа крикнула: “Нам студентов не надо, не надо”. Тогда выступил на трибуну оратор и сказал: “От гнёта правительства терпим не только мы, рабочие, терпят многие и студенты. Есть студенты из среды рабочих; терпят и дворяне. Не отталкивайте их, товарищи. Пусть все идут, кто страдает от гнёта правительства, с нами...”²⁴

Затем на трибуну стала женщина, по виду интеллигентная. Она Карелина, жена А.Е. Карелина, одна из рабочих-интеллигентов, окружающих Гапона. Она сказала: “Матери и жёны! Не отговаривайте ваших мужей и братьев идти за правое дело. Идите вместе с ними. Если на нас нападут или будут стрелять, не кричите, не визжите, явитесь сёстрами милосердия. Вот вам повязки с крестом на рукава, но только тогда, не раньше, когда в нас начнут стрелять”. “Идём! Идём!” – раздалось вокруг меня, где стояло несколько девушек и несколько пожилых женщин. “Все должны идти. Дайте кресты”, – потянулись со всех сторон женские руки. Та студентка пишет: «А девушка, стоявшая подле меня, обратилась к подруге в сильном возбуждении, говоря: “Пойди, скажи маме, я пойду. Всё равно, убьют, так убьют. Что же это! Одних будут убивать, другие воспользуются, – это нехорошо. Все, все должны идти”. И опять, в сильном возбуждении, стала просить красный крест, так как на её долю не хватило. Одна старуха с заплаканными глазами сказала: “Я только сбегая домой, посмотрю,

---

²⁴ Гуревич. Указ. соч. С. 52–54.

что там делается. Я приду. Я еще успею”. И действительно, я её потом видела в толпе, направляющейся к Дворцовой площади. Потом несколько человек выступили. Один прочитал текст письма к Мирскому. После этого Карелин ещё коснулся вопроса о церкви: “Чиновники не только поработили нас, – они поработили и церковь. Теперь нельзя быть истинными христианами. Если я молюсь не по казённому, то каждый, кто это увидит, может донести. У нас есть церковь, но нет свободы веры. Если я скажу, что я не верую в Бога, меня за это будут наказывать, будут насиловать мою совесть. Церковь наша порабощена правительством. Нужно, чтобы она была свободна, чтобы каждый молился по своей совести. Так ли я говорю?” – “Верно! Так!..” Затем он сказал: “А теперь помолимся Богу, прочтем Отче Наш». Вся толпа благоговейно, с напряжённой думой в глазах, стройно, одним хором, пропела молитву, истово крестясь. Один старик и многие женщины плакали”²⁵.

«Вошло другое собрание. Снова пропели “Отче Наш”, с тем же благоговейным настроением, с тайной думой о смерти. То и дело толпа заглядывала в окна и с сильным возбуждением говорила: “Мало народу, мало”, боясь, что не соберётся достаточное количество. Главный оратор снова выступил вперед и сказал: “Товарищи, знаете, зачем мы идём?” – “Знаем! Знаем!” – раздались юные голоса. “Пойдем же твёрдым, сомкнутым строем, не отступая, не отставая. Без криков и шуму. Не слушайте голосов из толпы. Слушайте только нас, которые пойдём в первом ряду... Знамён не надо. Но тех, кто носит знамёна, не бить, – только знамя отнять. Мы не потому говорим, что не надо знамён, что в них есть что-нибудь дурное, а потому, что толпа привыкла, что полиция бросается на знамёна, и может приписать знамёнам, в случае столкновения, причину нападения. Но помните, товарищи: тех, кто носит знамёна, не бить! Листков не подбирайте. Голосов из задних рядов не слушайте. Идите мирно и благоговейно. Мы идём на великое дело и можем гордиться этим. Кто мы? Мы ничтожные рабочие. Так зовите же всех, кто пойдёт с нами, никого не отталкивайте. Идём!” Все вышли. На улице дождался уже Гаваньский отдел. Образовалась громадная толпа, запрудившая всю линию от Малого до Среднего проспекта. Она медленно двинулась вперед к реке Неве»²⁶.

---

²⁵ Там же. С. 54–56.

²⁶ Там же. С. 56–58.

Гапон, который спал в соседнем с отделом доме, встал в 8 часов. Естественно, из-за психологического напряжения он только пил чай и ничего не ел. Скоро ему передали, что пристав петергофского участка просит Гапона придти к себе для переговоров с градоначальником по телефону. Гапон отказался, сказав «теперь поздно и не время»²⁷.

Во главе шествия стояли люди с портретами царя, церковными знамёнами, иконами. Старый деревообделочник Путиловского завода Лаврентьев нёс большой портрет царя. Подросток 17 лет взял икону на грудь. Его мать, старуха, желая, чтобы её сын увидел царя, выдвинула сына с иконой в передний ряд²⁸. Другой мальчик около 10 лет нёс лампаду. Затем стояли несколько лидеров отдела. Гапон стоял с крестом в протянутой руке. В кармане его рясы лежала петиция. Рядом с ним были инженер-эсер Рутенберг, председатель «Собрания» Васильев и глава Нарвского отдела Иноземцев.

Рабочие с пением «Спаси, Господи, люди Твоя» пошли по Петергофскому шоссе. Кажется, это был настоящий крестный ход. Помощник пристава Петергофского участка Жолткевич и околоточный надзиратель Шорник с обнажённой головой шли впереди шествия. Они остановили автобусы и освободили дорогу для шествия, которое все росло по дороге. Говорят, что участников было три или пять тысяч, но в действительности, наверное, гораздо больше.

Утром Варнашёв, глава Выборгского отдела «Собрания», пошёл через Литейный мост в свой отдел на Оренбургской улице. Он увидел всходящее солнце, цвет которого был багрово-красный. «Кровь, кровь», – мелькало в голове. По дороге Варнашёв решил: до 11 часов утра всех, кто соберётся, распускать, чтобы, пока переправы через Неву не заняты войсками, шли в город и там ожидали, а к часу дня собирались к Зимнему дворцу.

Народ прибывал в отдел. Собраннымся наскоро прочитывалась петиция и предлагалось двигаться в город. Всё время до 11 часов непрерывные приливы и отливы, но улица всегда полна народу, который стоял, разбившись группами по 3-5 человек.

Рабочие Выборгского отдела тронулись в 12 часов. Шествие было такой длины, что голова входила на Дворянскую, а хвост

---

²⁷ Там же. С. 59.

²⁸ Гапон. *Op. cit.* P. 179.

находился где-то на Оренбургской. Они перешли через Сампсониевский мост в Петербургскую часть²⁹.

Так шли шествия к Зимнему дворцу. По официальным данным, в них приняли участие сорок шесть тысяч человек, но это число кажется заниженным. По всей видимости, участников было не менее шестидесяти или семидесяти тысяч.

---

²⁹ Варнаиёв. Указ. соч. С. 207.

Книга «Кровавое воскресенье» была написана для широкого читателя, поэтому она была издана без примечаний. Настоящие примечания были восстановлены, для того чтобы показать источники.

1974

Февральская революция 1917 года*

Из всех составляющих целостного процесса, который представляла из себя российская революция, Февральская революция является, вероятно, наиболее изученной. В СССР, например, после 1967 г. увидели свет книги академика И.И. Минца (История Великого Октября. Т. 1: Свержение самодержавия. – М., 1967) и Э.Н. Бурджалова, бывшего заместителя главного редактора журнала «Вопросы истории», молчавшего 10 лет (Вторая русская революция. I: Восстание в Петрограде. – М., 1967, II: Москва, фронт, периферия. – М., 1971.). В 1970 г. был опубликован сборник статей «Свержение самодержавия», включивший в себя доклады участников симпозиума, состоявшегося в 1967 г. в Ленинграде. В 1971 г. вышла коллективная работа И.А. Алуфа, И.П. Лейберова и др. «Партия большевиков в Февральской революции 1917 года» (М., 1971). В Западной Европе также появился ряд значительных публикаций на эту тему, например, книга гнева Г. Каткова (George Katkov. Russia 1917: The February Revolution (London, 1972)) или книга французского историка Марка Ферро (Marc Ferro. The Russian Revolution of February 1917 (London, 1972)). Из всех вышеупомянутых исследований, безусловно, наиболее замечательным является труд Бурджалова, открывший новую страницу в изучении русской революции.

В Японии истории Февральской революции также уделялось много внимания. Общество исследователей истории России предприняло и в 1968 г. опубликовало своё коллективное исследование в честь 40-летия революции 17-го года и 10-й годовщины общества. Это был сборник статей «Россия Какумэи но Кэнкю» (Очерки по истории российской революции, Токио, 1968, 906 с.), вышедший под редакцией Эгучи Бокуро. В этот сборник вошла и моя статья «Нигацу Какумэи» (Февральская революция, 134 с.), вобравшая в себя результаты исследований с 1959 г. революции в Петрограде. Статья другого автора, Нагао Хисаси, «Нигацу Ка-

---

* Впервые опубликовано: Annals of the Institute of Social Science. № 15, 1974. University of Tokyo.

кумэи кара Сичигацу Зикэн э» (От Февральской революции до июльских событий, 138 с.), посвящённая созданию Совета депутатов и солдатских комитетов в провинции и на фронте, вносила существенный вклад в разработку концепции «двоевластия». Эта статья вошла в его недавно изданную книгу «Россия Зюгацу Какумэи-си» (История Российской Октябрьской революции, Токио, 1973, 513 с.). Ещё один молодой японский историк, Хасегава Цуёси, ныне продолжающий в США начатые в Японии изыскания, опубликовал статью «Проблема власти в Февральской революции 1917 г. в России» («The Problem of Power in the February Revolution of 1917 in Russia», *Canadian Slavic Papers*, Vol. XIV, № 4, 1972)¹.

В основе моей концепции российской революции лежит мнение о том, что это был «комплекс» из нескольких самостоятельных революций. В соответствии с этой концепцией, Февральская революция была, несомненно, «революцией рабочих и солдат», но одновременно она была и «революцией буржуазии и граждан», а период от февраля до октября представлял собой процесс борьбы этих двух революций между собой. Октябрьская революция, в этом смысле, предстаёт как победа «революции рабочих и солдат», поддержанных «крестьянской революцией» и «революцией национальностей». Эта статья представляет беглый очерк истории Февральской революции с данной точки зрения.

I

Накануне первой мировой войны, когда обострились противоречия всего империалистического мира и усилилось противостояние между отдельными империалистическими державами, Россия переживала серьёзный внутренний кризис. Предпринятая П. Столыпиным попытка антиреволюционной реорганизации общества, за счёт реформ, направленных на разложение традиционной крестьянской общины, и за счёт консолидации «третьеиюньской» Думы, потерпела поражение. Она со всей очевидностью показала, что проблемы «свободы», «земли», как и «рабочие» и «национальные» проблемы, сделавшие неизбежной революцию 1905 г.,

---

¹ Книга Хасегавы была издана впоследствии. *Hasegawa T. The February Revolution: Petrograd 1917.* – University of Washington Press, 1981.

остались неразрешёнными, хотя и претерпели определённые изменения². В этих условиях возрождается вновь движение за народно-демократическую революцию, а также становится заметным новое лево-либеральное течение в поддержку буржуазной революции.

Что касается народно-демократического движения, то здесь надо отметить имевший место прорыв в хаос, царящий внутри партии социалистов-революционеров (эсеров), и роспуск социал-демократической партии, осуществлённый на Пражской конференции в январе 1912 г. по инициативе фракции большевиков-ленинцев при поддержке меньшевиков-партийцев. На этой конференции фракция большевиков была реорганизована в Российскую социал-демократическую рабочую партию. Партия, лозунгами которой были «демократическая республика», «8-часовой рабочий день» и «конфискация всей помещичьей земли», признала нарастание революционного кризиса в стране и провозгласила в качестве цели «захват власти пролетариатом, ведущим за собою крестьянство». Накануне первой мировой войны в Кракове, куда доставляли газеты из Петербурга с трёхдневной задержкой, фактически возник штаб партии во главе с Лениным. РСДРП(б) выпускала пять легальных изданий, одним из которых была ежедневная газета «Правда» с 40.000 тиражом (в июне 1914 г.). Партии большевиков принадлежало руководство исполкомами 14-ти из 20-ти столичных профсоюзов. Ей также удалось монополизировать Центральный и Столичный рабочие комитеты Страхового общества и послать шесть представителей из рабочих в Думу. Именно эта партия захватила лидерство в руководстве³.

Что касается другого, леволиберального, течения, то в ноябре 1912 г. в Москве представителями текстильного промышленного капитала А.И. Коноваловым и П.П. Рябушинским была создана партия прогрессистов со своим печатным органом – ежедневной газетой «Утро России». Их программными требованиями были свержение господства аристократии и бюрократии и передача всей полноты власти «буржуазии, третьему классу современной России». Эту «прогрессивную» буржуазию прогрессисты наме-

---

² Аврех А.Я. Столыпин и Третья дума. – М., 1968; Haimson Leopold. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917 // Slavic Review. Vol. XXIII, № 4 (Dec. 1964); Vol. XXIV. № 1 (Mar. 1965).

³ Ср.: Логинов В.Т. Ленин и «Правда», 1912–1914 гг. – М., 1962; Крузе Е.Е. Петербургские рабочие в 1912–1914 гг. – М.–Л., 1961.

ренно противопоставляли столичному крупному промышленному капиталу, тесно, по их мнению, связанному с царизмом, крупными банками, а также иностранным капиталом⁴. Следует отметить, что для достижения своих целей прогрессисты нащупывали пути сближения с умеренными социалистами. Результатом такого сближения должен был стать «левый блок», который позволил бы им захватить руководство и контроль над рабочим движением. Для этого якобы была создана широкомасштабная тайная политическая ассоциация, наподобие масонской ложи, в организации которой приняли участие фабрикант А.И. Коновалов, кадет Н.В. Некрасов, сахарный магнат М.Н. Терещенко, «трудовик» А.Ф. Керенский и бывший член «Союза освобождения» Е.Д. Кускова. Керенский вспоминал, что целью ассоциации было создание демократии, основанной на широких социальных реформах и федеративной государственной системе⁵. Постепенно важнейшие

---

⁴ *Лаверычев В.Я.* По ту сторону баррикад. (Из истории борьбы московской буржуазии с революцией). – М., 1967. С. 78–95; *Бурыйшкін П.А.* Москва купеческая. – New-York, 1954. С. 288–292.

⁵ В отношении данной ассоциации существуют лишь два достоверных свидетельства, исходящих от людей, имевших к ней непосредственное отношение. Это три письма Е.Д. Кусковой Н.В. Вольскому и Л.О. Дан, написанные ею между ноябрем 1955 г. и январем 1957 г. и опубликованные в книге Г. Аронсона «Россия накануне революции». (New-York, 1962. С. 138–142), и книга А.Ф. Керенского «Russia and History's Turning Point» (New-York, 1965. Р. 88–90). Кроме того, заслуживает доверия свидетельство Миллюкова, отметившего в своей книге (*Миллюков П.Н.* Воспоминания. Т. II. – New-York, 1955. С. 332), что четыре человека – Керенский, Некрасов, Терещенко и Коновалов – разделили взаимную ответственность за одно общее дело. Это свидетельство заставило Керенского признать свою связь с ассоциацией (добавлено в 1999 г.).

По этой проблеме были долгие разногласия среди историков. В 1974 г. Н.Н. Яковлев поместил в своей книге «1 августа 1914 г.» следственные показания Н.В. Некрасова. Хотя этот человек одиозный из-за связей с КГБ, эти показания были важными. Но Хасегава в его прекрасной монографии о Февральской революции не придал значения масонским связям. После перестройки В.И. Старцев раскопал новые материалы в фонде Николаевского архива Гуверовского института и опубликовал их в журнале «История СССР» в ноябрьском номере 1989 г. Но А.Я. Аврех резко полемизировал со Старцевым в своей книге «Масоны и революции» (М., 1990). В 1996 г. Старцев издал книгу «Русское политическое масонство начала XX века» (Третья сила, Санкт-Петербург). Я поддерживаю концепцию Старцева. В конце 1998 г. следственные материалы Н.В. Некрасова были опубликованы В. Поликарповым в журнале «Вопросы истории» в ноябрьско-декабрьских номерах.

политические фигуры оказались связаны личными отношениями. Этим пока дело и ограничилось. Всё же возникло новое «левое» течение либерализма в отличие от главного, руководимого П.Н. Милуковым, которое выступило за «параллельные действия» с борьбой рабочих⁶.

В тот момент отношения между двумя революционными течениями не были антагонистическими. В частности, в «Информационный комитет», созданный по инициативе Коновалова для объединения антиправительственных действий в марте 1914 г., вошли А.И. Коновалов, П.П. Рябушинский, С.Н. Прокопович, В.Н. Малянтович, А.М. Никитин (меньшевик) и И.И. Скворцов – Степанов (большевик)⁷. Коновалов, по просьбе исполнявшего ленинское поручение Скворцова-Степанова, даже обещал, правда, одновременно, предоставить деньги для проведения очередного съезда большевистской партии⁸.

С началом первой мировой войны для партии большевиков наступил тяжёлый период. Она была лишена малейшей возможности как-либо действовать. Нелегальные организации были распущены. В среде участников легальных действий наступил идеологический хаос. На какое-то время партия оказалась сильно ослаблена. Однако после того, как её бессменный лидер Ленин выступил с критикой войны, охарактеризовав её как империалистическую и высказав мысль о поражении своего правительства, партия начала возрождаться. Уже в июле 1915 г. состоялась реорганизационная конференция Петроградской организации РСДРП(б), собравшая 500 человек и принявшая решение вновь возглавить борьбу рабочих. «Новый Лесснер», большой завод в Выборгском районе стал центром рабочего движения и, следовательно, крупнейшей базой деятельности большевистской партии⁹. Кроме того, в годы войны в Петрограде антивоенную и антиимпериалистическую деятельность развернула петроградская «Межрайонная организация объединённых социал-демократов» («межрайонцы»). Созданная К.К. Юрневым под лозунгом объединения большеви-

---

⁶ Аврех А.Я. Указ. соч. С. 51–56.

⁷ Володарская А.М. Ленин и партия в годы назревания революционного кризиса. – М., 1960. С. 38–47.

⁸ См. письмо Скворцова-Степанова Ленину // Исторический архив. 1959. № 2. С. 13–17.

⁹ Кондратьев А. Воспоминания о подпольной работе петербургской организации РСДРП(б) в период 1914–1917 гг. // Красная летопись. 1923. № 7. С. 32.

ков и революционных социал-демократов, она не приняла решения Пражской конференции и отвергла размежевание¹⁰. Наибольшим успехом антивоенная пропаганда левых пользовалась среди рабочих-эсеров¹¹.

Тем временем на противоположном фланге начало войны способствовало сплочению правящих классов вокруг царя. Однако уже летом 1915 г. после серьёзных поражений русской армии представители либеральной буржуазии в Думе решили объединиться; сформированный ими оппозиционный «Прогрессивный блок» потребовал создания «правительства доверия». Царь отверг их требования. Между тем, главная фракция блока, возглавляемая Милюковым, продолжала демонстрировать лояльный способ мышления и придерживалась «выжидательной политики», нацеленной на свершение мирной революции под шумок требований ответственного Министерства. Фракция Коновалова подвергла критике политику этих либералов, что вело к расколу внутри блока¹².

Фракция Коновалова опиралась на созданные буржуазией в мае военно-промышленные комитеты (ВПК). Коновалов был заместителем главы Центрального военно-промышленного комитета, а Рябушинский – председателем Московского ВПК, в состав которого также вошли члены редакции «Утро России» С.А. Смирнов и С.Н. Третьяков. Главой Киевского военно-промышленного комитета стал Терещенко. В ВПК была создана так называемая «рабочая группа». Привлекая рабочих к сотрудничеству, Коновалов и другие деятели военно-промышленных комитетов намеревались таким образом влиять на рабочее движение.

Выборы представителей от рабочих в Центральный военно-промышленный комитет прошли на предприятиях столицы в сентябре 1915 г. В ходе них впервые столкнулись две противоборствующие линии революционного движения. Из 198 выборщиков 103 принадлежали к фракции «меньшевиков-ликвидаторов», а 95 представляли объединение большевиков, межрайонцев и левых эсеров. В результате двух собраний были избраны К.А. Гвоздев и ещё десять рабочих, которые и составили в ноябре «рабочую

---

¹⁰ Ср.: Юрнев К.К. «Межрайонка» (1911–1917) // Пролетарская революция. 1924. № 1, 2.

¹¹ Шалагинова Л.М. Эсеры-интернационалисты в годы Первой мировой войны. Первая мировая война. 1914–1918. – М., 1968. С. 329–330.

¹² Буржуазия накануне февральской революции. – М.–Л., 1927. С. 29–31, 60, 70.

группу». Итог выборов показал не только факт соперничества между правыми и левыми группировками социалистов, но и то, что в тот момент ни одна из группировок не имела подавляющего влияния на столичных рабочих¹³. Впоследствии почти 100 тысяч новых рабочих, наводнивших столицу к началу революции, способствовали изменению баланса сил в пользу «меньшевиков-оборонцев».

Осенью 1916 г. ситуация ещё больше обострилась. Назрел революционный кризис. В начале октября Петербургский комитет партии большевиков призвал организовать на всех фабриках города митинги для обсуждения вопроса высоких цен и налогов¹⁴. Поскольку рабочие были сильно возбуждены циркулирующими слухами о якобы имевших место вооруженных выступлениях, антивоенных акциях и взрывах в различных местах¹⁵, они восприняли призыв большевиков как сигнал к более решительным действиям. 17 октября забастовали три фабрики, произошло столкновение рабочих с полицией и войсками (101-й полк). Тремя днями позже уже бастовало 59.125 рабочих 44-х фабрик¹⁶. В ответ Петербургский комитет большевиков издал обращение, в котором назвал циркулирующие в столице слухи провокационными и призвал рабочих прекратить забастовку, ссылаясь на то, что рабочие организации ещё недостаточно сильны, чтобы вступить в решающую схватку¹⁷. Забастовки прекратились. Однако, учитывая рост боевого духа рабочих, большевики обратились к ним во второй половине октября с призывом провести однодневную забастовку протеста против суда над балтийскими моряками, обвинёнными в принадлежности к большевистской партии. Откликнулась 61.902 рабочих от 58 фабрик. Октябрьские события показали, что большевики имели существенное влияние в рабо-

---

¹³ На первом собрании избирателей предложение большевиков бойкотировать выборы было поддержано 95 голосами против 81. Однако на следующем собрании делегаты были выбраны 103 голосами против 50 при 8 воздержавшихся. – *Сеيرانян Б.С. Борьба большевиков против военно-промышленных комитетов.* – Ереван, 1961. С. 60, 61, 64; *Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года.* Ч. 1. – М.–Пг., 1923. С. 112, 130.

¹⁴ Листовки петербургских большевиков. 1902–1917. Т. 2. – Л., 1939. С. 221–222.

¹⁵ Красный Архив, 1934. Т. 6. С. 84–85; Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны. – Л., 1939. С. 166.

¹⁶ Рабочее движение в Петрограде в 1912–1917 гг. – Л., 1958. С. 493–508.

¹⁷ Петроградский пролетариат... С. 167; Листовки... С. 225–226.

чей среде, но их руководство уже не соответствовало моменту. Позднее Бюро Центрального Комитета партии было реорганизовано, а Петербургский комитет усилен. Однако в начале 1917 г. большевики потеряли возможность издавать свои листовки, так как их типографии подверглись налёту полиции¹⁸.

Осенью 1916 г. кризис правящих классов стал ещё более очевидным. 1 ноября на открытии новой сессии Думы Милюков произнёс свою знаменитую речь, рефреном которой стали слова «Что это – глупость или измена?», относившиеся к политике правительства и возможному предательству императрицы. Однако завершил свою речь Милюков прежними требованиями: законность и правительство, заслуживающее доверия. Поэтому после замены Б.В. Штюрмера А.Ф. Треповым на посту премьер-министра «Прогрессивный блок» удовлетворился и возложил надежды на последнего.

Между тем, ещё в начале сессии Думы из состава «Прогрессивного блока» вышла партия прогрессистов Коновалова¹⁹ и решила «рабочей группе» начать антиправительственную деятельность, на том основании, что пришло время для «решительной атаки» на правительство и бюрократию. «Рабочая группа» распространяла тексты речей членов Государственной думы, запрещённые к публикации, создавала подгруппы на фабриках и организовывала митинги. В середине декабря состоялось тайное совещание Центральной и региональных «рабочих групп», на котором был выдвинут лозунг «решительного устранения нынешнего режима» и полной демократизации всей страны. Было также принято решение бороться за создание временного правительства, в состав которого вошли бы свободные, независимые люди²⁰.

Предложение «рабочих групп» провести всеобщую забастовку в день открытия очередной сессии Думы, 12 января, вызвало дебаты²¹, так как Дума была временно распущена. Поэтому было принято решение присоединиться к однодневной забастовке в честь годовщины Кровавого воскресенья.

В забастовке 9 января 1917 г. приняло участие 145.300 рабочих от 111 фабрик (против 70.000 от 55–58 фабрик в предыдущих

¹⁸ Тиханов А. Я., Ткачева М.Я. Подпольная большевистская печать в годы первой мировой войны // Вопросы истории КПСС. 1963. № 9. С. 88–89.

¹⁹ Буржуазия... С. 141; Шидловский С.И. Воспоминания. Т. II. – Берлин, 1923. С. 46–47.

²⁰ Шляпников А.Г. Указ. соч. Т. II. С. 143–146.

²¹ Былое. 1918. № 13. С. 94.

выступлениях)²². Рост числа забастовщиков был обусловлен, главным образом, ростом недовольства среди рабочих, но некоторую роль сыграло также изменение политики «рабочих групп». В то же время это была традиционная забастовка, сопровождаемая лишь незначительными демонстрациями в отдельных рабочих районах. 240.000 рабочих от 900 предприятий столицы остались безучастны. Такова была ситуация накануне Февральской революции.

II

Часто говорят, что Февральская революция разразилась стихийно. Действительно, ни одна из политических фракций не могла утверждать, что ей принадлежит заслуга зачинщиков революции. Однако февральские события не были просто стихийным голодным бунтом.

Февральская революция началась с демонстрации женщин-работниц пяти текстильных фабрик Выборгского района, вышедших на улицу с плакатами «Дайте хлеба!» Поскольку именно предприятия Выборгской стороны (такие, как контролируемый большевиками завод «Новый Лесснер») в годы войны стали инициаторами солидарных выступлений рабочих, выборгские текстильщицы, в отличие от других, имели опыт объединённой борьбы²³. Кроме того, день 23 февраля (начиная с 1914 г., когда по инициативе женщин-активисток, в том числе большевиков, состоялся памятный митинг и демонстрация в честь этого события) отмечался как Международный женский день. То, что для выступления женщины выбрали именно этот день, свидетельствовало о существовании некоторой инициативы.

Вскоре к выступлению женщин присоединились рабочие соседних предприятий, и уже к четырем часам дня бастовал весь Выборгский район. Оттуда рабочие устремились к центру города, намеревались пройти демонстрацией по Невскому проспекту, что

---

²² Рабочее движение в Петрограде. С. 523–526, 529.

²³ Там, в октябре 1916 г. в единой стачке выступили Никольская текстильная, Выборгская хлопчатобумажная, Невская прядильная, Лебедевская джутовая и Самсоньевская хлопчатобумажная фабрики. – Рабочее движение в Петрограде. С. 501, 503.

удалось сделать лишь частично. Эта акция была тесно связана с неудавшейся попыткой провести демонстрацию в центре города 14 февраля.

Именно тогда «рабочая группа» Центрального военно-промышленного комитета, втайне сомневаясь в эффективности таких действий, как всеобщая стачка 9 января, в которой они впервые приняли участие, предложила провести демонстрацию к зданию Думы в день возобновления её работы. Партнёры, в лице Коновалова и его последователей, дали согласие²⁴. Однако большевики и другие левые остались безучастными к акции, посоветовав рабочим не ввязываться в борьбу по поддержке Думы, а вместо этого организовать однодневную забастовку 10 или 13 февраля²⁵. Но часть студентов-активистов проявила самостоятельность: утром 14 февраля состоялся митинг студентов Политехнического института, в котором приняли участие большевики, и было решено провести демонстрацию по Невскому проспекту на том основании, что для борьбы нужно использовать все возможные шансы и способы. На этом митинге предложение большевиков воздержаться от действий 14-го, а предпринять вместо этого 3-дневную забастовку, поддержали немногие²⁶.

14-го числа студенты уже упомянутого института, а также Психоневрологического института, Музыкальной академии, ряда ремесленных и коммерческих училищ вновь вышли с демонстрацией на Невский проспект, распевая «Марсельезу». Рабочие объявили забастовку, но не присоединились к шествию к Думе. Однако около 200 рабочих завода «Новый Лесснер», как отмечалось, всё-таки начали двигаться к центру города, но не смогли перейти через мост и остановились на берегу, выкрикивая «Хлеба!» и «Долой войну!» Таким образом, акция вызвала недоволь-

---

²⁴ В 1914 г. около 50 женщин приняли участие в демонстрации. – Красный архив, 1938. Т. 2. С. 8–12. В 1915 г. и 1916 г. в этот день издавались листовки.

²⁵ Шляпников А.Г. Семнадцатый год. Кн. 1. – М.–Пг., 1923. С. 273; Былое. 1918. № 13. С. 103, 109; Буржуазия накануне февральской революции. С. 174, 179.

²⁶ Петербургский комитет большевиков настаивал на однодневной забастовке. Бюро ЦК партии планировало провести демонстрацию, если организация сочтёт момент подходящим для широкомасштабной акции. Однако окончательное решение возлагалось на Петербургский комитет. – Листовки... С. 243–245; Большевики в годы империалистической войны. – М., 1939. С. 172.

ство среди рабочих, которые были готовы предпринять более решительные шаги²⁷.

Все эти события 14 февраля, невиданные с начала войны, – и призыв к шествию к Думе, и студенческая демонстрация на Невском, и отдельные попытки рабочих пройти к центру – не могли не возбудить боевой дух других рабочих и повлияли на их желание выйти на Невский 23 февраля.

Выступление рабочих Выборгского района 23 февраля быстро охватило и другие районы. Уже на следующий день число участников выступления достигло 158.583 человек от 131 фабрики²⁸, побив все предыдущие рекорды с начала войны. А 25 февраля весь город был охвачен всеобщей стачкой.

Участились столкновения студентов с полицией и войсками. В штабе большевистской партии встал вопрос о вооружении. Рядовые члены партии и районные комитеты обращались к руководству партии с просьбой дать им оружие. Отклонив все просьбы, А.Г. Шляпников приказал для получения оружия привлекать на свою сторону солдат. Он опасался, что случайные выстрелы рабочих по войскам могут быть использованы офицерами для провоцирования солдат²⁹. Позиция Шляпникова, хотя и считается до сих пор «оппортунистической», была названа правильной Е.И. Мартыновым, бывшим генералом царской армии, перешедшим на сторону советской власти³⁰. Как показал действительный ход событий, использование рабочими оружия в демонстрации носило спорадический характер, оно всего лишь символизировало их мужество и решительность. В целом же, можно сказать, что

---

²⁷ В Петрограде накануне февральской революции (В освещении Петроградского охранного отделения) // Красная летопись. 1927. № 1. С. 41–42. В неопубликованных мемуарах И.Д. Чугурина есть упоминание, что он предложил провести демонстрацию по Невскому проспекту во время митинга на фабрике «Феникс» 14 февраля. – Партия большевиков в февральской революции. С. 135. Но это не было официальной линией партии.

²⁸ О студенческой демонстрации на Невском см.: Красная летопись. 1927. № 1. С. 42, 44. О демонстрации рабочих см. Шляпников А.Г. Указ. соч. Кн. 1. С. 311; Правда. 1917, 5 марта. С. 2.

²⁹ Цифра взята из отчёта охраны. – Былое. 1918. № 1. С. 164. По подсчётам советского историка Лейберова, в выступлениях участвовала 214.111 человек от 224 фабрик. – Лейберов И.П. О революционных выступлениях петроградского пролетариата в годы Первой мировой войны и февральской революции // Вопросы истории. 1964. № 2. С. 65.

³⁰ Шляпников А.Г. Семнадцатый год. Кн.1. С. 105.

в конфликте вооружённым солдатам противостояли безоружные массы³¹.

Неудивительно, что в данных обстоятельствах, Волынский полк, брошенный 26-го февраля на расстрел безоружной толпы, на следующий день присоединился к восставшим. По всей видимости, это произошло без вмешательства извне. На митинге, состоявшемся накануне восстания в казарме, унтер-офицер Т.И. Кирпичников говорил: «Отцы, матери, сёстры, братья, невесты просят хлеба. Мы их будем бить? Вы видели кровь, которая лилась по улицам? Я предлагаю завтра не идти. Я лично не хочу». Все согласились с его предложением. Так было решено бойкотировать приказ о выступлении³².

Вслед за восстанием Волынского полка, начавшимся в 9 утра 27 февраля, последовали восстания в трёх других лейб-гвардейских пехотных полках и в VI Инженерном резервном батальоне, вызванные теми же причинами. В тот же день, в час или два пополудни, солдаты этих трёх полков и батальона вместе с рабочими освободили политических заключённых из «Крестов» и «Предварилки» (дом предварительного заключения). Затем они подорвали главное здание районного суда и захватили 40.000 винтовок и 30.000 пистолетов на складе оружейного завода³³. В три часа в Выборгском районе на сторону восставших перешёл Московский полк.

III

Мятеж армейских частей утром 27 февраля и разрушение восставшими солдатами и рабочими двух тюрем явилось поворотным пунктом в развитии революционных событий. С этого момента жизненно важной задачей стало формирование центра руководства революционными массами.

---

³¹ Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. – Л., 1927. С. 80, 209.

³² Бурджалов в своей книге критикует Лейберова, считавшего, что, увлечшись использованием оружия 5 февраля, рабочие вступили в новый этап вооружённой борьбы. – Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. – М., 1967. С. 152.

³³ Кирпичников Т. Восстание л. – гв. Волынского полка в феврале 1917 г. // Былое. 1917. № 5–6. С. 10–14.

Партия большевиков, чей штаб располагался в пригороде Выборгского района, не сумела вовремя уловить перемену в революционном движении. Члены Петербургского комитета партии были поглощены уличной борьбой³⁴. Лишь небольшая группа выборгских большевиков во главе с В.Н. Каюровым подготовила проект манифеста Центрального Комитета партии. В печатном виде этот Манифест появился вечером того же дня, «призывая» революционных рабочих и солдат посылать делегатов во Временное революционное правительство³⁵. В Манифесте, одобренном руководителями партии, ни слова не говорилось о создании Советов. Причиной тому было недоверие и критическое отношение к этой идее, сохранившееся у большевиков со времён первого Совета рабочих депутатов 1905 г.³⁶ Следует сказать, что большевистская партия в решающий момент в революционной борьбе³⁷ не сумела выработать достаточно чёткую политику, способную привлечь массы.

Тем временем в Думе днём был создан Временный Исполнительный Комитет Петроградского Совета рабочих депутатов. Встал вопрос о создании Совета. Инициаторами его создания стали Гвоздев и другие члены «рабочей группы», только что освобождённые из заключения, лидеры петроградских рабочих кооперативов, меньшевики-депутаты Думы Н.С. Чхеидзе и М.И. Ско-

---

³⁴ Во время этого инцидента шальной пулей был убит представитель японской торговой компании, занимавшейся поставками оружия русской армии. – *Кукучи Масанори*. Россия Какумэи то Нихон (Русская революция и Япония). Токио-Дайгаку Кёё Гакубу Кёё Гакка Киё, № 3, 1970. С. 148.

³⁵ Один из членов Петербургского комитета Толмачёв говорил, что его затянуло в водоворот событий, «а попав в водоворот событий, делаешься щепкой, которую носит, вертит, крутит». – *Бурджало Э.Н.* Указ. соч. С. 381.

³⁶ Автор в своё время поддержал точку зрения Бурджалова, что этот Манифест был издан 28 февраля, но недавние изыскания Х.М. Астрахана переубедили его. См.: *Астрахан Х.М.* О первом издании Манифеста ЦК РСДРП(б) «Ко всем гражданам России» // Вопросы истории КПСС. 1964. № 6. С. 64–65.

³⁷ По собственному признанию Каюрова, когда Шляпников заговорил с ним о Советах, он помрачнел, вспоминая события октября 1905 г. и тех «болтунов», что приходили к рабочим и солдатам, представляясь их «друзьями». Сам Каюров был рабочим из Сормово Нижегородской губ. Известно, что Нижегородский комитет большевистской партии отказался создавать Совет рабочих депутатов осенью 1905 г. на том основании, что партия-де полностью завладела умами масс. См.: *Демочкин Н.Н.* Советы 1905 года – органы революционной власти. – М., 1963. С. 29.

белев, меньшевик-интернационалист К.С. Гриневич и придерживающийся левых взглядов адвокат Н.Д. Соколов. В листовке, выпущенной от лица Временного Исполкома Совета, вместо анализа ситуации сообщалось лишь, что первое пленарное заседание делегатов от рабочих, солдат и населения состоится в Думе в 19 часов и что для участия в нём делегируются по одному представителю от каждой роты войск, перешедшей на сторону народа, и по одному представителю от каждой 1.000 фабричных рабочих (или от предприятия, если на нём меньше 1.000 рабочих)³⁸.

Эта листовка, содержащая чёткую информацию о порядке выборов, месте и времени встречи делегатов, стала для масс практическим руководством к действию в окружавшем их хаосе. Кроме того, она придала целенаправленный характер стихийному движению масс к Думе. Следовательно, собравшимся там активистам суждено было сыграть ключевую роль в осуществлении важнейшей задачи – формирования Совета рабочих и солдатских депутатов.

В связи с этим следует отметить, что идея создания Совета первоначально принадлежит меньшевикам. «Рабочая группа» и Коновалов вынашивали идею Совета рабочих депутатов в рамках Всероссийского Союза рабочих³⁹. Они даже попытались созвать учредительное собрание для организации Совета рабочих депутатов 25 февраля, на которое пригласили Чхеидзе и руководителей Союза рабочих кооперативов Петрограда⁴⁰. Меньшевики считали,

³⁸ Относительно известных листовок, вышедших от лица «Организуемого Совета рабочих депутатов» (*Заславский Д.О., Канторович В.А. Хроника февральской революции. Т. 1. – Пг., 1924. С. 281*), некоторые придерживаются мнения, что их выпускал Выборгский районный комитет большевиков. Бурджалов был одним из сторонников этой точки зрения (*Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 210*). Он основывался на мемуарах С. Иванова и исследовании Е. Студенцовой (*Студенцова Е. В борьбе за свержение царизма. Выборгская сторона. – Л., 1957. С. 29–30*). И то, и другое достаточно спорно. Листовки могла издавать какая-то независимая группа большевиков или других революционеров, но её в любом случае нельзя было считать партийным органом. В листовках, которые впервые были напечатаны в «Историческом вестнике» в марте 1917 г., сообщалось, что они 27 февраля разбрасывались с самолёта. Но эти листовки вряд ли могли привлечь массы, так как не содержали чётких критериев выбора представителей, хотя и сообщали место проведения собрания – Финляндский вокзал.

³⁹ Как образовался Петроградский Совет. Известия, 27 августа 1917 г. С. 6; О листовках см.: Великие дни Российской революции. – Пг., 1917. С. 5.

⁴⁰ О воззрениях Коновалова см.: Буржуазия накануне февральской революции. С. 95. О деятельности «рабочей группы» см. Красный архив, 1933. Т. 2. С. 64–66; 1934. Т. 6. С. 40–41, 48–49, 55–57.

что Совет рабочих депутатов должен быть общественной организацией, а не государственным органом. Даже на этой стадии революционного процесса это было общее убеждение для всего левого блока. Военно-промышленные комитеты представили Гвоздеву и его товарищам автомобиль, и они с лозунгом «Немедленные выборы в Совет рабочих депутатов по образцу 1905 года» лично объехали все предприятия⁴¹. Однако действительным требованием момента было создание Совета рабочих и солдатских депутатов, роль которого коренным образом отличалась от Совета только рабочих депутатов. Совет рабочих и солдатских депутатов не мог не быть властным органом, поскольку имел дело с армией. Что касается листовки с вышеприведённым лозунгом, то здесь сыграла свою роль объективная реальность солдатских восстаний и инициатива бывшего большевика Соколова.

Временный Исполнительный Комитет тем временем предпринял попытку создать штаб руководства выступлениями военных. Для воплощения этого замысла были привлечены офицеры – эсеры С.Д. Мстиславский и В.Н. Филипповский, которые присоединились к уже упомянутому Соколову. Однако поначалу они не имели никакой силы.

Собрание по формированию Совета началось в 21 или 22 часа. Численность собравшихся составляла, по отзывам, 125–150 или даже 250 человек, из них 40–50 рабочих, несколько солдат, а остальные – представители левой интеллигенции. Председателем стал Чхеидзе, товарищами (заместителями) председателя – Скобелев и Керенский, а Гвоздев, Соколов, Гриневич и ещё один рабочий-меньшевик были избраны секретарями.

В соответствии с повесткой дня собрания было решено сформировать ряд комиссий – продовольственную, военную, редакционную – и направить комиссаров в районы. Главным вопросом стало участие Чхеидзе и Керенского во Временном комитете Государственной думы. Как писали «Известия», «было решено направить их своими делегатами»⁴². И это, и обращение к массам показало политический «лик» Учредительного собрания.

---

⁴¹ Как образовался... С. 6.

⁴² *Иорданский Н.И.* Военное восстание 27 февраля. – Молодая гвардия, 1928. Кн. 2. С. 169–170. 28 февраля в Москве Временный революционный комитет во главе с меньшевиком адвокатом А.М. Никитиным потребовал создания не Совета рабочих и солдатских депутатов, а исключительно Совета рабочих депутатов, демонстрируя приверженность меньшевистской традиции и тактике коноваловской фракции. *Грунт А.Я.* Возникновение Московского Совета рабочих депутатов в 1917 г. // История СССР. 1967. № 2. С. 12–14.

Обращение содержало призывы к свержению старого режима, установлению народного суверенитета и созыву Учредительного собрания. Проблема «организации власти» связывалась в обращении с созданием Совета рабочих депутатов и его представителей – комиссаров – на местах. Однако вопросы о центральной власти и о взаимоотношении Временного комитета Думы были в обращении осторожно обойдены.

Собрание завершилось выборами Исполнительного Комитета. Помимо председателя и секретарей в составе комитета оказались беспартийные радикалы (такие, как Н.Н. Суханов-Гиммер и Ю. Стеклов), два большевика и один «левый» эсер. Среди 15-и избранных членов Исполкома – двое «правых» (оборонцы), десять центристов (правые интернационалисты) и трое «левых» (левые интернационалисты). Явно преобладали центристы. Позднее было решено, что каждая социалистическая партия направит по два делегата. В результате позиции «правых» несколько усилились 28 февраля: из 22 членов комитета 10 представляли «правых», 12 – центр и 6 – «левых». Тем временем, всю свою энергию Исполком направил на организацию рабочей милиции, используя для этого своих районных комиссаров.

IV

Накрытая волной революционных событий Дума между тем пребывала в полной растерянности. Однако некоторые члены Думы, такие, как Керенский, Некрасов и другие, не только не утратили способность к активным действиям, но и настаивали на том, чтобы Дума взяла руководство движением в свои руки.

Вечером 26 февраля правительство воспользовалось своим правом и приостановило работу Думы. На следующий день Некрасов, Ефремов, Керенский и Чхеидзе, выступая в Совете старейшин, потребовали проигнорировать императорский Указ и продолжить заседание Думы. Однако М.В. Родзянко и партии, входившие в «Прогрессивный блок», выступили против и собрались на своё частное совещание, но не в традиционном зале заседаний Думы, а в полуциркульном зале Таврического дворца⁴³.

---

⁴³ Известия, прибавление к № 1. 1917, 28 февраля.

В третьем часу того же дня мятежные солдаты двинулись к Думе. Керенский и другие обратились к ним от лица Думы с приветственными словами и напутствиями⁴⁴. Однако их выступление выражало мнение далеко не всех думцев. В 14.30 началось частное совещание Думы под председательством Родзянко. После долгих жарких дебатов требование радикально настроенных членов Думы о захвате власти было отвергнуто, и было принято предложение кадетов о создании особого думского комитета. Официально провозглашенной целью нового органа, получившего название «Временный комитет Государственной думы», было «поддержание порядка» и «сношение с организациями и лицами». В состав комитета вошло 12 человек, в том числе председатель Родзянко, другие лидеры «Прогрессивного блока» и «Прогрессивной партии»⁴⁵.

Новый комитет не отличался активностью, хотя Родзянко и отправился во главе думской делегации к великому князю Михаилу Александровичу с просьбой об отставке кабинета и создании «правительства народного доверия». Этот шаг вызвал опасения со стороны партий левого блока. Вечером того же дня в помещении Думы состоялось совместное заседание делегатов от ВПК, Союза земств и городов и Петроградской городской думы. В принятой на нём резолюции говорилось, что участники приветствуют решение Думы взять власть в свои руки и считают, что в этом Временный комитет Думы должен опереться на народные массы⁴⁶. Включение этого пункта в резолюцию выглядело намеренным, так как участники заседания знали, что Дума отказалась взять власть. Нет сомнения, что авторство данной резолюции принадлежало Коновалову и его сторонникам⁴⁷.

Тем временем Керенский предложил арестовать И.Г. Щегловитова, бывшего министра юстиции и председателя Государственного Совета. Когда Щегловитов был схвачен, Керенский объявил, что арест был произведен по приказу «депутата Керенского», и велел препроводить его в Думу под его личное наблюдение. Вслед за Щегловитовым в Думе один за другим появилось ещё несколько арестованных, которых заперли в одном из поме-

---

⁴⁴ *Kerensky A. The Catastrophe.* – New York – London, 1927. P. 11–12.
Шульгин В.В. Дни. – Белград, 1925. С. 156–157.

⁴⁵ *Kerensky A. Op. cit.* P. 15.

⁴⁶ Великие дни... С. 4.

⁴⁷ Там же. С. 5.

щений⁴⁸. Смысл этих действий заключался в том, чтобы создать впечатление активного участия Думы в революционных событиях.

Только около полуночи Временный комитет Думы собрался на первое формальное заседание. К этому моменту уже вовсю шли выборы рабочих депутатов. Все понимали, что нельзя терять ни минуты. После телефонного сообщения офицера Преображенского полка о том, что он ждёт указаний Государственной думы, было окончательно решено взять курс на захват власти.

Отставной офицер и депутат от партии октябристов Б.А. Энгельгарт был назначен командующим «мятежным Петроградским гарнизоном». Были приняты два различных обращения, оба датированные 27 февраля⁴⁹.

Первым шагом думского Временного комитета было установление контроля над военной комиссией Совета. Соколов, узнав об этом, пришёл в ярость, однако Мстиславский-Масловский сумел успокоить его. Уже утром 28-го военная комиссия перешла под контроль Думы⁵⁰. В течении дня многие полки шли к её зданию, предводительствуемые своими офицерами и оркестрами. Родзянко и другие депутаты, не замеченные среди выступавших перед массами накануне, теперь обращались к солдатам с речами, призывая их к наведению порядка, сохранению традиций и подчинению офицерам. Солдаты отвечали им криками «ура»⁵¹. Правда, когда те же призывы были изданы в форме приказа, они вызвали у солдат негодование и протест, как отмечалось позднее. Временный комитет Думы не сумел завладеть умами солдат.

Наиболее значительной акцией, предпринятой думским Временным комитетом, стал захват царских министерств. Первым было Министерство путей сообщения. Значительную роль в этом событии сыграла личная инициатива депутата от «Прогрессивной

⁴⁸ О поведении Коновалова в тот момент известно по немногочисленным свидетельствам. Б. Авилов, прибывший в Думу в тот день, увидел Коновалова, который ходил по круглому залу «с видом обиженного ребенка», изрёк: «Павел Николаевич (Миллюков) отказывается, социал-демократы – тоже. Я не знаю что из всего этого выйдет». См.: Они отказались взять власть // Новая жизнь. 1917. 27 августа. С. 1.

⁴⁹ Черкасский А.М. Первые дни русской революции. – Пг., 1917. С. 41–43.

⁵⁰ Миллюков П.Н. Указ. соч. С. 181–182; Черкасский А.М. Указ. соч. С. 60; Великие дни... С. 7–8.

⁵¹ Мстиславский С.Д. Пять дней. Начало и конец февральской революции. Изд-е 2-е, – Берлин-Пг.-М., 1922. С. 29–31.

партии» А.А. Бубликова. Утром 28 февраля, получив подпись Родзянко на обращении к железнодорожникам, он в сопровождении солдат явился в Министерство путей сообщения и занял его. Затем, воспользовавшись специальной телеграфной линией, он разослал во все концы страны обращения, начинавшиеся словами: «Ко всем железнодорожным служащим: старая власть, приведшая к кризису во всех областях национальной жизни, оказалась бессильной. Временный комитет Думы, взяв органы новой власти в свои руки...» Это случилось в 13.50. Кроме того, он отправил телеграфное сообщение, запрещавшее любые передвижения воинских эшелонов ближе 250 верст от столицы⁵².

Что касается остальных министерств, то они были заняты комиссарами, специально уполномоченными для этой цели. Аппарат этих министерств немедленно присягал на верность Думе. Затем Временному комитету удалось решить вопрос о создании новой полиции. Комиссаром, получившим специальные полномочия на этот счёт, был назначен член Городской думы М.А. Крыжановский. Вечером 28 февраля он собрал студентов и организовал городскую милицию, руководство которой он взял на себя. Отряды городской милиции были созданы в нескольких центральных районах Петрограда⁵³.

V

Выборы делегатов в Совет на крупных фабриках состоялись 28 февраля и 1 марта. Рабочие с энтузиазмом восприняли призыв к созданию Совета и поэтому позаботились о том, чтобы выборные собрания прошли на каждом предприятии. Рабочие небольших фабрик избирали делегатов на совместных собраниях, объединившись с несколькими соседними предприятиями, либо несколькими предприятиями одной отрасли. Итоги выборов показали, что подавляющее большинство рабочих голосов отдано правому крылу меньшевиков и эсеров, а «левые» остались в меньшинстве. В частности, на предприятиях с числом рабочих больше 100 было избрано не менее 580 делегатов, из них «левых»

---

⁵² Великие дни... С. 12–13, 15.

⁵³ Бубликов А.А. Русская революция. Впечатления и мысли очевидца и участника. – New York, 1918. С. 21–24.

только 43 (40 – большевиков, 1 – сочувствующий большевикам, 1 – «левый эсер» и 1 – сочувствующий «левым») ⁵⁴.

Поражение «левых» на выборах в Совет выглядело тем более удивительным, если сравнить его с итогами выборов рабочих в военно-промышленные комитеты в 1915 г. Первым объяснением может быть то, что большевики либо не придали большого значения выборам в Совет, либо не сумели к ним как следует подготовиться. Даже на их «базе», заводах Лесснера, победили меньшевики. Однако, вернувшись 1 марта на предприятия, большевики потребовали провести перевыборы и, пользуясь своим огромным влиянием, добились того, что было избрано 8 большевиков и 1 «левый эсер» ⁵⁵. Во-вторых, 100-тысячное рабочее пополнение, прибывшее в столицу начиная с 1915 г., существенно изменило баланс сил. И, в-третьих, следует учесть, что революция привела в движение население, которые никогда прежде не принимало участия в борьбе, либо просто следовало за своими лидерами, и превратило его из аутсайдера в активного участника событий. Когда люди заговорили, речи их были добровольными, но мышление ещё грубым. А поскольку революция действительно опирается на массы, возможно, это неизбежно, что в начале её лидеры «растворились» в восставшем народе. Так или иначе, для фабрично-заводских рабочих Совет депутатов был их организацией.

Помимо фабрично-заводских рабочих делегатами в Совет направляли представителей от фармацевтов, сотрудников больниц, работников кредитных организаций, торговли и промышленности, от плотников, маляров, каменщиков, бетонщиков, штукатуров, железнодорожников, работников городского транспорта, муниципальных, почтово-телеграфно-телефонных служащих, от ремесленников, сапожников, парикмахеров, булочников, работников трактиров и ресторанов, от извозчиков, шофёров, учителей начальных школ и от студентов ⁵⁶. Чуть позже солдаты также получили право присылать делегатов в Совет. Впервые солдатские представители заявили о себе 1 марта, когда, возмущённые приказом Родзянко, они разработали декларацию. Одобренная Исполкомом Совета и доработанная Соколовым и другими, она

---

⁵⁴ *Ефимов Е.* Проблема власти в первые дни февральской революции 1917 г. // *Революция права.* 1928. № 3. С. 59. *Кельсон З.С.* Милиция февральской революции // *Былое.* 1925. № 1. С. 162–164.

⁵⁵ Цифры отражают данные выборов на 17 крупнейших предприятиях Петрограда.

⁵⁶ *Кондратьев А.* Указ. соч. С. 69.

появилась той же ночью под названием «Приказ № 1»⁵⁷. В нём содержались следующие пункты: солдаты организуются в Совет рабочих и солдатских депутатов; приказы военной комиссии Государственной думы следует исполнять, за исключением того, что противоречит приказам и постановлениям Совета; оружие должно находиться в руках солдатских комитетов и ни в коем случае не передаваться офицерам; во всех военных и военноморских подразделениях создаются комитеты, которые направляют депутатов в Совет, по одному от каждой роты; политическая деятельность всех военных подразделений подчиняется только Совету и его комитетам; солдаты пользуются всеми правами и свободами, дарованными гражданам России революцией и не должны отдавать офицерам честь во внеслужебное время⁵⁸.

Успех, достигнутый Советом 1 марта, нанёс ощутимый удар Временному комитету Государственной думы, вознамерившемуся установить контроль над солдатской массой через офицеров. Присягнув на верность Совету рабочих и солдатских депутатов, солдаты продемонстрировали нежелание выполнять те приказы Думы, которые противоречат постановлениям Совета. Кроме того, с помощью рабочей милиции им удалось взять на себя функцию охраны порядка в рабочих кварталах.

Итак, Временному комитету Государственной думы присягнуло на верность большинство чиновников и офицеров царской армии, а также часть городских милиционеров, в то время как Петроградский совет завоевал полное доверие солдат и другой части милиционеров рабочей милиции. Такова была суть двоевластия, установившегося в столице. Судьба будущего правительства зависела от позиции Совета по отношению к попыткам Временного комитета Думы захватить власть.

По этому поводу внутри Совета существовало три различных точки зрения. Первую представляли «правые», отстаивавшие необходимость министерской коалиции, т. е. объединения с Временным правительством. Напротив, «левые» стремились создать правительство на базе Совета, т. е. Временное революционное правительство. Центристы же, представлявшие третью точку зрения, стояли за формальное признание правительства, созданного думским Временным комитетом, что по сути означало отказ от вступления во Временное правительство. Позиция центристов

---

⁵⁷ *Артемов С.А.* Состав Петроградского Совета в марте 1917 г. // История СССР. 1966. № 5. С. 20–121.

⁵⁸ *Миллер В.И.* Начало демократизации старой армии в дни февральской революции // История СССР. 1966. № 6. С. 26–43.

основывалась на том, что революцию ещё нельзя было считать окончательно победившей; контрреволюционные силы были достаточно сильны, поэтому с буржуазией нужно было считаться – при условии полной гарантии политической свободы⁵⁹.

1 марта в Исполкоме Совета открыто столкнулись представители первой и третьей точек зрения, и победила тринадцатью голосами против восьми последняя. Её также поддержали и большевики⁶⁰. К трём пунктам предложения Суханова об условиях (политическая свобода, амнистия и созыв Учредительного собрания) были добавлены несколько других пунктов. Дополнением чрезвычайной важности, возможно, внесённым солдатскими депутатами Исполкома, стало требование запрета на разоружение или вывод из города Петроградского гарнизона⁶¹.

К моменту открытия на следующий день общей сессии Совета четверо центристов из Исполкома, среди которых были Стеклов и Суханов, поспешили завершить переговоры, которые они вели от своего имени с представителями думского Временного комитета, и заключили взаимоприемлемый договор. Они согласились принять милюковский проект заявления Совета, в котором тот формально поддерживал новое правительство и призывал к сотрудничеству офицеров и солдат. «Левые», между тем, тоже не теряли времени даром. Вечером 1 марта «левые эсеры» и «межрайонцы» выпустили совместную листовку, в которой призвали к созданию: Временного революционного правительства на базе Совета рабочих и солдатских депутатов и, одновременно, условий, на основании которых офицеры тоже могли быть избранными.

⁵⁹ Известия, 2 марта 1917 г. С. 3.

⁶⁰ Так считали Ю.М. Стеклов и Суханов // Известия, 31 марта 1917 г. С. 3; Суханов Н.Н. Записки о революции. Кн. 1. – Берлин–Пг.–М., 1922. С. 223–225, 229–240.

⁶¹ В Исполком в то время входило 28 человек: 10 «правых», 11 центристов и 6 «левых». В голосовании принял участие 21 человек. 8 из них поддержали точку зрения «правых» и 13 – центристов. Двое «правых» не присутствовали на голосовании. Известно также, что отсутствовал центрист Соколов и двое «левых», Шляпников и К.И. Шутко. Кроме того, автор полагает, что отсутствовали К. Юренев и П. Александрович, оба сторонники создания Временного революционного правительства. То есть всего отсутствовало 7 человек. Очевидно также, что двое присутствовавших «левых» (Молотов и Залуцкий) поддержали точку зрения центристов. Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 240–241, 254–256; Шляпников А.Г. Семнадцатый год. Кн. 1. С. 215–220. Рафес М. Мои воспоминания // Былое. 1922. № 19. С. 195. Заславский Д. О., Канторович В.А. Указ. соч. С. 42–43.

На реорганизационном заседании Выборгского районного комитета большевиков также была принята резолюция, призывающая Совет к созданию Временного революционного правительства⁶².

2 марта на заседании Совета Стеклов доложил о результатах переговоров и предложил не вступать в новое правительство, а ограничиться лишь формальным признанием его. Керенский обратился с речью к собравшимся, призвав их одобрить его вхождение во Временное правительство как заместителя председателя Совета; его поддержали. Это ещё более обострило начавшиеся вслед за тем прения, где столкнулись центристы и «левые». В конце концов, прошло предложение центристов, против которого проголосовало 19 депутатов из 400. По свидетельствам, из 40 большевиков, присутствовавших на собрании, большинство также поддержало центристов⁶³.

Так на основании соглашения с Советом о формальном признании и поддержке возникло Временное правительство во главе с премьер-министром Г.Е. Львовым. В его состав вошли три человека от главной фракции «Прогрессивного блока», в том числе министр иностранных дел Милоков, и четыре человека от партий левого блока, среди которых были министр торговли и промышленности Коновалов, министр финансов Терещенко, министр юстиции Керенский и министр путей сообщения Н.В. Некрасов.

VI

Когда в столице разразилась революция, царь Николай II находился в Ставке в Могилёве. Осознав, что ситуация приняла угрожающий характер, только к вечеру 27 февраля, царь назначил генерала Иванова командующим Петроградским военным округом вместо Хабалова и отдал приказ направить в столицу войска. Утром 28-го сам царь отбыл в Царское Село, в то время как генерал Иванов задержался с отъездом до часу дня. Войска, поступавшие в распоряжение Иванова под Петроградом, состояли из четырёх пехотных полков, двух кавалерийских, двух казачьих и двух пулемётных батарей. Однако к полудню 28 февраля железные дороги

⁶² Суханов Н.Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 256–260.

⁶³ Шляпников А.Г. Указ. соч. Кн. 1. С. 339–340; Дингельштедт Ф.Н. Весна пролетарской революции // Красная летопись. 1925. № 1. С. 193.

были блокированы приказом комиссара Временного комитета Государственной думы Бубликова. Царский поезд, прибывший в 3 часа утра 1 марта в Малую Вишеру, не смог двинуться дальше и был вынужден повернуть на Псков, где находился штаб Северного фронта. В Ставке тем временем было получено сообщение о том, что создано Временное правительство во главе с Родзянко, и армия, поддерживающая Временное правительство, сохраняет порядок. Начальник штаба Ставки генерал М.В. Алексеев отправил телеграмму Иванову, требуя, чтобы последний, в рамках сложившейся ситуации, изменил тактику и приложил максимум усилий для переговоров с Думой.

Прибыв днем 1 марта в Вырицу, Иванов узнал о восстании царскосельского гарнизона. В Царское Село он направился в одиночку. Переговорив на станции с причастными к этому людьми, он убедился, что направлять войска против восставшего гарнизона опасно, и решил ретироваться⁶⁴. Таким образом, два события – блокирование железных дорог думским Временным комитетом и солдатский мятеж в Царском Селе – предотвратили карательную экспедицию Иванова.

1 марта Ставка вступила в переговоры с Родзянко. К этому шагу её подтолкнуло революционное выступление в Москве и осознание того, что подавление революции вооружённым путем было бы рискованно, и что создание «ответственного министерства» могло спасти Россию и династию. В Москве вечером 27 февраля депутаты, собравшиеся в здании Городской думы, заслушали речи М.В. Челнокова и П.П. Рябушинского и решили создать Комитет общественных организаций, позволивший бы удержать власть в Москве. Тогда же было избрано Организационное бюро Комитета. По его инициативе был сформирован Комитет общественных организаций во главе с Прокоповичем⁶⁵. Вечером в Ставке была получена телеграмма о победе революции в Москве и о поддержке революционеров воинскими частями. Вскоре было получено сообщение о мятеже в Кронштадте, а также телеграмма от командующего Балтийским флотом А.И. Непенина, поддерживающего Родзянко⁶⁶.

---

⁶⁴ Революционное движение в России после падения самодержавия. – М., 1957. С. 194–195; Великие дни... С. 50–52; Шляпников А.Г. Указ. соч. С. 44–45.

⁶⁵ Провал попытки Ставки подавить февральскую революцию 1917 года в Петрограде // Вопросы архивоведения. 1962. № 1. С. 106–107.

⁶⁶ История Москвы. Т. V. – М., 1955. С. 350.

Вечером 1 марта царский поезд прибыл в Псков. Главнокомандующий Северным фронтом генерал Н.В. Рузский должен был убедить царя согласиться на переговоры. Тем временем изменившаяся ситуация заставила Алексеева требовать создания «правительства, ответственного перед Думой», во главе с Родзянко. Около полуночи 2 марта царь уступил требованиям Алексеева и одновременно отменил карательную экспедицию Иванова⁶⁷.

Обрадованный успехом, Рузский в 2.30 ночи связался по прямому проводу с Родзянко. Однако последний заявил, что ситуация вышла из-под контроля и безоговорочно потребовал отречения Николая II от престола в пользу царевича Алексея при регентстве великого князя Михаила. Военные поддержали требование Родзянко, мотивировав это необходимостью спасти армию от краха и любым способом сохранить монархию⁶⁸. Тот факт, что царица с царевичем Алексеем в тот момент находилась в Царском Селе, захваченном революционными солдатами, в значительной степени способствовал принятию такого решения. Алексеев особой телеграммой запросил мнения всех главнокомандующих фронтами по поводу отречения Николая II от престола. Генералы согласились, и в 16.30 3 марта царь исполнил требование Родзянко.

Однако после разговора с врачом о состоянии здоровья наследника Алексея царь решил изменить решение и передать престол не сыну, а брату, великому князю Михаилу. Об этом решении в столице узнали от думских эмиссаров А. Гучкова и А. Шульгина, присутствовавших при отречении Николая. Но великий князь Михаил, в свою очередь, тоже отказался от престола. Эта новость достигла Ставки в 6 часов вечера 3 марта. Между тем, мятеж матросов Балтийского флота усилился. Ставка была вынуждена принять отречение Михаила Александровича и тем самым фактически признать падение монархии⁶⁹.

Итак, царизм был свергнут. 4 марта в печати одновременно появились сообщения об отречении от престола Николая II и отказ великого князя Михаила Александровича принять престол. В столице было сформировано Временное правительство и установлен режим двоевластия. Этот результат был объективно и субъективно неизбежным, так как Февральская революция была, с одной стороны, революцией рабочих и солдат, а с другой – революцией буржуазии и граждан.

---

⁶⁷ Красный архив, 1927. Т. 2. С. 43, 45.

⁶⁸ Там же. С. 53–54.

⁶⁹ Там же. С. 55–59, 75.

1977

Карл Маркс и революционная Россия*

В Японии с конца 1960-х годов воззрения позднего Маркса на Россию неоднократно становились предметом дискуссии. Более того, именно в Японии их изучали с куда большим энтузиазмом, чем в любой другой стране. На эту тему было написано множество научных работ, а ряд книг были посвящены исключительно ей, в том числе моя собственная, опубликованная в 1975 г.¹ Понятно, что мотивы обращения к этой теме у каждого автора были свои. Самые разнообразные мотивации: желание понять подлинный образ истории русской социальной мысли; попытка определить место, занимаемое в этой истории Плехановым, предложившим России свою версию марксизма; желание найти в трудах позднего Маркса о России ключ к устройству менее развитых капиталистических экономик; попытка оценить по-новому роль русского народничества на основании сходства взглядов позднего Маркса на Россию и взглядов народников; растущий интерес к русским крестьянским общинам и даже попытка найти рецепт спасения в высшей степени индустриализованного японского общества из пучины противоречий, – все они переплелись между собой, вторя и противореча друг другу. Жаркая дискуссия на эту тему разгорелась даже на страницах неакадемического журнала.

Однако даже энтузиазм сегодняшних японцев не идет ни в какое сравнение с тем, с каким русские в иные времена обсуждали эту тему, пытаясь найти лучший путь развития своего собственного общества. Когда мы смотрим на эти дебаты в России с высоты сегодняшнего дня, мы понимаем, в то же время, что Марксова теория относительно России была изложена в неопубликованных письмах или черновиках и что сложность обстоятельств, в кото-

---

* Впервые опубликовано: Karl Marx and the Revolutionary Russia // Annals of the Institute of Social Science. № 18. 1977.

¹ Wada Haruki. Marukusu, Engerusu to Kakumei Roshia (Marx, Engels and Revolutionary Russia). – Tokyo: Keiso Shobo, 1975. – 472 с.

рых эти письма и черновики были преданы гласности, особенно затрудняют задачу понимания того, что же реально думал Маркс о России.

Хорошо известно, что источниками, по которым мы можем судить о взглядах позднего Маркса на Россию, являются его «Письмо в редакцию “Отечественных записок”» и письмо Вере Засулич с четырьмя разными черновыми набросками. Все эти рукописи имеют странную историю, предшествующую их публикации.

Начать с того, что так называемое «Письмо в редакцию “Отечественных записок”» – набросок письма, которое не было закончено и отправлено – было обнаружено после смерти Маркса Энгельсом, который в марте 1884 г. попросил группу «Освобождение труда», образованную годом ранее, опубликовать его². Однако Засулич и другие члены группы, несмотря на заявленное стремление быть проводниками учения Маркса в России, семь месяцев молчали, прежде чем ответить Энгельсу, пообещав, что письмо будет переведено на русский и вскоре будет опубликовано³; однако обещание свое не выполнили. Намеренный непременно опубликовать это письмо, Энгельс попробовал сделать это через Н.Ф. Даниельсона и официальный народнический журнал в России, но безуспешно⁴. Наконец, письмо было опубликовано в «Вестнике Народной воли» (№ 5, декабрь 1886 г.) со следующим редакционным примечанием: «Хотя мы получили копию этого письма гораздо раньше, мы не стали публиковать его сразу, так как нам сказали, что Фридрих Энгельс передал это письмо для публикации на русском языке другим людям»⁵. Через два года, в 1888 г., письмо Маркса было также напечатано в легально издаваемом в России журнале «Юридический вестник».

Первым откликом на письмо стала статья Глеба Успенского, близкого к народникам писателя, озаглавленная «Горький упрек», в которой он глубоко сожалел о неспособности русской интеллигенции честно ответить на упреки и советы Маркса⁶. Позже,

---

² Маркс Карл, Энгельс Фридрих. Сочинения. 2-е изд. Т. 36. – М., 1964. С. 105–106

³ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. – М., 1967. С. 504.

⁴ Там же. С. 521–522.

⁵ Письмо Карла Маркса // Вестник Народной воли. № 5. Женева, 1886. Отд. 1. С. 215.

⁶ Успенский Глеб. Горький упрек // Собрание сочинений. Т. 9. – М., 1957. С. 172.

в 1890-е годы, Плеханов, Ленин и другие марксисты (в отличие от народников, которые увидели в этом письме сильную поддержку своей линии) настаивали, что Маркс в своем письме не сказал ничего определенного по поводу направления, в котором должно двигаться русское общество⁷.

Нечто похожее произошло и с письмом и набросками письма Маркса В.И. Засулич, а именно: Плеханов и другие деятели из окружения Засулич сохранили содержание письма втайне, а когда их спрашивали о нем, неизменно отвечали, что им о нем ничего неизвестно. Наброски письма были обнаружены в 1911 г. Д.Б. Рязановым, который сумел расшифровать их с помощью Н. Бухарина в 1913 г. Но затем рукописи были забыты на десятилетие. После революции, в 1923 г., меньшевик Б.И. Николаевский, находясь в эмиграции, обнаружил текст письма в бумагах Аксельрода и в следующем году опубликовал его. После этого Рязанов в том же году опубликовал и само письмо, и его наброски на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса» (т. 1), а в 1926 г. французский оригинал в *Marx-Engels Archiv* (Vol. 1)⁸.

Никто из первооткрывателей письма не придавал ему особого значения в теоретическом или философском смысле. Николаевский расценил письмо как политическое высказывание Маркса⁹, а Рязанов, в добавление к подобной ремарке, заметил, что письмо и его наброски служат примером явного угасания научных способностей Маркса¹⁰. Напротив, социалисты-революционеры в эмиграции с энтузиазмом приветствовали публикацию этих новых материалов. Так, В. Зензинов утверждал, что программа, очерченная Марксом в этом письме, в точности совпадает с той, «что была развита русским революционным народничеством», и подтверждает тот факт, что в вопросе о будущем крестьянской общины «Маркс был определенно на стороне народников»¹¹. В.М. Чернов тоже писал, что опубликованное письмо к Засулич, «свыше сорока лет пролежавшее под спудом», положило конец

⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 273–274; Плеханов Г.В. Сочинения. Т. VII. С. 263–264.

⁸ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 1. – М.–Л., 1924. С. 265–266; *Marx-Engels Archiv*. Bd. 1. Frankfurt a. – M., 1926. S. 309–310.

⁹ *Nikolajewski B. Marx und das russische Problem // Die Gesellschaft*, I Jg. Nr. 4, Juli 1924. S. 362, 364.

¹⁰ Архив Маркса и Энгельса. Т. 1. С. 266–267.

¹¹ Зензинов В. Пропавшая грамота // *Современные записки*. Кн. XXIV. – Париж, 1925. С. 399, 401.

дебатам и что программа, изложенная в письме, именно та, что «легла в основу всех аграрных построений, аграрных требований и деревенской тактики работы партии социалистов-революционеров»¹².

Первым человеком, поддержавшим это письмо в Советском Союзе, стал А. Суханов, который также настаивал на необходимости использовать крестьянскую общину как средство продвижения коллективизации сельского хозяйства¹³. Еще ряд авторов выступили с подобными заявлениями в партийном органе «Большевик» в начале 1928 г.¹⁴, но из среды историков ничего подобного не прозвучало.

Лишь в 1929 г. это письмо впервые стало объектом теоретической дискуссии. М. Поташ опубликовал статью «Маркс, Энгельс о народническом социализме в России». В ней он полагал, что заключительный абзац письма Маркса Засулич – тот, где он писал, что для того чтобы крестьянская община стала «точкой опоры общественного возрождения России», нужно «устранить тлетворные влияния, которые теснят ее со всех сторон, а затем обеспечить ей условия самостоятельного развития» – является «местом, которое особенно вызывает сомнения»¹⁵. Решительно против такого подхода выступил А. Рындич, который утверждал, что взгляды Маркса на русскую деревенскую общину есть «результат длительного и тщательного изучения пореформенной России по разнообразным первоисточникам», и потому подчеркивал особое значение заключительного абзаца письма Маркса Засулич¹⁶. Однако в своем «ответе Рындичу» Поташ отметил, что его статья была напечатана именно «потому, что она полностью разоблачает всех вставших на путь ревизии взглядов Ленина на коренной вопрос оценки революционного народничества»¹⁷.

В переломном 1929 году Поташ представлял мнение ортодоксального партийного большинства.

---

¹² Чернов В. Конструктивный социализм. – Прага, 1925. С. 128.

¹³ Суханов Н. Община в советском аграрном законодательстве // На аграрном фронте. 1926. № 11–12. С. 110.

¹⁴ Сучков А. Как не надо рассматривать вопрос о формах землепользования // Большевик. 1928. № 2.

¹⁵ Поташ М. Маркс и Энгельс о народническом социализме в России // Пролетарская революция. 1929. № 12. С. 41.

¹⁶ Рындич А. Маркс, Энгельс и Ленин о народничестве // Там же. 1930. № 5. С. 177, 178.

¹⁷ Поташ М. Как не следует писать о революционном народничестве и народолюбстве // Там же. С. 208.

I

К моменту публикации первого тома «Капитала» в 1867 г. отношение Маркса к русскому народничеству было, судя по всему, крайне негативным. В добавленном примечании 9 в конце этого первого немецкого издания первого тома «Капитала» Маркс высокомерно пишет: «Если на европейском континенте влияние капиталистического производства, которое подрывает род людской... будет развиваться, как это было до сих пор, рука об руку с конкуренцией в отношении величины национальных армий, государственных долгов... и т. д., – то, пожалуй, в конце концов, станет действительно неизбежным омоложение Европы при помощи кнута и обязательного вливания калмыцкой крови, о чем столь серьезно пророчествует полуроссиянин, но зато полный москвит Герцен (заметим между прочим, что этот беллетрист сделал свои открытия относительно “русского” коммунизма не в России, а в сочинении прусского регирунгсрата Гакстгаузена)»¹⁸.

Взгляды Герцена, считавшего русскую крестьянскую общину уникальной, присущей только славянскому миру, в то время казались Марксу смехотворными. Маркс считал, что это явление повсеместное, и русская община ничуть не отличается от той, что к тому времени уже распалась в Западной Европе. «В этой общине все абсолютно, *до мельчайших деталей*, тождественно с *древнегерманской* общиной. В добавление к этому у русских... во-первых, *не демократический, а патриархальный* характер управления общиной и, во-вторых, *круговая порука* при уплате государству налогов и т. д... Но вся эта дрянь идет к своему концу»¹⁹.

Подобная вещь не может стать основанием для социалистического развития – таков, я уверен, был взгляд Маркса на русскую крестьянскую общину. Поскольку он писал в предисловии к первому немецкому изданию первого тома «Капитала»: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего!» (восклицание добавлено)²⁰. На этом этапе, следовательно, он считал, что Россия, как и Германия, последует примеру Англии.

¹⁸ *Marx Karl. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Erster Band.* – Hamburg, 1867. S. 763.

¹⁹ *Маркс, Энгельс.* Соч. Т. 32. С. 158.

²⁰ *Marx Karl. Das Kapital. Erster Band.* S. IX.

Образ мыслей Маркса, однако, начал меняться, когда он освоил русский язык и стал в состоянии изучать русский материал на основании первичных источников и особенно когда он познакомился с трудами Н.Г. Чернышевского. Естественно, эта перемена в отношении Маркса к русскому народничеству произошла не сразу.

Впервые желание изучить русский язык возникло у Маркса в октябре 1869 г., когда Н.Ф. Даниельсон, молодой человек из России, попросивший у него разрешения перевести «Капитал» на русский язык, прислал ему экземпляр недавно опубликованной книги В.В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России», и Маркс пожелал прочитать это солидное издание самостоятельно. Он немедленно приступил к изучению русского языка и освоил его довольно быстро; к февралю 1870 г. он сумел прочитать целых 150 страниц из присланной книги²¹. Маркс нашел книгу Берви полностью свободной от «русского оптимизма» того сорта, что был очевиден у Герцена. «Конечно, он питает некоторые иллюзии относительно *la perfectibilité perfectible* русской нации и о провиденциальном характере *общинной собственности* в ее русской форме. Но не в этом главное. После изучения его труда приходишь к глубокому убеждению, что в России неизбежна и близка грандиознейшая социальная революция... Это – добрые вести»²².

Несмотря на народничество Флеровского, Маркс, таким образом, высоко оценил его описания социальных реалий в России, поскольку они ясно свидетельствовали о неизбежности русской революции.

Закончив читать работу Флеровского, Маркс взялся за статью «Крестьянская реформа и общинное землевладение (1861–1870)», которая была опубликована в № 2 журнала «Народное дело». Это был печатный орган российской секции Интернационала – организации, которая через своего члена Н. Утина в свое время обратилась к Марксу с просьбой поспособствовать их заявке на вступление в Первый Интернационал. Маркс проявил симпатию к Утину и его группе из-за их оппозиции Бакунину и Герцену, но его отношение к их народническому взгляду на русскую деревенскую общину осталось практически неизменным. Читая эту статью, Маркс в нескольких местах написал слово «Asinus(!)»²³ в

---

²¹ Маркс, Энгельс. Соч. Т. 32. С. 437.

²² Там же. С. 549.

²³ Осёл – лат.

знак возражения. А рядом с абзацем, где автор рассуждает о различиях между русской и западноевропейской общиной, он оставил следующий комментарий: «Dieser Kohl kommt darauf heraus, dass russische Gemeineigentum ist verträglich mit russische Barbarei, aber nicht mit bürgerlicher Civilization!»^{24, 25}.

Очевидно, что в этот период Маркс продолжал считать русскую деревенскую общину чем-то несущественным.

Однако его взгляды начали меняться в результате дискуссий с Германом Лопатиным, который посетил Маркса в июле 1870 г. и в ходе работы над русским переводом «Капитала» высоко отзывался о Чернышевском. Сначала Маркс прочитал комментарии Чернышевского к работе Джона Стюарта Милля «Основания политической экономии» и счел автора очень способным²⁶. Затем, по видимости, он начал читать какую-то статью Чернышевского о крестьянстве, но какую именно – неизвестно. Однако нет сомнения в том, что чтение этой работы явилось переломным пунктом: Маркс начал смотреть на русское народничество и русскую крестьянскую общину в другом ракурсе.

Это видно из письма Елизаветы Томановской (Дмитриевой), члена русской секции Интернационала, побывавшей у Маркса в конце 1870 г. В этом письме, датированном 7 января 1871 г., она писала: «Что касается альтернативы, которую Вы предвидите в вопросе о судьбах общинного землевладения в России, то, к сожалению, распад и превращение его в мелкую собственность более чем вероятны. Все меры правительства – ужасающее и непропорциональное повышение податей и повинности – имеют своей единственной целью введение индивидуальной собственности путем отмены круговой поруки».

Она спрашивала в письме, читал ли Маркс книгу Гакстгаузена и предлагала прислать ему экземпляр, если он не читал. «Этот труд, – писала она, – содержит много фактов и проверенных данных об организации и управлении общин. В статьях об общинном

²⁴ Из этой чепухи вытекает, что русская общинная собственность сопоставима с русским варварством, а не с буржуазной цивилизацией. – нем.

²⁵ Николаевский Б. Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса // Архив Маркса и Энгельса. Кн. 4. – М.–Л., 1929. С. 380.

²⁶ На страницах этой книги Маркс оставил критические пометки типа «*ce n'est pas vrai*», «*stupide*» и «*erreur*» («неправильно», «глупость», «ошибка» – франц.). – Там же. С. 385–389. Однако это, на мой взгляд, не противоречит наблюдению Лопатина о том, что Маркс в целом высоко оценил эту книгу. – См. Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. – М., 1969. С. 46.

землевладения, которые Вы теперь читаете, Вы увидите, что Чернышевский часто упоминает эту книгу и приводит из нее выдержки»²⁷.

Это показывает, что Маркс говорил либо писал Томановской, что в данный момент читает работу Чернышевского о русской крестьянской общине и считает достойным обсуждения вопрос, поднятый Чернышевским – и поднятый именно что с народнической точки зрения – об «альтернативе»: исчезнет ли общинное землевладение или останется существовать и станет опорой социального возрождения России? Позиция Маркса существенно изменилась.

Нам неизвестно, получил ли Маркс тогда от Томановской книгу Гакстгаузена, но несомненно, что теперь он относился к консервативному советнику прусского правительства без пренебрежения, как раньше. Не случайно в письме Л. Кугельману от 4 февраля 1871 г. он приписал в конце: «Ты писал мне как-то о книге Гакстгаузена о земельных отношениях (кажется) в Вестфалии. Было бы хорошо, если бы ты мне ее прислал»²⁸.

Однако изучение Марксом российских реалий, зашедшее к тому моменту так далеко, оказалось надолго прервано событиями, связанными с Парижской коммуной и борьбой внутри Интернационала. Только после Гаагского конгресса (сентябрь 1872 г.) Маркс смог вернуться к теоретическим изысканиям и русскому вопросу.

Когда у Маркса вновь появилось время заняться теорией, он подготовил второе немецкое издание первого тома «Капитала» и опубликовал его в начале 1873 г. По сравнению с первым изданием, кроме перестановки местами некоторых разделов и глав, в нем почти не было серьезных изменений. Среди немногочисленных важных поправок были: (1) убран восклицательный знак из абзаца в предисловии, который мы цитировали выше, про промышленно развитую страну, показывающую пример менее развитой; и (2) убрана добавленная сноска 9 в конце тома, где Маркс, как мы видели ранее, насмехается над Герценом и его «русским коммунизмом». Кроме того, в «Послесловии ко второму изданию» Маркс отдал дань уважения Чернышевскому, назвав его «великим русским ученым и критиком»²⁹. То, что Маркс убрал

---

²⁷ Маркс, Энгельс и революционная Россия. С. 186–187.

²⁸ Маркс, Энгельс. Соч. Т. 33. С. 152.

²⁹ *Marx Karl. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Erster Band, Zweite, verbesserte Auflage.* – Hamburg, 1872. S. 817.

пренебрежительную ремарку о народничестве Герцена и добавил похвалу в адрес экономики Чернышевского, явно свидетельствуя о том, что его позиция претерпела глубокие изменения.

С конца 1872 г. и до какого-то момента в 1873 г. Маркс читал сборник «Статьи об общественном владении землей» Чернышевского, только что изданный в Женеве. Из девяти статей, опубликованных в сборнике, наиболее важными были две: написанная в 1857 г. рецензия на книгу Гакстгаузена «*Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlicher Einrichtungen Russlands*» («Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений в России») и статья «Критика философских предубеждений против общественного владения» (1858). В этих статьях Чернышевский указал, что общественное землевладение в России он «вовсе не расположен считать каким-нибудь таинственным качеством, исключительно свойственным славянской или великорусской натуре». Он полагал, что «вследствие исторических обстоятельств, надолго задержавших Россию в состоянии, близком к патриархальному быту», общественный дух сохранился в России «довольно неприкосновенным». Но как самые хорошие вещи имеют свою дурную сторону, так и самые дурные вещи свою хорошую. «Среди всех этих пагубных следствий нашей неподвижности есть также нечто иное, и прежде бывшее не бесполезным, но при настоящем развитии экономического движения в Западной Европе... становящееся чрезвычайно важным и полезным»³⁰. Таковым, по мысли Чернышевского, является общественное землевладение. «Когда известное общественное явление в известном народе достигло высокой степени развития, ход его до этой степени в другом, отставшем народе может совершиться гораздо быстрее... Это ускорение состоит в том, что у отставшего народа развитие известного общественного явления, благодаря влиянию передового народа, прямо с низшей степени перескакивает на высшую, минуя средние степени»³¹. Отталкиваясь от такой теоретической предпосылки, Чернышевский полагал, что Россия, воспользовавшись опытом передовых западных стран, может совершить скачок от общественного землевладения напрямую в социализм. Свои умозаключения он суммировал следующим образом: «История, как бабушка, страшно любит млад-

---

³⁰ Чернышевский Н.Г. Статьи об общественном владении землей. — Женева, 1872. С. 40–41. *Он же*. Полное собрание сочинений. Т. IV. С. 341.

³¹ Там же. С. 182–183; Полн. собр. соч. Т. V. С. 388–389.

ших внучат. *Tarde venientibus* дает она не *ossa*, а *medullam ossium*³², разбивая которые Западная Европа [так больно отбила] себе пальцы»³³.

На Маркса эта идея произвела глубокое впечатление³⁴. По моему мнению, он не только счел ее разумной, но и согласился с тем, что при условии существования развитого Запада Россия может вместе со своей крестьянской общиной двинуться прямо в социализм. Только на основе такого умозаключения можем мы достичь связного понимания его взглядов в 1875 г.

То, что Маркс был глубоко заинтересован вопросом о русской крестьянской общине, очевидно из его письма Даниельсону от 22 марта 1873 г., в котором он просит прислать ему информацию о происхождении крестьянской общины³⁵. Из книг, которые Даниельсон прислал ему в ответ на просьбу, особую важность представляли две, «Материалы об артелях в России» (1873) и книга Скалдина «В захолустье и в столице» (1870), и обе Маркс прочел со всей обстоятельностью³⁶.

II

О новой позиции Маркса, сформулированной им на основе изученных материалов к этому моменту, можно судить по исправлению, которое он сделал во французском издании первого тома «Капитала», вышедшем в январе 1875 г., и по статье Энгельса «Социальные условия в России», написанной в апреле 1875 г.

Обратимся сначала к исправлению во французском издании «Капитала». Оно было сделано в главе 26 «Тайна первоначального накопления» – в абзаце, который в обоих немецких изданиях звучал так: «Экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, крестьянина, составляет основу всего процесса. Ее история в различных странах имеет различную окраску, проходит различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи. В классической форме совершается она только в

---

³² Поздно приходящим дает она не кости, а мозг из костей. – *лат.*

³³ Там же. С. 181; Полн. собр. соч. Т. V. С. 387.

³⁴ Николаевский. Указ. соч. С. 390–391.

³⁵ Маркс, Энгельс. Соч. Т. 33. С. 577.

³⁶ Николаевский. Указ. соч. С. 403–404.

Англии, которую мы и берем в качестве примера»³⁷. Во французском издании этот абзац был выброшен и заменен следующим: «В основании капиталистической системы, таким образом, лежит решительное отделение производителя от средств производства... Основа всей этой эволюции – экспроприация крестьянства... В своей окончательной форме она совершается только в Англии... но тем же путем идут и все прочие страны Западной Европы»³⁸. Смысл этого исправления, очевидно, заключается в том, чтобы показать, что английский путь экспроприации крестьянства применим только к Западной Европе, а Восточная Европа и Россия могут иметь свой, совершенно отличный от него. Впоследствии, когда бы речь ни зашла об этом абзаце, Маркс будет ссылаться только на французское издание.

Упомянутая выше статья Энгельса явилась побочным продуктом его полемики с П.Н. Ткачевым, начавшейся с того, что Энгельс, намереваясь раскритиковать П.Л. Лаврова, взял брошюру Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России» (1874) и насмешливо назвал его «зеленым гимназистом»³⁹. Разгневанный Ткачев ответил публикацией «Открытого письма господину Фридриху Энгельсу», вышедшей на немецком языке в Женеве в конце 1874 г. По сравнению с первой брошюрой, это произведение Ткачева было несколько односторонним в оценках и потому менее значимым.

Прочитав это открытое письмо Ткачева, Маркс передал его Энгельсу со следующей краткой запиской: «Берись за дело, но в насмешливом тоне. Это так глупо, что и Бакунин мог приложить руку. Петр Ткачев прежде всего хочет показать читателю, что ты обходишься с ним как со своим противником, и поэтому измышляет всевозможные несуществующие спорные пункты»⁴⁰. Эти слова Маркса показывают, что в открытом письме Ткачева ему что-то напомнило аргументы Бакунина и он советует Энгельсу не принимать его как серьезного оппонента.

Я полагаю, что брошюру Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России» Маркс прочитал уже после «Открытого письма Энгельсу». В бумагах Маркса сохранился экземпляр «Задач» с многочисленными подчеркиваниями, сделанными его ру-

³⁷ *Marx Karl*. Das Kapital. Erster Band. – Hamburg, 1867. S. 701; Zweite Auflage, Hamburg, 1872. S. 744–745.

³⁸ *Le Capital, par Karl Marx*. Paris, Ed. – Lachatre, 1875. P. 315.

³⁹ *Маркс, Энгельс*. Соч. Т. 18. С. 522.

⁴⁰ Там же. Т. 34. С. 5.

кой⁴¹. Читая эту брошюру, он понял, что Ткачев был весьма сведущ в социальных реалиях в России. В отличие от Энгельса, который презрительно отмел замечание Ткачева о том, что тот не может дожидаться революции: «Если уж вы совершенно не можете ждать, чего же ради вы еще надоедаете нам своей болтовней, почему же, черт возьми, вы не приступаете к делу?»⁴², – Маркс серьезно воспринял следующий пассаж, объясняющий, почему Ткачев не может ждать.

«Но, конечно, нельзя надеяться на слишком долгое существование этих благоприятных для нас общественных условий; хотя тихо и вяло, но все же мы кое-как подвигаемся по пути экономического развития. А это развитие подчинено тем же законам и совершается в том же направлении, как и экономическое развитие западноевропейских государств. Община уже начинает разлагаться... в среде крестьянства вырабатывается класс кулаков – мужицкая аристократия... Таким образом, у нас уже существуют в данный момент все условия для образования, с одной стороны, весьма сильного консервативного класса крестьян-землевладельцев и фермеров, с другой – денежной, торговой, промышленной буржуазии. А по мере того как классы эти будут образовываться и укрепляться... шансы на успех насильственного переворота [будут] становиться все более и более проблематическими... Вот почему мы не можем ждать. *Теперь* или очень не скоро, быть может *никогда!* Теперь обстоятельства за нас, через 10, 20 лет они будут против нас»⁴³.

Этот взгляд Ткачева занимал промежуточное положение между позициями Чернышевского и партии «Народная воля». Ознакомившись с ним, Маркс понял, что всякий, кто захочет спорить с Ткачевым, должен будет всерьез отнестись к вопросу о русской крестьянской общине и представить собственный взгляд на русское общество. Поэтому у нас есть основания полагать, что именно благодаря совету Маркса (ставшему следствием этого умозаключения) Энгельс, давая отпор Ткачеву в пятой статье цикла «Эмигрантская литература», во второй ее половине совершил неожиданный поворот и обратился к социальным условиям в России. Материалы, использованные Энгельсом в этой статье, и сама логика рассуждений принадлежали Марксу. И хотя под

---

⁴¹ Конюшая Р. Карл Маркс и революционная Россия. – М., 1975. С. 331.

⁴² Маркс, Энгельс. Соч. Т. 18. С. 524.

⁴³ Ткачев П.Н. Избранные сочинения на социально-политические темы. Т. 3. – М., 1933. С. 69–70.

статьей стоит подпись одного Энгельса, большинство выводов были плодом их совместного обсуждения.

Хорошо известно, что в пятой статье цикла «Эмигрантская литература» Энгельс раскритиковал Ткачева за его неспособность понять, что социализм становится возможным только после того как социальные производительные силы достигнут определенной стадии развития. По поводу взглядов Ткачева на российское государство, Энгельс заметил: «Нам начинает казаться, что не русское государство, а скорее сам господин Ткачев висит в воздухе»⁴⁴. Конкретизируя свою позицию, он справедливо задает Ткачеву вопрос, неужели деревенские «кровопийцы, сосущие кровь крестьян», и крупная буржуазия в России, пользующиеся покровительством государства, никак не заинтересованы в его сохранении. Данные о крестьянском и помещичьем землевладении, которые приводит Энгельс, взяты им из книги Флеровского⁴⁵. А там, где он говорит о положении крестьян и утверждает, что тяжелое бремя долгов и земельных налогов ввергает крестьян в зависимость от ростовщиков-кулаков и спекулянтов, сдающих им землю втридорога в субаренду⁴⁶, он явно пользуется описаниями Скалдина. Все эти материалы ему предоставил Маркс.

Затем Энгельс нападает на Ткачева за его утверждение о том, что социалистическая революция в России возможна «потому, что русские являются, так сказать, избранным народом социализма, обладая артелью и общинной собственностью на землю». В последовавших за этим рассуждениях об артели Энгельс опирается на мнение Ефименко, которое Маркс вычитал в «Материалах об артелях в России». Ссылается Энгельс и на Флеровского⁴⁷, также явно с подачи Маркса. Суммируя свои знания об артелях, Энгельс пишет: «Преобладание этой формы в России доказывает, конечно, наличие в русском народе сильного стремления к ассоциации, но вовсе еще не доказывает, что этот народ способен с помощью этого стремления прямо перескочить из артели в социалистический общественный строй. Для такого перехода нужно было бы прежде всего, чтобы сама артель стала способной к развитию, чтобы она отбросила свою стихийную форму, в которой она, как мы видели, служит больше капиталу, чем рабочим, и поднялась *по меньшей мере* до уровня западноевропейских коо-

---

⁴⁴ Маркс, Энгельс. Соч. Т. 18. С. 540.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 541.

перативных обществ». «Артель же до сих пор не только неспособна к этому, но она неизбежно должна погибнуть при столкновении с крупной промышленностью, если не вступит на путь дальнейшего развития»⁴⁸. Стоит здесь отметить, что Энгельс говорит о наличии в русском народе «сильного стремления к ассоциации», а это значит, что он признавал два альтернативных варианта будущего артели: ее дальнейшее развитие либо гибель. Этот вывод, похоже, тоже во многом принадлежит Марксу.

Что касается вопроса об общинном владении землей, то Энгельс отмечает, что в «Западной Европе... эта общинная собственность превратилась, на известной степени общественного развития, в оковы, в тормоз сельскохозяйственного производства и была мало-помалу устранена». Напротив, в Великороссии (то есть собственно России), «она сохранилась до сих пор, доказывая тем самым, что сельскохозяйственное производство и соответствующие ему сельские общественные отношения находятся здесь еще в очень неразвитом состоянии...»⁴⁹. Этот взгляд во многом совпадает с воззрениями Маркса и Чернышевского. Далее Энгельс утверждает, что состояние полной изоляции различных общин друг от друга составляет «естественную основу для *восточного деспотизма*»⁵⁰, что является довольно общим суждением, об этом пишет даже Бакунин в «Государственности и анархии» (Прибавление А). Утверждение Энгельса, что «дальнейшее развитие России в *буржуазном* направлении мало-помалу уничтожило бы и здесь общинную собственность без всякого вмешательства “штыков и кнута” русского правительства»⁵¹, направлено против крайнего суждения Ткачева, высказанного им в открытом письме Энгельсу, но на самом деле оно не слишком отличается от рассуждений самого Ткачева в «Задачах революционной пропаганды в России». На самом деле Энгельс указывает здесь на самопротиворечие Ткачева и в подтверждение цитирует отрывок из «Задач», где тот говорит, что «в среде крестьянства вырабатывается класс ростовщиков (кулаков)»⁵². Заявляя, что «под гнетом подавшей и ростовщиков общинная собственность на землю перестает быть благодеянием, она превращается в оковы», а крестьяне все

---

⁴⁸ Там же. С. 542–543.

⁴⁹ Там же. С. 544.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 544–545.

⁵² Там же.

чаще бегут из общины на отхожие промыслы⁵³, Энгельс, как следует из примечания, опирается на исследование Скалдина, которое ему тоже дал Маркс. Сам Маркс, возможно, воздержался бы от уподобления общины «оковам», но это явно не главное в аргументации Энгельса.

В заключение Энгельс делает следующее хорошо известное заявление: «Из всего этого ясно, что общинная собственность в России давно уже пережила время своего расцвета и по всей видимости идет к своему разложению. Тем не менее бесспорно существует возможность перевести эту общественную форму в высшую, если только она сохранится до тех пор, пока созреют условия для этого, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю уже не раздельно, а совместно, причем этот переход к высшей форме должен будет осуществиться без того, чтобы русские крестьяне прошли через промежуточную ступень буржуазной парцельной собственности»⁵⁴. Ясно, что это заявление, совпадающее с выводами Чернышевского (вплоть до использования терминов «высшая форма» и «промежуточная ступень»), есть совместный вывод Маркса и Энгельса.

Немаловажным является вопрос об условиях, необходимых для подобной трансформации русской общины. Как известно, Энгельс подчеркивал важность «победоносной пролетарской революции» в Западной Европе, которая произойдет «до окончательного распада этой общинной собственности» и «предоставит русскому крестьянину необходимые условия для такого перехода — в частности материальные средства, которые потребуются ему, чтобы произвести необходимо связанный с этим переворот во всей его системе земледелия». Это тоже заключение, которое может быть выведено из теории Чернышевского, и судя по тому, что мы уже знаем, резонно предположить, что и это заключение было сделано Марксом и Энгельсом совместно. Это не значит, что они не думали о русской революции. На самом деле, статья заканчивается пророчеством о неизбежности надвигающейся русской революции: «эту революцию начнут высшие классы столицы, может быть даже само правительство, но крестьяне развернут ее дальше и быстро выведут за пределы первого конституционного фазиса...». Причем речь идет не о простой буржуазной

---

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 545–546.

революции, «эта революция будет иметь величайшее значение для всей Европы хотя бы потому, что она одним ударом уничтожит последний, все еще нетронутый резерв всей европейской реакции»⁵⁵. Хотя прямо об этом не говорится, для Маркса и Энгельса абсолютно ясно, что если пролетарской революции суждено стать явью в Европе – где после поражения Парижской коммуны царило мертвецкое затишье – то это произойдет только после того как вся Европа будет сотрясена русской революцией.

Тем не менее, Энгельс настаивал, что «если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собственность и дать ей возможность превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму, то это именно пролетарская революция в Западной Европе». Это, конечно, было преувеличение, призванное подкрепить его утверждение о том, что «г-н Ткачев говорит чистейший вздор, утверждая, что русские крестьяне, хотя они и “собственники”, стоят «ближе к социализму», чем лишенные собственности рабочие Западной Европы»⁵⁶. В этом проявилась традиционная для Энгельса позиция: видеть Бакунина за высказываниями Ткачева и, в пику бакунинскому «панславизму», отстаивать западноевропейскую гегемонию в международном пролетарском движении. Я подозреваю, что и по этому вопросу между Марксом и Энгельсом практически не было разногласий. Россия имела на выбор две возможности, два альтернативных пути развития: пойти путем капиталистического развития или путем, ведущим из крестьянской общины прямо в социализм. Тот же Чернышевский хорошо знал, что Россия уже вступила на первый путь, но все же думал, что она еще может свернуть с него и пойти вторым курсом, опираясь, в качестве предварительного условия, на существование Западной Европы. А Ткачев, правда без ссылки на это предварительное условие, настаивал, что раз в России уже идет капиталистическое развитие, то революция должна начаться как можно раньше, чтобы обеспечить скорейший переход от первого пути ко второму, пока не стало слишком поздно. Маркс и Энгельс, приняв точку зрения Чернышевского, пришли к мысли, что для России было бы возможно, взяв крестьянскую общину, прыгнуть прямо в социализм. Что же касается тезиса Ткачева, то принять его им мешали как воспоминания о собственной борьбе с Бакуниным и Нечаевым, так и излишне резкая форма выражения

---

⁵⁵ Там же. С. 548.

⁵⁶ Там же. С. 546.

самого Ткачева, поэтому они предпочли заявить, в пику Ткачеву, что предварительным условием для второго пути может стать только победоносная пролетарская революция в Западной Европе и материальная помощь, которую эта революция обеспечит. Судя по всему, формулируя этот вывод, Маркс и Энгельс не испытывали недостатка во взаимопонимании.

III

В 1875–1876 гг. Маркс еще больше продвинулся в своем изучении России. Он прочел книгу Гакстгаузена «Die laendliche Verfassung Russlands. Ihre Entwicklungen und ihre Feststellung in der Gesetzgebung von 1861» («Аграрная конституция России. Ее развитие и установление в законодательстве 1861 г.») (Leipzig, 1866), книгу А.И. Кошелева «Об общинном землевладении в России» (Берлин, 1875), Прибавление А к книге М.А. Бакунина «Государственность и анархия» (Цюрих, 1873), статью А.Н. Энгельгардта «Вопросы русского сельского хозяйства» («Отечественные записки», 1872, № 2 и 4), внушительный том XXII «Трудов Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов» и оставил подробные конспекты⁵⁷. Особенное впечатление на него произвели критические замечания Бакунина по поводу патриархального характера и закрытости крестьянской общины.

После краткого перерыва весной 1877 года Маркс вновь вернулся к русскому вопросу: прочел книгу А.И. Васильчикова «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах» (Петербург, 1876) и П.А. Соколовского «Очерки истории поземельной общины на Севере России» (Новгород, 1877)⁵⁸.

В 1877 г. разразилась русско-турецкая война. Отчаянные сражения, которые выпали на долю русских войск в первой фазе войны, заставили некоторых подумать о втором Севастополе и породили ожидания скорой революции, которая неминуемо по-

---

⁵⁷ См. Архив Маркса и Энгельса. Т. XI. – М., 1948. С. 21–118; Т. XII. – М., 1952. С. 140–160; Т. XIII. – М., 1955. См. также *Маркс, Энгельс. Соч.* Т. 18. С. 623.

⁵⁸ *Николаевский. Указ. соч.* С. 409–412.

следует за поражением России. 27 сентября 1877 г. Маркс писал в письме Ф.А. Зорге:

«Этот кризис – *новый поворотный пункт* в истории Европы. Россия, положение которой я изучил по *русским* оригинальным источникам неофициальным и официальным... давно уже стоит на пороге переворота, и все необходимые для этого элементы уже созрели. Взрыв ускорен на многие годы благодаря ударам, нанесенным молодцами турками не только русской армии и русским финансам, но и лично *командующей* армией *династии*... Переворот начнется *secundum artem*⁵⁹ с конституционных заигрываний, и буча выйдет отменная. И при благосклонности матери-природы мы еще доживем до этого торжества!.. Революция начнется на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции»⁶⁰.

Мы видим, в каком восторге был Маркс от перспективы поражения России в войне с Турцией и последующей революции в России, а затем и в Европе. Однако эти ожидания, увы, не оправдались. Так или иначе в конце 1877 г. русские войска взяли штурмом крепость Плевна и в марте следующего года заставили турок признать поражение. Перед лицом этих событий Маркс был вынужден признать, что «дела пошли по-другому»⁶¹.

Согласно широко распространенной гипотезе, Маркс предположительно написал свое так называемое «Письмо в редакцию “Отечественных записок”» где-то в ноябре 1877 г. Эта гипотеза, однако, совершенно безосновательна. Я склонен предположить, что Маркс написал то письмо в конце 1878 г., после краха ожиданий на немедленную революцию в России. Это мое предположение подтверждает письмо Маркса Даниельсону от 15 ноября 1878 г., где он писал: «Из полемики Чичерина и некоторых других против меня мне ничего не попадалось на глаза, за исключением того, что Вы прислали мне в 1877 г. (статья Зибера и другая – кажется, Михайлова, – обе в “Отечественных записках”, – написанные в ответ этому чудаку, мнящему себя энциклопедистом, г-ну Жуковскому). Находящийся здесь профессор Ковалевский говорил мне, что “Капитал” вызвал довольно оживленную полемику»⁶².

---

⁵⁹ По всем правилам искусства (лат.)

⁶⁰ Маркс, Энгельс. Соч. Т. 34. С. 229–230.

⁶¹ Там же. С. 246.

⁶² Там же. С. 277.

«Письмо к редакцию “Отечественных записок”» было написано в качестве возражения на статью «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского», которую Н.К. Михайловский опубликовал в десятом номере этого журнала за 1877 год за подписью «Н.К.». Если Маркс действительно написал это письмо или, начав писать, бросил и не отправил, то невозможно представить, чтобы он не знал точно, о какой статье идет речь: «и другая – кажется, Михайлова». Гораздо логичнее предположить, что только написав письмо Даниельсону, Маркс соблазнился – отчасти под воздействием разговоров с профессором Ковалевским – прочитать статью Михайловского, а прочитав, решить, что следует ответить.

В своей статье Михайловский раскритиковал Жуковского за грубое и примитивное понимание теории Маркса, но в то же время усомнился в применимости марксистской теории к ситуации в России. Для начала Михайловский подверг критике главу «Так называемое первоначальное накопление» в первом томе «Капитала» и предположил, что в ней Маркс излагает «целую философско-историческую теорию» о всеобщем прогрессе. То есть, по мнению Михайловского, Маркс якобы считает, что все страны без исключения должны пережить тот же процесс экспроприации крестьянских земель, как это было в Англии⁶³. Затем Михайловский обратил внимание на сноску 9 из первого немецкого издания первого тома «Капитала», где Маркс высмеивает Герцена и его «русский коммунизм», и упрекнул его за это: «уже из общего ее тона не трудно видеть, как должен с своей точки зрения относиться Маркс к попыткам русских людей найти для своего отечества путь развития, отличный от того, которым шла и идет Западная Европа; к попыткам, для которых, как это уже много раз доказывалось, вовсе нет надобности быть славянофилом или мистически веровать в особые высокие качества национального русского духа; надо только извлекать уроки из европейской истории»⁶⁴.

Михайловский видит в этом противоречие, терзающее «душу русского ученика Маркса». Конечно, считает он, «такое столкновение нравственного чувства с исторической необходимостью должно разрешиться в пользу необходимости», и завершает свою критику заключением: «Но дело в том, что надо же доподлинно

⁶³ Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. Т. IV. – СПб., 1909. Стлб. 167–168.

⁶⁴ Там же. Стлб. 171.

знать, что исторический процесс действительно неизбежно таков, каким его рисует Маркс»⁶⁵.

Очевидно, что критика Михайловского была направлена против тех мест у Маркса, которые он сам уже либо исправил, либо вообще выбросил.

Прочитав эту статью Михайловского, Маркс начал писать ответное письмо, так как чувствовал, что не может промолчать. Зная, что письмо будет опубликовано в легальном журнале царской России под его именем, Маркс принял необходимые меры предосторожности: избегал упоминаний о революции, не называл впрямую имен Герцена и Чернышевского и в целом предпочел говорить «эзоповым языком». Вот почему на первый взгляд кажется, что письмо либо крайне двусмысленное, либо безоценочное. Однако тот, кто знаком с содержанием статьи Михайловского и тем, как шло развитие мысли Маркса, сможет без труда понять, что тот пытался сказать в своем письме.

В первой половине письма Маркс отвечает на критику Михайловского по поводу добавленной сноски в первом немецком издании «Капитала», где Маркс высмеивает Герцена. Он пишет, что Михайловский очень ошибается, поскольку тот параграф Маркса «ни в коем случае не может служить ключом к его воззрениям на усилия “русских людей найти для своего отечества путь развития, отличный от того, которым шла и идет Западная Европа”». Маркс также напоминает автору, что отозвался о Чернышевском как «великом русском ученом и критике» в послесловии к второму немецкому изданию «Капитала», с которым Михайловский явно был знаком. Так что, полагает Маркс, Михайловский «имел по меньшей мере столько же оснований заключить из моего уважения к этому “великому русскому ученому и критику”, что я разделяю взгляды последнего на этот вопрос, как и из моей полемики против “беллетриста” и панслависта сделать вывод, что я эти взгляды отвергаю»⁶⁶. При всей краткости и сдержанности этих замечаний, ссылка Маркса на второе немецкое издание – то, где Маркс, как было сказано выше, вычеркнул насмешку над Герценом, присутствовавшую в первом издании, и включил высокую оценку Чернышевского, – однозначно указывает на его сочувственное отношение к русским народникам. Далее Маркс пишет, что он изучил русский язык и в течение ряда

---

⁶⁵ Там же. Стлб. 172–173.

⁶⁶ Маркс, Энгельс. Соч. Т. 19. С. 117–119.

лет следил за публикациями по этому вопросу и что он пришел к следующему выводу: «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»⁶⁷. Здесь он говорит «эзоповым языком». После 1861 г. Россия пошла по капиталистическому пути развития; если она продолжит идти этим путем, крестьянская община будет уничтожена, а с ней и возможность перейти напрямую к социализму. Поэтому, дорогие россияне, искренне взывает Маркс, не смейте упускать «наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу», ибо этот случай дорогого стоит. На протяжении всей русско-турецкой войны Маркс не переставал надеяться на революцию в России, которая, как он ожидал, должна произойти сразу после поражения России в войне. Когда же этого не случилось, он почувствовал, словно революция, уже схваченная, выскользнула у него из рук. Именно поэтому он чувствовал себя обязанным напомнить, со всей страстностью, русскому народу, что он не должен смириться с положением вещей, не должен упускать свой великий шанс. По сути, это было призывом к русским начать революцию прямо сейчас.

Во второй части письма Маркс цитирует абзац из французского издания «Капитала» и поясняет, что глава о первоначальном накоплении обрисовывает лишь путь, пройденный Западной Европой, тем самым впервые давая понять, какие мотивы двигали им, когда в 1875 г. он решил внести исправления в эту главу. Далее Маркс пишет, что можно извлечь из этого исторического очерка в применении к России: (1) «Если Россия имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы... она не достигнет этого, не превратив значительной части своих крестьян в пролетариев», и (2) «после этого, уже очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подчинена его неумолимым законам, как прочие нечестивые народы»⁶⁸. Этот второй пункт может быть интерпретирован как предположение, что если Россия не окажется в лоне капиталистического строя, ей не придется подчиняться его неумолимым законам. Если подобная трактовка верна, то этот второй пункт мало чем отличается от того, что писал в 1872 г. Михайловский по поводу предисловия

---

⁶⁷ Там же. С. 119.

⁶⁸ Там же. С. 120.

к первому тому «Капитала»⁶⁹. Однако позже, ознакомившись с «Капиталом» поближе, Михайловский начал сомневаться в справедливости своего отношения к теории Маркса. Воспользовавшись этими колебаниями своего критика, Маркс обвиняет его в извращении собственной теории: «Ему непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются, – для того, чтобы прийти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда и наиболее полное развитие человека»⁷⁰. Маркс говорит, что такое толкование «было бы одновременно и слишком лестно и слишком постыдно» для него. Однако обвинение, которое бросает в лицо критику Маркс, явно необоснованно и бьет мимо цели, ибо трактовку Михайловского нельзя считать совершенно ошибочной. Скорее, дело в самом Марксе, во взглядах которого произошел существенный поворот с тех пор, как он написал первое немецкое издание первого тома «Капитала».

Заключая письмо, Маркс подчеркивает, что «события поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической

---

⁶⁹ В предисловии к первому немецкому изданию первого тома «Капитала» Маркс писал: «Auch wenn eine Gesellschaft dem Naturgesetz Ihrer Bewegung auf die Spur gekommen ist..., kann sie naturgemasse Entwicklungsphasen weder überspringen noch wegdekretieren». – *Marx. Das Kapital. Erster Band. Hamburg, 1867. S. xo.* В дословном переводе это значит: «Даже когда (если) какое-нибудь общество вступило на путь открытия естественного закона своего развития... оно не может ни перепрыгнуть, ни отменить законодательно последовательные фазы своего развития».

Когда Даниельсон переводил этот абзац на русский, он опустил в начале фразы слово «auch» («даже») и получилось следующее: «Когда какое-нибудь общество напало на след естественного закона своего развития...» – *Маркс. Капитал. Т. I. – СПб., 1872. С. XII.* Смысл фразы оказался не вполне ясным. Поэтому Михайловский, цитируя этот абзац в рецензии на русское издание первого тома «Капитала», исправил «напало» на «попало»: «Когда какое-нибудь общество попало на путь естественного закона своего развития... оно не может ни перепрыгнуть...» Получилось, будто Маркс считает, что если какое-то общество не вступило на путь естественного закона своего развития, оно может перепрыгнуть через его фазы. См. *Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. Т. X. – СПб., 1913. С. 10.*

⁷⁰ *Маркс, Энгельс. Соч. Т. 19. С. 120.*

обстановке, привели к совершенно разным результатам»⁷¹. Делая подобное замечание, Маркс имеет в виду возможности, которые открывает русской крестьянской общине современная обстановка с наличием развитого Запада и его кризисом капитализма.

Это письмо, которое содержало второй вывод Маркса по русскому вопросу, осталось неотправленным. Энгельс впоследствии пояснял, что Маркс решил не посылать письмо, потому что опасался, что одно его имя может стать угрозой дальнейшему существованию журнала, который опубликует его. На мой взгляд, подлинная причина заключалась в том, что Маркс, перечитав письмо, усомнился в обоснованности своей критики Михайловского.

IV

Победа России в войне с Турцией, вопреки ожиданиям, усилила власть царизма внутри страны. В стране, чья новая история была буквально чередой военных поражений, которые приводили либо к решительным переменам, либо к революциям, это была единственная война, завершившаяся победой. И уже сам этот факт, похоже, был одним из важнейших факторов, определивших исход борьбы между царизмом и революционным народничеством. Однако давайте вернемся назад, к тем дням, когда этот результат еще не был предрешен.

Еще когда война была в разгаре, революционные народники значительно нарастили свои усилия в борьбе с царизмом. В феврале 1879 г., когда до Энгельса дошла новость об убийстве харьковского губернатора Кропоткина, он увидел в этом положительное значение и заявил, что что политический террор — это единственное средство, доступное русской интеллигенции, и «движение, кажется, вот-вот вспыхнет»⁷². Его надежды на русскую революцию, таким образом, вновь возродились. И они возросли еще больше, когда летом того же года был создан и начал действовать исполнительный комитет партии «Народная воля». 10 января 1880 г. Энгельс написал в новогоднем поздравлении Вильгельму Либкнехту: «Поздравляю тебя и всех с Новым годом

---

⁷¹ Там же. С. 121.

⁷² Там же. С. 158.

и русской революцией, которая в этом году, вероятно, разразится и тотчас же изменит облик всей Европы»⁷³.

Напротив, Маркс в этот период не озвучивал каких-то особых ожиданий на этот счет, но думал он, по-видимому, так же, как Энгельс. Например, когда Лео Хартман посетил в феврале 1880 г. Лондон как представитель «Народной воли», Маркс принял его очень тепло, проявил искреннее расположение и предложил любую посильную помощь⁷⁴.

В период между маем и июлем 1880 г. Хартман написал в письме Н. Морозову, что Маркс читает «Программу», которую Морозов послал ему, что Маркс критически относится к группе «Черный передел» и поддерживает программу «русских террористов» и что, несмотря на симпатию к террористам, Маркс не желает писать для их публикаций, так как находит их программу отличной от социалистов⁷⁵. Мы не можем, однако, спешно заключить из этих наблюдений Хартмана, что такова в действительности была окончательная позиция Маркса, занятая им по отношению к «Народной воле».

В ноябре того же года Маркс получил письмо от «Исполнительного комитета российской социально-революционной партии» и программу, подготовленную «Народной волей» для своих членов из числа рабочего класса⁷⁶. То, что Маркс прочел эту программу рабочих членов партии «Народная воля» и прочел внимательно, подчеркивая те или иные места, показывает, как серьезно он к ней отнесся. С этого момента он перестал называть эту партию «террористами». С другой стороны, его отношение к членам «Черного передела», нашедшим убежище в Женеве, стало еще более отрицательным. Маркс писал о них: «Эти господа против всякой революционно-политической деятельности. Россия должна одним махом перескочить в анархистско-коммунистически-атеистический рай! Пока же они готовят этот прыжок нудным

---

⁷³ Там же. Т. 34. С. 347.

⁷⁴ Теплые отношения между Марксом и Хартманом удивили социалистов на Западе. См.: *Бернштейн Э.* Карл Маркс и русские революционеры // Минувшие годы. 1908. Ноябрь. С. 21; *Hyndman Henry M.* The Record of an Adventurous Life. — London, 1911. P. 280.

⁷⁵ Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. С. 180; *Волк С.С.* Карл Маркс, Фридрих Энгельс и «Народная воля» // Общественное движение в пореформенной России. — М., 1965. С. 51.

⁷⁶ Оба документа опубликованы в сборнике Революционное народничество семидесятых годов XIX века. Т. 2. М. — Л., 1965. С. 184–185, 228–230.

доктринерством, так называемые принципы которого вошли в обиход с легкой руки покойного Бакунина»⁷⁷.

Между тем в изучении русского вопроса Маркс продвинулся еще на шаг дальше. Осенью 1879 г. он прочел новую книгу М.М. Ковалевского «Общинное землевладение: причины, ход и последствия его разложения» (часть 1 – Москва, 1879) и оставил подробный конспект ее⁷⁸. Сравнивая эти его записи с оригиналом, нетрудно заметить, что возмущение Ковалевского по поводу земельной политики колонизаторов, ускорившей распад общинного землевладения, было особо подчеркнуто Марксом. Взять, к примеру, следующую пару отрывков.

Ковалевский: «Ссылаясь на их [британских чиновников в Индии] свидетельства, английские публицисты спокойно относятся к упадку этих в их глазах устаревших общественных форм; если кто из них подчас и высказывает сожаление по поводу их быстрого исчезновения, то лишь по соображениям научного характера... Никому не приходит в голову, что виновником распада общинного землевладения должна быть признана прежде всего английская земельная политика...»⁷⁹.

Маркс: «Англо-индийские чиновники, а, опираясь на них, и публицисты вроде сэра Г. Мейна и т. п., изображают упадок общинной собственности в Пенджабе только как результат экономического прогресса – несмотря на любовное отношение англичан к архаическим формам – тогда как англичане сами являются главными (активными) виновниками этого упадка...» (выделено Марксом)⁸⁰.

Примерно в одно время с книгой Ковалевского Маркс прочел статью Н.О. Костомарова «Бунт Стеньки Разина» и подробно ее законспектировал⁸¹. Возможно, из этой статьи он надеялся узнать что-то о потенциальных способностях русского крестьянства. Из других русских книг, прочитанных Марксом в это же время, важ-

⁷⁷ Маркс, Энгельс. Соч. Т. 34. С. 380.

⁷⁸ См. этот конспект в: Советское востоковедение. 1958. № 3. С. 3–13; № 4. С. 3–22; № 5. С. 3–28; Проблемы востоковедения. 1959. № 1. С. 1–17; Народы Азии и Африки. 1962. № 2. С. 3–17. Маркс, Энгельс. Соч. Т. 45. С. 153–226.

⁷⁹ Ковалевский М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. Ч. 1. – М., 1879. С. 184.

⁸⁰ Советское востоковедение. 1958. № 5. С. 20. Маркс, Энгельс. Соч. Т. 45. С. 210.

⁸¹ Маркс К. Стенька Разин // Молодая гвардия. 1926. Кн. 1. С. 104–123.

ность представляет «Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Том 1», выпущенный в 1880 г. совместно Вольным экономическим и Русским географическим обществом. В нем внимание Маркса привлекла статья П.П. Семенова, конспект которой он оставил. На эти записи не раз ссылались советские исследователи, поскольку в них, комментируя факт социальной дифференциации крестьянских хозяйств, Маркс заметил: «Хорош результат общинного владения землей!»⁸². Однако более важной в статье Семенова является та ее часть, которая не вошла в конспект Маркса – та, где он пишет об общинном пользовании землей⁸³. Семенов отмечает, что в большинстве случаев русские крестьяне практикуют совместное использование луговых угодий и поровну распределяют между собой укос. О том, что этот факт произвел на Маркса глубокое впечатление, можно судить по его письму В. Засулич.

Окончательному формированию теоретических воззрений Маркса на капитализм в России способствовала в этот период дискуссия с Даниельсоном: свое знаменитое письмо от 10 апреля 1879 г. Маркс написал в ответ на длинное письмо Даниельсона (датированное 17 февраля 1879 г.), в котором тот писал, что крестьяне, придавленные бременем налогов, вынуждены продавать запасы зерна, необходимые для их собственного пропитания, и что железные дороги и банки ускоряют этот процесс и тем самым способствуют еще большему обнищанию крестьян⁸⁴. В ответном письме Маркс развил это утверждение Даниельсона о негативном воздействии железных дорог и, обобщив, представил как явление, свойственное повсеместно развитию капитализма в отсталых странах⁸⁵. Отсюда мы можем заключить, что Маркс начал вычленять структуру, присущую только отсталому капитализму.

Вдохновленный поддержкой Маркса, Даниельсон впоследствии развил свою идею в статью «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» и опубликовал ее в октябрьском выпуске журнала «Слово» за 1880 год. Маркс в целом оценил эту статью очень высоко, хотя и не был вполне согласен с оценкой, данной Даниельсоном отмене крепостного права, и с его тезисом

---

⁸² Архив Маркса и Энгельса. Т. XII. С. 128.

⁸³ Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Т. 1. – СПб., 1880. С. 123–124.

⁸⁴ Маркс, Энгельс и революционная Россия. С. 357–373.

⁸⁵ Маркс, Энгельс. Соч. Т. 34. С. 290–291.

об абсолютном кризисе капитализма в России⁸⁶. Так что справедливо будет сказать, что Маркс был многим обязан Даниельсону.

Что касается обстоятельств написания письма Засулич Марксу от 16 февраля 1881 г., в котором она спрашивала его мнение относительно судьбы русской крестьянской общины, то на этот счет имеется свидетельство Л. Дейча. Согласно ему, в их эмигрантской группе в свое время возник спор вокруг статьи В.П. Воронцова, опубликованной в «Отечественных записках» то ли в конце 1880 г., то ли в начале 1881 г., где утверждалось, что для развития капитализма в России нет почвы, и было решено, что Засулич напишет Марксу и спросит его мнение по этому поводу⁸⁷. Это воспоминание Дейча расходится с тем, что пишет сама Засулич в письме Марксу от 16 февраля, где она спрашивает Маркса, что он думает по поводу утверждения, часто высказываемого людьми, которые называют себя учениками Маркса, о том, что крестьянская община является «архаической формой», обреченной на гибель⁸⁸. Если искать какой-то смысл в мемуарном свидетельстве Дейча, то лишь предположив, что спор в его группе вышел не по поводу статьи Воронцова, а по поводу статьи Даниельсона, которая как раз незадолго до того была опубликована и вызвала широкий резонанс. Так что я думаю, что группа Дейча обсуждала тезис Даниельсона о том, что «капиталистический поток» уже накрыл Россию и ведет к гибели общинного землепользования⁸⁹. Учитывая, что в 1890-е годы позиции Даниельсона и Воронцова мало чем различались, нет ничего удивительного в том, что Дейч мог их спутать. Кроме того, в ту пору Даниельсон был известен как ученик Маркса: в своей работе он его обильно цитирует.

По поводу письма Засулич Марксу важно также отметить, что в нем она не только спрашивала мнение Маркса, но и просила изложить его так, чтобы они могли опубликовать его от имени своей группы «Черный передел».

Маркс получил это письмо 18 или 19 февраля 1881 г. 19 февраля он как раз закончил читать статью Даниельсона и собирался написать ему о своем впечатлении, а чуть позже, 22 февраля, на-

⁸⁶ Там же. Т. 35. С. 127.

⁸⁷ Группа «Освобождение труда». Сб. № 2. – М., 1924. С. 218.

⁸⁸ Архив Маркса и Энгельса. Кн. 1. М. – Л., 1924. С. 269.

⁸⁹ Эта статья, написанная в 1880 г., вошла в первую часть его книги, изданной в Петербурге в 1893 г.: *Николай – он*. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. – СПб., 1893. С. 71.

писал ответ Фердинанду Домела Ньювенгейсу из Голландии, которому не мог ответить полтора месяца.

Только написав эти письма, Маркс принялся за ответ Засулич. Возможно, поскольку его симпатии были на стороне партии «Народная воля», ему не очень хотелось отвечать чернопередельцам, к которым он относился без особого почтения. Но он чувствовал себя обязанным прямо и недвусмысленно ответить на упреки в том, что его ученики распространяют тезис о неизбежном распаде крестьянской общины.

Нет никаких оснований сомневаться, что так называемый четвертый набросок письма Маркса Засулич был написан последним из четырех. Но предыдущие три были написаны не в том порядке, в каком их пронумеровал Рязанов, а сначала № 2, затем № 1 и № 3. Японский исследователь Шизума Хинада тщательно проанализировал все четыре наброска⁹⁰, и я полностью согласен с его выводом. Тот факт, что термин «земледельческая община» (*commune agricole*), который отсутствует в наброске № 2, в наброске № 1 внезапно появляется в середине, а в наброске № 3 встречается с самого начала, позволяет нам думать, что они были написаны в указанном выше порядке.

Начать с того, что в наброске № 2 Маркс сначала заявляет, что его рассуждения о первоначальном накоплении в «Капитале» не применимы к России. Затем он обращает внимание на следующие вещи: «историческая среда», которая определяет судьбу крестьянской общины; место, которое русская община занимает в исторической цепи «архаических общественных формаций»; дуализм, присущий внутреннему устройству русской общины; альтернативные пути развития. В заключение он пишет об опасностях, угрожающих русской общине в настоящий момент. Хотя в этом наброске Маркс касается всех аспектов проблемы, его мысль по данному вопросу еще не созрела.

Набросок № 1, который был написан следующим, не отличается гладкостью стиля; перо Маркса явно спотыкалось и хромало, когда он писал его. Однако мысль его развивается более четко и последовательно, чем в наброске № 2. Уделив внимание двум главным чертам земледельческой общины – коллективизму и индивидуализму – Маркс заявляет, что этот «дуализм» может стать источником разложения общины, но в то же время допускает, что

---

⁹⁰ *Hinada Shizuma. On the Meaning in Our Time of the Drafts of Marx's Letter to Vera Zasulich (1881) // Suravu Kenkyu (Slavic Studies). 1975. № 20.*

фактор коллективизма в ней одержит верх над фактором частной собственности. Каким из двух альтернативных путей она пойдет, зависит полностью от «исторической среды, в которой она находится». В этом общем ключе Маркс рассматривает и русскую общину. Его позиция сводится к следующему:

1) В России крестьянская община сохранилось в национальном масштабе.

2) Главные черты русской общины: (а) общинная собственность на землю создает естественный базис для коллективного производства и коллективного присвоения продуктов труда; (б) привычка русских крестьян к артельным отношениям может существенно облегчить переход от индивидуально-надельного земледелия к коллективному и (в) практика совместного использования лугов дает русским крестьянам опыт коллективного способа производства.

3) «Историческая среда»: (а) переход от обработки индивидуальных наделов к коллективному земледелию жизненно важен для спасения русского сельского хозяйства от кризиса, но материальные условия такого перехода уже имеются в форме технологических достижений капиталистической системы; (б) «русское общество» (то есть, образованные привилегированные слои общества), которое так долго существовало за счет русской общины, должно предоставить ей необходимые авансы для внедрения механической обработки земли и (в) развитие общины в этом направлении соответствует требованиям текущего исторического процесса, что подтверждают «роковые кризисы», сотрясающие капиталистическую систему в Европе и Америке⁹¹.

Нет никаких упоминаний о пролетарской революции в Западной Европе. Вся аргументация Маркса, как и раньше, явно выстроена в духе концепции Чернышевского. Однако в том, что касается его понимания роли развитого Запада как условия для русской революции, то оно существенно изменилось: если раньше таким условием он считал победоносную пролетарскую революцию в Западной Европе и материальную помощь, которую она окажет русской революции, то теперь он видел главное условие в технологических достижениях капитализма и кризисах капиталистического производства.

Еще один важный пункт наброска № 1 касается недостатка, который Маркс обнаружил в русской крестьянской общине и ко-

⁹¹ Архив Маркса и Энгельса. Кн. 1. С. 270–277.

торый он обозначил как «локализованный микрокосм». Впервые Маркс пишет здесь о том, что для того чтобы устранить этот недостаток, нужно отменить *волость*, учреждение правительственное, и поставить на его место «собрание избранных самими общинами крестьян, являющееся экономическим и административным органом их интересов»⁹². Это и есть предложение, сделанное Марксом по вопросу о политике, которую должны проводить сверху революционные силы. Помещенное в перспективу последующих событий в России – от революции 1905 г., когда крестьяне начали объединяться на базе общины и вступать в столкновение с волостным руководством, до революции 1917 г., когда они сбрасывали волостных начальников и создавали свои крестьянские волостные комитеты – это предложение Маркса выглядит максимально приближенным к социальным реалиям. В другом месте этого наброска Маркс еще раз обращается к этому вопросу и пишет, что такая черта сельской общины как «локализованный микрокосм» может быть уничтожена только в «общем восстании», но впоследствии вымарывает этот абзац⁹³. Позже в наброске № 3, однако, он решает восстановить этот более динамичный вариант развития событий и опустить более статичный, с волостными комитетами⁹⁴. Тем самым Маркс подчеркивал способность крестьян в нужный момент самостоятельно изменить свою жизнь.

Марксов анализ реалий русской крестьянской общины и «трагедий», причиняющих ей боль⁹⁵, опирается на анализ Ковалевского, когда подчеркивает факт, что с самого дня освобождения крестьян государство своей политикой угнетения и эксплуатации способствует усугублению конфликта интересов внутри общины и развитию элементов разложения. Маркс также опирается на Даниельсона, когда утверждает, что государство способствует обогащению нового капиталистического паразита, который высасывает и без того оскудевшую кровь из «сельской общины».

Завершает этот набросок Маркс утверждением, что вопреки попыткам тех, кто ищет выход из кризиса в разрушении общины и введении нового метода эксплуатации, спасти русскую общину возможно, и сделать это может только русская революция.

---

⁹² Там же. С. 273.

⁹³ Там же. С. 277.

⁹⁴ Там же. С. 285.

⁹⁵ Там же. С. 277.

Маркс пишет: «Если революция произойдет в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, [если интеллигентная часть русского общества][сосредоточит все живые силы страны], чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества, элементом превосходства над странами, поработанными капиталистическим строем» (слова в квадратных скобках Маркс затем вычеркнул)⁹⁶.

То есть, Маркс предвидит, что если в России и произойдет победоносная революция, которая приведет к обновлению русской жизни на основе крестьянской общины, за ней не последуют немедленно революции в других странах Европы. Видимо, это было следствием пессимистического взгляда на шансы революции в Германии, который возник у Маркса после принятия исключительного закона против социалистов⁹⁷.

Точка зрения, представленная Марксом в наброске № 1, есть вывод, к которому он пришел в результате изучения русского вопроса в 1870-х годах, а также воплощение надежды, которую он связывал с партией «Народная воля». Разумеется, он не пишет о том, как будет выглядеть процесс возрождения русского общества на основе сельской общины. Он, как обычно, пытается взглянуть в лицо реальности, соединив «научный взгляд» с «мечтой» (Traum). В письме Ньюенгейсу от 22 февраля 1881 г. он писал:

«Но имел ли какой-нибудь француз XVIII века заранее, *a priori*, хотя бы малейшее представление о том, каким образом осуществятся требования французской буржуазии? Доктринерское, неизбежно фантастическое предвосхищение программы действий будущей революции только отвлекает от борьбы сегодняшнего дня. Фантазия о близкой гибели мира воодушевляла древних христиан в их борьбе против Римской империи и давала им уверенность в победе»⁹⁸.

Вернемся теперь к наброску № 3. Надеюсь завершить письмо Засулич, изложив более упорядоченно тезисы из наброска № 1, Маркс начал третий набросок с замечания, что он не имеет возможности рассмотреть вопрос более обстоятельно. «Но кратко

⁹⁶ Там же. С. 279.

⁹⁷ В 1880 г. Маркс поделился своим взглядом на ситуацию в европейских странах с американским журналистом Суинтоном. Он говорил с большой «надеждой» о «мощном брожении умов» в России, а о Германии высказался «философски», только «о духовных сдвигах». *Конюшая*. Указ. соч. С. 379.

⁹⁸ *Маркс, Энгельс*. Соч. Т. 35. С. 132.

изложения, которое я имею честь Вам послать, будет, надеюсь, достаточно, чтобы рассеять всякое недоразумение по поводу моей якобы теории»⁹⁹. Однако, дойдя до рассуждений об «исторической среде», Маркс резко обрывает письмо на середине. Это выглядит странно. Я уверен, что все дело в политике. По тем или иным причинам Маркс, видимо, думал, что будучи сторонником «Народной воли» он не должен предоставлять другой организации, «Черному переделу», столь важное собственное заявление с правом публикации от своего имени. Я делаю такой вывод на основе содержания четвертого, последнего наброска письма Маркса Засулич.

Маркс начинает этот набросок с извинения за задержку ответа в связи с нервной болезнью, от которой страдает последние десять лет. Далее он пишет: «Сожалею, что не могу дать Вам пригодный для опубликования краткий ответ на вопрос, с которым Вы мне сделали честь обратиться ко мне. Несколько месяцев тому назад я уже обещал петербургскому Комитету работу на ту же тему»¹⁰⁰. Но если бы это было так, Маркс мог с самого начала так ответить и не утруждать себя написанием четырех черновых набросков. Никаких подтверждений со стороны самой «Народной воли» и ее союзников насчет того, что ее исполком обращался с такой просьбой к Марксу, не существует. Согласно «Хронике жизни Маркса», опубликованной Институтом Маркса-Энгельса-Ленина в Советском Союзе, с подобной просьбой к Марксу обратился Н. Морозов, который навестил его в конце 1880 года¹⁰¹. В это, однако, трудно поверить, поскольку ни в одной из двух мемуарных статей Морозова (одна была опубликована до издания «Хроники», другая после), нет упоминания о подобной просьбе¹⁰². Я полагаю, что Маркс сослался на несуществующее обещание, чтобы подчеркнуть свою политическую приверженность партии «Народная воля» и объяснить отказ предоставить рукопись на заданную тему «Черному переделу».

После такого отказа Маркс пишет, что нескольких строк будет достаточно, чтобы прояснить недоразумения насчет его теории, и

---

⁹⁹ Архив Маркса и Энгельса. Кн. 1. С. 282.

¹⁰⁰ Там же. С. 285–286.

¹⁰¹ *Marx Karl. Chronik seines Lebens in Einzelndaten.* – Moskau, 1934. С. 381.

¹⁰² Морозов Н. Карл Маркс и «Народная воля» в начале 80-х годов // Ка-торга и ссылка. 1933. № 3. С. 145–147. Он же. У Карла Маркса // Известия. 1935. 7 ноября. С. 5.

излагает суть своих соображений. Письмо, которое в итоге было послано, примерно в два раза превосходило по объему четвертый набросок. В нем Маркс указал, что данный им в «Капитале» анализ процесса первоначального накопления не применим к России, и завершил утверждением, что для того чтобы община была «точкой опоры общественного возрождения России», необходимо «прежде всего устранить тлетворные влияния, которые теснят ее со всех сторон, а затем обеспечить ей условия самостоятельного развития»¹⁰³. Этот вывод представляет в наиболее сжатом виде итог теоретических размышлений Маркса из наброска № 1.

V

Маркс и Энгельс были сильно возбуждены успехом покушения на царя Александра II. Они думали, что этот акт «в конце концов должен будет неизбежно привести, быть может после длительной и жестокой борьбы, к созданию российской Коммуны»¹⁰⁴. В конце марта 1881 г. Энгельс писал в письме А. Бебелю: «Приближая всеобщий кризис, назревает давно предсказанное революционное положение во всем мире...»¹⁰⁵. А Маркс в это же время пытался упорядочить свои идеи по поводу освобождения крестьян в России. 11 апреля в письме, адресованном дочери Женни Лонге, он восхищался поведением в суде А. Желябова и С. Перовской: «Это действительно дельные люди, без мелодраматической позы, простые, деловые, героические. Фразерство и дело – непримиримые противоположности». В этом же письме он также упомянул письмо, которое исполнительный комитет «Народной воли» послал Александру III с замечанием: Петербургский комитет «выпускает манифесты, написанные в исключительно “сдержанном тоне”»¹⁰⁶.

Вопреки ожиданиям Маркса, убийство Александра II не привело ни к уступкам русскому обществу со стороны власти, ни к народным волнениям, за исключением волны еврейских погромов на юге страны. К концу 1881 г. Маркс пребывал на грани ис-

¹⁰³ Архив Маркса и Энгельса. Кн. 1. С. 286.

¹⁰⁴ Маркс, Энгельс. Соч. Т. 19. С. 252.

¹⁰⁵ Там же. Т. 35. С. 144.

¹⁰⁶ Там же. С. 147.

тошения, умственного и физического: 2 декабря умерла его любимая жена, и сам он был прикован к постели. Чтобы сменить обстановку, на несколько дней он уехал в Вентнор. Оттуда он никак не реагировал на то, что сообщал ему Энгельс о политической обстановке в России, словно его это больше не интересовало.

Вернувшись 16 января 1882 г. в Лондон, Маркс нашел письмо от П. Лаврова, в котором тот просил его и Энгельса написать новое предисловие к русскому изданию «Манифеста коммунистической партии», которое готовилось к печати¹⁰⁷. Маркс решил не отказывать в просьбе.

Рукопись предисловия, помеченная «Лондон, 21 января 1881 г.», была написана полностью Энгельсом, а Маркс сделал лишь одну маленькую поправку и поставил свою подпись¹⁰⁸. Ввиду того что рукопись, которую мы имеем сегодня, ближе к концу содержит абзац, который был сначала написан, затем вычеркнут, затем написан заново, невозможно считать ее чистовым вариантом, списанным Энгельсом с какой-то другой рукописи. Поэтому логически можно предположить, что Маркс, будучи не в духе, попросил Энгельса написать текст, а когда он был готов, поставил свою подпись под ним, не внося никаких существенных исправлений. То, что Маркс не был полностью удовлетворен текстом «Предисловия», можно догадаться из письма, которое он послал Лаврову вместе с рукописью: «поскольку эти строки предназначены для перевода на русский язык, то стилистически они не так отделаны, как это необходимо было бы для опубликования их на немецком языке...»¹⁰⁹.

Вот что говорилось в этом знаменитом предисловии к русскому изданию «Манифеста» о судьбах русской общины: «Единственно возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»¹¹⁰.

Предложенная здесь перспектива отличается от той, что наметил Маркс в письме Засулич и набросках к нему, тем, что посту-

---

¹⁰⁷ Маркс, Энгельс и революционная Россия. С. 457–458.

¹⁰⁸ Фотокопия этой рукописи воспроизведена в: К 75-летию «Коммунистического Манифеста» // Былое. 1927. № 22. С. 314–315.

¹⁰⁹ Маркс, Энгельс. Соч. Т. 35. С. 213.

¹¹⁰ Там же. Т. 19. С. 305.

лирует в качестве условия русского возрождения дополняющий фактор в виде пролетарской революции на Западе. Энгельс продолжал твердо верить в то, что русская революция, начавшись, будет немедленно подхвачена в Германии. Месяцем позже, 22 февраля, он писал Бернштейну: «В Германии у нас сейчас такая ситуация, которая с возрастающей быстротой приближает революцию и вскоре должна выдвинуть нашу партию на первый план... Единственное, чего нам не хватает, это своевременного толчка извне. Таким толчком послужит положение в России, в которой начало революции – теперь уже только вопрос месяцев»¹¹¹.

Таким образом, и по содержанию рукописи можно сказать, что «Предисловие», под которым стоят совместные подписи Маркса и Энгельса, выражает в большей степени мнение Энгельса, чем Маркса.

Известно, что Маркс прочитал в 1882 году книгу В. Воронцова «Судьбы капитализма в России»¹¹². 14 декабря того же года он написал дочери Лауре Лафарг:

«Некоторые из *недавно опубликованных* русских изданий, отпечатанных на Святой Руси, а не за границей, свидетельствует о быстром распространении моих теорий в этой стране. Нигде мой успех не мог бы быть для меня более приятен; он дает мне удовлетворение в том, что я наношу удар державе, которая наряду с Англией является подлинным оплотом старого общества»¹¹³.

Маркс не говорит здесь о русской революции. Он лишь видит утешение в том, что его теории находят благодарный отклик и помогают разрушить реакционную державу. Через три месяца, 17 марта 1883 г., Маркса не стало.

---

¹¹¹ Там же. Т. 35. С. 233–234.

¹¹² *Конюшая*. Указ. соч. С. 430–431.

¹¹³ *Маркс, Энгельс*. Соч. Т. 35. С. 342.

1980

Политическая логика советского антифашизма*

К середине 1930-х гг. Советский Союз не только провозгласил себя центром антифашистской деятельности, но и заслужил уважение антифашистов всего мира. Однако в период, последовавший за заключением советско-германского пакта о ненападении, многие симпатизировавшие СССР были сильно разочарованы, и только после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз в 1941 г. роль СССР, как главной силы в борьбе против фашизма, снова стала ясна в полной мере. Испытания, которые выдержал советский народ в ходе этой борьбы, и проявленный им героизм хорошо известны.

Мы хорошо знаем и то, что во время этой «борьбы с фашизмом» развернулся «большой террор» и таким путём завершилось формирование системы сталинизма. Связана ли логика антифашизма с логикой формирования сталинизма? Или, если взглянуть на проблему с другой стороны, не противостоит ли антифашистская логика логике сталинизма? Оставаясь в рамках проблем антифашистской борьбы и советской истории, я хочу сосредоточить своё внимание на анализе логики этих двух феноменов.

Настоящая работа является результатом моего участия в научной программе Института общественных наук Токийского университета за 1973–1978 гг. В то же время за год пребывания в СССР в научной командировке я имел прекрасную возможность ещё раз непосредственно оценить состояние дел с предметом исследования. Это позволило мне отразить в работе новое понимание проблемы. Публикуемая статья, посвящённая логике советского антифашизма, рассматривает, во-первых, официальную позицию, во-вторых, позицию Н.И. Бухарина и, в-третьих, позицию драматурга-моралиста.

---

* Впервые опубликовано в книге: «Ундо то Тэйко» (Движения и сопротивления). Т. 2. – Токио, 1980.

Официальная позиция

Понятие официальной позиции в Советском Союзе включает позицию правительственных органов, центральных органов партии и – для данного периода – руководителей Коминтерна. Само собой разумеется, что верховным руководителем всего был Сталин и на протяжении всего этого времени официальная позиция по всем важным вопросам неотделима от его позиции и едина с ней. В качестве основного источника для изучения официальной позиции мы используем «Большевик», издание ЦК ВКП(б). Выходивший два раза в месяц, этот журнал был гораздо более «упорядоченным», нежели ежедневные газеты, и отражал официальную позицию, а потому являлся наиболее подходящим источником для исследования. Хронологические рамки нашей работы ограничены периодом 1933–1939 гг.

1933 год

30 января 1933 г. Гитлер законным путем пришёл к власти в Германии. Это событие, с официальной советской точки зрения, не имело сколько-нибудь серьёзного значения во всемирно-исторической перспективе. Редколлегия «Большевика» в это время состояла из десяти человек: К.Э. Бауман, Н.И. Бухарин, А.И. Криницкий, В.М. Молотов, Н. Попов, П.Н. Поспелов, К. Розенталь, А.И. Стецкий, Б.М. Таль, Е.М. Ярославский. Один из десяти – А.И. Стецкий, ученик Бухарина, перешедший на сторону Сталина, был заведующим отделом агитации и пропаганды ЦК (Агитпроп) и в этом качестве, как можно предположить, исполнял обязанности главного редактора журнала.

В ходе событий предыдущего 1932-го года часть коммунистических партий Европы, оценивая силу нацистской партии, подвергли пересмотру теорию «социал-фашизма» и выступили против неё. Однако руководители ВКП(б) и Коминтерна не прислушались к ним, продолжая считать социал-демократию «важнейшей социальной опорой буржуазии» и рассчитывая на скорое приближение революционного взрыва. Как писал «Большевик», «правительство Папена является одной из форм фашистской диктатуры» и считать, «будто фашизация в Германии мыслима лишь при том условии, если Гитлер будет рейхсканцлером или президентом Германии» – это совершенно неприемлемая, «социал-де-

мократическая оценка положения в Германии»¹. Так что в приходе Гитлера к власти уже после установления фашистской диктатуры нет ничего удивительного.

В № 3 «Большевика» за 1933 г. (15 февраля) появилась статья К. Радека, озаглавленная «Новый этап фашизации Германии». Исходя, как всегда, из вопроса о перспективах революции, он стремился уловить смысл происходящего. «Приход к власти Гитлера завершает известную историческую полосу и является новым, *отличным* этапом в истории классовой борьбы германского народа, в истории вызревания условий возникновения советской Германии»².

Член Исполкома Коминтерна О.А. Пятницкий поместил в № № 10 и 11 (соответственно 30 мая и 15 июня) статью «О современном положении в Германии», в которой упорно настаивал на ответственности социал-демократической партии за приход Гитлера к власти и на необходимости расширения деятельности компартии. Он повторял, что «революционный кризис приблизит конец германского фашизма» и что «пролетарская революция в Германии неизбежна»³.

Разумеется, воинственные намерения Гитлера не могли не привлечь к себе внимания, хотя в первых публичных выступлениях он воздерживался от их акцентирования. Самые ранние отклики на них содержались в статье заместителя заведующего Восточным отделом ИККИ Л. Мадьяра «Фашизм и опасность войны», опубликованной в № 9 «Большевика» (15 мая). Хотя в статье говорилось о повороте Германии – с приходом Гитлера к власти – от раппальской политики к антисоветскому курсу, это рассматривалось лишь как один шаг в общей «перегруппировке империалистических держав». «Значит ли это, что в настоящее время только фашизм является знаменосцем империалистической войны и военной интервенции против СССР и носителем граж-

---

¹ Кун Бела. Задачи компартии в борьбе с социал-демократией. // Большевик. 1932. № 17–18. С. 21. Потом в статьях, помещённых в журналах «Большевик», названы только год и номер. О тактике единого фронта. 1932, № 13; Мануильский Д. О конце капиталистической стабилизации. 1932, № 19; Пятницкий О. Революционный подъём, отставание компартий и их задачи. 1932, № 19, 20; Куусинен О. Международное положение и задачи секций Коминтерна. 1932, № 20, 21, 22–23; Кнорин В. Нарастание революционного подъёма и задачи компартии Германии. 1932, № 21.

² Радек К. Новый этап фашизации Германии. 1933, № 3. С. 39.

³ Пятницкий О. О современном положении в Германии. 1933, № 11. С. 47.

данской войны против пролетариата?»⁴. Выводом статьи стал постулат: развязанные буржуазией «войны и интервенции должны привести и приведут к концу буржуазного господства»⁵.

В сравнении с этой работой передовая статья № 11 (25 июня) «Антисоветская политика германского фашизма и международный пролетариат» содержала новые положения, на которые надлежало обратить внимание. В качестве наиболее опасного момента выделялось то, что «германский фашизм возник под знаменем борьбы не только против германского рабочего класса, но и под знаменем борьбы против Советского Союза»⁶. Благодаря помощи Германии со стороны «фракции твердолобых» в английском руководстве появилась возможность создания англо-германского блока, более того германский фашизм становится эпицентром войны против СССР.

В статье утверждалось, что, хотя агрессивная война против СССР является «не более чем опасностью», «борьбе с этой опасностью должна служить наша внутренняя и внешняя политика, борьба мирового революционного пролетариата и крестьянства»⁷. Этот вывод сближается с утверждением, что защита советского государства есть долг мирового пролетариата. «Борьба за мир, борьба с опасностью интервенции – это не только борьба против нападения на страну социализма, но и одновременно борьба за победу рабочего класса над фашизмом, за победу социализма в капиталистических странах»⁸.

Эта статья решительно отличается от прежних – тем, что она признала главной опасностью приход к власти германского фашизма, а поэтому главной задачей выдвинула борьбу с ним. Особенностью статьи было и то, что термин «социал-фашисты» встречался в ней всего один раз.

В статье говорилось, что «война против СССР – это война за победу “железной пяты”». «Железная пята» – выражение, заимствованное Бухариным из романа Джека Лондона для характеристики «военно-государственного капитализма»⁹. Следовательно,

⁴ Мадьяр Л. Фашизм и опасность войны. 1933, № 9. С. 21.

⁵ Там же. 1933, № 11. С. 68.

⁶ Антисоветская политика германского фашизма и международный пролетариат. 1933, № 11. С. 1, 6.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Там же. С. 15.

⁹ Cohen S.F. Bukharin and the Bolshevik Revolution. – New York, 1973. P. 31. В связи с этим Сиокава Нобуаки, историк и переводчик книги Козна,

употребление этого выражения намекает на то, что автором передовой статьи мог быть и Бухарин, хотя подпись автора под ней отсутствует. Если это так, то бывший оппозиционер, проявлявший дотоле сдержанность, ставит от имени партии новые принципиальные вопросы, но делает это, разумеется, по предложению или рекомендации Сталина. Поэтому появление указанной передовой статьи надо рассматривать как выражение недовольства сложившимся положением со стороны Сталина и руководителей Коминтерна.

Выраженная в статье новая тенденция сводилась к тому, чтобы попытаться конкретно определить суть фашизма, не ограничиваясь рамками прежней логики. Её отражением стала и статья «Литература германских фашистов перед их приходом к власти» в № № 14 и 15–16 журнала (соответственно 30 июля и 31 августа). Автор подписался инициалами Г.З. Можно предположить, что это Г.Е. Зиновьев, чьё имя снова появилось в № 13. Статья является откликом на двадцать брошюр вышедших в серии «Библиотека национал-социалиста», в том числе на брошюру А. Розенберга «Мировая политика франкмасонства в свете критического изучения» (Rosenberg Alfred. Freimaurerische Weltpolitik im Licht des kritischen Forschungen. – München, 1932). В ней освещены взгляды нацистов на такие проблемы как марксизм, отношение к Советскому Союзу, аграрные проблемы, учение об управлении государством, жилищная политика, искусство и культура, пресса, муниципалитеты, кооперативы и др. Автор этой статьи также настаивает на том, что «центральная задача германских фашистов – подготовка войны против СССР»¹⁰.

Подобный новый подход, разумеется, не стал ещё официальным. Старая позиция продолжала существовать. Передовая статья № 15–16 «Кризис капитализма и фашизация международной социал-демократии» осуждала высокую оценку социал-демократии «Нового курса (New Deal)» президента Ф. Рузвельта. В ней, в частности, говорилось: «Социал-демократия “угрожает” ему (фашизму) единым фронтом с буржуазией в целях восстановления буржуазной демократии»¹¹. О сущности фашизма Л. Мадьяр

впервые в послесловии опубликованного в 1979 г. перевода указал то, что Бухарин может быть автором этой статьи.

¹⁰ Г.З. Литература германских фашистов перед приходом их к власти. 1933, № 13. С. 86.

¹¹ Кризис капитализма и фашизация международной социал-демократии. 1933, № 15–16. С. 8.

в статье «Что такое фашизм?» в № 13 (15 октября) писал: «фашизм и социал-фашизм – они “не антиподы, а близнецы” (Сталин)»¹². В сравнении с этим новыми выглядели выводы Радека, разбиравшего в № 21 вопрос о японском фашизме. Согласно Радеку, отличительными чертами фашизма является то, что, во-первых, он развивается на экономической почве господства монополистического капитализма, а во-вторых, является диктатурой, опирающейся на массовые организации, преимущественно мелкобуржуазные.

Хотя открывшийся в декабре 1933 г. XIII пленум ИККИ дал ставшее потом известным определение «фашизма», разногласия не были преодолены. В докладе О.В. Кусинена на пленуме «Фашизм, опасность войны и задачи коммунистических партий», появившемся в № 24 «Большевика» (31 декабря), новых подходов или стратегии не наблюдалось. Так член ИККИ В. Кнорин в который раз повторял, что «“левая” социал-демократия” является «наиболее опасным врагом коммунизма»¹³.

Таким образом, разногласия пока оставались.

1934 год

В начале 1934 г. № 1 «Большевика» (2 января) поместил статью члена ИККИ Д.З. Мануильского «Кризис капитализма и задачи мирового коммунистического движения». Она была написана как доклад для XIII-го Пленума ИККИ, но стала явной демонстрацией иной тональности. Подтверждая, что «произошло более быстрое вызревание элементов фашизма и войны, чем элементов революционного кризиса»¹⁴, автор сделал акцент на опасности германского фашизма и подчеркнул: «Особенно важной международной задачей всего мирового коммунистического движения является борьба *против германского фашизма*»¹⁵. Специально было выделено положение о главном долге коммунистов, о том, что они «должны всё сделать, чтобы не допустить империалистической... войны капиталистического мира против Советского

¹² *Мадьяр Л.* Что такое фашизм? 1933, № 13. С. 91, 92.

¹³ *Кнорин В.* Фашизм, социал-демократия, коммунисты. 1933, № 24. С. 43; *Куусинен О.* Фашизм, опасность войны и задачи коммунистических партий. 1933, № 24; 1934, № 2, 3–4.

¹⁴ *Мануильский Д.* Кризис капитализма и задачи мирового коммунистического движения. 1935, № 1. С. 24.

¹⁵ Там же. С. 36.

Союза»¹⁶. Первоначальные оценки «социал-фашизма» остались без изменений, и, как в тезисах пленума, снова говорилось о свержении диктатуры буржуазии и установлении советской власти, но подобные положения, высказанные коминтерновцами, действительно, были новыми. Это свидетельствовало о приближении Коминтерна к линии, установленной в передовой статье «Большевика» в № 11 за предыдущий год.

В конце января 1934 г. открылся XVII съезд ВКП(б). Этому чрезвычайно важному партийному съезду была посвящена передовая статья № 2 «Большевика» (31 января). «XVII съезд – съезд победителей». «Всей своей работой съезд демонстрировал ту истину, что Сталин – знамя нашей борьбы, наших побед. Съезд принял доклад т. Сталина как программу борьбы за бесклассовое социалистическое общество»¹⁷. В статье был подробно освещен доклад Л.М. Кагановича на съезде. Особое внимание уделялось указанию Сталина «развивать бдительность, не усыплять её». Однако, о высказываниях Сталина, связанных с победой фашизма, не упоминалось.

С седьмого номера (15 апреля) в редколлегии «Большевика» произошли изменения. Главным редактором был назначен член ИККИ, автор работ о «социал-фашизме» В.Б. Кнорин. А.И. Стецкий и П.Н. Поспелов остались на своих местах, но в редколлегию был введен Г.Е. Зиновьев. Бывший ранее членом редколлегии Н.И. Бухарин был назначен главным редактором «Известий». «Воскресение» Зиновьева было понято как выражение примирения и консолидации, начавшихся с XVII съездом партии.

Плодовитый автор, Зиновьев, регулярно выступал почти в каждом номере «Большевика» (№ № 8, 9–10, 12) с критикой нацистской литературы (обычно под инициалами Г.З.). Можно предположить, что критические рецензии на нацистскую литературу в № № 12 и 13–14 за подписью «Гр.» также принадлежат Зиновьеву.

В № 12 «Большевик» (30 июня) откликнулся статьёй К. Радека «Начало кризиса германского фашизма» на так называемую «Ночь длинных ножей» в Германии (убийство Э. Рема, Г. Штрассера и др.): «Основное в событиях – это разгром мелкобуржуазного крыла германского фашизма»¹⁸.

¹⁶ Там же. С. 35.

¹⁷ Знамя борьбы – программа новых великих работ. 1934, № 2. С. 1.

¹⁸ Радек К. Начало кризиса германского фашизма. 1934, № 12. С. 37.

Начиная с № 15 (15 августа) фамилия Зиновьева исчезает из списка членов редколлегии. Кнорина заменил новый главный редактор Стецкий, а работу Зиновьева принимает на себя Б. Таль. Смысл этих изменений не вполне ясен. По крайней мере, антифашистская направленность с этого момента ещё более усиливается. Об этом свидетельствует, например, передовая статья № 15 «Под флагом Советов, под флагом социализма», посвящённая открывшемуся 17 августа Первому съезду советских писателей.

Основываясь на Постановлении ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций», статья подчеркивала, что «залог успеха... съезда писателей – внимательное повседневное руководство художественной литературой со стороны Центрального комитета ВКП(б)»¹⁹. Особое внимание обращалось на то, что в борьбе с фашизмом для деятелей литературы всего мира недопустима позиция политического нейтралитета и что утверждение этого положения вменялось съезду писателей в обязанность.

«Проповеди человеконенавистничества и империалистических войн» в фашистской литературе требовалось противопоставить «литературу, призывающую к борьбе за такой общественный строй, в котором никогда не будет ни классов, ни войн». «Рабочий класс требует от искусства прежде всего правды. Требование правды открывает перед литературой и искусством все неисчерпаемые богатства действительного мира. Фашисты боятся правды, которая разоблачает их, ускоряет их неизбежное низвержение. Поэтому фашисты в искусстве требуют не правды, а лжи»²⁰.

Выступая против союза литературы с наукой, фашизм основывается на мистицизме, мракобесии, средневековом невежестве, отвергает не только многие произведения современной литературы, но и великое классическое наследие, и только пролетарская революция может спасти «созданную человечеством культуру». Так говорилось на съезде.

В деятельности Коминтерна конкретный поворот начался с образования в июне–июле 1934 г. единого фронта коммунистической и социалистической партий во Франции (22). № 16 «Большевика» (31 августа) опубликовал статью члена ЦК ФКП А. Вассара «Развитие единого фронта во Франции». С целью при-

¹⁹ Под флагом Советов, под флагом социализма. 1934, № 15. С. 4.

²⁰ Там же. С. 7.

влекь социал-демократию к борьбе с фашизмом разговоры о «социал-фашизме» были прекращены²¹.

Вступление СССР в Лигу Наций 18 сентября было отмечено на страницах № 17 статьёй Радека²², затем в № 18 (30 сентября) со статьёй «Вопросы международного профессионального движения» (в рубрике «Навстречу Седьмому конгрессу Коминтерна») выступил О.А. Пятницкий, в № 19–20 (7 ноября) появилась статья В. Кнорина «СССР и мировой пролетариат». Авторы двух последних работ, сохраняя преемственность по отношению к существовавшему курсу Коминтерна, несколько модифицировали его, чтобы разъяснить суть поворота к тактике антифашистского единого фронта. Пятницкий указывал, что «единый фронт снизу был и остается основной формой единого фронта», но не должна исключаться и тактика единого фронта «сверху»²³. Кнорин, резко критикуя верхушку социал-демократических партий, заявлял, что создание единого фронта с ними «есть отражение того факта, что социал-демократические партии уже не могут удержать рабочих от борьбы»²⁴.

По мере того, как крепили голоса антифашистов, постепенно осуществлялся поворот.

Важным событием внутренней политики СССР стал Пленум ЦК ВКП(б), проходивший 15–17 ноября. Он принял решение об отмене карточной системы по хлебу и о ликвидации политотделов МТС. Это означало дальнейшее смягчение напряжённости в городах и деревнях. Передовая статья № 22 «Большевика» (30 ноября) отметила «исключительное значение» двух этих решений. Однако на первых страницах того же номера сообщалось об убийстве С.М. Кирова, повернувшем вспять течение событий этого года.

Объективный подход к делу говорит в пользу той версии, что, хотя убийство Кирова и было индивидуальным актом задумавшего его молодого члена партии Л. Николаева, оно было осуществлено с молчаливого согласия органов безопасности²⁵. Но было

²¹ *Вассар А.* Развитие единого фронта во Франции. 1935. № 16.

²² *Радек К.* Вступление СССР в Лигу нации. 1935, № 17.

²³ *Пятницкий О.* Вопросы международного профессионального движения. 1935, № 18. С. 11.

²⁴ *Кнорин В.* СССР и мировой пролетариат. 1934, № 19–20. С. 23.

²⁵ *Медведев Рой.* К суду истории. Генезис и последствия сталинизм. — New York, 1974. С. 318–332.

объявлено, что Николаев, в прошлом принадлежавшей к зиновьевской оппозиции, входил в так называемый «ленинградский центр» и совершил убийство Кирова по приказанию этой организации; стоявшие за ним люди во главе с Зиновьевым и Каменевым (всего 15 человек) были арестованы.

Передовая статья № 23 «Большевика» (15 декабря) «Завершённый круг измен и предательства» называла Николаева и других арестованных «гносными подонками зиновьевской антипартийной группы, скатившимися в клоаку белогвардейско-фашистской контрреволюции» и утверждала, что ради свержения советской власти они желали «антисоветской интервенции империалистических государств», «связались с представителями капиталистического окружения», «получали крупные денежные подачки от консула одной из иностранных держав» и через его посредничество установили связь с Троцким²⁶. Говорилось и о «фашистах из “ленинградского центра”», но основание к такому определению не упоминалось. В том же номере была помещена статья молодого Б.Н. Пономарева «О зиновьевской оппозиции и её контрреволюционных подонках», в которой тоже без всяких объяснений употреблялись выражения «фашистские подонки» и «фашистские убийцы»²⁷. Отметим, что Пономарев также упоминал о переговорах Каменева с Бухариным и о группе Рютин-Слепкова. Остриё статьи было направлено против всей прежней оппозиции в целом.

Статья Н. Березина «О пролетарской демократии и укреплении диктатуры пролетариата» в следующем № 24 (31 декабря) привлекает внимание тем, что в ней автор пропагандирует новую теорию. Вот что он пишет: «Классовая борьба в нашей стране продолжается... Не случайно, что белогвардейско-фашистские подонки зиновьевской антипартийной и антисоветской группы, мечтавшие о свержении советской власти путём (иностранной) интервенции, не раз бегали к иностранному консулу и получали от этого консула крупные денежные суммы». Березин недвусмысленно отмечает, что в условиях существования «капиталистического окружения» и после подобных событий «классовая бдительность должна быть во много раз усилена», и завершает

---

²⁶ Завершённый круг измен и предательства. 1934, № 23. С. 2–3.

²⁷ Пономарев Б. О зиновьевской оппозиции и её контрреволюционных подонках. 1934, № 23. С. 52.

статью цитатой из Сталина: «отмирание государства придёт не через ослабление государственной власти, а через её максимальное усиление»²⁸.

1935 год

Мысли, содержащиеся в статье Березина, были развиты в закрытом письме ЦК ВКП(б) от 18 января 1935 г. ко всем партийным организациям. В нём говорилось: «Надо покончить с оппортунистическим благодушием, исходящим из ошибочного предположения о том, что по мере роста наших сил враг становится будто бы всё более ручным и безобидным. Такое предположение в корне неправильно. Оно является отрывкой правого уклона, уверявшего всех и вся, что враги будут потихоньку вползать в социализм, что они станут в конце концов настоящими социалистами... Не благодушие нужно нам, а бдительность, настоящая большевистская революционная бдительность»²⁹. Эти директивы прямо метили в бывших троцкистов и зиновьевцев.

После закрытого суда по делу Николаева и других 15 января 1935 г. начался суд по делу группы Зиновьева, участники которой обвинялись в организации убийства Кирова. 16 января было оглашено решение суда, согласно которому Зиновьев был приговорён к десяти годам тюремного заключения, а Каменев – к пяти. Была подтверждена связь Николаева с иностранным консулом; сообщалось, что это – консул Латвии в Ленинграде³⁰.

В передовой статье первого номера «Большевика» за тот год (15 января) «Больше революционной бдительности!» говорилось, что скрывающая свои подлинные намерения оппозиция ныне представляет собой «явление совершенно новое» в истории партии и что «зиновьевская фракционная группа, ныне разгромленная до конца, была самой предательской и самой презренной из всех фракционных групп в истории нашей партии»³¹. Так зиновьевцев решительно называли врагами. Понятие «фашисты» отошло на второй план, и о конкретной связи оппозиционеров с фашизмом не говорилось.

²⁸ Березин Н. О пролетарской демократии и укреплении диктатуры пролетариата. 1934, № 24. С. 29.

²⁹ История ВКП(б). Краткий курс. – Госполитиздат, 1950. С. 312.

³⁰ Троцкий Л.Д. Ответ послу Бирманису. Чосакусю 1937–1938 (Сочинения 1937–1938). Ч. 2. – Цугэ Шобо, 1974. С. 190–191.

³¹ Больше революционной бдительности! 1935, № 1. С. 9.

В том же 1935 г. Седьмой всесоюзный съезд Советов принял решение о внесении изменений в Конституцию – о введении всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. 7 февраля было объявлено о создании конституционной комиссии под руководством Сталина в составе 30 человек, куда в частности вошли Радек и Бухарин³². Этому была посвящена передовая статья № 3 (15 февраля) «Победы социализма и расцвет советской демократии».

В этой статье говорилось о «двух линиях мирового развития»: капиталистической, основанной на гнёте, бесправии и фашизации, и социалистической, характеризующейся улучшением жизни, освобождением от эксплуатации и развитием советской демократии. Поэтому «путём развития буржуазных стран» является поворот буржуазной демократии от парламентских форм к фашизму, а всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право «сейчас отброшено или отбрасывается прочь в буржуазных странах». Таким образом, подлинно демократические выборы возможны только в Советском Союзе³³. В статье цитируются слова В.М. Молотова о том, что «в советском государстве рабочие города и трудящиеся деревни впервые в истории слились в одну семью, в семью строителей социализма»³⁴.

Передовая статья № 4 (28 февраля) «СССР на страже мира» также основывалась на докладе Молотова на Седьмом съезде Советов о тенденциях мирового развития: на положениях о том, что «фашизация буржуазного государства... – явление, присущее всем буржуазным странам» и что Япония и Германия представляют собой «очаги новой войны»³⁵. Указывая на союз фашистской Германии и «польского фашизма», статья отмечала, что «не случаен также отказ германского и польского правительств присоединиться к Восточному пакту (так называемое “Восточное Локарно”), и называла Францию и её союзников «странами, заинтересованными, по крайней мере, сейчас, в сохранении мира». Как о возможных будущих изменениях говорилось о перспективе поворота британского империализма к союзу с Германией и Японией для подготовки антисоветской войны»³⁶. Несомненным про-

---

³² Известия, 7 февраля 1935. С. 1.

³³ Победы социализма и расцвет советской демократии. 1935, № 3. С. 3–4.

³⁴ Там же. С. 6.

³⁵ СССР на страже мира. 1935, № 4. С. 1–2.

³⁶ Там же. С. 3.

явлением антисоветских тенденций называлось и назначение Пьера Лавалья на пост министра иностранных дел Франции.

Однако заключение в мае 1935 г. франко-советского договора о взаимной помощи вызвало изменение тона прессы. Седьмому конгрессу Коминтерна были предпосланы статьи В. Кнорина «Фашизм и пролетариат» в № 8 (1 мая) и О.А. Пятницкого «О едином фронте» в № 12 (30 июня). Обе статьи, пытаясь не противоречить прежнему курсу, провозглашали лозунг «антифашистского народного фронта». Всё же Кнорин назвал «свержение фашистской диктатуры» «единой целью» общей борьбы коммунистов и рабочего класса³⁷.

С 25 июля по 21 августа 1935 г. проходил Седьмой конгресс Коминтерна, на котором был принят курс на антифашистский народный фронт, изложенный в докладе Г. Димитрова. Передовая статья № 14 «Большевика» (31 июля) пересказывала его доклад: «Главнейшим поджигателем новой войны является германский фашизм – реакционнейшая из разновидностей фашизма, ударный кулак международной контрреволюции»³⁸. Фашизму противостоит «великая родина социализма – СССР», мирная политика которого оказывает «огромную поддержку делу мирового революционного движения в борьбе против войны»³⁹. «Иллюзии о возможности автоматического краха фашизма» должны быть решительно отброшены. «Только упорная и решительная массовая революционная борьба трудящихся» может свергнуть фашизм. Коммунисты могут защитить демократические права и свободы, но для этого необходимо создание народного фронта. Передовая статья чётко говорила о том, что «две силы, два лагеря вышли на борьбу: лагерь фашизма и лагерь социализма»⁴⁰.

Конгресс стал событием исключительной важности, поэтому и этот номер, и следующие № № 15 и 16 (соответственно 15 и 31 августа) были специально посвящены ему, а передовые статьи всех трёх номеров подробно разъясняли его выводы и решения. Антифашистская борьба была определена не только как главная цель международного коммунистического движения, но и как наиболее важная задача момента для советского государства, партии и народа.

³⁷ Кнорин В. Фашизм и пролетариат. 1935, № 8. С. 15; Пятницкий О. О едином фронте. 1935, № 12.

³⁸ VII Конгресс Коминтерна. 1935, № 14. С. 1.

³⁹ Там же. С. 1–2.

⁴⁰ Там же. С. 3.

Германскому фашизму, названному «открытой, террористической диктатурой наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала», противостоит Советский Союз – социалистическое государство, в котором достигнут полный расцвет «советской демократии», благодаря изменениям в Конституции. Такова была окончательная формулировка положения о мировых конфликтах.

Отмечу, кстати, что именно в этом году началось широкомасштабное изъятие сочинений Троцкого, Зиновьева, Каменева из библиотек⁴¹. Был арестован имевший к этому непосредственное отношение В.И. Невский, директор Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, а также снят с должности секретарь ЦИК СССР А.С. Енукидзе⁴². В мае и июне были ликвидированы Общество старых большевиков и Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев⁴³. 19 мая было издано специальное письмо ЦК ВКП(б) ко всем партийным организациям о перерегистрации и проверке партийных документов. Было дано указание провести во всех организациях тщательную проверку партийных документов, «навести большевистский порядок в нашем собственном партийном доме»⁴⁴. Кампании, начатой этим письмом, «Большевик» посвятил передовую статью «О партийных кадрах и проверке партийных документов» (№ 13 от 15 июля). В ней указывалось, что партийные организации на местах недостаточно хорошо знают своих членов, а «поэтому для многих организаций совершенно неожиданно вскрываются такие факты, как наличие в их рядах чуждых людей, врагов партии, обманным путем завладевших партийными билетами»⁴⁵. Репрессии, совпавшие с началом кампании, затрагивали уже не только бывших оппозиционеров, но и сторонников Сталина.

Однако это ещё не приняло широких масштабов. В конце декабря открылся Пленум ЦК ВКП(б), который 25 декабря принял резолюцию «Об итогах проверки партийных документов». В ней говорилось, что в руках классовых врагов ещё остались средства борьбы, и содержались призывы к повышению бдительности.

---

⁴¹ *Fainsod M.* Smolensk under Soviet Rule. – Cambridge, Mass., 1958. P. 374–376.

⁴² *Медведев Пой.* Указ. соч. С. 333.

⁴³ *Nicholaevsky Boris.* Power and the Soviet Elites. – University of Michigan Press, 1975. P. 56–57.

⁴⁴ История ВКП(б). Краткий курс. С. 313.

⁴⁵ О партийных кадрах и проверке партийных документов. 1935, № 13. С. 2.

Сообщалось также, что проверка партийных документов «подходит к концу» и будет закончена до 1 февраля 1936 г., после чего предполагается приступить к обмену партийных билетов и приёму в партию новых членов с 1 июня того же года⁴⁶.

1936 год

В этом году, в отличие от прежних лет, второй номер «Большевика» (15 января) стал специальным выпуском, посвящённым годовщине смерти Ленина. Впервые в номере были опубликованы звучавшие в унисон событиям этого года телеграммы – от Ленина Сталину (7 июля 1918 г.) и ответная телеграмма.

Ленинская телеграмма была посвящена левозэровскому мятежу: «У нас заложниками сотни левых эсеров. Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов, ставших орудием в руках контрреволюции. Все, кто против войны, будут за нас». Сталин отвечал: «Всё будет сделано. Что касается истеричных – будьте уверены, у нас рука не дрогнет. С врагами будем действовать по-вражески»⁴⁷.

К началу года усилилось ощущение того, что чистка партии в связи с проверкой документов завершилась. Передовая статья № 4 «Большевика» (15 февраля) была посвящена «обмену партийных документов». В ней говорилось, что благодаря кампании по проверке партийных документов ряды партии были очищены от врагов – «от шпионов контрразведок капиталистических стран до жалких осколков белогвардейской банды зиновьевцев и троцкистов»⁴⁸. Отделяя бывших оппозиционеров от шпионов, ни тем, ни другим не приклеивали ярлык «фашистов».

Другим важным событием стало Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 26 января о критике в исторической науке школы М.Н. Покровского и о преподавании гражданской истории в школах. Для его претворения в жизнь был создан специальный комитет в составе 11 человек под руководством А.А. Жданова, в который вошли, в частности, Бухарин и Радек⁴⁹. Эти материалы

⁴⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. – М., 1971. С. 243–252.

⁴⁷ Большевик. 1936. № 2. С. 74; Правда, 26 января 1936 г. С. 1. Ответная телеграмма Сталина была уже опубликована в «Правде» от 20 декабря 1929 г.

⁴⁸ Обмен партийных документов. 1936, № 4. С. 2.

⁴⁹ Большевик. 1936. № 3. С. 61–62.

были опубликованы в № 3 «Большевика» (1 февраля) вместе с передовой статьей «Историческая наука и ленинизм»⁵⁰.

Обнародование проекта исправленной Конституции СССР и его всенародное обсуждение также свидетельствовали о новой ситуации. В № 11 (1 июня) поместили в связи с этим передовицу «Конституция социалистического государства рабочих и крестьян», статью А.И. Стецкого «О ликвидации классов в СССР» и статью Н. Челяпова о всеобщем, прямом, равном и тайном избирательном праве⁵¹. Затем в № 12 (15 июня) появился полный текст проекта новой Конституции, а передовая статья была озаглавлена «Великая сталинская конституция»⁵².

Диссонансом к этим праздничным настроениям стали известия 18 июня о смерти Горького и 18 июля о начале военного мятежа в Испании. За этим последовали новости о ещё более важном заговоре. Внутри партии распространилось закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 29 июля «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока»⁵³. Достоянием гласности это стало 15 августа, когда было объявлено, что предстоит процесс 16 бывших оппозиционеров во главе с Камневым и Зиновьевым, которые обвинялись в связи с заграничным троцкистским центром, в подготовке убийства руководителей партии и Советского правительства во главе со Сталиным, в организации убийства Кирова. 19 августа начался суд. Заслуживает внимания такой новый конкретный момент – обвинение этой группы в связях с гестапо⁵⁴.

«Большевик» писал в передовой статье «Выше большевистскую бдительность» (№ 16 от 15 августа): «Наша партия одержала величайшие победы... Однако только обыватели и оппортунисты могут думать, что дальнейшее развитие социалистического строя пойдёт самотёком... Именно потому, что мы победоносно двигаемся вперёд, враги народа, отбросы общества, последыши капиталистических классов, агенты фашистской тайной полиции

⁵⁰ Историческая наука и ленинизм. 1936, № 3.

⁵¹ Конституция социалистического государства рабочих и крестьян. 1936, № 11; А. Стецкий. О ликвидации классов в СССР. Там же; Челяпов Н. Всеобщее, прямое, равное избирательное право при тайном голосовании. Там же.

⁵² Великая сталинская конституция. 1936, № 12.

⁵³ Smolensk Archives WKP 499. Л. 322–328. Связь с фашистами, которая будет подчеркнута в момент начала суда, была упомянута в этом письме тоже, но она менее прочна, чем связь с белогвардейцами.

⁵⁴ Известия, 15 августа 1936 г. С. 1.

и контрразведок объединяются, чтобы пакостить нашему народу. Организующим центром всех этих антиобщественных элементов стал троцкистско-зиновьевский блок, выродившийся в самую подлую бандитскую шайку»⁵⁵.

В том же номере появились статьи о международном положении: «Фашистская авантюра в Испании» Н. Майорского и «Военный обзор гражданской войны в Испании» Ф. Демидова⁵⁶.

После открытого судебного процесса, основанного на признании обвиняемых, 24 августа был объявлен вердикт, приговаривавший всех подсудимых к расстрелу. Передовая статья «Приговор народа» («Большевик», № 17 от 1 сентября) сообщала: «Подлые убийцы, продавшиеся фашистам: Зиновьев, Каменев... (и другие) – расстреляны». В статье цитировались слова Г. Димитрова, представлявшего Коминтерн: «Суд над террористами, агентами фашизма – составная часть антифашистской борьбы международного рабочего класса»⁵⁷. Автор статьи утверждал: «Троцкизм является головным отрядом международной контрреволюции, выразителем её воли и чаяний, самым верным агентом фашизма»⁵⁸. В следующем номере (№ 18 от 31 сентября) была напечатана статья прокурора А.Я. Вышинского, прямо названная «Агенты гестапо»⁵⁹.

В это же самое время ЦК ВКП(б) открыто поддержал испанских республиканцев и призвал к борьбе с франкистскими фашистами⁶⁰. Журнал в № 19 (1 октября) поместил статьи М. Эрколи (П. Тольятти) «Борьба испанского народа против фашистских мятежников» и В. Пика «Германия в тисках железа и крови»⁶¹. В № 20 (15 октября) появилась статья Б.Н. Пономарева «Троцкистско-зиновьевская банда – прямая агентура фашистской буржуазии»⁶².

Целью этого показательного процесса, повлекшего за собой серию аналогичных процессов и волну террора по всей стране, было основанное на добровольных признаниях уничтожение бывших оппозиционеров как «фашистских агентов». Выдвинутая

⁵⁵ Выше большевистскую бдительность! 1936, № 16. С. 5.

⁵⁶ *Майоровский Н.* Фашистская авантюра в Испании; *Демид Ф.* Военный обзор гражданской войны в Испании. 1936, № 16.

⁵⁷ Приговор народа. 1936, № 17. С. 6.

⁵⁸ Там же. С. 7.

⁵⁹ *Вышинский А.* Агенты Гестапо. 1936, № 18.

⁶⁰ *Майский И.В.* Воспоминания советского посла. Т. 2. – М., 1964. С. 313.

⁶¹ *Эрколи М.* Борьба испанского народа против фашистских мятежников; *Пик В.* Германия в тисках железа и крови. 1936, № 19.

⁶² *Пономарев Б.* Троцкистско-зиновьевская банда – прямая агентура фашистской буржуазии. 1936, № 20.

логика происходившего была по-своему естественной: в стране, где борьба с фашизмом является делом государства, партии и народа, агенты фашизма подлежат уничтожению.

26 сентября Г.Г. Ягода был снят с должности наркома внутренних дел и заменен Н.И. Ежовым, а 26 ноября Восьмой всесоюзный съезд Советов окончательно утвердил текст новой Конституции СССР по докладу Сталина, который был опубликован в № 23 «Большевика» (1 декабря). В заключение Сталин заявил на удивление решительно: «Теперь, когда мутная волна фашизма оплёвывает социалистическое движение рабочего класса и смешивает с грязью демократические устремления лучших людей цивилизованного мира, новая Конституция СССР будет обвинительным актом против фашизма, говорящим о том, что социализм и демократия непобедимы. Новая Конституция СССР будет моральной помощью для всех тех, кто ведут ныне борьбу против фашистского варварства»⁶³.

1937 год

В открывавшем год первом номере журнала (1 января) была опубликована статья Н. Челябинова «Самая демократическая конституция в мире». «Новая сталинская Конституция СССР делает дальнейший гигантский шаг в развёртывании демократии, в доведении её до конца. Это действительно самая демократическая конституция из всех существовавших и существующих в мире»⁶⁴. Выступая против фашистского антигуманизма, автор заявлял: «Политический и общественный строй нашего государства есть строй подлинного гуманизма, гуманизма социалистического. Сталинская Конституция СССР – единственная в мире подлинно гуманистическая конституция». «Сталинская забота о человеке, чуткое и бережное отношение товарища Сталина к нуждам и интересам каждого трудящегося – самое яркое выражение социалистического гуманизма. Но социалистический гуманизм не только не отрицает, а, наоборот, предполагает суровую и беспощадную борьбу со всеми врагами народа»⁶⁵.

Во втором номере от 15 января, посвящённом памяти Ленина, была напечатана его ранее не публиковавшаяся записка наркому юстиции Д.И. Курскому от 15 мая 1922 г. В ней Ленин давал ему

⁶³ Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР. 1936, № 23. С. 21.

⁶⁴ Челябинов Н. Самая демократическая конституция. 1937, № 1. С. 10.

⁶⁵ Там же. С. 19.

следующие указания: «По-моему, надо расширить применение расстрела... ко всем видам деятельности меньшевиков, эсеров и т. п.; найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с *международной буржуазией* и её борьбой с нами»⁶⁶.

В комментариях Института Маркса–Энгельса–Ленина к публикации этого документа разъяснялось: «Это требование Ленина целиком распространяется и на троцкистско-зиновьевских агентов Гестапо... эти негодяи, убийцы товарища Кирова представляют собой как раз таких врагов советской республики, суровой революционной расправы с которыми требовал Владимир Ильич»⁶⁷.

23 января открылся второй показательный процесс по делу группы из 17 человек во главе с Радеком, Пятаковым и Сокольниковым. И Радек (до последнего времени публиковавший в прессе статьи с обличением фашизма), и Пятаков (бывший заместителем наркома тяжёлой промышленности) обвинялись, как было объявлено, в преступных связях с разведками Германии и Японии. 30 января Радек и Сокольников были приговорены к десяти годам тюрьмы, ещё один подсудимый – к восьми, а остальные 14 человек во главе с Пятаковым – к расстрелу. Передовица «Большевика» (№ 3, 1 февраля) под названием «Приговор суда – приговор народа» со ссылкой на показания Радека приводила заявления Троцкого о том, что «неизбежно выравнивание социального строя СССР с фашистскими странами-победителями». «Свирепая фашистская диктатура по образу и подобию гитлеровской диктатуры – вот что означает троцкистское “выравнивание” социального строя с фашистскими странами. Концентрационные лагеря, кандалы, пытки, плаха и виселица для рабочих и колхозников – вот какими средствами мечтал злейший враг народа Троцкий восстановить капитализм в нашей стране, загнать рабочий класс на капиталистические фабрики, загнать колхозников в кулацкую кабалу!»⁶⁸.

---

⁶⁶ Большевик. 1937. № 2. С. 63; Правда, 26 января, 1937 г. С. 1. Это письмо почему-то не включено в четвёртое издание Сочинений В.И. Ленина. Другое письмо Ленина Курскому от 17 мая 1922 г., которое было продолжением письма от 15 мая, уже стало известным. То письмо, касающееся «сущности и законности террора, его необходимости и предела», было сначала опубликовано в книге Курского в 1924 г., а потом в номере «Большевик» (1930, № 19–20) с особыми комментариями. Оно было включено в четвёртое издание. Наконец, оба письма были включены вместе в пятое издание. – *Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 189–191.*

⁶⁷ К публикуемым документам В.И. Ленина. 1937, № 2. С. 66.

⁶⁸ Приговор суда – приговор народа. 1937, № 3. С. 3.

В том же номере появилась и статья В. Флорина «Германский народ под игом фашизма». Приведём несколько цитат из неё: «Усиление террора против всех слоев трудящихся – показатель растущих затруднений фашистских поджигателей войны... За последние месяцы Гестапо произвела больше арестов, чем за все последние годы... И без того переполненные концлагеря пополняются всё новыми заключёнными... Не без оснований фашизм боится крамолы в своих собственных организациях»⁶⁹.

Впрочем и террор, и аресты, и лагеря уже давно стали приметой не только чужих стран. Всё это началось в стране, где «свободные и процветающие народы обладают самой демократической Конституцией в мире».

23 февраля открылся Пленум ЦК ВКП(б), решением которого из партии были исключены Бухарин и Рыков. 3 марта Сталин выступил на пленуме с программным докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». Об «антипартийной деятельности» Бухарина и Рыкова «Большевик» сообщал в № № 5–6 (15 марта), доклад Сталина был опубликован в № 7 (1 апреля).

Ссылаясь в докладе на закрытые письма ЦК ВКП(б) от января 1935 г. и июля 1936 г., Сталин критиковал членов партии за то, что «сигналы и предупреждения воспринимались нашими товарищами более чем туго»⁷⁰. В докладе разъяснялось, что врагами являются «троцкистские агенты японской и германской разведок», что «современный троцкизм» заключил союз с японским и германским фашизмом и их деятельность направлена на подготовку войны, что для этого «оголтелая и беспринципная банда» врагов рабочего класса ведёт на территории СССР диверсионную, конспиративную, террористическую и шпионскую работу⁷¹. Однако, пытаясь объяснить ситуацию «теоретически», он называл главной причиной этого существование не просто фашистских государств, но «капиталистического окружения». Пока оно существует, оно будет засылать в СССР из-за границы «вредителей, шпионов, диверсантов и убийц». Поэтому по мере продвижения социалистического строительства вперёд «остатки разбитых эксплуататорских классов» будут всё более усиливать борьбу

⁶⁹ Флорин В. Германский народ под игом фашизма. Там же. С. 53.

⁷⁰ Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. 1937, № 7. С. 3.

⁷¹ Там же. С. 5–7.

против него при поддержке иностранных «буржуазных государств». Таков был главный тезис, выдвинутый Сталиным⁷².

Эта «теория» легко позволяла «ликвидировать» не только фашистских агентов, но и шпионов Англии, Франции и США, не являвшихся фашистскими странами. «Борьба» будет усиливаться не только на протяжении конкретного исторического периода существования фашистских государств, но в течение всего времени существования «капиталистического окружения». Речь Сталина стала главным теоретическим обоснованием «большого террора» в этом году.

11 июня было объявлено о расстреле группы военных руководителей во главе с М.Н. Тухачевским. «Большевик» в № 12 (15 июня) называл «переметнувшимся к агентам мирового фашизма» того самого заместителя наркома обороны Тухачевского, статья которого о новой военной доктрине Красной Армии была помещена в журнале всего тремя номерами раньше.

«Этот союз отнюдь не случаен. Кем были они сами, бешено ненавидевшие социализм и трудящихся, как не фашистами? Как и троцкистско-бухаринских предателей, их связывала с гитлеровскими агентами общая ненависть к трудящимся и общее стремление любыми средствами вновь поработить их. Все они, мечтавшие о восстановлении капитализма в нашей стране, не случайно тянутся к кровавой фашистской диктатуре, чтобы с её помощью и её методами попытаться загнать трудящихся освобождённой страны под ярмо эксплуатации»⁷³.

Террор не обошёл и авторов статей. Со следующего № 13 из списка членов редколлегии исчезает фамилия В. Кнорина, заменённого П. Юдиным. Кнорин был арестован и 29 июля следующего года расстрелян вместе со своим коллегой О.А. Пятницким⁷⁴. С № 21 (11 июля) исчезает и фамилия Б. Таля, который также был арестован.

Этот и следующий годы прошли под знаком охоты на «врагов народа», объявленных «фашистскими агентами», и атмосфера вселявшего ужас террора охватила страну. Мы точно не знаем, как велико было количество его жертв: есть сведения, что они исчисляются сотнями тысяч и более чем миллионом людей.

⁷² Там же. С. 5, 13.

⁷³ Шпионам и изменникам родины нет и не будет пощады. 1937, № 12. С. 2.

⁷⁴ Большая Советская энциклопедия. Т. 12. С. 344; Т. 21. С. 293.

1938 год

В январе состоялся Пленум ЦК ВКП(б), посвящённый итогам чистки партии. Он принял Постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключённых из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». Оно было опубликовано в № 3 «Большевика» (1 февраля). В постановлении говорилось, что процесс очищения партийных рядов, в целом, проходил совершенно правильно, но, с другой стороны, некоторые «замаскированные враги народа, вредители-двурушники в провокационных целях... добиваются исключения из рядов ВКП(б) честных и преданных коммунистов, отводя тем самым от себя удар и сохраняя себя в рядах партии»⁷⁵.

Со 2 по 13 марта проходил процесс «Право-троцкистского блока», на котором перед судом предстал 21 человек, включая Бухарина, Рыкова, Ягоду и Крестинского. Это был последний – в ряду показательных – процесс, ставший их итогом. Его отличие от предыдущих состояло в том, что, согласно обобщающим признаниям подсудимых, они готовили масштабные покушения: от Ленина, Сталина до Горького и его сына. Пятый номер «Большевика» (5 марта) открывался передовицей «Уничтожить право-троцкистскую банду убийц, шпионов и изменников». Участники «блока» назывались в ней «наёмниками фашистских разведок», которые ради реставрации капитализма в СССР готовы были отдать фашистским и иным враждебным иностранным державам советские земли в ходе военной интервенции. Им было легко установить «тайные связи с фашистскими государствами», потому что многие участники «блока», согласно официальной информации, с давних пор были агентами немецкой, английской, японской и польской разведок⁷⁶. Бухарин и Рыков были полностью осведомлены об их шпионской деятельности и о связях с

⁷⁵ Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключённых из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков. 1938, № 3. С. 9–16. Эта резолюция имела эффект исправления перегиба. *Fainsod M. Op. cit.* P. 426–428. В то же время она включала в себе логику дальнейшего расширения репрессий. *Кихкути Масанори*. Рэкиси тоситэнэ Сутаринсюги (Сталинизм как история). – Морита Шотэн, 1966. С. 134–136.

⁷⁶ Уничтожить право-троцкистскую банду убийц, шпионов и изменников. 1938, № 5. С. 1–2.

Троцким и фашистами. Бухарин обвинялся в подготовке покушения на Ленина и Сталина во время Брестского мира. Убийство Горького и его сына было, согласно обвинению, организовано «блоком» и непосредственно Ягодой по указанию Троцкого. Впрочем Бухарин решительно отказался от признания своей ответственности за подготовку покушения на Ленина, а бывший заместитель наркома иностранных дел Крестинский сначала вообще не признал себя виновным в инкриминируемых ему преступлениях. Однако это не поставило организаторов суда в затруднительное положение.

Передовая статья следующего номера «Большевика» (№ 6, 15 марта) под заголовком «Право-троцкистская банда убийц, шпионов, изменников уничтожена» сообщала, что 18 «фашистских агентов» расстреляны. Особое внимание в статье обращалось на «огромное международное значение» процесса, который наглядно показал, что подсудимые являлись «врагами трудящихся всего мира».

«Эти изверги, изуверы, проституированные мошенники, потерявшие человеческий облик, продают кровные интересы испанского народа германо-итальянскому фашизму; они продают японскому империализму кровное дело народных масс Китая, борющихся за свою национальную независимость. Они бродят, как голодные шакалы, по всему миру, сея смуту, совершая убийства, государственные перевороты, торгуя интересами народов в пользу фашизма. Всё передовое человечество наглядно убедилось на фактах процесса, какую участь готовила право-троцкистская банда агентов фашизма советскому народу и народам всех стран. Вот почему трудящиеся всего мира относились к этому процессу как к процессу над своими внутренними врагами и вместе со всем советским народом требовали беспощадной расправы с фашистскими агентами»⁷⁷.

11 марта, в самый разгар процесса, нацистская Германия осуществила «аншлюс» Австрии. «Большевик» (№ 7, 1 апреля) подверг это событие резкой критике в передовице «Натиск фашистских агрессоров и борьба СССР за мир». «Особенно резко выделяется лицемерие тех органов английской консервативной печати, которые утешают читателя надеждами на то, что фашистская Германия насытится аннексией Австрии. Австрия является

---

⁷⁷ Право-троцкистская банда убийц, шпионов, изменников уничтожена. 1938, № 6. С. 7–8.

лишь трамплином, а отнюдь не финишем в угрожающем продвижении германского агрессора, пытающегося разжечь пожар всеобщей войны»⁷⁸.

В этом же номере была опубликована статья коминтерновца Мих. Мануильского об «уроках» процесса над Бухариным, значение которого, по мнению автора, заключается в том, что он не только «вооружает партийных и непартийных большевиков на борьбу с вредительством, вскрывая вредительскую “теорию” и практику», но и «вооружает наших зарубежных друзей на борьбу с фашистскими провокаторами». Мануильский прямо говорит, что «испанская троцкистская организация ПОУМ – это агентура Франко»⁷⁹. Это отражало распространение «большого террора» внутри СССР и на Испанию.

Вредители обнаруживались повсюду. С № 9 (1 мая) из журнала исчезает список членов редколлегии, вместо которого появляются только слова «Редакционная коллегия». Был арестован А.И. Стецкий, на протяжении тридцатых годов возглавлявший Агитпроп ЦК и исполнявший обязанности главного редактора «Большевика». 1 августа он был расстрелян⁸⁰. Остались только двое – Поспелов и Юдин.

Конец июля – начало августа были отмечены вооружёнными столкновениями с японской армией на озере Хасан. «Большевик» (№ 16, 15 августа) посвятил этим событиям передовую статью «Советский отпор японским поджигателям войны». «Дальневосточный агрессор попробовал пустить в ход против Советского Союза обычные методы фашистских организаторов войны. Эта дерзкая, наглая попытка потерпела полный провал. Зарвавшиеся империалистические хищники получили от народов могучего Советского Союза и его непобедимой Красной Армии заслуженный и серьёзный урок»⁸¹.

Угроза нападений Германией и Японией с востока и запада ощущалась всё сильнее. 30 сентября на Мюнхенской конференции Англия и Франция при участии Муссолини заключили соглашение о судьбе Чехословакии, вынудив её передать нацистской Германии Судетскую область. Почему же «Большевик» хранил молчание по поводу этого важного политического собы-

⁷⁸ Натиск фашистских агрессоров и борьба СССР за мир. 1938, № 7. С. 3.

⁷⁹ Уроки процесса антисоветского «право-троцкистского блока». 1938, № 7. С. 61.

⁸⁰ БСЭ. 3-е изд. Т. 24. С. 511.

⁸¹ Советский отпор японским поджигателям войны. 1938, № 16. С. 1.

тия? Дело в том, что № № 17–18 и 19, вышедшие 15 сентября и 1 октября, были целиком заняты опубликованием сталинской истории партии «История ВКП(б). Краткий курс».

1939 год

С 10 по 21 марта 1939 г., как раз во время оккупации Чехословакии нацистской Германией, в Москве проходил XVIII съезд ВКП(б). Все материалы съезда были опубликованы в № № 5–6 «Большевика». В отчётном политическом докладе Сталина сохранилась следующая оценка чистки партии: «Нельзя сказать, что чистка была проведена без серьёзных ошибок... Несомненно, что нам не придётся больше пользоваться методом массовой чистки. Но чистка 1933–1936 гг. была всё же неизбежна и она в основном дала положительные результаты»⁸². Определяя в связи с этим основную категорию исключённых как «шпионов, убийц и вредителей», «изменников троцкистско-пятаковской и бухаринско-рыковской групп», Сталин специально не выделял «фашистов» или «фашистских агентов». Он говорил о «всяких там троцкистско-пятаковских и бухаринско-рыковских перерожденцах», которые «предпочли слиться с меньшевиками, эсерами, фашистами, пойти в услужение к иностранной разведке»⁸³. В связи с этим в первой части доклада, посвящённой международному положению, говорилось: «Новая империалистическая война стала фактом»⁸⁴. Сталин заклеил «политику невмешательства» Англии и Франции, отождествляя её с «попустительством агрессии, развязыванием войны, следовательно, превращением в мировую войну». С другой стороны, он считал провокацией «шум, который подняла англо-французская и североамериканская пресса по поводу возможного нападения немцев на Советскую Украину». «Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований». Это было ясным сигналом к изменению курса.

В том же году, в № № 2 и 3 в журнале появились статьи, посвящённые фашистской агрессии и антифашистской борьбе⁸⁵. Но

⁸² Сталин И. Отчётный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). 1939, № 5–6. С. 29.

⁸³ Там же. С. 26, 27.

⁸⁴ Там же. С. 11.

⁸⁵ Дюваль А. Борьба с проникновением фашизма в Латинскую Америку. 1939, № 2; Ульбрихт В. Антифашистская оппозиция в Германии. 1939, № 3.

с № 5–6 подобные статьи и заметки сходят на нет. В № 10 был обнародован новый состав редколлегии. В дополнение к Поспелову и Юдину в неё вошли Г.Ф. Александров, Н.А. Вознесенский, Л.Ф. Ильичёв, М.Б. Митин, А.С. Щербаков.

Гитлер оценил сигнал Сталина. 23 августа Риббентроп и Молотов, в мае сменивший Литвинова на посту наркома иностранных дел, подписали советско-германский договор о ненападении. «Решения большой исторической важности», августовская передовица № 15–16 «Большевика»⁸⁶, и выступление Молотова на внеочередной четвертой сессии Верховного совета СССР открывали номер. Молотов решительно заявил, что начавшиеся в апреле переговоры с Англией и Францией о заключении договора взаимопомощи против агрессии закончились неудовлетворительно по вине Англии и Франции, чем и были вызваны соответствующие политические решения. «Наша задача – думать об интересах советского народа, об интересах Союза Советских Социалистических Республик. Тем более, что мы твёрдо убеждены в том, что интересы СССР совпадают с коренными интересами народов других стран»⁸⁷. Поэтому, когда «во внешней политике Германии произошёл поворот в сторону добрососедских отношений с Советским Союзом», появилась вторая причина для заключения договора. Апеллируя к докладу Сталина на XVIII съезде ВКП(б), Молотов заявлял: «Надо признать, что и в нашей стране были некоторые близорукие люди, которые, увлечшись упрощённой антифашистской агитацией, забывали о провокаторской работе наших врагов». Отвечая тем, кто «с наивным видом» спрашивал, «как Советский Союз мог пойти на улучшение политических отношений с государством фашистского типа», Молотов ссылаясь на такие «ленинские принципы» как «невмешательство во внутренние дела других стран» и «мирное сосуществование»⁸⁸.

Говоря об улучшении отношений с Германией, Молотов, как глава правительства, действовал по указанию Сталина и отражал его позицию. Если невозможно блокирование германской и японской агрессии, то государственные интересы Советского Союза диктовали примирение с Японией и подталкивание её к войне с Китаем и США, препятствовавшими продвижению Японии на юг, раздел Польши и нормализацию отношений с Германией и

---

⁸⁶ Решения большой исторической важности. 1939, № 15–16.

⁸⁷ Молотов В. О ратификации советско-германского договора о ненападении. 1939, № 15–16. С. 9.

⁸⁸ Там же. С. 10.

подталкивание её к войне с Англией и Францией. Казалось, именно это и происходит. Период сотрудничества с Англией и Францией и период антифашистской борьбы закончился, и «близорукие люди» вроде Бухарина, страстно боровшиеся с фашизмом, были почти полностью уничтожены.

1 сентября Германия вторглась в Польшу, и началась вторая мировая война. 17 сентября Советский Союз также вторгся в Польшу под предлогом защиты украинцев и белорусов, заняв территорию к востоку от линии размежевания, определённой секретным протоколом к пакту. Сентябрьский № 17 «Большевика» поместил текст радиоречи Молотова от 17 сентября и ноту правительства СССР польскому послу от того же числа, за которыми следовала статья «Акт исторической важности»⁸⁹. В ноте, врученной Молотовым польскому послу, в частности, говорилось: «Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства... Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать»⁹⁰.

Поэтому все заключённые ранее договоры между двумя странами были объявлены прекратившими своё действие, и советские войска вступили на территорию бывшего польского государства для защиты «единокровных украинцев и белорусов».

28 сентября был сделан новый шаг на пути к сближению с Германией – заключён советско-германский договор о дружбе и границе. № 18 «Большевика» (сентябрь) опубликовал передовую статью «Сталинская политика мира и дружбы народов», полный текст договора и сопутствующие документы. В передовой статье прямо говорилось, что существование польского государства исторически было неосновательным. В подтверждение цитировалось письмо Энгельса Марксу от 25 мая 1851 г.: «Чем больше я размышляю об истории, тем яснее мне становится, что поляки – une nation foutue (разложившаяся нация), которая нужна, как средство, лишь до того момента, пока сама Россия не будет вовлечена в аграрную революцию. С этого момента существование Польши не имеет абсолютно никакого *raison d'être* (смысла). По-

⁸⁹ Акт исторической важности. 1939, № 17.

⁹⁰ Большевик. 1939. № 17. С. 4.

ляки никогда не совершали в истории ничего иного, кроме храбрых драчливых глупостей»⁹¹.

Такими словами марксистского классика оправдывалось расчленение Польши. Что же касается польской компартии, то она ещё в 1938 г. была объявлена «агентурой фашизма и польской тайной полицией», а её руководство уничтожено НКВД.

В этой же статье говорилось, что «советско-германский договор является новым этапом в развитии дружественных отношений между обеими странами» и что теперь «весь восток Европы стоит под знаком мира, мира длительного и прочного»⁹². Поэтому, говорилось далее, англо-французским поджигателям войны теперь придётся иметь дело с единой советско-германской позицией. Критике подвергалось и то, что объявленная целью войны «защита Польши» уже превратилась в Англии в «уничтожение гитлеризма».

«Можно защищать или отвергать ту или иную идеологию. Но под флагом защиты или борьбы против определённого мировоззрения затевать войну, обрекать на гибель и муки миллионы людей было бы бессмысленной жестокостью и преступлением... (Это лишь) дымовая завеса... Подлинные мотивы “идеологической войны”, проповедуемой англо-французскими правящими кругами, сводятся именно к стремлению сохранить за собой мировое господство, возможность бесконтрольной эксплуатации миллионов колониальных рабов»⁹³.

Критика англо-французских «империалистов» была использована для оправдания собственных завоевательных действий. Это распространилось и на тактику Коминтерна. «Большевик» (№ 20, октябрь) поместил статью Г. Димитрова «Война и рабочий класс капиталистических стран».

Димитров заявил, что «настоящая война с обеих воюющих сторон есть война *империалистическая, несправедливая*». Только «слепые люди» могут не видеть этого⁹⁴. На первом этапе войны Италия, Германия и Япония выступили как агрессоры, а Англия,

⁹¹ Сталинская политика мира и дружбы народов. 1939, № 18. С. 3. Это письмо было включено в: *Сталин И.В. Сочинения*. Т. 32.

⁹² Сталинская политика... С. 4.

⁹³ Там же. С. 6. Этот аргумент повторился в известном выступлении Молотова в Верховном Совете 31 октября 1939 г. – *Известия*, 1 ноября 1939 г. С. 1.

⁹⁴ *Димитров Г. Война и рабочий класс капиталистических стран*. 1939, № 20. С. 24.

Франция и США отступали. На втором этапе уже Англия и Франция стали агрессорами и сейчас именно эти две страны «выступают в роли самых ревностных сторонников продолжения и дальнейшего разжигания войны». Но благодаря чёткой политике СССР «ставка на антисоветскую войну была бита»⁹⁵. Англия и Франция, «спекулируя на антифашистских настроениях масс, выдвигают лозунг “антифашистской” войны», но это обман. Коммунисты и антимилиитаристы всех стран подвергаются репрессиям, а «режим фашистских стран» распространяется всё более.

Основываясь на таких объяснениях, Димитров провозглашал: «Рабочему классу, трудящимся нечего защищать в этой войне. Это не их война, а война их эксплуататоров». Подводя итог сказанному, он писал: «Для рабочего класса есть только одна единственно верная позиция – это непримиримая, мужественная борьба против империалистической войны, борьба за прекращение этой захватнической войны, борьба против её виновников и носителей, в первую очередь, в своей собственной стране»⁹⁶. Критика социал-демократии и «руководящих кругов Второго Интернационала» снова претерпела изменения. Было сказано, что «они обманывают массы своей проповедью об антифашистском характере войны и помогают буржуазии гнать народы на убой», что невозможен народный фронт с ними, что «именно с ними должна вестись наиболее решительная борьба». Поэтому борьба против империалистической войны и реакции должна принять организационную форму «народного фронта снизу»⁹⁷.

На этом антифашистская борьба была закончена, а критика фашизма прекратилась. Возникла потребность в дальнейших изменениях. Политических заключённых, заполнявших лагеря, стали называть «контрреволюционерами», потому что отныне было запрещено именовать «фашистами» тех, кто попал в места заключения за «связь с агентами фашистов»⁹⁸. Вскоре после ухода Литвинова были арестованы и репрессированы практически все руководящие работники Наркоминдела. Один из них, обвинявшийся в провоцировании войны с Германией, чувствовал, что дело идёт к ещё одному показательному процессу⁹⁹. Однако этого не случилось.

⁹⁵ Там же. С. 25.

⁹⁶ Там же. С. 28.

⁹⁷ Там же. С.30, 32.

⁹⁸ *Медведев Рой*. Указ. соч. С. 875.

⁹⁹ *Гнедин Е. К атастрофа и второе рождение. Мемуары.* – Амстердам, 1977. С. 236.

Такое положение сохранялось до 22 июня 1941 г., когда нацистская Германия напала на Советский Союз. Только тогда началась настоящая война советского народа с фашизмом.

Позиция Бухарина

Уже давно говорилось о разделении Политбюро в период 1933–1934 гг. на группу Сталина и группу «умеренных», группу Кирова. Бухарин считался связанным с группой «умеренных». И в этот период, и позднее он неизменно оставался основным глашатаям советского антифашизма. Его биограф Стивен Коэн отмечает, что бухаринская критика фашизма была примером использования «эзопова языка» и что, читая его статьи между строк, нетрудно заметить в этом критику сталинизма¹⁰⁰. Анализ логики антифашизма в работах Бухарина представляет интерес.

Положение Бухарина

Мне бы хотелось начать движение в заданном направлении, обратившись к речи Бухарина на XVII съезде ВКП(б) в январе 1934 г. Бухарин выступал 28 января, на третий день работы съезда. Начав с всесторонней самокритики, он перешёл к прославлению успехов строительства под руководством Сталина и достижений внешней политики. Всё шло хорошо, пока во второй части выступления он не стал критиковать фашизм. Именно горячность и решительность обрушившихся высказываний оратора и определили тональность всей речи.

Бухарин назвал «фашистскую Германию и императорскую Японию» «двумя плацдармами контрреволюционного нападения, направленного против нас». Цитируя Гитлера, Розенберга, Араки, Хильшера, Бланка, Шпенглера, он представил их как идеологов, выступающих против Советского Союза и Октябрьской революции, против науки и культуры¹⁰¹. «Они проповедуют *открытый*

---

¹⁰⁰ *Cohen S.F.* Op. cit. Chap. X. (The Last Bolshevik). Рой Медведев критикует Козна в своей новейшей книге «Сикьяку кара Дзусацу мадэ (От опалы до расстрела – Бухарин)». – Санъити Шобо, 1979. Но его анализ поверхностен.

¹⁰¹ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической Партии(б). Стенографический отчет. – М., 1934. С. 127–128.

разбой, открытую скотскую философию, окровавленный кинжал, открытую поножовщину». Бухарин также привёл цитаты фашистского поэта Ганса Йоста: «Когда я слышу слово “культура”, я спускаю предохранитель своего браунинга» и «Народ должен требовать жрецов-вождей, которые проливают кровь, кровь, кровь, которые колют и режут!». Таков «звериный лик классового врага», с которым придётся вести войну не на жизнь, а на смерть, – заключает Бухарин.

«Мы – единственная страна, которая воплощает прогрессивные силы истории, и наша партия, и лично товарищ Сталин, есть могущественный глашатай не только экономического, но и *технического* и *научного* прогресса на нашей планете. Мы пойдём в бой за судьбы человечества. Для этого боя нужно сплочение, сплочение и ещё раз сплочение. Долой всяких дезорганизаторов. Да здравствует наша партия...»¹⁰².

Главной задачей Бухарин назвал победу над надвигающимся фашизмом и призвал к сплочению и единству все миролюбивые страны.

Несомненно, речь Бухарина основывалась на заранее подготовленном и одобренном тексте. Одобрил её и сам Сталин. Но её логика полностью отличается от выступлений Сталина.

В первый день съезда Сталин выступил с отчётным докладом ЦК, в котором заявил: «Дело явным образом идёт к новой войне»¹⁰³. Для этого капиталистические государства «сводят на нет последние остатки парламентаризма и буржуазной демократии, которые могут быть использованы рабочим классом в его борьбе». Назвав фашизм «модным товаром среди воинствующих буржуазных политиков», Сталин в связи с этим подчеркнул, что имеет в виду «не только фашизм вообще, но фашизм германского типа». Говоря о победе германского фашизма, он снова употребил часто использовавшиеся им слова о «слабости рабочего класса» и «результате измен социал-демократии рабочему классу, расчистившей дорогу фашизму», призывая рассматривать это и как «признак слабости буржуазии»¹⁰⁴. Иными словами, германский фашизм считался символом обострения кризиса господства буржуазии.

Не акцентируя внимания на военных планах германского фашизма, Сталин предпочёл говорить о военных планах буржуаз-

¹⁰² Там же. С. 129.

¹⁰³ Там же. С. 10.

¹⁰⁴ Там же. С. 11.

ных политиков из капиталистических государств, в целом. Более того, он недвусмысленно подчеркнул, что возможность улучшения отношений с Германией существует.

«Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной... У нас не было ориентации на Германию, так же как у нас нет ориентации на Польшу и Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР. И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, незаинтересованными в нарушении мира, мы идём на это дело без колебаний»¹⁰⁵.

Сталин понимал опасность германского фашизма. Однако он не видел принципиальных отличий нацистской Германии от других капиталистических государств. С его точки зрения, с повышением вероятности войны внешнюю политику надо строить прежде всего на основе защиты Советского государства. Отметив улучшение отношений СССР с Польшей, Францией и США, он выразил готовность установить связи с нацистской Германией и предложил Японии заключить договор о ненападении¹⁰⁶.

Говоря о единстве партии, Сталин в преамбуле к третьему разделу доклада заявил: «Надо признать, что партия сплочена теперь воедино, как никогда раньше». Но «значит ли это, что у нас всё обстоит в партии благополучно, никаких уклонов не будет в ней больше и – стало быть – можно теперь почивать на лаврах? Нет, не значит»¹⁰⁷. Не завершена борьба за полное преодоление «пережитков капитализма в сознании людей», не преодолены недоверие, разброд и шатания» в партийных и государственных структурах.

На шестой день работы съезда 31 января выступил Киров. В центральной части своей речи он подробно остановился на вопросе о бывших оппозиционных группах. Говоря об их лидерах, он назвал их оставшимися в обозе победоносной армии, которые

¹⁰⁵ Там же. С. 13–14.

¹⁰⁶ В этом докладе Сталина, как написал японский историк Ямагиwa Киёси, уже присутствовала линия седьмого Конгресса Коминтерна. См.: *Ямагиwa К. Сутарин то Дзимин сэнсэн* (Сталин и народный фронт). Рэкисигаку Кэнкю, № 435, август 1976 года. С. 43. Но из этого доклада Сталина можно вывести и Пакт Молотова–Рибентроппа, и народный фронт.

¹⁰⁷ Там же. С. 28.

после её победы пытаются присоединить свои голоса к общему могучему хору. О речи Бухарина он сказал: «По-моему, пел как будто бы по нотам, а голос не тот». Киров признал, что достижение полного единства бывшей оппозиции с партией будет нелёгким, но по прошествии определённого времени вполне реальным.

*«И я по-человечески, товарищи, должен сказать, что это не так просто, надо войти в положение людей, которые целые годы, решающие годы напряжённейшей борьбы партии и рабочего класса сидели в обозе. Им очень трудно стать на партийные позиции. И мне сдается, я не хочу быть пророком, но ещё некоторое время пройдёт, пока вся эта обозная рать вольётся в нашу победную коммунистическую армию»*¹⁰⁸.

Хотя эти слова прозвучали высокомерно, по содержанию они были замечательны. Призывы преодолеть разногласия и выражение веры в возможность достижения окончательного единства, прозвучавшие в этой речи, очевидно, контрастировали с настроением доклада Сталина, в котором говорилось о необходимости постоянной борьбы и искоренении нерешительности в достижении единства.

Хочу отметить следующее. В закрытом письме ЦК ВКП(б) после убийства Кирова осуждались представители «правого уклона», говорившие, что и враги станут социалистами. Полагаю, что эта критика была обращена и против взглядов самого Кирова. Позднее, при редактировании «Избранных речей и статей» Кирова в 1937 г., цитировавшиеся выше выделенные слова о возможности достижения окончательного единства были изъяты¹⁰⁹. По мнению Сталина, эти воззрения Кирова были непозволительными.

Не высказывавшийся по поводу фашизма непосредственно на съезде, Киров выступал 31 января 1934 г. на Красной площади и заявил, что надо готовиться к отражению фашистской агрессии с Запада и с Востока и что «работы XVII съезда это гарантируют»¹¹⁰. В этом он, бесспорно, следовал логике Бухарина.

В докладе о Коминтерне (2 февраля). Мануильский заявил, что «важнейшие условия революционного кризиса не существуют» и снова назвал Японию и Германию «ударным кулаком мировой буржуазной реакции». Затем, внимание обращалось на

¹⁰⁸ Там же. С. 253.

¹⁰⁹ Киров С.М. Избранные статьи и речи. 1912–1934. – М., 1937. С. 493. Через год после его смерти эта речь была опубликована полностью // Большевик. 1935. № 22. С. 63.

¹¹⁰ Киров С.М. Указ. соч. С. 511.

возможность агрессивной антисоветской войны со стороны Японии, а по поводу Германии говорилось, что Франция и Польша, предчувствуя угрозу войны, пошли на сближение с Советским Союзом. Заключительная часть речи содержала привычную для социал-демократии критику и производила сравнительно слабое впечатление¹¹¹.

В настоящее время не раз говорилось о том, что за кулисами съезда формировалась группа во главе с Г.И. Петровским, которая хотела заменить Сталина Кировым¹¹². До какой степени дошёл этот процесс, не вполне ясно. Так или иначе, после съезда Сталин не был переизбран с поста генерального секретаря, а Киров наравне с ним вошёл в состав секретариата¹¹³. Существование Кирова стало для Сталина опасным.

Главный редактор «Известий»

На XVII съезде Бухарин был избран кандидатом в члены ЦК, а 22 февраля, через десять дней после съезда, заменил И.М. Гронского на посту главного редактора «Известий»¹¹⁴. Мы не можем знать, кто предложил это назначение, но очевидно, что оно состоялось по решению Сталина. Заместителем главного редактора стал Г. Цыпин, вероятно, для присмотра за Бухариным, который, став руководителем газеты, развернул бурную деятельность.

Первая опубликованная им в качестве главного редактора статья называлась «Кризис капиталистической культуры и проблемы культуры в СССР» и печаталась в трёх номерах, начиная с 6 марта. Эта статья, как мне представляется, весьма важна, так как в ней отчётливо обозначена основная линия критической деятельности «воскресшего» Бухарина.

Говоря о том, что «мы живём в эпоху крупнейших исторических катаклизмов, крутых сдвигов всей общественной жизни, радикальнейших перемен, крушения старых систем материального бытия и мировоззрения», Бухарин выделяет «основные исторические тенденции развития» этой эпохи. Это «необычайно интен-

¹¹¹ XVII съезд ВКП(б). С. 305–322.

¹¹² Бега Ф., Александров В. Петровский. – М., 1963. С. 303. Советская литература по этому вопросу была изложена в моей статье: Вада Харуки. Сутарин хихан (Критика культ личности Сталина, 1953–1956). Гэндай Сякайсюги (Современные социализмы). – Токио дайгаку Сяппанкай, 1977. С. 25–26.

¹¹³ Правда, 11 февраля 1934 г. С. 1.

¹¹⁴ Известия, 22 февраля 1934 г. С. 4.

сивный процесс *поляризации классов*, великое межевание всех общественных сил и общественных идеологий, обострение борьбы между *фашизмом и коммунизмом* как двумя классовыми лагерями, двумя мировоззрениями, двумя культурами». В преддверии последнего великого сражения в мировой истории «строятся военным строем для грядущих битв великие классовые силы», поэтому в такое время особенно необходимо всестороннее изучение фашизма.

По словам Бухарина, «фашизм есть “порядок” военно-политическо-хозяйственной казармы», что «выражается в целом ряде важнейших фактов: “общенациональной”, «корпоративной» и т. д. диктатуре, с подавлением ряда внутренних противоречий, в реализации различных «моно»-систем: «моно-нации», «моно-партии», «моно-государства» («тотального государства»), и т. д.», «во всей “унифицированной” идеологии», «во введении единой военной дисциплины по всему фронту». Парадоксально звучат следующие слова о том, что «многое из этого делаете и вы, коммунисты», но противоречия в этом нет. Согласно Бухарину, разговор о «диктатуре» вообще не имеет смысла. «Важен классовый смысл, содержание – материальное и духовное – динамика развития, соотношение с общим потоком всемирно-исторического развития... Диктатура пролетариата и диктатура капиталистов – диаметрально противоположные вещи с совершенно разным содержанием и историческим смыслом»¹¹⁵.

В этой концепции содержались все логические доводы Бухарина по этому вопросу. Он открыто признал, что между фашизмом и советским социализмом сталинского типа есть некоторое внешнее сходство, но был убеждён, что существенные и содержательные различия делают это сходство лишённым смысла.

Бухарин видел в фашизме признак глубокого кризиса буржуазной культуры. Он характеризовал его как «кризис ориентации на быстрый технический прогресс», «кризис ориентации на дальнейшую индустриализацию», «кризис ориентации на мировой рынок», «кризис либерального буржуазно-парламентарного государства» и наряду с этим как «кризис идеи развития», «кризис идеологии христианско-либерального “гуманизма”», «кризис идеи формального равенства», «кризис рационального познания»¹¹⁶. Этому он противопоставлял СССР с его «закономерностью раз-

¹¹⁵ Бухарин Н. Кризис капиталистической культуры и проблемы культуры в СССР // Известия, 6 марта 1935 г. С. 4.

¹¹⁶ Там же. 6 марта 1934 г. С. 4–5.

вития», «освобождением развития производительных сил», «ориентацией на технический прогресс», «ориентацией на хозяйственную независимость и на мировое социалистическое хозяйство» и, в целом, «советскую власть». «пролетарскую демократию» и «плановое социалистическое хозяйство»¹¹⁷.

Исходя из этого сущностного противостояния, Бухарин говорил о «необходимой, исторически-неизбежной однородности» современного Советского Союза, принимая его «технизм», систему управления на основе плановой экономики и определённую иерархичность. Он назвал Советское государство «грандиознейшей “машиной”, какой ещё не видало человечество ни в какую эпоху своего существования», но предупредил, что «такая “машина” при определённых исторических условиях таит в себе опасность бюрократизации», отметив, что «все это явления, которые реально существуют». Применительно к переходному периоду он признавал и «жёсткую государственную власть», «диктатуру рабочих», «советскую внутрикласовую иерархию, проявляющуюся в структуре государственного аппарата». Однако в ходе «развития» это с неизбежностью преодолевается, и именно это Бухарин считал важной особенностью социализма в его тотальном противостоянии фашизму. Под «технизмом» он понимал «полный и всесторонний расцвет науки и культуры», «инициативу масс», которые и помогут, в первую очередь, преодолеть бюрократизм, «процесс развития культуры многомиллионных масс», в ходе которого произойдёт «отмирание государства» и «полное уничтожение социальной и политической иерархии»¹¹⁸. Основываясь на подобном оптимистическом, прогрессистском взгляде на происходящее, он считал, искренне придя к такому выводу, что в ходе всесторонней борьбы с фашизмом будет преодолена существующая «односторонность»¹¹⁹.

Став главой «Известий», Бухарин привлекал к сотрудничеству активно печатавшегося там и ранее Радека. Сразу же, уже в мар-

¹¹⁷ Там же. 13 марта 1934 г. С. 5.

¹¹⁸ Там же. 30 марта 1934 г. С. 4.

¹¹⁹ Коэн не обращал особого внимания на эту первую статью. Причина его заблуждения заключается в этом. Общее объяснение программы «воскресшего» Бухарина, которое он дал в своей книге, приемлемо. – *Cohen S.F.* Op. cit. P. 359. Рой Медведев только цитировал заглавие этой статьи, но не анализировал её. – *Медведев Рой.* Сиккяку кара (От опалы до расстрела). С. 80.

те, на страницах газеты появились статьи Каменева, а в июле Е.А. Преображенского¹²⁰.

Весной 1934 г. на тему борьбы с фашизмом – не на жизнь, а на смерть – высказался единомышленник Бухарина Горький¹²¹. Демонстрацией сплочения антифашистских и миролюбивых сил стал Первый съезд советских писателей (17 августа – 1 сентября 1934 г.), который с одобрения Сталина открывал Горький. Бухарин, наряду с Радеком, был одним из докладчиков на съезде.

Он выступал на тему «О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР». Почему именно он был избран в качестве докладчика по этому вопросу, неизвестно. Вначале намечали другого выступающего, но после того, как Горький и Сталин посоветовались, выбор был сделан в пользу Бухарина (впрочем справедливость этих толков уже невозможно проверить). Можно отметить лишь, что он отлично подходил для этого как разработчик политики партии в области художественной литературы в 1924 г. и как представитель высшей партийной интеллигенции.

Бухарин был встречен бурными аплодисментами. Они были слишком горячими, и он поспешил начать своё выступление словами: «Товарищи, я отношу ваши аплодисменты по адресу той великой партии, членом которой я состою и которая поручила мне на данном собрании сделать свой доклад». Бухарин продолжал: «Мы имеем великолепные успехи в области классовой борьбы, в первую очередь, благодаря тому мудрому руководству, которое возглавляется т. Сталиным и которое воплощено в нашем Центральном комитете. Мы наблюдаем огромный рост культуры в нашей стране». Он посвятил свой доклад «проблеме качества», овладению «техникой поэтического творчества», «мастерством», «литературно-культурным наследством» всего человечества¹²².

Самым вызывающим в докладе было то, что поэты-коммунисты и пролетарские поэты вроде Безыменского, Багрицкого и Светлова были подвергнуты критике, а так называемые «попутчики» Пастернак, Сельвинский и Тихонов оценены исключительно высоко. Называя Безыменского «поэтическим ру-

¹²⁰ Каменев Л. Диктатура пролетариата и культурное наследство // Известия, 29 марта 1934 г. С. 3; Преображенский Е. Крах экономической политики германского фашизма. Там же. 12 июля 1934 г. С. 2.

¹²¹ О мнениях Горького о фашизме см.: Шкана И. Семь лет с Горьким. Воспоминания. – М., 1964. С. 241–257; Горький М. Пролетарский гуманизм // Известия, 23 мая 1934 г. С. 2; // Правда, 23 мая 1934 г. С. 2.

¹²² Известия, 30 августа 1934 г. С. 3.

пором нового племени комсомольцев», Бухарин отметил, что когда жизнь усложнилась и от стихов потребовались большая глубина и мастерство, он «стал сдавать». Одновременно он так оценил Пастернака, отмечая его «силу» и «слабость»: «один из замечательнейших мастеров стиха в наше время, нанизавший на нити своего творчества не только целую вереницу лирических жемчужин, но и давший ряд глубокой искренности революционных вещей».

Хотя в этом докладе Бухарин не касался непосредственно проблемы фашизма, однако в полном соответствии с тем, что говорил раньше, заявлял: «Мы, СССР, – вышка всего мира, костяк будущего человечества... Потенциально мы – всё. Мы – наследники тысячелетий, всей культуры из века в век... Мы – воплощение исторического разума, основная, победоносная, движущая сила всемирной истории». И тем не менее в деле отображения «основного содержания жизни» поэзия далеко не на уровне и достижения её невелики. «Жестокая, некультурная провинция ещё царит у нас. Наша поэзия ещё не поднялась до понимания всего смысла нашей эпохи».

Бухарин говорил о необходимости «синтетической» поэзии, которая отобразит «всё многообразие нашей эпохи» в «многообразии форм». «А ведь у нас нередко рифмованный лозунг принимается за поэзию... Культура, культура и ещё раз культура! Пора решительно кончать с групповой свистопляской и богемщиной»¹²³. Эти искренние и горькие слова Бухарин адресовал прежде всего пролетарским поэтам.

Доклад получил самое горячее одобрение большинства присутствовавших на съезде писателей и поэтов. 30 августа «Известия» опубликовали доклад на двух страницах, сопроводив его большой фотографией Бухарина. Заключительные слова доклада сопровождались ремаркой: «Бурные аплодисменты всего зала, переходящие в овацию. Крики “ура”. Весь зал встаёт». Из всех выступавших на съезде так принимали только Горького.

В заключительном слове Горький полностью поддержал Бухарина¹²⁴, отметив, что ему доклад понравился больше, чем думалось вначале. Само собой разумеется, пролетарские поэты возмутились и в своих выступлениях напали на Бухарина. Заключительное ответное выступление последнего оказалось

¹²³ Там же. С. 4.

¹²⁴ Там же. 2 сентября 1934 г. С. 3.

слишком резким и по необходимости дополнялось новыми словами защиты и извинениями¹²⁵.

На протяжении этого года Бухарин своими убеждёнными высказываниями способствовал развитию антифашистского движения. Можно сказать, что он внёс в него большой теоретический вклад.

Убийство Кирова

Убийство Кирова стало настоящей трагедией для Бухарина. Об этом вспоминал Илья Эренбург: «Я пришёл в редакцию “Известий” и зашёл в кабинет главного редактора. На нём лица не было. Он едва выговорил: “Несчастье! Убили Кирова”»¹²⁶. В связи с убийством Кирова Бухарин написал три статьи, опубликованные 2, 4 и 6 декабря¹²⁷.

Однако он не мог знать подробностей происшедшего и принял официальную версию, что в убийстве замешаны бывшие оппозиционеры-зиновьевцы. 22 декабря он опубликовал статью «Суровые слова» с гневным осуждением зиновьевцев, разрушающих единство прогрессивных сил против фашизма. Партия под руководством Сталина, утверждал Бухарин, одерживает победу за победой, но страна с запада и с востока окружена врагами – это «Розенберг и Араки», это германский и японский фашизм. И вот убит один из лучших в «генеральном штабе», занятом подготовкой к оборонительной войне. Поэтому «убийца, палач Кирова и его руководители – это злобные классовые враги. Это – откровенные фашистские бандиты, враги Страны Советов, враги народу, враги диктатуры пролетариата, изменники и перебежчики в лагерь фашизма»¹²⁸.

Сравнивая с официальной позицией, Бухарин дал убийцам Кирова более чёткое определение – «фашисты». Его умозаключение было взято на заметку. Потом его логика использовалась как догма официальной позиции.

¹²⁵ Там же. 3 сентября 1934 г. С. 3.

¹²⁶ Эренбург Илья. Люди, годы, жизнь. Воспоминания. Т. 2. – М., 1990. С. 47.

¹²⁷ Бухарин Н. Сергей Миронович Киров // Известия, 2 декабря 1934 г. С. 2; Здравствуй, товарищ Киров! Там же. 4 декабря 1934 г. С. 3; Прощай, Мироныч! Там же. 6 декабря 1934 г. С. 5.

¹²⁸ Он же. Суровые слова. Там же. 22 декабря 1934 г. С. 2.

Бухарин заявил, что если любая оппозиция, любые уклонисты будут «упорствовать в своих заблуждениях и продолжать борьбу», они неизбежно окажутся в антипартийном, антигосударственном и антиреволюционном лагере. Эта «логика классовой борьбы» уже применялась в случае «группы Рютин–Слепкова», а теперь её уверенно относили к «фашистскому перерождению подонков бывшей зиновьевской антипартийной группы». Логика Бухарина в данном случае полностью совпадала с той, которая была использована против его бывшего ученика Слепкова, как логика развития борьбы с оппозицией. Иными словами, это «старая» логика сталинизма. Это именно та логика, которой Киров оперировал против группы Рютин в феврале 1933 г. В разрез с принятыми ранее формулировками Киров тогда заявил: «Сейчас всякое оппозиционное отклонение от генеральной линии нашей партии ведёт гораздо дальше, чем в предшествующие годы... сейчас вступление на путь оппозиции... прямо и непосредственно ведёт в лагерь контрреволюции»¹²⁹. Киров и Бухарин едины в главном выводе: врагом является тот, кто выступает против полного и окончательного единства.

Однако занятая теперь Сталиным позиция сводилась к тому, что заявления оппозиции о признании своих ошибок, отказе от борьбы и участии в едином строю ничего не стоят и что бывшие оппозиционеры так и остались оппозиционерами, а потому – как враги – неизбежно совершат новую измену. Это можно назвать новой логикой сталинизма.

Бухарин сыграл значительную роль в начавшейся в феврале 1935 г. подготовке к внесению изменений в конституцию. Войдя в состав возглавлявшейся Сталиным конституционной комиссии из 31 человека, Бухарин был поставлен во главе подкомиссии, занимавшейся вопросами о правах и обязанностях граждан.

Важным событием из итогов его деятельности в этом качестве можно считать две совершенно новые статьи: статью 127 (о неприкосновенности личности и о том, что никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора) и статью 128 (об охране законом неприкосновенности жилища граждан и тайны переписки)¹³⁰.

В том же 1935 г. Бухарин неоднократно возвращался к теме борьбы с фашизмом, используя самые разные поводы. 12 марта к

---

¹²⁹ Киров С. Указ. соч. С. 427.

¹³⁰ Бухарин Н. Конституция социалистического государства // Известия, 15 июня 1936 г. С. 2–3.

годовщине Февральской революции он опубликовал статью, треть её посвятив критике утверждений фашистов о том, что внешняя политика советского государства есть «продолжение царской» внешней политики. Он писал: «Всё это – *полный вздор* уже по одному тому, что совсем *новый класс* стоит в СССР у власти» и что «народы СССР развернут такую энергию обороны, которая не знает себе прецедентов в истории, и такую сплочённость вокруг партии и правительства, вокруг Сталина как полководца, которая неизвестна была прежним временам»¹³¹.

К Первомаю Бухарин опубликовал статью «Второе рождение человечества», лейтмотивом которой сделал противостояние фашизма и коммунизма. «Так *фашизм* выступает, как сила, разделяющая человечество, превращающая тружеников в настоящих рабов, грозящая страшными муками, гибелью культуры, пленом, плесенью, варварством. Так *коммунизм* выступает, как сила, которая освобождает пролетариат и всех трудящихся и собирает человечество в великое всемирное братство». «СССР – уже новый мир, мир братства, составная часть будущей всечеловеческой общины»¹³².

Наиболее интересной является написанная в декабре статья «Философия культурного филистера»¹³³, являющая критический разбор книги Н.А. Бердяева «Судьба человека в наше время». Бердяев пишет о «дегуманизации», «озверении» человеческой жизни по мере развития исторического процесса и считает фашизм и коммунизм двумя проявлениями этого. Называя мировую войну «порогом истории», он утверждает, что по своей сути «война была своеобразным фашизмом и коммунизмом». Он подвергает всесторонней критике «безумие организации», которое подавляет человеческую личность. В связи с этим Бухарин называет главной ошибкой Бердяева «отсутствие какого бы то ни было классового анализа исторического процесса». Проблема не в «общности систем», а в том какая система победит. «Наивысшим типом свободы» Бухарин называет «свободу максимального развития максимального числа людей» и поясняет: «Пролетарская диктатура не есть воплощение свободы – таким воплощением является коммунизм».

¹³¹ *Он же*. Мысли в годовщину Февральской революции. Там же. 12 марта 1935 г. С. 2.

¹³² *Он же*. Второе рождение человечества. Там же. 1 мая 1935 г. С. 3.

¹³³ *Он же*. Философия культурного филистера. Там же. 8 декабря 1935 г. С. 2; 10 декабря 1935 г. С. 3.

«Марксистская “идеократия” не есть господство касты марксистов, ибо марксизм есть мировоззрение миллионов. Более того марксизм-ленинизм есть самое передовое мировоззрение, которое по всем направлениям обеспечивает реальное движение масс вперёд... *Свобода развития безгранична*, и она переходит лишь в коммунизм, как воплощение универсальной свободы, как настоящее “царство свободы”»¹³⁴.

В сочинениях этого года Бухарин как бы завуалировал свою критику действительности. Он разъяснял, что будто бы те цели, которые необходимо было достичь в будущем, были осуществлены уже сейчас. Это являлось у него и критикой, и призывом на усилия.

Поездка за границу

В январе 1936 г. Бухарин – впервые со времени своего «воскресения» – подвергся резкой критике руководства «Правды». Он поместил 21 января в номере «Известий», посвящённом памяти Ленина, статью «Наш вожьд, наш учитель, наш отец», в которой заявил: чтобы из страны, «где обломовщина была самой универсальной чертой характера, где господствовала *нация* Обломовых сделать “ударную бригаду” мирового пролетариата» нужны были большевики – «нетерпимые, стойкие, закалённые солдаты революции, её стальные вожди»¹³⁵. Это и вызвало появление «подвала» в «Правде» от 10 февраля под заголовком «Об одной гнилой концепции», в котором Бухарина упрекали в оскорблении России и русского народа¹³⁶. 14 февраля Бухарин опубликовал в «Известиях» статью «Ответ на вопрос», в которой признал выражение «нация Обломовых» неверным и решительно отрешивался от утверждения, что по его, Бухарина, мнению, русский народ есть «ни на что не способная величина»¹³⁷.

Это произошло после кампании критики в адрес М.Н. Покровского¹³⁸, означавшей поворот к национализму, но я считаю, что эта придиричивая критика пока не была смертельна.

¹³⁴ Там же. 10 декабря 1935 г. С. 3.

¹³⁵ Бухарин Н. Наш вожьд, наш учитель, наш отец // Известия, 21 января 1936 г. С. 2.

¹³⁶ Об одной гнилой концепции // Правда, 10 февраля 1936 г. С. 3.

¹³⁷ Бухарин Н. Ответ на вопрос // Известия, 14 февраля 1936 г. С. 1.

¹³⁸ Бухарин сам присоединился к этой кампании. – *Он же*. Нужна ли нам марксистская историческая наука? (О некоторых существенно важных, но

Следующим важным событием стала поездка Бухарина в Европу вместе с В.А. Адоратским и А.С. Аросевым для приобретения рукописей Маркса. Путешествие состоялась по приглашению германских социал-демократов в последней декаде февраля. Согласно свидетельству меньшевика-эмигранта Б.И. Николаевского, которому были поручено хранение рукописей и ведение переговоров, делегация по приезде в Париж сразу вошла с ним в контакт, а затем, разделившись, отправилась в Копенгаген и Амстердам для ознакомления с хранящимися там частями архивных материалов. Сам Николаевский сопровождал делегацию¹³⁹. Заехав ещё раз в Париж, Бухарин и его спутники вернулись домой только в конце апреля. В апреле молодая жена Бухарина А.М. Ларина, впервые выехав из СССР, присоединилась к нему в Париже.

В ходе этой поездки Бухарин встречался (кроме Николаевского) с лидерами меньшевистской эмиграции, в том числе с редактором «Социалистического вестника» Фёдором Даном. Также он встретился с писателем А. Мальро и передал ему текст своего доклада на французском языке. Этот доклад «Основные проблемы современной культуры» был прочитан Бухариным 3 апреля в парижской Ассоциации по изучению советской культуры и издан по-французски¹⁴⁰.

Есть версия, что во время поездки в Европу при встречах с такими людьми Бухарин был «на удивление откровенен» и в решительных выражениях высказывал собственное мнение о политике Сталина, в частности, и о разногласиях внутри партии, «что составляло партийную тайну»¹⁴¹. В конце 1936 г. и в начале 1937 г. Николаевский опубликовал в «Социалистическом вестнике» анонимный текст «Как готовился московский процесс (из письма старого большевика)». С того времени утвердилось мнение, что автором его является Бухарин, но в 1959 г., уже после развенчания Сталина, Николаевский признал, что он сам написал эту статью, используя записи своих разговоров с Бухариным, а также информацию, полученную из других источников¹⁴². В 1964 г. жена

несостоятельных взглядах тов. М.Н. Покровского). Там же. 27 января 1936 г. С. 3–4.

¹³⁹ *Nicholaevsky Boris*. Op. cit. P. 3–4, 23.

¹⁴⁰ *Bukharin N.* Les problemes fondamentaux de la culture contemporaine. – Paris, 1936.

¹⁴¹ *Cohen S.F.* Op. cit. P. 365.

¹⁴² Как готовился московский процесс (из письма старого большевика) // Социалистический вестник. 1936. № 23/24; 1937, № 1/2; Николаевский В.И. Четверть века назад // Новое Русское слово, 6 декабря 1959 г.

Фёдора Дана, скончавшегося в 1947 г., опубликовала его записи бесед с Бухариным под заглавием «Бухарин о Сталине»¹⁴³. В 1964 г. вышли воспоминания Мальро, где также говорилось об этом¹⁴⁴.

Достоверность этих свидетельств очень сомнительна. Прежде всего настроение Бухарина в это время было далеко от стремления оставлять что-то вроде завещания. Всю свою жизнь до последнего дня он прожил как верный большевик и, будучи всё ещё главным редактором «Известий», едва ли стал бы критиковать Сталина в разговоре с меньшевиком.

Николаевский утверждал, что тот анонимный текст «Из письма старого большевика» – это запись его бесед с Бухариным¹⁴⁵. С другой стороны, хотя «Бухарин практически не произносил имени Сталина», он (Николаевский) чувствовал, что Сталин был главной мишенью атак Бухарина¹⁴⁶. Если так, достоверны ли упоминания Бухарина о программе Рютина, предусматривавшей отстранение Сталина, и т. д.? Слова Бухарина о том, что он от начала до конца написал новую конституцию, явно противоречат действительности. Николаевский писал: «Бухарин хвастался, что эта конституция антипартийна»; «Бухарин пренебрежительно отзывался о своих врагах»¹⁴⁷. Это полностью противоречит пессимистическому настрою «Письма старого большевика».

В объяснениях Николаевского слишком много непонятного. Некоторые американские учёные считают, что Бухарин в последние дни каким-то способом всё же отправил письмо Николаевскому, чего не исключает и С. Козн¹⁴⁸, но это абсолютно невероятно. Впервые своё сомнение по поводу рассказов Николаевского в беседе со мной в 1979 г. высказала Анна Ларина. Об этом она написала в своих воспоминаниях «Незабываемое» («Знамя», 1988, № 12).

Последнее слово

Возвратившись в СССР, Бухарин включился в кампанию по обсуждению проекта новой Конституции и опубликовал на эту тему две статьи в «Известиях»: в первоммайском номере и в номерах за 14–15 июня.

¹⁴³ Дан Л. Бухарин о Сталине // Новый журнал, № 75, 1964.

¹⁴⁴ Malraux Andre. Les chenes qu'on abat. – Paris, 1970. Японский перевод: Таосарэта каси но ки. – Синтёша, 1971. Р. 176.

¹⁴⁵ Nicholaevsky Boris. Op. cit. P. 8.

¹⁴⁶ Ibid. P. 14.

¹⁴⁷ Ibid. P. 22.

¹⁴⁸ Cohen S.F. Op. cit. P. 471–472.

Первая из этих статей¹⁴⁹ начиналась с цитаты из «Князя» Макиавелли: «Счастье – это женщина. Её нужно бить и толкать, если хочешь обладать ею». Фашизму, выдвигающему этот тезис в качестве ключевого понятия исторического процесса вообще, он противопоставил «расширение социалистической демократии». Макиавелли, адресуя эти слова правителю, основывался на принципе «Лучше двинуться вперёд с решимостью, чем с полной подготовкой»¹⁵⁰. Поэтому Бухарин хотел сказать, что развитие социализма есть и должно быть «развитием с полной подготовкой», развитием по степени зрелости.

Говоря о том, что материальной основой системы социалистической экономики является «целое», Бухарин пишет: «“Целое” впервые создаётся у нас, в СССР», появляется «хозяйственное единство» и «единство масс». «Буржуазную демократию» он называет «добром по сравнению со средневековьем и фашизмом», но «злом по сравнению с более высокой формой пролетарской демократии вообще, с её развитой формой в частности и в особенности». Далее он продолжает ту же мысль: «Даже наименее развитая форма пролетарской демократии, на отправном этапе развития, была бесконечно выше буржуазной демократии» – и завершает статью следующим выводом: «Всемерное укрепление диктатуры пролетариата, всемерное укрепление государственной власти трудящихся – есть неперемнное условие победы в грядущих великих исторических битвах с наступающим воинствующим фашизмом».

Такое чёткое отделение буржуазной демократии от фашизма является повторением позиции Бухарина. Но во второй статье, разъясняющей содержание новой конституции, он особо остановился на целях, на достижение которых она направлена. Сосредоточив внимание на «гражданских свободах», вопросами которых он занимался, он полностью цитирует статьи 127 и 128. Делая вывод, что эти статьи «связаны с ростом личности советского гражданина», он пишет: «*Консолидация советского народа есть образование личности советского гражданина. Всё меньше становится врагов по их количеству. Возрастание бешенства, злобы, отчаянья, злодейских методов борьбы против нас идёт на всё бо-*

¹⁴⁹ Бухарин Н. Расширение советской демократии // Известия, 1 мая 1936 г. С. 2.

¹⁵⁰ Machiavelli Niccoló. The Prince. Everyman's Library. – London, 1974. P. 143.

лее узком базисе: это поистине осколки осколков, хотя всё более отчаянные. Отсюда вытекает повышение бдительности. Но в счёте на десятки миллионов, на массы, на народ из основного факта консолидации народа вытекает расширение прав советской личности как таковой»¹⁵¹.

Заявляя это, Бухарин понимал, что его толкование расходится с официальным. Он фактически говорил о необходимости притормозить внедрение теории об обострении классовой борьбы. Именно в этом отношении он возлагал надежды на нормативную силу новой конституции.

Бухарин испытал глубочайшую скорбь в связи со смертью Горького. Его памяти он посвятил две статьи. Называя Горького «певцом разума», Бухарин пишет, что он отдал свою жизнь ради «построения разумного, светлого общества»¹⁵². «Милый Максимыч, неужели тебя, правда, больше нет?!»¹⁵³.

6 июля в «Известиях» появилась статья Бухарина «Маршруты истории. Мысли вслух»¹⁵⁴. Ей было суждено стать его последней статьёй.

Начав с того, что «сейчас все говорят о *сталинской Конституции*», он обратился к выраженным в ней «огромным переменам во всей внутренней структуре страны и её жизни», кратко определив их словами «сплочение» и «консолидация». Это «консолидация социализма», «сплочение трудовых классов», «консолидация партии, монолитной как никогда», «консолидация руководства, целостного, единого сталинского руководства», «консолидация широчайших народных масс вокруг партии, вокруг Сталина».

Оглядываясь на прошлое, Бухарин показал несостоятельность теории о невозможности построения социализма в отдельно взятой стране и о победе рабочего класса на Западе как необходимом условии этого. «Самый факт существования могущественного социалистического государства есть международный фактор величайшего значения». «Все прогрессивные силы идут вместе с СССР, а СССР является основным, наиболее организованным, наиболее последовательным борцом против фашистской войны и

¹⁵¹ Бухарин Н. Конституция социалистического государства // Известия, 15 июня 1936 г. С. 2.

¹⁵² Он же. Певец Разума. Там же. 20 июня 1936 г. С. 2.

¹⁵³ Он же. Горький. Последнее «прости». Там же. 23 июня. 1936 г. С. 2.

¹⁵⁴ Он же. Маршруты истории. Мысли вслух. Там же. 6 июля 1936 г. С. 3–4.

фашистской контрреволюции». Бухарин отметил: «Судьбы всего человечества зависят от *исхода войны*».

Эти слова не имеют ничего общего с приписываемыми Бухарину идеями о «закулисной консолидации сталинской системы и приближении гибели всего сопротивления ей»¹⁵⁵. Скорее противоположность была верной. Поэтому, он написал следующие решительные и роковые слова: «Все враги СССР суть – без всякого преувеличения – враги человечества, пособники фашизма, какими фразами они бы ни прикрывались и что бы они сами о себе ни думали. Такова логика всемирно-исторической борьбы накануне тех исторических сцен, когда разыграются последние, решающие акты великой исторической драмы».

Бухарин снова говорит о фашизме как об «идеологии ненависти к массе», игнорирующей тот факт, «массы уже вышли на историческую арену» и создающей «иллюзию соучастия во власти масс». «Сложная сеть декоративного обмана (в словах и в действиях) составляет чрезвычайно существенную черту фашистских режимов всех марок и всех оттенков. Но было бы крайней близорукостью не видеть исторических пределов этого организованного обмана». Разве видна в этих словах критика сталинской системы?! Бухарин доводит противопоставление фашизма и коммунизма до конца.

«*Фашизм* со всеми его организационными потугами создает обезличенную массу, со слепой дисциплиной, с культом *иезуитского* послушания, с подавлением интеллектуальных функций. *Социализм* подымает массу как *сложное* целое, непрерывно обогащая содержание личности и *повышая* мыслительные функции». «Это – не дрессированные и стройно работающие *instrumenta vocalia* (“орудия с голосом”, как называли в Риме рабов), а сознательная масса сознательных личностей».

Однако в тот же месяц, когда была написана эта статья, находившиеся в заключении Зиновьев и Каменев были официально обвинены в связях с агентами гестапо с целью подготовки убийства Кирова. Начиналась эпоха показательных процессов и «большого террора».

Оценивая результаты происшедшего, можно сказать, что дело не ограничилось поражением логики Бухарина перед официаль-

---

¹⁵⁵ Коэн, называя эту статью завещанием Бухарина, изложил процитированную оценку в начальной части статьи. – *Cohen S.F. Op. cit. P. 366–367.* Его интерпретация этой статьи чрезвычайно неубедительна.

ной. «Правящая» логика многое позаимствовала у Бухарина, а потом так же легко, как занималась плагиатом, избавилась от автора метких формулировок. Осуждение фашистских поджигателей, призывы к единству ради борьбы с фашизмом, обвинение «пособников фашизма», стремящихся разрушить это единство, – всё это теперь было обращено против всех членов бывших оппозиционных групп, включая Бухарина, против сочувствовавших оппозиции или недостаточно активных в её преследовании. Все эти люди были теперь осуждены на смерть как «пособники фашистов». Бухарин отождествлял идеалы с реальностью для того, чтобы критиковать реальность конструктивно, но это отождествление втянуто в ложную идеологию, приукрашивающую и оправдывающую реальность. Так и положения о гражданских свободах, на которые Бухарин надеялся как на сдерживающую силу, стали частью мифа о «самой демократической конституции в мире».

Это была трагедия. Предчувствуя арест, Бухарин продиктовал своей молодой жене письмо-обращение «Будущему поколению руководителей партии». Иное отношение к происходящему было бы для него невыносимо. До последней минуты он оставался большевиком, верным партийной дисциплине. Это можно назвать «трагедией монизма»¹⁵⁶.

Через три года после его казни, в подтверждение его пророчеств нацистская Германия напала на Советский Союз, и началась война, расколовшая судьбы человечества. С началом войны в СССР было издано бесчисленное количество антифашистской литературы. Среди них важное место занимали сборники антифашистской публицистики Горького. Разве люди не помнили ещё о другой пламенной антифашистской теории, существовавшей всего несколько лет назад?

Борьба драматурга-моралиста

Начавшаяся с августа 1936 г. драма превзошла предвидения людей, подобных Бухарину. Люди, приобретшие печальный опыт, уже не могли смотреть другими глазами на свою страну и мир. С удивительной силой засела в умах людей формула – для того, чтобы бороться с фашизмом, надо ликвидировать «пятую колон-

---

¹⁵⁶ Слова Анны Лариной, Москва, октябрь 1979 г.

ну» в своей среде. Но чувство страха сковывало людей. Чувствующие, думающие люди предпочитали молчать. Другие же следовали официальной логике: убеждали самих себя в правоте лидеров, хотя сами прекрасно знали обратное.

Думается, последнего варианта придерживался писатель Илья Эренбург. В своих воспоминаниях этот бывший друг Бухарина, друг Мейерхольда и Мандельштама утверждает, будто всегда чувствовал, что что-то не так. Однако он не спешил высказывать это и в качестве специального корреспондента «Известий», критиковал фашизм, никогда не отступая от партийных формулировок. Ещё в период запрета на критику фашизма он написал роман «Падение Парижа» и в апреле 1941 г. получил от Сталина разрешение на его публикацию¹⁵⁷. В годы войны он стал популярен, благодаря статьям, откровенно разжигавшим звериные инстинкты против немцев: «Нет для нас ничего веселее немецких трупов» («Убей!»)¹⁵⁸.

Другую позицию, диаметрально противоположную, занимал Михаил Булгаков. В 1930 г. он обратился к Сталину с просьбой разрешить ему выезд за границу и в результате оказался «под колпаком». Его главным трудом тридцатых годов стал роман «Мастер и Маргарита», в который он вложил все свои мысли об этой эпохе. Булгаков умер в 1940 г., а его роман увидел свет только в 1966 г.

Между этими двумя «полюсами» — писателем, кто сдерживал свой внутренний голос ради возможности говорить вслух, и писателем, избравшим молчание ради возможности спокойно творить в тайне, был писатель, публично исповедывавший идеи, совершенно отличавшиеся от официальной позиции. Как я себе представляю, именно таким удивительным человеком был Евгений Шварц.

До «Голого короля»

В 1954 г., через год после смерти Сталина, открылся Второй съезд советских писателей. Выступая с докладом «Советская литература для детей и юношества», Борис Полевой, назвав Евгения Шварца «автором двух интересных инсценировок: “Золушка” и “Снежная королева”», обрушился на него с критикой за то, что

¹⁵⁷ Эренбург Илья. Указ. соч. Т. 2. С. 228.

¹⁵⁸ Werth Alexander. Russia and War 1941–1945. – London, 1964. P. 414.

его новая сказка «Рассеянный волшебник» – «вредная пошлость», основанная на «безвкусном вымысле»¹⁵⁹. Такое восприятие Шварца, только как автора пьес для детей, было односторонним. Лишь в 1956 г. впервые вышли его избранные сочинения, его шедевр «Дракон» был впервые поставлен лишь в 1962 г. И всё потому, что в набитой формулировками и клише истории литературы место Шварца определилось тогда в соответствии с безапелляционной оценкой, высказанной Полевым в 1954 г.

В Японии знакомство со Шварцем началось с постановки в Молодежном театре «Тени» в 1973 г., за которой последовал «Дракон» в 1975 г. Третья его пьеса «Обыкновенное чудо» была поставлена и сыграна студентами-русистами. Однако работ об этом драматурге-сказочнике, необходимых комментариев о том, что же он думал и чувствовал, что вложил в свои произведения, практически нет. Надо сказать, что в нашей стране Шварц до сих пор остаётся неизвестным писателем.

Конечно, Евгения Шварца стоит назвать самобытным писателем. Он не был баловнем судьбы и «первым учеником»¹⁶⁰. Сын врача, родившийся в 1896 г. в Казани в еврейской семье, он провёл годы революции и гражданской войны в Ростове-на-Дону, служил в продотряде, писал шуточные стихи и думал о карьере актёра. Приехав в 1921 г. в Петроград, он организовал небольшую труппу вместе со своей женой и семьёй старшего брата, ставил пьесы Гумилёва и Ремизова, а потом бросил всё это. Нашёл своих единомышленников в группе «Серapiоновы братья», познакомился с молодым писателем Николаем Чуковским, вскоре став секретарем его отца Корнея Чуковского. Продолжал сочинять шуточные стихи и пародии, подружившись на этой почве с Николаем Олейниковым, вдвоём с которым они с 1924 г. стали работать в секторе детской литературы Госиздата под руководством Самуила Маршака. Вскоре они вошли в редакции издававшихся сектором журналов «Ёж» и «Чиж».

Для Шварца эпоха тридцатых годов началась с закрытия детского сектора Госиздата. Это было время пятилетнего плана, «революции сверху» и активизации гонителей из РАППа. Член группы «Серapiоновы братья» писатель Вениамин Каверин

¹⁵⁹ Советская литература для детей и юношества. Сводный доклад Б.Н. Полеваго на Втором Всесоюзном съезде советских писателей. – М., 1954. С. 31–32.

¹⁶⁰ О его биографических фактах см. в воспоминаниях Николая Чуковского. Мы знали Евгения Шварца. – М.–Л., 1966. С. 24–41.

вспоминал: «В нашей литературе были тяжёлые времена. Трудно было прозе, ещё труднее – поэзии. Но больше всего досталось, без сомнения, сказке. Ведь педологи, например, считали, что не нужны не только сказки, но даже куклы, потому что они “переразвивают” у девочек материнский инстинкт... Её (сказку) объявляли вредной, даже социально опасной»¹⁶¹.

Такая невообразимая критика была результатом кампании, которую возглавляла Н.К. Крупская, считавшаяся специалистом в области просвещения. Она в 1929 г. в статье «На путях к новой школе», отзываясь о статьях Корнея Чуковского, утверждала: «Вредно содержание большинства сказок». Сказка, по её мнению, допустима как приём, как способ сделать «понятней, яснее ту или иную реалистическую мысль, тот или иной реалистический факт». Другое дело, когда это – «средство туманить сознание ребенка, возбуждать в нём те настроения и чувства, с которыми надо всячески бороться». В качестве примера такой сказки у неё «выступал» «Крокодил» Корнея Чуковского. Крупская считала, что эта сказка «навязывает ребенку политические и моральные взгляды весьма сомнительного свойства» и что «те чувства и те взгляды, которые он старается привить ребятам в “Крокодиле”, вредны»¹⁶².

Чуковский объявил о том, что он больше не пишет сказок, и уехал в Москву. Сектор детской литературы Госиздата был распущен, сам Маршак тоже переехал в Москву. Шварц и Олейников остались без работы.

Шварц переключился на драматургию. В 1930 г. был написан «Ундервуд», в 1931 г. – «Обход Гогенштауфена». Пьеса о самом обыкновенном советском учреждении, где в роли начальника выступает «товарищ Упырьев»¹⁶³, была прочитана Н.П. Акимову, рассчитывавшему на место режиссёра в московском Театре имени Вахтангова. Тогда Акимов раскритиковал слабые места пьесы, и Шварц принял его замечания. Хотя первая в этом году постановка Акимова «Гамлет» тоже была подвергнута критике (за формализм), оба поняли, что их встреча имеет решающий характер¹⁶⁴.

¹⁶¹ Каверин В. Портреты, письма о литературе, воспоминания. – М., 1965. С. 95.

¹⁶² Крупская Н.К. Педагогические сочинения. Т. 6. – М., 1959. С. 122.

¹⁶³ Каверин В. Указ. соч. С. 95.

¹⁶⁴ Мы знали Евгения Шварца. С. 175–186.

Первый съезд советских писателей в 1934 г. стал отражением новых надежд. Приняв предложение Акимова написать пьесу для руководимого им Ленинградского театра комедии, Шварц в том же году написал пьесу «Голый король» на основе сказок Андерсена.

Акимов определённо сказал ему: «Мы ждём пьесу на *современную* тему». В соответствии с этим заказом Шварц задумал пьесу, содержащую критику Гитлера (который за год до того пришёл к власти в Германии) и призывающую к борьбе с фашизмом. В стиле управления «короля соседней страны» без труда унавались порядки нацистской Германии.

«Министр нежных чувств» этой страны говорит: «С тех пор как его величество объявил, что наша нация есть высшая в мире, нам приказано начисто забыть иностранные языки»¹⁶⁵. Камердинер короля, делая заказ ткачам – главному герою пьесы Генриху и его другу, говорит: «Наше государство – высшее в этом мире! Если вы будете сомневаться в этом, вас, невзирая на ваш возраст...» (шепчет что-то Христиану на ухо)... «Чтобы от вас не родились дети с наклонностями к критике. Вы арийцы?»¹⁶⁶. И далее: «Пришла мода сжигать книги на площадях. В первые три дня сожгли все действительно опасные книги. А мода не прошла. Тогда начали жечь остальные книги без разбора. Теперь книг вовсе нет. Жгут солому»¹⁶⁷.

Чувствуется, что содержащаяся в пьесе критика, явно выходит за рамки критики фашизма. Особенно это относится к теме «правды». Первый министр, девизом которого было «говорить правду», обращается к королю с такими речами: «Ваше величество! Вы знаете, что я старик честный, старик прямой. Я прямо говорю правду в глаза, даже если она неприятна... Позвольте мне сказать вам прямо, грубо, по-стариковски: вы великий человек, государь!». На это король отвечает: «Поди сюда, правдивый старик. (Растроганно). Дай я тебя поцелую. И никогда не бойся говорить мне правду в глаза. Я не такой, как другие короли. Я люблю правду, даже когда она неприятна»¹⁶⁸.

За словом «правда» здесь намеренно спрятано другое. Тот же первый министр в другой сцене говорит, что король «не любит

¹⁶⁵ О его отношениях с Н. Акимовым см. воспоминания Н. Акимова. *Шварц Евгений*. Клад, Снежная королева, Голый король, Тень, Дракон, Два клена, Обыкновенное чудо, Повесть о молодых супругах, Золушка, Дон Кихот. – М.–Л., 1962. С. 109.

¹⁶⁶ Там же. С. 122.

¹⁶⁷ Там же. С. 126.

¹⁶⁸ Там же. С. 130–131.

неприятных докладов», а затем обращается к толпе: «Хоть я и знаю, что вы самые верноподданные, но напоминаю вам: во дворце его величества рот открывать можно только для того, чтобы крикнуть “ура” или исполнить гимн»¹⁶⁹.

В 1934 г. пьеса была запрещена к постановке Главреперткомом, видимо, почувствовавшим весь разлитый в ней яд. Только в 1960-е гг. «Голый король» попал на подмостки театров, а его постановка в московском театре «Современник» в 1964 г. стала настоящей сенсацией. Думаю, что через тридцать лет зрители особенно остро реагировали на осуждение чего-то иного, чем фашизм, в этой пьесе.

«Тень»

В 1937 г. террор уничтожил ближайшего друга Шварца Николая Олейникова. Вскоре после его ареста в квартире Шварца глубокой ночью раздался звонок. Когда он вышел посмотреть, кто это, то услышал шум шагов человека, торопливо поднимавшегося по лестнице. Некто, узнавший об аресте Олейникова, поспешил предупредить Шварца¹⁷⁰. Естественно было предположить, что он будет следующей жертвой. Дни шли в ожидании ареста, возможность которого он осознавал и без предупреждения со стороны, но рука террора не коснулась драматурга.

В этом страшном году он пишет повести «Приключения Шуры и Маруси» и «Чужая девочка», пьесу «Клад», а в следующем году пьесу «Снежная королева», сделавшую его популярным драматургом. Этим определилось его положение как автора пьес для детей. Но в следующем году он написал для театра Акимова пьесу для взрослых, взяв за основу сказку Андерсена «Тень». После нескольких месяцев борьбы с «инстанциями», разрешение на постановку было получено, и пьеса была поставлена в 1940 г. в Театре комедии. Разъяснялось, что цель пьесы – критика фашизма, что повторится и сегодня. Так ли это?

Сюжет пьесы в общем соответствует «Тени» Андерсена и начинается с того, что в некую южную страну приезжает учёный. Вот что говорит ему об этой стране Аннунциата, дочь хозяина гостиницы, в которой он остановился: «Вы не знаете, что живёте

¹⁶⁹ Там же. С. 43, 144.

¹⁷⁰ Слонимский М. Книга воспоминаний. – М.–Л., 1966. С. 189.

в совсем особенной стране. Всё, что рассказывают в сказках, ... – у нас бывает на самом деле каждый день»¹⁷¹.

Здесь сразу вспоминается, что Советский Союз называли страной, где сказки становятся былью. Вот и Аннунциата говорит: «Спящая красавица жила в пяти часах ходьбы от табачной лавочки – той, что направо от фонтана. Только теперь Спящая красавица умерла. Людоед до сих пор жив и работает в городском ломбарде оценщиком». На вопрос учёного, почему же об этом не пишут в книгах про эту страну, она отвечает, что, узнав, никто не поедет туда, что «не всем нравятся сказки». Здесь Шварц явно опирается на свой опыт предшествующих лет. И он вкладывает в уста учёного такие недвусмысленные слова: «Ваша страна – увы! – похожа на все страны в мире. Богатство и бедность, знатность и рабство, смерть и несчастье, разум и глупость, святость, преступление, совесть, бесстыдство – всё это перемешано так тесно, что просто ужасаешься»¹⁷².

Во время их разговора входит хозяин гостиницы Пьетро, который говорит, что служит оценщиком в городском ломбарде. Стало быть, это и есть людоед. Потом появляется певица Юлия Джули. Она ошиблась номером и рассказывает учёному о том, с кем должна была встретиться: «Он ужасно беспокойный человек. Он раб моды. Вот, например, когда в моде было загорать, он загорел до того, что стал чёрен, как негр. А тут загар вдруг вышел из моды. И он решился на операцию. Кожу из-под трусов – это было единственное белое место на его теле – врачи пересадили ему на лицо». Тут как раз появляется этот самый человек – газетчик Цезарь Борджиа, который тоже оказывается людоедом. Он говорит: «Мне бы хотелось найти секрет полного успеха. Ради этого секрета я готов на всё». Это острая критика конъюнктурщиков.

Потом Аннунциата рассказывает историю последнего короля этой страны Людовика Девятого Мечтательного. «В самом начале его царствования первый министр, которому государь верил больше, чем родному отцу, отравил любимую сестру короля. Король казнил первого министра. Второй первый министр не был отравителем, но он так лгал королю, что тот перестал верить всем, даже самому себе. Третий первый министр не был лжецом, но он был ужасно хитёр. Он плёл, и плёл, и плёл тончайшие пау-

---

¹⁷¹ Шварц Евгений. Указ. соч. С. 238.

¹⁷² Там же. С. 239–240.

тины вокруг самых простых дел... Четвёртый первый министр не был хитёр. Он был прям и прост. Он украл у короля золотую табакерку и бежал. И государь махнул рукой на дела управления». Он занялся театром, но приобрёл от этого только сильный невроз. Лейб-медик, чтобы вылечить его, предложил казнить половину труппы, но король не смог решить, какая половина заслуживает казни. Потом он «стал увлекаться плохими женщинами, ... И это очень утешило короля, но вконец расстроило его здоровье. И у него отнялись ноги. И с тех пор его стали возить в кресле по дворцу, а он всё молчал и думал, думал, думал. О чём он думал, он не говорил никому. Изредка государь приказывал подвезти себя к окну и, открывши форточку, показывал язык уличным мальчишкам, которые прыгали и кричали: “Дурачок, дурачок, дурачок!”. А потом король составил завещание. А потом умер». Завещание хранилось в тайне, и читала его только принцесса, но об этом почему-то знал весь город.

Нам точно не известно, что знал Шварц о завещании Ленина. Однако не отражает ли потерпевший поражение в политике, больной, не способный ходить король представление Шварца о Ленине?

После рассказа Аннунциаты учёный замечает на балконе соседнего дома красивую девушку, узнаёт, что это и есть скрывающаяся принцесса и признается ей в любви. Растерянная принцесса убегает, а учёный посылает к ней свою Тень, которая отделяется от него и оказывается уже у принцессы на балконе. Лишившийся тени учёный заболевает.

Во втором действии на сцене мы видим парк, в котором первый министр и министр финансов держат совет о том, что же делать с приезжим учёным, покоровившим сердце принцессы. Их вывод прост: учёного надо или купить, или убить, чтобы он не женился на принцессе. Первый министр формулирует: «Я намерен расправиться с учёным при помощи дружбы». Оба соглашаются, что отыскать друга приехавшего иностранца трудно, но тут помощник придворного мажордома появляется перед министрами и говорит, что он – друг учёного. Это и есть его отделившаяся Тень, которая с помощью Пьетро и Цезаря Борджиа поступила на службу во дворец. Министры соглашаются и зачисляют Тень в канцелярию первого министра.

На сцене их сменяют Аннунциата, учёный и врач, к которому обратились после того, как у учёного пропала тень. На вопрос Аннунциаты, как идут дела, врач отвечает: «Он здоров. Но дела

его идут плохо. И пойдут ещё хуже, пока он не научится смотреть на мир сквозь пальцы, пока он не махнет на всё рукой, пока он не овладеет искусством пожимать плечами»¹⁷³. Врач отговаривает учёного от мысли жениться на принцессе, но он не хочет и слышать об этом.

Появившаяся Юлия Джули сообщает учёному, что её патрон – министр финансов – что-то замышляет против него. При встрече с Юлией министр понимает, что Юлия не станет исполнительницей его планов, потому что тоже влюбилась в учёного, и угрожает ей: «Ваш отказ показывает, что вы недостаточно уважаете всю нашу государственную систему». Он отыскивает тайный смысл в её песне «Ах, зачем я не лужайка...»: «Только теперь я понял, что вы этим хотите сказать. Вы намекаете на то, что у фермеров мало земли»¹⁷⁴. Тогда она соглашается и обещает увести учёного на двадцать минут.

Потом на сцене происходит встреча Тени, которая уже стала чиновником особо важных дел канцелярии первого министра, с учёным. Тень убедила министров, что знает всю подноготную учёного и – как самый близкий друг – может расстроить его планы уехать с принцессой за границу. Тень говорит учёному, что его теперь все ненавидят, но министры предлагают ему «славу, почёт и богатство», если он откажется от принцессы. В противном случае его сегодня же убьют. Тень предлагает ему подписать письменное отречение, учёный колеблется, но потом соглашается и подписывает.

Снова появляется Юлия, которая хочет увести учёного. Потом приходит принцесса, и Тень показывает ей бумагу, в которой учёный отрекается от нее, чтобы разрушить их союз. Тень клянется принцессе в любви, и та принимает его признания. и прогоняет появившегося учёного, упрекая его в измене. Учёный в отчаянии, и доктор снова советует ему «махнуть на всё это рукой», потом рассказывает ему такую историю: «Я нашёл источник живой углекислой воды... Вода эта излечивает все болезни... и даже воскрешает мёртвых, если они хорошие люди... Министр финансов приказал мне закрыть этот источник... И я махнул на всё рукой. И мне сразу стало легче жить на свете... А вы хотите жить для того, чтобы как можно больше людей сделать счастливыми? Так и дадут вам чиновники жить! Да и сами люди этого терпеть

---

¹⁷³ Там же. С. 267.

¹⁷⁴ Там же. С. 273.

не могут. Махните на всё рукой. Смотрите сквозь пальцы на этот безумный, несчастный мир»¹⁷⁵.

Тут опять появляется Тень, но уже в новом качестве – объявляет, что станет королём. Министры смиряются с этим, Цезарь Борджиа и Пьетро назначаются королевским секретарём и начальником королевской стражи. После этого Тень обращается к учёному: «Завтра же я отдам ряд приказов – и ты окажешься один против целого мира. Друзья с отвращением отвернутся от тебя. Враги будут смеяться над тобой. И ты приползешь ко мне и попросишь пощады»¹⁷⁶.

История людей, давно и тесно связанных друг с другом, один из которых теперь стремится уничтожить другого, того, кому многим был обязан, – не напоминает ли это историю союза Сталина с Бухариным, вероломство Сталина и капитуляцию Бухарина...

Третье действие происходит во дворце. Люди ждут, когда начнётся коронация. Пьетро, новый начальник королевской стражи, принимает рапорт капрала, который докладывает о задержании человека, который вместо «Да здравствует король!» кричал «Да здравствует королева!»¹⁷⁷. В 1937 г. в Ленинграде произошёл такой случай: одна машинистка по ошибке напечатала вместо «Красная Армия» «Крысиная Армия». Это похоже на «крысиная армия», поэтому её обвинили в оскорблении Красной Армии и в особо опасных подрывных действиях¹⁷⁸. В данном случае разницы между сказкой и былью нет никакой.

На сцене появляются учёный и человек, с головы до ног закутанный в плащ. Это доктор, боящийся быть узнанным («Ведь у меня такая большая семья»). Жалея учёного, идущего на верную смерть, доктор, долго рылся в старинных трактатах о людях, потерявших свою тень, и нашёл магическую формулу «Тень, займи своё место!». Теперь об этом знает и учёный.

Придя во дворец, он говорит готовящейся короноваться Тени, что он не сдаётся, и обращается к принцессе и министрам: «Господа! Это жестокое существо погубит вас всех. Он у вершины власти, но он пуст. Он уже теперь томится и не знает, что ему делать. И он начнёт мучить вас всех от тоски и безделья»¹⁷⁹. Разве не о Сталине говорит здесь Шварц? Разве не отражает это судьбу

¹⁷⁵ Там же. С. 284.

¹⁷⁶ Там же. С. 286.

¹⁷⁷ Там же. С. 288.

¹⁷⁸ Чуковская Лидия. Опустелый дом. – Париж, 1965. С. 88, 90.

¹⁷⁹ Шварц Евгений. Указ. соч. С. 299.

людей, клянущихся в верности власти и смиряющихся с убийствами и террором?

Но свита не хочет слушать учёного. Искренне сочувствовавшая ему Юлия, струсив, показывает на него пальцем и говорит, что тень – это он. Тогда учёный произносит заклинание «Тень, знай своё место!», и Тень падает к его ногам. Тогда первый министр приказывает арестовать учёного, говоря, что он сумасшедший, а король просто болен. Учёного приговаривают к обезглавливанию.

Юлия, вспомнив слова доктора об открытой им живой воде, говорит об этом Аннунциате, но доктор на их уговоры отвечает, что теперь достать эту воду невозможно.

Как солистка его величества Юлия исполняет песенку «Не стоит голову терять...». В это время в одном из соседних помещений отрубают голову учёному – и одновременно у вернувшейся и сидящей на троне Тени тоже слетает с плеч голова. Принцесса возмущена, что у её жениха нет головы и требует это исправить: «У всех принцесс на свете целые мужья, а у меня вон что!». Министр финансов приказывает принести живой воды, весь запас которой хранится у него, чтобы использовать её.

Этой водой доктор оживляет учёного, и голова возвращается на плечи Тени. Она призывает к себе учёного и предлагает ему место во дворце, потому что понимает, что после всего произошедшего Тени без учёного жить опасно. Не откликаясь на предложенное, учёный говорит Аннунциате: «Мне страшно было умирать. Ведь я так молод... Но я пошёл на смерть, Аннунциата. Ведь, чтобы победить, надо идти и на смерть. И вот – я победил. Идёмте отсюда, Аннунциата»¹⁸⁰.

Принцесса восклицает: «Прочь, уйди отсюда, тень!», и Тень, перестав быть человеком, исчезает. Принцесса предлагает учёному остаться во дворце, но он и Аннунциата уходят.

У Андерсена тень убила учёного и женилась на принцессе. В сказке Шамиссо «Человек, продавший свою тень» тоже мрачный конец. Шварц же – оптимист. Положение дел в его стране было безрадостным, однако его пьеса – это призыв к победе над смертью, к воскрешению, к преодолению людьми своего страха.

Зрители этого спектакля, поставленного в 1940 г. в Ленинграде, каждый по-своему, понимали выраженные в нём мысли и чувства. Они должны были особенно остро переживать слова,

---

¹⁸⁰ Там же. С. 307.

которые людоед Цезарь Борджиа говорит людоеду Пьетро: «Надо будет его съесть. По-моему, сейчас самый подходящий момент. Человека легче всего съесть, когда он болен или уехал отдыхать. Ведь тогда он сам не знает, кто его съел, и с ним можно сохранить прекраснейшие отношения»¹⁸¹.

Ленинградские зрители, много испытывавшие, чьи судьбы были искорёжены оговором, прекрасно понимали, что «съесть» означало донести, оклеветать. Они аплодировали, но это были «горькие» аплодисменты. Многие поняли подтекст Шварца, но для автора всё, как говорится, обошлось. Можно сказать, что ленинградцы защитили своего писателя от «съедения».

«Дракон»

22 июня 1941 г. нацистская Германия напала на Советский Союз. Театр комедии тем не менее продолжал свои спектакли, и для него Шварц вместе с Михаилом Зощенко написал пьесу-гротеск «Под липами Берлина». Пьеса изображала Гитлера и его приспешников и предсказывала им скорый разгром.

В конце декабря Шварц был эвакуирован из блокадного Ленинграда, был вывезен оттуда и Театр комедии. Акимов и его труппа обосновались в Душанбе, куда вскоре приехал и Шварц. Здесь в 1942 г. он вернулся к замыслу начатой непосредственно перед войной пьесы «Дракон» и к концу 1943 г. закончил её. Это — лучшее творение Шварца, которому он в полной мере отдал мучившие его мысли.

В центре сюжета — трёхглавый и четырёхлапый дракон, периодически принимающий человеческое обличие, со способностями изрыгать огонь. Прошло уже четыреста лет, как он поработил некий город. Туда приходит странствующий рыцарь Ланцелот — с этого события и начинается действие пьесы. Бургомистр города, полностью подчинившийся дракону, по его повелению каждый год отдаёт ему по красивой девушке. Когда Ланцелот приходит в дом городского архивариуса Шарлеманя, он узнаёт, что в этом году в жертву дракону предназначена дочь хозяина — Эльза. Они в отчаянии, но знают, что противиться этому бесполезно. Жители города называют дракона «нашим драконом», рады, что он избавил их от цыган, «врагов любой государ-

¹⁸¹ Там же. С. 257. О реакции ленинградских зрителей в 1940 г. мне сказал историк Яков Лурье в 1979 г.

ственной системы», и что «пока он здесь – ни один другой дракон не осмелится» их «тронуть». «Уверяю вас, – говорит Шарлемань Ланцелоту, – единственный способ избавиться от драконов – это иметь своего собственного»¹⁸².

Ланцелот вызывает дракона на бой. Дракон грозит убить рыцаря на месте, но архивариус напоминает ему про документ, написанный самим драконом 382 года назад: в нём клятвенно обещается, что всякий, вызвавший его на битву, может сам выбрать её день и до этого дня находиться в безопасности, а город обязан помогать храбрецу и предоставить ему оружие. Дракон нехотя вспоминает и соглашается с этими условиями.

В это время приходит бургомистр и приводит с собой людей, которые кричат Ланцелоту: «Уезжайте прочь от нас! Скорее! Сегодня же!». Бургомистр заявляет рыцарю: «То, что вы осмелились вызвать господина дракона – несчастье... Дела были в порядке... Кто просил вас биться с драконом?!»¹⁸³.

Сын бургомистра Генрих был женихом Эльзы, но теперь дракон взял его к себе личным секретарём и прислал его к Эльзе передать приказ, чтобы она в случае необходимости убила Ланцелота. Бургомистр приказывает не давать Ланцелоту настоящего оружия. Эльза полюбила Ланцелота и отвергла предложение погубить его. К Ланцелоту приходят пять человек мастеров и приносят ему всё необходимое для боя: ковёр-самолёт, шапку-невидимку, меч, копьё и волшебную скрипку.

Начавшийся бой разворачивается неблагоприятным для дракона образом. Настроения горожан, которые собрались на площади поглазеть на битву, переменчивы. В начале один из них говорит появившемуся на площади Шарлеманю: «Я лично совершенно не узнаю вас после того, как ваш дом окружила стража»¹⁸⁴. Когда дракон начинает кружить по небу, все говорят, что это только «манёвр», но когда он теряет сначала одну, а потом вторую голову, те же обыватели зовут архивариуса к себе: «Господин Шарлемань! Дорогой друг! Почему вы там стоите в одиночестве?» – и начинают возмущаться: «Неужели стража не впускает вас к единственной дочери? Какое безобразие!»¹⁸⁵. Ну, а когда дракон лишается третьей головы, все начинают кричать: «Долой дракона!», «Нас обманывали с детства»¹⁸⁶.

¹⁸² Шварц Евгений. Указ. соч. С. 318–319.

¹⁸³ Там же. С. 327–328.

¹⁸⁴ Там же. С. 353.

¹⁸⁵ Там же. С. 356.

¹⁸⁶ Там же. С. 357.

Увидев мёртвого дракона, бургомистр говорит своему сыну Генриху, что всё идёт благополучно. Думая, что Ланцелот тоже, должно быть, смертельно ранен, бургомистр решает занять место дракона сам и говорит сыну про горожан: «Покойник воспитал их так, что они повезут любого, кто возьмёт вожжи»¹⁸⁷. Именно так и развиваются события в дальнейшем.

Обессиленный от ран, умирающий Ланцелот покидает город, а бургомистр приказывает арестовать помогавших ему мастеров и объявляет себя победителем дракона, с чем соглашаются горожане. Они кричат ему: «Да здравствует победитель дракона!», «Да здравствует наш повелитель!». Бургомистр становится «президентом вольного города» и решает в годовщину победы над драконом жениться на Эльзе. Горожане исполнены показной радости, но Эльза говорит им: «Я думала, что все вы только послушны дракону, как нож послушен разбойнику. А вы, друзья мои, тоже оказывается разбойники! Я не виню вас, вы сами этого не замечаете, но я умоляю вас – опомнитесь! Неужели дракон не умер, а, как это бывало с ним часто, обратился в человека? Только превратился он на этот раз во множество людей, и вот они убивают меня»¹⁸⁸.

Но никто, кроме мальчика, не слушает Эльзу. Тогда появляется Ланцелот. Он вернулся в город месяц назад и бродил по нему невидимым, чтобы посмотреть, как живут теперь люди. «Страшную жизнь увидел я», – говорит он. Один горожанин знал, что не бургомистр победил дракона, но плакал от восторга, когда ему кричали: «Слава тебе, победитель дракона!». Другой горожанин, сына которого бургомистр заточил в подземную тюрьму, тем не менее подарил ему трубку с надписью «Твой навеки», как некогда дракону.

Ланцелот велит арестовать бургомистра и Генриха, а затем остаётся в городе. Он говорит, что теперь время для самого трудного дела – «в каждом из них (горожан) придётся убить дракона». Пьеса заканчивается словами рыцаря: «Я люблю вас всех, друзья мои. Иначе чего бы ради я стал возиться с вами. А если уж люблю, то всё будет прелестно. И все мы после долгих забот и мучений будем счастливы, очень счастливы наконец!»¹⁸⁹.

Смысл этой пьесы очевиден. Борьба с германским фашизмом на самом деле должна иметь глубинные основания: после победы

¹⁸⁷ Там же. С. 358.

¹⁸⁸ Там же. С. 377.

¹⁸⁹ Там же. С. 384.

над фашизмом надо сделать всё, чтобы не допустить возвращения политики диктатуры, не отличающейся от фашистской. С началом войны в Советском Союзе атмосфера начала меняться, люди стали проявлять независимость и боролись с вторгшимся врагом. В ходе этой ожесточённой борьбы люди не теряли надежду, что после войны придёт совершенно новый мир. Шварц был убеждён, что этого не произойдёт, если не «убить дракона» в душе каждого человека. Одолеть в ходе борьбы с агрессором и внутренний фашизм – вот к чему призывал Шварц. Таким образом, логика антифашизма совпадает с логикой антисталинизма.

Рассмотрение этой пьесы «инстанциями» заняло весь 1944 год. По распоряжению Главреперткома она была издана тиражом в 500 экземпляров¹⁹⁰. Первым откликом стала статья С. Бородина «Вредная сказка» в газете «Литература и искусство» от 25 марта. Критик назвал пьесу Шварца пессимистической, живописующей ничтожных, эгоистичных горожан, и заявил, что мораль этой сказки, точнее то, на что она намекает, – это бесполезность борьбы с драконом, который проявляется и после того, как его уничтожили¹⁹¹. Как ни посмотри, это обвинение совершенно неоправданно.

Несмотря на это Акимов начал готовить «Дракона» к постановке в Театре комедии. Осенью того же года спектакль был показан в Москве. Посмотрев его на репетиции, начальник Комитета по делам искусств прошептал: «Германский ли это фашизм?»¹⁹². Надо сказать, он понял всё совершенно правильно.

30 декабря состоялось обсуждение в Комитете по делам искусств. Канва этого обсуждения известна по выпискам С. Цимбала из ряда выступлений. Н. Погодин «полушутя, полувсерьёз»

¹⁹⁰ Из переписки Евгения Шварца // Вопросы литературы. 1977. № 6. С. 228.

¹⁹¹ Цимбал С. Евгений Шварц. Критико-биографический очерк. – Л., 1961. С. 195.

¹⁹² Это основано на высказываниях Акимова, переданных мне ленинградским историком Яковом Лурье в 1979 г. Акимов сам написал в своих опубликованных воспоминаниях: «Когда в 1944 году Театр комедии переехал из Таджикистана в Москву и показал там премьеру “Дракон”, во время премьеры я был вызван к очень взволнованному председателю Комитета, который сообщил мне, что спектакль этот играть больше нельзя. Мотивировок высказано не было, да и не могло быть высказано: много времени спустя выяснилось, что какой-то сверхбдительный начальник того времени увидел в пьесе то, чего в ней вовсе не было» (17 декабря 1979 г.). См.: Мы знали Шварца. С. 183.

сказал, что пьесу «надо поскорее перевести на финский, румынский, французский и болгарский языки». Главный режиссер Театра кукол С.В. Образцов заявил, что самое важное – это «перевоспитание» людей, находившихся под властью дракона. Эренбург отметил, что Шварц «морально уничтожает» весь фашистский (и не только фашистский) камуфляж. Биограф Шварца С. Цимбал подытожил, что в сложившихся обстоятельствах многое в содержании пьесы относилось к ожиданиям и надеждам 1944 г., но вызывало понятные сомнения¹⁹³. В результате «Дракон» был запрещён к постановке, но на судьбе самого драматурга это не отразилось.

В 1954 г., через год после смерти Сталина, Шварц сидел рядом с Корнеем Чуковским на открывшемся в Кремле Втором съезде советских писателей. Тогда он записал в «Чукоккалу», знаменитый рукописный альбом Чуковского: «Не всякий Шварец попадает во дворец»¹⁹⁴. Он думал о всех своих репрессированных друзьях, начиная с Олейникова, и, как о чуде, о том, что в минувшие дни осмеливался говорить правду и тем не менее остался в живых.

В том году он написал пьесу «Обыкновенное чудо», посвятив её своей жене Екатерине Ивановне, товарищу трудных дней.

«В сказке очень удобно укладываются рядом обыкновенное и чудесное и легко понимаются, если смотреть на сказку как на сказку. Как в детстве. Не искать в ней скрытого смысла. Сказка рассказывается не для того, чтобы скрыть, а для того, чтобы открыть, сказать во всю силу, во весь голос то, что думаешь»¹⁹⁵.

Сюжет этой сказки – история колдовства семилетней давности, по которому медведь превращён в человека и обречён полюбить принцессу. Но ему снова придётся превратиться в медведя, если принцесса поцелует его. Он полюбил дочь короля-самодура, одним из приближённых которой оказался знаменитый охотник на медведей. Поступая по велению своего сердца, он договорился с охотником, что тот застрелит его в момент превращения из человека в медведя. Но, когда принцесса поцеловала его, произошло чудо: он остался человеком. Это является откровенным выражением мыслей Шварца о пережитом в тридцатые и сороковые годы.

¹⁹³ Цимбал С. Указ. соч. С. 197–198. Текст выступления Шварца сохранён в его личном архиве в РГАЛИ, но мне не удалось посмотреть.

¹⁹⁴ Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. – М., 1979. С. 420.

¹⁹⁵ Шварц Евгений. Указ. соч. С. 438.

«Дракон», не допущенный сразу после войны в Театр комедии, в 1955 г. был воскрешён усилиями Акимова, старого друга автора, и возвращён на сцену. Его премьера состоялась в апреле 1956 г., вскоре после Двадцатого съезда партии.

* * *

В 1965 г. на экраны вышел фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм», проникнутый горячим желанием второй кампании критики Сталина. Он смонтирован из нацистской кинохроники: фашистские съезды, парады, речи, демонстрации единства партии и народа, лозунги, фильмы, в общем, все особенности фашистской культуры – всё это отражено в нём. Ранней весной 1979 г. я смотрел этот фильм в Ленинграде, в кинотеатре Дома политического просвещения. Замысел режиссёра очевиден, и за четырнадцать лет фильм нисколько не утратил своей остроты.

Логика борьбы с фашизмом совпала с логикой окончательного оформления сталинизма в официальной позиции 1930-х гг., которая совершенно не осуждается в СССР сегодня. Сейчас критика Сталина уже прекращена. Забыта трагедия Бухарина, который боролся с фашизмом за создание противоположной системы, но логика которого использовалась в официальной политике. И надежд на реабилитацию его имени нет.

Поэтому логика той кардинальной критики, которую вложил в свои произведения мужественный одиночка Евгений Шварц, не может не стать достоянием многих людей – когда-нибудь, раньше или позже. И хотя я не спрашивал, что думали советские люди, смотревшие фильм Ромма, я мог предвосхитить их ответы.

1981

Солидарность японских и русских социалистов во время Русско-японской войны*

Русско-японская война являлась первой настоящей империалистической войной. Во время этой вши» впервые во всемирной истории проявлена была солидарность социалистов борющихся стран против братоубийственной войны. Рукопожатие Г.В. Плеханова и Сэн Катаяма на платформе Амстердамского конгресса Интернационала было впечатлительным провозглашением спасительного начала социалистического движения перед человечеством.

Этот факт издавна был известным, но до сих пор не анализировался ни глубоко, ни всесторонне. В Японии глава IV («Русско-японская война и российская революция») моей книги о народнике-эмигранте Н.К. Судзиловском-Русселе является самым подробным анализом этой темы¹. В СССР книга ленинградского историка Д.И. Гольдберга дает наилучшую картину этого процесса². Но, к сожалению, должен сказать, что в этой прекрасной книге еще имеется несколько пробелов.

I

Как политическое течение, японский социализм родился из критики империализма и милитаризма. Первым замечательным трудом Котоку, представителя японского социализма раннего перио-

---

* Впервые опубликовано: Japanese Slavic and East European Studies Vol. 2. 1981.

¹ Вада Харуки. Николай Руссель – Кокукё о коэру народник (Народник Руссель, переходивший через много границ). Т. 1–2. – Чуокоронша: Токио, 1973.

² Гольдберг Д.И. Очерки истории рабочего и социалистического движения в Японии в 1866–1908 гг. – М., 1976.

да, был «Империализм – чудовище XX века» (Токио, 1901 г.)³. И Котоку и его товарищ Сакаи, покинув буржуазную газету «Ёродзутвхо» с протестом против ее апологетики агрессивной политики японского правительства, начали издавать первый в Японки социалистический орган, «Хэймин Симбун». Они не знали почти ничего о русском социалистическом движении. Но то, что и в России существуют и борются против завоевательной политики своего правительства их единомышленники, было их непоколебимым убеждением.

Номер 10 «Хэймин Симбун» от 17 января 1904 г. был целиком посвящен критике подготовки войны японским правительством. Передовая статья под названием «Мы упорно не признаем войну» окончилась следующим призывом: «Русский простой народ и японский простой народ – это человечество, братья. Мы должны любить друг друга, спасать друг друга, пожимать руки друг другу и объединяться за братство народов, за мир и свободу».

В это время другой представитель японского социализма Катаяма находился в США и написал для французской газеты статью о русско-японском конфликте. По книге Гольдберга, эта статья была помещена в газете «Aurore» от 11 января 1904 г.⁴ Эта статья произвела сильное впечатление на русских социалистов. Они впервые узнали о существовании японских социалистов и антивоенной борьбе в Японии.

Орган РСДРП – меньшевистская «Искра» быстрее всех откликнулся на эту статью, хотя маленьким сообщением на последней странице в номере 57 от 28 (15) января 1904 г.: « «Японские рабочие не желают вести братоубийственную войну с рабочими русскими, – говорит Катаяма, – они уверены, что русские рабочие думают одинаково с ними... От лица Российской социал-демократической партии, как выразительницы дум и чувств сознательного российского пролетариата, мы шлем братский привет нашим японским товарищам. Пусть они будут уверены, что и мы сделаем все, что в наших силах, чтобы помешать войне, которая заставит рабочих проливать кровь своих братьев, и чтобы повести русский пролетариат, рука об руку с международным, в том числе и японским, на борьбу против общих врагов – деспотизма и буржуазии, где бы они ни были – в России или Японии»⁵.

³ Сюсуй Котоку. – Тэйкокусюги: Токио, 1901.

⁴ Гольдберг Д.И. Указ соч. С. 122–123, 270.

⁵ Искра. № 57. 15 янв. 1904 г. С. 8.

Эсеровский орган «Революционная Россия» (№ 40, 28(15) января 1904 г.), тоже имея в виду статью Катаяма, написал по поводу начала войны так: «Численно они (японские социалисты) в своей стране еще слабы. Но они сильны духом. Они неустанно и непреклонно протестуют против войны: не боясь обвинений в недостатке любви к Родине, они разоблачали, как преступление перед человечеством, всякий воинственный акт японской дипломатии: в ту самую эпоху, когда поток шовинизма властно охватил страну, они не боялись плыть против течения и высоко поднимали знамя международного братства и мира. Им не надо дешевой популярности. Он не хотят льстить грубым инстинктам улицы: и если бы даже это грозило им политической смертью для ближайшего времени – они скорее согласились бы умереть для сегодняшнего дня, чтобы в будущих веках приобрести «жизнь вечную»⁶. Ленин и большевики тогда не имели своего органа, но Ленин, как представите!» ЦК РСДРП за границей составил манифест ЦК РСДРП по поводу начала войны – «К русскому пролетариату» (16 (3) февраля 1904 г.). Этот манифест заканчивался следующим призывом: «Да здравствует братское единение пролетариев всех стран, борющихся за полное освобождение от ярма международного капитализма! Да здравствует японская социал-демократия, протестующая против войны! Долой разбойническое и позорное царское правительство!»⁷.

Таким образом, все русские социалисты, единогласно выражая солидарность с японскими социалистами, подняли свой гневный голос протеста против начала русско-японской войны.

Однако японские социалисты еще не знали этих отношений русских товарищей. Они все же решили опубликовать «Письмо к русским социалистам», опираясь только на свою внутреннюю уверенность». Это известное письмо было опубликовано в «Хэймин Симбун» от 13 марта 1904 г. «Мы – товарищи, братья и сестры, у нас нет ни малейших оснований воевать друг с другом. Ваш враг – не японский народ, а японский милитаризм и так называемый патриотизм, точно так же как нашим врагом является не русский народ, а русский милитаризм и так называемый патриотизм. Да, милитаризм и шовинизм – наши общие с вами враги.» В этом письме обнаружилось и их политическое невежество. Они написали так: «Мы ни нигилисты, ни террориста, а социал-демократы

⁶ Революционная Россия. № 40. 15 янв. 1904 г. С. 24,

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 8. – М., 1959. С. 174.

и всегда боремся за мир. В нашей борьбе мы решительно отвергаем применение насилия и боремся мирными средствами.» Но по вопросу об исходе войны их позиция была ясной, «Мы не можем предвидеть, которое из двух правительств окажется победителем. Но кто бы ни победил, результаты войны будут во всяком случае один и те же: общая нищета, гнет увеличившихся налогов, нравственный упадок и дальнейшее развитие милитаризма. Поэтому гораздо важнее вопроса о том, кто победит, является для нас вопрос о том, как скорее сможем мы положить конец войне».

Два месяца спустя японские социалисты наконец узнали о выражении солидарности со стороны русских социалистов. В «Хэймин Симбун» от 15 мая 1904 г. был опубликован сокращенный перевод ленинского манифеста ЦК РСДРП со следующим послесловием редактора: «Мы, прочитав до этого последнего призыва, не могли не тронуться до слез, и с нашей стороны мы шлем привет далеким товарищам: «Да здравствует Российская социал-демократия, протестующая против войны!»».

Одновременно с этим и «Искра» напечатала в номере 65 от 14(1) мая 1904 г. полный текст письма японских социалистов с ответом редакции. «Их голос звучит среди шовинистического хора двух стран как отголосок того лучшего мира, который находится пока еще только в головах сознательного пролетариата, но который станет действительностью завтрашнего дня. Мы не знаем, скоро ли наступит это «завтра», но мы, все социал-демократы, к какой бы национальности не принадлежали, работаем над его приближением; мы хороним проклятое «сегодня» – современный общественный строй. «Русские социал-демократы не могли не заметить и политического невежества японских социалистов. Они отчетливо высказали свою точку зрения о насилии. «Насилие против насилия! Не потому, что мы нигилисты... а потому, что господствующие классы... никогда не уступали так называемой силе идеи и мы не имеем ни малейшего основания предполагать, что они в будущем когда-либо ей уступят.» Но они прибавили следующее: «В данном случае этот вопрос второстепенный, для нас важно то выражение солидарности, с которым к нам обратились наши японские товарищи.» Ответ заканчивался такими словами: «Мы шлем им каш горячий привет. Долой милитаризм и да здравствует международная социал-демократия»⁸

---

⁸ Искра. № 65. 1 мая 1904 г. С. 9.

На основе таких повторяемых откликов голосов солидарности между японскими и русскими социалистами и произошло 14(1) августа рукопожатие Г.В. Плеханова и Сэн Катаяма на Амстердамском конгрессе Интернационала – это «первое великое проявление соединенной воли международного социализма», как написала «Революционная Россия»⁹.

II

Но если мы обращаем внимание к речам Катаяма и Плеханова после их объятия, мы сразу можем заметить и некоторую существенную разницу в их отношениях к русско-японской войне.

Речь Катаяма была простым повторением идеи японских социалистов, которая уже неоднократно выражалась в их статьях и письме¹⁰. Но в речи Плеханова высказывалась новая для японских социалистов идея. Плеханов говорил так: «Войну с японским пролетариатом ведет не русский народ, а злейший враг русского народа – русское правительство. Если Россия выйдет победительницей из этой войны, побежденным окажется ни кто иной, как тот же русский народ... Русское правительство... является колоссом на глиняных ногах. Япония ломает теперь одну ногу этого колосса: она метит за угнетенные народы, а русское правительство искупает свои неудачи порабощением своего собственного народа. Русское правительство является врагом цивилизации»¹¹.

Одним словом, если Катаяма стоял за «мир через соединенную борьбу социалистов борющихся стран», то Плеханов выразил прямо свое пораженчество («русская революция через поражение России»). Получился сильный контраст. Конечно, Плеханов, стоявший и говоривший рядом с японским товарищем, не мог не осознавать, что означало его пораженчество для японцев. Уже

⁹ Революционная Россия. № 51. 25 авг. 1904 г. С. 1.

¹⁰ Sixième Congrès socialiste international, tenu à Amsterdam du 14 au 20 août 1904. Compte rendu analytique. – Bruxelles, 1904. P. 20–21.

¹¹ Ibid. P. 21–22; Плеханов Г.В. Соч. Т. 13. С. 373. Существует несколько вариантов этой речи. Редакторы «Сочинений» Г.В. Плеханова опубликовали всего три сильно отличающихся между собой варианта. Я цитировал из текста официального протокола конгресса, исправив его логическую ошибку.

14(1) мая 1904 г. он писал в газете «Искра» (№ 65): «Не японский микадо, а русский царь до сих пор является величайшей угрозой освободительному движению в Европе. Вот почему представители и друзья этого движения не могут желать, чтобы победило царское правительство. Международная социал-демократия ни мало не склонна к идеализации японских порядков. Принципиальная противница милитаризма, она вообще не сочувствует войне и знает, во что обойдется японскому народу победа Японии. Но знает она также, что несравненно дороже обошлась бы России, а с нею и всей Европе, победа русского царя над Японией. Из двух зол она выбирает меньшую»¹².

Плеханов, остро чувствуя противоречие традиционного поражения на новом этапе всемирной истории, стоял за поражение как меньшее зло.

Среди русских социалистов были разногласия по этому вопросу. Ю. Мартов, исходя из интереса солидарности русских и японских социалистов, отрицал поражение. Он написал статью «На очереди» в «Искре» (№ 61 от 18(5) марта 1904 г.): «Презрение и ненависть к бандитам самодержавной бюрократии в России не обязывают к восторгам перед пиратами капиталистической эксплуатации в Японии. Возмущение против российских бюрократических “просветителей” Маньчжурии и не имеет ничего общего с апологией буржуазных японских “просветителей» Кореи. Не воспламеняясь желанием победы императорской России, мы менее всего жаждем победы буржуазной Японии. Правда, мы должны признать, что в борьбе между Россией и Японией не нашему отечеству... приходится играть – относительно – более прогрессивную роль... Но в то же время мы интернациональные социалист, и потому I) наше дело «помогать» правящим классам Японии разгромить реакционную Россию и тем заложить прочные основы реакционного подавления японского пролетариата.» «Не “Да здравствует Япония!” написано на нашем знамени, а “Да здравствует мир!”»¹³.

Орган «Революционная Россия» тоже высказал одинаковое мнение 18(5) мая 1904 г. (№ 46): «Победа японского империализма означает поражение японского рабочего народа. Этот народ, прикованный к триумфальной колеснице микадо и японских буржуазных авантюристов, ослепленный пышностью этой колес-

¹² Искра, № 65, 1 мая 1904 г. С. 1; Плеханов Г.В. Соч. Т. 13. С. 99–100.

¹³ (Ю. Мартов). На очереди // Искра, № 61, 5 марта 1904 г. С. 3.

ницы и оглушенный громом побед, будет нуждаться в жестоком отрезвлении. И вот почему восклицание “Да здравствует Япония” при победах японского оружия звучит горькой насмешкой над японским рабочим народом. Мы против шовинизма – японского и русского одинаково»¹⁴.

Теперь легко признать правоту таких познаний действительности империализма и таких прогнозов будущего Японии после победы. В самом деле, победа Японии повлекла за собой окончательное утверждение императорской системы и японского империализма. Японский народ охватился до глубины души великояпонским шовинизмом. И шесть лет спустя Котоку и 11 его товарищей были повешены на эшафоте по сфабрикованному «делу об оскорблении трона» и Япония аннексировала Корею, сокрушив вооруженные протесты корейского народа. Поэтому можно сказать, что между позициями Мартова и «Революционной России» и позициями японских социалистов не было противоречий.

Но и здесь есть оборотная сторона медали. В отличие от Японии в России в это время назревала революция. И в XX веке, когда война становится всеобъемлющей и всенациональной, поражение в войне еще сильнее облегчает революционное движение. Но революционное движение в тылу, в свою очередь, ослабляет боевую способность страны. Поэтому, если революционеры боятся привлекать поражение своей страны своими активными актами, они не могут заниматься серьезной революционной работой во время войны.

И еще проклятая обстановка появилась. Если революционное движение в тылу существенно ослабляет боевую способность страны, то борющееся правительство хочет помогать революционному движению в тылу противника, надеясь на его ослабление. Такая политика «революционизирования» применялась в этой войне японским правительством.

Финляндский активный националист Конн Цнллиакус, желая дезорганизации Российской империи, чтобы добыть независимость своему народу, приблизился к военному атташе японского посольства в Стокгольме полковнику Акаси. Он хотел доставать средства от японского правительства. Японское военное ведомство с радостью шло ему, на встречу. Самым важным результатом их сотрудничества являлась организация конференции оппозици-

---

¹⁴ Русско-японская война и международный социализм // Революционная Россия. № 46, 5 мая 1904 г. С. 12.

онных и революционных партий в Российской империи. В этой конференции (Париж, 30 сентября – 5 октября 1904 г.) приняли участие Союз освобождения, Партия социалистов-революционеров, Польская социалистическая партия, Польская национальная лига, Партия социалистов-федералистов Грузии, Армянская революционная федерация, Латышский социал-демократический союз и финляндские националисты¹⁵.

В такой обстановке догматическое, механическое отрицание пораженчества грозит парализацией активности революционеров. В Парижской конференции не приняли участие Совет РСДРП с Бундом и СДКПиЛ. По поводу этого решения не было разногласий между Мартовым и Плехановым¹⁶. Но Мартов, веря в слух о том, что В.Д. Бонч-Бруевич послал партийные издания Токийскому правительству, настоял на прекращении всяких сношений с Токио¹⁷. На самом деле, Бонч-Бруевич послал брошюры и журналы в «Хэймин Симбун», на чем я остановлюсь позднее. Должен сказать, что у Мартова боязнь и отвращение к помощи японскому правительству своим актом в какой-то мере связывали руки. О позиции Партии социалистов-революционеров можно сказать, что они были пораженцами на практике, несмотря на то, что в теории они высказывались против пораженчества.

Между тем большевистский орган «Вперед» с самого начала основания высказывал самое откровенное и неограниченное пораженчество. В V 2 от 14(1 I января 1905 г была опубликована известная статья В.И. Ленина «Падение Порт-Артура». Он писал так «Главная цель войны для японцев достигнута... Возвращение Порт-Артура Японией есть удар, нанесенный всей реакционной Европе. Война передовой страны с отсталой сыграла и на этот раз, как неоднократно уже в истории, великую революционную

¹⁵ Этот вопрос издавна привлекал внимание японских и финляндских историков. Вада Х. Указ, соч. Т. 1. С. 241–273 (Циллиакус и Мотозиро Акаши); Хироси Момосэ. Финрандо гава кара мита Акаши боряку (Работа Акаши по материалам из Финляндии). «Рэкиси то эинбуцу». 1977. № 4; Williams R. *Copeland. The Uneasy Alliance. Collaboration between the Finnish Opposition and the Russian Underground. 1899–1904.* Helsinki, 1973; *Olavi Fait. Collaboration between Japanese Intelligence and the Finnish Underground during the Russo-Japanese War. Asian profile, Vol. 4, No. 3, June 1976.* Вторая книга финляндского историка W. Copeland еще не опубликована.

¹⁶ Волковичер М. Партия и русско-японская война. «Пролетарская революция». 1924. № 12. С. 119–122. Декларация об отказе от участия была опубликована этими партиями в газете Искра, № 19 от 1 <14> дек. 1904 г.

¹⁷ Волковичер М. Указ. статья. С. 120.

роль. И сознательный пролетариат, будучи беспощадным врагом войны, не может закрывать глаза да эту революционную задачу, выполняемую разгромившей самодержавие японской буржуазией»¹⁸.

Из этих слов мы можем, в первую очередь, понять, как революционер Ленин восторгался самой благоприятной для революции ситуацией, открывавшейся падением Порт-Артура. Мы знаем, что и священник Гапон ждал этого момента, чтобы выступить со своим «Собранием» на решительное действие¹⁹. Но вместе с тем теперь мы должны признать, что Ленин, упустив основной характер этой империалистической войны, односторонне оценил роль японской буржуазии как прогрессивную. Ленин осмеливался применять такое выражение, как «великая революционная роль» русско-японской войны, и повторял это в своей статье. Тогда он игнорировал существование японских социалистов, протестовавших против этой войны. Говоря, что возвращение Порт-Артура Японией является прогрессивным явлением, он также игнорировал тот факт, что для китайцев это означает только замену империалистов-колониалистов. Но, несмотря на такие недостатки, статья Ленина производит сильное впечатление благодаря ее революционному духу. Ленин писал так: «Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма»²⁰. Эти слова выражают неизменную правду.

Но почему Ленин позволил себе игнорировать существование японских товарищей? В том же номере газеты «Вперед» опубликовано маленькое сообщение, в котором, со ссылкой на немецкие социал-демократические газеты, написано, что японские социалисты, распространявшие революционные листовки среди русских пленных по поручению русских социалистов, подвергались репрессиям японского правительства. Автор этого сообщения Ольминский, передав этот факт, добавил, что примиренческий ЦК летом 1904 г. помешал большевикам посылать партийную литературу в Токио. Его вывод заключается в следующем: «Теперь, совместными усилиями ЦК и японских властей, русские

---

¹⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 152, 156.

¹⁹ Шилов А. К документальной истории «петиции» 9 января 1905 года. Красная летопись. 1925. № 2. С. 22. Харуки и Акико Вада. Ти но нитиёби («Кровавое воскресенье»). — Чуокоронша, 1970. С. 60–61.

²⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 158.

пленные избавлены от опасности заразиться ядом социал-демократического учения»²¹.

Этот вопрос требует дальнейшего изучения. Теперь широко известен тот факт, что В.Д. Бонч-Бруевич написал письмо в газету «Хэймин Симбун» 10 мая (27 апреля) 1904 г. и вместе с ним послал сотни брошюр, журналов и листовок. «Дорогие товарищи, ЦК РСДРП обращается к вам с просьбой в виду международной солидарности социал-демократии всего мира и общих целей, объединивших нас всех без различия рас и языков. Окажите нам, пожалуйста, братскую помощь. Известите о том, можно ли вам распространять нашу социалистическую литературу среди русских военнопленных»²².

Японские социалисты сначала получили пакет литературы (между 5 и 12 июня 1904 г.), а потом между 12 и 26 июня 1904 г. — письмо. «Хэймин Симбун» от 26 июня 1904 г. передав этот факт и написал: «Мы не можем не удивляться тому, как усердно и тонко ищут они пути пропаганды идеи социализма». Котоку и его товарищи сразу послали пакет литературы в лагерь военнопленных в Мацуяма, администрация которого приняла его^{23 231}. Радуюсь этому успеху, редакция «Хэймин Симбун» 7 июля послала ответ «к господину Ульянову» в Женеву. «Мы были бы очень рады сделать что-нибудь для Вас и для всех товарищей из России»²⁴. По биохронике «Владимир Ильич Ленин» это письмо было получено экспедицией ЦК РСДРП через месяц — 7 августа (25 июля) 1904 г. накануне Амстердамского конгресса²⁵. Но очень странно, мы не можем узнать, как Бонч-Бруевич отнесся к этому ответу. Из его воспоминаний складывается впечатление, что он никогда не обращал внимания на этот ответ японских социалистов.

В своих воспоминаниях «Как печатались за границей и тайно доставлялись в Россию запрещенные издания» Бонч-Бруевич писал так. Скоро после первых поражений русского оружия, по по-

²¹ Вперед. № 2, 1 янв. 1905 г. С. 4.

²² Копия оригинала (на французском языке) хранится в ЦПА ИМЯ. В Японии Йоити Мурата опубликовал весь текст на японском языке, получив оригинал из этого, архива. Я цитировал по статье Мурата и перевел на русский язык. Йоити Мурата. Сайшо ни нихон з шокай сарэта Ленин но бувкэд (Первая литература В.И. Ленина, ставшая известной японцам). Кэйзай. 1970, № 4. С. 399–400.

²³ Хэймин Симбун. № 32, 6 ноя. 1904 г. С. 3.

²⁴ Молодой коммунист. 1963. № 4. С. 15–16.

²⁵ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1 М., 1970. С. 535.

ручению экспедиции ЦК, он организовал снабжение русских пленных в Японии партийной литературой. В этом деле более всех ему помогали русские в Нью-Йорке, которые связывали его с доктором Русселем на Филиппинах, и через этого доктора большое количество литературы доставлялось русским пленным в Японию²⁶. Когда Плеханов позвал его и спрашивал о том, имели ли экспедиция сношения с Токийским правительством, Бонч-Бруевич подробно объяснил результат, достигнутый с помощью доктора Русселя и добавил: «Если бы мы имели возможность войти в самые тесные отношения с японской рабочей партией и через нее повести еще более энергично нашу пропаганду среди пленных, то мы обязательно это сделали бы, но, к нашему величайшему сожалению, пролетарская организация Японии столь слаба, что и пытаться это сделать не имеет смысла»²⁷.

Вопрос о сношениях с Токийским правительством обсуждался в ЦК РСДРП и совете партии летом 1904 г. Сначала вопрос был поднят в резолюции ЦК, называемой «Июльской декларацией»²⁸, которую Ленин получил 18(5) августа²⁹, и окончательно обсужден советом партии 3 сентября (21 августа)³⁰. Поэтому диалог Бонч-Бруевича с Плехановым может относиться к этому периоду, когда ответ японских социалистов уже был получен экспедицией ЦК и рукопожатие Катаяма и Плеханова произвело сильное впечатление. По архивным материалам МИД Японии доктор Н.К. Руссель-Судэйловский на Гавайях обратился к японскому Генерал-консулу с первой просьбой передать литературу для русских военнопленных приблизительно 20-го августа 1904 г.³¹ Его работа среди пленных началась, в настоящем смысле, только после 30-го мая 1905 г., когда он приехал в Японию³².

Если мы трезво пересмотрим все эти материалы и сведения, мы должны сказать, что названные воспоминания Бонч-Бруевича являются слишком ненадежными в фактическом отношении. Но мы знаем, что в своих разных воспоминаниях он повторял эту ис-

---

²⁶ Бонч-Бруевич В.Д. Как печатались за границей и тайно доставлялись в Россию запрещенные издания. Изд. 2-е. – М., 1921. С. 61.

²⁷ Там же. С. 70–71,

²⁸ Искра. № 72, 25 авг. 1904 г. С. 9.

²⁹ Владимир Ильич Ленин. Т. 1. С. 538.

³⁰ Волковичер М. Указ, статья. С. 120–122.

³¹ Письмо генерал-консула Сайто к министру иностранных дел Комура, 24 (13) авг. 1904 г., «Хурё канкэй зассан. (Материалы, относящиеся к военнопленным)». Т. 1.

³² Вада Харуки. Указ. соч. Т. 1. С. 286–281.

торию много раз. Единственная правда, которую такая история Бонч-Бруевича передает историкам, – это впечатление о совершенной незначительности японских социалистов, которое, быть может, было общим для большевиков того времени.

С таким впечатлением легко было бы совместить откровенное и неограниченное пораженчество. В большевистском органе «Пролетарий» от 27(14) сентября 1905 г. была помещена статья В. Воровского «Мир и реакция», в которой он еще раз писал следующее: «Победоносная Япония являлась таким образом невольным союзником – далеким, незнакомым, стихийным союзником русского освободительного движения.» «Война являлась очень важным и очень сильным подспорьем русской революции, она в некоторых отношениях вполне заслуживает названия войны революционной»³³. Правда, споря с Марком Твенем, Боровский хотел подчеркнуть, что все же война была только подспорьем, только сторонней помощью, и что с прекращением войны далеко еще не прекращается революция, но определение прогрессивного значения войны остается неизменным.

Действительно, японские социалисты являлись в то время совсем меньшинством в японском народе. Сравнивая с мощным и зрелым российским революционным движением, их движение должно назвать примитивным и слабым. По случаю падения Порт-Артура «Хэймн Симбун» (№ 61, 8 января 1905 г.) мог написать только так: «Порт-Артур пал. Конечно падение Порт-Артура можно назвать славой и счастьем японского государства». «Говорят, что битва за Порт-Артур была такой жестокой, что только за сутки тысячи или десятки тысяч сыновей рабочих пали мертвыми... Да, то, что шла война за Порт-Артур, такая зверская война, почти невозможно терпеть людям, имеющим человеческие души. В одном этом мы вздохнули, слушая известие о падении Порт-Артура. Да, только это соображение. О всех остальных думать мы были не в состоянии себе позволить».

Победа Японии повлекла за собой несчастье японского и корейского народов, с одной стороны, и облегчила революцию в России, с другой стороны. В этой сложной обстановке солидарность социалистов на самом деле оказалась пока бессильной мечтой, но, тем не менее, изучать этот процесс трезво и без всяких украшений приносит пользу делу превращения этой прекрасной мечты в действительность.

---

³³ (Воровский В.В.). Мир и реакция // Пролетарий. 14 сент. 1905 г. С. 1–3.

1982

Революция в эпоху государств: Ленин и Бухарин*

Лев Копелев написал в своих воспоминаниях о 1920-х годах так: «“Не календарный, настоящий двадцатый век” (Ахматова) начался в 1914 году»¹. XX век есть прежде всего эпоха государств, эпоха наций, эпоха технологий и эпоха круговоротов. История Советского Союза, которую мы изучаем, укладывается в эти черты эпохи.

Кто взирал со страхом на эпоху государств, начавшуюся с Первой мировой войной, так это Николай Иванович Бухарин. Напротив, Владимир Ильич Ленин увидел надежду в этой эпохе. Взгляды на государство у этих двух мыслителей были прямо противоположны. Уяснить это различие необходимо, чтобы пересмотреть исторический характер большевистской революции.

Я неоднократно писал о развитии мысли Ленина во время мировой войны². Но до сих пор мне не приходилось ни анализировать его концепцию о государстве, ни обращать внимание на её связь с теоретическими работами Бухарина. В отношении последнего книга С. Коэна «Бухарин и большевистская революция» оказалась очень полезной для меня³. Мне хочется переосмыслить

---

* Впервые опубликовано: Кокка но дзидай ниокэру какумэй (Революция в эре Государства: В.И. Ленин и Н.И. Бухарин), Нэп кара Сталин дзидай хе (С Нэпа до сталинского периода). – Токио, 1982.

¹ Копелев Лев. И сотворил себе кумира. Анн Арбор, 1978. С. 9.

² Россия ниокэру кокка докусэн сихоншуги – совет сигаку но сайкин но доукоу ницуйтэ (Государственно-монополистический капитализм в России: исторический обзор достижений советской исторической науки) (в соавт. с Удака Мотосукэ) // Докусэн сихон но кэнкю (Исследование о монополистическом капитале). – Токио, 1963. Ленин но какумэй сисо (Революционная мысль В.И. Ленина: вокруг первой мировой войны и российской революции) // Рэкисигаку кэнкю. 1964, № 288, май 1964. Ленин но сэкайси нинсика (Понимание мировой истории у В.И. Ленина) // Сэкай рэкиси (Всемирная история). Т. 30. – Токио, 1971. Ленин (Серия «Мировые мыслители». Т. 22). – Токио, 1977.

³ Cohen Stephen F. Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography 1888–1938. – New York, 1973. (Японский перевод Шиокава Нобуаки опубликован в Токио в 1979 году.)

поставленные им проблемы, перенеся их на моё понимание Ленина⁴.

1. Теория империализма

Уже установлено, что у Ленина до начала мировой войны не было представления об империализме. Само начало мировой войны и крах социалистического Интернационала явились неожиданностью для него. Поэтому поначалу он мог опереться только на своё абсолютное ощущение революционера, сидевшее внутри него. После первого потрясения ему надо было взяться за выработку понятия об империализме, но Ленин начал читать философские работы Гегеля, по-видимому, для того чтобы развить свою познавательную способность. Через год после начала войны ещё не наблюдалось никаких следов его теории империализма. Это производит странное впечатление на нас.

Впрочем, в резолюции, предложенной Лениным на Бернской конференции зарубежных секций РСДРП в феврале 1915 года, было дана характеристика «империалистической» войны.

«Эта война создана условиями эпохи, когда капитализм достиг высшей стадии развития; когда наиболее существенное значение имеет уже не только вывоз товаров, но и вывоз капитала; когда картелирование производства и интернационализация хозяйственной жизни достигла значительных размеров; когда колониальная политика привела к разделу почти всего земного шара; — когда производительные силы мирового капитализма переросли ограниченные рамки национально-государственных делений; — когда вполне созрели объективные условия осуществления социализма»⁵.

Эта характеристика содержит общие элементы с более поздней характеристикой, данной в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», но в ней недостает определения финансового капитала. И неясно, исходя из чего он вывел эту характеристику. Тогда он еще не познакомился с книгой Р. Гиль-

---

⁴ Я начал переосмысливать это в 1981 году. Сякайшути но како то мирай (Прошлое и будущее социализма) // Сисо но кагаку. 1981. ноябрь.

⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. (далее – ПСС). Т. 26. С. 161–162.

фердинга «Финансовый капитал», русский перевод которой был издан в 1912 году.

В то время Ленину довелось прочитать статью Н. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм», которая была послана для нового журнала «Коммунист» в июне 1915 года. Бухарин был молодым товарищем, с которым Ленин спорил на Бернской конференции. Бухарин указал в этой статье, что в национальных хозяйствах образовались и быстро распространились капиталистические монополии, и что на основе этих монополий значительное развитие получили освоение внешнего рынка и экспорт капитала. В результате империалистическая политика приобрела самые свирепые формы. Бухарин различал три этапа развития мирового капитализма: торговый капитализм, промышленный капитализм, финансовый капитализм. Он определил империализм как политику финансового капитала. С другой стороны, он полагал, что в процессе эволюции и концентрации финансовый капитал связал страну железными цепями и превратил национальное хозяйство в единый трест, «государственно-капиталистический трест». Война развила эти тресты до высших форм. «Итак, будущее принадлежит (поскольку удерживается капитализм вообще) хозяйственным формам, близким к государственному капитализму»⁶.

Финансовый капитал и государственно-капиталистический трест были скорее просто связаны, но ясно, что то, что Бухарин хотел подчеркнуть, крылось в последнем явлении. Он познакомил читателей с немецким ученым Максом Краманом, который увидел в «государственном капитализме» военного времени осуществление социализма. Он сумел разглядеть новые явления в мировой войне.

Кажется, Ленин до известной степени оценил статью Бухарина. Во всяком случае, он послал её в журнал вместе с статьей Н.В. Крыленко и комментарием: «Конечно, если *надо* выбирать, я за Н.И. [Бухарина], не за Абрама [Крыленко].»⁷ Статья Бухарина была напечатана в номерах (I и II) журнала «Коммунист». В тех же номерах была опубликована статья другого молодого товарища К. Радека «Четверть века развития империализма» (I часть). Об этой статье Ленин написал в том же письме: «скудна»⁸.

---

⁶ Бухарин Н. Мировое хозяйство и империализм. Экономический очерк. — М.—Л., 1927. С. 155.

⁷ Ленин. ПСС. Т. 49. С. 88.

⁸ Там же. С. 87.

Сам Ленин непосредственно после этого, в июле-августе 1915 года, написал сравнительно длинную брошюру «Социализм и война». Появившаяся в этой книжке характеристика империализма полностью совпадала с характеристикой в резолюции Бернской конференции⁹. Это говорит о том, что аргументация Бухарина ещё не оказала на него ощутимого влияния. Во второй половине 1915 года Ленин читал много книг и делал о них записи. Среди них наше внимание привлекла запись о статье Р. Лифмана «Приближает ли нас война к социализму?». Этого автора Бухарин упомянул в своей статье как критика Крамана и Яффе, которые полагали, что война приближает к социализму¹⁰. Ленин в своей записи дал отпор утверждениям Лифмана, что социализм-де только «мечты» и «фантазии» и что социал-демократы должны сохранить позицию ревизионистов¹¹. Интерес к «государственному капитализму» здесь не было.

В конце года Бухарин послал Ленину письмо с просьбой написать предисловие к его новой публикации: он намеревался дописать ту статью, напечатанную в журнале «Коммунист», и опубликовать ее в форме брошюры¹².

Ленин сразу согласился. В своем предисловии он с одобрением писал, что работа Бухарина написана «на основании последних материалов», и что он рассматривает «основные факты мирового хозяйства, касающиеся империализма как целого, как определенной ступени развития наиболее высокоразвитого капитализма»¹³. Хотя Ленин и признал «научное значение» работы Бухарина, он не упомянул ни «государственно-капиталистический трест», ни «государственный капитализм» Бухарина. Тогда Ленин не придавал значения таким явлениям.

В конце 1915 года Ленин, по просьбе Петроградского издательства «Парус» (это издательство М. Горького), наконец решил написать свою книгу «Империализм» для серии «Европа перед войной и в войне»¹⁴. С середины января 1916 года он начал думать над планом книги и в феврале переехал в Цюрих, для того чтобы читать систематически книги и другие материалы по теме.

⁹ Ленин. ПСС. Т. 26. С. 313–314.

¹⁰ *Liefmann R. Bringt uns der Krieg dem Sozialismus nachert? // Der deutsche Krieg. Stuttgart-Berlin. 1915. Hft. 56. Бухарин. Мировое хозяйство... С. 154.*

¹¹ Ленин. ПСС. Т. 28. С. 718–719.

¹² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника (далее – БХ). Т. 3. – М., 1972. С. 420.

¹³ Ленин. ПСС. Т. 27. С. 93–94.

¹⁴ БХ. Т. 3. С. 421, 424. Ленин. ПСС. Т. 49. С. 170.

Он начал писать весной и окончил работу 19 июня (2 июля – нов. ст.). Как следует из предисловия к французскому и немецкому изданиям 1924 года, Ленин намеревался в этой книге «показать по сводным данным бесспорной буржуазной статистики и признаниям буржуазных ученых всех стран, какова была итоговая картина всемирного капиталистического хозяйства, в его международных взаимоотношениях, в начале XX века, накануне первой всемирной империалистической войны»¹⁵.

Как таковая, эта книга представляла собой более систематическое изложение новых явлений империализма и содержала новые моменты.

Но в 11-ти тетрадях, содержавших подготовительные материалы для книги Ленина, не было записей о работе Бухарина. Имя Бухарина не было названо в книге среди пионеров-исследователей империализма (в отличие от Й. Гобсона, Гильфердинга и К. Каутского). Единственное упоминание Бухарина пришлось на главу «Банки и их новая роль». Ленин пишет: «Получается, с одной стороны, все большее слияние, или, как выразился удачно Н.И. Бухарин, сращивание банковского и промышленного капиталов...»¹⁶.

Несомненно, что Ленин не поддержал бухаринскую концепцию «государственно-капиталистического треста» и остался индифферентным к его «государственному капитализму».

Исторически Ленин определил империализм как «высший этап» капитализма и в то же время как систему «паразитизма и загнивания капитализма». Итоговая картина капиталистического хозяйства у Ленина и у Бухарина вырисовывалась по-разному¹⁷.

2. Концепция государства у Бухарина

Между тем, Бухарин в это же время написал новую статью – «К теории империалистического государства». Он полагал в прежней статье, что суть империализма проявляется в конкурен-

---

¹⁵ Ленин. ПСС. Т. 27. С. 303.

¹⁶ Там же. С. 339.

¹⁷ Стивен Коэн полагал, что Ленин при составлении «свободно взял» идеи и слова из концепции Бухарина, и нашел свидетельство в одном месте в «Тетрадах по империализму». Cohen. Op. cit. P. 25, 395. Но это было место, где Ленин упомянул тезис Бухарина на Бернской конференции. Ленинский сборник. Т. XXVII. – М., 1934. С. 162, 188.

ции и конфликтах между государственно-капиталистическими трестами. Поэтому естественно, что от экономических вопросов он двинулся к исследованию самого государства. Новая статья была непосредственным продолжением первой статьи. Бухарин объявил эту идею в начале статьи.

«Та же [империалистическая] эпоха до небывалой степени усиливает значение государственной власти и во “внутренней” жизни народов, и щупальца этого чудовища проникают во все щели, захватывая все области современной общественной жизни»¹⁸.

Как Коэн правильно подметил¹⁹, здесь Бухарин выразил чувство страха перед растущим и расширяющимся аппаратом и механизмом государств.

В первой главе «Общая теория государства» Бухарин, обильно цитируя Маркса и Энгельса и возражая немецкому ученому Л. Гумпловичу, констатирует: «государство есть не что иное, как наиболее общая организация господствующих классов, основная функция которой заключается в охранении и расширении эксплуатации классов угнетенных. Государство есть отношение между людьми, и притом отношение господства, власти, порабощения»²⁰. И выражает уверенность, что государства исчезнут с исчезновением классов.

«Будущее общество есть общество вне государственной организации. Различие между марксистами и анархистами вовсе не в том, что марксисты – государственники, а анархисты – антигосударственны, как это утверждают многие. Действительное различие во взглядах на будущую структуру состоит в том, что общественное хозяйство социалистов вытекает из тенденций концентрации и централизации, являющихся неизбежными спутниками развития производительных сил, есть хозяйство централизованное и технически совершенное, в то время как хозяйственная утопия децентрализаторов-анархистов возвращает нас к докапиталистическим формам и делает невозможным какой бы то ни было экономический прогресс. Только в переходный момент диктатуры пролетариата сохраняется форма государственной власти, ибо это есть форма классового господства, где господствующим классом является пролетариат»²¹.

¹⁸ Бухарин Н.И. К теории империалистического государства // Революция права. Сборник 1. – М., 1925 С. 6.

¹⁹ Cohen. Op. cit. P. 30–31.

²⁰ Бухарин. К теории... С. 7.

²¹ Там же. С. 13.

Во второй главе «Империалистическое государство и финансовый капитализм» «колоссальное возрастание экономического значения государства» Бухарин иллюстрирует возрастанием государственного бюджета. Причина этого явления – в «растущем вмешательстве государственной власти во все отрасли общественной жизни, начиная от сферы производства и кончая высшими формами идеологического творчества». В прошлом были невмешательство государственной власти, и формула свободного предпринимательства *laissez faire*. Теперь царит «противоположная тенденция, которая своим логическим пределом имеет *государственный капитализм*, всасывающий в область государственного регулирования всё и вся»²².

О субъекте капитализма в разные эпохи Бухарин пишет так. Первый – эпоха отдельных капиталистов. Второй – эпоха *Verbandskapitalist'a*, «система *коллективного капитализма*». Третий – государственный капитализм. Бухарин признает, что война ускорила появление государственного капитализма²³. И в связи с этим он приводит следующую выразительную цитату.

«*Der Sozialismus gehoert zu den Mitteln der Kriegsfuehrung*» («социализм есть одно из средств для ведения войны») – восклицает социалистический ренегат Эдмунд Фишер, разумея под социализмом доведенное до последней степени государственное вмешательство»²⁴.

Конкретно Бухарин имеет в виду прежде всего введение государственных монополий в производстве целого ряда продуктов, в особенности, монополизацию военной индустрии, создание «смешанных предприятий» и государственное вмешательство в сферу производства. Он суммирует эти явления так: «*Государственная власть всасывает, таким образом, почти все отрасли производства; она не только охраняет общие условия эксплуатационного процесса; государство все более и более становится непосредственным эксплуататором, который организует и руководит производством, как коллективный, собирательный капиталист*»²⁵. (все выделено Бухариным)

Далее он объясняет процесс огосударствления в сфере обращения, упоминая «огосударствление» железных дорог, государ-

---

²² Там же. С. 16.

²³ Там же. С. 17.

²⁴ Там же. С. 18.

²⁵ Там же. С. 21.

ственный телеграф, торговые монополии государства, роль государственного банка в денежном обращении и кредитных отношениях.

В конце Бухарин вновь цитирует слова Крамана о *Kriegssozialismus* (военный социализм) и слова Фишера: «социализм по существу есть не что иное, как перенесение государственной идеи (*Staatengedankens*) на народное хозяйство и социальную жизнь вообще, – и отвергает эту идею решительно.

«Ибо социализм есть урегулированное производство, руководимое *обществом*, а не *государством* (государственный социализм есть сапоги всяютку), есть уничтожение классовых противоречий, а не их *обострение*»²⁶. Если в будущем зарплаты исчезли бы и заменились регулируемой раздачей продукта, то «рабочий превратился бы в раба». Но поскольку анархия мирового рынка остается, постольку этого нет.

«Процесс организации устраняет постепенно анархию отдельных частей “народно-хозяйственного” механизма, ставя всю экономическую жизнь под железную пята *милитаристского государства*»²⁷.

В третьей главе «Организационный процесс, государственная власть и рабочий класс» Бухарин показывает, что организационный процесс захватил не только экономику, а все отрасли общественной жизни. Все буржуазные общественные организации берут на себя функцию опоры «существующего строя». «Война и здесь дала огромный толчок». Философия, медицина, религия, этика, химия, и бактериология – всё было «мобилизовано» и «милитаризовано».

«Так вырастает законченный тип современного империалистического разбойничьего государства, железная организация, которая охватывает своими цепкими заgreбистыми лапами живое тело общества. Это – Новый Левиафан, перед которым фантазия Томаса Гоббса кажется детской игрушкой. И *пока* еще “non est potestas super terram quae comparetur ei” («нет силы на земле, которая бы сравнялась с ним»)»²⁸.

Как писал Коэн²⁹, это оказалось пророческим предвидением современного государства, которое возникло сначала как военное государство во время мировой войны, а в 1930-е годы, пройдя

²⁶ Там же. С. 26.

²⁷ Там же. С. 27.

²⁸ Там же. С. 30.

²⁹ *Cohen*. Op. cit. P. 31–33.

различные перипетии, обрело новые формы. Интеллектуальная дальновидность Бухарина заслуживает истинных похвал.

Для Бухарина настоящий социализм противостоит всем этим тенденциям. Он уверен, что рабочие организации «перерастут рамки государства и взорвут его изнутри, организовав собственную государственную власть (диктатура)»³⁰. Но его перспективы были далекими и абстрактными; они не помогали бороться с реальным образом нового государства «Левиафана». Если революция является делом далекого будущего, достаточно сказать, что «социал-демократия должна усиленно подчеркивать свою принципиальную враждебность государственной власти»³¹. Но если революция начнется завтра, такие прекрасные слова больше не пригодятся: «В нарастающей революционной борьбе пролетариат разрушает государственную организацию буржуазии, использует ее материальный остов, создает свою временную государственную организацию власти и, отбросив все контр-атаки реакции, расчистив все пути для свободного развития социалистического человечества, отменяет в конце концов и свою собственную диктатуру, вбивая раз навсегда осиновый кол в могилу государства...»³².

3. Бухарин и Ленин

Бухарин послал эту статью Ленину и Зиновьеву и попросил поместить в «Сборник “Социал-Демократа”», который они тогда готовили к изданию как наследник «Коммуниста». Неизвестно, когда Ленин получил эту новую статью Бухарина, но ясно то, когда он прочитал ее: в августе 1916 года³³. Ленин с начала 1916 года, сочтя опасными отрицательные утверждения Г.Л. Пятакова и Бухарина о самоопределении наций, занимался критическим разбором их аргументов. Поэтому он отнесся неодобрительно к статье Бухарина.

Из его комментариев к этой статье видно, что Ленин обращает внимание на такие мелочи, как «цитата из Энгельса не точна». Он

---

³⁰ Бухарин. К теории... С. 30.

³¹ Там же. С. 31.

³² Там же. С. 31–32.

³³ БХ. Т. 3. С. 545.

проверяет текст цитат, приводимых Бухариным из книги Ф. Энгельса «Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates» («Происхождение семьи, частной собственности и государства»). Более серьезное замечание Ленина состоит в том, что трактовка Бухарина, касающаяся различия марксистов и анархистов в вопросе о государстве неверна и опирается на утверждение Ф. Энгельса («Anti-Duehring»). В этих коротких заметках Ленин цитирует два параграфа из статьи Бухарина. Первый: «Социал-демократия должна усиленно подчеркивать свою принципиальную враждебность государственной власти» (курсив Бухарина). Второй: пролетариат «создает свою временную государственную организацию власти» и «отменяет в конце концов и свою собственную диктатуру, вбивая раз навсегда осиновый кол в могилу государства...» Эти два параграфа он не мог проигнорировать. Но в центре заметок он написал следующие слова и обвел их чертой: «о государственном капитализме. Интересно. Легально, в сути»³⁴.

В письме к Зиновьеву Ленин показал скорее пренебрежительное отношение к Бухарину. «Статья Бухарина безусловно не годна. Ни тени “теории империалистического государства” нет. Есть сводка данных о росте государственного капитализма, и только. Заполнять этим легальнейшим материалом нелегальный журнал – абсурд. Надо отклонить (архи-вежливо, обещав всякое содействие легальному помещению)».

Ленин сам дописал к этому параграфу следующее примечание. «Приватно, от себя, я добавлю Бухарину совет: изменить заглавие и оставить одну экономическую часть. Ибо политическая совсем переделана, недодумана, никчемна»³⁵. Ленин просил Зиновьева послать Бухарину официальный ответ редакции, но, передумав, сам послал ему письмо в начале сентября. Здесь тон был несколько смягчен³⁶. Ленин писал, что, «к сожалению», он не мог поместить статью, потому что были некоторые недостатки. «Статья состоит из 2-х частей... 1) о государстве вообще и 2) о государственном капитализме и его росте (особенно в Германии). 2-ая часть хороша и полезна, но на 9/10 легальна. Мы бы советовали поместить ее в одном из легальных сборников...» Но «1-ая часть затрагивает тему громаднейшей принципиальной важности, но

³⁴ Ленин. ПСС. Т. 33. – М., 1962. С. 329–330. Фотокопия оригинала и точный текст см. Большевик. 1932. № 22. С. 76–78.

³⁵ Ленин. ПСС. Т. 49. С. 287.

³⁶ Там же. С. 293–294.

именно только *затрагивает*. Мы не можем ... печатать по столь коренному вопросу теории вещь недостаточно продуманную». Надо дать этой части «дозреть», посоветовал Ленин и отрезал: «Отличие марксистов от анархистов в вопросе о государстве... определено *решительно неверно*; если говорить о этом, надо говорить *не так; нельзя говорить так*».

Зиновьев тоже послал Бухарину ответ редакции с отказом от напечатания его статьи в конце сентября или начале октября³⁷.

Бухарин не мог смириться с этим решением. Он написал Зиновьеву в начале октября, что «не ожидал я такого от Вас и Ильича» и что «хороший мне урок»³⁸. А Ленину Бухарин послал длинное письмо, в котором защищал свою первую главу решительно.

«Вся первая главка может быть сведена к таким, по моему мнению, абсолютно бесспорным и ортодоксально марксистским утверждениям: 1. Всякое государство есть организация господствующего класса; 2. социализм не есть государственная организация; 3. диктатура пролетариата есть рабочее государство, где господств[ующим] классом явл[яется] пролетариат. Она есть необходимый этап к соц[иализ]му. Больше там ничего не сказано. Я ума не приложу, как Вы и [Григорий] можете против этого спорить. Ни Григ[орий], ни Вы даже не пытаетесь сказать мне, в чем же ересь». Он недоумевает, за что его, считающегося антианархистом, Ленин ругает анархистом. Неверно считать дискуссию о государстве просто академическим вопросом. «По-моему, это важнейший и актуальнейший вопрос. Громадная заслуга за Паннекуком в том, что он, почти единственный, понял актуальность проблемы. Ибо все сейчас концентрируется на вопросе о государстве, про которое массы толком не знают, что же это такое. Необходима поэтому и общая постановка вопроса»³⁹.

О чувстве Бухарина к Ленину, которое выражалось во второй половине этого письма, написал в своей книге Коэн⁴⁰. Поэтому я здесь не останавливаюсь на этом.

Ленин, получив письмо Бухарина, ответил ему, на этот раз в более примирительном тоне. «Вы формулируете три “утверждения”. «Но эти утверждения (1) так общи, что от них еще далеко до конкретности; (2-ое и главное) это не то, что сказано в статье».

---

³⁷ Набросок и текст ответа см. Большевик. 1932. № 22. С. 84–86.

³⁸ Там же. С. 86.

³⁹ Там же. С. 87–88.

⁴⁰ *Cohen*. Op. cit. P. 40–41.

«Ни в “ереси”, ни в “анархизме” Вас по этому поводу не обвиняли, а писали: “дать дозреть”». ⁴¹ Несмотря на то, что Ленин постарался смягчить свои нападки, очевидно, он относился в общем негативно к статье Бухарина.

Бухарин тем временем поехал в США и там в ноябре начал публиковать сокращенный вариант раскритикованной статьи. Сперва он напечатал статью «Государственный капитализм и марксизм» в нью-йоркской социалистической газете «Новый мир», № 848 (2 декабря/19 ноября 1916 г.), затем статью «Империалистическое разбойничье государство» в «Jugend-Internationale», № 6 (1 декабря/18 ноября 1916 г.) и, наконец, «Империалистическое государство» в «Arbeiterpolitik», № 25 (9 декабря/26 ноября 1916 г.)⁴². Это был, по-видимому, вызов Ленину.

Ленин, прочитав вторую статью, опубликованную под псевдонимом «Nota Bene» (Nota Bene=Бухарину), очень плохо чувствовал себя и решил возражать. Он написал Инессе Арманд, что ответил на «сугубые глупости» Бухарина своей заметкой «Интернационал молодежи» в «Сборнике “Социал-демократа”» № 2⁴³. Ленин полагал в этой статье, что по вопросу о различии социалистов и анархистов Бухарин сделал очень крупную ошибку. «Социалисты стоят за использование современного государства и его учреждений в борьбе за освобождение рабочего класса, а равно за необходимость использовать государство для своеобразной переходной формы от капитализма к социализму. Такой переходной формой, тоже государством, является диктатура пролетариата... Анархисты хотят “отменить” государство, «взорвать» («sprengen») его... Социалисты... признают «отмирание», постепенное «засыпание» государства после экспроприации буржуазии»⁴⁴.

Ленин критиковал утверждение Бухарина о принципиальной враждебности социал-демократии к государству и о «корнях государственности», проникших в души рабочих. «Не “государственность” столкнулась с отрицанием государственности», а «оппортунистическая политика... столкнулась с революционной социал-демократической политикой». Для Ленина важно было «использование государства против буржуазии для ее свержения»⁴⁵.

⁴¹ Ленин. ПСС. Т. 49. С. 306–308.

⁴² Nikolai I. Bukharin: a Bibliography. Edited by Sidney Heitman. – Stanford University Press, 1969. P. 29.

⁴³ Ленин. ПСС. Т. 49. С. 340.

⁴⁴ Там же. Т. 30. С. 227–228.

⁴⁵ Там же. С. 228.

Однако после этого произошло решительное изменение в отношении Ленина к статье Бухарина. Сперва Ленин начал придавать серьезное значение явлениям «государственного капитализма».

В том же «Сборнике “Социал-демократа”» Ленин напечатал статью «Империализм и раскол социализма». В ней «государственный капитализм» даже не упоминался. Но уже в «Черновом проекте тезисов обращения к Интернациональной социалистической комиссии и ко всем социалистическим партиям», который был написан в декабре (ранее 25-го) 1916 г., изменение было налицо.

«За время войны мировой капитализм сделал шаг вперед не только к концентрации вообще, но и к переходу от монополий вообще к государственному капитализму в еще более широких размерах, чем прежде. Экономические реформы в этом направлении неизбежны»⁴⁶.

Приблизительно в это же время Ленин сделал похожее заявление в статье «К рабочим, поддерживающим борьбу против войны и против социалистов, перешедших на сторону своих правительств». «И война сама, доводя до неслыханного напряжения силы народов, подводит человечество к этому единственному выходу из тупика, заставляя делать гигантские шаги вперед по пути государственного капитализма, показывая практически, как должно и как можно вести планомерное общественное хозяйство не в интересах капиталистов, а путем экспроприации их, в интересах гибнущих ныне от голода и прочих бедствий войны масс, под руководством революционного пролетариата»⁴⁷.

Все это показывает, что Ленин принял бухаринское утверждение о переходе к государственному капитализму и что он начал придавать совсем иное значение этим явлениям.

Новый поворот ленинской мысли стал очевиден в статье «Поворот в мировой политике», которая была напечатана в № 58 газеты «Социал-Демократ» (18(31) января 1917 г.).

«Мировой капитализм, ... который в начале XX века перерос в монополистический капитализм, т. е. империализм, сделал за время войны изрядный шаг вперед не только к еще большей концентрации финансового капитала, но и к превращению в *государственный капитализм*»⁴⁸. «Насколько созрело современное об-

---

⁴⁶ Там же. С. 281.

⁴⁷ Там же. С. 299.

⁴⁸ Там же. С. 344.

щество для перехода в социализм, это доказала именно война, когда напряжение сил народа заставило перейти к регулированию всей хозяйственной жизни свыше, чем полусотни миллионов человек из одного центра»⁴⁹.

Ленин теперь думал, что государственный капитализм, сформированный во время мировой войны, демонстрирует возможность и степень готовности общества к социализму. Он был оптимистом, тогда как Бухарин, почувствовавший страх и отвращение к государственному капитализму, остался пессимистом. В этом решительное различие между двумя людьми.

Впрочем, ленинская оценка статьи Бухарина изменилась и в отношении к другому пункту. Это понимание теории Маркса и Энгельса о государстве и признание полугосударственности пролетарской диктатуры. Сохранилась статья *Nota Bene* в «*Jugend-Internationale*» с пометками Ленина⁵⁰. Эти пометки были сделаны им при втором чтении статьи. Среди записей Ленина есть одна любопытная. Прочитав слова Бухарина «современный Левиафан государственности», он подчеркнул только слово «государственности»⁵¹. Это означает, что для Ленина образ чудовища-Левиафана не был важен.

Изменение образа мысли Ленина частично было результатом его нового прочтения Маркса и Энгельса. Об этом мы можем судить по его письмам, адресованным двум женщинам – товарищам по партийной борьбе, написанным в феврале 1917 года.

Письмо Коллонтай 4(17) февраля: «Я готовлю (почти приготовил материал) статью по вопросу об отношении марксизма к государству. Пришел к выводам еще резче против Каутского, чем против Бухарина... Вопрос архиважный; Бухарин гораздо лучше Каутского, но ошибки Бухарина могут погубить это “правое дело” в борьбе с каутскианством»⁵².

⁴⁹ Там же. С. 347.

⁵⁰ Ленин. ПСС. Т. 33. С. 331–338. Ленин сперва написал «верно» рядом с утверждением Бухарина: «совершенно ошибочно искать различие между социалистами и анархистами в том, что первые – сторонники, вторые – противники государства». А затем приписал «неверно, неполно» к утверждению Бухарина, что революционные социал-демократы предпочитают централизованное производство, а анархисты децентрализованное. Там же. С. 333. Эта трактовка отличалась от трактовки вопроса в статье «Интернационал молодежи».

⁵¹ Там же. С. 336.

⁵² Ленин. ПСС. Т. 49. С. 388.

Письмо Инессе Арманд 6(19) февраля: «Я усиленно занимался последнее время вопросом об отношении марксизма к государству, собрал много материала, пришел, как мне кажется, к очень интересным и важным выводам гораздо больше против Каутского, чем против Н. Ив. Бухарина (который, однако, все же неправ, хотя и ближе к истине, чем Каутский). Ужасно хотелось бы написать об этом: выпустить бы № 4 “Сборника «Социал-Демократа»” со статей Бухарина и с моим разбором его маленьких ошибок и большого лганья и отношения марксизма у Каутского»⁵³.

В начале 1917 года (январе и начале февраля) Ленин делал выписки из высказываний Маркса и Энгельса о государстве в так называемую «синюю тетрадь». В ней Ленин записал, процитировав письмо Энгельса к Бебелю от марта 1875 года:

«От анархистов нас отличает (α) использование государства теперь и (β) во время революции пролетариата (“диктатура пролетариата”) – пункты, важнейшие для практики, тотчас. (Их-то и забыл Бухарин!)

От оппортунистов более глубокое, «более вечные» истины о (αα) «временном» характере государства, о (ββ) *вреде* «болтовни» о нем *теперь*, о (γγ) не совсем государственном характере диктатуры пролетариата, (δδ) о противоречии государства и свободы, (εε) о более правильной идее (понятии, программном термине) «общины» вместо государства, (ζζ) о «разбитии» (Zerbrechen) бюрократически-военной машины...

Бухарину было писано в VIII. 1916: «дай *дозреть* твоим мыслям о государстве». Он же, *не дав* дозреть, полез в печать, как «Nota Bene», и сделал это так, что вместо разоблачения каутскианцев *помог* им своими ошибками. А по сути дела Бухарин ближе к истине, чем Каутский»⁵⁴.

Очевидно, перечитав Маркса и Энгельса, Ленин пришел к признанию правоты Бухарина. Но это не означает, что Ленин теперь полностью разделял позицию Бухарина о государстве. Напротив, их позиции, хотя и содержали один общий пункт, диаметрально расходились, например по поводу оценки государственного капитализма.

---

⁵³ Там же. С. 390–391.

⁵⁴ Ленин. ПСС. Т. 33. С. 171, 173.

4. Ленин о государстве

После Февральской революции в России возникло двоевластие Совета рабочих и солдатских депутатов и Временного правительства. В этой обстановке Ленин составил свои Апрельские тезисы. В этом программном документе, «государственный капитализм», переименованный им в «государственно-монополистический», стал ядром новой стратегии.

В «Резолюции о текущем моменте», принятой на Апрельской конференции РСДРП, Ленин впервые употребил термин «государственно-монополистический капитализм»⁵⁵.

«Объективные предпосылки социалистической революции, несомненно бывшие уже налицо перед войной в наиболее развитых передовых странах, назревали дальше и продолжают назревать вследствие войны с громадной быстротой... Монополистический капитализм переходит в государственно-монополистический капитализм, общественное регулирование производства и распределения, в силу давления обстоятельств, вводится в ряде стран, некоторые из них переходят к всеобщей трудовой повинности»⁵⁶. В речи в защиту резолюции о текущем моменте Ленин сказал, что «мы имеем военное государство – государственно-монополистический капитализм», и «прямое перерастание капитализма в высшую планомерную форму его»⁵⁷. В самой резолюции были названы такие практически назревшие шаги к социализму, как национализация земли, государственный контроль за всеми банками, страховыми учреждениями и крупнейшими синдикатами и всеобщая трудовая повинность. В Апрельском проекте платформы партии Ленин уже объяснил эти меры как «немедленные революционные меры, вполне назревшие практически, осуществленные зачастую во время войны рядом буржуазных государств, настоятельно необходимые для борьбы с надвигающимся полным экономическим расстройством и голодом»⁵⁸. Некоторые передовые государства в ходе войны продвинулись к государственно-монополистическому капитализму. Но Россия

---

⁵⁵ Вада и Удака. Россия ниокэру кокка докусэн сихоншуги (Государственно-монополистический капитализм в России). С. 95–96, 100.

⁵⁶ Ленин. ПСС. Т. 31. С. 449.

⁵⁷ Там же. С. 444.

⁵⁸ Там же. С. 168.

отстает от передовых стран. Царизм свергнут, что привело к экономическому развалу. Буржуазия не может преодолеть этот кризис. Поэтому надо передать власть Советам и осуществить меры государственного регулирования, испытанные в передовых государствах. Это шаг вперед к социализму. Социализм представляется «как практический выход из создавшейся разрухи»⁵⁹. Так Ленин создал идею новой революции после Февральской революции. Социализм обрисован как продолжение капиталистического государственного регулирования, нормализация военного государства.

Эта идея была развита Лениным в процессе работы над книгой о государстве. Как известно, после июльских событий Ленин был вынужден уйти в подполье. Там он, вынудив свою «синюю тетрадь», т. е. свои записи о государстве, начал писать книгу «Государство и революция». Его работа окончилась к началу сентября. Предисловие, датированное августом 1917 г., начинается так: «Империалистическая война чрезвычайно ускорила и обострила процесс превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм. Чудовищное угнетение трудящихся масс государством, которое теснее и теснее сливается с всеильными союзами капиталистов, становится все чудовищнее. Передовые страны превращаются – мы говорим о “тыле” их – в военно-каторжные тюрьмы для рабочих»⁶⁰. Слово «чудовищное» – имя прилагательное, производное от «чудовище». Бухарин считал государство «чудовищем», то есть самостоятельным живым сложным организмом, но у Ленина это понятие упрощено до определения «чудовищный», выражающего только количество или степень. Сравнение государства с военно-каторжными тюрьмами тоже представляет собой упрощённый образ, потому что тюрьма, хотя и является формой высшего угнетения человека, это всего лишь здание с маленькими комнатами и железными решётками на окнах.

Ленин в этой книге опирался только на тезисы Маркса и Энгельса, что государство есть «продукт непримиримости классовых противоречий», «особые отряды вооруженных людей» и «орудие эксплуатации угнетенного класса». Анализа современного государства, подобного тому, что был сделан у Бухарина, у Ленина здесь нет, он ему не нужен.

---

⁵⁹ Там же. С. 446.

⁶⁰ Ленин. ПСС. Т. 33. С. 3.

Насчет перспектив после победы пролетарской революции, Ленин, опираясь на известные цитаты из Энгельса («Анти-Дюринг»), полагает, что пролетариат, взяв государственную власть, уничтожает буржуазное государство, а рожденное на его месте пролетарское государство, полугосударство, засыпает и отмирает по мере национализации средств производства и уничтожения классовых противоречий. Далее, опираясь на утверждения Маркса о Парижской Коммуне, он пишет, что пролетарское государство должно быть коммунальным государством, где все должностные лица избираются и сменяются, и выплаты за службу им сведены до уровня зарплаты рабочего. Это утопическое и нереальное утверждение тогда было поддержано до некоторой степени действительностью в лице Советов рабочих и солдатских депутатов.

Примечательно, что историческое основание возможности коммунального государства Ленин находит в предположении, что культурные достижения капитализма упрощают административные функции.

«Капиталистическая культура создала крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и прочее, а на этой базе громадное большинство функций старой “государственной власти” так упростилось и может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне можно будет выполнять за обычную «заработную плату рабочего», что можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, «начальственного»⁶¹. Действительно, с развитием технологии функции отдельных звеньев администрации упрощаются, но люди, занимающие эти должности, становятся зубчатыми колесами большой системы и перестают быть самостоятельными субъектами. Это создает условия, делающие коммунальное государство невозможным. Таково свойство механизма современного государства, поглощающего человека. Предположение Ленина выявляет отсутствие у него настоящего понимания о современном государстве и технологии. А субъективное воображение играет роль самогипноза, скрывающего противоречия действительности.

Примечательно также то, что Ленин считал наличие аппарата «государственно-монополистического капитализма» предпосылкой к коммунальному государству.

---

⁶¹ Там же. С. 44.

«Теперь почта есть хозяйство, организованное по типу *государственно-капиталистической* монополии. Империализм постепенно превращает все тресты в организации подобного типа. Над “простыми” трудящимися, которые завалены работой и голодают, здесь стоит та же буржуазная бюрократия. Но механизм общественного хозяйничанья здесь уже готов. Свергнуть капиталистов, разбить железной рукой вооруженных рабочих сопротивление этих эксплуататоров, сломать бюрократическую машину современного государства – и перед нами освобожденный от «паразита» высоко технически оборудованный механизм...» «Все народное хозяйство, организованное как почта, с тем, чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры, как и *все* должностные лица, получали жалованье не выше “заработной платы рабочего”, под контролем и руководством вооруженного пролетариата – вот наша ближайшая цель. Вот какое государство... нам необходимо»⁶². Этот аргумент основывается на реалиях всемирной истории. Ленин составил и развил его, позаимствовав из бухаринского тезиса о государственном капитализме. Однако, если революционное государство хочет использовать административный аппарат «государственно-монополистического капитализма», оно не может быть коммунальным государством. Революционное государство неминуемо превратится в современное государство, государство-«чудовище» (Бухарин) и «новый Левиафан». Если рассуждать таким образом, можно заметить, что «Государство и революция» содержит три элемента: утопию, пробуждающую революционную энергию; самогипноз, скрывающий действительность; и политическую задачу, оказывающуюся неосуществимой. В целом произведение Ленина представляет утопию коммунального государства и одновременно отрицает ее реальность.

Поэтому 10–14 октября, едва закончив рукопись «Государства и революции», Ленин написал очень важную статью «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», в которой сформулировал реальную задачу без утопии. В ней Ленин, перечислив способы борьбы с катастрофой и голодом: «контроль, надзор, учет, регулирование со стороны государства», – указал, что такие меры до сих пор в России не были приняты⁶³.

«Получается топтание на месте и неудержимый рост развала, приближение катастрофы, ибо по-корниловски, по-гинденбургов-

---

⁶² Там же. С. 50.

⁶³ Ленин. ПСС. Т. 34. С. 156.

ски, по общему империалистскому образцу ввести военной каторги для рабочих наше правительство не может»⁶⁴. Ленин поэтому призывал установить «революционную диктатуру демократии, возглавляемой революционным пролетариатом» и ввести «контроль, надзор, учет, регулирование со стороны государства».

«А что такое государство? Это организация господствующего класса, — например, в Германии юнкеров и капиталистов. Поэтому то, что немцы Плехановы... называют “военным социализмом”, на деле есть военно-государственный монополистический капитализм...»

Ну, а попробуйте-ка поставить вместо юнкерски-капиталистического, вместо помещичье-капиталистического государства революционно-демократическое...? Вы увидите, что государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг и шаги к социализму!

Ибо если крупнейшее капиталистическое предприятие становится монополией, значит оно обслуживает весь народ. Если оно стало государственной монополией, значит государство... управляет все предприятие — в чьих интересах?

— либо в интересах помещиков и капиталистов; тогда мы получаем не революционно-демократическое, а реакционно-бюрократическое государство, империалистическую республику.

— либо в интересах революционной демократии; тогда это и есть шаг к социализму.

Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией»⁶⁵.

Эта идея в корне отличается от бухаринской идеи государственного капитализма и социализма⁶⁶. Более того, можно сказать, что Ленин здесь совершенно ревизовал большевистскую концепцию о социализме. Регулированию производства обществом было противопоставлено государственное регулирование производства.

⁶⁴ Там же. С. 182.

⁶⁵ Там же. С. 191–192.

⁶⁶ Стивен Козн и вслед за ним Нейл Гардинг просмотрели это и полагают, что Ленин и Бухарин разделяли одно и то же утверждение о государстве. *Cohen. Op. cit. P. 42–43. Harding Neil. Lenin's Political Thought. Vol. 2. — London, 1981. P. 114–115.*

В мировой войне, потребовавшей от воюющих держав мобилизации и напряжения всех сил и охватившей политику, экономику, общество и культуру этих стран, российское царское государство не выдержало испытаний и потерпело полный крах. В условиях кризиса, вызванного развалом государства, революционная власть была вынуждена пойти по пути восстановления сильной власти и введения эффективного государственного регулирования. В этой обстановке Ленин предложил использовать механизм «государственно-монополистического капитализма» для перехода к социализму.

С точки зрения концепции Бухарина о социализме, этот путь не является путем к социализму. Но надо признать, что путь Ленина оказался действительно путем к выходу из кризиса. В эпоху, на которую Бухарин взирал неподвижно от страха, Ленин двинулся решительно, исполненный надежд. Этот путь вел к другому варианту «Нового Левиафана», нарисованного Бухариным.

1983–1984

Вера Фигнер в первые годы после российской революции (1917–1923)*

I

Движение революционного народничества 1870-х гг может быть охарактеризовано как движение определённого поколения¹ – поколения людей, родившихся в начале 1850-х, выросших в атмосфере общественного подъема, сопровождавшего освобождение крестьян и эпоху великих реформ, и поступивших в университеты около 1870 г. Им было по 20, когда они начинали свою революционную деятельность, и едва достигли 30, когда 1 марта 1881 г. произошло убийство Александра II, ставшее кульминацией движения.

После неудачи, постигшей революционное народничество, пути его лидеров разошлись. Можно выделить 6 вариантов дальнейшей судьбы революционеров: некоторые, как А.А. Желябов (1850–1881), были казнены; другие, как Вера Фигнер (род. в 1852), попали в заключение в Шлиссельбургскую крепость или, как М.А. Натансон (род. в 1850), были высланы в Сибирь; кто-то, как Н.В. Чайковский (род. в 1850), нашёл прибежище за границей или, будучи за границей, переключился на другое течение революционной мысли – марксизм, как Г.В. Плеханов (род. в 1856); а кто-то совсем отказался от революционных убеждений и, по-

---

* Впервые опубликовано: *Annals of the Institute of Social Science*. № 25. 1983–84. University of Tokyo.

¹ Более статистически-подробный анализ этого явления см. в интересном сравнительном исследовании декабристского и народнического движения Лурье: *Лурье Л.Я.* Некоторые особенности возрастного состава участников освободительного движения в России (декабристы и революционеры-народники) // *Освободительное движение в России*. Вып. 7. – Саратов, 1978. С. 64–83.

добно Л.А. Тихомирову (род. в 1852), примкнул к монархическому течению.

Двадцать лет спустя, когда в России произошла первая революция, из бывших революционеров-народников в живых оставалось примерно 50 человек. Через 12 лет, в 1917 г., будучи 70-летними, они все приветствовали Февральскую революцию. Многие из них впоследствии приняли и Октябрьскую революцию, но лишь некоторые стали активными сторонниками большевистского режима (например, Натансон), как, впрочем, и его решительными противниками (Чайковский). Для ветеранов революционного движения, кому довелось жить в послереволюционную эпоху, было уготовано три возможных судьбы: жить в Советской России и умереть с почётом (В. Фигнер, умершая в 1942 г.); жить в России и умереть без почёта (Тихомиров, почивший в 1923 г.); жить и умереть за границей уже во второй эмиграции (Чайковский, скончавшийся в 1926 г.)

Фактически, жизнь движения революционного народничества почти полностью совпала с периодом новой российской истории и русских революций. Поэтому изучение их судеб после разгрома в начале 1880-х гг. могло бы помочь нам по-новому взглянуть на историю русских революций, начиная от самых истоков. Что касается Веры Фигнер, то её жизненный путь является очень поучительным, с точки зрения соотношения народнических надежд и действительности русской революции. Прожив едва ли не самую долгую из всех революционеров-народников жизнь, она пережила даже сталинский террор 1936–1938 гг. и умерла в Москве, в разгар Великой Отечественной войны, в возрасте почти 90 лет.

Замысел этой работы я вынашивал почти двадцать лет. В 1978–1979 гг. мне довелось работать в архивах Москвы и Ленинграда и собрать материал о неизвестных сторонах жизни Веры Фигнер, а также Тихомирова и Плеханова. Примерно в то же время появились исследования и публикации новых данных о жизни Фигнер, авторами которых были представители неофициального крыла советской исторической науки². Имея в виду эти исследования, но опираясь, большей частью, на собранные мной материалы из личного фонда Веры Фигнер в Центральном Государственном Архиве Литературы и Искусства (ЦГАЛИ), я решил проанализировать взгляды и деятельность этой удивительной личности в первые годы после революции.

---

² См., напр.: В.Н. Фигнер и Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Память. Вып. 3. – М., 1978; – Париж, 1980. С. 393–402.

II

После своего возвращения в Россию в 1915 г. Вера Фигнер получила разрешение проживать в столице, начиная с декабря следующего года. Однако не прошло и трёх месяцев после её обоснования в Петербурге, как грянула Февральская революция, которую Фигнер приветствовала со смешанным чувством радости, сожаления и тревоги. Она немедленно основала Общество помощи освобождённым политзаключённым и энергично взялась за дело в качестве его президента. Она также вошла в учредительный совет по созданию Музея памяти борцов за свободу. Несмотря на нежелание Фигнер выходить на авансцену политической жизни, Всероссийский съезд крестьянских депутатов в мае 1917 г. избрал её членом ВЦИК Совета крестьянских депутатов. Таким образом, Октябрьскую революцию Фигнер встретила, будучи членом Предпарламента (Временного совета Российской республики). 25 октября, в тот самый день, когда большевики начали выступление, она среди прочих участников сессии Предпарламента в Мариинском дворце подверглась «унижению» со стороны выгнавших их вооруженных солдат и матросов под предводительством комиссара военно-революционного комитета.

Следующим ударом для неё был роспуск Учредительного собрания в январе 1918 г.: «Роспуск Учредительного Собрания – писала она, – был новым унижением заветной мечты многих поколений и наивного благоговения веривших в него масс. Период парламентарной свободы казался мне необходимым для политич. и гражданского воспитания масс. И наряду с этим я сознавала, что мы, революционеры старшего поколения, – отцы наступивших событий»³.

С другой стороны, сохранившиеся, хотя и весьма скудные, документы позволяют предположить, что Фигнер приняла участие в деятельности Политического Красного Креста – организации, созданной в декабре 1917 г. с целью оказания помощи политическим заключённым нового советского режима⁴.

---

³ Автобиография Веры Фигнер // Энциклопедический словарь «Гранат». 7-е изд. Т. 40, приложение. – М., б.д. Кол. 478–479. По исследованию Я.В. Леонтьева В.Н. Фигнер была избрана в Учредительное собрание по Астраханскому округу. Звенья. Т. 2. – Феникс, 1992. С. 426.

⁴ О создании Политического Красного Креста см.: Дело Народа, 10 декабря 1917 г. С. 3. Об отношении В. Фигнер к этой организации см.: Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 2 (XV). С. 167–168.

Так, в первый год после Октябрьской революции 65-летняя Фигнер оказалась не только в стане интеллектуальных критиков этой революции, но и общественным деятелем, противостоящим новому режиму.

В свою очередь, Советское правительство считало необходимым заручиться поддержкой интеллигенции и буржуазных специалистов. Подписание Брестского мирного договора с Германией в марте 1918 г. породило оппозицию «левых коммунистов» и привело к отставке с правительственных постов левых эсеров. В этих условиях правительство начало искать сближения с деятелями умеренно-националистической ориентации. В рамках этого сближения в газете Горького «Новая жизнь», настроенной резко оппозиционно по отношению к Октябрьской революции, появилось интервью наркома просвещения А.В. Луначарского, который утверждал, что Советское правительство ничего не имеет против попыток установить *modus vivendi* (взаимные отношения) с наиболее интеллигентными и созидательными слоями буржуазии⁵.

Тем не менее, интеллигенция, критически воспринявшая Октябрьскую революцию, не поддержала эту правительственную инициативу. Напротив, она попыталась извлечь выгоду из политического момента и начала культурную деятельность, абсолютно не зависимую от Советского правительства. Фигнер вспоминала, что трудовик Л.М. Брамсон, проявил предприимчивость в этом направлении⁶. Даже если этот факт имел место, несомненно, что Горький и Фигнер искренне отреагировали бы на инициативу Брамсона и стали её активными проводниками.

В тот же день, когда было опубликовано упомянутое интервью Луначарского, 29 марта 1918 г., был создан организационный комитет просветительского общества в память 27 февраля 1917 г. «Культура и свобода». Горький и Фигнер стали соответственно председателем и вице-председателем общества. Среди членов организационного комитета были такие ветераны революционного движения, как Г.А. Лопатин, В.И. Засулич и Г.В. Плеханов, но их участие было чисто номинальным. Реально действующими членами комитета были сочувствующий эсерам Г.Г. Архангельский,

⁵ Новая жизнь, 29 марта 1918 г. С. 2; *Rougle Charles*. The Intelligentsia Debate in Russia, 1917–1918, Art, Society, Revolution: Russia 1917–1921. Ed. by Nils Nilson. – Stockholm, 1979. P. 85–86.

⁶ Автобиография Веры Фигнер... Кол. 478.

два трудовика – Б.И. Чарнолусский, Л.М. Брамсон и независимый марксист В.А. Базаров⁷.

Дата 27 февраля 1917 г. в названии общества означала день победы Февральской революции. Не стоит и говорить, что, включив эту дату в своё название, общество тем самым открыто провозгласило, что именно Февральская, а не Октябрьская революция является поворотным моментом в истории обновлённой России.

Документ, провозглашающий основание общества, датирован 5 апреля 1918 г.⁸, а первый митинг общества состоялся 7 апреля в цирке Чинизелли. Как писали газеты, на нём присутствовало несколько тысяч человек⁹. Открыла собрание Вера Фигнер, обратившись к присутствующим с речью примерно следующего содержания: Россия после войны – в разрухе, и теперь мы должны приложить все усилия, чтобы воссоздать утерянное. К этой цели стремится и новое учреждаемое общество «Культура и свобода». Провозгласив, что ни культура без свободы, ни свобода без культуры невозможны, Фигнер призвала всех присутствующих помогать просветительскому обществу.

Мысль Фигнер о том, что понятия «культура», «свобода» и «возрождение» России неотделимы друг от друга, стала лозунгом нового общества. На митинге был зачитан доклад Горького, отсутствовавшего из-за болезни, и выступили В.А. Базаров, В.Г. Архангельский, И.Н. Кубиков, А. Н Потресов и др. Доклад Горького начинался словами о том, что любая революция есть прежде всего революция в сознании; что революция, не создавшая новой философии, есть попросту бунт, не заслуживающий звания «революция». Далее Горький весьма пессимистично оценил текущую ситуацию как момент, когда русский народ, получивший псевдосвободу, не знает, что с ней делать дальше и вот-вот утратит и её. Этого бы не случилось, по мысли Горького, если бы русский народ был более культурным.

Общий тон горьковского послания был откровенно критическим по отношению к большевистскому режиму. Но ещё более жёстко прозвучало выступление Архангельского, заявившего, что Россия отдала себя на унижение и разграбление германским империалистам. Меньшевик Дементьев-Кубиков говорил об унич-

⁷ Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Вып. 3. – М., 1959. С. 68.

⁸ Там же. С. 70.

⁹ См.: Новая жизнь, 9 апреля 1918 г. С. 4.

тожении культурного наследия, ставшего следствием отсталости и некультурности масс, а эсер Е.Е. Колосов – о противоречии между культурным городом и отсталой деревней. Примерно таких же взглядов придерживались и другие ораторы.

По мнению выступавших, борьба с бескультурьем, как и в Западной Европе, невозможна без объединения усилий рабочих и академических кругов, без союза интеллигенции, пролетариев и крестьян и без демократической свободы. Недаром слова А.Н. Потресова, которыми он завершил своё выступление («Давайте учиться у европейцев!») стали лейтмотивом деятельности общества.

Собравшиеся постановили послать дружескую телеграмму хворавшему Горькому, чтобы подбодрить его, и приветствие «французскому народу» с выражением солидарности в его героической борьбе против «германских империалистов».

В своём письме к Е.П. Пешковой от 8 апреля Горький, представляя по порядку выступавших на собрании ораторов, писал: «Видишь, какая мешанина?»¹⁰. Комментариям по поводу создания нового общества Горький посвятил и свою традиционную колонку «Несвоевременные мысли» в «Новой жизни». В номере от 1 мая он писал, что общество «Культура и свобода» является внепартийным обществом, созданным людьми различных политических взглядов, движимыми общей целью «объединить всех наиболее дееспособных и искренне желающих работать на благо страны». Задача демократической и пролетарской интеллигенции, писал Горький, – объединить все интеллектуальные силы страны на базе культурной деятельности. Однако для того, чтобы сделать эту деятельность успешной, необходимо избавиться от партийного сектантства и осознать, что «нового человека» воспитывает не только политика¹¹.

В своих комментариях Горький касается ещё одной независимой организации – «Пролетарская культура» (Пролеткульт)¹², возникшей почти одновременно с обществом «Культура и свобода» и возглавляемой экс-большевиком А.А. Богдановым. 28 апреля по инициативе Пролеткульта состоялась конференция пет-

¹⁰ Архив А.М. Горького. Т. IX. – М., 1966. С. 205.

¹¹ Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь, 1 мая 1918 г. С. 1.

¹² О Пролеткульте см.: Вада Акико. Росия Какумэи ни окэру Нингэнхэн-каку но Сисо (Философия человеческой трансформации Русской революции) в кн.: Росия Какумэн но Кэнкю (Очерки по истории российской революции, под ред. Эгути Бокуро). – Тюо Коронша, 1968. С. 790–803.

роградских культурно-просветительных организаций, но затея не имела большого успеха. Общество «Культура и свобода» опубликовало заявление, в котором выразило озабоченность по поводу малочисленности собравшихся, объяснив это общим падением интереса к культуре. В то время, как на лекции по гуманитарным предметам приходило не более 15–25 человек, вечера с танцами собирали 1.000–1.500 человек. Комментируя эту ситуацию, Фигнер отмечала, что под знаменем политической нетерпимости и борьбы с интеллигенцией настоящие активисты утрачивают веру в саму возможность культурно-просветительной работы. В этих условиях, продолжала она, программа, предлагаемая обществом «Культура и свобода», приобретает особую важность¹³.

Однако из этих двух организаций именно Пролеткульт, а не «Культура и свобода», оказался более влиятельным.

О деятельности общества «Культура и свобода» мы сегодня знаем не очень много. Известно, например, что 30 апреля оно созвало конференцию культурно-просветительных организаций Нарво-Петергофского района Петрограда, на территории которого был расположен Путиловский завод. 1 и 2 мая общество организовало экскурсии по историческим местам города¹⁴. А 17 мая в цирке Чинизелли состоялся симпозиум «Возродится ли Россия?» под председательством Фигнер¹⁵.

Но, похоже, наиболее значительным мероприятием общества оказалась кампания по сбору книг, инициатором которой была, скорее всего, Фигнер, уже имевшая опыт подобной деятельности. 23 мая было опубликовано обращение Горького, Фигнер и других членов общества к молодежи и студентам, приглашающее к участию в Неделе сбора книг для народных библиотек. 25 мая последовало ещё одно обращение, так и озаглавленное «Неделя сбора книг». В обращении, под которым стояли подписи Горького, Фигнер и Чарнолуцкого, начало Недели объявлялось 28 мая. В первый день кампании Общество организовало митинг в Тенишевской начальной школе и опубликовало небольшой очерк Горького «О книгах». Самого Горького на митинге не было опять из-за болезни. На следующий день была издана специальная газета «Книги и жизнь», опубликовавшая новое обращение Общества

---

¹³ Фигнер В.Н. О культурно-просветительной работе // Новая жизнь, 4 мая 1918 г. С. 4.

¹⁴ Новая жизнь, 1 мая 1918 г. С. 4.

¹⁵ Афиша сохранилась в Музее истории Ленинграда, г. Ленинград.

с призывом «помочь и книгами»¹⁶. Фигнер, похоже, полностью посвятила себя кампании: в результате было собрано 20.000 книг и 900.000 брошюр¹⁷.

Тем временем Политический Красный Крест в Петрограде фактически прекратил свою деятельность. Возможно, перенос столицы в Москву в марте 1918 г. ослабил необходимость деятельности в поддержку политических заключённых в Петрограде.

В конце июня или начале июля Фигнер вместе с проживавшей с нею школьной учительницей «сменили обстановку» и «приблизились к природе», переехав из Петрограда в Великие Луки Псковской губернии с целью «накопить сил» перед грядущим зимним периодом работы. Несмотря на то, что в это время уже шла гражданская война, и продовольственная ситуация в Петрограде становилась всё хуже, отъезд Фигнер выглядел скорее как летний отпуск, чем бегство из города. Впрочем, её жизнь в Великих Луках оказалась не самой приятной. В начале августа она писала другу в Петроград: «Ничего не написала и сил не набралась, близости к природе тоже, увы, не было. Гулять негде и не с кем здесь»¹⁸.

Иногда она срывалась: «Мертво здесь. Знакомые заняты платной работой и огородами в деревне для будущего пропитания. Что скажешь против этого и против того, ч[то] у них не хватает того избытка энергии, кот[орый] необходим для альтруистич[еской] общественной работы?»¹⁹. Но несмотря на подобные приступы безысходности за время своего пребывания в этом провинциальном городе она прочитала две лекции о деятельности общества «Культура и свобода», а также организовала благотворительный концерт в пользу русских военнопленных, собравший 2.000 рублей²⁰. Это было немало для чуть более, чем месячного пребывания в незнакомом городе.

Тем временем по инициативе Горького общество «Культура и свобода» начало предпринимать усилия для материальной поддержки учёных и интеллигенции. 11 июня общество организовало конференцию рабочих представителей, где выступил Горький с призывом начать «крестовый поход» с целью повышения куль-

---

¹⁶ Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Вып. 3. С. 75–78.

¹⁷ *Rougle Charles*. Op. cit. P. 98.

¹⁸ ЦГАЛИ. Ф. 1185. Оп.1. Ед. хр. 253. Л. 3 об.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 229. Л. 1 об.

²⁰ Там же. Ед. хр. 253. Л. 3 об.

турного уровня рабочих масс. В конце месяца было образовано московское отделение общества, и Горький выехал в Москву, чтобы лично произнести приветственную речь по этому поводу. В июле начал выходить печатный орган общества – «Вестник культуры и свободы». До конца августа вышли первый и второй номера, а также спаренный № 3–4. Даже в условиях, когда постановлением правительства был прекращён выпуск газеты «Новая жизнь», Горький и остальные члены общества, похоже, не потеряли присутствия духа²¹. В это же время Фигнер решает переехать в Москву.

Это произошло в начале августа 1918 г. Неясным остается лишь вопрос о том, преследовала ли Фигнер этим переездом определённую цель или нет. Учитывая, что она по-прежнему горела желанием принимать участие в делах общества²², можно предположить, что она планировала продолжить работу во вновь созданном московском отделении. Как бы то ни было, гражданская война тогда приняла серьёзные масштабы. В разных частях страны вспыхнули левоэсеровские мятежи, поддержанные чехословаками. 30 августа в Москве эсерка Фанни Каплан стреляла в Ленина. Советское правительство в ответ объявило «красный террор», и, в качестве первого шага, расстреляло 29 арестованных монархистов. Условия для деятельности Фигнер стремительно ухудшились.

В Москве Фигнер поселилась у Лидии, младшей сестры. Лидия жила одна с тех пор, как в 1913 г. потеряла мужа, Сергея Стахеевича, за которого вышла замуж во время своей ссылки в Сибирь²³. У них было четверо детей – два сына и две дочери. Дочь Вера (которая перед первой мировой войной изучала медицину в Европе и даже подвергалась аресту за сочувствие эсерам) имела все шансы пойти по пути своей матери и тётки, Веры Фигнер – обе начали революционную деятельность во время изучения медицины в Цюрихе²⁴. После войны, во время которой Вера Стахеевич работала фронтовым врачом, она осенью 1918 г. вернулась в Москву к матери и тётке.

---

²¹ Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Вып. 3. С. 80–85.

²² ЦГАЛИ. Ф. 1185. Оп.1. Ед. хр. 220. Л. 6. Ед. хр. 256. Л. 3 об.

²³ Интервью автора с Маргаритой Николаевной Фигнер, 15 февраля 1979 г., г. Ленинград.

²⁴ Дан Лидия. Из встречи с Верой Николаевной Фигнер. – Нью-Йорк, 1961. С. 2–3.

Между двумя Верами, тётей и племянницей была колоссальная разница, причём не только в возрасте (одной было 66, другой – 30), но и в отношении к жизни, и в культурных приоритетах. Революции и война только углубили эти контрасты. Веру Фигнер раздражали язык племянницы и её жизненная философия. Естественно, и младшей Вере вряд ли было легко с тёткой. Лидия Дан, общая знакомая обеих Вер ещё со времён их жизни в Париже, часто навещала их в то время и служила «почтальоном», передавая записки от одной к другой²⁵. Л. Дан была младшей сестрой меньшевика Ю. Мартова и женой другого видного меньшевика Фёдора Дана.

Однажды Вера Стахеевич пришла к Лидии Дан с просьбой, что та помогла ей известить её мать и тётю о том, что их дочь и племянница беременна. Дело было в том, что сама младшая Вера уже дважды пыталась сообщить им об этом лично, но мать и тётка не воспринимали её сообщение всерьёз. Лидия была весьма озадачена деликатностью проблемы, но обещала постараться всё объяснить двум представительницам «старшего поколения». После разговора «через переводчика» мать Веры разразилась слезами, а Фигнер, ошеломлённая на мгновение, спросила, а кто же отец. Они не могли поверить рассказу Лидии Дан. Затем они обе настояли на том, чтобы молодые люди официально поженились, несмотря на неизбежно последующий за этим развод. В противном случае, ребёнок мог бы остаться без фамилии²⁶.

Таким образом, в семейной жизни Вера Фигнер оказалась консерватором, продолжая исповедовать моральные ценности девятнадцатого века и соблюдая традиционные манеры, полученные ею в аристократическом доме её отца-помещика.

Вскоре после семейного разрыва Вера Стахеевич уехала из Москвы в Лугань Севского уезда Орловской губернии, где она получила место врача в больнице при сахарном заводе. Принимая во внимание ухудшение продовольственной ситуации в столице, её выбор выглядел разумным, особенно, если учесть, что она ждала ребёнка²⁷. Накануне Нового года родился мальчик. Вскоре в Лугань нянчить ребёнка приехала мать Веры. Примерно в то же время скончался младший брат Веры Фигнер, Николай, известный оперный певец Императорского театра и профессор Киевской

---

²⁵ Там же. С. 6.

²⁶ Там же. С. 7.

²⁷ Там же. С. 8.

консерватории²⁸. Однако, неизвестно точно, когда эта печальная весть дошла до Фигнер.

Оставшись в Москве в одиночестве, Фигнер буквально оказалась в отчаянном положении. Достать еду и дрова было огромной проблемой. В своём письме старому петроградскому другу Михаилу Новорусскому от 10 января 1919 г. она жаловалась на трудности. В ответ на это (письмо от 25 января) он сообщал, что, как раз накануне получения её письма, словно предчувствуя, он говорил о Вере с одним сотрудником мемориального Музея Революции и согласился с его предложением послать кого-нибудь в Москву, чтобы забрать Веру обратно в Петроград. Теперь, писал он, узнав о её положении, он намеревается проследить, чтобы этот кто-то выехал в Москву как можно скорее²⁹.

Неизвестно, чем ответила Фигнер на это предложение. Во всяком случае, она оставалась в Москве ещё всю зиму. По имеющейся информации можно судить, что иногда к ней приезжала ещё одна младшая сестра, Ольга, и оставалась пожить на какое-то время. Потеряв несколько лет назад мужа (Флоровского) и не имея никаких сведений о своём единственном сыне, пропавшем в гражданскую войну³⁰, она была такой же одинокой, как и Вера.

Весной 1919 г. Вера Фигнер страдала от частых носовых кровотечений, которые продолжались часами, и стали причиной серьёзной анемии³¹. Усугубило ситуацию и то, что Ольга, которая обычно заботилась о ней, 18 мая сама попала в больницу с заболеванием печени. В этих обстоятельствах Фигнер решает уехать к своей сестре Лидии в Орловскую губернию. Лидия много раз в письмах приглашала её в Лугань, но Вера не спешила принимать приглашение. Теперь же даже Ольга, за которой обещали в очередь присматривать друзья, настаивала, чтобы она поехала.

Путешествие из Москвы в Лугань оказалось столь тяжёлым, что на следующий день после прибытия у неё опять пошла носом кровь. Кровотечение не прекращалось три дня³². Если этого не считать, жизнь в Орловской губернии помогла ей восстановить физические силы. Иначе она не смогла бы противостоять испытаниям, которые ожидали её в ближайшем будущем.

---

²⁸ Интервью автора с М.Н. Фигнер, 15 февраля 1979 г.

²⁹ ЦГАЛИ. Ф. 1185. Оп.1. Ед. хр. 627. Л. 156.

³⁰ Интервью автора с М.Н. Фигнер, 15 февраля 1979 г.

³¹ ЦГАЛИ. Ф. 1185. Оп.1. Ед. хр. 220. Л. 11 об. Ед. хр. 237. Л. 4; Автобиография Веры Фигнер. Кол. 479.

³² ЦГАЛИ. Ф. 1185. Оп.1. Ед. хр. 220. Л. 11–11 об.

В июле 1919 г. Ольга вышла из больницы и тоже приехала в Лугань. Поскольку у сестры открылся ещё и плеврит, Вера Фигнер уступила ей лучшую комнату, которую сама занимала до её приезда. Спустя два месяца, 25 сентября 1919 г., Ольга скончалась в возрасте 60 лет³³. Её смерть стала начальным звеном в цепи несчастий, постигших Фигнер.

Вторая беда обрушилась, когда в Орловскую губернию пришла гражданская война. 13 октября белогвардейцы, наступая с юга, заняли Орёл. Уездный центр Севск был также оккупирован белыми частями. Красная Армия предприняла контратаку не ранее 20 октября и вновь захватила Орёл.

«Кругом был хаос междоусобной войны, передвигались войска; до Лугани доходил гул пушек; о том, что делалось вне её, никто ничего не знал»³⁴.

Жизнь на линии фронта в зоне столкновения двух армий, вероятно, была ужасным испытанием. Почтовые отделения были эвакуированы, и связь с внешним миром была прервана. Вера Фигнер просила одного человека отправить её письмо Новорусскому в Петроград из Брянска, города, который был расположен вне зоны боевых действий. В ответ Новорусский писал, что может только догадываться, насколько серьёзна ситуация в Орловской губернии. Далее он сообщал, что Петроград бомбили с моря, и он нервничал, но теперь всё кончилось; теперь самая главная проблема – голод и холод, и он борется против «собственного желудка и декрета». Этот декрет ограничивал его паёк 3/8 фунта хлеба и миской щей в день плюс вязанка дров на десять дней, но это было едва ли достаточно для поддержания жизни. Несмотря на то, что масса времени и сил, по его признанию, уходила на добывание чего-нибудь в добавление к основному пайку, Новорусский не преминул отметить в письме, что его книга «Записки шлиссельбуржца» была опубликована, и приготовления к открытию мемориального Музея революции в Зимнем дворце ведутся полным ходом³⁵.

Но, когда Вера Фигнер получила это письмо, её семью постигло третье несчастье. Вера Стахеевич, будучи врачом, помогая бороться с эпидемией тифа, охватившей Орловскую губернию – одну из основных сцен гражданской войны, сама оказалась жерт-

³³ Там же. Ед. хр. 237. Л. 4. Ед. хр. 220. Л. 22 об.

³⁴ Автобиография Веры Фигнер. Кол.479.

³⁵ ЦГАЛИ. Ф. 1185. Оп.1. Ед. хр. 627. Л. 159–160.

вой эпидемии. Она заболела 12 декабря. Старый друг по парижской школе, узнав, поспешил к ней с лекарствами за 25 верст из заводской больницы, но было уже поздно. После двух недель жестокой лихорадки, 26 декабря, младшей Веры не стало. Она скончалась на той же постели, на которой тремя месяцами ранее умерла её тетьа Ольга. Веринуму сыну Сергею тем временем исполнился год³⁶.

К сожалению, в жизни Фигнер это было не последнее несчастье. 28 декабря, на следующий день после похорон младшей Веры, её мать Лидию, убитую горем, хватил апоплексический удар, после которого – правосторонний паралич и лишение речи. На руках у Веры Фигнер осталась больная сестра и сирота внучатый племянник.

Комитет сахарного завода направил в помощь Фигнер соседскую крестьянку. Хотя прислуга оказалась добродушным существом, лишний человек в доме раздражал Фигнер. Когда же к прислуге присоединилась её десятилетняя дочь, Фигнер пришлось кормить три лишних рта. Вдобавок, вскоре из дома стали пропадать вещи. В конце концов, Фигнер пришла к убеждению, что забота о сестре и ребёнке – только её обязанность. Она писала одной знакомой: «Обществ[венная] деятельница заряжена все-сокрушающей мелочью, руки – как у ежа от ужасающей грязи (всё делается под себя 5 раз в сутки). Кормление реб[ёнка] и Лид[ии] Ник[олаевны] с ложки, мытьё посуды, белья. Словом, сердце у меня прыгает в груди с утра, в 9 ч. вечера на 1/4 часа выхожу на воздух. Ночи не сплю из-за реб[ёнка] и Лид[ии] Ник[олаевны]»³⁷.

На следующий день она писала Юрию Гессену, другу по Обществу помощи освобождённым политзаключённым: «К несчастью, я совершенно неспособна к подобной жизни, и, как это ни покажется парадоксальным с первого взгляда, но можно было перенести Шлиссельбург, а это перенести?! И вот почему. Там была идея, было известное служение, был свободно избранный путь. Я этого хотела, т. е. хотела деятельности, кот[орая], неизбежно приводила к Шлиссельбургу. А теперь? и здесь? Я приехала на время, я приехала для отдыха, для поправления здоровья, особенно благодаря настоятельным приглашениям приехала. Вот что

---

³⁶ Там же. Ед. хр. 220. Л. 16, 19, 21.

³⁷ Письмо Фигнер Валентине Яковлевне Бородиной. Там же. Ед. хр. 217. Л. 1.

получилось. Моя комната, кот[рую] я уступила больной Ольге, потом Вере, стала мертвенной. Я не могу видеть её без особого чувства»³⁸.

«Здесь страшное одиночество, никто не знает меня ни лично... ни с общественной стороны. В больших центрах – я единица, здесь я – нуль, равный другим нулям»³⁹.

«На меня навалилась тяжесть, которая не смягчает людей, а делает их жестокими и сухими. И это – победить я никак не могу. Стыдно, а не могу. Обнимаю Вас, Юрий Сав[ельевич] и благодарю за любовь и веру, Вы видели один лик мой, и он обманывает Вас. С слезами говорю – Вам надо бы видеть и другой. Тогда Вы любили бы меня меньше: не хочу обманывать Вас»⁴⁰.

Учитывая, что Фигнер обычно предпочитала оставлять свои личные чувства при себе, подобное обнажение чувств было знаменательным. Уже один этот факт позволял судить, насколько тяжёлой была её жизнь. Больше всего она желала тогда, чтобы приехала Татьяна, другая дочь Лидии, которая жила на юге, и забрала Лидию и ребёнка, а она, Фигнер, смогла бы уехать в Москву или Петроград. Друзья в Петрограде искренне сопереживали ей, но поделать ничего не могли, поскольку железнодорожное сообщение ещё не было восстановлено. Наконец, 7 марта 1920 г. Лидия Фигнер умерла в возрасте 66 лет⁴¹.

Оставшись одна, Фигнер рыдала навзрыд. Пёс, найденный племянницей Верой в брошенном доме на линии фронта и оставшийся у них, клал передние лапы на колени Фигнер, лая так, будто он тоже скорбел о смерти любимого существа. Знакомый ветеринар, опасаясь бешенства, дал Вере склянку с хлороформом, объяснив, что она должна дать это собаке понюхать, когда почувствует, что с ней что-то неладно. Однако в тот момент Фигнер, кажется, была готова сама надыхаться хлороформом и умереть.

Когда возобновилось движение по железной дороге, из Петрограда на помощь Фигнер поспешила Александра Шакол. Находясь на учёбе в Льеппе (Бельгия) перед первой мировой войной, она услышала речь Фигнер, которая захватила её и заставила присоединиться к движению в поддержку политзаключённых. После Февральской революции она вместе с Фигнер работала в

---

³⁸ Там же. Ед. хр. 220. Л. 22 об.

³⁹ Там же. Л. 24 об.

⁴⁰ Там же. Л. 25 об.

⁴¹ Там же. Ед. хр. 237. Л. 4.

Обществе помощи освобождённым политзаключённым. Однако едва Шакол доехала до Москвы, она свалилась в тифозной горячке и не смогла продвигаться дальше⁴².

В конце марта из Москвы к Фигнер приехала врач Александра Бах. Её муж, Абрам Бах, в прошлом был активным деятелем «Народной воли». После вынужденной эмиграции, где он вступил в партию эсеров, Бах решил вернуться к академической карьере и стал известным биохимиком. Одно время он возглавлял Женевский комитет помощи политическим заключённым, созданный по предложению Фигнер. После 1917 г. Бахи также поддерживали деятельность Фигнер.

Оставив внучатого племянника на попечение луганских знакомых, Фигнер в сопровождении Александры Бах вернулась в Москву⁴³.

III

По возвращении в Москву Фигнер поселилась в доме Бахов на территории Центральной химической лаборатории в Армянском переулке⁴⁴. В 1920 г. город переживал последствия прошлогоднего кризиса. Кроме того, условия жизни в Москве коренным образом отличались от луганских. Всякий раз, когда Фигнер рассказывала друзьям о последних минутах жизни сестры и племянницы, она словно заново переживала ужас тех дней, впадая в отчаяние снова и снова. Но однажды, сказав себе, что «последние слезы» пролиты, она решила взять себя в руки и, благодаря симпатии и поддержке друзей, начала восстанавливать физические и душевные силы.

Спустя два месяца она уже пришла в форму и даже начала скучать. 18 мая Фигнер написала Гессену в Петроград: «Я чувствовала себя на месте, когда была во главе культурно-просветительного Общества, а теперь я выбита из колеи и не нахожу чего-

⁴² Автобиография Веры Фигнер. Кол. 480; *Фигнер Вера*. После Шлисельбурга. ПСС, 2-е изд. Т. 3. – М., 1932. С. 363, 365.

⁴³ Автобиография Веры Фигнер. Кол. 480. ЦГАЛИ. Ф. 1185. Оп.1. Ед. хр. 237. Л. 4 об, 5 об; *Фигнер Вера*. Указ. соч. С. 308, 378–379.

⁴⁴ *Бах Л.А., Опарин А.И.* Алексей Николаевич Бах. Биографический очерк. – М., 1957. С. 94.

либо аналогичного. Писательство, как профессия, не моя сфера. Каких-нибудь редакций, в чём можно бы стать членом, не существует. Так и вяну в бездействии, ища и не видя выхода»⁴⁵.

Поскольку безработные в Москве не могли рассчитывать на получение продуктового и топливного пайка, Фигнер вступила в недавно образованный Всероссийский писательский союз. Теперь она тоже получала паёк и в этом смысле имела равные права с остальными.

Другой приятной новостью было сообщение о том, что скоро выйдет в издательстве «Задруга» её книга «Узники Шлиссельбурга», рукопись которой вместе с предисловием она сдала ещё в августе 1918 г. Сумма причитающегося ей гонорара (с выплатой по частям) составила 144 тыс. руб. Она полагала, что это баснословно много, но ей объяснили, что с учётом инфляции, когда фунт хлеба стоит 300 рублей, этой суммы ей едва хватит на несколько месяцев⁴⁶. Тем не менее новость была приятная.

Фигнер хотела разыскать свою единственную оставшуюся в живых младшую сестру Евгению, которая раньше жила вместе со своим мужем М.П. Сажиним в Грозном, и уже два года ничего не давала о себе знать. Она также хотела разузнать хоть что-нибудь о М.Ф. Фроленко, который раньше также проживал на юге, в Геленджике, и о котором она также ничего не слышала два года⁴⁷. Интересовала её и судьба Александры Корниловой-Мороз, которая заботилась о ней после освобождения из Шлиссельбурга в 1904 г. В конце мая через врача, инспектирующего черноморские курорты, она передала письмо и 3.000 руб. для Александры. В письме она писала: «Дорогая моя Сашечка! Сомневаюсь, что моё письмо дойдёт до тебя, но всё-таки пишу... Чем уже круг, тем дороже остающиеся в живых, и я тебя вспоминаю наравне с сестрой, даже в некот[орых] отношениях ещё более. Думаю, что и твоя любовь ко мне не оскудела ни от расстояния, ни от прерыва сношений. Я думаю, что ты ничего не можешь иметь против денег из моего заработка, как я всегда пользовалась тем, что ты имела. Рассчитываю, что смогу и ещё послать на твои нужды, если сношения будут возможны. Как ты живёшь? Я ужасаюсь от мысли о твоих затруднениях»⁴⁸.

---

⁴⁵ ЦГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 220. Л. 26.

⁴⁶ Там же. Ед. хр. 237. Л. 4 об., 5.

⁴⁷ Там же. Л. 4.

⁴⁸ Там же. Л. 4, 5 об.

Найти Фроленко и Корнилову-Мороз Вере Фигнер в тот период не удалось, зато она сумела возобновить контакт с сестрой Евгенией и её мужем Михаилом Сажиным и пригласила их к себе в Москву⁴⁹. Их приезд в июле, по всей видимости, весьма обрадовал Фигнер, которая в то время чувствовала себя не очень хорошо и проживала в санатории в черте города. Евгения присоединилась к ней, а Сажин, старый бакуинец, получил должность в Центральном архивном управлении, директором которого был Д.Б. Рязанов. В конце лета Фигнер поселилась вместе с Сажиными в их служебной квартире⁵⁰.

Летом же произошло ещё одно приятное событие в жизни Фигнер: она возобновила контакт с Кропоткиными. Фигнер познакомилась с ними во время поездки в Лондон в 1908 г. Затем было совместное участие с П.А. Кропоткиным в суде чести над Е. Азефом, а во время своего третьего визита в Англию Фигнер была уже в близких отношениях с четой. Жена Кропоткина, Софья Григорьевна, возглавляла лондонский комитет помощи политзаключённым и сотрудничала с Фигнер в этой сфере. После Февральской революции Кропоткин вернулся в Россию и с мая 1918 г., работая над своей последней книгой об этике, проживал в 55 км от Москвы – в Дмитрове.

15 июля 1920 г. Фигнер отправилась туда навестить Кропоткина. После её ухода Кропоткин записал в дневнике: «Только что проводил Веру Фигнер. Та же прекрасная, достойная поклонения!»⁵¹.

Впоследствии Фигнер неоднократно навещала Кропоткина и время от времени обменивалась с ним письмами. В начале декабря Кропоткин прислал ей копию своего письма Ленину и попросил высказать мнение о нём. Письмо содержало протест против правительственного заявления о заложниках, опубликованного в газетах 30 ноября. В этом заявлении говорилось, что несмотря на то, что с разгромом Врангеля гражданская война неминуемо подходит к концу, вожди контрреволюции, «прежде чем отказаться от мысли вернуть себе господство над рабоче-крестьянской Россией, пытаются пустить в ход последнее средство... средство индивидуального террора». В целях предотвращения террора режим объявлял о взятии в «заложники» эсеров – членов групп Савин-

---

⁴⁹ Там же. Ед. хр. 220. Л. 27.

⁵⁰ Там же. Л. 29.

⁵¹ *Пирумова Н.М.* Петр Алексеевич Кропоткин. – М., 1972. С. 206.

кова и Чернова, белогвардейцев из Тактического и Национального центров, арестованных офицеров врангелевской армии. «В случае покушения на вождей Советской России ответственные единомышленники организаторов покушения будут беспощадно истребляться»⁵².

Письмо Кропоткина, посвящённое критике этого заявления, было не первым посланием Кропоткина Ленину. Ещё в 1918 г., когда был объявлен «красный террор» и расстреляны первые заложники, Кропоткин направил Ленину гневное письмо, в котором привёл исторический пример из Великой французской революции, указав на то, что в 1794 г. «террористы Комитета Общественной Безопасности оказались могильщиками народной революции»⁵³.

Теперь он вновь пытался напомнить Ленину историю: «Неужели не нашлось среди Вас никого, чтобы напомнить, что такие меры – представляющие возврат к худшим временам средневековья и религиозных войн – не достойны людей, взявшихся созидать будущее общество на коммунистических началах».

«Даже короли и папы отказались от таких варварских способов самозащиты, как заложничества. Как же Вы, проповедники новой жизни и строители новой общественности, можете прибегать к такому оружию для защиты от врагов. Не будет ли это знаком того, что Вы считаете свой коммунистический опыт неудавшимся и спасаете уже не дорогое Вам строительство жизни, а лишь самих себя».

«Я верю, что для лучших из Вас будущее коммунизма дороже собственной жизни. Один помысел об этом будущем должен заставить Вас отвергнуть такие меры»⁵⁴.

Сначала Фигнер прочла копию письма Кропоткина Ленину про себя. И хотя она была полностью согласна с содержанием письма, оно не произвело на неё должного впечатления. Однако вскоре Фигнер довелось беседовать с зашедшими навестить её старыми друзьями – Н.К. Муравьевым (известный адвокат, про-

---

⁵² Правда, 30 ноября 1920 г. С. 1.

⁵³ Это письмо было написано 17 сентября 1918 г. – *Пирумова Н.М.* Указ. соч. С. 133. Хотя советский автор не проясняет обстоятельств написания этого письма, о них можно догадаться по дате и процитированному отрывку. В другом месте своей книги Пирумова пишет, что Кропоткин высказал Ленину своё негативное отношение к террору 1918 г. – Там же. С. 200.

⁵⁴ П.А. Кропоткин о заложниках (Письмо Ленину) // На чужой стороне. Т. 3. – Берлин, 1923. С. 126–127.

славившийся участием в дореволюционных политических процессах), его женой, С.Е. Прокоповичем (известный либерал, в прошлом – социалист, был министром продовольствия Временного правительства, за что сразу после Октябрьской революции был арестован) и его женой Е.Д. Кусковой (тоже известный либерал). Разговор зашёл о заложничестве. Уступая просьбе гостей, Фигнер достала письмо Кропоткина и зачитала его вслух. Теперь слова Кропоткина показались ей чрезвычайно смелыми, а само письмо произвело глубокое впечатление как на Фигнер, так и на гостей⁵⁵.

VIII Всероссийскому Съезду Советов, открывшемуся в Москве 17 декабря, Кропоткин направил своё последнее открытое письмо, в котором отстаивал право независимых издателей на существование⁵⁶. Эти два письма можно рассматривать как завещание Кропоткина Советской России.

В письме к Фигнер от 21 декабря он писал: «Сердце беспрестанно мучает, и притом, должно быть, ещё малярия через день. В придачу случилась ещё невралгия – жестокая, какой не помню с Женевы, больше сорока лет... Недавно я говорил на юбилее Дмитровского союза кооператоров. Еле договорил минут 20, с отчаянной болью в сердце»⁵⁷.

Кропоткин понимал, что его дни сочтены. Фигнер его письмо глубоко опечалило.

По возвращении в Москву Фигнер возобновила активную деятельность в Политическом Красном Кресте. Возможным толчком

⁵⁵ Письмо Веры Фигнер П.А. Кропоткину, 20 декабря 1920 г., ЦГАЛИ. Ф. 1185. Оп.4. Ед. хр. 5. Л. 3–4. Запись части этого письма была передана мне М.Н. Пирумовой в 1979 г. Я употребил это в моей статье 1983 года, но на всякий случай написал в примечании 55: «Lidiya Dan, op. cit. P. 12». В 1992 г. мне удалось посмотреть оригинал письма в ЦГАЛИ. Поэтому, вспоминая с благодарностью облик смелой дочери репрессированного армянского эсера уважаемого историка России Натальи Михайловны Пирумовой, я восстановил правдивость в этом примечании. В письме Кропоткину Вера Фигнер написала дальше: «Мы единодушно говорили тебе – нужно его послать. Жаль, что недели три прошло уже со времени этого распоряжения. И, когда, собравшись на совет, мы обсуждали, какое мы могли бы сделать выступление, то было постановлено теперь уже не выступать, что время упущено. Но впредь вменится в обязанность президиума реагировать тотчас же. Что касается твоего письма – мы все думали, что оно так хорошо, что необходимо пустить его в дело, тем более, что оно исходит от тебя».

⁵⁶ К 80-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. – М., [1922]. С. 24.

⁵⁷ Пирумова М.Н. Указ. соч. С. 207.

к этому послужил арест её товарища по шлиссельбургскому заключению В.С. Панкратова. Панкратов, в своё время сотрудничавший с «Народной волей», после освобождения из заключения вступил в партию эсеров. О его аресте Фигнер сообщил в письме из Петрограда от 26 июля 1920 г. Новорусский.

«Вы уже знаете, что Панкратов арестован, и как говорят – по предписанию из центра. Затем опасаются, как бы он не попал в руки таких следователей, которые быстро его ликвидируют. Не знаю, какие у Вас есть связи в Москве и что можно бы сделать... Судя по тому, что мне говорили, трудно надеяться на освобождение. Я имею одно дело до Зиновьева и, когда увижу его, могу сказать и о Панкратове, но это, наверное, будет безрезультатно»⁵⁸.

Фигнер, естественно, не сомневалась, что что-то нужно сделать. Возможно, благодаря этим хлопотам за Панкратова она оказалась связанной с Екатериной Пешковой, первой женой Горького и в прошлом, как и Фигнер, членом зарубежной фракции партии эсеров.

Судя по одному письму Горького, Пешкова уже в 1918 г. сотрудничала с Красным Крестом⁵⁹. А в официальном некрологе по поводу её смерти в 1965 г. говорилось, что в 1920 г. по просьбе Дзержинского она стала представителем Польского Красного Креста в Советской России⁶⁰. Её близким другом был Михаил Винавер, польский еврей и в прошлом партийный товарищ Дзержинского⁶¹. Стоит вспомнить здесь и известную встречу Ленина и Горького на квартире Пешковой в Москве 20 октября 1920 г.⁶² Хорошо известно, как слушая «Аппассионату» Бетховена, Ленин заявил, что нужно безжалостно бить людей по голове, и что задача это «чертовски» трудная⁶³. Можно предположить, что одним из обсуждаемых на встрече вопросов был вопрос о ЧК. Как записала сама Пешкова, Ленин перед уходом сказал ей, что она почему-то до сих пор не обращалась к нему за помощью, и это якобы не хорошо⁶⁴.

⁵⁸ ЦГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 627. Л. 171.

⁵⁹ Архив А.М. Горького. Т. IX. С. 207.

⁶⁰ Горьковские чтения, 1964–1965. – М., 1965. С. 392.

⁶¹ Дубнова-Эрлих Софья. О Михаиле Винавере. Хроника защиты прав в СССР. Вып. 26. – New York, 1977. С. 105–106.

⁶² Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Вып. 3. С. 189.

⁶³ Ленин В.И. и Горький А.М. – М., 1958. С. 251–252.

⁶⁴ Пешкова Е. Владимир Ильич и А.М. Горький в октябре 1920 года // В.И. Ленин и А.М. Горький. С. 328.

Некоторые считают, что участие Пешковой в деятельности по спасению политзаключённых было обусловлено её многолетней дружбой с Дзержинским⁶⁵, другие полагают, что это была инициатива непосредственно Дзержинского⁶⁶. Так или иначе ясно, что статус бывшей жены Горького, а также личное знакомство с Лениным и Дзержинским давали Пешковой известное преимущество, позволяя ей, бывшей эсерке, осуществлять в условиях советского режима трудную задачу помощи политзаключённым. Неудивительно, что Фигнер поспешила присоединиться к Пешковой, оказывая ей моральную поддержку и собирая средства для спасения жертв режима⁶⁷.

Фигнер возобновила свою деятельность, связанную с политзаключёнными 13 января 1921 г. В тот день в Политехническом музее на Лубянке проводились публичные чтения на тему «Шлиссельбург в судьбе Веры Фигнер». Чтения открыл Н.Н. Полянский докладом «“Народная воля”: исторический обзор». Затем Фигнер прочитала четыре фрагмента из своих тюремных мемуаров: «Суд идет», «Десять дней», «Первый год» и «Корабль Полундра». Помимо выручки от продажи 1.087 билетов, 87.150 рублей было собрано в качестве пожертвований. За вычетом 30.000 рублей гонорара Полянскому и 1.000 рублей – оплаты за сани для Фигнер, чистая прибыль составила 147.950 рублей.

За этим событием последовала целая череда лекций: 16 января – профессора Н.Н. Кольцова «Об омоложении»; 19 января – историка П.Е. Щеголева об Алексеевском равелине; 22 января читал лекцию Новорусский («Шлиссельбург, прошлое и настоящее»); 23 января – профессор Тарасевич, а 30 января выступил с лекцией философ-идеалист Фёдор Степун. Из всех лекций выступление профессора Кольцова принесло почти такую же выручку, что и первая: было продано 1.290 билетов, к тому же лектор отказался от гонорара. Следующие лекции собирали меньшую аудиторию, поэтому выручка также была небольшой. За четыре лекции удалось собрать 339.930 рублей, включая пожертвования. Эти суммы пошли в фонд поддержки политзаключённых⁶⁸.

⁶⁵ Маркова О. Екатерина Павловна Пешкова и её помощь политзаключённым // Память. Вып. 1. – М., 1976. – New York, 1978. С. 318.

⁶⁶ Минин Дм. Ещё о Политическом Красном Кресте // Память. Вып. 3. – М., 1978. – Paris, 1980. С. 524.

⁶⁷ См.: Маркова О. Указ. соч. С. 316–317.

⁶⁸ В финансовом отчёте о шести собраниях (ЦГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 85) имеется собственноручная запись Фигнер: «Вечер для заключённых». О темах лекций см. там же. Ед. хр. 11. Л. 13², ед. хр. 220. Л. 32 об.

Публичные лекции продолжились и в феврале. Профессор П.П. Лазаревский рассказал о последних достижениях физики, Е.Д. Кускова – об общественном воспитании, профессор А.В. Чаянов прочёл лекцию с показом слайдов на тему «Вторжения азиатских племён, гражданские войны и народные восстания на улицах древней Москвы»⁶⁹. Средства от всех выступлений также пошли в фонд помощи политзаключенным.

В то время Фигнер получила печальное известие, сразившее её: умер П.А. Кропоткин. В январе 1921 г. он заболел пневмонией, и хотя в начале февраля ему стало лучше, 8-го, в возрасте 79 лет, он скончался⁷⁰.

Московские анархисты тут же сформировали похоронный комитет. Они потребовали, чтобы Советское правительство выпустило из тюрем содержащихся там анархистов для участия в похоронах. Это требование было выполнено. 10 февраля гроб с телом Кропоткина прибыл в Москву и был установлен для прощания в Колонном зале Дома союзов⁷¹. 13 февраля, в день похорон, анархистские организации, с разрешения правительства, выпустили однодневную газету, посвящённую этому событию. Единственным неанархистом среди авторов статей в ней была Вера Фигнер. Несмотря на «полную депрессию», в которую её повергла смерть Кропоткина⁷², она писала: «Когда хоронят друга и дорогого человека, хочется молчать и только думать и горевать об утрате. Трудно собрать мысли и облечь их в соответствующую форму, не укладываются они в неё».

«Мне кажется, то, что влекло сердца к Петру Алек[сеевичу], – это счастливая своей глубиной, его великая вера в многомиллионные массы, в жизнь выработанное в них чувство справедливости, в способность их устраиваться, организоваться и работать на началах солидарности и братства».

«Пётр Алексеевич прозрачен как в книге, так и в речи; и там, и здесь он один и тот же, светлый и лучезарный вестник лучшего будущего человечества. В нём гармония писателя и человека – полная. И это производит чарующее впечатление»⁷³.

---

⁶⁹ Там же. Ед. хр. 9. Л. 84.

⁷⁰ Лебедев Н. К. П.А. Кропоткин. – М., 1925. С. 80.

⁷¹ Памяти Петра Алексеевича Кропоткина. – Пг.-М., 1921. С. 5–9.

⁷² Письмо Фигнер Гессен от 13 февраля 1921 г. – ЦГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 220. Л. 33.

⁷³ Фигнер В.Н. Петру Алексеевичу Кропоткину. Анархические организации // Памяти Петра Алексеевича Кропоткина, 13 февраля 1921 г. С. 1.

В день похорон процессия, во главе которой шли выпущенные из тюрем анархисты, несущие на плечах гроб с телом Кропоткина, растянулась от стен Кремля до Новодевичьего кладбища. По некоторым оценкам, в ней приняли участие 100.000 человек. Над могилой представители анархистов, эсеров, меньшевиков, толстовцев, Московского Совета и ЦК РКП(б), а также иностранные делегаты произнесли прощальные речи⁷⁴.

Два дня спустя после похорон Кропоткина Фигнер писала Гессену в Петроград: «Вчера после мучительных похорон 13-го пролежала целый день, так была изломана морально и физически».

В этом же письме она выразила своё нежелание впредь посещать какие-либо официальные церемонии, даже годовщину убийства царя Александра II. «Я чуть-чуть не приехала в Пб. 1-го (14-го) марта. Звал Щеголев на торжественное чествование. Сначала я пообещала, не разобрав дела. Обдумав, сообразила, что это будет официальное празднество, а я не хочу быть на таком параде. Поэтому послала (Щеголеву) известие, что не поеду»⁷⁵.

Через несколько дней анархистский похоронный комитет принял решение основать мемориальный музей Кропоткина и с этой целью обратился в соответствующие инстанции. Поскольку Ленин всегда с уважением относился к Кропоткину (его отношения с режимом в принципе не были антагонистическими, несмотря на его критику политики правительства)⁷⁶, у комитета были все шансы добиться благоприятного ответа. 15 февраля Московский Совет принял решение передать под здание музея дом, в котором Кропоткин родился⁷⁷. После того, как просьба анархистов была удовлетворена, они создали оргкомитет музея, включив в него вдову Кропоткина – Софью Григорьевну и его дочь Александру. Однако работе этого комитета мешали внутренние разно-

---

⁷⁴ Памяти Петра Алексеевича Кропоткина, 13 февраля 1921 г. С. 9–10.

⁷⁵ ЦГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 220. Л. 33.

⁷⁶ Несмотря на острую критику Кропоткиным репрессивных и диктаторских методов Советского правительства, он высоко оценивал Октябрьскую революцию и считал её первым шагом к истинной социальной революции. – *Пирумова М.Н.* Указ. соч. С. 196–204. См. также: *Miller Martin.* Kropotkin. – Chicago, 1976. P. 247.

⁷⁷ К истории образования Всероссийского Общественного Комитета памяти П.А. Кропоткина // Памяти Петра Алексеевича Кропоткина, 13 февраля 1921 г. С. 11. Решение Московского Совета состояло из семи пунктов, в том числе о переименовании Пречистенки в улицу Кропоткина и о выделении средств на публикацию работ Кропоткина. – К 80-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. С. 29.

гласия. Поэтому, когда вдова Кропоткина высказала желание выйти из состава комитета, обвинив его в замкнутости и сектантстве, решили его реорганизовать. В новый, расширенный комитет, получивший название Комитет по увековечению памяти П.А. Кропоткина, вошли: вдова С.Г. Кропоткина, Вера Фигнер, инженер П.А. Пальчинский, адвокат Н.К. Муравьев и три анархиста, Н.К. Лебедев, А.А. Карелин и А.М. Атабемян. Из членов комитета наиболее необычную биографию имел П.А. Пальчинский, который занимал пост товарища министра промышленности и торговли в последнем составе Временного правительства, а во время Октябрьской революции был уполномоченным по установлению общественного порядка в столице⁷⁸. 20 июня Комитет издал обращение, подписанное всеми его членами⁷⁹.

Между тем, на дворе стояло лето 1921 г. Советский режим осуществлял переход от жестокой продовольственной развёрстки к более мягкой системе продналога, с целью уменьшить повсеместное недовольство крестьян после гражданской войны. Из-за засухи урожай, собранный тем летом, оказался рекордно низким: по сравнению с 2.900 млн пудов, собираемыми обычно, было собрано лишь 1.617 млн пудов, или 63 % от необходимого⁸⁰. Многие районы страны охватил голод, особенно свирепый в Поволжье. Смертность от голода исчислялась миллионами: по разным оценкам, от одного до трёх и даже пяти миллионов человек. Отмечены были даже случаи каннибализма. Охваченные голодом районы представляли ужасное зрелище⁸¹.

Интеллигенция предприняла попытку создать комитет помощи голодающим, не зависимый от государства. Но поскольку инициатива исходила от деятелей типа Н.М. Кишкина, бывшего кадета и министра Временного правительства, Прокоповича, Кусковой и др., Советское правительство отнеслось насторожен-

---

⁷⁸ К истории образования Всероссийского Общественного Комитета памяти П.А. Кропоткина // Памяти Петра Алексеевича Кропоткина, 13 февраля 1921 г. С. 11–12. Об отношениях Пальчинского и Кропоткина см.: *Солженицын А.* Архипелаг Гулаг. Т. 2. – Paris, 1974. С. 306–308.

⁷⁹ Полный текст обращения см.: Памяти Петра Алексеевича Кропоткина, 13 февраля 1921 г. С. 13–14.

⁸⁰ *Fisher H.H.* The Famine in Soviet Russia. – New York, 1927. P. 505.

⁸¹ По оценке некоторых исследователей, число жертв голода составило 1 млн чел. – см.: *Поляков Ю.А.* 1921-й: Победа над голодом. – М., 1975. С. 27. По другим оценкам, смертность достигла 3–5 млн чел. – см.: *Гуляев Р.* Предисловие к воспоминаниям Ю.Н. Максимова // *Память*. Вып. 4 – М., 1979. – Paris, 1981. С. 382.

но к этой идее. Однако затем оно решило, что будет выгоднее дать согласие на создание комитета, который действовал бы под контролем государства, ибо подобная организация могла бы привлечь в помощь голодающим средства из-за рубежа. 21 июля ВЦИК одобрил пакет решений и декретов, касающихся создания Всероссийского Комитета помощи голодающим (Помгол). Председателем Комитета был назначен Каменев, его заместителем – Рыков, ещё 12 большевиков стали членами комитета. Кроме того, в составе 63 членов Помгола оказались: писатель Горький, академики С.Ф. Ольденбург и Н.Я. Марр, экономисты Чаянов и Н.Д. Кондратьев, деятели театра М.Н. Ермолова и К.С. Станиславский, дочь Толстого – Александра и толстовцы А.И. Бирюков и В.Ф. Булгаков, председатель II думы Ф.А. Головин и Вера Фигнер⁸².

Почётным председателем Комитета был избран проживающий в Полтаве писатель В.Г. Короленко, автор страшного по своей правдивости произведения, описывающего деревню, поражённую голодом 1891 г., – очерка «В голодный год». Будучи прикованным к постели, Короленко, тем не менее согласился отдать последние силы делу спасения жертв нового великого голода⁸³.

Комитет начал работу с создания своих отделений на местах и сбора пожертвований. 16 августа вышел первый выпуск бюллетеня Помгола, в котором была опубликована статья Фигнер под названием «Прошлое и настоящее»⁸⁴. Как видно из названия, статья представляла собой сравнительный анализ состояния российской деревни в 1921 г. и в начале 1870-х. Публикация Фигнер в бюллетене Помгола говорила о том, что её участие в Комитете было отнюдь не формальным.

Однако оперативная деятельность Комитета была ограничена. Спор между ним и Советским правительством разгорелся вокруг отправки представителей Помгола за рубеж. 26 августа Ленин, который изначально скептически отнёсся к идее Комитета, написал Сталину, что существует опасность использования Комитета зарубежными организациями для вмешательства во внутренние дела Советской России. Ленин советовал Сталину как можно скорее распустить Комитет, использовав в качестве предлога ан-

⁸² Правда, 23 июля 1921 г. С. 4.

⁸³ См.: письмо Короленко Горькому от 27 июля 1921 г. В.Г. Короленко и голод в послереволюционной России // Память. Вып. 4. С. 398–399.

⁸⁴ Музей революции, Вера Николаевна Фигнер, 1852–1922. – Петроград, 1922. С. 15.

типравительственную речь Прокоповича, якобы произнесённую им под эгидой Комитета. Он также предложил арестовать и допросить Прокоповича, а других членов Комитета депортировать на север, в места, не имеющие железнодорожного сообщения. Наконец, он считал необходимым немедленно начать кампанию по дискредитации Комитета⁸⁵. Жёсткость ленинской позиции, по всей видимости, проистекала из опасения, что если советский режим проявит признаки слабости, он будет сокрушен извне.

Сталин и Политбюро поддержали Ленина, и уже на следующий день был издан декрет о роспуске Помгола. В тот день в Комитете было общее собрание всех членов, слушали доклад заместителя наркома продовольствия Н.П. Брюханова. В 11 часов вечера здание Комитета окружили чекисты. Брюханов покинул зал на середине своего доклада. Вера Фигнер, Н.А. Морозов и некоторые другие пожилые члены Комитета были вежливо препровождены по домам. Остальным было приказано оставаться на местах, и около 100 из них (включая дочь Толстого Александру, Кишкина и Кускову) были арестованы⁸⁶.

Таким образом, Фигнер второй раз подверглась «унижению» со стороны Советского правительства (первый раз это случилось 25 октября 1917 г., когда ей, наравне с другими членами Предпарламента, пришлось покинуть Мариинский дворец). Вскоре после роспуска Помгола появились слухи, будто бы Вера Фигнер уехала из страны⁸⁷.

Хотя с Комитетом помощи голодающим было покончено самым решительным образом, уже в следующем месяце возникла новая неправительственная добровольная организация – Всероссийский комитет по увековечению памяти П.А. Кропоткина. Музей анархиста Кропоткина, отрицавшего государственную власть, должен был быть обязательно создан независимо от государственной власти. Для этого предполагалось использовать средства, добровольно пожертвованные частными гражданами. 18 сентября организационное собрание Комитета избрало председателем Веру Фигнер; анархист Н.К. Лебедев, зять Кропоткина, был избран генеральным секретарём, а вдова Кропоткина – почётным пред-

⁸⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 53. – М., 1965. С. 140–142.

⁸⁶ Максимов Ю.Н. Комитет помощи голодающим // Память. Вып. 4. С. 391–393. См. также: Из истории ВЧК. Сборник документов. – М., 1958. С. 464–466.

⁸⁷ Письмо Фроленко Фигнер от 20 ноября 1921 г. – ЦГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 805. Л. 63.

седателем. Было решено, что музей будет состоять из двух отделов – академического и анархистского, и началась работа по созданию экспозиции и сбору средств для музея⁸⁸.

Между тем, 21 марта того же года по инициативе большевиков возникло Общество бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев. К концу года оно насчитывало 200 членов и издавало свой журнал «Каторга и ссылка»⁸⁹. Фигнер, в силу своего отношения к режиму и правящей партии, решила не вступать в Общество и лишь изредка сотрудничала с ним.

26 ноября 1921 г. Общество совместно с отделом истории Дома печати организовало вечер памяти Е.С. Сазонова, члена боевой организации эсеров, убившего В.К. Плеве. В этом мероприятии Фигнер приняла участие как один из докладчиков.

Начав свою речь, она обратила внимание собравшихся на то, как по-разному воспринимают Сазонова две организации. Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, по мнению Фигнер, видело в нём, прежде всего высоконравственного и мужественного человека, претерпевшего, наравне с другими его членами, все тяготы сибирской ссылки. А для исторического отдела Дома печати он был, в первую очередь, социалистом-революционером, и его фигура интересовала их с точки зрения идеологического сходства между эсеровской программой и программой «Народной воли». В своём выступлении Фигнер согласилась с последней точкой зрения. Она говорила: «Впечатление, вызванное ею [смертью В.К. Плеве], было громадно. Общественное настроение сразу сильно поднялось – ободрились самые робкие, а в правительственных сферах это событие сделалось поворотным пунктом во внутренней политике». Далее она подчеркнула, что партия социалистов-революционеров, безусловно, стала наследником партии «Народная воля». Обе партии, по её мнению, имели не только похожие программы, предлагающие разделить всю землю между пользователями, но и одинаковые взгляды на крестьянство как главную революционную силу. Одинаковой, по мнению Фигнер, у них была и тактика – политический терроризм. Однако, подчеркивая преемственность этих двух революционных организаций, она не могла не обратить внимание на разницу между ними, стоящую, по её мнению, в разном «типе» револю-

---

⁸⁸ К истории образования Всероссийского Общественного Комитета памяти П.А. Кропоткина. С. 12.

⁸⁹ Краткий обзор деятельности О-ва быв. политических каторжан сс.-поселенцев // Каторга и ссылка. Сб. 2, 1921. С. 96.

ционеров. Революционерами 1870-х двигало якобы чувство «жальности», «общий тон... был мягкий», а «строй мысли был мирный». И тактику терроризма они якобы избрали лишь тогда, когда оказались лишены иной альтернативы. Напротив, утверждала она, эсеры, вышедшие на сцену истории в XX в., на собственной шкуре ощутили и собственными глазами увидели многочисленные акты насилия, оскорбления человеческого достоинства и кровавой расправы над безоружными людьми. «Сазонов дважды отдал свою жизнь... Для того, чтобы отдавать себя так, как отдавал себя Сазонов, надо иметь, конечно, большое, очень большое сердце, быть может, на всём протяжении революционного движения – единичное сердце»⁹⁰.

Фигнер, таким образом, дала ясно понять, что она симпатизирует эсерам, считая их преемниками «Народной воли».

1921 год, наполненный для Фигнер разнообразной деятельностью, завершился выходом в декабре книги её мемуаров «Запечатленный труд» (Издательство С.П. Мельгунова «Задруга»). Когда в 1915 г. она вернулась в Россию, в качестве меры предосторожности она оставила за рубежом рукопись своих воспоминаний, которую писала, начиная с 1913 г. Шесть лет спустя, в 1921 г., эта рукопись осталась для неё недоступной. Однако восполнить пробелы в памяти ей помогли её старые показания, данные ею во время ареста в 1883 г., обнаруженные в открытых после Февральской революции архивах Департамента полиции. Эти материалы дали Фигнер возможность менее, чем за год, завершить своё жизнеописание от рождения до ареста. В предисловии к книге она объясняла свою спешку тем, что условия для публикации год от года становились всё хуже, и она решила поторопиться⁹¹. Это означало, что она опасалась, что большевистский режим может предать забвению её прошлое и прошлое её товарищей. Поэтому она так спешила опубликовать свою книгу в «Задруге», с которой тесно сотрудничала. Эта публикация могла служить выражением определённой политической позиции Фигнер.

Тем временем «Задруге» исполнилось десять лет, и 25 декабря было решено отметить годовщину. Историк и глава издательства

---

⁹⁰ Полный текст речи содержится в Полном собрании сочинений В. Фигнер. Т. V. С. 447–456. По поводу абзаца, содержащего мысль о преемственности между «Народной волей» и социалистами-революционерами, редакция дала следующий необычный комментарий: «Редакция считает мнение В.Н. Фигнер... ошибочным». – Там же. С. 449.

⁹¹ Фигнер Вера. Запечатленный труд. Ч. 1. – М., 1921. С. VII.

умеренный народный социалист С.П. Мельгунов произнёс речь о целях и задачах «Задруги». С докладами также выступили А.А. Кизеветтер и В.М. Кудрявцев⁹².

На следующий день из Полтавы пришла весть о кончине писателя Короленко, чья длительная болезнь стала одной из тем обсуждения на юбилее «Задруги». Короленко, до конца своих дней так и не понявший, почему был распущен Комитет помощи голодающим⁹³, умер почётным председателем Лиги помощи детям⁹⁴. Его смерть явилась ещё одним тяжёлым ударом для Фигнер. 10 января члены «Задруги» собрались на экстренное собрание, чтобы почтить память своего бывшего коллеги. Фигнер выступила на собрании с памятной речью, наряду с С. Мельгуновым, В. Мякотиним, Н.М. Мендельсоном и В.А. Розенбергом⁹⁵.

IV

В первую годовщину смерти Кропоткина, 8 февраля 1922 г. Комитет увековечения его памяти выпустил специальную газету, в которой Фигнер написала небольшую заметку о Петре Алексеевиче⁹⁶. Она также выступила на памятном митинге с речью, названной «Кропоткин и Короленко». В ней она подчеркнула, что смерть этих двух людей, «двух светочей» идеалов гуманизма и справедливости, стала невосполнимой потерей. «В наше время, – продолжала она, – когда, с одной стороны, мы несём все последствия мировой войны, приучившей к убийству и грабежу, и всевозможному насилию, а с другой, – все последствия братоубийственного междоусобия, с его кровавыми восстаниями, казнями и всевозможными репрессиями, – особенно чувствительна потеря таких людей, как Кропоткин и Короленко»⁹⁷. И далее: «Голоса

⁹² ЦГАЛИ. Ф. 1185. Оп.1. Ед. хр. 12. Л. 7.

⁹³ См. последнюю запись в его дневнике от 31 августа 1921 г. (В.Г. Короленко. Из дневников 1917–1921 гг. // Память. Вып. 2. – М., 1977; – Париж, 1979. С. 4–10.) и его письмо Горькому от 14 сентября 1921 г. (В.Г. Короленко и голод в послереволюционной России. С. 400–401).

⁹⁴ Богданович Т. Короленко В.Г. в последние годы жизни // Былое. № 19, 1922. С. 229.

⁹⁵ ЦГАЛИ. Ф. 1185. Оп.1. Ед. хр. 12. Л. 8.

⁹⁶ Фигнер Вера. П.А. Кропоткин. ПСС. Т. V. С. 457–458.

⁹⁷ Фигнер Вера. П.А. Кропоткин и В.Г. Короленко. Там же. С. 460.

Кропоткина и Короленко о необходимости морального обновления мы не слышали. Но когда мы чувствуем их память, собираемся и выслушиваем речи, восхваляющие их личность, жизнь и деятельность, то думаем ли мы, помним мы, что вместо похвал — наилучшим чувствованием этих двух светочей России должна являться пропаганда их гуманных идей правды, справедливости, общественной инициативы и самодеятельности как отдельной личности, так и масс»⁹⁸.

Как стало ясно позднее, слова Фигнер предвосхитили целую цепь событий, происшедших в тот год.

28 февраля газета «Правда» опубликовала на первой странице заявление ГПУ о том, что недавно полученные им документы о террористической деятельности партии эсеров во время гражданской войны подтверждают их причастность к совершению ряда преступлений против пролетарской революции. Заявление содержало предупреждение, что в скором времени члены Центрального Комитета эсеровской партии предстанут перед Верховным революционным судом⁹⁹.

Это заявление, без сомнения, стало большим ударом как для Фигнер, так и для Пешковой, и заставило их активизировать деятельность Политического Красного Креста. Известно, что в том же 1922 г., но ещё до суда над эсерами эта организация обратилась в Президиум ВЦИК с целью привлечь его внимание к постоянно ухудшающимся условиям содержания политических заключённых¹⁰⁰.

Вскоре должен был состояться суд над эсерами, имевший все шансы завершиться смертным приговором. В апреле и мае 1922 г. «дело» эсеров, привлекло внимание международного сообщества. II Интернационал выступил с предложением направить в Москву для защиты эсеров своих адвокатов. В ответ газета «Правда» опубликовала ряд статей о преступлениях эсеров. Особого внимания заслуживал номер от 21 мая, посвятивший почти целую страницу 35-ой годовщине казни Александра Ульянова, старшего брата Ленина, и четырёх его товарищей, совершивших 1 марта 1887 г. попытку убить царя Александра III¹⁰¹. Среди авторов памятных статей была старшая сестра Ленина Анна Ульянова-Елизарова, которая напонила слова из заявления Алексан-

---

⁹⁸ Там же. С. 461.

⁹⁹ Правда, 28 февраля 1922 г. С. 1.

¹⁰⁰ Мельгунов С.П. Красный террор в России. — New-York, 1979. С. 163.

¹⁰¹ К 35-летию со дня казни А.И. Ульянова // Правда, 21 мая 1922 г. С. 3.

дра Ульянова на суде о том, что терроризм есть единственная доступная для меньшинства форма защиты. Другой автор, один из участников покушения 1 марта 1887 г. и друг Фигнер – Новорусский, писал: «Он мелькнул, как метеор, на историческом небосклоне ещё за 18 лет до первой русской революции 1905 года и за 30 лет до нашей пролетарской революции. Тем больше обязанности на нас, случайно переживших его товарищах, помянуть его добрым словом в день этой насильственной смерти»¹⁰².

Когда Новорусский писал эти слова, он, безусловно, знал, что грядущий процесс над эсерами, скорее всего, завершится смертным приговором. Кроме того, за несколько дней до годовщины казни брата Ленин обратился к наркому юстиции с предложением расширить сферу применения смертной казни, распространив её на все виды деятельности меньшевиков, эсеров и пр., а также судебно обосновать и узаконить террор¹⁰³.

Суд над эсерами начался 8 июня в Доме союзов. На скамье подсудимых оказались 34 эсера, включая Абрама Гоца и девятирех членов Центрального Комитета партии. Интернациональную защиту на процессе представляли помимо российских адвокатов Эмиль Вандервельде и ещё четыре адвоката из-за рубежа. Среди участников защиты был и Н. Муравьев, член Исполнительного бюро Комитета памяти П.А. Кропоткина, близкий друг Фигнер. После городских демонстраций 20 июня с требованием смертной казни для осуждённых, Муравьев дал отвод председателю суда Пятакову и его коллегам и потребовал полной реорганизации процесса на том основании, что эти судьи, приветствовавшие демонстрантов и даже пригласившие некоторых из них выступить на суде, якобы были не способны беспристрастно вершить правосудие. Когда же его протест был отклонён, Муравьев воскликнул: «Горе стране, горе народу, который не уважает закон и который смеётся над теми, кто защищает этот закон!»¹⁰⁴. Получив замечание от председателя, Муравьев покинул здание суда и больше там не появился¹⁰⁵.

Несколько дней спустя, 30 июня 1922 г., Горький с Капри направил письмо Анатолию Франсу, в котором от лица осуждённых

¹⁰² Новорусский М. Александр Ильич Ульянов. Там же. С. 3.

¹⁰³ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 189, 190.

¹⁰⁴ Правда, 24 июня 1922 г. С. 3.

¹⁰⁵ Защитники чекистов. Правда, 28 июня 1922 г. С. 3. Более подробный анализ см.: Jansen Marc. A. Show Trial under Lenin: The Trial of the Socialism Revolutionaries. – The Hague, 1982. P. 72–75.

просил его о поддержке. По мнению Горького, процесс по делу социалистов-революционеров всё больше напоминал публичные приготовления к убийству людей, искренне служивших делу освобождения русского народа¹⁰⁶. Нетрудно предположить, что толчком к написанию этого письма послужили сведения, полученные Горьким от Пешковой, Фигнер и других.

В этой сгущающейся атмосфере 6 июля Фигнер исполнилось 70 лет. Чествование было решено провести не в Москве, а в Петрограде, в мемориальном Музее революции. Наряду с Новорусским и историком П.Е. Щеголевым приветственные речи произнесли оставшиеся в живых члены «Народной воли» – В.И. Йохельсон, А.П. Прибылева-Корба и В.С. Панкратов¹⁰⁷. Сама Фигнер, однако, не присутствовала на своём юбилее, возможно, из-за того, что с годами её отвращение к официальным мероприятиям стало ещё сильнее. Впрочем, столичные газеты также не почтили событие ни строчкой.

7 августа 15 из осуждённых по делу эсеров, включая Гоца, были приговорены к смертной казни. Однако на следующий день ВЦИК (возможно, под воздействием международного общественного мнения) объявил, что двоим осуждённым, раскаявшимся в своих преступлениях, расстрел заменён менее суровым наказанием, а в отношении остальных 13-ти смертный приговор вынесен с отсрочкой и не будет приведён в исполнение, пока эсеры будут воздерживаться от вооружённой борьбы¹⁰⁸. Иными словами, эти 13-ть стали заложниками.

В конце сентября вышел второй том воспоминаний Фигнер «Когда часы жизни остановились», описывающий её жизнь в Шлиссельбургской крепости. Как и первый, он был опубликован в издательстве «Задруга». И, как и первый, содержал не только воспоминания о «делах давно минувших дней», но и размышления о дне сегодняшнем. В предисловии Вера Фигнер писала, что даже если её книга не имеет практической пользы сегодня, завтра может наступить день, когда она понадобится. «Пишите, – говорила мне при встрече за границей великая трагическая артистка Элеонора Дузе, – пишите: вы должны писать, ваш опыт не должен пропасть. Так пусть же мой опыт из того времени, “когда часы жизни остановились”, не пропадёт для тех, кто будет жить в

---

¹⁰⁶ Фотокопию письма Горького см. в: Gorky: The Humanitarian. Russian Review, Vol. 27, № 3, July 1968. P. 353.

¹⁰⁷ Музей революции, Вера Николаевна Фигнер, 1852–1922. С. 3.

¹⁰⁸ Правда, 9 августа 1922 г. С. 1–2.

условиях непрерывного движения часовой стрелки, которая будет двигаться всё вперёд, вперёд, в направлении к истинному равенству и свободе – благу России и всего человечества»¹⁰⁹.

Эти слова Фигнер, в которых она выразила свои чувства того времени, оказались пророческими: свою роль её книге было суждено сыграть 15 лет спустя.

Журнал «Голос минувшего», издаваемый «Задругой», посвятил несколько страниц своего второго (октябрьского) выпуска 70-летию Веры Фигнер. Юбилейная публикация включала воспоминания самой Фигнер, очерки «Голоса друзей и врагов» Б. Федорова и «Женщины Шлиссельбурга» Новорусского. Предваряющее подборку редакционное предисловие констатировало: «С опозданием редакция “Голоса минувшего” приветствует великого борца за дело освобождения русского народа. Мы гордимся тем, что среди своих сотрудников числим Веру Николаевну, воспоминания которой уже не раз украшали страницы нашего журнала». «По независящим от нас обстоятельствам нам так скромно приходится отозваться на знаменательную дату и так мало сказать из того, что мы хотели бы сказать в день рождения Веры Николаевны»¹¹⁰.

«Обстоятельства» эти подразумевали факт высылки за границу ряда сотрудников «Задруги» (в том числе Мельгунова), наряду с Прокоповичем, Кусковой и другими. Тогда из Москвы, Петрограда и Киева было депортировано 160 человек¹¹¹. Это означало конец издательской деятельности «Задруги», хотя в следующем году и вышел ещё один – последний – номер журнала «Голос минувшего». Для Фигнер же это означало, что она лишилась своего издания.

После процесса над эсерами Фигнер и Пешкова решили реорганизовать Политический Красный Крест в Общество помощи политическим заключённым Екатерины Пешковой. Возможно, это было вызвано скрытым и явным давлением со стороны властей. Сохранился финансовый отчет Общества, посланный Фигнер Пешковой 15 декабря 1922 г.¹¹² Судя по датам, реорганизация

¹⁰⁹ Фигнер Вера. Запечатлённый труд. Т. II: Когда часы жизни остановились. – М., 1922. (Цит. по: 2-е изд. – М., 1923. С. 4–5).

¹¹⁰ Голос минувшего. 1922. № 2. С. 147.

¹¹¹ Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции 1921–1924 гг. – Л., 1978. С. 119–120; «Голос минувшего» на чужой стороне. 1926. № 1 (XIV). С. 5.

¹¹² ЦГАЛИ. Ф. 1185. Оп.1. Ед. хр. 9. Л. 86.

имела место незадолго до даты финансового отчета. Поступления составили 751.267 рублей, из них 740.767 рублей были переведены со счёта бывшего Политического Красного Креста и 10.500 рублей были получены за счёт пожертвований.

О составе участников нового общества можно судить по подписям под юбилейным поздравлением, направленным Обществом Вере Николаевне Фигнер по поводу её 80-летия в 1932 г. Из 14 подписей одна неразборчива, а остальные поставили: Екатерина Пешкова, М. Винавер, В. Шах, М. Водовозова, Л. Куприянова, М. Шебалина, М. Малянтович, Ш. Прозоров, Н. Куприянова, Е. Гедеоновская, В. Перес, М. Селюк и Е. Королёва¹¹³.

В. Шах и Л. Куприянова сотрудничали с Фигнер ещё с начала 1917 г., когда она организовала Общество помощи освобождённым политическим заключённым. Сестры Куприяновы, Лидия и Наталья, были её кузинами, т. е. дочерьми младшего брата её матери.

В списке фигурировали также жёны Шебалина и Гедеоновского, Мария Осиповна¹¹⁴ и Екатерина Михайловна¹¹⁵, вступившие в партию эсеров после ликвидации «Народной воли». М. Малянтович, член меньшевистской партии, была женой В.Н. Малянтовича, который, как и Муравьев, ещё при царизме заслужил репутацию талантливого адвоката по политическим делам. Кроме того, В.Н. Малянтович был братом министра Временного правительства П.Н. Малянтовича¹¹⁶. М. Селюк была, по видимому, той Марией Селюк, которая вместе с Азефом ездил за границу к Гершуни, чтобы согласовать последние детали формирования партии социалистов-революционеров в 1901 г., и во-

¹¹³ Там же. Ед. хр. 117. Л. 24. Этот документ был впоследствии опубликован Я.В. Леонтьевым и К.К. Юрьевым в сборнике «Звенья». Т. 2. С. 438. Из подписей-автографов Леонтьев ошибочно привёл В. Ман вместо В. Шах, П.Н. Малянтович вместо М. Малянтович и Ив. Прозоровский вместо Ш. Прозоров.

¹¹⁴ В девичестве – Валешук-Лебедева. *Шебалин М.П.* Ключки воспоминаний. – М., 1935. С. 392.

¹¹⁵ В девичестве – Баженова, она родилась в 1871 г. *Широкова В.В.* Партия «Народного права». – Саратов, 1972. С. 57, 182–183.

¹¹⁶ *Валентинов (Вольский) Н.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. – Stanford, 1971. С. 255. По мнению Минина, П.Н. Малянтович участвовал в деятельности организации Пешковой (*Минин Дм.* Указ. соч. С. 523), однако это сомнительно, так как бывший член Временного правительства, Малянтович, был очевидно неподходящей фигурой для общественной деятельности при Советском режиме.

шла в состав её Центрального комитета¹¹⁷. Всё это, а в особенности факт участия в Обществе двух кузин Фигнер, говорило о её тесных связях с Обществом Е. Пешковой.

Продолжала она поддерживать отношения и с товарищами по шлиссельбургскому заключению. Тем временем чета Фроленко и бывший член боевой организации «Народной воли» М.Ю. Ашенбреннер переехали в Москву и обосновались в санатории для революционеров-ветеранов. В феврале того же года в Москву переехали Шебалины. Фигнер намеревалась устроить Шебалина на пост заведующего музеем Кропоткина. Она написала ещё одному старому другу, Дмитрию Суровцеву, в Тотьму, пригласив его приехать в Москву и присоединиться к «Фроленкам» и Ашенбреннеру. «Если твоя поездка не может произойти из-за неимения шубы, – писала она в письме, датированном 7 ноября, – то можно бы это устроить и достать шубу из Вологды для переезда из Тотьмы до Вологды, где сдать её... У меня для тебя есть ещё 20 миллионов, и я думаю, на железн[ую] дорогу тебе хватит или ты напишешь, сколько нужно денег на всю поездку»¹¹⁸.

К тому времени всё большую роль в оказании помощи революционерам-ветеранам стало играть Общество бывших политзаключённых и ссыльнопоселенцев. Так, на 1 декабря 1922 г. Общество насчитывало 272 члена, из них – 22 ветерана революционного движения 1860–1880-х гг., такие, как М.П. Сажин, члены Исполкома «Народной воли» Н.А. Морозов, М.Ф. Фроленко, А.Я. Якимова, активисты 80-х Шебалин, М.В. Брамсон и М. Брагинский¹¹⁹. 3 декабря Якимова, Сажин, Фроленко и Шебалин были избраны в совет попечителей Общества, а 8 декабря Шебалин и Якимова также вошли в Президиум. Теперь их долг был помогать

¹¹⁷ Мария Фроловна Селюк родилась в 1872 г. В 1905 г. она была арестована и в 1907 г. приговорена к трём годам заключения (Hoover Institution Archive, Okhrana Collection Box 201, Folder XVII-F5A). В 1909 г. она вошла в Центральный Комитет партии эсеров (*Спиридович А.И.* Партия социалистов-революционеров и её предшественники. 2-е изд. – Пг., 1918. С. 508). О её дальнейшей жизни и деятельности нет достоверных сведений, но если она действительно работала в обществе политзаключённых в 1932 г., то ей должно было быть в то время 60 лет.

¹¹⁸ ЦГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 829. Л. 4–4 об.

¹¹⁸ Там же. Ед. хр. 247. Л. 2.

¹¹⁹ Статистические данные о составе Общества бывших полит. каторжан и ссыльнопоселенцев // Каторга и ссылка, № 5, 1923. С. 265–267.

принадлежащим к большевикам президенту Общества И.А. Теодоровичу и вице-президенту В.А. Виленскому-Сибиряку¹²⁰.

Многие из ближайших друзей Фигнер в то время стали активными членами общества, однако сама она продолжала оставаться в стороне.

19 января 1923 г. Фигнер получила известие от Прасковьи Ивановской, родственницы Короленко из Полтавы, которая в своё время была членом «Народной воли», а позже – боевой организации эсеров. После Октябрьской революции она помогала Короленко создавать отделение Политического Красного Креста в Полтаве, а за несколько месяцев до смерти Короленко сменила его на посту руководителя этой организации. После смерти Короленко в 1922 г. организация подверглась репрессиям и в сентябре окончательно прекратила существование¹²¹. Письмо Ивановской было ответом на письмо Фигнер, в котором та выразила тревогу по поводу ситуации в Полтаве. «События, на меня обрушившиеся, – писала Ивановская, – так необъяснимо и внезапно, в большом объёме, подшибли изрядно моё здоровье, столько внесли горя и мучительного раздумья, что до сей поры ещё никак не могу оправиться»¹²².

«При обыске у меня забрано много писем, книг и др[угих] вещей и между прочим мой паспорт. Собрались взять подписку невыезда, да я отказалась. После было намерение подвергнуть домаш[нему] аресту, но осуществление как-то не состоялось. Передавалось намерение судить и тоже стухло»¹²³.

Возможно, Фигнер посоветовала Ивановской перебраться в Москву и поработать в Обществе помощи политическим заключённым. Однако Ивановская отклонила приглашение, сославшись на то, что там «большая организация, работа трудная», а она уже стара и немощна, так что от неё будет больше хлопот, чем помощи¹²⁴. «Я живу независимо от кого бы то ни было... Пенсии я не приняла и не приму и не собираюсь на этот предмет изменить своё мнение и отношение»¹²⁵.

---

¹²⁰ Из деятельности Общества бывших полит. каторжан и ссыльнопоселенцев. Там же. С. 272–273.

¹²¹ Память. Вып. 2. С. 416; Вып. 3. С. 537.

¹²² ЦГАЛИ. Ф. 1185. Оп.1. Ед. хр. 441. Л. 1 об.

¹²³ Там же. Л. 3.

¹²⁴ Там же. Л. 2.

¹²⁵ Там же. Л. 2 об.

Таким образом, жизненная позиция Ивановской была близка к позиции Фигнер. Она тоже хотела жить независимо от Советского государства и отказалась от пенсии. Только в отличие от Ивановской, которая жаловалась на своё одиночество и изоляцию в Полтаве¹²⁶, Фигнер имела возможность общаться со старыми друзьями и эту возможность она очень высоко ценила. Возможно, поэтому, продолжая воздерживаться от вступления в Общество бывших политзаключённых и ссыльнопоселенцев, она всё-таки начала принимать участие в его деятельности.

12 марта 1923 г., в шестую годовщину Февральской революции, Общество организовало митинг, посвящённый освобождению узников царских застенков. Митинг собрал почти 400 участников, в том числе несколько революционеров-ветеранов. Там были не только Шебалин и Якимова, но и Ашенбреннер, Вера Фигнер, её младшая сестра Евгения Фигнер, бывшие эсеры М.М. Чернавский, А.Ю. Фейт и Терешкович.

Сажин, муж Евгении Фигнер и старейший из присутствовавших ветеранов, объявил митинг открытым. Председательствующим на митинге был президент Общества И.А. Теодорович, который поручил вице-президенту В.Д. Виленскому-Сибиряку выступить с основным докладом. Виленский-Сибиряк начал свою речь, изобразив в розовых тонах деятельность Общества и особенно его роль в организации пенсий для ветеранов революционного движения. Он подчеркнул, что «Общество, безусловно, заслужило доверие к себе, объясняемое, в свою очередь, глубоко лояльным отношением Общества к Советской власти». Затем, он сообщил, что внутри Общества наметился план организации международного революционного Красного Креста с целью оказания помощи «узникам капитала» за рубежом.

Затем слово было предоставлено представителю революционеров-ветеранов, которым оказалась Вера Фигнер. К сожалению, её выступление не сохранилось, осталась лишь краткая запись, свидетельствующая о том, что «несколько приветственных слов сказала В.Н. Фигнер».

Речи марксистов Рязанова и Ю.М. Стеклова, выступивших после Фигнер, содержали откровенную критику в её адрес. Они подчеркнули, что Февральская революция имела значение лишь «как преддверье Октября», и высказали пожелание, чтобы «те из “стариков”, которые склонны порой побрюзжать по поводу со-

---

¹²⁶ Там же. Л. 1.

временности, прочувствовали бы революционный момент и приложили бы свой многолетний революционный опыт и авторитет к укреплению современного строя, завоеванного той революцией, для которой они так много работали».

Следующим выступил экс-министр советского правительства Баварии, павшего под ударами контрреволюции. Он выразил поддержку идеи помощи «узникам капитала».

Последней точкой стала приветственная телеграмма зарубежным товарищам, отправленная от имени собравшихся на митинге и подписанная тремя руководителями Общества.

«Мы – русские революционеры, – гласила телеграмма, – и во времена “Земли и воли”, и “Народной воли”, и в реакции 1880-х годов, и в эпоху подъема революционного движения в начале 1900-х годов всегда чувствовали тесную духовную связь с международным революционным движением. Ваши успехи – наши успехи... И теперь, празднуя 6-летнюю годовщину своего освобождения, мы выражаем уверенность, что близко время, когда под напором революционного пролетариата распахнутся двери тюрем и казематов, в которых буржуазия держит своих классовых врагов»¹²⁷.

Представленный в телеграмме взгляд на русскую революционную историю, как якобы имеющую значение только в связи с современной ситуацией в других странах, был далёк от взгляда Веры Фигнер. Невзгоды и лишения тюремной жизни, которые она и её товарищи испытали много лет назад, оставались частью окружающей действительности России. И закрыть глаза на этот факт она не могла, несмотря на постепенное привыкание к реалиям Советского государства.

---

¹²⁷ Празднование 6-й годовщины освобождения из тюрем // Каторга и ссылка, № 6, – М., 1923. С. 325.

1985

Представления о России в Японии: учитель, враг, собрат по страданиям*

В последние годы представления японцев о России, а точнее, о Советском Союзе заметно ухудшились. Это крайне нежелательное явление вызвано рядом причин, которые требуют специального анализа с разных точек зрения. В этой работе я, как японский историк, хочу обратиться к нашей истории, посмотреть, как японцы думали о России, а также указать на некоторые недостатки современных представлений японцев о России.

С течением времени эти представления менялись и никогда не были однородными. Если мы, прибегая к некоторому упрощению, решимся классифицировать указанные представления, то окажется, что их можно отнести к трём основным типам: Россия – учитель, Россия – враг, Россия – собрат по страданиям.

Из этих трёх типов последний возник, главным образом, благодаря знакомству японцев с русской классической литературой. Интеллигенция Японии – страны, поздно приобщившейся к современному миру, восприняли страдания и заботы русской интеллигенции как свои собственные. Они отождествляли себя с теми героями русской классической литературы, которые стремились к самоутверждению среди беспрестанно набегавших волн европеизации, к моральному единению с угнетёнными людьми труда. Вполне можно сказать, что японское восприятие русской

---

* Данный доклад впервые был представлен на VI симпозиуме советско-японских историков, состоявшемся в Ленинграде 17–19 ноября 1983 г. Опубликовано в японском сборнике «Россия то Нихон» (Россия и Япония). Под ред. А. Фудзивара. – Токио, 1985. На русском языке в: Россия и Япония в трудах советских и японских историков. – М., 1984 – с цензурными купюрами, сделанными ответственным редактором сборника И.А. Латышевым. Печатается по тексту этого издания с восстановлением всех купюр и незначительными исправлениями в соответствии с японским оригиналом. Редакция текста и перевод купюр – В.Э. Молодяков.

литературы было совершенно отлично от европейского и американского. Японцы вынесли из русской классики, книг Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, представление о России как о собрате по страданиям. Отметив этот феномен, я хотел бы сосредоточить внимание на первых, указанных выше, типичных представлениях японцев о вашей стране.

Россия как учитель

В Японии, как и во всех других странах, масса радикалов, считающих Россию своим учителем, появилась после русской революции 1917 г.¹ Однако ещё раньше участники «дзю минкэн ундо» (движение за свободу и народные права) в 70–80-х гг. XIX в. испытывали воздействие русских народников. Они заимствовали у народников новые методы борьбы, что способствовало радикализации движения². В начале XX в. основоположники японского социализма во главе с Котоку Сюсуй, находившиеся под непосредственным влиянием русской революции 1905 г., учились у русских народников 70-х гг. XIX в. и у социалистов-революционеров³. В этом смысле мы можем сказать, что революционная Россия всегда была учителем японских революционеров. Это обстоятельство не имело значения для большинства японского населения, т. е. для среднего японца.

Но есть и другой аспект образа России как учителя. Японские интеллектуалы позднетокугавского периода руководствовались примером Петра Великого, разрабатывая проекты реформ в Японии. Это обстоятельство ныне почти полностью забыто японцами⁴.

---

¹ Этот вопрос обсуждался на первом симпозиуме японских и советских историков. См.: Какумэй Росиа то Нихон. (Революционная Россия и Япония). – Токио, 1975.

² Вада Харуки. Дзю минкэн ундо то народоники. («Движение за свободу и народные права» и народники). Рэкиси корон. Т. 2, № 1 (январь 1976).

³ Асукаи Масамити. Киндай бунка то сякайсюги. (Современная культура и социализм). – Токио, 1970; Вада Харуки. Никорай Рассэру. Кокукё о коэру народоники (Николай Руссель-Судзиловский: народник, переходивший много границ). Т. 1. – Токио, 1973.

⁴ Единственное исключение: Синобу Сэйдзабуро. Сёдзан то Сёин. Кайкоку то дзёи-но ронри. (Сакума Сёдзан и Ёсида Сёин. Логика «открытия страны» и «изгнания варваров»). – Токио, 1975.

Не кто иной, как директор голландской фактории в Нагасаки капитан Фейт, вручил в 1771 г. японскому правительству известное письмо политического авантюриста М. Бенёвского, в котором впервые пропагандировалась идея так называемой «русской угрозы» Японии. Спустя семь лет Фейт передал японскому переводчику Иосио Косаку голландскую книгу о России «Прошлое и нынешнее состояние Русской или Московской империи, включая подробную историю России и других великих княжеств» (Утрехт, 1744)⁵. Эта книга стала известной под названием «Бэширэкэи-хунг».

Иосио немедленно перевёл главы этой книги, посвящённые истории России. Рукопись перевода утеряна, однако Кудо Хэйсукэ использовал её при написании труда «Ака эдзо фусэцу ко» (Размышления о краснощёких эдзо) в 1788 г. Упомянутая же голландская книга была впоследствии продана Кутики Нобуцуна, князю Фукутияма. Последний сам был учёным и передал голландское издание Маэно Рётаку, *рангакуся*⁶ из Эдо. В 1793 г. Маэно вновь перевёл главы книги, повествующие о русской истории, назвав свой труд «Росия хонги ряку» (Сокращённая история России)⁷. Несколько копий работы Маэно были распространены среди японских интеллектуалов.

В рукописи Маэно рассказывается о деятельности российских государей от Рюрика до Елизаветы Петровны. Наиболее важное место уделялось описанию жизни и деяний Петра Алексеевича (Петра Великого). Маэно повествует, как Пётр I дважды посетил Голландию, Англию, Францию «для изучения политической, юридической систем, нравов и культуры этих стран, их искусства и техники и для приглашения учёных и инженеров в Россию». Умный и блистательный император создавал совершенно новую политическую систему, стимулировал развитие промышленности и науки, строил военные суда и преуспел в расширении территории державы.

---

⁵ *Одзава Эйити*. Киндай Нихон сигакуси-но кэнкю. (Историографические исследования в современной Японии). – Токио, 1966. С. 142–143. Полное название книги: *Oude en nieuwe staat van't Russische of Moskovische Keizerryk, behelzende eene uitvoerige historie van Rusland en deszelfs grootvorsten...* – Utrecht, 1744.

⁶ Рангакуся (букв. «голландоведы») – японские учёные XVII – первой половины XIX вв., изучавшие европейские науки преимущественно по голландским источникам (*прим. переводчика*).

⁷ Государственный архив Японии.

Среди *рангакуся* была хорошо известна ещё одна западноевропейская книга, в японском переводе она называлась «Дззогарахи» (транскрипция слова *geography*). Эта книга – голландский перевод книги немецкого учёного Йохана Гюбнера⁸. В книге описывалась Россия, в кратком очерке характеризовалась и деятельность Петра I. Этот очерк был переведён *рангакуся* Кацурагава Хосю, врачом на службе у токугавского правительства, который написал в 1794 г. книгу «Хокуса бунряку» (Краткие вести о скитаниях в северных водах). То был доклад о допросах Дайкокуя Кодая, известного моряка, который в результате кораблекрушения попал в Россию, провёл там два года, а затем был доставлен на родину русским судном. В главе 4 «Хокуса бунряку» Кацурагава на основе материалов «Дззогарахи» писал о Петре I и о России следующее: «В старые времена жители этой страны были очень дикими и свирепыми, почиталось у них только мужество, знаниями же истины обладали весьма немногие. Но лет сто с лишним тому назад царём стал человек по имени Пётр Алексеевич. Он отличался добродетелью и очень обширными знаниями, был выдающимся воином и героем. Пётр объездил обширные земли, проложил много водных путей, развил связи с другими странами и, увеличив выгодную торговлю, приумножил богатство собственной страны. Кроме того, он пригласил известных учёных-наставников из других стран, открыл в различных местах школы, стал обучать в них людей своей страны наукам: от арифметики и азбуки до вершин всех видов искусств и техники. Выбрав самых способных и искусных в каждой области наук, он указывал им путь, которым они должны идти, помогал им просвещаться и дальше. Пётр добился изменения всех дурных старых обычаев и привычек, даже нравов, языка и одежды, и изо дня в день улучшал управление страной»⁹.

В главе 5 Кацурагава записывает со слов Дайкокуя Кодая: «Что касается российской генеалогии, то Пётр I был “тюко но сю” (предком, принёсшим силу и процветание стране). Он был 7 сяку 2 сун (2 м 16 см) ростом, стал для всех образцом: обладая проницательным умом, он ввёл новые законы и произвёл рефор-

---

⁸ *Одзава Эйити*. Указ. соч. С. 146. Полное название оригинала: *Hübner Johann. Kürze Fragen aus der alten und neuen Geographie*. 1 Aufl. 1693; 2 Aufl. 1745; голландский перевод: *Volkomen geographie, of beshryving des geheelen aardryks*. – Amsterdam, 1756.

⁹ *Кацурагава Хосю*. Хокуса бунряку, 1794. Русский перевод: Краткие вести о скитаниях в северных водах. – М., 1978. С. 99.

мы всего, что было принято исстари, вплоть до обычаев, одежды, этикета и языка. После этого в стране установился порядок, и многие из ближайших государств изъявили ему покорность. Так постепенно земли России расширялись, страна богатела, народ благоденствовал. Население так признательно этому царю за благодеяния, что до сих пор почитает его будто основателя государства; о том, что было до него, особенно не рассказывают, да и мало кто толком знает об этом. Кодаю, когда был в России, пытался расспрашивать, что было до Петра, но так ничего и не смог узнать»¹⁰.

Другой учёный, Ямамура Сайсукэ, в 1803 г. написал труд «Тэйсэй зояку Сайран Игэн» (Дополнение и расширенное издание «Записок о Западных делах»)¹¹. Он был создан на основе голландского перевода книги И. Гюбнера, известной в Японии под названием «Коуранто торуко». Описание достижений Петра I в этом труде сходно с тем, что содержится в главе 4 книги Кацурагава¹².

Вскоре после 1804 г., т. е. после того, как вторая русская миссия во главе с Н.П. Резановым побывала в Нагасаки с целью установления дипломатических и торговых отношений, обеспокоенное токугавское правительство приказало Ямамура перевести все доступные голландские материалы о России. Он в 1805–1806 гг. сделал третий перевод книги «Бэширэкэихунг», сначала издал сокращённый перевод, названный «Росия кокуси сэйки» (История России. Краткий курс), а позднее издал и полный перевод – «Росия кокуси» (История России). Интересно, что Ямамура полностью посвятил описанию Петра второй том «Росия кокуси сэйки», назвав этот том «Росия коку туюко но сю Петеру Гурооте итидай рякуки» (Краткая биография Петра Великого, императора, давшего силу и процветание России)¹³. Это ясно показало возрастающий среди японских учёных интерес к Петру Великому.

Первым из европейцев указал на важность примера Петра I для японцев русский. Это был капитан шлюпа «Диана» В.М. Головин. Японцы, возмущённые нападением экспедиции Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова на японские поселения на Сахалине и Курилах, в 1811 г. захватили Головина в плен на острове Кунашир.

¹⁰ Там же. С. 135.

¹¹ Государственная парламентская библиотека Японии.

¹² *Одзава Эйити*. Указ. соч. С. 123–124, 127. Полное название книги: *De staatsen Koeranten-tolk of woorden boek der geleerden en engeleerden*. – Leyden, 1732.

¹³ Государственный архив Японии.

Вернувшись из Японии в Россию, он в 1816 г. написал книгу «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг.». Он высоко оценивал национальные качества японцев: «Чего следует ожидать нам, если этот многочисленный, изобретательный и трудолюбивый народ, способный на очень многое и стремящийся копировать всё заграничное, когда-либо обретёт такого правителя, как Пётр: со средствами и богатствами, которыми располагает Япония, он сможет за несколько лет стать властелином Восточного океана»¹⁴.

Голландское издание книги Головнина было доставлено в Японию и переведено японскими учёными Баба Гэйю, Сугита Риккэй и Аоти Ринсо в 1825 г.¹⁵ Поскольку на голландском языке были изданы только первый и второй тома русского оригинала, предсказание Головнина в третьем томе не стало тогда известно японцам. Но независимо от русского автора японские интеллектуалы позднетокугавского периода сами пришли к выводу о том, что достижения Петра I – это идеал для японцев.

Видный представитель просвещенной, прогрессивной интеллигенции позднетокугавского периода Ватанабэ Кадзан был известен как решительный противник обскурантизма и консерватизма. В 1839 г. по заказу просвещенного чиновника токугавского правительства Эгава Хидэтацу Ватанабэ написал книги «Сэйё дзидзёсё» (Доклад о делах западных государств) и «Гайкоку дзидзёсё» (Положение в зарубежных государствах). Во второй книге Ватанабэ писал: «Россия – это страна, расположенная на крайнем Севере. Великий император по имени Пётр занял трон и подчинил территории – от части Швеции на западе до Сибири, до границы Эзо на востоке. Он построил дороги в этих областях, создал (почтовые) станции, вырыл большие каналы, послал корабли в моря, изобрёл новые производства, поощрял торговлю, возделывал леса, построил новую столицу, открыл школы и просвещал народ. Он пригласил из-за границы 201.357 учителей, учёных, специалистов, дал им русское подданство и заставил их учить русских людей гражданским и военным ремёслам. Он создал офицерский корпус и выиграл десятки важных битв. Россия стала мировой державой только в его правление. Пётр умер в 1725 г.»¹⁶.

---

¹⁴ Memoirs of a Captivity in Japan during the Years 1811, 1812 and 1813 by Captain Golownin. 2nd ed. Vol. III. – London, 1824. P. 32–33.

¹⁵ Сояку Нихон кидзи. (Анналы Японии). Т. 1–16. 1825.

¹⁶ Нихон сисо тайкэй. (Японская идеология). Т. 55. – Токио, 1971. С. 20.

Ватанабэ писал, что во всех европейских странах в той или иной степени предпринимаются усилия для улучшения системы правления, он критиковал правительство Токугава, заявляя, что «невозможно прожить и дня с таким грубым и примитивным образом правления, как в Китае»¹⁷. Хотя в его книге политическая альтернатива токугавскому режиму не характеризовалась сколько-нибудь чётко, по-видимому, идеалом для Японии он считал путь Петра I. В 1841 г. Ватанабэ под давлением консервативных сил был вынужден совершить самоубийство.

Другой видный представитель японской интеллигенции Сакума Сёдзан более определённо высказался в пользу пути, проложенного Петром I. 24 ноября 1839 г. Сакума Сёдзан представил своему князю Мацусиро предложения по укреплению обороны морских берегов. Он писал: «Когда русский император Пётр попытался впервые в истории своей страны построить военные корабли, нужного, подходящего леса было мало и специалисты были плохие, поэтому строительство каждого судна стоило огромных денег. Так что, если мы намерены строить много кораблей в большой спешке, понадобится очень много денег, и возможно, не удастся закончить работу в желательный срок. Я считаю, что нам лучше купить у голландцев по крайней мере двадцать судов»¹⁸. О подготовке морских офицеров и моряков Сакума писал: «Русский император Пётр, осуждая отсутствие больших судов и жалкое состояние мореплавания, нанял талантливых людей из Голландии и заставил своих подданных учиться у них. Благодаря этому мореплавание постепенно развивалось в России, и наконец эта страна стала достойным государством Европы»¹⁹.

Не сводя свершения Петра I к созданию только флота, Сакума считал, что Япония могла и должна была последовать примеру Петра Великого. «До Петра Россия была такой незаметной и бедной страной Европы, что другие страны колебались, стоит ли завязывать с ней дружественные отношения, – писал Сакума. – Но когда появился великий император и увлёк за собой народ, Россия стала державой, никогда не попадавшей под власть других государств. Мы можем сделать больше, так как наш народ на редкость мудр. Хотя по обширности территории Китай и Россия

---

¹⁷ Там же. С. 47.

¹⁸ Там же. С. 271.

¹⁹ Там же. С. 278.

превосходят Японию, по богатству и мудрости народа японцы превосходят всех остальных»²⁰.

Поэтому японцы могут следовать примеру Петра Великого. В этом выводе Сакума целиком согласился с Ватанабэ. Позднее Сакума вернулся в Эдо, где занимался в частной школе Эгава Хидэтацу, потом самостоятельно учился голландскому языку. В 1850 г. он сам открыл частную школу, где преподавал основы баллистики, принципы действия современной артиллерии. В школе Сакума учились будущий адмирал Кацу Кайсю и Ёсида Сёин, радикальный мыслитель, настроенный против токугавского режима. В 1854–1855 гг. Япония наконец установила дипломатические отношения с США, Англией, Россией и стала открытой страной. Сакума, беспокоившийся о судьбе консервативного токугавского правительства, предложил план реформ для объединения сил *тэнно* и Токугава. 26 января 1858 г. он писал Янагава Сэйган, политическому деятелю из Киото: «Я надеюсь, что правительство резко изменит свой прежний консервативный курс и сделает всё, как сделал Пётр в России. Выбрать побольше людей, послать их за границу, заставить их изучать искусства и технику, развитую лучше, чем у нас, собирать информацию. Пригласить много иностранных учёных, непредубеждённо отнестись к ним, сделать их нашими учителями в областях, неизвестных Японии, и развить науки. Перестроить города, запретить безделье, смягчить ограничения, развивать механику, основать фабрики, строить больше больших кораблей, восстановить морскую торговлю и обмениваться дипломатическими чиновниками. Желательно в течение многих лет продолжать осмотрительную политику, чтобы таможенные доходы увеличивались и сила страны с помощью вышеуказанных методов превзошла силу Англии, Франции и Америки»²¹. Сакума склонялся даже к мнению, что возможно проводить такую политику только властью *тэнно*: «Я искренне надеюсь, что политика коренного обновления (*кайтэн но гоиссакү*) будет принята и осуществлена на практике как можно скорее»²². Фраза из цитируемого письма – «делай всё, как делал Пётр» – показывает, какое значение придавал примеру Петра I Сакума Сёдзан.

В 1858 г. уже началась эпоха «великих реформ» в России. Банкротство империи, созданной Петром, крепостнического аб-

---

²⁰ Там же. С. 278.

²¹ Там же. С. 374.

²² Там же. С. 375.

солютизма стало очевидным в ходе Крымской войны. Однако и на этот раз царизм возглавил социальные преобразования без кардинальных изменений в системе власти. Поэтому «великая реформа» в России преуспела лишь наполовину. В Японии в 1864 г. Сакума Сёдзан был убит бандой реакционеров. Но в 1868 г. токугавский режим, который не смог последовать примеру Петра I, перестал существовать под нажимом революционных сил, и появилось новое Мэйдзийское правительство с императором (*тэнно*) во главе. После Мэйдзи революции развитие Японии, на наш взгляд, в общем пошло по пути преобразований, подобных петровским. Однако такая революционная замена старого новым не во всем соответствовала модели Петра I. Так что мы можем сказать, что японцы, учась у русских, добавили нечто новое и важное к принятому ими варианту. Недаром последователь модели Петра Великого Сакума Сёдзан одновременно был горячим поклонником Наполеона²³, которому он посвятил стихотворение. Ведь Наполеон был порождением Французской революции. Следование модели Петра I при одновременном поклонении Наполеону привело к уникальному явлению, названному «Мэйдзи исин». При всех обстоятельствах несомненно, что Россия в данном случае была учителем Японии.

Россия как враг

В сравнении с представлением о России как об учителе отношение к ней как к врагу, по моему, было распространено среди японцев больше и являлось более мотивированным для них. Хотя Япония в новейший период сражалась и с Китаем, и с США, тем не менее с Россией она воевала чаще, в общей сложности четыре раза: в 1904–1905 гг. в Маньчжурии, в 1918–1922 гг. в Сибири, на р. Халхин-Гол в 1939 г. (Номонханский инцидент) и снова в Маньчжурии в 1945 г. С начала эпохи Мэйдзи вплоть до 1945 г. японское правительство всегда рассматривало Россию как потенциального противника, даже тогда, когда войны между двумя странами не было. Под представлением о России как о враге

---

²³ См.: Сакума Сёдзан. Напорэон зо ни дайсу. (К портрету Наполеона). — Сёдзан дзэнсю. (Полное собрание сочинений Сакума Сёдзан). Т. 2. — Токио, 1934. С. 39–40.

скрывалось два значения, во-первых, предполагалось, что Россия угрожает независимости и территориальной целостности Японии и, во-вторых, что Россия препятствует экспансии Японии на Азиатском континенте. После русско-японской войны последнее обстоятельство превалировало. Более того, за исключением битв на Южном Сахалине и на Курильских островах во время последней, четвёртой по счёту, войны все боевые действия велись на русской территории или же в Корее, Маньчжурии и Монголии, на землях, захваченных у России в качестве военной добычи.

Сегодня ни одна нация не может оправдать территориальную экспансию, осуществляемую военным путем, – это агрессия. Согласно установившимся нормам современных международных отношений империализм, агрессия – это преступление. Однако ныне японцы предпочитают забывать, что Россия считалась врагом оттого, что мешала агрессии Японии в Азии. Помнят лишь, что «Россия угрожает территориальной целостности и независимости Японии». Большую роль в этом сыграло продолжавшееся более десяти лет увлечение японцами русско-японской войной.

Эта война всегда занимала значительное место в национальном самосознании японского народа. Генерал Ноги Марэсукэ и адмирал Того Хэйхатиро стали символами побед в битве за Порт-Артур и в Цусимском сражении, объектами поклонения. Подполковник Татибана, командовавший пехотным батальоном и погибший в битве при Ляояне, и морской офицер Хиросэ Такэо, убитый во время операции по блокированию подступов к Порт-Артуру, также были обожествлены. Их имена упоминаются в школьных учебниках, о них сложены песни. До 1945 г. воспоминания о русско-японской войне служили краеугольным камнем мифа о непобедимости императорских вооруженных сил.

После второй мировой войны герои русско-японской войны были преданы забвению в атмосфере критики японского милитаризма. Однако в конце 60-х гг., с появлением ряда литературных произведений, телепрограмм и кинофильмов, в Японии вновь возбуждается интерес к русско-японской войне, появляется некоторое воодушевление в связи с этим событием. Из исторических романов и биографий наибольшую популярность завоевали две биографии морских офицеров, написанные профессором Токийского университета Симада Киндзи – «Акияма Санэюки в Соединенных Штатах» (1969), рассказывающая о старшем офицере штаба адмирала Того, и «Хиросэ Такэо в России» (1970). К числу таких же произведений относятся: роман самого популярного в

Японии писателя Сиба Рётаро «Облако над холмом» (1969–1972) о довоенной и военной судьбе трёх друзей из одного города (двух братьев-военных и поэта); романы писателя Иосимура Акира «Историческая драма на море» (1972) о Цусимском сражении и «Флаг над Портсмутом. Комура Дзютаро – министр иностранных дел» (1979). Интерес у читателей вызвала и биография морского министра Японии начала XX в. Ямамото Гомбэй, написанная литературоведом Это Дзюн, – «Море воскрешает» (1976). По последней книге, а также по роману Иосимура «Флаг над Портсмутом» были созданы телевизионные фильмы (соответственно в 1979 и 1981 гг.). Интерес у зрителей вызвали фильмы Масуда Тосио «Высота 203» (1980) о битве за Порт-Артур и «Битва в Японском море» (1983) о Цусимском сражении.

Мотивы создания этих работ и их главные идеи столь различны, что трудно их объединить. Но все авторы едины в том, что русско-японская война была «войной в защиту родины», в которой японцы сражались против гораздо более сильного противника, проявляя мудрость и благородство, и достигали минимального успеха максимальными силами, отбрасывая наседавшие на них русские войска.

После знакомства с этими произведениями у читателей и зрителей создаётся впечатление, что русско-японская война была чуть ли не «прекрасной войной», спасшей нацию от серьёзной опасности и приведшей к единению государства и народа в отчаянной схватке с врагом. Безусловно, война является ужасным актом, и голоса, протестующие против неё, естественны и закономерны, но, когда военная опасность угрожает вашей собственной стране, необходимо исполнить свой долг, подавив личные чувства. Морской офицер Хиросэ Такэо, влюбившийся во время своей стажировки в России в Ариадну, дочь контр-адмирала Ковалевского, погиб при осаде Порт-Артура, продолжая питать к девушке нежные чувства. Суровый воин оказался настоящим человеком.

Сегодня никто не может идеализировать интервенцию в Сибири, войну Японии с Китаем или войну на Тихом океане. Но в отличие от них русско-японская война изображается как война справедливая и успешная. Поэтому и сегодня японцы воспринимают подобные описания русско-японской войны с чувством удовлетворения. Такова наша реальность.

Подобные взгляды на русско-японскую войну и связанные с ними представления о России как о враге основаны на том, что японцы, воодушевленные своими успехами в русско-японской

войне, совершенно безразличны к реакции русских на эту войну и не задумываются над тем, каково русское представление о Японии как о враге. В лучшем случае они думают, что угрожавшая им агрессивная Россия была должным образом наказана или что «отсталая Россия» была разгромлена «цивилизованной Японией», а потому русским не о чем жалеть – исход был справедливым.

После русско-японской войны среди японских детей была популярна песенка, в которой Россия называлась «варварской страной (Ябанкоку)». В Японии широко известно имя коменданта крепости Порт-Артур А.М. Стесселя, традиционно связанное с именем генерала М. Ноги. До второй мировой войны в младших классах школы разучивали песню о «вчерашних врагах-сегодняшних друзьях», в которой романтизировалась встреча двух генералов после сдачи крепости. А ведь известно, что, возвратившись в Россию, Стессель был предан военному суду как изменник и приговорён к расстрелу, но многие авторы склонны игнорировать этот факт. Сибя Рётаро первым заметил это, но написал просто, что один офицер из штаба Стесселя послал газетам Запада письмо, оправдывающее сдачу крепости, и оно спасло Стесселю жизнь, избавив его от смертной казни²⁴. Либеральные историки царского времени, и современные советские учёные едины во мнении, что Стессель капитулировал, имея возможность обороняться и дальше²⁵. Так и поражение в Цусимском сражении остаётся чёрной страницей в истории русского военного флота, хотя адмирал Рожественский не обвинялся в измене.

Поражение в войне с Японией подорвало престиж русского царизма и объективно способствовало революции 1905 г. Революционеры того времени в один голос положительно оценивали происходившее и призывали использовать момент, однако для русского народа факт военного поражения исключительно неприятен. Поэтому следующие слова из обращения Сталина 3 сентября 1945 г., непостижимые с точки зрения революционера и социалиста, вполне естественны для русского националиста: «Атаки Японии в районе Хасана и Халхин-Гола были ликвидиро-

---

²⁴ Сибя Рётаро. Сака ноуэно кумо. (Облако над холмом). Т. 4. – Токио, 1971. С. 264.

²⁵ Например: Анушкин В.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. – М., 1910. С. 161–162; Сорэн карамита Нитиро сэно. (Русско-японская война: взгляд из СССР). – Токио, 1980. С. 250–251 (перевод книги: История русско-японской войны 1904–1905 гг. – М., 1977).

ваны советскими войсками с большим позором для японцев. Равным образом была успешно ликвидирована японская военная интервенция 1918–1922 гг., и японские оккупанты были выброшены из районов нашего Дальнего Востока. Но поражение русских войск в 1904 г. в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжёлые воспоминания. Оно легло на нашу страну чёрным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил»²⁶.

Возможно, в этом заявлении есть и некоторые преувеличения, идущие от политических и дипломатических расчетов. Но в исторической памяти русского народа со времени поражения в русско-японской войне осталось чувство унижения, которое смешалось с гневом в связи с японской интервенцией в Сибири и постоянной угрозой со стороны Квантунской армии в Маньчжурии. Поэтому мы должны признать, что если капитуляция Японии в 1945 г. стёрла память о поражении России в 1905 г., то это не так плохо.

Сегодня есть немало японцев, испытывающих враждебность к России из-за того, что после войны шестистам тысячам японских солдат пришлось провести не один год в сибирском плену, а Южно-Курильские острова (принадлежавшие Японии со времени самого первого русско-японского договора 1855 г.) захвачены Советским Союзом. Но раз только после вступления СССР в войну с Японией императорское правительство решило принять условия Потсдамской декларации, можно понять, что всё это часть той жертвы, которую пришлось принести во имя превращения Японии в демократическое миролюбивое государство.

Казалось бы, советскому народу пора оставить мысль о том, что советско-японская война была сведением старых счетов за русско-японскую войну. Однако это не так. В 1971 г. советский историк Н.Н. Яковлев написал книгу «3 сентября 1945». В эпилоге этой книги он пишет, что «победители в Европе на Дальнем Востоке новыми ратными подвигами умножили славу русского оружия» и что, когда после победы над Японией первый отряд кораблей Тихоокеанского флота проходил мимо островов Цусима, команды всех кораблей были выстроены на верхней палубе и им был зачитан приказ, содержащий такие слова: «Сегодня, че-

---

²⁶ Правда, 9 апреля 1945.

рез сорок лет после памятного Цусимского боя, здесь идёт первое соединение советских военных кораблей. Мы идём Цусимским проливом после того, как Родине возвращены Южный Сахалин, острова Курильской гряды, после того как советский флаг гордо взвился над крепостью Порт-Артур. Наша могучая Родина, наша Красная Армия и Военно-морской Флот победили японских агрессоров, они смыли своей кровью чёрное пятно с наших отцов и братьев, погибших в цусимских пучинах»²⁷.

Этот приказ перефразирует выражения из обращения Сталина. Он позволяет понять настроение военных в сентябре 1945 г. Однако уместны ли такие цитаты в книге, выпущенной в 1971 г. издательством «Молодая гвардия» массовым тиражом для молодого читателя? Яковлев добавляет: «Великая страна восстановила свои исторические права на Дальнем Востоке», – но я полагаю, что это бесспорный пример узкого и непомерного национализма.

Японцам не следует продолжать радоваться былой победе в русско-японской войне. Ведь восторги в Японии по этому поводу будут в ответ вызывать у русских неизбежную реакцию. Надо помнить ещё и о том, что помимо русских и японцев в драму войны были вовлечены корейцы, принесённые в жертву обеими сторонами. Русско-японская война началась с боев в Корее. В декларации Японии об объявлении войны говорилось о том, что она воюет с Россией за Корею. «От судьбы Кореи зависит безопасность Японии. Но Россия продолжает занятие Маньчжурии и более усиливает его. Наконец она хочет аннексировать Маньчжурию. Если Маньчжурия попадёт в территорию России, не будет способа поддержать целостность территории Кореи и мир на Дальнем Востоке будет безнадежным». «Россия долго не принимала наших предложений. Теперь безопасность Кореи – в кризисе, и государственные интересы Империи – под угрозой посягательства».

Эта декларация сегодня совершенно забыта японцами. Первым, кто часто цитировал её, был Это Дзюн (книга «Море воскрешает»). Япония, начавшая войну ради «безопасности Кореи», не теряя времени, начала подготовку аннексии Кореи в ходе боевых действий и после войны полностью сделала это. В этом смысле императорский указ об объявлении войны несомненно лицемерен. Сиба Рётаро в своём романе хоть и не упоминает его, но так говорит об отношении Японии к Корее: «В XIX и начале

---

²⁷ Цит. по: Яковлев Н.Н. 3 сентября 1945. – М., 1971. С. 173.

XX вв. для каждой страны, каждого уголка мира было только два пути – либо стать чьей-нибудь колонией, либо войти в клуб империалистических держав, располагающих современной промышленностью и вооружёнными силами... Поскольку Япония после “Мэйдзи исин” избрала путь независимости, она была обязана сохранить эту независимость даже ценой принесения в жертву другой нации (корейской). На той исторической стадии Япония должна была претендовать на получение Кореи. Если бы Япония отказалась от Кореи, то не только Корея, но и сама Япония могла бы быть поглощена Россией»²⁸.

Возможно, большинство японцев думало в то время именно так. Но если мы сегодня оценим подобную позицию, то увидим, что это логика империализма. У корейцев есть основания для критики подобной логики. Конечно, аналогичные действия России также должны быть подвергнуты корейцами критике как империалистические. В этом случае и Япония, и Россия выступали как враги Кореи.

В 1945 г. с разгромом японского империализма Корея была освобождена. Однако участие СССР в войне на Тихом океане повлекло за собой расчленение территории освобождённой Кореи. Именно это открыло дорогу к сегодняшней проблеме разделённой Кореи. Надо сказать, что по сравнению с трагедией корейцев, участь японцев, которые лишились только некоторых территорий, не столь плачевна.

Образ «Россия как враг», начиная с русско-японской войны, должен быть подвергнут критическому пересмотру. Я полагаю, что это неизбежно.

Заключение

После того как выше я кратко охарактеризовал представления о России в Японии, мне хочется сказать: было время, когда образ России-учителя оказал некоторое влияние на судьбу японской нации. Об этом стоит вспомнить с благодарностью. Представление же о России как о враге, обусловленное воспоминаниями о русско-японской войне, следует подвергнуть критике.

---

²⁸ *Суба Рётаро*. Указ. соч. Т. 2. – Токио, 1969. С. 257–258.

Формированию у японцев иного образа России, на мой взгляд, может способствовать унаследованное от прошлого представление о ней как о «собрате по страданиям». Ведь в современном мире обе наши страны подвержены общим угрозам, нависшим над человечеством. Исходя из этого представления о России, мы должны создать её новый образ: «Россия – сосед».

После инцидентов с нападением на японцев Хвостова и Давыдова и с пленением Головнина, во имя преодоления трудностей в российско-японских отношениях русский морской офицер Пётр Рикорд и японский купец Такадая Кахэй пытались разрешить конфликты двух стран на основе взаимного доверия и уважения, подходя к ситуации с точки зрения соседей. После «Облака над холмом» Сиба Рётаро написал о Такадае Кахэй роман «На но Хана но Оки» («Жёлтые цветы на море»), который печатался в газетах в 1979–1982 гг. Эти шаги писателя внушают нам надежду.

1986

Распутин, царь и царица. Читая роман Валентина Пикуля*

В последней Думе имперской России депутат-меньшевик М.Е. Скобелев высказал знаменитые слова: «Распутиновщина в России – явление закономерное, а должность эта штатная»¹. Правда, в царствовании Николая II такие люди, как француз «сверхчеловек» Филипп и его ученик Папюс, калужский юродивый Митька Коляба стали объектами обожания со стороны царя и царицы, которые часто неразумно опирались на советы этих людей. Но Распутин отличается от каких-либо советников, «друзей» до его самого. Его влияние на царя и царицу было решительно огромным.

Английский историк Бернард Пэаз написал в предисловии его классической книги «Падение монархии в России» (1939), что почин катастрофа пришёл «сверху». По его мнению «там “наверху” мы найдём самый странный человеческий клубок, сложные и уродливые отношения троих человек, Распутина, царицы и царя»². Советский историк А.Л. Сидоров, публикуя материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о Распутине и разложении самодержавии, неизвестную записку Смиттена, написал: «Можно смело утверждать, что без Распутина и его влияния на последних Романовых – Николая II и императрицу Александру Фёдоровну – почти невозможно понять последнее царствование»³. Разумеется, два историка могли расходиться

---

* Впервые опубликовано в японском сборнике статей «Росиаси но атараси сзкаи» (Новый мир истории России: методы расшифровки книг и документов). – Токио, 1986.

¹ Дьякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). – Л., 1967. С. 22. Он процитировал эти слова из стенографических отчётов Государственной Думы четвёртого созыва, сессия четвёртая. – Пг., 1916. Стлб. 2296.

² Pares Bernard. The Fall of the Russian Monarchy: A Study of the Evidence. – London, 1939. P. 25.

³ Последний временщик последнего царя (Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о Распутине и разложении самодержавия) // Вопросы истории. 1964. № 10. С. 117.

в оценках силы и влияния Распутина, но они согласились в одном, что распутиновщина являлась чем-то более важным, чем дополнительный, ускорительный фактор дела.

Литературы о Распутине огромное количество. Я нашёл названия 65 книг о нём в каталоге Библиотеки Конгресса США. Много французских книг. Есть итальянские и арабские книги, даже книга, изданная в Джакарте в Индонезии. О Распутине снимали фильмы и ставили спектакли. В 1972 г. в Японии Литературный театр представил «Мученичество святого Григория» по пьесе Миямото Кэна. То, что Распутин стал объектом не только исторического интереса, но и человеческого было доказано фактом издания книги о Распутине английского литературоведа Коллина Вильсона.

Несмотря на это многообразие, всё-таки очень мало достоверных материалов и солидных научных работ о Распутине. Подавляющее большинство книг – в жанре мемуаров, притом часто самооправдательных. Среди них обладающая ценным материалом вышеназванная записка Смиттена. Её появление в журнале «Вопросы истории» в 1964–65 гг. можно считать важным событием⁴. Но публикация этой старой записки, конечно, не сняла ответственности с историков продолжить поиск достоверных фактов, относящихся к столь неординарной личности. До сих пор и в СССР, и на Западе не издана настоящая историческая монография о Распутине, которая превосходила бы книгу Пэаза.

Популярный роман в Советском Союзе

В 1979 г. советский литературный журнал «Наш современник» напечатал исторический роман популярного писателя Валентина Пикуля «У последней черты». Его первая часть, занимавшая в апрельском номере 134 страницы, публиковалась в сокращённом варианте. Вслед за ней майский, июньский и июльский номера напечатали следующие части романа (всего 354 страниц). Заглавие «У последней черты» было взято из ленинской статьи «Письма из далека». «Первая революция и следующая за ней контрреволюционная эпоха обнаружила всю суть царской монархии,

---

⁴ Эти публикации напечатаны в журналах от октября, декабря 1964 г. и от января, февраля 1965 г.

довела её до “последней черты”, раскрыла всю её гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе её, всё зверство семьи Романовых – этих погромщиков, заливших Россию кровью...»⁵. Следовательно, роман Пикуля оказался историческим романом о Распутине. Таких романов в Советском Союзе немало, но это произведение явило оригинальную точку зрения автора на Распутина и стало сенсацией в советском обществе позднего брежневского периода.

Я познакомился с произведением примерно в мае или июне 1979 г., будучи в Советском Союзе в научной командировке. В доме историка Э.Н. Бурджалова, автора известной книги о Февральской революции, я случайно увидел незнакомый мне литературный журнал. На мой вопрос Бурджалов ответил, что в этом номере помещён роман Пикуля о Распутине. и добавил: «Очень плохая вещь». Потом я посетил мою знакомую в Ленинграде, её мать, увлеченно читающая этот роман, сказала: «Автор – хулиган». Мой молодой друг-еврей сказал мне с отвращением, что Пикуль является крайним правым, и этот роман пропитан сплошным антисемитизмом. Смесь антисемитизма, приправленная эротическим соусом, которая должна привлекать широкие массы советских читателей, как правило, всегда «подаётся» в литературных произведениях, касающихся Распутина. Говорили, что каждый номер журнала «Наш современник» тогда стоил очень дорого на чёрных рынках.

Незадолго до возвращения на родину я зашёл к Бурджалову попрощаться. Речь зашла о романе Пикуля. Когда я сказал, что он уже закончил публикацию романа в журналах, и я надеюсь прочитать его в книжном варианте в недалёком будущем, Эдуард Николаевич ответил, что издания его романа отдельной книгой не будет. Он показал номер газеты «Правда» от 17 октября 1979 г., в котором был помещён доклад Суслова на Всесоюзном совещании работников идеологического фронта. Длинный доклад содержал в разделе о художественном творчестве следующие строки: «И в другом произведении можно найти неисторические, искажённые представления о прошлом, странный интерес к личности исторического авантюриста и поверхностное суждение о современности. Эти явления не должны остаться вне поля зрения творческих организаций и их органов»⁶.

---

⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 31. С. 12.

⁶ Правда. 17 октября 1979 г.

Бурджалов объяснил мне, что это скрытая критика романа Пикуля. «Раз такая критика была высказана партией, его роман не будет издан отдельной книгой». Говорили, что советский историк послал критическую записку по поводу этого романа. Быть может, власть была вынуждена не оставить этот роман без критики, но критика Сулова показалась мне слишком мягкой в адрес этого антисемитского романа.

Поэтому только после возвращения домой я смог прочитать роман Пикуля. Для нас, историков, этот роман – насмешка и наказание.

Правдивость исторического романа

Роман Валентина Пикуля «У последней черты» имеет длинный подзаголовок: «Роман-хроника о разложении самодержавия: Рассказ о тёмных силах придворной камарильи и бюрократии, толпившейся возле престола; Летопись той поры, которую зовут реакцией между двумя революциями; а также Достоверная повесть о жизни и смерти “Святого чёрта” Гришки Распутина». В предисловии было написано так:

«Писать о Распутине – значит говорить об эпохе, получившей в истории название “распутинщины”, к чему мы и стремились в нашем повествовании. В основу романа положены подлинные материалы. Сомнительные коллизии прошлого подвергнуты проверке по последним работам советских историков. Все имена сохранены в исторической достоверности. Вымышленных героев и событий в произведении нет»⁷.

Это слишком высокие слова. Нам приходится проверять достоверность всех высказываний Пикуля. Несомненно, мы встречаем настоящих историков среди советских писателей, авторов исторического романа. Я лично познакомился с Юрием Давыдовым, автором романа «Глухая пора листопада» о народниках 80-х гг. XIX в. Он занимался усердно в архивах, более интенсивно, чем обыкновенный историк. На основе материалов ЧК роман «Возмездие» об операции ареста Бориса Савинкова написал Ардаматский. Думаю, что Пикуль тоже, быть может, занимался в архивах и сообщал неизвестные факты о Распутине на основе неопубликованных архивных материалов.

---

⁷ Пикуль В. У последней черты // Наш современник. 1979. № 4. С. 19.

Пролог романа Пикуля начинается эпизодом о том, что после Февральской революции штабс-капитан Климов, служивший на зенитных батареях Царского Села, нашёл в недостроенной часовне гроб Распутина, и солдаты дивизиона броневиков увезли и сожгли его в Петрограде. Местом казни был избран бывший дом Бадмаева на Выборгской стороне. Описывается скорбь царицы, слышавшей об этом, гуляние по улицам поэта Блока и мальчишки-газетчики, расторговывавшие брошюры «Акафист Григорию Распутину»⁸.

Часть первая «Помазанники Божии» начинается с истории отца Распутина. Саратовский мужик Ефим Вилкин переселился в Сибирь и приобрёл новую фамилию Новых. Поселок, где Ефим и его семья остановились, стал селом Покровским. За трезвость выбрали Ефима сначала в церковные старосты, потом в волостные старшины. Но после кончины жены и сына Ефим запил. В конце концов Ефим стащил с соседского забора цветной половик, отнёс его в кабак. «В необъятных анналах истории по этому поводу сказано: “Крестьяне... ворвались в избу к нему, поочередно избивая Ефима, переломав ему все рёбра”»⁹. Ефим умер в земской больнице, и Гришка остался там, не вернувшись в Покровское, и стал половым в трактире и затем конокрадом.

Таких фактов нет в записке Смиттена. Раз имя и отчество Распутина – Григорий Ефимович, несомненно, что его отец именовался Ефимом. Смиттен написал, что отец Распутина сильно пил водку. «15 лет Распутин начал пить водку, причём после женитьбы на 20-м году пьянство его ещё усилилось»¹⁰. Если так, то жил он в Покровской слободке и женился там. То, что после смерти отца, избитого односельчанками, он покинул Покровское, явилось новым фактом. Основывался ли Пикуль на новых архивных материалах, которые удалось раздобыть, или что такое «необъятные анналы истории»?

На самом деле, два эпизода в прологе являются не новыми сведениями, добытыми из новых материалов, а только цитатами из забытой теперь книги Бориса Алмазова «Распутин и Россия (историческая справка)», изданной в Праге в 1922 г. Этот автор, настоящая фамилия которого была Борис Самойлович Монак, по профессии драматург, эмигрировал после Октябрьской револю-

⁸ Там же. С. 20–22.

⁹ Там же. С. 23–24.

¹⁰ Последний временщик последнего царя. С. 119.

ции и написал эту книгу в Вене. По его мнению, нельзя «обвинять во всём одного Распутина, забравшегося на свою высоту не по собственной воле». Его книга объявлялась «не более как хроникой семилетней распутинской эпохи»¹¹. Мотивировка этого автора понятна, но пока внутренние официальные материалы не были опубликованы, эта книга была только сочинением, основанным на разоблачительных материалах 1917 г. Генерал Батюшин, статья которого будет упомянута ниже, заявляет, что книга Алмазова не может претендовать на справедливость и научность¹².

Рассказ о саратовском мужике Ефиме Вилкине содержится во второй главе книги Алмазова¹³. Эпизод казни гроба Распутина на кострах есть в главе двадцать пятой¹⁴. Но у Алмазова раскопать и выбросить останки Распутина постановил гарнизон Царского Села. То, что на оборотной стороне образа, найденного в гробе написаны имя царицы и имена её дочерей и ещё такие слова: «Твои – спаси – нас – и помилуй» было взято тоже из книги Алмазова.

Впрочем Алмазов, в свою очередь, начал изложение с того, что в Покровском, совершая турне для выборной кампании после изменения избирательного права 3 июня 1907 г. по пути остановился протоиерей Восторгов. Слушая его речь, Распутин посылал в ответ резкие реплики и стал очень популярным среди жителей Покровского. Алмазов писал, что Восторгов, признавая силу Григория, призвал его в столицу¹⁵. Так развивается роман Алмазова. Всё это являлось просто фикцией.

По записке Смиттена Распутин приехал в Петербург поздней осенью 1904 г. Он посетил ректора Петербургской духовной академии епископа Сергия с рекомендательным письмом vicария казанской епархии Хрисанфа, «произвёл на бывшего тогда негласным духовником царя и царицы Феофана впечатление проникновенного старца и был введён последним к Милице Николаевне»¹⁶. По дневникам императора Николая можно установить то,

---

¹¹ Алмазов Борис. Распутин и Россия (историческая справка). – Прага, 1922. С. 6–7.

¹² Батюшин Н. С. В чём была сила Распутина (рукопись). Hoover Institution of War, Revolution and Peace Archive. S. 2.

¹³ Алмазов Борис. Указ. соч. С. 16–21.

¹⁴ Там же. С. 285–95.

¹⁵ Там же. С. 9–15.

¹⁶ Последний временщик... С. 129–130.

что Распутин впервые встретил царя 1 ноября 1905 г.¹⁷ Священник Иллиодор написал в своём известном воспоминании «Святой чорт», что в конце 1902 г. он, обучаясь в Петербургской духовной академии, слышал о «великом пророке» из Сибири по имени Григорий. В 1903 г. начальник корейской духовной миссии архимандрит Хрисанф Щетковский привёз в Петербург старца Григория. Он остался у ректора академии епископа Сергия. 16 декабря 1903 г. Иллиодор впервые познакомился с Распутиным у Феофана¹⁸. Иллиодор был иногда неточным в датах, но о встрече с Распутиным помнил: его изложение значительно совпадает с запиской Смиттена.

Несомненно, что эпизод об открытии Распутина Восторговым (в книге у Алмазова) являлся фикцией. Пикуль взял эту историю у Алмазова и своевольно передатировал её (на лето 1905 г.).

Из изложенного уже ясно, что в основу романа Пикуля положены не подлинные материалы, а сплошные цитаты из ненадежных старых изданий.

Отношения между царём, царицей и Распутиным

Естественно оказывается, что эротические сюжеты являются главными и в этом романе.

В подобных отношениях не один Распутин активничал. Очень известен роман цесаревича Николая с балериной Кшесинской, он никого не удивляет. Но то, что Алиса, младшая дочь герцога Людвига Гессен-Дармштадтского, будущая царица Александра была в восхищении от поцелуев красавца-полковника Александра Орлова во времена её первого посещения России¹⁹ – является фикцией. Пикуль пишет, что после свадьбы с Николаем «она не забыла свою первую русскую любовь; став шефом Уланского полка, Алиса пожелала, чтобы Сани Орлов командовал этим полком, и Николай II уступил её просьбе»²⁰. Когда её фрейлина Анна

¹⁷ *Ерошкин Н.П.* Самодержавие накануне краха, – М., 1975. С. 38; Дневник Императора Николая II. – М., 1991. С. 287.

¹⁸ *Иллиодор.* Святой Чорт (Записка о Распутине). – М., 1917. С. 3–6.

¹⁹ *Пикуль Валентин.* Указ. соч. С. 30.

²⁰ Там же. С. 36–37.

Вырубова призналась ей, что влюблена в Орлова и говорила, что он придёт к ней вечером этого дня, царица откинула голову на валик кресла. Анна испугалась, поняв чувства царицы к Орлову. Вечером Орлов открыл дверь царской резиденции. Внутри был мрак. Из потёмок возникли руки и обвили шею Орлова. Вспыхнул свет, перед ним лежала царица. Она сказала: «Вот как вредно ходить по девицам. Можно попасть в постель замужней женщины... Ты удивлён? Но я же поклялась тебе однажды, что никогда тебя не забуду!» Когда царица и Орлов ушли, в спальню Анны шагнул император Николай. Пикуль подытожил: «Классический треугольник обратился в порочный четырёхугольник»²¹.

Типичные строки вульгарного романа. Потом царица забеременела и родила сына Алексея. Значит, царевич оказался сыном не Николая, а Орлова. На другой половине царь продолжал жить с Анной, докладывая царице о своей измене во всех подробностях²².

Эта история не является выдумкой Пикуля. Арон Симанович, секретарь Распутина написал в своих воспоминаниях о «тайне рождения наследника престола». Его вариант отличается от истории Пикуля. Для того, чтобы родить наследника, царица выбрала генерала Орлова, командира уланского полка, очень красивого мужчину и притом вдовца. Царица с согласия своего мужа вступила в интимную связь с Орловым. Цель была достигнута. Но царица полюбила Орлова, и её связь с ним продолжалась. В гневе царь решил услатить Орлова в Египет и перед отъездом отравил его во время ужина. Орлов умер в пути, и его тело было доставлено обратно в Царское Село. Царица была уверена, что в смерти Орлова виноват царь и никогда не могла ему этого забыть²³.

Этот вариант тоже является фикцией. Даже в дневнике А.В. Богдановича, который был известным сплетником внутри и вне императорского двора, было указано только то, что один морской капитан «рассказывал про царицу, что она продолжает обретаться в нервном состоянии, что говорят, что смерть Орлова на неё сильно подействовала»²⁴. Но упомянув Орлова несколько

---

²¹ Там же. С. 53.

²² Там же. С. 54.

²³ *Симанович Арон*. Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. – Рига, [без года], переиздана в Тель-Авиве, [без года]. С. 43–45.

²⁴ *Богданович А.В.* Три последних самодержца. Дневник, – М.–Л., 1924. С. 458.

раз, Богданович никогда не записывал того слуха, что Орлов является настоящим отцом цесаревича²⁵. Несомненно, вариант Симановича послужил основой для воображения Пикуля.

Но Пикуль почему-то большее значение придавал связи царя с Вырубовой. Правда, были такие слухи о их связи. Но записка Смиттена отрицала достоверность этого варианта как относившегося «к области праздных выдумок»²⁶. Богданович повторял в своём дневнике подозрение в том, что гомосексуальная «неестественная якобы дружба существует между царицей и Танеевой»²⁷. Так интимно выглядели их отношения для окружающих. Естественно, эта версия не совместима с вариантом связи царя с Вырубовой.

Анна Вырубова вышла замуж за морского офицера, но прожив с мужем полтора года, она развелась с ним, так как оказалось, что он был большим садистом. Она оставалась девственной²⁸.

Пикуль пишет, что муж Вырубовой был услан в Швейцарию как психически больной, так как он узнал о связи царицы с Орловым²⁹. Эта своеобразная модификация варианта Симановича.

В конце концов связь царицы с Распутиным заняла главное место в романе Пикуля. Он пишет, что Анна Вырубова убеждала царицу довериться Распутину в первый день их встречи. Когда Распутин подхватил царицу и носил её на руках по комнате, она кричала: «Ещё, ещё! Носи меня... Ах, как приятно»³⁰.

Во всех этих изложениях Пикуля косвенно отражается возможное в народе представление о Распутине и Романовых. В период, непосредственно предшествовавший Февральской революции были распространены слухи, выражавшиеся в том, что Распутин жил с царицей, и что царь является мужем-рогоносцем. В записке Смиттен рассказывает о том, «как рано Распутин превратился в творимую легенду, но легенду, позорную для носителей верховной власти, сводившуюся к тому, что жадный до денег хлыст, растлитель женщин и девушек, приобрёл неограниченное влияние на царскую семью и полновластно распоряжается судьбами государства и церкви». «Около этой легенды рано связывается клубок ужасных и грязных сплетен о том, что Распутин жи-

---

²⁵ Там же. С. 388, 452, 454.

²⁶ Последний временщик последнего царя. № 12. С. 93.

²⁷ Богданович А.В. Указ. соч. С. 444, 447.

²⁸ Последний временщик последнего царя. № 12. С. 90–91.

²⁹ Пикуль Валентин. Указ. соч. С. 110.

³⁰ Там же. С. 86.

вёт с царицей, что наследник – его сын, что честь царских дочерей недостаточно охранена от Распутина, что Распутин и царица стоят во главе партии, желающей сепаратного мира...»³¹.

Многие памфлеты, изданные после падения самодержавия, дали возможность распространиться таким народным слухам. Я нашёл такой памфлет в коллекции Джона Рида в Нью-йоркской публичной библиотеке. Памфлет «Сказка о царе-дураке, о царице-блуднице и о Гришке – Распутной Шишке» является типичным. Слово «распутный» означает «развратный» и «шишка» – мужской половой орган. На обложке нарисованы Распутин и царица, сидящая у него на коленях. Царь сидит на полу и пьёт водку. Вот одна цитата из этого памфлета:

«А как привезла Аннушка во дворец пьяного Гришку – Распутную Шишку – глянула на него царица, затряслась вся и в ноги ему кинулась.

– Тебя-то мне и надобно, – рассказывает – вижу по твоей разбойничьей роже, что будет мне от тебя и помощь, и совет, и ночное удовольствие: станем мы с тобой осударством править»³².

Ядро распутинщины крылось в несоответствии между народным представлением о человеке и его реальным обликом.

АНТИСЕМИТИЗМ

Настоящий идейный яд романа Пикуля – это антисемитизм. Один из героев Рачковский говорит в романе, что Филипп является «активным членом тайного “Гранд-Альянс-Израэлит” – центра международной организации сионистов»³³. Пикуль сообщает, что Филипп послал в Петербург «своего ученика, хитрого сиониста Папюса»³⁴. Эта история была взята из воспоминаний Родзянко «Крушение империи», но Родзянко пишет только, что Филипп был «евреем по национальности и имел какое-то отношение к ма-

---

³¹ Последний временщик последнего царя (Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о Распутине и разложении самодержавия) // Вопросы истории, 1965. № 2. С. 111.

³² Сказка о царе-дураке, о царице-блуднице и о Гришке-Распутной Шишке. Изд-во типографии «Успех». – Петроград, 1917. С. 11.

³³ Пикуль Валентин. Указ. соч. С. 44.

³⁴ Там же. С. 45.

сонству и обществу “Гранд Альянс Израэлит”»³⁵. Из этих слов Пикуль определил Филиппа «сионистом».

Ю. Терапиано пишет, что Филипп был студентом медицинского факультета, но что его целительная способность стала привлекать внимание широких кругов. В 1901 г., в Компьене, во время пребывания Николая II во Франции, великая княгиня Милица Николаевна представила Филиппа императорской чете. Личность Филиппа произвела на Николая большое впечатление, и он пригласил его приехать в Россию. Филипп посещал Россию в том году и в следующем, и он предсказал царице, что следующий её ребенок будет мальчиком, что и исполнилось в 1904 г. Папюс, тоже медик по профессии, стал специалистом по оккультизму и духовным наставником Филиппа. Он был представлен Николаю II великим князем Николаем Николаевичем в 1901 г. По приглашению императора Папюс три раза приезжал в Россию; в 1901, 1905 и 1906 гг.³⁶

И Филипп, и Папюс принадлежали к течению мартинизма, одной из форм масонства. Монархистские правые Запада XIX в. думали, что масонство является заговором евреев с целью господства над миром. И в дореволюционной России крайние правые были одержимы представлениями о «жидо-масонах». Это представление в том же виде унаследовалось Пикулем.

Пикуль пишет, что Витте был вынужден уйти в отставку, подстрекаемый в связях с «жидо-масонской» силой. По нему Ротшильды и Медельсоны являются «банкирами-сионистами»³⁷. Значит, все еврейские богачи – сионисты.

Когда Распутин появился в императорском дворе, такие евреи как И.П. Манус и Д.Л. Рубинштейн ухаживали за ним. Пикуль пишет: «Международный сионизм уже заметил в Распутине будущего влиятельного фаворита, и потому биржевые тузы щедро авансировали его – в чаянии будущих для себя выгод в финансах и политике»³⁸.

Среди политических маклеров вокруг Распутина были известные князь М.М. Андронников и И.Ф. Манасевич-Мануйлов. Пикуль не забыл написать, что Манасевич-Мануйлов был сыном ев-

³⁵ *Родзянко М.В.* Крушение империи // Архив русской революции. Т. XVII. – Берлин, 1926. С. 21.

³⁶ *Терапиано Ю.* Филипп и Папюс при русском дворе // Русская мысль. 6 октября 1956 г.; *Его же.* О «целителе Филиппе». Там же. 24 ноября 1956 г.

³⁷ *Пикуль Валентин.* Указ. соч. 1979. С. 78.

³⁸ Там же. С. 102.

рейского купца, который перешёл с сыном в лютеранскую веру³⁹. Он назвал имена клиентов Манасевича-Мануйлова так: «Минц, Шапиро, Беспрозванный, Якобсон, Гуревич, Шефтель, Рабинович». Всё это еврейские фамилии. «Ванечку [это Масевича-Мануйлова] бедные евреи страшно боялись, а сионисты лютейше ненавидели за отсутствие соплеменного патриотизма»⁴⁰.

Пикуль взял это описание из очерка историка П. Щеголева «Русский Рокамболь (И.Ф. Манасевич-Мануйлов)». В оригинале перечислены жертвы его обманчивых дел «Шапиро, Якобсон, Беспрозванный, Минц, Свердлов, Шефтель, Гуревич – евреи; Плоткин, Антонов и Глухарев»⁴¹. Сравнивая оба текста, мы знаем, что Пикуль исключил из списка еврея Свердлова, однофамильца соратника Ленина и всех трёх русских.

И в шестой части о периоде мировой войны одним из героев стал Арон Симанович, секретарь Распутина. Он еврей. Он имел своё ювелирное дело в Киеве. В 1902 г. он переехал в Петербург и начал дело с дворянами. Он познакомился с Распутиным и стал его секретарём.

Пикуль написал, что «ещё перед войной Симановича позвали в кагал финансовой олигархии, где присутствовали: миллионер Митька Рубинштейн, Мозес Гинзбург, барон Альфред Гинцбург – золотопромышленник, видный юрист Слиозберг, сахарозаводчик Лев Бродский, строители железных дорог Поляковы...». Они спросили Симановича сначала об отношениях с Распутиным и потом об отношении Распутина к еврейскому вопросу. Симанович ответил, что Распутин не понимает этого вопроса, но что ему очень нравится, что евреи всегда при деньгах. Они сказали: «Если понадобится, откроются банки Чикаго и Лондона, Женевы и Вены. А помимо денег обещай Распутину землю в Палестине и райскую жизнь до глубокой старости на средства нашей общины...»⁴².

Дальше рассказана история дела Мясоедова. В марте 1915 г. жандармский полковник С.Н. Мясоедов был казнён как немецкий шпион. Пикуль пишет, что Мясоедов познакомился с Распутиным в столице. Его жена была еврейкой. «Все его помощники,

---

³⁹ Там же. С. 132.

⁴⁰ Там же. С. 133.

⁴¹ Щеголев П.Е. «Русский рокамболь» (И.Ф. Манасевич-Мануйлов). Охранники и авантюристы. – М., 1930. С. 134.

⁴² Пикуль Валентин. Указ. соч.. 1979. № 6. С. 79–80.

арестованные вместе с ним, были связаны с финансовым окружением Распутина.» Он упомянул их имена так: «Борис Фрейберг, Шлиома и Аарон Зальцманы, Отто Ригерт, Давид Фрейберг, Роберт Фальк, Матеуш Микулис»⁴³. Он хотел подчеркнуть, что все были евреями.

Когда объявили об исполнении смертной казни над Мясоедовым, Распутину срочно вызвали на квартиру Слиозберга, где собрался весь «цвет» денежной верхушки «сионистского капитала». «Делегаты продолжали свои жалобы против Николая Николаевича и просили Распутина избавить еврейство от его преследований... Распутин встал и перекрестился. Это означает, что он дал клятву помочь нам»⁴⁴. Это цитата из книги Симановича⁴⁵.

Итак, сюжет Пикуля стал ясным. Сионисты, которые всегда заботились о деньгах и были готовыми служить иностранной разведке за деньги, использовали Распутина через Симановича и посмели контролировать государство России, начиная со свержения Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича.

Не ясно, что имеет в виду Пикуль, когда он говорит «сионисты». Кажется, он хочет отличать бедных евреев от «сионистов», т. е. богатых евреев, имеющих международные деловые связи. Но всё-таки у него получилось так, что все евреи являются «сионистами».

Пикуль пишет, что Распутин и Симанович сделали усилия помирить «липовых “зубодёров”», евреев, обвинённых в приобретении ложных дипломов дантистов⁴⁶, и также успели прекратить дело Рубинштейна⁴⁷. И самая большая удача, которая была добыта Распутиным и Манасевичем-Мануйловым при помощи сионистов, – назначение Б.В. Штюрмера премьер-министром.

Распутиновщина – этот странный треугольник (царь, царица и Распутин) – в конце концов оказалась результатом заговора сионистов. Вот что у Пикуля напрашивается как вывод из этого романа.

⁴³ Там же. С. 87.

⁴⁴ Там же. С. 87.

⁴⁵ Симанович Арон. Указ. соч. С. 73–75.

⁴⁶ Пикуль Валентин. Указ. соч.. 1979. № 6. С. 108. Симанович А. Указ. соч. С. 92.

⁴⁷ Пикуль Валентин. Указ. соч.. 1979. № 7. С. 78–79. Симанович А. Указ. соч. С. 226.

В исторической археографии

То, что Пикюль совсем произвольно оперирует материалами в этих частях, яснее выглядит в свете историографии.

Как уже мной указывалось, первая книга о Распутине после Октябрьской революции принадлежит Борису Алмазову («Распутин и Россия», 1922 г.). Записка бывшего директора департамента полиции и товарища (заместителя) министра внутренних дел С.П. Белецкого «Григорий Распутин» была опубликована впервые в журнале «Былое» в 1922 г., и потом в отдельной книге в следующем году. Алмазов считал, что крайне правые выдвигали Распутина, но Белецкий ничего не сказал о силах, стоявших за ним, только написал, что Симанович «старался через Распутина воздействовать в высоких сферах на изменение правительственной политики в еврейском вопросе»⁴⁸.

В 1924 г. генерал-лейтенант Н.С. Батюшин, бывший генерал для особых поручений при Главнокомандующем армиями Северного фронта написал в эмиграции записку «В чём была сила Распутина». Эта записка содержится в архивах Гуверовского института Стэнфордского университета.

Имя Батюшина стало известным благодаря его обвинительной работе по делу Мясоедова. М. Лемке написал в своём опубликованном дневнике так: «Дело Мясоедова поднято и введено главным образом благодаря настойчивости Бонч-Бруевича, помогал Батюшин»⁴⁹. Батюшин, тогда полковник, возглавлявший контрразведку Северо-Западного фронта, был самым главным организатором дела Мясоедова. В результате он получил, минуя очерёдность, чин генерала⁵⁰. По поводу этого дела часто высказывались сомнения. Не только журналист при Ставке Лемке указал на это, но и даже генерал-квартирмейстер Штаба Верховного Главнокомандующего Ю.Н. Данилов подтверждал так: «Печальный образец представляет собою, например, дело бывшего подполковника Мясоедова, преступление которого так и осталась не достаточно доказанным»⁵¹. Почти 45 лет спустя советский историк К.Ф. Ша-

⁴⁸ Белецкий С.П. Григорий Распутин // Былое, № 22, 1922. С. 245.

⁴⁹ Лемке М. 250 дней в царской Ставке. – СПб., 1920. С. 514.

⁵⁰ Шаццлло К.Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 112, 116.

⁵¹ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. – Париж, 1930. С. 201.

цилло написал блестящую статью «“Дело” полковника Мясоедова», в которой он доказал необоснованность обвинения против Мясоедова⁵².

Батюшин, быть может, и сам чувствовался что-то, связанное с этим «делом», но он промолчал об этом и начал свою записку сразу с 1916 г. На него в 1916 г. Начальником штаба Верховного Главнокомандующего Алексеевым было возложено особое поручение – «борьба с военными шпионами и мародёрами в тылу армий»⁵³.

В этой записке Батюшин указал, что, по его впечатлению, самым важным человеком после Распутина являлся Симанович. Он рассказал невероятную историю о том, что Симанович, как казначей, пригласил А. Керенского в свой игорный дом, который он открыл в Петербурге во время первой революции, и о том, что даже после закрытия этого дома он в течении долгого времени давал Керенскому большие суммы «уже в виде займа в счёт будущих благ» из денег, которые евреи Северной Америки послали ему. Симанович был связан с еврейским северо-американским отделом «L'alliance israelite», который содействовал повсюду эмансипации и нравственному прогрессу евреев и поддерживал тех, кто страдает из-за своего еврейского происхождения. «Ближайшим сотрудником Симановича... по проведению политического вождения еврейского народа в России был Керенский. Немало помогал по этой части и еврейский банкир Д.Л. Рубинштейн»⁵⁴. Но Рубинштейн работал и как шпион. Батюшин арестовал и допросил его. Поэтому он гораздо более подробно рассказал об этом человеке. В итоге он написал так: «Из изложенного видно, что Распутин был лишь слепым орудием в руках Симановича, представителя еврейских организации и Рубинштейна, агента Генерального Штаба наших противников. И та, и другая организация конечной своей целью ставила революцию в России»⁵⁵.

Оказалось, что Батюшин значительно предвосхищал Пикуля. Но Пикулю вариант Батюшина остался неизвестным, так как эту записку последний почему-то не опубликовал, а поместил статью «Распутин и его сторонники» в журнале «Le monde slave» (1925, апрель), но там ничего не упоминалось о еврейском вопросе⁵⁶.

---

⁵² Шаццлло К.Ф. Указ. соч. С. 113–115.

⁵³ Батюшин Н.С. Указ. соч. Л. 3.

⁵⁴ Там же. Л. 16.

⁵⁵ Там же. Л. 71.

⁵⁶ Batjusin, general. Raspoutine et ses appuis. Le Monde Slave, avril 1925.

Потом в 1924–1927 гг. в СССР были изданы семитомные труды Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства «Падение царского режима», но научные работы о Распутине не появились. Заграничные воспоминания М. Родзянко «Крушение империи» были опубликованы в семнадцатом томе «Архива русской революции», затем это было издано в отдельной книге в СССР и переведено на английский язык в 1927 г.⁵⁷ В этом же году в Германии была издана известная, но бедная по содержанию книга Фюлоеп-Миллера «Священный чорт – Распутин и женщины»⁵⁸.

Воспоминания Симановича «Распутин и евреи» появились в Риге около этого года. Немецкий перевод этой книги был издан под заглавием «*Rasputin – der allmächtige Bauer*» в 1928 г. Это книга самооправдания, где автор старается доказать, что он использовал Распутина не для своего корыстного интереса, но за национальные права еврейского народа. Поэтому Симанович начинает изложение со страшных впечатлений от погрома 1905 г. в Киеве: «Я решил всеми силами бороться за мою жизнь, жизнь моей семьи, моих родственников и за наше равноправие. Когда я вернулся в Петербург, и там сошелся с Распутиным, я решил действовать при его помощи, но на свою личную ответственность и без помощи моих единоверцев»⁵⁹.

Симанович написал, что им была создана обширная организация для собирания материалов о положении евреев во всех частях России, что ежедневно к нему обращались евреи со всех концов империи, и что он ходатайствовал перед Распутиным и иногда царицей. «Если какой-нибудь местности угрожал еврейский погром, то мой тамошний корреспондент меня об этом уведомлял... После получения такой телеграммы я немедленно принимал все меры, чтобы заставить центральные власти предписать местным властям прекратить погромную агитацию. Таким путём мне удалось предотвратить погромы в Минске, и в Вильне...»⁶⁰. Это кажется полной выдумкой.

Но когда речь идёт о репрессиях против евреев во время мировой войны, объяснения конкретны и реальны. «Как-то раз во

---

⁵⁷ Родзянко М.В. Крушение империи. – Л., 1927; *Rodzianko M.V. The Reign of Rasputin.* – Philpot, 1927.

⁵⁸ *Fülöp-Miller Rene. Der heilige Teufel. Rasputin und die Frauen.* – Leipzig, 1927.

⁵⁹ Симанович Арон. Указ. соч. С. 6.

⁶⁰ Там же. С. 51.

время войны Гинцбург по телефону просил зайти к нему для переговоров по очень важному вопросу». Мозес Гинцбург сказал Симановичу, что создаётся впечатление, что Верховный Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич желает воспользоваться случаем, чтобы совершенно истребить еврейство. Положение с каждым днём ухудшается. «Еврейское общество постановило мобилизовать все свои связи, средства и силы, чтобы добиться равноправия евреев». Гинцбург говорит: «Ты имеешь прекрасные связи... и бываешь в таких местах, где ещё никогда не ступала нога еврея. Бери на помощи Распутина». Симанович в ответ предлагает созвать с Распутиным конференцию еврейских представителей... Гинцбург соглашается с ним. Конференция проходит в доме Гинцбурга, где собирается много видных представителей еврейства; между ними – барон Гинцбург, присяжный поверенный Слиозберг, Лев Бродский, Герасим Шалит, Самуил Гуревич, директор банка Мандель, Варшавский, Поляков и другие. При появлении Распутина в зале Гинцбурга многие плачут. Распутин очень внимательно выслушивает их жалобы на преследования и обещает сделать всё, чтобы ещё при их жизни добиться равноправия евреев⁶¹.

Эту часть книги Симановича Пикуль использовал во вступлении к шестой части, где была изложена деятельность Симановича. Пикуль передатировал этот эпизод в довоенный период и отрезал его от реальных событий жизни еврейского народа во время войны.

Польша и западные губернии, которые были назначены «чертой оседлости» для еврейского народа стали полем битв, когда началась мировая война. Жившие там евреи, находились в очень тяжёлой ситуации. Сначала русские войска наступали в австрийских Карпатах. Там командиры издавали антисемитские приказы. Князь Лобанов-Ростовский приказал всему еврейскому населению города Коломея заплатить контрибуцию или они будут выгнаны с занятой русскими территории, если железные дороги либо телеграфные сообщения будут повреждены. Великий князь Николай Николаевич издал циркуляр, в котором были сказаны удивительные слова: «Для того, чтобы защищать верное нам население от санкции и охранять наше войско против измены, развёрнутой евреями по всему фронту, евреи должны быть выселены, как только враги отступят». На территории России такая мера

---

⁶¹ Там же. С. 54–56.

насильственного выселения евреев была осуществлена по мере наступления немецкой армии летом 1915 г. Они считались людьми, могущими стать шпионами. Местами представители еврейской элиты были арестованы как заложники. Более шестисот тысяч евреев с нехитрыми пожитками были «выкорчеваны». Жизнь беженцев в чужих землях империи была тяжёлая. Конечно, уже система «черты оседлости» изжила себя. Надо было разрешить беженцам-евреям жить в русских районах, например в Поволжье. Но германская оккупационная администрация оказалась более лояльной к евреям. Поэтому были ещё стремления вернуться домой даже на оккупированные территории. Судьбы евреев усложнились⁶².

Среди виновников антиеврейских мероприятий Симанович назвал Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, Начальника Штаба Н.Н. Янушкевича и Главнокомандующего Северо-Восточным фронтом Н.В. Рузского⁶³. Когда русские заняли Галицию и политика Николая Николаевича стала известной, несколько еврейских представителей предложили Симановичу провести новое совещание с Распутиным. Второе совещание состоялось на квартире юриста Слиозберга. Симанович пишет, что Распутин сказал так: «Правительство и дворянство злы, как собаки. Нужно готовиться к упорной и длинной борьбе. Положение ужасное, но как его изменить? Я сделаю всё, что смогу»⁶⁴.

Распутин настаивал на том, что они должны подкупить всех нужных им людей, министров и генералов, но еврейские делегаты отвечали, что их вожди являются противниками такой политики⁶⁵.

Цитата из книги Симановича взята Пикулем из параграфа, последовавшего за этим. Пикуль продолжает игнорировать страдания еврейского народа во время мировой войны.

Изложения Симановича становятся более сомнительными, чем конкретными. И всё-таки, бесспорно, в них был поставлен такой реальный вопрос, как еврейский, во время первой мировой войны.

---

⁶² Доклад по еврейскому вопросу Центрального Комитета партии народной свободы (К. Д.), Издание Заграничного Комитета Бунда, 1916. С. 19–36; *Salo W. Baron. The Russian Jews under Tsars and Soviets.* – New York, 1976. P. 157–63.

⁶³ Симанович Арон. Указ. соч. С. 60–62.

⁶⁴ Там же. С. 74.

⁶⁵ Там же. С. 75.

Естественно, настоящие активисты за равноправие еврейства не могли промолчать. В 1934 г. семидесятилетний юрист Г.Б. Слиозберг опубликовал свои воспоминания «Дела минувших дней. Записки русского еврея». В третьем томе он подробно описал своё участие в Еврейском комитете помощи (ЕКОПО), который был организован для того, чтобы помогать беженцам⁶⁶. Как представитель ЕКОПО он принимал участие в Особом совещании о помощи беженцам под председательством министра внутренних дел Н.Б. Щербатова и постарался ради того, чтобы упразднить закон о черте оседлости в ноябре 1915 г.⁶⁷

Слиозберг очень резко опроверг Н.А. Яхонтова, который написал, что еврейские представители вошли в какой-то торг с правительством, угрожая непредставлением кредитов России из-за границы. А Слиозберг категорично удостоверял, что их беседа с министром не носит характера какой-либо угрозы и обещания⁶⁸.

Слиозберг неистово нападал на Симановича. «Этот секретарь был совершенно безграмотным, и притом Распутин никогда не нуждался в секретаре... Этот субъект после революции оказался в Париже, занимался разными делами и оказался замешанным в деле фабрикации фальшивых червонцев. Он посетил и меня. Я, конечно, отказался что-либо сделать для удовлетворения его желания, и тогда в беседе со мною он довольно прозрачно намекал на то, что, в случае отказа в поддержке, он составит какую-то книгу с опорочиванием еврейских деятелей». Книга была издана в Берлине. «Эта книга сплошь наполнена совершенно фантастическими измышлениями Симановича, которые, конечно, не он сам писал, будучи... неграмотным»⁶⁹.

Но вопрос остаётся, хотя Слиозберг уклонился от всяких проверок книги Симановича. На самом деле, Слиозберг признал факт того, что он познакомился с Распутиным в начале 1914 г. «Распутин пару раз посетил М.А. Гинсбурга и в беседах с ним выражал желание получить пожертвование для устройства богадельни его имени. Ему сказали, что я могу иметь влияние на еврейские финансовые круги. Поэтому он и предложил посетить меня. Я не

---

⁶⁶ Слиозберг Г.Б. Дела минувших дней. Записки русского еврея. Т. III. – Париж, 1934. С. 326–333.

⁶⁷ Там же. С. 334–336.

⁶⁸ Там же. С. 336–340; см.: Яхонтов Н.А. Тяжёлые дни. Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 г. // Архив русской революции. Т. XVIII. – Берлин. 1930. С. 32–34.

⁶⁹ Слиозберг Г.Б. Указ. соч. С. 349–350.

имел основания уклониться от этого свидания... После обеда, естественно, разговор перешёл к еврейскому вопросу. Распутин хвалился тем, что благодаря его разговору с царём мысль об устройстве часовни на месте нахождения трупа мальчика Ющинского... была оставлена. Много также говорил он о том, как он спас несколько сот евреев-дантистов... Распутин в беседе считал результат его ходатайства перед царём огромным облегчением для евреев вообще. Распутин уверял, что он добьётся отмены черты оседлости. «Я не буду Распутин, если я вам не дам оседлости» – такова была его формула»⁷⁰.

Слиозберг пишет, что Распутин не говорил о пожертвовании для его богадельни денег и что «конечно, никому и в голову не приходило давать деньги Распутину»⁷¹. Здесь возникает вопрос. Если довоенный Распутин уже имел такое влияние на царя и показал свою готовность помогать еврейскому народу, не верится, что у еврейских вождей не родилась идея использовать его влияние для облегчения ситуации еврейского народа в 1915 г. Естественно, можно предположить, что во время войны Симанович более активно искал контакты с представителями еврейского общества.

Симанович написал воспоминания для того, чтобы реабилитировать себя как защитника прав еврейского народа. Напротив, Слиозберг написал воспоминания отчасти для того, чтобы отрицать все отношения с грязными Распутиным и Симановичем. Но правда лежит посередине.

Когда Слиозберг издал свои воспоминания, Гитлер в Германии уже стоял у власти. В процессе роста нацистского государства и расширения агрессии поднимались волны антисемитизма. В 1939 г. в Нюрнберге была опубликована книга Рудольфа Куммера «Распутин – орудие евреев». Эта книга, быть может, издана не без помощи нацистской партии. Предисловие написал один из высокопоставленных лидеров этой партии. В нём говорилось, что много книг о Распутине было написано, но все их авторы были людьми, которые «не знали правду или не могли сказать правду из-за страха возмездия евреев». Книга доктора Куммера доказала, что «...русский мужик Распутин был марионеткой еврейского народа, разрушителей мира». «Наше время начало разрушать силу всемирного еврейства». Куммер пишет: пускай распространя-

---

⁷⁰ Там же. С. 347–348.

⁷¹ Там же. С. 348.

ются «знания о вредной работе евреев»⁷². Я нашёл книгу Куммера в Библиотеке Конгресса США, на ней был штамп Бюро просвещения Франкенского штата Нацистской партии.

Автор этой книги ссылается на книгу Симановича. «Всемирное еврейство», господствовавшее над русским народом, нацелилось на германский народ и приблизилось к господству мира. Изза восторга, забывая расчёт, преждевременно они открыли свои секретные деятельности и конечные цели. «Чувство триумфа над неевреями – в этот раз несчастным русским народом и его убитыми царём и царицей получило полное выражение в книге Симановича, еврейского секретаря Распутина»⁷³.

В том же, 1939 г., английский историк Бернард Пэаз опубликовал классическую книгу «Падение русской монархии». Пэаз подвёл итоги материалов и воспоминаний, опубликованных в 20–30-х гг. Пэаз встретил Симановича в Париже в 1934 г. и написал, что «хотя он вторил ряду совершенно необоснованных скандалов, Симанович изложил детали методов Распутина и его политические мысли и действия, которые часто можно проверить по другим источникам»⁷⁴. Английский историк конкретно указал, что «самыми интересными» из деятельности Распутина являлись «определённые действия, которые он предпринял в интересах евреев». «Симанович всегда поощрял Распутина сделать что-нибудь для его народа, и были признаки того, что это было предпринято»⁷⁵. Казалось бы Пэаз воздержался от того, чтобы упоминать конкретное содержание высказывания Симановича. Быть может, это было выбором историка, ненавидящего немецкий нацизм и его антисемитизм.

После Пэаза много книг было опубликовано о Распутине, но среди них не было ни одной, которая затрагивала бы отношение Распутина к еврейскому вопросу. Хотя опубликование А.Л. Сидоровым записок Смиттена было ценным делом историка, но ни у того и ни у другого не было и слова об этом.

Проблема евреев в период мировой войны была впервые подробно рассмотрена в четвёртой главе книги Г. Каткова «Россия в 1917 г.: февральская революция». Автор поддержал высказывания Яхонтова, говоря что «широко известно, что даже частичная

---

⁷² *Kummer Rudolf*. Rasputin – ein Werkzeug der Juden. – Nürnberg, 1939. P. 5.

⁷³ *Ibid.* P. 9–10.

⁷⁴ *Pares Bernard*. *Op. cit.* P. 7, 399.

⁷⁵ *Ibid.* P. 388.

мера была добыта у правительства угрозой финансового бойкота»⁷⁶. Но Катков не упомянул ни о воспоминаниях Симановича, ни о заинтересованности Распутина еврейской проблемой. То же можно сказать о статье М. Гамма «Либерализм и еврейская проблема: Прогрессивный блок». Гамм указал, что большинство депутатов Государственной Думы были безразличны к еврейскому вопросу осенью 1916 г.⁷⁷ В СССР исключение составил Бурджалов, затронувший в своей книге проблему подвергнутых репрессиям евреев в период мировой войны⁷⁸. А так по этому вопросу царил полное молчание.

При таких обстоятельствах появился роман Пикуля. Ровно через сорок лет после книги Куммера. В результате, в свою очередь, книга Симановича «Распутин и евреи» была переиздана в Тель-Авиве в 1980-х годах.

Правда, мне известно, что уважаемые советские коллеги написали критические заметки о книге Пикуля, но всё-таки такое произведение было написано и пользовалось огромным вниманием читателей. Очень жаль, что таким романом были раскритикованы пробелы в познаниях историков. В таком смысле я бы сказал, что выпуск этого романа мы, историки, восприняли как наказание за нашу лень.

---

⁷⁶ *Katkov George. Russia 1917: the February Revolution. – London, 1967. P. 61.*

⁷⁷ *Hamm Michael F., Liberalism and the Jewish Question: The Progressive Bloc // The Russian Review, Vol. 31. № 2 (April 1972). P. 165, 172.*

⁷⁸ *Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: восстание в Петрограде. – М., 1967. С. 44.*

1987

Лев Тихомиров: его духовный мир в последние годы жизни (1913–1923)*

Лев Александрович Тихомиров хорошо известен как влиятельный теоретик партии «Народная воля», совершивший затем драматический поворот к монархизму, опубликовав в 1888 г. памфлет «Почему я перестал быть революционером». После публикации в Советском Союзе в 1927 г. его дневника и мемуаров, охватывающих период между 1883 и 1895 гг.¹, обстоятельства этого поворота многие годы привлекали, похоже, гораздо большее внимание, чем любой другой сюжет из его жизни².

В конце 1960-х гг. появилось исследование о П.А. Столыпине, в котором особое внимание уделялось записке Тихомирова о рабочей политике³. Ряд работ в 1970-е гг. высветил проблему «зубатовщины» и роль Тихомирова в этом движении⁴. Всё это пробудило интерес к изучению монархической философии Тихомирова. В этом отношении заслуживают внимания две работы. Первая – диссертация Фон Дюана Хардести «Лев А. Тихомиров и

---

* Впервые опубликовано: *Annals of the Institute of Social Science*, № 28. 1986. University of Tokyo.

¹ Воспоминания Льва Тихомирова. – М.– Л., 1927.

² Так, в издании 1927 г., помимо собственно работ Тихомирова, опубликованы очерки историка-большевика В. Невского «Герой политического безвременья» и ветерана революционного движения В.Н. Фигнер «По поводу записок Л. Тихомирова». Среди жизнеописаний Тихомирова, изданных на Западе, можно назвать следующие: *Tidmarsh Kyril. Lev Tikhomirov and a Crisis in Russian Radicalism // Russian Review*, Vol. 20, № 1, January 1961; *Abbott Gleason. The Emigration and Apostasy of Lev Tikhomirov // Slavic Review*, Vol. XXVI, № 3, September 1967; *Hare Richard. A Repentant Social Revolutionary // Slavic and East European Review*, Vol. XXXVII, № 88.

³ *Авпex А.Я.* Столыпин и Третья дума. – М., 1968. С. 214–227.

⁴ *Pospelovsky Dimitry.* Russian Police Trade Unionism: Experiment or Provocation? – London, 1971. P. 81–83; *Schneiderman Jeremiah.* Sergei Zubatov and Revolutionary Marxism: The Struggle for the Working Class in Tsarist Russia. – Ithaca, 1976. P. 161–164.

автократический принцип: исследование его консервативной философии» (Von Duane Hardesty, «Lev A. Tikhomirov and the Autocratic Principle: A Study of His Conservative Thought»; защищена в Университете Огайо в 1974 г.), посвящённая анализу объёмистого труда Тихомирова «Монархическая государственность» (1905) и его мировоззрения до 1912 г. Вторая работа – это кандидатская диссертация покойного Владимира Николаевича Костылева «Лев Тихомиров на службе царизма: Из истории общественно-идейной борьбы в России в конце XIX – начале XX века», защищённая в МГУ в 1986 г. Костылев также исследовал монархический период жизни Тихомирова – со второй половины XIX в. до 1914 г. (Его статья «Выбор Льва Тихомирова» была опубликована посмертно в журнале «Вопросы истории», 1992 г., № № 6–7).

Нужно отметить, что публикация в Советском Союзе дневника Тихомирова была приостановлена, после того как отдельные части из него, относящиеся в 1904–1906 и 1907–1912 гг., появились в одном историческом журнале⁵. Не имея достоверных документов относительно последнего десятилетия его жизни, историки были вынуждены опираться на весьма претенциозную книгу Владимира Маевского «Революционер-монархист: Памяти Льва Тихомирова» («Новый сад», 1934). Своё описание жизни Тихомирова Маевский начинает словами: «В октябре 1923 года скончался Лев Тихомиров, известный публицист, один из последних редакторов-издателей “Московских Ведомостей”. Годы революционной бури Лев Тихомиров провёл в уединении отшельника, в Сергиевском Посаде, близ Москвы, под сенью Троице-Сергиевской лавры, среди мучений большевицкого “рая”»⁶. Маевскому вторил Кирилл Тидмарш, писавший: «Он пережил Большевицкую революцию, чтобы умереть в нищете в 1923 г.»⁷. И Хардести, несмотря на своё в остальном серьёзное исследование, тоже разделял подобное мнение, завершив свою диссертацию

---

⁵ 25 лет назад. Из дневников Л. Тихомирова // Красный архив, 1930. Кн. 1 (38). С. 20–69. Кн. 2 (39). С. 47–75. Кн. 3 (40). С. 59–96. Кн. 4–5 (41–42). С. 103–147; Из дневника Л. Тихомирова 1907 г. // Красный архив, 1933. Кн. 6 (61). С. 82–128; Из дневника Льва Тихомирова (период стольпинщины) // Красный архив, 1935. Кн. 5 (72). С. 120–157. Кн. 6 (73). С. 170–190; Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив, 1936. Кн. 1 (74). С. 162–19. Кн. 2 (75). С. 171–184.

⁶ Маевский В. Революционер-монархист: Памяти Льва Тихомирова // Новый сад, 1934. С. 9.

⁷ Tidmarsh Kyril. Op.cit. P. 59.

цию словами о том, что после революции, разрушившей монархию и его собственную «политическую альтернативу развития России», «Тихомиров мог опереться лишь на православную веру, чтобы не утратить смысла жизни»⁸.

Были ли подобные утверждения достаточно обоснованы? В дневниковых записях Тихомирова за 1912 г., которые были опубликованы, есть ясные указания на то, что он разочаровался в монархии после смерти Столыпина. Учитывая, что разочарование произошло задолго до реального краха монархии, было бы интересно проследить реакцию Тихомирова на революционные события 1917 г. Для этого необходимо тщательно проанализировать и сравнить данные дневника Тихомирова и другие до сих пор не опубликованные документы за 1913 г. и позже, которые хранятся с уже опубликованными в Государственном архиве Российской Федерации в Москве.

Будучи логическим продолжением моей статьи о жизни и деятельности Веры Фигнер в 1917–1923 гг.⁹, эта работа проливает свет на последние годы жизни Тихомирова, чья жизнь являла собой столь разительный контраст с жизнью В. Фигнер. Вместе эти две работы могли бы составить основу для сравнения жизненных траекторий двух ведущих революционеров-народников в их последние годы.

I

Уже в конце 1912 г. Лев Тихомиров чувствовал себя неважно. 30 декабря он лежал на кушетке в кабинете главного редактора «Московских ведомостей». Он явственно слышал пение нескольких детей сотрудников газеты, которые собрались возле ёлки в редакции. «Слышны песни детей... Кажется, веселятся. А я тут лежу один в кабинете. Устал до не знаю чего. И ничего мне не хочется... А из-за чего эта истощающая работа? Кому нужна, для чего?»¹⁰.

⁸ *Hardesty Von Duane*. Lev A. Tikhomirov and the Autocratic Principle. Ph. D. Dissertation. – Ohio State University, 1974. 239 p.

⁹ *Wada Haruki*. Vera Figner in the Early Post-Revolutionary Period, 1917–23, *Annals of the Institute of Social Science*, № 25, 1983–84. P. 43–73.

¹⁰ Красный архив. 1936. Кн. 2 (75). С. 177.

Тихомиров, готовившийся встретить свой 61-й день рождения вскоре после Нового года, уже три года работал издателем – главным редактором газеты, имевшей самую долгую историю в России и проправительственную ориентацию. Однако усталость, которую он ощущал, была не только физической; не была она связана и с газетными делами. Просто он окончательно понял, что все его политические усилия были напрасны.

До поста редактора он почти год и три месяца служил в Министерстве внутренних дел в С.-Петербурге и подготовил несколько предложений для премьер-министра П.А. Столыпина. В те дни, так же как и после возвращения Тихомирова в газету, отношения между ними не раз накалялись, но в конце каждого обострения Тихомиров вновь и вновь был вынужден признавать, что Столыпин – единственная надежда на пробуждение России¹¹. Теперь Столыпина не было, он был убит в Киеве в сентябре 1911 г. «Не даром Столыпина убили. Он хотя и конституционалист, но человек “прусского образца”, и по энергии характера не дал бы монарха в обиду. А теперь – людей нет, и вероятно, куча прямых предателей... Несчастнейший монарх. Мне его до смерти жалко. Я лично, признаюсь, потерял всякую веру в спасение...»¹².

Отчаяние Тихомирова было связано не только с группой политиков, близких к царю, но и, в определённой степени, с самим Николаем II. В 1910 г. газета Тихомирова опубликовала статью М.А. Новосёлова, его давнего друга, направленную против Григория Распутина. Когда статья была подвергнута критике со стороны отца Иллиодора (также из лагеря «правых»), Тихомиров предложил Новосёлову опубликовать опровержение в газете, а сам высказал критику в адрес Иллиодора в своей редакторской колонке¹³, тем самым, по сути, спровоцировав антираспутинскую кампанию. Царь, как говорят, был разгневан поведением Тихомирова: «Я ошибся в своих ожиданиях от Тихомирова»¹⁴. И хотя после газета вынужденно хранила молчание по этому вопросу, постоянные запреты на распутинскую тематику не могли не ом-

---

¹¹ См.: Тихомиров Л. У могилы П.А. Столыпина // Московские ведомости, 10 сентября 1911 г. С. 1.

¹² Красный архив. 1936. Кн. 2 (75). С. 177.

¹³ Новосёлов М. Духовный гастролер Григорий Распутин // Московские ведомости, 20 марта 1910 г. С. 2–3; Он же. Еще нечто о Григории Распутине. Там же. 30 марта 1910 г. С. 2; О Григории Распутине, иеромонахе Иллиодоре и прочих. Там же. 30 апреля 1910 г. С. 1.

¹⁴ Красный архив. 1936. Кн. 1. С. 172.

рачать настроения Тихомирова. После второго запрета он записал в дневнике 22 января 1912 г.: «Какой нестерпимый позор для царской фамилии. Они себя губят. Я даже и в истории не помню такого позора»¹⁵.

28 января 1912 г.: «Этот подлый Гришка, и его бесовская власть – просто гнетут душу... Нет нам Божией милости. И что можно придумать? За что стоять, что защищать, когда мерзость запустения водворилась на месте святе?»¹⁶.

В действительности, Тихомирова очень волновали трудности, прежде всего материальные, связанные с выпуском газеты. Число подписчиков в начале 1912 г. уменьшилось по сравнению с началом 1909 г. с 1.508 до 1.118 чел.¹⁷ Кроме того, правительство предложило ему в 1912 г. понизить расценки на публикацию правительственных сообщений и решений на первой странице газеты. Проблема была решена компромиссным путем: правительство обязалось поддержать газету отдельной субсидией, а Тихомиров в ответ согласился подписать рекламное соглашение с правительством, которое действовало до конца 1913 г.¹⁸ Все эти переговоры причинили ему массу страданий, но чем больше он был убежден в важности своей работы, тем больше осознал, что должен всё вытерпеть.

Накануне нового, 1913 года, Тихомиров пребывал в ещё более мрачном состоянии духа. 16 декабря 1912 г. министр внутренних дел А.А. Макаров был отправлен в отставку, его преемником был назначен черниговский губернатор Н.А. Маклаков. Вскоре после Нового года, 12 января 1913 г., Тихомиров записал в своём дневнике: «А там важная перемена. Макаров уволен, по-видимому, против желания. Новый министр Маклаков какой-то непонятный. Прежде всего, на место Золотарева взял товарищем В.Ф. Джунковского... Говорят, что вместо Харузина Маклаков хочет взять Арбузова. Чепуха какая-то. Вероятно, идя таким путем, Маклаков кончит скандальным крахом. Мне, очевидно, нужно уходить. С такой политикой правительства ничего нельзя делать»¹⁹.

---

¹⁵ Там же. 1936. Кн. 2. С. 174.

¹⁶ Там же. С. 175.

¹⁷ Там же. С. 174.

¹⁸ Там же. С. 175–176.

¹⁹ Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 634. Оп.1. Ед. хр. 21 (Дневники Тихомирова, № 17, 12 сентября 1910 г. – 18 августа 1913 г.). Л. 134, 134 об.

Говорили, что отставка Макарова была вызвана его «неправильным» поведением в распутинском вопросе, вызвавшим недоверие к нему царя и императрицы. Однако один из лучших историков России объясняет назначение нового министра внутренних дел тем, что оказывалось сильное давление со стороны «правых» в пользу Маклакова²⁰.

Так или иначе, Тихомиров был крайне недоволен сменой министра внутренних дел. Отметим, что тогда он впервые написал, что готов подать в отставку.

7 февраля Тихомиров отправился в С.-Петербург, чтобы лично побеседовать с премьер-министром В.Н. Коковцевым. Он чувствовал себя не в силах больше издавать газету. Но он также понимал, что не может просить для себя снова правительственный пост.

«Короче – какая-то ликвидация или полная или почти. А я не привык быть вне общественной жизни и даже не понимаю такого положения, не могу его себе представить». Тихомиров боялся будущего, но в то же время, он не мог вернуться назад. «Я уже вполне понял, что я ничего не сделаю, и даже больше: теперь никто не сделает ничего, стоящего делания»²¹.

Несмотря на чувство безысходности, выраженное Тихомировым в этих фразах, его встреча с Коковцевым оказалась успешной. Коковцев, после консультации с царем, счёл возможным удовлетворить просьбу Тихомирова относительно условий выпуска и руководства газетой, и это привело Тихомирова в более благоприятное расположение духа²².

Но 9 августа Тихомиров сообщил С.С. Татишеву, директору департамента печати при Министерстве внутренних дел, о своём намерении подать прошение об отставке в конце 1913 г.

«Итак – возврата нет. Будут ли они меня душить или отпустят с миром, но положение ясно. Фазис жизни – кончен. Помогите, Господь милосердный, ты видишь, что у меня нет сил нести эту каторгу и быть связанным с людьми, которым я не верю и от которых ничего доброго для моих идеалов не можно ждать»²³.

Во второй половине 1913 г., когда внимание общества было приковано к политическим стачкам и «делу Бейлиса», Тихомиров

---

²⁰ Аврех А.Я. Царизм и IV Дума (1912–1914 гг.). – М., 1981. С. 255–264.

²¹ ГАРФ. Ф. 634. Оп.1. Ед. хр.21. Л. 139 об.–140. Здесь и в последующих цитатах подчеркнутые слова выделены в оригинале. – В.Х.

²² Там же. Л. 140 об.

²³ Там же. Л. 170, 170 об.

был озабочен вопросом о преемнике²⁴. Наконец, 2 октября, утратив терпение, он послал в Министерство внутренних дел проект прошения об отставке²⁵. В этом проекте, который был принят и 11 октября опубликован в газете, он писал: «Расшатанное здоровье, в связи с трудностями издательства, побудило меня отказаться от всякой мысли о продолжении этого ответственного дела»²⁶. А в его дневнике 9 октября появилась следующая запись: «Ведь я весь век что-нибудь делал, теперь – нечего делать. Из современной России я выброшен. Моих людей нет и я сам всем чужой. От правых я, кажется, далее, чем от левых. От правительства не жду ничего, что стоило бы поддерживать. Замечательная эпоха Императора Николая II. Кажется, единственный светлый момент был при Столыпине, а потом всё беспросветная неурядица, разгром, неудачи, скорбь. Что-то даст будущее?»²⁷.

Забастовки рабочих, возобновившиеся после «ленского расстрела», грозили перерасти в «революционную акцию». 6 ноября Тихомиров писал о забастовке 70.000 рабочих Петербурга: «Всё это очень грозные признаки. Рабочая армия... организована великолепно... Это расшатанное правительство вряд ли выдержит сильный удар, если бы он был подготовлен революционерами»²⁸.

18 ноября Тихомиров узнал, что его преемником назначен Борис Назаревский, один из московских правых. Не стоит и говорить, что это была креатура министра внутренних дел Маклакова. В связи с этим назначением Тихомиров отметил в своём дневнике, имея в виду распространённый слух, что Распутин якобы даже пытался сместить премьер-министра Коковцева и вернуть Витте: «Петербург полон разговорами о Распутине. Сила его необычайна»²⁹. 29 ноября, в ответ на сообщение одного знакомого, что, мол, в Петербурге говорят, что назначение Назаревского тоже дело рук Распутина, Тихомиров заметил: «Я это и сам подозревал»³⁰. Тот факт, что влияние Распутина распространяется столь далеко, что он может даже назначать его собственного преемника, поверг Тихомирова в уныние.

---

²⁴ Там же. Ед. хр. 22 (Дневники Тихомирова, № 18, 13 августа 1913 г. – 7 декабря 1914 г.). Л. 20, 20 об., 21.

²⁵ Там же. Л. 29 об.

²⁶ От редактора-издателя // Московские ведомости, 11 октября 1913 г. С. 1.

²⁷ ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 34 об.–35.

²⁸ Там же. Л. 48 об.–49.

²⁹ Там же. Л. 51 об., 55, 55 об.

³⁰ Там же. Л. 66, 66 об.

Окончательная отставка Тихомирова произошла 30 декабря 1913 г. В этот день в «Московских ведомостях» было опубликовано его прощальное редакторское послание. Это послание было адресовано не только его читателям, но и – в немалой степени – официальной, то есть царской России. «Теперь, прощаясь с читателями “Московских ведомостей”, я должен повторять тот же призыв с добавлением разве того, что наше национальное положение за пять лет, по-моему мнению, не только не улучшилось, но ухудшилось, а потому задача, о которой идёт речь, стала ещё более настоятельно нужна, чем была пять лет назад.

Весьма сожалею, что не могу сказать на прощание ничего более утешительного, но благо и спасение только в правде и сознании реальности, а потому не могу скрывать своего убеждения, что положение современной России мне представляется таким же расшатанным и неустойчивым, как было прежде»³¹.

Объясняя причины ухудшения положения в стране, Тихомиров отметил как существенно отличается период пятилетней давности, «время надежд, которые особенно умел возбудить покойный Столыпин», и нынешний. «В современных же настроениях заметна самая тревожная вялость. Может быть, мы живём спокойнее, но это спокойствие безжизненности». У России больше «нет идеала, нет великой национальной идеи», утверждал Тихомиров, а возникшее «материальное преуспеяние» или экономический рост являются ничем иным, как результатом «процесса мирного завоевания России иностранным капиталом и иноземной... предприимчивости».

«Этот вывод, – писал он далее, – предсказывается мне не каким-нибудь пессимизмом или унынием». Выход должен быть найден, «надо только работать», заключил он. Впрочем, последняя фраза носила очевидно риторический характер. Цель послания Тихомирова сводилась к тому, чтобы донести его основную мысль: царизм находится в глубоком кризисе.

II

После отставки с поста главного редактора «Московских ведомостей» и своего прощального послания Тихомиров не написал больше ни одной статьи для этой газеты. И хотя в должности

---

³¹ Тихомиров Л. На прощание // Московские ведомости. 31 декабря 1913 г. С. 1.

главного редактора он проработал всего пять лет, он почти четверть века, с момента возвращения в Россию в 1889 г. являлся её постоянным автором. Тем очевиднее, что полный разрыв связей с «Ведомостями» символизировал важную перемену в жизни Тихомирова. Теперь и все остальные правые газеты, не говоря уже о либеральных, захлопнули перед ним свои двери. Вынужденный вести затворнический образ жизни, Тихомиров решил написать свою, как он предполагал, последнюю книгу – «Борьба за царствие Божье», однако ему, похоже, с трудом удавалось сосредоточиться на творчестве³².

Его существование в этот период было далеко от безоблачного. Прослужив в должности чиновника пятого ранга лишь полтора года, он не мог рассчитывать на государственную пенсию и был вынужден жить лишь на те небольшие деньги, которые ему удалось скопить. В Москве он жил в арендованном доме, но имел собственный дом в Сергиевом Посаде. Его старший сын Александр после окончания семинарии в Москве стал священником. Другой сын, Николай, был студентом, а одна из дочерей, Надежда, всё ещё проживала с ним в его доме³³.

Угроза кризиса, нараставшая в российском обществе в течение всей первой половины 1914 г., достигла апогея в июле. Не стоит и говорить, что русские «правые» были настроены прогермански и против вступления России в войну с Германией. Одним из главных сторонников этого взгляда был П.Н. Дурново, который писал, что Россия должна всеми силами избегать вступления в европейскую войну, иначе ей придётся столкнуться с социалистической революцией у себя дома³⁴. Судя по всему, Тихомиров вряд ли был знаком с этой оценкой Дурново³⁵, но он так же остро

³² ГАРФ. Ф. 634. Оп.1. Ед. хр. 24. (Дневники Тихомирова, № 20, 4 января – 7 сентября 1915 г.). Л. 3 об.

³³ Старший сын Тихомирова, родившийся в 1882 г., стал священником в 1907 г. (см.: Красный архив, 1933. Кн. 6. С. 113). Второй сын, Николай, родился в 1891 г. (см.: Воспоминания Льва Тихомирова. С. 394). В 1905 г. он был гимназистом (см.: Красный архив, 1930. Кн. 2. С. 58). Дочери Вера и Надежда родились обе в 1880 г. (см.: ГАРФ. Ф. 102, 3 делопроизводство, 18888. Ед. хр. 545. Т. 1. Л. 24) и были, по всей видимости, близнецами, так как праздновали в один день именины. В 1907 г. обе дочери Тихомирова работали в газете «Московский голос» (см.: Красный архив, 1933. Кн. 6. С. 91).

³⁴ Записка Дурново // Красная новь. 1922. № 6. С. 182–199.

³⁵ В день смерти Дурново, 11 сентября 1915 г., Тихомиров оставил в своём дневнике пространные воспоминания о нём (см.: ГАРФ. Ф. 634. Оп.1. Ед. хр. 25. Л. 8 об.–28 об.), но о приведённом мнении Дурново там нет ни слова.

осознавал, что страна переживает внутренний кризис, и так же твердо был убеждён, что Россия не должна вступать в войну с Германией. Он записал в своём дневнике 16 июля 1914 г.: «Я не верил в европейскую войну, п[аче] ч[аяния] слишком верил в малодушие нашей политики. Но нынешние известия очень грозны. Если правда, то от России требуют заявления нейтралитета, что также оскорбительная провокация, которой, пожалуй, не выдержат и наши блиндированные лбы»³⁶.

На следующий день он записывает: «У нас объявлена мобилизация... Но правду сказать, я всё-таки не верю в европейскую войну». Тихомиров понимал, что Россия не сможет противостоять Германии. «Дай Бог, чтобы я ошибался. Но самодовольная неспособность нашей политики так безгранична, что допускает самые пессимистические предположения. Мне кажется, что Россия может быть спасена только какими-нибудь промахами своих врагов»³⁷.

Наконец, 19 июля Германия объявила войну России. В ответ на это 20-го июля Россия императорским Манифестом объявила войну Германии. Начало войны породило невиданное национальное единство, которому, впрочем, не суждено было продлиться долго. Прекратились забастовки рабочих. Либералы клялись поддержать все военные усилия правительства. Что касается «правых», то они тем более были настроены поддержать царя.

Тихомиров также молился за победу русской армии и испытывал поочередно радость и печаль, по мере того, как изменялась ситуация на фронте³⁸. Однако с течением времени его всё больше охватывало беспокойство по поводу войны, и к февралю 1915 г. он был настолько удручён, что записал в дневнике: «Я всё менее начинаю верить в добрый исход войны. У нас государственные люди очень плохи, очень плохи. С плохой постановкой политики — не поможет войско. Нет Столыпина!»³⁹.

В марте его начало беспокоить резкое ухудшение условий жизни: «В Москве становится очень трудно жить. Всё страшно дорого или совсем нет. У нас дров нет»⁴⁰.

Ситуация ещё более ухудшилась, как и ожидалось, в начале лета 1915 г. 2 мая передовая линия обороны русской армии в Га-

³⁶ ГАРФ. Ф. 634. Оп.1. Ед. хр. 22. Л. 70.

³⁷ Там же. Л. 173, 173 об.

³⁸ Там же. Л. 200.

³⁹ Там же. Ед. хр. 24. Л. 10 об.—11.

⁴⁰ Там же. Л. 19 об.

лиции была прорвана наступающей германской армией, и это было началом большого отступления. После оставления Перемышля 20 мая зашевелилась московская буржуазия, и политическая ситуация начала меняться. Что касается Тихомирова, то он, напротив, пребывал в это время в каком-то расслабленном состоянии. В своём дневнике, в записи от 3 июня, он так оценивал причины своей бездеятельности: «До сих пор не принимался за работу. Вообще я чувствую какую-то пассивность. Строго общественной деятельности я уже даже не хочу. Она во мне возбуждает какое-то отвращение. Этот подлый суд порвал у меня нравственную связь с официальной Россией. Он как то является её символом. Не могу отделаться от этого чувства. Что касается общества, то у меня не заготовлено было связей для деятельности в его рядах. Судьбы России меня живо интересуют. Я за ними слежу, думаю о них... и радуюсь им. Но работать для них у меня нет способов. Я остаюсь в положении наблюдателя».

«Должно сказать, что понять эволюцию России очень трудно. В ней идут процессы сложные, неясные. Партийные люди их оценивают по своей мерке. Я уже и умом, и сердцем стою вне партий, а меня привлекает лишь мысль о всенародной сущности. И вот эта совокупность процессов, в России совершающихся, сложна до таинственности. Живёт ли в народе религиозная вера? Живёт ли в его сердце царский принцип?».

«Ясно очень, ясно одно, что тот или иной исход войны будет иметь решающее значение. Победа или поражение?»⁴¹.

Последние фразы создают впечатление, что Тихомиров вернулся к прежним оценкам действительности. Однако после анализа ситуации в России он пишет: «В довершение всего – нет центра народного единения. Государя любят и жалеют – это факт. Именно жалеют, т. е. хотели бы все ему помочь. Но мысль о нём, как человеке, способном помочь России – кажется, почти исчезла»⁴².

В июне 1915 г. началось отступление русской армии в Польше. В результате серии военных неудач, влияние стали обретать либералы и буржуазия. Возникли военно-промышленные комитеты во главе с Центральным ВПК и Особые совещания по делам обороны. Царь был вынужден отправить в отставку непопулярных министров, таких как военный министр В.А. Сухомлинов и

⁴¹ Там же. Л. 58, 59 об.

⁴² Там же. Л. 60.

министр внутренних дел Н.А. Маклаков. Тем не менее, армия продолжала отступать. 5 августа, в день падения Ковно, Тихомиров записал в своём дневнике: «Война всегда есть страшная проверка национальной работы за долгий период. Только страшно сильное правительство могло направлять на победное единство эту разношерстную нацию»⁴³. В том же месяце после долгого перерыва возобновились забастовки рабочих, а в правительстве возникли трения по поводу решения царя сместить великого князя Николая Николаевича с поста главнокомандующего и принять командование на себя. В ходе этих трений в Думе сформировался «Прогрессивный блок», потребовавший создания «правительства народного доверия». Впрочем, усилия «Прогрессивного блока» оказались тщетными, и царь, поощряемый советами императрицы и Распутина, продолжал двигаться к своему неминуемому краху.

3 сентября, после месячных потрясений, Дума была распущена на каникулы. К этому времени ход мыслей Тихомирова изменился коренным образом. 8 сентября он записал: «Забастовки... стихли. Но что толку? Уже раз рабочие одурели, то можно ли быть спокойным на будущее? Вообще эти судорожные движения интеллигенции и масс – вероятно итражают и влияние каких-то тайных сил – показывают, что мы уже не в силах бороться против Германии, не можем создать необходимого для этого национального правительства. Я разумею правительство, какого бы то ни было партийного направления, но русское думающее об интересах России, а не своих программ или своих господ, вроде масонов. Что монархия погибла – это вне сомнения, но теперь важно, чтобы Россия не погибла. О победе над немцами я уже не мечтаю... да и кто мечтает?»⁴⁴.

А двумя днями позже в его дневнике появилась следующая запись: «Мы находимся в катастрофе, как рыбаки, втянуты в водоворот Маельсторма... Что касается России, то она имеет вид погибшей страны и – несмотря на все вины свыше – прямая и непосредственная вина лежит в этом на “кадетах”. Они наносят нам теперь окончательный удар – перед неприятельским нашествием. Разваливают власть... Правда, эта власть ужасна, но она власть, и на её место не поставить другой так быстро. А без власти – как противиться немецкому завоеванию?»⁴⁵.

---

⁴³ Там же. Л. 85 об., 89 об.

⁴⁴ Там же. Ед. хр. 25 (Дневники Тихомирова, № 21, 8 сентября – 31 декабря 1915 г.). Л. 2, 2 об.

⁴⁵ Там же. Л. 5, 6.

Между тем, Распутин достиг пика своего влияния на государственные дела: в январе 1916 г. он добился замены И.Л. Горемыкина Б.В. Штюрмером на посту премьер-министра. Стало ясно, что теперь ничто уже не могло остановить процесс распада царского режима. 23 января 1916 г., спустя три дня после назначения Штюрмера на пост премьера, Тихомиров посетил нотариальную контору с целью переписать своё завещание. Свой дом в родном Новороссийске и хутор неподалеку от Москвы он завещал второму сыну Николаю. Остальное движимое и недвижимое имущество должно было быть распределено поровну между женой, сыном Николаем и двумя дочерьми. Старший сын Александр, носивший монашеский сан и имя – архимандрит Тихон, был лишён доли в наследстве. Однако в завещании было оговорено, что если в будущем он вернётся в мир, то сможет претендовать на свою долю⁴⁶. Тихомиров предчувствовал скорую смерть.

III

Осенью 1916 г., когда экономический кризис в стране достиг безнадёжной стадии, а политическая ситуация всё более принимала революционный характер, для Тихомирова, живущего на собственные сбережения и проценты по ним, наступили ещё более тяжёлые времена. Растущие налоги и цены тяжким бременем легли на семейный бюджет. 17 сентября 1916 г. Тихомиров записал в дневнике: «Вследствие этой дороговизны и налогов, мы обеднелись, приблизительно вдвое беднее, чем были. И никаким сокращением расходов невозможно парализовать этот процесс обеднения. Увеличивать доход нет способов. Места я ничем не могу иметь. Литературная работа для меня тоже не существует. Мне негде писать. Положение исключительное: в “левые” органы мне нет доступа, в “правые” тоже. Да притом я и не гожусь ни для тех, ни для других, п[отому] ч[то] у них одинаковая партийность, в которую я не могу запрягаться. В отношении мысли я полный одиночка».

Впрочем, я и не жалею о своём полном выбытии из журналистики. Я имею свои убеждения, но в данных условиях они, мне кажется, не приложимы к действительности. Современных людей

---

⁴⁶ Там же. Ед. хр. 1 (Духовное завещание Л.А. Тихомирова). Л. 1, 1 об.

С отцом, ученик высшей средней школы, январь 1954 г.

С профессором Эгуги и товарищами по Японскому обществу исследователей истории России (ЯОИИ), 1959 г. 21 год

С антивоенно настроенными американскими солдатами, 15 октября 1969 г.

У могилы Веры Фигнер (во время международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П. А. Кропоткина), декабрь 1992 г.

Получение премии имени Кима Дае Джуня в Чосонском университете, 12 августа 2010 г.
С женой и ректором университета

ВАДА Харуки

和田春樹

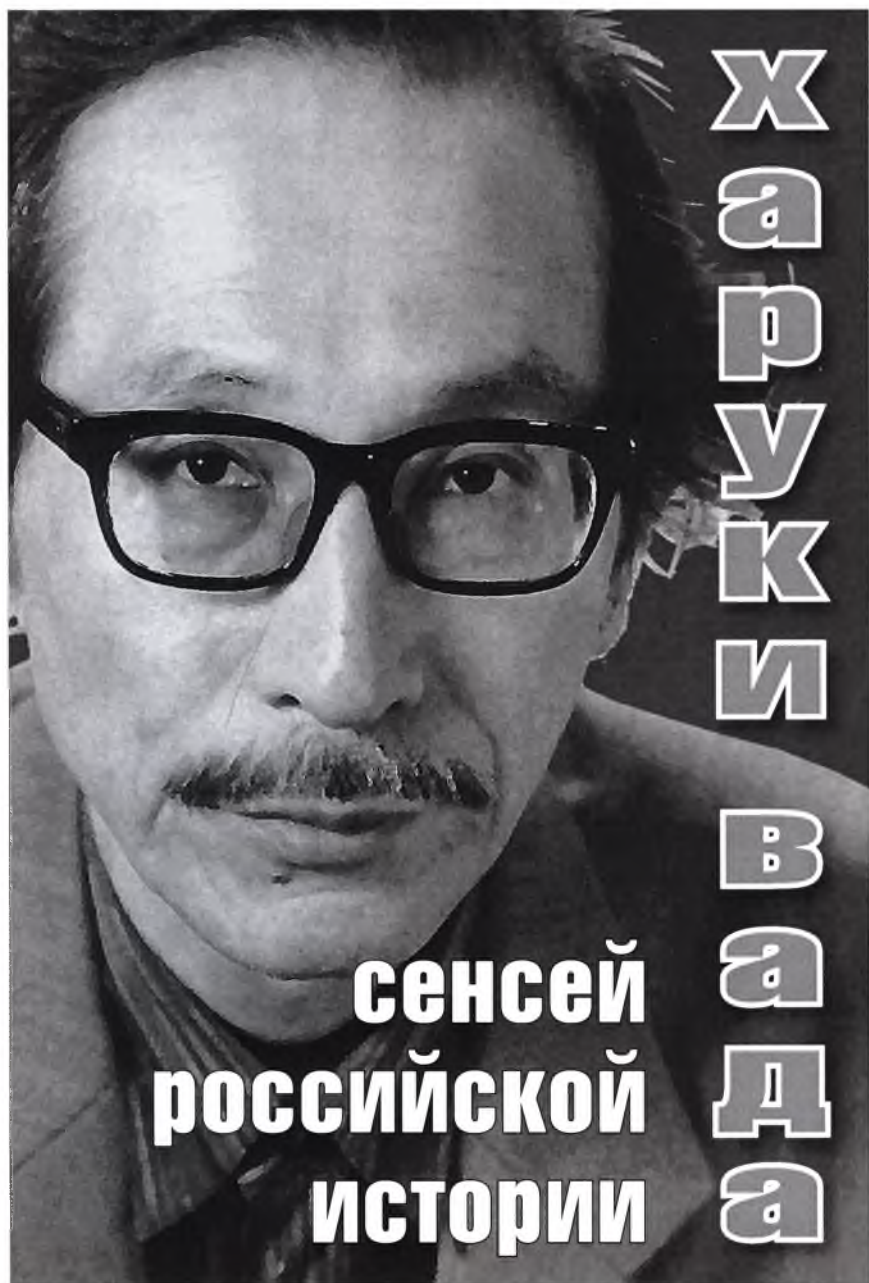
СЕРИЯ «ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ»

世界史の問題としてのロシア

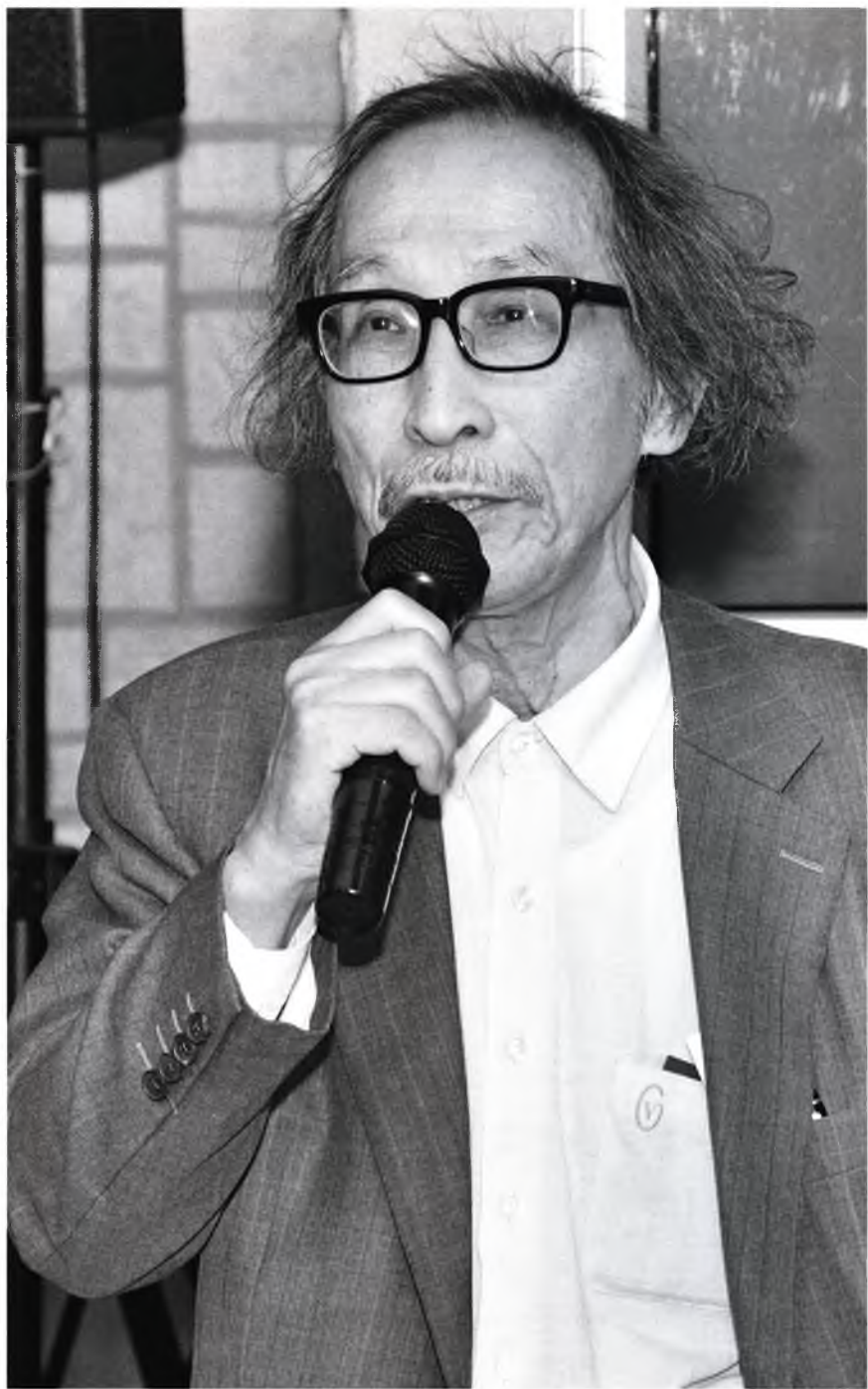
РОССИЯ

как проблема
всемирной
истории

Вада Харуки. Россия как проблема всемирной истории. – М., АИРО-XX, 1999. – 400 с.

Харуки Вада – сенсей российской истории. Сост. Г.А. Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2008. – 128 с.

На 20-летию АИРО, 2008 г.

Члены Международного Совета АИРО Карл Аймермахер, Харуки Вада, Стивен Козн и их супруги были приняты в Государственной Думе РФ. Москва, 18 марта 2008 г.

Чествование по случаю 77-летия во время IX Мирового конгресса ICEES в Макухари (Токио), август 2015 г.

С женой. 1 января 2018 г., Никко

я не могу учить даже в отношении того, в чём считаются не ошибающимися, не могу учить, потому что современные люди не захотят принять моих уроков, и не смогли бы их осуществлять.

Я, следовательно, мог бы только вести проповедь чего-то будущего. Но за такие проповеди люди не платят денег, и я мог бы печатать только на свой счёт, и в убытке себе, а на это у меня конец средств...

Вообще я кончаю жизнь и кончаю одиночкой. Это давно ясно, давно я с этим примирился. О невозможности действия я уже и не жалею. Мои желания совсем другие. Я желал бы для себя лично стать действительно верующим христианином и затем – для семьи – увидеть детей устроенными в жизни, и жену – спокойно провожающую свою старость»⁴⁷.

Нужда стала реальностью его жизни. Тихомиров даже собирался сдать часть своего сергиево-посадского дома в аренду, но не мог найти арендатора. Между тем, цены на всё необходимое, от хлеба до дров, были чрезвычайно высоки и всё продолжали расти. Тихомиров с прискорбием отмечал: «Вообще русские показывают себя теперь совершенными грабителями, не одни торговцы, а весь народ. Совесть пропала бесследно». «Все мошенники душат друг друга и всё государство». Движимый негодованием, он записал в дневнике отчаянные слова: «Никогда не думал я, что... приятно было бы уехать из России. А теперь, в годину “великой войны” – я очень охотно уехал бы куда угодно, к какому-нибудь честному народу, вроде японцев»⁴⁸.

В начале века Тихомиров изучал Японию и даже переписывался с одним православным японцем Какусабуру Сенумой. Он был весьма высокого мнения о японском государстве, возглавляемом императором, сумевшем победить Россию в русско-японской войне⁴⁹. Возможно, памятуя об этом, он написал, что желал бы уехать к японцам. С другой стороны, негативная оценка соотечественников имела большое значение, с точки зрения национализма Тихомирова.

Надо отметить, что в это время Тихомиров писал свою последнюю книгу «Борьба за царствие Божье». В середине сентября он работал над главой об ордене тамплиеров, а в октябре перешёл

---

⁴⁷ Там же. Ед. хр. 27 (Дневники Тихомирова, № 23, 14 сентября 1916 г. – 16 октября 1917 г.). Л. 21, 22.

⁴⁸ Там же. Л. 27 об.–28.

⁴⁹ Красный архив, 1930. Кн. 1. С. 25, 52.

к вопросу о роли тайных обществ в революционном движении⁵⁰. 22 октября он так писал о роковом смысле своей работы: «Я какой-то могильщик. Написал “Монархическая государственность”, о которой, право, ... никто до меня не смел изложить её философию. И это явилось в дни смерти монархического принципа. Какая-то эпитафия или надгробное слово на могиле некогда великого покойника. Теперь, пожалуй, напишу такую надгробную речь над человеческой борьбой за царствие божие – в такой момент, когда уже люди прекращают борьбу за него, и когда оно явится только с пришествием Христа»⁵¹.

Общество, писал он, между тем, полно разговорами об «измене»; ход войны складывается явно не в пользу России, а внутренняя политика царского правительства вконец запуталась.

«Почти невыносимо сидеть и ждать гибели. Нас задушает внутри “продовольственный вопрос”, а извне обнаружилась явная наша неспособность воевать с немцами. Армия – деморализовалась вконец. Она уже не верит в себя. А уже здесь, в тылу, кажется – нет единой души, которая бы верила в какой-нибудь добрый исход войны»⁵².

Осознание всё углубляющегося кризиса привело Тихомирова к мысли о спасительной роли сильной личности. 16 октября он записал в дневнике: «Если бы Бог послал человека, которому бы народ поверил – вся Россия бы воскресла. Но такого спасающего человека – нет, явно и очевидно нет»⁵³.

Он вернулся к этой мысли десять дней спустя, когда записал: «Как слышно, Дума хочет, по созыву, требовать ответственности министров. Полнейшая чепуха! Тут бы нужна была крупная личность, диктатор, да, разумеется, с характером и здравым смыслом. Большого ума не требуется, а именно здравый практический силач. Но Дума не знает такого человека, и я не знаю, и где его искать во время такой страшной внешней опасности?»⁵⁴.

Дума была вновь созвана 1 ноября. Заседание открыл П.Н. Миллюков, обратившись к депутатам с речью, знаменитым рефреном

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 634. Оп.1. Ед. хр. 27. Л. 26 об., 27, 30 об., 31, 39. Эта рукопись уже опубликована в Москве. Названные главы о тамплиерах и тайных обществах можно найти в книге: *Тихомиров Лев*. Религиозно-философские основы истории. – М., 1997. С. 385–471.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр.27. Л. 39 об.

⁵² Там же. Л. 38.

⁵³ Там же. Л. 38 об.

⁵⁴ Там же. Л. 43, 43 об.

которой стал вопрос: «глупость или измена?». Тем самым он намекнул на возможные тайные связи императрицы с немцами. Речь Милюкова, а также последовавший запрет на её публикацию в печати ещё более усугубили ситуацию и способствовали усилению слухов. Теперь все были убеждены, что «измена» имела место, и с ней начали увязывать последующие события, такие, как визит царя в Москву, взрыв в Архангельске и многие другие.

16 ноября Тихомиров записал: «Мне кажется, что никогда ни одна война на свете не проявляла ещё такого идиотства, как нынешняя наша. Даже разгром Наполеоном Австрии и Пруссии не даёт таких позорных картин. Идиотство ли это? Я почти не допускаю возможности такой глупости. Тут прямо преднамеренная измена»⁵⁵.

Здесь, не зная того, Тихомиров почти в точности повторяет рефрен Милюкова.

20 ноября Тихомиров в третий раз демонстрирует свою мечту о сильном лидере. На сей раз он пошёл дальше, утверждая, что Дума должна потребовать введения диктаторского правления: «В сущности, на легальной почве Думе почти нечего и невозможно делать. Ясно, что нужно не критики сменяющихся, никуда не годных правительств, а назначение годного и притом прочного. Другими словами, нужно требование какого-то... наместника. Но такое требование было бы актом революционным, ибо на него (даже в смысле самого скромного ходатайства) закон Государственной думы не даёт права.

Положение буквально безвыходное, а между тем, происходит такое историческое событие, в котором стоит на карте существование России»⁵⁶.

Чуть позже Тихомиров прочёл книгу французского автора Дешампа, который писал о влиянии масонов на европейскую политику XIV в., и она пробудила его подозрительность к масонам⁵⁷. Узнав, что речь Милюкова, намекнувшего на измену императрицы, была основана (как ни странно) на материалах германских газет, т. е. противоборствующей стороны, он начал подозревать, что всё было подстроено некой *rouvoir occulte* (тайной силой), подобно той, что действовала во Франции во времена Людовика XVII. 30 ноября он написал, что теперь всё понял относительно

---

⁵⁵ Там же. Л. 53.

⁵⁶ Там же. Л. 56 об.

⁵⁷ Там же. Л. 58, 58 об.

но милюковской речи: «Во всяком случае, ни о каких “изменах” или “германофильстве” ничего не было. Значит, рассеиваемые в публике слухи – сознательные выдумки подстрекателей революции. Величайшее несчастье – эта клеветническая тактика, которая имеет такой страшный успех»⁵⁸.

Тем не менее, оставалось очевидным, что кризис не был делом рук подстрекателей. 4 декабря Тихомиров приветствовал резолюцию XII съезда объединённого дворянства, обличающую «тёмные силы», и ещё больше уверился, что «вот только из-за этого ничтожнейшего и гнусного человека (имеется в виду Распутин. – Х.В.) потрясаются самые основы монархии». Он уже чувствовал, что катастрофа неизбежна.

«Значит, положение наше – безвыходно. А в народе называют самые бесшабашно-бунтовские инстинкты и грозят реками крови». «Кажется, общенародный психоз может разрешиться только в кровавом безумии»⁵⁹.

В записи от 9 декабря он выразился ещё более откровенно: «Да, революция назревает и подвигается. Теперь её проводят в жизнь высшие классы. Самый виновный – Гр. Распутин»⁶⁰.

В этой сгущающейся атмосфере в ночь на 16 декабря произошло убийство Распутина. На следующий день Тихомиров уделил этому знаменательному событию большое место в своём дневнике. Подробный рассказ он заключил словами: «В результате – жив ли этот Гришка или отправился в Ад, – он делается опять новым поводом для скандальных и компрометирующих толков. Это какое-то орудие гибели»⁶¹. После этого, по неизвестным причинам, почти на полмесяца Тихомиров прекратил вести дневник.

Когда наступил роковой 1917-й, Тихомиров пребывал в глубоком отчаянии, вызванном слухами о том, что тело Распутина якобы было похоронено в Царскосельском соборе. 20 января, в день своего 65-летия, Тихомиров записал в своём дневнике: «А нравственно власть подорвана трижды проклятым Гришкой. Это уже такой позор, что и описать нельзя... Но убийство только закрепило страшный факт – в чьих руках может быть Россия. Это всё ужасно. Сверх того – если уже был случай убийства, как единственное средство снять позор с страны, то ведь это – все-

⁵⁸ Там же. Л. 64.

⁵⁹ Там же. Л. 66, 66 об., 67.

⁶⁰ Там же. Л. 69.

⁶¹ Там же. Л. 74 об.

таки ужасный прецедент. Подлый Гришка и после смерти остаётся угрозой Династии. Я часто ломаю голову над вопросом, чем можно спасти Монархию? И право – не вижу средств. Самое главное в том, что Государь не может, конечно, переродиться и изменить своего характера... Он может только вечно колебаться и постоянно переходить от плана к плану. Ну, а при этом в столь запутанном положении можно только рухнуть, если не будет какого-нибудь Провиденциального вмешательства»⁶².

Что имел в виду Тихомиров под «Провиденциальным вмешательством»? Мне кажется, он полагал, что монархию могло бы спасти убийство Николая II. Во всяком случае, следующие две страницы его дневника были вырваны, вероятно, потому что их содержание автор счёл слишком опасным.

Запись от 28 января содержит описания, подобные нижеследующему: «Одним словом, страна полна слухов, что показывает полное падение доверия к управительным способностям Государя и какое-то прямое желание переворота... И это вовсе не настроение одних “революционеров”, не “интеллигенции” даже, а какой-то огромной массы обывателей. Положение это не имеет ничего общего с тем, как было, например, при Императоре Александре II. Там, действительно, народа против Царя не было. Теперь против Царя – в смысле полного неверия в него – множество самых обычных “обывателей”»⁶³. Из этого отрывка ясно, что Тихомиров не зря вспомнил об инциденте 1 марта 1881 г. Теперь только цареубийство могло спасти Россию.

В феврале 1917 г. продовольственная ситуация становилась всё хуже день ото дня. Но ещё больше Тихомирова раздражали сообщения о том, что рабочие вышли 9 января на демонстрации под лозунгами «Долой войну!» и «У нас нет хлеба». Он писал, что подавляющее большинство фабричных рабочих не голодает, у них есть хлеб. Зато люди, подобные Тихомирову, не имеющие работы и поэтому не получающие добавочного пайка, по-видимому, были главными жертвами углубляющегося продовольственного кризиса.

4 февраля: «Завтра начинается Масленица. А ничего нет»⁶⁴.

5 февраля: «Готовятся ввести карточки на хлеб с воспрещением продажи муки»⁶⁵.

---

⁶² Там же. Л. 88, 88 об.

⁶³ Там же. Л. 91 об., 92.

⁶⁴ Там же. Л. 97.

⁶⁵ Там же. Л. 97 об.

7 февраля: «Это истинно голод. И чтобы добыть эту жалкую порцию, нужно стоять в хвосте часа 3–4 – на морозе во 18–20°»⁶⁶.

10 февраля: «Хлеба всё меньше и голодающая публика становится всё обозлѣннее»⁶⁷.

17 февраля: «Положение продовольствия наводит какой-то ужас. Нечего есть»⁶⁸.

23 февраля, когда петроградские рабочие вышли на улицы, Тихомирова больше волновало полученное им в тот же день извещение о подоходном налоге⁶⁹. Даже 25 февраля, когда Петроград был охвачен всеобщей забастовкой, он записал, что в столице просто произошли беспорядки по причине голода. В Москве в тот день случилась метель; может быть, поэтому там не произошло акций, подобных петроградской⁷⁰. Однако 27 февраля, когда восстание армейских частей привело к победе революции в Петрограде, Тихомиров наконец узнал о беспорядках в столице, которые он описал следующим образом: «Из Петрограда (из двух разных источников) получены удивительные известия. Распущена будто бы Госдума, но не разошлась Дума, и в защиту её вспыхнул военный бунт. Три или четыре гвардейских полка захватили Арсенал и даже будто бы Петропавловскую крепость и охраняют Думу. Голицын будто бы отказался от власти. Протопопов бежал в Царское Село. Образовался будто бы какой-то Комитет, под председательством Родзянко.

Господами положения будто бы пока являются эти три или четыре возмущившиеся полка. Страшная весть. Если правда, чем кончается? Мне теперь страшно и за нашего Колю»⁷¹.

Сообщение о восстании в Петрограде не было сюрпризом для Тихомирова. Что взволновало его больше всего, была не судьба Николая II, а безопасность его собственного сына Николая, который был мобилизован в столичную воинскую часть летом 1916 г.

Первоначально лист с записями за 28 февраля был вырван им из дневника, а затем уже переписанный возвращѣн на прежнее место. Это было описание того, как в Москве восприняли революцию, но сегодня мы не можем определить точно, какие фрагменты текста были переписаны. Эта страница кончается выво-

---

⁶⁶ Там же. Л. 99.

⁶⁷ Там же. Л. 100.

⁶⁸ Там же. Л. 102 об.

⁶⁹ Там же. Л. 106.

⁷⁰ Там же. Л. 106 об.

⁷¹ Там же. Л. 108. Запись этого дня сделана красным карандашом.

дом: «общее настроение – за восставших»⁷². На следующей странице первоначального (не переписанного) текста мы читаем: «Итак, наша Монархия, по крайней мере, в самодержавной форме – рухнула». На место её, по мысли Тихомирова, должна придти «другая – прочная власть»⁷³.

1 марта Тихомиров отмечает, что «виноваты особенно эти паршивые “правые”, подстрекающие власть к крутым мерам»⁷⁴ и обращает внимание на то, что революционный комитет призвал в своём бюллетене к «сохранению порядка». На следующий день он комментирует новость о создании Временного правительства:

«Впрочем, ясно, что бесконечно громадное большинство народа – за переворот. Видно, всем уже надоело быть в страхе за судьбы России. Несчастный царь, может быть, – последний. Я думаю, однако, что было бы практичнее ввести Монархию ограниченную. Династия, видимо, сгнила до корня. Какое тут самодержавие, если народу внушили отвращение к нему – действиями самого же Царя...

Теперь вопрос идёт о существовании страны. Угрожает страшная Германия, а мы по уши сидели в измене, самой несомненной. Этот переворот должна бы была сделать сама династия, если бы в ней сколько-нибудь осталось живой нравственной силы. Но наличность условий привела к иному исходу. Теперь, дай только Бог, чтобы Правительство, раз оно возникло, осталось прочным»⁷⁵.

В тот же день Тихомиров позвонил в Сергиев Посад и нашёл свою жену Екатерину и дочь Надежду в радостном возбуждении. «Поздравляю с переворотом!» – кричала ему Надежда по телефону. «Если только Временное Правительство окажется прочным (что, по-видимому, несомненно), – рассуждал Тихомиров, – то падение Николая II будет встречено с радостью по всей России»⁷⁶.

4 марта в газетах было опубликовано отречение от престола Николая II и отказ великого князя Михаила принять престолонаследие, Тихомиров сообщил об этом в своём дневнике, не сопроводив, впрочем, эту запись каким-либо комментариями. В тот же день он был в церкви и получил святое причастие⁷⁷. Возмож-

---

⁷² Там же. Л. 109 об.

⁷³ Там же. Л. 110 об., 111.

⁷⁴ Там же. Л. 113.

⁷⁵ Там же. Л. 114, 114 об.

⁷⁶ Там же. Л. 115.

⁷⁷ Там же. Л. 118.

но, он увидел в новой ситуации проявление божественной воли и возблагодарил Господа.

Так или иначе, но Тихомиров на самом деле положительно воспринял крах российского абсолютизма и победу Февральской революции. Его позиция разительно отличалась от позиции Сергея Зубатова, бывшего главы московской охранки, с которым он вместе работал в начале века. Когда Зубатов, находившийся в своём доме в Москве, узнал об отречении царя, он встал из-за обеденного стола, вышел в другую комнату и застрелился⁷⁸. Стоит отметить однако, что реакция Зубатова была, скорее, исключительной.

IV

7 марта в Москве состоялся митинг горничных, на котором они обсуждали условия своего труда, включая длительность рабочего дня. Тихомиров уговорил свою горничную Машу принять в нём участие⁷⁹.

Между тем, 8 марта он имел телефонный разговор со своей женой, находившейся в Сергиевом Посаде, и получил тревожное известие. Он узнал, что в тот день в его дом заявили два молодых человека и грозили ему арестом. Узнав об этом, Тихомиров немедленно отправился в участок узнать причины и подробности своего ареста. Однако в районном отделе милиции были не в курсе и посоветовали ему обратиться в городской отдел. Тихомиров отправился туда и так объяснил ситуацию местному начальнику: «Я... естественно беспокоюсь и особенно тому, что могут подумать будто я скрываюсь». Из городского отдела его послали к комиссару, а затем вновь в городской отдел, где ему пришлось поставить подпись под нижеследующим заявлением: «Я, нижеподписавшийся Лев Александрович Тихомиров... заявляю, что признаю Временное правительство и обязуюсь повиноваться его распоряжениям». Очевидно, что печатная форма этого заявления была подготовлена для того, чтобы заставить общественных деятелей присягнуть Временному правительству.

---

⁷⁸ Заварзин П.П. Жандармы и революционеры. Воспоминания. – Париж, 1930. С. 59.

⁷⁹ ГАРФ. Ф. 634. Оп.1. Ед. хр. 27. Л. 118–118 об.

Тихомиров продолжал настаивать, чтобы милицейские чины предоставили ему гарантии безопасности. Ему сказали, что он может жить так же свободно, как любой другой гражданин, что он может свободно передвигаться, и ему не о чем беспокоиться, поскольку он «присягнул» Временному правительству, и что в случае, если возникнут какие-то проблемы, он должен звонить им. Обнадёженный Тихомиров пошёл домой⁸⁰.

Впрочем ситуация не внушала Тихомирову оптимизма. Он решил прекратить вести дневник. Сделав последнюю, по его мысли, запись 8 марта, он надписал на обложке «14 сентября 1916 г. – 8 марта 1917 г.». Он опасался, что продолжение дневника может навлечь на него новые неприятности. Вполне возможно, что именно в это время он вырвал страницу за 28 февраля и заменил её новой⁸¹.

Однако на следующий день, 9 марта, ему снова позвонила жена и сообщила хорошие новости. Оказывается, комиссар снова заходил к ней и рассказал, что он издал указ об аресте Тихомирова на том основании, что он-де является главным редактором «Московских ведомостей», газеты, которую комиссар назвал оплотом реакции. Жена ответила, что Тихомиров уволился с поста четыре года назад, и что он уже объяснился по этому поводу в милицеском управлении в Москве. По её словам, комиссар счёл её объяснения убедительными и отменил арест⁸². После таких новостей Тихомиров, похоже, настолько воспрял духом, что решил отказаться от принятого накануне решения и продолжил дневник.

10 марта несколько московских газет опубликовали текст клятвы, данной Тихомировым в милицеском управлении, который, возможно, был предоставлен им самим Тихомировым⁸³. Должно быть, он счёл важным продемонстрировать свою поддержку Февральской революции и свою лояльность Временному правительству. В тот день он записал в дневнике: «Какую страшную гору несправедливости взваливают на меня революционеры. Ведь я действовал искренне и честно и притом – всегда думал о

---

⁸⁰ Там же. Л. 118 об.–120 об.

⁸¹ Там же. Л. 121 об. Кроме того в некоторых местах им были сделаны поправки. – Там же. Л. 101.

⁸² Там же. Л. 121 об.

⁸³ Там же. По сведениям Евгении Таратуты, клятва Тихомирова была опубликована впервые в газете «Русское слово» – Таратута Е. С.М. Степняк-Кравчинский: революционер и писатель. – М., 1973. С. 384.

благе народа и рабочих... Не я ли всегда работал на дело организации рабочих, не я ли первый выдвинул идею созыва Собора, не я ли первый обличил Распутина... Дубровин в своём Русском Знамени называл меня революционером. Глинка в Земщине писал, что я как был, так и остался радикалом. Вот как ко мне относились реакционные силы. Да и Правительство – сколько я вынес борьбы с ним, и оно же меня придушило. А вот меня же поносят, с прибавкой ругательств, реакционером. Эта несправедливая ненависть меня давит, как камень»⁸⁴. Эти слова самооправдания были явным преувеличением. Но отбрасывать их, как полностью лишённые основания, тоже не стоит. Скорее, их стоит расценивать как проявление беспокойства и замешательства, в котором пребывал тихомировский рассудок.

20 марта дневник вновь обрывается⁸⁵. Записи возобновляются только 8 мая, то есть уже после апрельского кризиса и преобразования Временного правительства в коалиционное во главе с А.Ф. Керенским.

Тихомиров начал свои записи в этот день с пессимистического заявления: «Давно ничего не записывал да и охоты нет». И продолжил: «Вообще – моё личное положение полно только угроз будущего и опасений, и нет ни одного проблеска надежды, исключая помощь божью»⁸⁶. В то же время, его оценка социально-политической ситуации выглядит довольно оптимистичной: «Факт в том, что революция укрепляется, и конечно, с сильным социалистическим характером. Действительную власть составляет совет солдатских и рабочих депутатов. Временное Правительство было вполне обессилено, п[отому] ч[то] солдаты подчиняются не ему, а совету солдатских и рабочих депутатов»⁸⁷.

Тихомиров приветствовал создание коалиционного правительства и полагал, что это стало возможным в результате замены анархии «некоторым порядком». В то же время Германия была настолько истощена войной, что ситуация на фронте зашла в тупик. «В настоящее время у нас, таким образом, сравнительно благоприятный момент. Удержится ли он и будет ли развиваться, это зависит от того, будет ли прочно Коалиционное Правительство»⁸⁸.

---

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 634. Оп.1. Ед. хр.27. Л. 122.

⁸⁵ Там же. Л. 123.

⁸⁶ Там же. Л. 123 об.–124 об.

⁸⁷ Там же. Л. 124 об.–125.

⁸⁸ Там же. Л. 126.

Относительно того, во что может вылиться «революционная реформа в России», Тихомиров считал, что об этом можно только догадываться, однако отметил, что борьба идёт между социалистической и демократической идеей. «Социалистическую идею... можно насаждать только при диктатуре одной лишь части народа, т. е. вообще, если не одного пролетариата, то малоимущих классов. При диктатуре же, чьей бы то ни было, демократические учреждения нельзя насаждать. Это в сущности – противоположность». «Правительство имеет в виду скорейший созыв Учредительного Собрания. Но оно, если будет собрано раньше демократической организации народа, может быть только более или менее захватным, нечто вроде Конвента, который был не народным, а якобинским. У нас вместо якобинцев могут быть только социалисты»⁸⁹.

Сценарий революции, разработанный партией «Народная воля», выглядел следующим образом: первое – захват государственной власти посредством заговора; второе – создание Временного правительства и осуществление им социалистической программы; третье – созыв Учредительного собрания, которое должно узаконить все революционные достижения. Как ведущий теоретик «Народной воли», Тихомиров должен был прекрасно представлять, о чём идет речь. Он предвидел, что «будет предстоять задача, в тысячу раз больше трудная и сложная, чем во Франции предстояла якобинцам. Как они справятся, каким способом, с каким успехом – это загадка, которую едва ли кто может разгадать. Что при этом будут делать другие народы? Произойдет ли у них социальная революция или они соблазнятся мыслью расхватать Россию – это тоже загадка. Шанс России составляет то, что весь почти мир крайне истощён и утомлён этой беспримерной войной. Это истощение и утомление может дать демократически-социальной России время для устройства. Но насколько велик этот шанс – кто его знает»⁹⁰.

Эти слова показывают, что Тихомиров считал рост «социалистической России» объективно неизбежным. Но не менее он был уверен, что этот рост будет сопровождаться гигантскими трудностями и страданиями: «Вообще будущее мне представляется очень туманным, и ясно одно, что оно, каков бы ни был окончательный исход... полно множества страданий. Увидеть оконча-

---

⁸⁹ Там же. Л. 126 об.–127.

⁹⁰ Там же. Л. 127–127 об.

тельный исход – мне, без сомнения, не суждено... но испытать всё разорение первого периода – совершенно неизбежно. Конечно, я достаточно объективен. чтобы не судить об интересах России по своим интересам. Но мне страшно за семью»⁹¹.

Тихомиров предвидел и процесс «дехристианизации», который предстоит пережить «новой России». «Трудно в этом отношении, – писал он, – определить степень отпадения народа от Бога, но факт несомненный». Не сомневался он и в том, что ему самому нет места в «новой России».

«Я ухожу с сознанием, что искренне хотел благо народу, России, человечеству. Я служил этому благу честно и старательно. Но мои идеи, мои представления об этом благе отвергнуты и покинуты народом, Россией и человечеством. Я не могу признать их правыми в идеалах. Я не могу отказаться от своих идеалов. Но они имеют право жить, как считают лучшим для себя. Я не могу и даже не хочу, не имею права им мешать устраиваться, как им угодно, хотя бы гораздо хуже, чем они могли бы устроиться. В итоге – я отрезанный ломоть от жизни. Жизнь уже не для меня. Для меня во всей силе осталась одна задача, единственная: позаботиться о спасении души своей. Да поможет мне Бог в этом и да будет во всем Его непостижимая Воля. Не остави меня, Господи, боже мой, не отступи от меня... Господи, спасения моего»⁹².

Объективно он признавал, что его монархическая теория несостоятельна и что революция насущно неизбежна. Он понимал, что в условиях войны и социального кризиса диктатура пролетариата вправе считать себя спасением для России.

Единственным человеком, оставившим письменные свидетельства о жизни Тихомирова этого периода, был Юрий Терапиано, его двоюродный племянник. Терапиано попал на военную службу и служил в Петрограде в звании прапорщика. После Октябрьской революции он бежал в Западную Европу и был известен как поэт и эссеист. В одном из своих эссе он вспоминал, что Тихомиров в 1917 г. производил впечатление человека, в глубине души до конца остающегося революционером. В том же эссе он писал, как однажды в конце мая вместе с Тихомировым оказался свидетелем массового митинга, организованного революционными группами на Красной площади. Видя общий беспорядок этого мероприятия и разнузданное поведение его участников, многие

---

⁹¹ Там же. Л. 128.

⁹² Там же. Л. 128 об.–129 об.

из которых были пьяными, Тихомиров, по свидетельству Терапиано, сказал: «Я вспомнил, там, на площади... моё прошлое... то, что было с нами... ради этого»⁹³.

Неизвестно, является ли этот эпизод действительностью или вымыслом, но тем не менее, вполне соответствует духу тихомировского дневника. Следующая запись в нём датирована 20 июля 1917 г. и начинается с сообщения о том, что старший сын Тихомирова, Тихон, только что вернулся в Москву из Новгорода, где он служил священником. Затем Тихомиров комментирует ситуацию, сложившуюся в России после июльских событий: «Тяжка жизнь нетерпимо. Я не записываю, что приходится переживать в нашей анархии. Не говорю уже о “Галицийском разгроме”, о Петроградском восстании большевиков. Но в обычной жизни – нетерпимо. Только и слышу о грабежах, насилиях. Ни за один день своей жизни не спокоен. Теперь, конечно, момент, когда идут толки о создании правительства независимого и национального, а не “классового”, подчиненного “солдатско-рабочим депутатам”. Но страшные 6 месяцев анархии отучили от малейшей надежды на какой-нибудь луч света в нашем удушающем мраке»⁹⁴.

На следующий день он записал, что Керенский не сумел отстоять свой план создания независимого от Советов правительства и что кадеты отказались войти в Кабинет. «И если мои суждения об этом кризисе верны, то нужно предвидеть, что Керенский недолго сохранит влияние и популярность, провалится и у солдатских и рабочих депутатов, и в других слоях населения, сойдёт на нет.

В сущности, он уже провалился в двух важных делах, 1) в наступлении, где полагал воодушевить миллионы солдат своим красноречием, 2) и теперь в попытке создать национальное правительство. Не подействовало его красноречие ни на армию, ни на совет депутатов. Вместо наступления получился разгром, вместо национального правительства пока ничего, а потом, вероятно, тень, ни на что не пригодная.

Нет у него, по-видимому, настоящей силы государственного человека. Жаль. А это был единственный человек, как будто обещавший вывести Россию из тупика»⁹⁵.

---

⁹³ Терапиано Ю. Встречи. – Нью-Йорк, 1953. С. 9–10. Я благодарен Леониду Черткову, который привлек мое внимание к воспоминаниям Терапиано о Тихомирове.

⁹⁴ ГАРФ. Ф. 634. Оп.1. Ед. хр. 27. Л. 130 об., 131.

⁹⁵ Там же. Л. 132, 132 об.

Тихомиров считал, что в то время, когда ситуация на фронте не внушала опасений, внутреннее положение становилось всё более угрожающим. Продовольственное снабжение постоянно ухудшалось. Было похоже, что в жизни каждого человека и нации в целом наступил полный хаос. Из дневника Тихомирова: «Увы, не имею я уже силы помогать родине, не имею и понимания положения, не имею даже достаточно времени жизни. Смотрю только на эту страшную картину развала и ничего не могу сделать... Нужен порядок и труд, а для этого нужна национальная власть и притом сколько-нибудь умная. Тут нужен гениальный деятель, который бы умел понять идею времени и положения и осуществить её, не допуская страну до развала. А такого деятеля нет. Керенский, боюсь, уже доказал, что он не такой»⁹⁶.

К сожалению Тихомирова, Керенскому не удалось создать «сильное правительство». Разочарованный Тихомиров не видел, откуда может найтись тот «гениальный деятель», который объединит нацию.

Заканчивая свою запись за 21 июля, он снова написал о намерении завершить дневник. Он зачеркнул на обложке дату «8 марта 1917 г.» и написал «Июль 1917 г.». Вслед за этим в дневнике идут шесть чистых листов (12 страниц). Однако созыв Государственного совещания в Москве вынудил Тихомирова вновь прибегнуть к дневнику 14 и 15 августа. Отметив, что он решил не описывать приезд Корнилова в Москву, Тихомиров делает безрадостный вывод: «Похоже, что мы безысходно погибаем. Такого полного отсутствия народного единения – никогда не было, а власть бессильна. Не знаю, зачем собрано Государственное Совещание, если у Государства нет силы, если его распоряжения не признают организованные силы рабочих и солдат»⁹⁷.

После этой записи в дневнике оставался лишь один незаполненный лист. 16 октября, после свидания с сыном Николаем, который приехал в кратковременный отпуск из своей воинской части (Николай служил прапорщиком в Петрограде, где вот-вот должно было вспыхнуть пламя новой революции), Тихомиров снова вынул дневник. Он написал о сыне, о тех днях, что они провели вместе дома, и о своём беспокойстве за его судьбу. Страница заканчивается словами: «Вообще он утешал меня, да и всех. Благослови, Господи, его путь и дальнейшее преуспеяние.

---

⁹⁶ Там же. Л. 133 об.

⁹⁷ Там же. Л. 138 об.

Благодарю за него Господа и славлю Его попечение. Думаю, что он будет добрым братом и сыном. С этой мыслью мне и умирать легче, если судит это Бог. Спаси его Господь!»⁹⁸.

И это были последние слова последней сохранившейся страницы тихомировского дневника – дневника, который он вёл 34 года.

V

К сожалению, не сохранилось записей, показывающих отношение Тихомирова к Октябрьской революции непосредственно в дни событий. Возможно, он начал тогда вести новый дневник, он до сих пор не был найден. Однако, судя по его дневниковым записям, предшествующим революции, он, похоже, признавал неизбежность свержения Временного правительства и создания правительства большевиков. Октябрьская революция, в задачу которой очевидно входило установление твердой революционной диктатуры, должна была, по представлениям Тихомирова, осуществить давно лелеемую им мечту о сильной государственной власти.

Как ни странно, из всех его бывших товарищей по революционной борьбе только Марк Натансон, патриарх партии социалистов-революционеров, поддержал Октябрьскую революцию. Остальные, включая трудовика Николая Чайковского, бывших членов партии «Народная воля», В. Фигнер с её явным тяготением к эсерам, связанного с кадетами Н.А. Морозова или Германа Лопатина, а также бывших участников «Черного передела» меньшевика Г.В. Плеханова, Л. Дейча и В.И. Засулич, – все они оказались против Октябрьской революции. Плеханов, в частности, уже будучи при смерти, опубликовал открытое письмо, осуждающее Октябрьскую революцию, и скончался, разочарованный, в 1918 г.⁹⁹

⁹⁸ Там же. Л. 139 об. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1919 гг. – М., 2008. С. 264

⁹⁹ Об отношении Натансона к Октябрьской революции см.: *Reed John. Ten Days That Shook the World.* – New-York, 1918. P. 308–309. О взглядах Фигнер см.: *Wada Haruki. Op.cit.* P. 44; О взглядах Морозова см.: Автобиография. Н.А. Морозов. Энциклопедический словарь «Гранат». 7-е изд. Т. 40, приложение. – М., б.г. Кол. 317; о взглядах Лопатина и Засулич см.: *Книж-*

Тихомиров впервые высказался публично по поводу большевистского режима спустя почти год после его основания. 11 сентября 1918 г. он направил письмо в адрес Румянцевского музея, руководимого тогда Народным Комиссариатом просвещения РСФСР, с просьбой принять на хранение все 27 томов его рукописей (23 дневниковых и 4 мемуарных). Своё предложение он сопроводил тремя условиями: 1) Лишь он и его семья будут иметь право пользоваться этими рукописями в течение его жизни и десяти лет после смерти; 2) по истечении десяти лет после его смерти эти документы могут быть использованы на общих основаниях с другими единицами хранения музея; 3) право, оговорённое в пункте 1, должно включать право публикации¹⁰⁰.

Для Тихомирова эти рукописи имели неизмеримую ценность. Сменив в жизни несколько политических кредо и испытав всякий раз разочарование, он неизменно находил огромное удовлетворение в том, что сумел сохранить перипетии своего жизненного пути, доверив их бумаге. К примеру, 14 августа 1917 г. он записал в дневнике: «Никого не обвиняя, я бы теперь мог, при помощи своих дневников и воспоминаний, написать безусловно беспристрастную картину того сорокалетия. Жаль, что раздергивающие нервные события не дают возможности взяться за эту работу»¹⁰¹.

И вот теперь он передавал своё бесценное сокровище на хранение новому режиму. Его предложение, по сути, явилось официальным признанием советского режима, даже если учесть, что это решение было подстёгнуто страхом за свою жизнь перед лицом наступающей гражданской войны и красного террора.

Ответное письмо из музея пришло 3 октября. В нём сообщалось, что руководство музея согласно принять его дневники и записи на хранение в Отделение рукописей музея на условиях, изложенных в его письме, и выражает ему глубокую благодарность за «просвещённое внимание к учёному учреждению»¹⁰².

Любопытно, что, подводя итоги прожитой жизни, Тихомиров одновременно задумал писать новую книгу мемуаров под общим заголовком «Тени прошлого» и даже подготовил список из 80

ник *Ив.* Октябрьская революция в Доме Писателей // Красная летопись, № 6, 1923. С. 195, 197; о взглядах Плеханова см.: *Плеханов Г.В.* Год на родине. Т. 2. – Париж, 1921. С. 257–266.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 634. Оп.1. Ед. хр. 2. Л. 1.

¹⁰¹ Там же. Ед. хр. 27. Л. 136.

¹⁰² Там же. Ед. хр. 2. Л. 2.

тем, которые он планировал описать¹⁰³. Во «Вступительном объяснении», датированном 23 сентября 1918 г., он заявил: «Давно уже у меня начинало назревать истинное отвращение к политической деятельности более всего – вследствие нарастающего во мне понимания, что я к ней совершенно непригоден по своим силам и характеру. В 1913 году, ликвидировав лежачее на мне издание и ещё раньше освободившись от службы, я порешил отстраниться совсем от всяких политических и общественных дел, в которых вечно стоял особняком, вне партий, будучи вследствие этого ещё более неспособен к какому-нибудь полезному действию. Это намерение я и действительно исполнил, оставшись с тех пор совершенно частным обывателем. Но это не значит, чтобы я ничего не делал. На мне, по суждению моему, осталось два дела, которых было более чем достаточно до окончания моей жизни. Это – во-первых, сочинение об “основных религиозно-философских идеях истории”, во-вторых – “Мои воспоминания”».

Завершив к тому времени первый труд, он собирался приступить ко второму.

«Но трудности являются и здесь. Я стал на четыре года старше, и силы соответственно ещё более ослабели, а жизнь становится всё труднее. Меня устрашает мысль, что если я начну сплошные воспоминания, хронологически с начала до конца, то я ни за что не окончу. Сверх того, в буре расколыхавшихся стихий невозможно сосредоточиться на такой огромной картине. Эта буря постоянно чем-нибудь от неё отвлекает. Поэтому я решил писать воспоминания в виде отдельных эпизодов и картинок».

«Пусть эти “Тени прошлого” прилетают ко мне свободно, как им вздумается. Мне легче будет вслушаться в их голос, легче будет записать. Не беда, если что-нибудь менее “важное” захватит мою душу скорее, чем более “важное”. Сказать по правде, для современника даже нелегко решить, что более важно, и из мелочей складываются великие события. Эти мелочи тоже нужно знать будущему историку. Они составляют фон жизни»¹⁰⁴.

Как было сказано выше, Тихомиров завершил свой труд, начатый ещё до первой мировой войны и названный первоначально «Основные религиозно-философские идеи истории», а затем переименованный им в «Борьбу во имя Царства Божьего». Остаток

---

¹⁰³ Неизданные записки Л. Тихомирова // Красный архив, 1928. Кн. 4. С. 140–141.

¹⁰⁴ Там же. С. 139.

своей жизни он намеревался посвятить новой книге воспоминаний. Не исключено, что он надеялся даже успеть опубликовать её, чтобы получить дополнительный заработок. Во всяком случае, психологически он был готов к работе.

Из 80 запланированных им тем Тихомиров сумел описать 15, в последовательности, указанной ниже: 1) Вступительное объяснение, 2) Бродячий проповедник, 3) Встречи с В.С. Соловьевым, 4) Русский иезуит, 5) Ночной Париж, 6) Первые террористы, 7) Революционная элегия, 8) Пётр Я. Астафьев, 9) Отец Иосиф Фудель, 10) Яков Стефанович, 11) Генерал Богданович, 12) Перестройка изнутри, 13) Последний из могикиан [А.А. Киреев], 14) Еврей-священник, 15) А.И. Новиков¹⁰⁵.

Эти темы охватывают самые разнообразные события тихомировской жизни и его воспоминания о встречах с такими людьми, как философ Соловьев, генерал Богданович (хозяин салона в Петрограде) и бывший генерал, а затем писатель правого толка А. Киреев. Среди сюжетов, посвящённых революционному движению, заслуживает внимания тихомировская оценка Якова Стефановича, бывшего участника «Чёрного передела», затем вошедшего в исполнительный комитет партии «Народная воля».

В своих более ранних воспоминаниях, касающихся эпохи «Земли и Воли», и «Народной воли», написанных в 1898 г. и содержащихся в записной книжке № 27 среди рукописей, переданных им Румянцевскому музею, Тихомиров придерживался остро-саркастического взгляда на революционное движение. И это было не удивительно для человека, совсем недавно сознательно расставшегося с карьерой революционера¹⁰⁶. Его более поздние оценки, однако, лишены подобной непримиримости. Теперь его взгляд – это взгляд старого ветерана, с высоты своих лет оценивающего революционный опыт молодости. Взять, к примеру, такой отрывок: «При таких условиях основная народовольская идея – государственный переворот путем заговора – становилась практически невыполнимой мечтой. Действие же путём исключительно террористическим было, во-первых, дискредитировано тем обстоятельством, что успешное царевубийство не дало решительно никаких полезных для революции результатов. Даже наоборот, во-вторых, террор сделался фактически крайне затрудни-

¹⁰⁵ Содержание записных книжек 1 и 2 из «Теней прошлого» находится в записной книжке № 3. – ГАРФ. Ф. 634. Оп.1. Ед. хр. 33. Л. 2.

¹⁰⁶ Воспоминания Льва Тихомирова. С. 83–136.

тельным вследствие гибели множества террористов. В общей сложности народолюбство теряло под ногами почву. В сущности, наиболее целесообразно, с революционной точки зрения, в это время было то, что усиленно повёл Плеханов на совершенный отброс народолюбческой программы и обращение к рабочему классу с чисто социал-демократической пропагандой. Плеханов, никогда и не принимавший народолюбческой программы, конечно, легко стал на эту точку зрения. Но русская революционная интеллигенция не могла стать на классовую точку зрения. Это было ей совершенно несвойственно. К социал-демократии она относилась прямо с антипатией. Она была демократична и социалистична, но не могла признать себя тем, чем действительно и не была, т. е. силой пролетарской. Она хотела политического переворота, на основах свободы и демократии, а вовсе не на диктатуре пролетариата. Поэтому она оставалась в огромном большинстве при народолюбческих идеях»¹⁰⁷.

Иными словами, в 1918–1919 гг. Тихомиров признал, что поворот от народолюбчества к социал-демократии и от интеллигентских споров к диктатуре пролетариата был «наиболее целесообразным с революционной точки зрения». Впрочем, нельзя полностью отбрасывать версию, что это был лишь тактический ход со стороны Тихомирова, направленный на то, чтобы облегчить публикацию воспоминаний при советском режиме. Но первая версия, отражающая изменение взглядов Тихомирова, выглядит всё же более естественной и правдоподобной.

Неизвестно, как сумел Тихомиров пережить тяжёлый период гражданской войны. Известно лишь, что он оставил свой дом в Москве и переехал в Сергиев Посад¹⁰⁸. Владеть двумя домами было невозможно и с экономической, и с социальной точки зрения, поэтому не стоит объяснять его переезд исключительно усилившимся религиозным чувством.

Один из немногих сохранившихся документов, имевших отношение к тому периоду его жизни, – письмо Тихомирова бывшему главному редактору «Русского обозрения» А.А. Александрову и его жене от 2 сентября 1920 г.: «Уважаемая Евдокия Тарасовна и дорогой Антоний Александрович! Не мог доселе

---

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. 634. Оп.1. Ед. хр. 33. Л. 10–11.

¹⁰⁸ В письме руководству Румянцевского музея от 11 сентября 1918 г. он указал в качестве обратного адреса свой дом в Москве, но в более позднем письме 1922 г. фигурирует сергиевпосадский адрес.

лично зайти и посему наконец письменно благодарю вас за ваше доброе участие и помощь. Очень полезна эта помощь и очень от-
радно участие. Истинные друзья познаются в беде. В беде же по-
знаются и хорошие люди. Очень, очень благодарю. Кстати, хочу
посильно помочь вам в другом вашем добром деле – в заботе о
вашем нуждающемся священнике. Ведь вы делаете сбор для него.
Посылаю мою лепту – пятьсот рублей. Мои средства теперь са-
мые жалкие... Если разживусь, может быть, я ещё прибавлю.

Храни вас обоих Господь. Душевно преданный, Л. Тихоми-
ров»¹⁰⁹.

В те дни фунт хлеба в Москве стоил 300 рублей¹¹⁰, так что
вклад Тихомирова был весьма скромнен. Но обращает на себя
внимание его оптимизм: «если разживусь, может быть, я ещё
прибавлю».

В конце 1920 – начале 1921 гг. Тихомиров написал шестна-
дцатый сюжет для серии «Тени прошлого», названный им «Пле-
ханов и его друзья». В архиве шестнадцатый параграф объединён
с пятнадцатым («Тени прошлого», № 5)¹¹¹. Шестнадцатый пара-
граф начинается словами: «В настоящее время трудно вполне оп-
ределить значение Георгия Валентиновича Плеханова в истории
русского социализма. Это значение, во всяком случае, чрезвы-
чайно велико. Но в этих беглых воспоминаниях я не беру на себя
таких задач, как историческая оценка событий. Мое дело гораздо
скромнее. Я зарисовываю только образы лиц, контуры отдельных
происшествий, как всё это сохранилось в моей памяти»¹¹².

Выбор, сделанный Плехановым в 1880-х гг., Тихомиров оце-
нивает как единственно верный для революционного движения:
«Это было, конечно, очень умно и показало в Плеханове боль-
шую проницательность в отношении, так сказать, революцион-
ных запросов времени. В течение 80-х годов, когда в России ви-
димо воскресла национальная идея, а правительство очень умно и

¹⁰⁹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).
Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 750. Л. 21.

¹¹⁰ *Wada Haruki*. Op. cit. P. 52.

¹¹¹ ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 37–82. Хочу отметить однако, что,
когда я работал с фондом Тихомирова в бывшем ЦГАОРе (ныне ГАРФ) в
1978–1979 гг., эта часть текста отсутствовала в деле, поэтому в дальнейшем
я вынужден опираться на текст, опубликованный П. С. Поповым, в 1925 г.

¹¹² *Тихомиров Лев*. Плеханов и его друзья. Из личных воспоминаний. –
Л., 1925. С. 17. Я смог ознакомиться с этой книгой благодаря любезности
Бориса Итенберга.

твёрдо стало на националистический путь, для революции единственным убежищем (и очень неплохим) была только пролетарская почва. Плеханов и стал на неё, выступив с чисто социал-демократической программой. Сил и средств для этого у Плеханова сначала было очень мало, но, по причине правильно взятой линии поведения, они непрерывно росли и стали, наконец огромными в то время, когда народовольчество превратилось в простую тень прошлого»¹¹³.

В то же время Тихомиров не был склонен переоценивать личность Плеханова, и в этом смысле последний сюжет Тихомирова перекликается с его же воспоминаниями 1898 г. Тогда он писал, что несмотря на то, что Плеханов «имел натуру адвоката» и «замечательное искусство в построении силлогизма», ему явно не хватало «чутья, глазомера», чтобы видеть «основные факты, посылки»¹¹⁴. Подобную оценку мы находим и в новых заметках о Плеханове: «Вообще я скажу, что он был просто умён, но у него не было ни искры гениальности, непосредственного проникновения в самую сущность явлений... Логичность выводов требует, конечно, способностей, но это уже не творческие способности, а служебные. Творческих способностей у Плеханова именно и не было»¹¹⁵.

Несмотря на такое суждение, отношение Тихомирова к плехановским «предпосылкам», т. е. марксистскому мировоззрению, коренным образом изменилось. Если в 1898 г. Тихомиров мог сказать о Плеханове: «он – самый банальный человек своего времени. Он верит в то, во что верит интеллигентная толпа»¹¹⁶, теперь идеи Маркса для него – больше не банальность. Напротив, Тихомиров явно симпатизирует Марксу, слова которого приводит «по адресу своих чересчур логических последователей» и признаётся: «Я, по крайней мере, немарксист». И продолжает: «Вот Плеханов принадлежит к числу тех, которые были более марксисты, чем сам Карл Маркс»¹¹⁷.

Тихомиров беспощадно критикует недостатки плехановского характера: «Роль Плеханова как проповедника и организатора русской социал-демократии выходит за пределы моих воспоми-

---

¹¹³ Там же. С. 34.

¹¹⁴ Воспоминания Льва Тихомирова. С. 90.

¹¹⁵ Тихомиров Лев. Плеханов... С. 27.

¹¹⁶ Воспоминания Льва Тихомирова. С. 90.

¹¹⁷ Тихомиров Лев. Плеханов... С. 28.

ний. Относительно же характера его замечу еще, что он был крайне нетерпим. Он совершенно не понимал многогранности истины, и всякий, кто думал несогласно с ним, был в его глазах человеком, безусловно заблуждающимся»¹¹⁸.

Это высказывание Тихомирова содержит намек на дискуссию, которую вела социал-демократия того времени, и на не совсем правильную, по мысли Тихомирова, позицию, которую занял Плеханов в этой дискуссии.

Среди друзей Плеханова Тихомиров выделяет Веру Засулич, которую ценил очень высоко. Интересно заметить, что в примечаниях Тихомирова упоминается мемориальная статья В.Д. Бонч-Бруевича о Засулич, опубликованная в «Известиях» после её смерти 10 мая 1919 г. Оценив статью как хорошую, действительно «отдающую» должное личности Засулич, Тихомиров замечает, что автор лишь забыл сослаться «нравственных её мучений в последние месяцы жизни»¹¹⁹.

Тихомиров заканчивает свой сюжет о Плеханове ссылкой на аналогичные мучения его последних дней: «Судя по немногим газетным сведениям за последние месяцы и дни жизни, – я и вижу, что он остался тем же самым. Его честное энергичное и умелое служение русскому рабочему классу заслуживало бы для него лучшего конца, чем тот, который был ему дан. Мне было очень грустно читать описание его последних дней, отравленных разочарованием. Но, правду сказать, справедливость не есть удел нашей жизни, по крайней мере, справедливость, так сказать, механическая. Люди получают своё воздаяние более сложным образом»¹²⁰.

Без сомнения, Тихомиров имел в виду свою собственную судьбу, когда писал эти слова о Плеханове. И Плеханов, и Тихомиров вышли из революционного народничества, оба оставили его в 1880-е гг., чтобы перейти один к марксизму, подчинившись исторической необходимости, другой, охваченный интересами действительности, – к монархизму. Спустя тридцать лет, Плеханов, в своё время толкнувший революционное движение на марксистский путь, заявил, что Октябрьская революция была преждевременной, и окончил свои дни в трагическом смятении из-за отказа пересмотреть свои взгляды на революцию. Напротив, Ти-

¹¹⁸ Там же. С. 36.

¹¹⁹ Там же. С. 38–39.

¹²⁰ Там же. С. 39–40.

хомиров, ставший монархистом, но впоследствии разочаровавшийся в царизме, приветствовал Февральскую революцию и признал объективную неизбежность Октябрьской революции. У него даже хватило душевных сил пожалеть о судьбе Плеханова. Это выглядело так, как будто Тихомиров хотел показать торжество своего реализма над плехановским догматизмом.

Кроме сюжета о Плеханове, написанного для серии «Тени прошлого», Тихомиров оставил небольшую рукопись, посвящённую последним дням Плеханова. Когда перед смертью Тихомиров приводил в порядок свои труды, на первой странице этой рукописи он написал: «Подлежит переделке»¹²¹. Можно догадаться, что содержание данного фрагмента носило весьма деликатный характер.

Среди фрагментов, опубликованных посмертно, есть один безусловно заслуживающий нашего внимания. Я имею в виду тот, где Тихомиров, комментируя мнение Плеханова о том, что в России с её недоразвитым капитализмом попытка захвата пролетариатом государственной власти была бы самоубийством, писал: «Так гласит теория, так думал и Плеханов. Но действительный ход революции не имел ничего общего с требованиями теории.

Серьёзно говоря, из всех тогдашних партий – только большевики сохранили понимание государственности и значение силы для существования государства. Но они несли с собою идею коммунистического государства и, правильно понимая значение принуждения, насилия, до крайности преувеличивали это значение, веря, что насилием можно создать всё, тоже и то, чего нет в обыкновенных условиях жизни.

Но Плеханов, убеждённый в невозможности коммунизма при наличных условиях русского производства, считал роковой ошибкой попытки создать диктатуру пролетариата»¹²².

В этом отрывке Тихомиров вновь критиковал Керенского, который, по его мнению, был «вообще не государственный человек, а остался у власти таким же болтуном адвокатом, каким был раньше». Тихомиров подчеркнул политическую беспомощность Керенского по отношению к Ленину и показал причины возвышения и победы большевиков. Он подчеркнул их «правильное» понимание роли государственности и власти, но одновременно критиковал за преувеличение и доведение их значения до крайности.

---

¹²¹ См. примечание П.С. Попова. Там же. С. 51.

¹²² Там же. С. 41–42.

Мнение Тихомирова о большевиках, вероятно, стало ещё более благоприятным в 1921 г. после перехода от военного коммунизма к НЭП'у.

Между тем, в декабре 1921 г. вышла книга, которая потрясла Тихомирова до глубины души. Это была опубликованная издательством «Задруга» книга воспоминаний «Запечатленный труд» его бывшей сподвижницы Веры Фигнер¹²³.

Фигнер рассказывает в книге о первой половине своей жизни: начинает с детства, потом описывает деятельность в Исполнительном комитете партии «Народная воля» и заканчивает заключением в Шлиссельбургскую крепость в 1884 г. Это были первые опубликованные мемуары, представляющие целостную картину деятельности революционеров-народников в 1870-е гг. Выдержав двадцатилетнее заключение в одиночной камере и оставшись после этого верной революционным идеалам, Вера Фигнер в феврале 1917 г. уже считалась революционером-ветераном. После Октябрьской революции её отношения с большевистским режимом оказались довольно натянутыми, возможно, из-за тесных связей с социалистами-революционерами. Тем не менее, нельзя не признать, что Фигнер была самой подходящей фигурой, олицетворяющей традицию революционного движения 1870-х гг.

Тихомиров поспешил приобрести экземпляр книги Фигнер и прочел её на одном дыхании. Среди его посмертных записок остались замечания, сделанные им во время чтения¹²⁴.

У Тихомирова возник ряд возражений против некоторых высказываний Фигнер. Одно из возражений относилось к абзацу, в котором Фигнер вспоминала эпизод получения Исполкомом «Народной воли» в январе 1881 г. сообщения от Сергея Нечаева, находившегося тогда в заключении в Петропавловской крепости. Письмо было передано А. Желябовым. Фигнер утверждала, что версия, в соответствии с которой Желябов якобы сумел проникнуть под окно нечаевской камеры и даже говорил с ним, является чистым вымыслом. «Это не вымысел, – возражал Тихомиров, – а факт, о котором мне лично сообщил Желябов. Фигнер не знает важного вопроса, по поводу которого происходило это свидание (заочное, по обе стороны окна). Нечаев предлагал заарестовать сразу всю царскую семью, собирающуюся в Петропавловском соборе, не помню в какой день. Этот проект очень заинтересовал

¹²³ Фигнер Вера. Запечатленный труд. – М., 1921.

¹²⁴ ГАРФ. Ф. 634. Оп.1. Ед. хр. 63.

Распорядительную Комиссию... План казался не невозможным и, конечно, обещал несколько раз больше, чем убийство Александра II, однако был всё-таки отложен, ибо мина была готова, а план Нечаева требовал новых, сложных и долговременных подготовлений. Конечно, этого никто не сообщил Фигнер, и она говорила только о сравнительно пустячном – освобождении Нечаева»¹²⁵.

Здесь Тихомиров подчёркивает, что, будучи членом Распорядительной комиссии, он занимал в Исполнительном комитете более влиятельную позицию, чем Фигнер.

Второе возражение Тихомирова касалось письма, направленного Исполкомом Александру III вскоре после убийства Александра II. Фигнер писала, что письмо было отредактировано «нами». Тихомиров возразил на это: «Фигнер почти не при чём. Писал Тихомиров, окончательно редактировал у Михайловского»¹²⁶. Здесь также Тихомиров явно подчёркивает свою собственную роль.

Наибольшее раздражение у него вызвало то место в воспоминаниях Фигнер, где она, пытаясь объяснить идейное перерождение Тихомирова его психическим состоянием, сослалась на его эксцентрическое поведение сразу после царубийства. Комментарий Тихомирова: «1) я надел крест на руку, чтобы не отличить от других прохожих; 2) я будто-бы ходил в церковь и принёс присягу... Какая-то ерунда! Я, конечно, мог зайти в церковь, но попутно, присяги не приносил. Может быть, пошутил над Верой Фигнер. 3) Я вообразил, что соседи сделали отверстие в стене и подслушивают разговоры... Опять какая-то чепуха. 4) Я отправился в Сергиеву Лавру, “чтобы прописавшись там, засвидетельствовать свою благонадёжность для дальнейшего проживания в Москве”. Опять чепуха. Я ездил в Лавру, как ближайший городок, чтобы прописать там свой новый паспорт. Никогда вопроса о “благонадёжности” тут не могло быть»¹²⁷.

Затем Тихомиров опроверг утверждение Фигнер о том, что 3 марта в партийных кулуарах между ними якобы произошла ссора по вопросу о том, что делать с динамитом, спрятанным в сырной лавке на Садовой улице. Судя по воспоминаниям Фигнер, она предложила оставить его там и взорвать, когда император Александр III будет проезжать мимо по пути на строевой смотр,

---

¹²⁵ Там же. Л. 3, 3 об.

¹²⁶ Там же. Л. 4 об.

¹²⁷ Там же. Л. 5 об.

но остальные отвергли её предложение, и Тихомиров особенно гневно и упорно возражал ей: «Мои аргументы были таковы: 1) только что Комитет отправил Императору письмо со своими требованиями. Как же мыслимо взрывать его, не выждав сколько-нибудь времени. Как он отнесётся к этим требованиям? 2) если Император проехал раз, то м. б., он уже целый месяц не поедет вторично; 3) а лавка Кобозева каждый день могла быть арестована. Мои аргументы были столь ясны, что все согласились, кроме Фигнер. Мало того, я предложил послать полиции сообщение, чтобы она сняла мины с Александрова и из-под Каменных мостов, ибо они, лёжа бесконечно, могли взорваться и погубить множество народа... Это было тоже принято и сделано»¹²⁸.

После всех опровержений Тихомиров заключает: «Вообще Вера Фигнер замечательно поверхностно смотрела на всё перед глазами и видела не то одно, что совершалось, а только то, что у ней копошилось в мозгу»¹²⁹.

Мемуары Фигнер сильно подстегнули Тихомирова-писателя. Он проявил большой интерес к своему собственному революционному прошлому, несмотря на то, что однажды порвал с ним. Впоследствии он написал, по крайней мере, два сюжета с целью исправить ошибки Фигнер.

Один из этих сюжетов представляет собой небольшой текст на последних страницах «Записной книжки № 3» из «Теней прошлого». В этом фрагменте, озаглавленном «Несколько комментариев», он даёт оценку членам Исполнительного комитета «Народной воли» и начинает его словами: «Крупнейшими людьми Комитета были: 1) Александр Михайлов, 2) я, 3) Желябов, 4) Зунделевич, 5) Оловенникова и 6) Перовская»¹³⁰.

Нетрудно заметить, что себя Тихомиров поставил на второе место по значимости. Из других, ещё живущих в Советской России членов комитета, Морозова он поставил на девятое место и отозвался о нём довольно желчно: «храбрый, остроумный. симпатичный, совсем не имел большого ума, а между тем воображал, что его имеет... К счастью, он не имел большого влияния». М. Фроленко он поставил на одиннадцатое место, назвав его «несравненным исполнителем всяких боевых предприятий», имев-

¹²⁸ Там же. Л. 6, 6 об.

¹²⁹ Там же. Л. 6 об.

¹³⁰ Там же. Ед. хр. 33. Л. 8; Из архива Л. Тихомирова // Красный архив, 1924. Кн. 6. С. 175.

шим «весьма здравый ум, но не первостепенного калибра». Вера Фигнер в тихомировской «табели о рангах» заняла двенадцатое место с язвительным комментарием: «блестящая агитаторша, увлекавшая всех, с кем сталкивалась, была плохой организаторшей, органически не способной к осмотрительности...» По мнению Тихомирова, Фигнер не умела различать людей и вечно бросалась во всевозможные грандиозные предприятия. Иллюзия в ней преобладала над разумом, «так что она была настолько же полезна, насколько опасна»¹³¹.

Читая Веру Фигнер и пересматривая своё революционное прошлое, Тихомиров пришёл к убеждению, что он являлся лидером «Народной воли». Помимо упомянутых выше комментариев к списку членов Исполнительного комитета, он написал рассказ о своих взаимоотношениях с Сергеем Дегаевым, считавшимся предателем в 80-е гг. Названный им «За границей», этот рассказ составил 27-ю главу «Теней прошлого». Основная мысль и этого сюжета состояла в том, чтобы показать, как успешно он, Тихомиров, единственный оставшийся на свободе после ареста Фигнер и других руководителей Исполкома, сумел разрешить проблему с предателем. Стоит однако отметить, что Тихомиров, видимо, намеренно изложил не всю историю¹³².

Будучи психологически подавленным напором Веры Фигнер, Тихомиров тем не менее был решительно настроен восстановить своё собственное место в истории революционного движения.

В начале 1922 г. ему исполнилось 70 лет. Весной того же года обострилась борьба между Советским правительством и Православной церковью по вопросу объявленной конфискации церковных ценностей, которые «помогли» бы выйти из свирепствующего в стране голода. В мае состоялся суд на верхушкой духовенства, замешанной в «контрреволюционной деятельности». Одним из главных свидетелей на суде должен был выступать Патриарх Ти-

---

¹³¹ ГАРФ. Ф. 634. Оп.1. Ед. хр. 33. Л. 98, 98 об. Из архива Л. Тихомирова. С. 176.

¹³² Неизданные записки Л. Тихомирова. С. 143–174. Рассказ Тихомирова звучал так, словно именно он подверг Дегаева перекрёстному допросу и вынудил его сделать признание. Однако ещё раньше одесская активистка партии Е.А. Серебрякова имела стычку с Дегаевым и обвинила его в предательстве, причём произошло это у Тихомирова и в его присутствии. Этот факт был обнародован Серебряковой уже после смерти Тихомирова. – См.: *Серебрякова Е.А. Встречи с Дегаевым // Былое, № 25, 1924. С. 65–71. Я благодарен Л.Я. Лурье, который обратил моё внимание на это свидетельство Серебряковой, много лет пребывавшее в забвении.*

хон¹³³. Что касается Тихомирова, то он, казалось, был абсолютно равнодушен к социально-политической атмосфере, в которой жила страна. Его в тот момент больше всего волновала возможность встать на учёт в Комиссии по улучшению быта учёных (КУБУ)¹³⁴, чтобы получать пенсию. Поверить в реальность такой возможности ему позволил тот факт, что секретарём московского отделения комиссии была Панаева, одна из знакомых его семьи. 1 мая Тихомиров направил в комиссию заполненную анкету со сведениями о себе и членах своей семьи¹³⁵.

В этой анкете, в графе «Семья», он проставил только имена жены Екатерины и дочерей Надежды и Веры, умолчав однако о двух сыновьях. В список своих печатных трудов он включил книгу «La Russie politique et sociale», изданную в Париже в 1886 г., пять работ, написанных им в пору революционной деятельности и двенадцать, созданных вне революционного движения после 1888 г. Неудивительно, что в этот список не вошла работа «Почему я перестал быть революционером». Но не попали туда и три большие работы, в которых Тихомиров выступает как влиятельный философ-монархист: «Единоличная власть как принцип государственного строения» (1897), «Монархическая государственность» (4 тома, 1905) и антология «К реформе обновлённой России» (комментарии Тихомирова к текущим событиям, 1912). Вместо них в списке оказались три ещё не опубликованные работы: «18. “Основные религиозно-философские идеи в истории”, 800 печатных стр.; 19. “Тени прошлого: Очерки”, примерно 700 стр. и 20. “Основы государственной власти”, исправленные для нового издания, примерно 900 стр.» (не приходится сомневаться в том, что последняя работа была новой версией «Монархической государственности»). Очевидно, Тихомиров попытался пересмотреть свою раннюю работу о монархическом государстве и создать на её основе более общее исследование о государственной власти, преимущественно единоличной. Более того, можно

¹³³ Curtiss J.S. The Russian Church and the Soviet State, 1917–1950. – Cambridge, Mass., 1965. P. 112–126; Плаксин З.Ю. Крах церковной контрреволюции 1917–1923 гг. – М., 1968. С. 149–162.

¹³⁴ В соответствии с решением Совнаркома от 23 декабря 1919 г. эта комиссия была создана в начале 1920 г. одновременно в Москве и Петрограде как вспомогательный орган при Наркомпросе. См.: Борисов А.А. А.М. Горький – организатор первого Дома учёных // Горьковские чтения. – М., 1968. С. 322–323.

¹³⁵ ГАРФ. Ф. 634.Оп.1. Ед. хр. 3 (Опросный лист). Л. 1–2 об.

предложить, что именно Советское государство во главе с Лениным послужило новым весомым аргументом для пересмотра текста.

Обращение Тихомирова в КУБУ было удовлетворено. Получив третью категорию, он теперь мог рассчитывать на пенсию размером в 37.500.000 рублей В своём письме от 4 июля 1922 г., уведомляющем Тихомирова об этом решении комиссии, Панаева сообщала ему, что он может также претендовать на получение академического пайка, но для этого ему необходимо лично прийти на приём к генеральному секретарю Московской комиссии¹³⁶.

Между тем, инфляция в стране приняла гигантские размеры. Так, один регистрационный взнос в Комиссию стоил 250.000 руб. В связи с этим не вполне ясно, насколько полагающаяся Тихомирову пенсия могла реально облегчить его положение. О том, что стоили 3.250.000 рублей, определяющие размеры и состав его пайка в 1922 г., можно судить по карандашным пометкам на полях тихомировской анкеты: 1 пуд и 2 фунта муки, 16 фунтов гороха, 10 фунтов риса, 6 фунтов масла, 30 фунтов мяса, 3/4 фунта чая, 4 фунта сахара и 3 фунта соли¹³⁷.

Пенсия, которую Тихомиров получил впервые в жизни, принесла ему определённое спокойствие, так что он мог продолжить работу над мемуарами. Теперь его положение приблизилось к положению тех его бывших товарищей, которые также писали свои мемуары при советской власти. Безусловно, он сохранил веру в Бога, но она распространялась лишь на его внутреннюю жизнь.

За несколько дней до смерти он передал все свои рукописи соответствующему учреждению, скорее всего, Отделу рукописей Румянцевского музея. Их общее количество составило 61-а, в дополнение к тем 27-и, которые были переданы ранее¹³⁸. Он скончался в своём доме в Сергиевом Посаде 16 октября 1923 г.¹³⁹

---

¹³⁶ Там же. Ед. хр.3 (Письмо Панаевой Тихомирову, 4 июля 1922 г.). Л. 1–2 об.

¹³⁷ Тихомиров Лев. Плеханов... С. 51.

¹³⁸ Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Т. II. – М., 1963. С. 222. Эти 88 рукописей были впоследствии переданы в Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР, ныне ГАРФ). Ещё 46 рукописей были переданы в ГАРФ из РГАЛИ.

¹³⁹ Советская историческая энциклопедия. Т. 14. – М., 1973. Кол.245. Его дом находится на Московской улице (проспект Красной армии, д.30); *Фудель Сергей*. Воспоминания // Новый мир. 1991. № 4. С. 182.

За свою жизнь Тихомиров дважды кардинально менял свои политические убеждения: сначала от революционного народничества он перешёл к монархизму, а затем от монархизма – к принятию обеих революций 1917 г. Несмотря на видимую противоречивость этих двух поворотов, в основе их лежало единое убеждение Тихомирова в том, что лишь сильная власть спасет Россию. Вот почему и его политическая жизнь резко отличалась от политической жизни Веры Фигнер, сохранившей до конца дней убеждение, что Россия должна быть освобождена.

Послесловие*

Эта статья была опубликована в 1986 году на английском языке в журнале моего института. Это часть итога моих трудов по изучению дневников Л.А. Тихомирова в 1978–1979 годах. В течение десяти лет никто не обращал внимание на эту статью. В 1996 году я случайно прочитал маленькую статью о Л. Тихомирове в только что изданной энциклопедии «Политические партии России. Конец XIX – первая половина XX века» (РОССПЭН, 1996). Автор Ю. Кирьянов в примечании упомянул мою статью. Это была первая реакция на мою работу, которая меня очень обрадовала.

Поэтому появление в 2000-е годы Александра Репникова как серьезного исследователя жизни и деятельности Л. Тихомирова было ошеломительным и очень приятным сюрпризом. В 2008 году он опубликовал «Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг.» (РОССПЭН, 2008) и статью «Лев Александрович Тихомиров» в журнале «Отечественная история» (№ 2). Затем в 2011 году он вместе с Олегом Милевским написал и опубликовал целую биографию «Две жизни Льва Тихомирова» (Academia, 2011). Это замечательный труд. Благодаря этим публикациям жизнь и взгляды Тихомирова теперь станут доступными для всех.

Я много учился у А.В. Репникова. А он, в свою очередь, прочитал внимательно мою статью и исправил мои ошибки в чтении текста дневника Тихомирова. Но он критиковал мою статью за одно место. В предисловии «Дневника» Тихомирова он написал: «нельзя согласиться с высказанным исследователем предположе-

---

* Послесловие написано в 2018 году.

нием, согласно которому Тихомиров “полагал, что монархию могло бы спасти убийство Николая II”» (С. 23). Эта критика повторилась в его статье в «Отечественной истории» (С. 159). И наконец, в биографии Тихомирова он процитировал длинную фразу из дневниковой записи Тихомирова от 20 января 1917 года (С. 480–481): «А нравственно Власть подорвана трижды проклятым Гришкою... Подлый Гришка и после смерти остается угрозой династии». После чего он написал: «Несомненно, под последним он понимал вмешательство божественной стихии. Еще больший интерес представляют строчки дневника о возможном прецеденте, вытекающем из убийства Г. Распутина. Думается, что в этой фразе Тихомиров предвосхитил кровавые события 1918 г., связанные с убийством царской семьи». Потом повторилась та же самая критика моей статьи. Доводы в этот раз ясны. «В посленародовольческий период Тихомиров являл собой тип личности, не приемлющей насилия, тем более законного... монарха. К тому же фигура императора для него как православного носила сакральный характер».

Так ли это? Сравните его цитату с моей цитатой в настоящей статье. В его цитате отсутствовала последняя часть: «Я часто ломаю голову над вопросом, чем можно спасти Монархию?.. Самое главное в том, что Государь не может... переродиться и изменить своего характера... Ну, а при этом... положении можно рухнуть, если не будет какого-нибудь Провиденциального вмешательства». Не кажется ли естественным для Тихомирова полагать, что спасти Монархию может только Божье вмешательство, и что Божье вмешательство может быть царубийством? Конечно, Л. Тихомиров содрогнулся, говоря о «Провиденциальном вмешательстве». Еще жива была память о 1-ом марта 1881 года, но говорить вслух об этом дне ему было нельзя. Тем не менее, что он имел в виду, понятно. Л. Тихомиров был православным, но никак не сторонником Л. Толстого.

1987

Наследство 1960-х годов*

60-е двух веков

«От какого наследства мы отказываемся?» – под таким заглавием В.И. Ленин написал статью в конце XIX в. Тогда он думал, что надо сохранить наследство 60-х гг., имея в виду те стремления просветителей 1860-х гг., которые характеризовались неприятием крепостного права, горячей защитой просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и отстаиванием интересов народных масс. Когда советские интеллигенты упоминали слово «наследство», я всегда вспоминал эту статью Ленина. И сегодня тоже идёт речь о наследстве 60-х гг.

В истории встречаются интересные случайные совпадения. В 1856 г. новый император Александр II выразил своё стремление к реформам в своём манифесте по окончании Крымской войны. Ровно 100 лет прошло, и в 1956 г. на XX съезде КПСС был прочитан доклад, посвящённый критике И.В. Сталина. В 1861 г. была осуществлена важнейшая реформа – отменено крепостное право. И ровно через 100 лет состоялся XXII съезд, решения которого вызвали вторую волну десталинизации. Эпоха «великих реформ» XIX в. и период десталинизации XX в. пришлись на 60-е годы, и людей этих периодов одинаково называют «шестидесятниками».

Как теперь в процессе перестройки люди оценивают шестидесятников и наследство 60-х гг.? Прошлое этой страны содержит и эпоху Сталина и историю критики Сталина. Критическое рассмотрение первой невозможно без критического осмысления второй.

---

* Данный текст представляет одну из глав моей книги «Ватасино мита пересутороика» (Перестройка, как я её увидел). – Токио, 1987.

Доклад Н.С. Хрущёва

Илья Эренбург писал в продолжение своих воспоминаний «Люди, годы, жизнь», недавно опубликованных в «Огоньке» (1987, № 23): «Прочитав доклад Хрущёва, я не упал в обморок: со времени смерти Сталина прошло три года, кое-что мы узнали, над многим успели задуматься. Ко мне приходили военные прокуроры, занимавшиеся реабилитацией Бабеля и Мейерхольда, приходили также друзья, вернувшиеся из лагерей... Однако не скрою: читая доклад, я был потрясён, ведь это говорил не реабилитированный в кругу друзей, а первый секретарь ЦК на съезде партии. 25 февраля 1956 года стало для меня, как для всех моих соотечественников, крупной датой».

Поставить в повестку дня съезда этот несомненно исторический конкретный доклад Хрущёва ещё не было решено из-за противостояния бывших верных сподвижников Сталина – Молотова, Кагановича, Ворошилова и других. Инициативу открытой критики Сталина смело взял на себя Микоян в своём выступлении в третий день работы съезда. Он резко критиковал теорию Сталина и даже назвал двух «врагов народа» товарищами, что поразило мир. На другой день Польская объединённая рабочая партия опубликовала постановление о том, что принятое в 1938 г. решение Коминтерна о роспуске Польской коммунистической партии было ошибочным и несправедливым. Данное решение было основано на утверждении, будто бы эта партия оказалась целиком захваченной «врагами народа». Все лидеры польских коммунистов были арестованы и казнены решением Советского правительства. Быть может, в этот момент Молотов и его компания согласились на секретный доклад, содержащий критику Сталина.

События, предшествующие секретному докладу Хрущёва, впервые восстановил по новым документам В. Наумов. Как он описывает в статье, опубликованной в 1987 г. в газете «Московские новости» (№ 5 от 4–11 февраля), 31 декабря 1955 г. на заседании Президиума ЦК после острой дискуссии было решено посмотреть следственные дела бывших руководителей Ягоды и Ежова. В связи с этим была создана комиссия во главе с Поспеловым. 9 февраля 1956 г. Президиум ЦК заслушал её сообщение. Хрущёв предложил сделать об этом доклад на закрытом заседании XX съезда. Молотов и Ворошилов его не поддержали. Нако-

нец, 13 февраля на заседании Президиума было принято решение – такой доклад делать. Выступить с ним было поручено Хрущёву (также см. в «Вопросах истории» 1997 г. в № 4 статью В. Наумова «Н.С. Хрущёв и реабилитация жертв массовых политических репрессий»).

На пятый день съезда, 20 февраля, делегаты слушали вторую речь с критикой в адрес Сталина, с которой выступила Анна Панкратова, историк, главный редактор журнала «Вопросы истории» и член ЦК. Кстати, именно из доклада заместителя главного редактора этого журнала Э.Н. Бурджалова на читательской конференции, устроенной в январе 1956 г., взял материалы для своего выступления на съезде Микоян. «Вопросы истории» первым начал кампанию за возрождение ленинской традиции и закрытую критику Сталина, но в январе читательская конференция стала полем открытой критики.

Хрущёв, в поспешно подготовленном секретном докладе 25 февраля, указал на грубый характер Сталина, процитировав так называемое «завещание» В.И. Ленина. Результатом развития недостатков Сталина стал культ личности и произвол. Это и запечатлило постановление ЦК «О культе личности и преодолении его последствий» от 30 июня 1956 г., увидевшее свет лишь после публикации английского перевода секретного доклада Государственным департаментом США. В постановлении содержалась критика личности Сталина, а не критика созданной системы.

«Дело Бурджалова»

И всё-таки критика Сталина создала новые возможности для духовного развития в стране. Конкретизируя решения XX съезда, историки попытались вместе с критикой культа личности серьёзно пересмотреть историю. Э.Н. Бурджалов написал статью, в которой проанализировал причины растерянности среди большевиков после Февральской революции и по-новому оценил значение ленинских «Апрельских тезисов». В июле 1956 г. всё это консерваторы назвали «перегибами» Бурджалова и его товарищей. После событий в Венгрии даже Хрущёв неоднократно заявлял, что он сталинист. В этих условиях, несмотря на солидарность старых большевиков с редакцией «Вопросов истории», 9 марта 1957 г.

ЦК КПСС принял постановление, в котором резко обвинил редакцию: «Журналом были допущены теоретические и методологические ошибки, имеющие тенденцию к отходу от ленинских принципов партийности в науке... Журнал, по существу, ориентировал советских историков на ослабление борьбы с буржуазной идеологией в историографии». Заместитель главного редактора Бурджалов был освобождён от должности, и это потом получило название «Дело Бурджалова». Можно сказать, что в этот момент первая волна критика Сталина сошла на нет.

Однако в политическом плане Хрущёву удалось ликвидировать Молотова, Кагановича и Маленкова как «антипартийную группу» и полностью реабилитировать Тухачевского и других генералов. Так он улучшил отношения с армией и усилил свою позицию. В 1961 г. для преодоления возникших трудностей Хрущёв начал вторую кампанию критики Сталина на XXII съезде партии, отвечая стремлениям людей. На этот раз он был более последовательным в разоблачении преступлений Сталина и его окружения, чем в секретном докладе 1956 г. Начался период небывалого обновления.

В это время голос Бурджалова зазвучал снова. Выступая на заседании Всесоюзного совещания историков, устроенном в декабре 1962 г., он сказал, что «на всех наших работах в той или иной степени отразилось пагубное влияние культа Сталина» и призвал историков к самокритике. Но даже во время второй волны разоблачения культа постановление ЦК от 9 марта 1957 г. оставалось в силе.

Бурджалов, будучи профессором Московского пединститута, написал докторскую диссертацию о Февральской революции на основе фундаментального изучения архивных материалов. Её первая часть была опубликована в 1967 г. отдельной книгой под названием «Вторая русская революция – восстание в Петрограде». До сих пор она остается наивысшим научным достижением советской исторической науки в области изучения революций 1917 г. Кроме «Нового мира» Твардовского, который поместил рецензию на книгу, все другие исторические журналы проигнорировали её.

Встречи с Бурджаловым

В 1959 г. на заседании Общества исследователей истории России я обнародовал мой первый научный доклад. Прочитав раскритикованные в 1956–1957 гг. статьи Бурджалова о Февральской революции, я намеревался вновь рассмотреть его тезисы на основе использованных им материалов. Мой интерес к этой революции с самого начала связывался с интересом к смелому советскому историку. Поэтому, когда в 1970 г. я впервые приехал в Советский Союз, мне захотелось встретиться с Бурджаловым. Позвонив в его пединститут, я, к большому своему счастью, получил его домашний телефон. И в тот же день мне удалось посетить его.

Эдуарду Николаевичу Бурджалову (он родился в 1906 г.) к моменту нашей встречи было 64 года. После беседы такой опытный учёный обратился ко мне, молодому иностранному гостю, с вопросом: «Что Вы думаете о Сталине? Я долго работал в аппарате ЦК партии инструктором и пропагандировал идеи Сталина. Чувствуя свою ответственность, основательно занимался работой, связанной с критикой Сталина...». Я был тронут его серьёзностью. Уходя, сказал его жене Гесе Борисовне, которая провожала меня, что беспокоился за её мужа после 1957 г. Она, улыбаясь, ответила: «Он очень упрямый человек».

Снова я встретился с ними в 1975 г. Тогда Бурджалов заболел болезнью Паркинсона. Во время моего следующего годовичного пребывания в Москве (1978–1979 гг.) мы виделись довольно часто. Он уже не мог вести научную работу, и я посоветовал ему писать воспоминания. Кажется, он попытался, но, к сожалению, у него ничего не получилось...

Бурджалов – армянин, вступил в комсомол в Баку во время гражданской войны, а затем стал членом Коммунистической партии. После гражданской войны учился в институте, и в 30-е гг. стал работать историком. Первая его книга «Двадцать шесть бакинских комиссаров» была опубликована в 1938 г. Жизненный путь Бурджалова объясняет его связь с одним из бакинских комиссаров А.И. Микояном.

В 1983 г., когда его болезнь достигла опасной черты, и следующая встреча казалась невозможной, я попрощался с Бурджаловым. Когда я обнял его, Гося Борисовна предупредила, что плакать нельзя, а сама плакала... И хотя я предполагал, что со-

ветские исторические журналы не поместят некролога Бурджалова, в каждом номере из выписываемых мной журналов я с тревогой искал его. В конце января 1986 г. я получил письмо Госи Борисовны и его сына, в котором они сообщили о кончине Эдуарда Николаевича.

Когда я получил печальное известие, я сразу позвонил в Москву. Вдова была огорчена – жизнь и работы мужа оказались непризнанными. Мне хотелось утешить её, выразив уважение к замечательному историку, и я предложил японским, американским, английским, канадским и французским исследователям Февральской революции послать коллективное письмо – соболезнование вдове Бурджалова. Реакция была активной, и 17 учёных, включая Марка Ферро, Т. Хасегаву, Джона Кипа, подписали его. В нём говорилось, что мы, усердные читатели его блестящей книги, убеждены в том, что имя Бурджалова и его книга о Февральской революции «будут жить вечно в памяти историков всего мира».

Я не включил в текст письма слова о его вкладе в дело критики Сталина и лишь избрал датой письма 25 февраля 1986 г. – день тридцатилетия доклада Хрущёва. Но в частном письме Госе Борисовне я написал, что его вклад в историческую науку переломного 1956 г. будет непременно иметь признание.

Тогда я не мог вообразить таких быстрых перемен в Советском Союзе. В марте 1987 г. в интервью «Советской культуре» Юрий Афанасьев назвал Бурджалова среди историков, репрессированных за самостоятельность. В перерыве симпозиума советско-японских историков я позвонил вдове Бурджалова, и она сказала мне, что хранит номер «Советской культуры», в котором напечатано интервью Афанасьева.

13 июня я посетил вместе с вдовой и сыном могилу Бурджалова на Кунцевском кладбище. В России хоронят в земле и только через год после погребения устанавливают надгробные камни. До этого времени ставят плакат с фотографией покойника. На ней было запечатлено незнакомое мне лицо человека зрелых лет. Мы удалили траву на могиле и посадили цветы... Недалеко хоронили военного. Оркестр играл траурный марш, раздался прощальный залп в честь покойного.

– Когда похоронили отца, мать отказалась от траурного марша, так как он слишком грустный. Только прощальный залп. Перед войной и во время войны он служил политическим инструктором в армии, и поэтому военные помогли нам в похоронах, – сказал сын Бурджалова – Феликс.

– Были ли речи? – поинтересовался я.

– Кроме коллег из пединститута, в котором он работал, выступил с речью профессор МГУ С.Г. Седов.

Профессора Седова, который в своё время пострадал в лагерях, я знаю как хорошего специалиста по русскому народничеству.

Гося Борисовна родилась в Белоруссии. Её родственников убили немцы во время войны. Когда она работала на заводе в Туле, то там познакомилась с молодым партийным лектором Бурджаловым. Гося Борисовна, несмотря на плохое здоровье, после смерти мужа работала над его архивом. Она сказала, что старый друг мужа Е.Н. Городецкий написал статью о книге Бурджалова «Вторая русская революция», и её заветное желание – увидеть эту статью в историческом журнале. Блестящая статья Городецкого, Г.З. Иоффе, Г.С. Акопяна и Н.Д. Кузнецова «Э.Н. Бурджалов – историк Февральской революции» была опубликована в шестом номере 1987 г. журнала «История СССР».

Я сказал вдове, что и работа её мужа как заместителя главного редактора журнала «Вопросы истории» непременно будет признана, а постановление ЦК от 9 марта 1957 г. должно быть аннулировано как несправедливое.

«...XX съезд является решающим моментом во всех областях нашей жизни... переломным моментом.

...Если в течение многих лет наши историки, как и работники других участков идеологического фронта, привыкли к тому, чтобы ждать указаний и директив, привыкли к тому, чтобы получать “свыше” постановление в различных формах указаний и директивах, то теперь совершенно ясно, что мы не должны ждать указаний и директив по конкретным историческим вопросам.

...Нам нужно критически посмотреть на прошлое. Это не значит, что мы должны зачеркнуть всё, что мы делаем... Но мы должны критически просмотреть то, что было сделано... Мы все виноваты, и об ошибках нужно говорить. Но нужно идти дальше. А для того, чтобы идти дальше, нужно спокойно, без наклеивания ярлыков разобраться в тех ошибках, которые каждый из нас делал, в том числе, и наш журнал»¹.

Так говорил Эдуард Николаевич на читательской конференции, состоявшейся в Ленинграде 20 июня 1956 г. Если бы мы

---

¹ Цитируется по стенограмме, хранящейся в домашнем архиве Э.Н. Бурджалова. Впоследствии эта стенограмма была опубликована в журнале «Вопросы истории».

прочли эти слова на страницах какого-нибудь советского исторического журнала в 1987 г., то они имели бы современное звучание. Тогда же, сразу после ленинградского доклада, начались нападки на Бурджалова. Почему его раскритиковали и отстранили от должности? Пересмотр хода событий, предшествующих принятию постановления ЦК от 9 марта 1957 г., составляет важную работу по выяснению «наследства 60-х годов».

Институт истории в 60-Х годах

Само собой разумеется, что центром обновленческого движения с начала 60-х гг. являлся журнал «Новый мир», редактором которого был А.Т. Твардовский. Но можно сказать, что в академическом мире позицию авангарда занимал Институт истории, а его ядром был сектор методологии, созданный в конце 1963 г. и возглавляемый М.Я. Гефтером. Когда в апреле 1965 г. консервативный скульптор Е.В. Вучетич опубликовал статью против журнала «Новый мир» в газете «Известия», группа видных историков Института истории послала письмо в редакцию газеты, чтобы защитить журнал. Это письмо составил М.Я. Гефтер, а подписали академик А.А. Губер, бывший директор Института А.Л. Сидоров, заведующий Сектором истории СССР периода капитализма Л.М. Иванов, сотрудники К.М. Тарновский, В.П. Данилов и Е.Г. Плимак.

В ноябре 1965 г. состоялось очередное отчётно-выборное собрание Института, и в партийный комитет были избраны учёные – сторонники обновления. Сначала было решено избрать секретарём парткома Тарновского, но из-за противостояния районного комитета секретарём был избран Данилов, а его заместителями Тарновский и Я.С. Драбкин (Сектор методологии). Среди членов парткома был и А.М. Некрич – автор книги «1941 год. 22 июня», изданной в октябре того же года. Этот партком, по словам М. Гефтера, превратился в «ведущий, самостоятельный фактор научной и общественно-политической жизни Института». Под руководством Данилова и Тарновского этот комитет составил доклад о состоянии исторической науки и выдвинул проект выборов директора института путём тайного голосования с участием всего научного коллектива. Таким образом, Сектор методологии и партком создали «антикультурную консолидацию»

(М. Гефтер), за которую выступило большинства сотрудников института.

В октябре 1964 г. Хрущёва сменило новое руководство во главе с Брежневым, которое начало тормозить углубление критики Сталина. В мае 1965 г. Брежнев назначил на пост заведующего отделом науки ЦК бывшего своего помощника с молдавских времён С.П. Трапезникова. Последний, специалист по истории крестьянства, избрал своим консультантом Ф. Ваганова, такого же специалиста. Именно эти люди в 1965 г. сначала запретили издание коллективной работы историков Института истории «Коллективизация сельского хозяйства и колхозное строительство в СССР» под редакцией В.П. Данилова. Далее Трапезников заставил влиятельных В.Г. Трухановского, Е.М. Жукова и В.И. Шункова написать статью «Высокая ответственность историков», опубликованную в «Правде» 30 января 1966 г. В ней фактически требовалось прекратить критику Сталина.

В середине февраля 1966 г. антипатию и беспокойство среди интеллигенции – сторонников обновления – вызвал суд над писателями Даниэлем и Синявским. Поэтому устроенная в стенах ИМЛ при ЦК КПСС через два дня после окончания суда дискуссия по книге А.М. Некрича «1941 год. 22 июня» стала своеобразным политическим митингом сторонников продолжения десталинизации. В ней участвовало 200–250 человек. Если докладчик Г.А. Деборин защищал Сталина, то выступавшие в прениях защищали Некрича, критикуя докладчика.

С 1967 г. власть обратилась к репрессивным мерам – были арестованы Гинзбург и другие, выпустившие самиздатовский стенографический отчёт суда над Даниэлем и Синявским. В марте отстранён от должности главного редактора «Военно-исторического журнала» Н.И. Павленко, а через два месяца – Поликарпов и другие сотрудники. После этого была принята другая программа редакции, и критика Сталина была прекращена. В мае Некрича вызвали в ЦКК, и 28 июня был решён вопрос об его исключении из партии. А.М. Самсонов, директор издательства «Наука», хотя и признал ошибку издательства, выпустившего книгу Некрича, защищал её, заявлял, что в ней нет ничего такого, что прежде не было опубликовано в других советских изданиях. Когда решение ЦКК об исключении Некрича из партии было сообщено парткому Института истории, он уже ничего не мог сделать. Это исключение явилось сильным ударом по сторонникам обновления. В конце 1967 г. парткомитет Института был переизбран, и Данилова на посту секретаря сменил П.В. Волобуев.

События в Чехословакии означали конец «шестидесятых годов» в политическом смысле. В октябре 1968 г. Институт истории был разделён на две части – Институт всеобщей истории и Институт истории СССР. И хотя предполагалось, что Сектор методологии, являвшийся двигателем обновления исторической науки, войдёт в Институт всеобщей истории, в последний момент Трапезников вычеркнул его из списка секторов и таким образом упразднил его вообще. Правда, в 1969 г. успел выйти подготовленный этим сектором сборник статей «Историческая наука и некоторые проблемы современности» под редакцией М.Я. Гефтера. В предисловии к сборнику он писал: «Поворот к методологии стал... выводом из критического анализа, выявившего тревожное отставание теории истории от конкретного исследования, с одной стороны, а с другой – от запросов времени». Отправным условием решения методологических проблем является освоение марксистского, ленинского наследства. Но «оно должно быть... новым прочтением исторической концепции Маркса, Энгельса, Ленина». «Нет нужды доказывать, что и поиск, и творческие дискуссии не ослабляют, а усиливают марксистов». «Мы не скрываем своих пристрастий и антипатий. Прагматическому, утилитаристскому и конъюнктурному подходу к истории мы противопоставляем не мнимую нейтральность и лицемерное безразличие, а заинтересованность в добывании научной истины и в служении прогрессу».

Прочитав слова А.И. Герцена, что «отдавая обстоятельствам то, что им принадлежит, мы не покроем, однако, ими людей, – люди тоже факты и пусть несут ответственность за свои дела», Гефтер делает вывод: «С этими словами мыслителя и революционера домарксовской эпохи не может не солидаризироваться каждый действительный марксист-ленинец». И тем не менее на составленный в таком духе сборник в буквальном смысле напали 28 февраля 1970 г. в газете «Советская Россия» сотрудники кафедры истории КПСС МГУ Корнилов, Прокопенко и Широков. До этого в 1969 г. Голиков, Мурашов и др. написали в № 3 журнала «Коммунист» статью «За ленинскую партийность в освещении истории КПСС», открывающую общее наступление на сторонников обновления. В результате была раскритикована пьеса М. Шатрова «6-е июля», встречена нападками реабилитация Ф.Ф. Раскольникова, обвинён в сосредоточении внимания на «перегибах и ошибках в колхозном строительстве» В.П. Данилов. В промежутке между появлением статей в «Коммунисте» и «Советской Рос-

сии» была расформирована редакция «Нового мира» во главе с Твардовским.

10 февраля 1971 г. на заседании Бюро Отделения истории Академии наук состоялось критическое рассмотрение сборника «Историческая наука и некоторые проблемы современности». Докладчиками выступили И.И. Минц и М.П. Ким. Гефтер и его соавторы не признали свои позиции ошибочными. Следующей жертвой был П.В. Волобуев, в 1969 г. возглавивший Институт истории СССР и избранный членом-корреспондентом Академии наук Союза. В марте 1972 г. учёный совет Института истории принял постановление с критикой статей Волобуева и сборников «Российский пролетариат» и «Свержение самодержавия». Волобуев вынужден был оставить должность директора Института и перейти в Институт истории естествознания и техники. В конце того же года был раскритикован и уральский сборник «Вопросы истории капиталистической России – проблема многоукладности». Главным объектом критики стал один из его авторов – К.Н. Тарновский.

Наследство «60-х годов» было разрушено.

Атмосфера 70-х годов

Я познакомился с В.П. Даниловым в течение своего долгого пребывания в Москве в конце 70-х гг. Тогда в академической гостинице со мной жил английский учёный Т. Шанин, который рассказал своему научному руководителю Данилову о моей книге «Мир крестьянской революции – Есенин и Махно». Данилов заинтересовался этим, и состоялась наша встреча. Мы сидели на скамейке у актового зала на четвёртом этаже Института. Я положил между нами два тома сочинений С. Есенина и начал объяснять свой замысел. Данилов слушал мой рассказ внимательно и, кажется, симпатизировал моему истолкованию Есенина. В конце встречи, имея в виду его работу по коллективизации, я сказал ему: «Желаю Вам завершения работы». «Для этого нужно много лет. Теперь я могу заниматься только 20-ми годами», – решительно сказал он и улыбнулся.

Понимая весь трагизм обстоятельств времени, я затосковал и, вернувшись в гостиницу, крепко выпил. Данилов, сын крестьянина и специалист по истории крестьянства, мог сменить тему и заниматься историей советского крестьянства 20-х гг. и расширять

изучение общины. Тарновский, напротив, не мог найти выхода, поскольку его тема была запрещена. Меня очень огорчило то, что он вынужден был писать популярную брошюру о ленинской «Искре»...

В своё время Тарновский написал некролог о своём учителе А.Л. Сидорове, отразив в нём светлый облик военного поколения, вернувшегося в университеты и институты в солдатских шинелях. Сам Тарновский родился в 1921 г., а Данилов в 1925 г. Они воевали и потом учились в атмосфере послевоенных обновлений и реакции, вышли в свет на последней фазе сталинской эпохи и в расцвете сил встретили XX съезд. Они «шестидесятники». 70-е годы. были жестокими для них. Но когда Данилов появился на нашем симпозиуме японско-советских историков, а затем выступил с лекцией о коллективизации в Историко-архивном институте, это означало, что долговечный сургуч запрета был наконец сломан.

Радуясь новой встрече с Даниловым, я услышал от него, что теперь многие институты просят его прочитать лекцию о коллективизации, и он очень занят.

Дискуссия в исторической науке

Важно не только то, что Данилов и другие учёные снова заняли должные места в академическом мире, но и возрождение правды о запрещённом «наследстве 60-х годов». На этом моменте поначалу акцентировал внимание и Ю.Н. Афанасьев. В докладе «Энергия исторического знания», опубликованном «Московскими новостями» 11 января 1987 г., он сказал, что в начале 70-х гг. историко-методологические поиски были «просто прекращены насильственным вмешательством», что было противодействием со стороны встревоженных бюрократов от науки. А в мартовском интервью в газете «Советская культура» он назвал С.П. Трапезникова главарём этой кампании.

Ф. Ваганов счёл необходимым возразить против критики в адрес умершего вслед за Брежневым в 1984 г. Трапезникова. Но перед этим он попросил С.И. Мурашева и трёх его коллег – профессоров кафедры истории КПСС написать письмо в редакцию газеты «Московские новости», но их письмо оказалось слишком невежественным, и поэтому сам Ваганов счёл необходимым написать с А. Пономаревым статью против Ю. Афанасьева, опубли-

ликованную 4 июля 1987 г. Опровергая его утверждение о том, что новое направление было запрещено в начале 70-х гг., Ваганов настаивал на том, что «новое направление» противопоставило свои взгляды сложившейся и общепризнанной исторической концепции и ленинской партийной доктрине. И тогда состоялись многочисленные дискуссии, в которых это направление было подвергнуто критике, и его несостоятельность была убедительно доказана. Поэтому, как утверждали оппоненты, принципиально не было застоя в исторической науке. Дальше следовал вывод, что историки в процессе перестройки должны поселиться среди простых людей и там добывать исторические знания. Это была логика консерваторов, не воспринимавших перестройку. Её попытался развенчать В.Д. Поликарпов в газете «Советская культура» (9 июля 1987 г.) Что такое «дискуссии» брежневского периода? – спрашивал он. Ведь администраторы от исторической науки, как прокуроры, разоблачили «враждебные» взгляды. В рецензии на книгу, одним из соавторов которой был П.В. Волобуев, исказили смысл его статьи. И хотя Волобуев послал в редакцию того же журнала письмо-опровержение этой рецензии, оно не было напечатано. С 1973 по 1986 год включительно не была опубликована ни одна статья, где бы критикуемые историки имели возможность защититься от критики. Поликарпов утверждал, что без развития демократии в науке и научной этике невозможна перестройка.

Читая эту статью, я понял, что, наконец-то, дискуссия между историками стала непосредственно их внутренним делом.

Как-то встревоженный, я позвонил одному своему знакомому. Он тотчас же сказал, что на днях скорострительно скончался Тарновский. Какая беда! У него было что сказать, но он ушёл, не высказав многого...

Панихида должна была состояться в 11 часов утра, и мне хотелось принять в ней участие, чтобы выразить соболезнование. Я убедил японского историка К. пойти вместе со мной.

На панихиде

Институт истории СССР находится в четырёхэтажном здании около метро «Академическая». Тогда в нём помещалось три других исторических института – археологии, всеобщей истории и

этнографии. Панихида проходила в актовом зале на четвёртом этаже, на котором работали этнографы. На третьем этаже я увидел одного старика, прогуливавшегося по пустому коридору. Это был академик И.И. Минц, которому исполнился 91 год.

К назначенному времени мы с японским историком К. поднялись на четвёртый этаж. Валентина Твардовская, дочь поэта и специалист по истории народничества, подошла ко мне, и мы обменялись без слов приветствиями. Присутствовавшие были с красными и белыми цветами в руках. Зазвучал траурный марш Шопена, и мы вошли в зал, в центре которого находился убранный цветами гроб с покойным и стояли по бокам члены комитета по похоронам с красными нарукавными повязками. Присутствовало около ста пятидесяти человек. Панихиду открыл заместитель директора. Его слово, также и как следовавшая затем речь заведующего сектором, где работал Тарновский, было приличествующим случаю, но обыкновенным. Представитель парткома А. Корелин упомянул в своей речи про административное наказание, которому подвергнулся Тарновский.

Потом выступил В.П. Данилов: «От нас уходит человек высокой трагической жизни. Его жизнь – трагедия таланта, трагедия яркой сильной личности, столкновение с поверхностной, но сильной посредственностью. Константин Николаевич Тарновский был одним из самых сильных и лучших представителей шестидесятников нашего века». Данилов подчеркнул ценность книги «Советская историческая наука от XX по XXII съезда КПСС», в редакции которой Тарновский принял участие. Большая же часть выступления Данилова была посвящена партийному комитету Института истории в 1965–1968 гг. и роли Тарновского в нём: «Это были драматические годы, когда свёртывался путь XX и XXII съездов партии, когда наверху были такие фигуры, как Трапезников и Ваганов, когда идеологическое руководство подчинило себе научные учреждения и науку в целом. Конечно, отдельные парторганизации, в том числе такая сильная и авторитетная в то время организация единственного Института истории, не могли повернуть развитие событий... Но то противодействие, которое было оказано движению вспять, не было напрасным. Противодействие не позволило тем силам продвинуться к сталинизму так далеко, как они могли продвинуться. Противодействие парткома Института истории было последовательным и проводилось до конца, с позиции открытой, активной и смелой защиты линии XX и XXII съездов партии...».

Мне показалось, что именно тогда Данилов решил не отступать ни на шаг, настаивая на правильности своей позиции. Замечание о репрессии Тарновского было кратким, но резким. Горькое сожаление о «неожиданной смерти» друга соединилось с решимостью осуществлять перестройку усилиями оставшихся в живых. Он подчеркнул далее: «Двадцатилетие брежневского и трапезниковского времени принесло Константину Николаевичу беды и несчастья, отстранение от работы по главной проблеме эпохи империализма, издевательство над защитой докторской диссертации, невозможность публиковать свои произведения... И замечательно, что даже в то время, в тех условиях он находил в себе волю и силу для продолжения научного творчества. Перестройка общественной жизни, демократизация власти для него, как и для всех нас, означали появление надежды на возможность говорить в полный голос, открыто провозглашать свои научные взгляды и убеждения... Смерть вырвала из жизни Константина Николаевича на заре этих надежд.

Мы прощаемся с тобой, дорогой товарищ и друг. Когда сегодня мы говорим о горести этого прощания, – тут голос Данилова дрогнул, многие присутствующие заплакали, – мы говорим о своей благодарности судьбе, что ты был с нами, и мы говорим также о том, что, как и ты, живём надеждой, мы, как и ты, видим смысл своей жизни в том, чтобы осуществить надежды на новое будущее нашей родной страны. Прощай, Костя».

После выступления представителя Института марксизма-ленинизма прозвучали сердечные речи ректора Историко-архивного института Юрия Афанасьева и писателя Натана Эйдельмана. Но после Данилова все другие речи не оставили сильного впечатления. Директор Института истории СССР консерватор С.С. Хромов, бывший помощник Трапезникова, не присутствовал на этой панихиде, и таких было немало.

Через несколько дней я встретил Данилова в Библиотеке им. Ленина. Вспомнив его надгробную речь, я сказал: «У нас в Японии говорят, что души мёртвых встречают и провожают, или люди живут вместе с душами мёртвых». Данилов ответил: «В стихотворении Гютчева есть такая строка: “Душа моя, Элизиум теней”. Я чувствую, словно я живу вместе с товарищами, умершими на войне».

Отныне и душа покойного Тарновского останется в его душе. Данилов возродил в себе активный дух 60-х годов, подумал я.

1988

Перестройка и переосмысление
советской истории
(1986–1988)*

Есть тяжкое заболевание – потеря памяти... Что же происходит, если подобное заболевание, вызываемое социальными и иными причинами охватывает, общество в целом?

Там, где нарушена общественная память, там место всем другим общественным бедам и недугам. Там, где обеднена память, обеднена в самых жизненных основаниях – культура, а с нею вместе и нравственность во всех своих проявлениях, от политики до быта.

*От редакции. Исторический сборник «Память»
(Вып. I, Москва, 1976)*

Перестройка и история

Брежневский режим, который можно назвать высшей и последней стадией сталинской модели социализма, был режимом без исторической памяти, или режимом, основанным на запрете изучения исторического прошлого. С. Трапезников, возглавлявший в брежневское время сектор науки и высших учебных заведений ЦК КПСС, стоял на страже исторического мифа режима, не подпуская историков к изучению сталинского периода и подавляя все попытки внести что-то новое в советскую историческую науку. Историки В.П. Данилов, А. Некрич, М.Я. Гефтер, П.В. Волобуев и К.Н. Тарновский подвергались несправедливым и клеветническим нападкам, в результате которых некоторые из них были

---

* Впервые опубликовано в: Facing Up to the Past: Soviet Historiography under Perestroika. Ed. by Ito Takayuki. – Sapporo, 1989.

вынуждены оставить свой пост, а другие – прекратить разработку своей тематики¹. В разгар брежневского режима смелые голоса «раздались» со страниц неофициально изданного исторического сборника «Память», но, подвергшись репрессиям, авторы замолчали. Лишь Рой Медведев, живя в Москве, ухитрился успешно публиковать книги за рубежом. Вероятно, историческая наука оказалась главной жертвой самодовольного обскурантизма, присущего брежневской системе.

Поэтому неудивительно, что Михаил Горбачёв, начав в 1986 г., после черновильской трагедии, перестройку², первым делом снял печать запрета с исторического знания. Для того, чтобы люди почувствовали себя свободнее и стали более активными, необходимо было избавиться от наихудшего наследия предыдущих двадцати лет брежневского правления.

Было понятно, что без исторической Памяти и реабилитации Правды народ не сможет восстановить свою этическую общность и стать полноправным участником исторического процесса. *Правда* и *память* стали ключевыми словами того времени.

Центральной темой переосмысливания истории стал сталинизм и феномен Сталина. Вопросов было множество, самые разные интересы переплетались в этой теме. Но что было действительно необходимо – это создание чёткой картины и глубокое осмысление той системы, которая возникла в результате сталинской «революции сверху» и которую перестройка должна была разрушить и заменить новой моделью общественного устройства. Советский Союз сегодня похож на об ветшалое здание, подлежащее реконструкции, но всё ещё заселенное жильцами. Какую часть здания разрушить? Какую сохранить, чтобы спасти жильцов? Без ясного понимания сути системы грамотная реконструкция будет невозможна.

Наконец, насущно необходимым становится создание более правдоподобной, более убедительной, более полнокровной кар-

---

¹ О ситуации в советской исторической науке в 1964–1970 гг. см. мои статьи: Нагарэни косуру рэксикатати (Советские историки против течения, 1964–1966), Росияси кэнкю (Исследования по русской истории), № 32 (ноябрь 1980). С. 2–25; Тэнкансуру сорэнрэксигаку (Советская историческая наука на переломе, 1968–1970), Сякайкагаку кэнкю (Исследования по общественным наукам). Т. 37, № 5, 1985. С. 63–98; «1941 нэн 6 гацу 22 нити – Рэксика то гунбу (22 июня 1941 г. – Историки и военные), Росияси но атарасии сэкай (Новый мир русской истории). – Токио, 1986. С. 311–338.

² О таком понимании перестройки см.: Вада Харуки. Ватасино мита пересуторойка (Перестройка, как я её увидел). – Токио, 1987. С. 197–202.

тины исторического прошлого. Без понимания национальной истории ни одна нация не смогла бы осуществить такую предельно сложную задачу, как перестройка, явившаяся, по сути, мирным и демократическим вариантом «революции сверху», – нечто, до сих пор не виданное в русской и советской истории.

Один из первых «проробов перестройки» Юрий Афанасьев писал в июне 1988 г.: «Конечно, путь, который открывается перед нами, – тяжёлый. Но если мы хотим действительно преобразовать наше общество, нам надо вступить на этот путь без колебаний: только новые исторические исследования, свободные от идеологических догм, смогут помочь нам осмыслить во всей целостности и огромности наше прошлое, действительно освободиться от сталинизма и воссоздать нашу общественную идентичность. Перестройка и историческая наука друг другу необходимы»³.

Хотя в целом его статья носила противоречивый характер, с её заключительными словами о важности исторического переосмысления не могли не согласиться все, кто поддерживал перестройку.

Я намерен проследить, как развивался процесс исторического переосмысления в СССР по этапам, и показать общую картину успехов, достигнутых советскими коллегами в этом направлении в 1986–1988 гг.

Первые признаки изменений

То, что в брежневское время история и историки подвергались гонениям, означало, что оставшиеся «официальные» историки являлись, по большей части, носителями консервативных взглядов. Поэтому вполне естественно, что первые камни должны были бросить историки-аутсайдеры.

Евгений Амбарцумов, заведующий сектором в Институте экономики мировой социалистической системы, 9 ноября 1986 г. опубликовал статью «Молодость революции» в газете «Московские новости»⁴. Он прямо указал на жестокость и трагедию Ок-

---

³ Афанасьев Ю. Перестройка и историческое знание // Литературная Россия. 17 июня 1988 г. С. 9.

⁴ Амбарцумов Е. Молодость революций // Московские новости. 1986. № 45 (9 ноября). С. 12.

тябрьской революции, а также на жертвы времён культа личности Сталина. Однако читателей больше всего привлёк в его статье тезис о «революции сверху», которую он охарактеризовал как отказ от НЭП'а и возвращение к военному коммунизму.

«Возродившаяся с отказом от нэпа мобилизационно-приказная система руководства, предполагающая только прямые (сверху вниз) и игнорирующая обратные (снизу вверх) связи, создала постепенно питательную среду для бюрократии».

Эта система, действовавшая успешно во время войны, в послевоенных условиях начала терять свою эффективность. Рост антисоциальных и застойных явлений вынудил Коммунистическую партию начать перестройку, что было равнозначно революции.

Статья Амбарцумова вызвала сенсацию среди советских историков и интеллигенции вообще. Однако руководители исторической науки были весьма далеки от подобного новаторства. Их статьи о задачах истории в условиях перестройки, которые появились одна за другой в исторических журналах в конце года⁵, не производили впечатления на читателей. Лишь статья академика А.М. Самсонова, опубликованная в шестом номере «Истории СССР», представляла новые веяния. Критикуя распространённые «идеализацию, некритическое восприятие минувшего, забвение негативных фактов и явлений» истории, Самсонов признавал, что, по сравнению с писателями и публицистами, советские историки не сделали почти ничего для исправления ситуации⁶. Он также подверг критике одного из любимых писателей Брежнева, Ивана Стаднюка, который считал «нравственно справедливой» и оправдывал расправу Сталина над командующим Западным фронтом генералом армии Д.Г. Павловым в 1941 г.⁷

В конце 1986 г. Юрий Афанасьев, в прошлом – член редколлегии журнала «Коммунист» и специалист по современной французской историографии, был назначен ректором Московского историко-архивного института. Речь нового ректора, содержащая острую критику современной ситуации в исторической науке,

---

⁵ *Тихвинский С.Л.* Некоторые вопросы работы советских историков // Вопросы истории. 1986. № 12. С. 3–12; *Хромов С. С.* XXVII съезд КПСС и некоторые актуальные проблемы изучения отечественной истории // История СССР. 1986. № 6. С. 3–20.

⁶ *Самсонов А. М.* К новым рубежам (Штрихи проблемы) // История СССР. 1986. № 6. С. 64–65.

⁷ Там же. С. 70.

была опубликована 11 января 1987 г. в «Московских новостях»⁸. Это был первый открытый вызов нового направления консервативной академической элите.

«Состояние отечественной исторической науки по преимуществу я назвал бы именно застойным, отстающим во многом от современного мирового уровня». Одну из причин застоя он усматривал в том, что «методологические поиски», развернувшиеся было в советской исторической науке во второй половине 60-х – начале 70-х гг., были «искусственно пресечены». Имелся в виду тогдашний сектор методологии истории, возглавляемый Михаилом Гефтером, наиболее пострадавший от вмешательства «бюрократов от науки», а также гонения на П.В. Волобуева, К.Н. Тарновского и др. П.В. Волобуев, член-корреспондент Академии наук СССР и бывший директор Института истории СССР, смещённый со своего поста по указанию Трапезникова в 1974 г., тоже опубликовал в 1986 г. ряд статей, отвечающих духу перестройки. Источником вдохновения для нового мышления он избрал историко-теоретический анализ категории выбора путей социального развития. Его книга по этой теме вышла в январе 1987 г.⁹ Волобуев рассматривал выбранные Россией пути развития до и после Октябрьской революции и гражданской войны, уделив особое внимание положительной оценке НЭП'а. Вопрос о сталинизме ещё не стоял на повестке дня.

В этот момент Горбачёв сделал новый шаг вперёд в разрушении исторических табу. В январе 1987 г. был снят запрет с фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние» и разрешён его прокат в кинотеатрах страны. Центральной темой фильма является вопрос об ответственности каждого за преступления Сталина. Фильм был сложен и недоступен пониманию большинства, однако людей привлекала в кинотеатры проблема ранее замалчиваемая и запрещённая: сталинские массовые репрессии. Фильм заканчивается вопросом старой женщины: «Зачем нужна дорога, которая не ведёт к храму?».

Здесь храм выступает символом Правды и Справедливости. Ответ на этот вопрос должны были дать историки.

---

⁸ Афанасьев Ю. Энергия исторического знания // Московские новости. 1987. № 2 (11 января).

⁹ Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. – М., 1987.

Первый год перестройки

Поначалу лидирующую роль в новом осмыслении истории заняли не только кинематографисты, но и писатели, и публицисты. Осенью 1986 г. было опубликовано «Новое назначение» А. Бека, а уже в первой половине 1987 г. литературные журналы были заполнены новой прозой: роман «Мужики и бабы» Бориса Можаяева, «Белые одежды» Владимира Дудинцева, «Зубр» Даниила Гранина, пьеса «Брестский мир» Михаила Шатрова, «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова. Наибольший интерес публики вызвали романы Можаяева и Рыбакова.

В центре повествования Бориса Можаяева (его роман был опубликован в январском, февральском и мартовском номерах журнала «Дон»¹⁰) – жизнь советской деревни в 1929 г., в так называемый «Год великого перелома». Можаяев рисует мрачную картину коллективизации сельского хозяйства, подлинных бедствий крестьян. Он поясняет, что в основе этой политики лежала троцкистская теория построения социализма, и Сталин, по его мнению, даже спас крестьян от её эксцессов, творимых воинствующими фанатиками, такими, как герой романа Игнат Сопронов.

Роман Рыбакова, повествующий о судьбах советских юношей и девушек, охватывает 1934 год, вплоть до убийства Кирова. Последний, наряду со Сталиным, является одним из героев романа. Фактически впервые советские читатели следили за мыслями Сталина и за его душевным и психологическим состоянием. Например, Сталин говорит Кирову: «Политики всегда претендуют на власть. И чем больше они унижаются, тем больше надеются отомстить за свои унижения... Зиновьев считал Ленинград своей вотчиной... А сейчас... Ленинградская организация уже не знает Зиновьева, она знает только Кирова. Простит это тебе Зиновьев? Нет, не простит. И при первой возможности отомстит»¹¹.

Киров тогда не согласился со Сталиным и вскоре ему пришлось осознать, какую ошибку совершила партия, не выполнив ленинского завещания. В Ленинграде была организована тайная кампания по дискредитации Кирова. Орджоникидзе не сумел спасти его, хотя и знал обо всём. Рыбаков показывает, что Сталин был, возможно, причастен к смерти Кирова.

¹⁰ Можаяев Б. Мужики и бабы // Дон. 1987. № 1–3.

¹¹ Рыбаков А. Дети Арбата // Дружба народов. 1987. № 4–6.

Читающая публика приняла эти два романа с восторженным интересом. Научная интерпретация истории оказалась под угрозой, и это не могло не волновать профессиональных историков. Так, открытие Можаяевым связи между Троцким и насильственной формой проведения коллективизации, повторенное многими, заставило В. Данилова вернуться к своей старой теме после 20 лет молчания.

В марте Афанасьев начал у себя в Институте цикл лекций на тему социальной памяти, пригласив выступить в нём историков-новаторов. Каждый четверг в главную аудиторию Института набивалось более 500 человек. Первым лектором стал В. Поликарпов, который говорил о «забытых страницах и именах» в истории Октябрьской революции и гражданской войны¹². За ним последовал В. Данилов, впервые выступивший перед публикой с докладом о коллективизации. Тарновский и Волобуев также были среди выступавших. Это был свободный форум историков-новаторов.

Призыв Афанасьева к обновлению исторической науки прозвучал официально со страниц газеты «Советская культура», опубликовавшей 21 марта интервью с историком¹³. Открыто указав на деструктивную роль, сыгранную в судьбе исторической науки С. Трапезниковым, он назвал имена историков, пострадавших из-за независимости взглядов. В частности, из забвения был возвращён Э.Н. Бурджалов, заместитель главного редактора журнала «Вопросы истории», осуждённый в марте 1957 г. за антиленинские взгляды. Лечение социальных недугов, говорил Афанасьев, невозможно без освобождения исторической нации от бюрократических препон, но это непростая задача. Двадцать лет назад историческая мысль была остановлена, и существует определённая группа людей, ответственных за этот «застой». Этим людям нужно знать, говорил Афанасьев, потому что их образ мысли и поведения и сегодня остался тем же. Затем он предложил серьёзно заняться исследованием комплекса проблем, связанных с культом личности Сталина, поскольку в советской историографии до сих пор не было исследований на эту тему, в то время как на Западе вышли сотни и тысячи работ. Это интервью стало декларацией борьбы прогрессивных историков с консерва-

---

¹² Московские новости. 1987. № 14. С. 9.

¹³ Афанасьев Ю. С позиции правды и реализма // Советская культура. 21 марта 1987 г. С. 3.

тивным руководством исторической науки. Перестройка наконец началась и здесь.

Примерно в это время новые веяния донесли и из стен Института марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС, недавно возглавленного бывшим консультантом Горбачева Г.Л. Смирновым. 29 апреля там состоялся «круглый стол», посвящённый проблемам истории партии¹⁴. На нём выступили Тарновский, Афанасьев, Данилов, Волобуев и др. Председательствовал заместитель директора ИМЛ В.В. Журавлёв. Печатный орган Института, журнал «Вопросы истории КПСС», начал публикацию материалов в духе нового мышления, хотя главным редактором его продолжал оставаться один из консерваторов – В.И. Касьяненко. Вместе с Министерством высшего и среднего специального образования и издательством «Политиздат» ИМЛ объявил открытый конкурс на создание нового учебника по истории партии¹⁵.

Несмотря на все перемены вокруг, оплот консерватизма – академический Институт истории СССР, возглавляемый ультраконсерватором С.С. Хромовым, оставался без движения¹⁶. Однако не замечать нового направления было уже невозможно. И консервативные историки вступили в бой, сосредоточив огонь на Ю. Афанасьеве. В мае в «Московских новостях» было опубликовано письмо четырёх профессоров, заведующих кафедрами истории КПСС различных вузов, в котором они резко критиковали январское выступление Афанасьева¹⁷. Позиция критиков была проста: тот, кто хочет ревизовать историю партии, неизбежно смыкается во взглядах с Троцким. Обвинив Афанасьева в возможных симпатиях к Троцкому и троцкизму, авторы письма заявили в заключение, что «энергию исторического знания надо направлять... на воспитание у молодежи исторической ответственности и гордости за свою Родину, за её героическую историю и сегодняшний день». Этим людям перестройка была не нужна.

Первый контрвыпад произвёл убогое впечатление. Афанасьев опубликовал на него убедительный ответ в том же номере¹⁸, а че-

¹⁴ *Виноградов Л.К.* Историко-партийная наука: пути перестройки и дальнейшего развития // Вопросы истории КПСС. 1987. № 7 С. 137–152.

¹⁵ Там же. 1987. № 5. С. 158.

¹⁶ Интервью с С. Хромовым // Йомиури Симбун. 17 февраля 1987 г.

¹⁷ *Соболева П., Носов А., Шириков Л., Мурашов С.* По поводу статьи Ю. Афанасьева // Московские новости. 1987. № 19 (10 мая). С. 11.

¹⁸ *Афанасьев Ю.* Говорим о прошлом, но решается будущее социализма. Там же. С. 11, 13.

рез две недели «Московские новости» напечатали сразу пять писем, три из которых солидаризировались с Афанасьевым и два – с его оппонентами¹⁹. Решительный шаг сделал и Ф. Ваганов, бывший консультант С. Трапезникова, стоявший за четырьмя профессорами. 4 июля он опубликовал в «Советской культуре» собственную критическую статью (совместно с ещё одним автором)²⁰.

Основная мысль Ваганова состояла в том, что перестройка есть созидание, а не разрушение. Утверждение это, однако, являлось бессмысленным, так как без разрушения старого здания невозможно было бы строить новое. В частности, Ваганов отрицал тот факт, что в начале 70-х гг. новое направление в исторической науке было задавлено. Новое направление он охарактеризовал как ревизионистскую тенденцию, подрывавшую устои советской историографии и коммунистической доктрины, проверенные не раз в дискуссиях и критике. Советская историческая наука не переживала никакого застоя. Нужно лишь донести её достижения на фабрики и в колхозы. Позиция Ваганова была типичной для ортодоксальной советской элиты в тот период.

Сокрушительный ответный удар по Ваганову нанёс Поликарпов, только что опубликовавший смелую статью о Ф.Ф. Раскольнике в № 26 (27 июня) «Огонька». Раскольников, один из руководителей кронштадтских революционных матросов, в 1930-е гг. был советским послом в Болгарии и отказался вернуться домой по приказу Сталина. Он был объявлен «врагом народа» и умер в 1939 г. при загадочных обстоятельствах. В 1960-е гг. его реабилитировали, но во времена Трапезникова на нём продолжала лежать тень позора. Поликарпов приводит в своей статье отрывки из «Открытого письма» Раскольникова Сталину: «Рано или поздно советский народ посадит Вас на скамью подсудимых как предателя социализма и революции, подлинного врага народа, организатора голода и судебных подлогов»²¹. Свою контратаку против Ваганова Поликарпов построил вокруг вопроса: что за дискуссии были в брежневский период? Это были судилища, на которых академическая элита, словно прокурор, выдвигала обвинения во враждебных взглядах. Эти дискуссии «лысенковского типа» не заслуживали того, чтобы называться дискуссиями.

---

¹⁹ История и современность. Там же. 1987, № 21 (24 мая). С. 2.

²⁰ Ваганов Ф.М., Пономарев А.Н. Не идеализировать, но и не драматизировать... // Советская культура. 4 июля 1987. С. 6.

²¹ Поликарпов В.Д., Фёдор Раскольников // Огонёк. 1987. № 26. С. 6.

В 1976–1983 гг. подвергшиеся критике не имели возможности открыто ответить в журналах. Если забыть обо всём этом, то как же мы сможем осуществлять «демократизацию науки», – спрашивал Полицарпов²². В своё время, будучи членом редколлегии «Военно-исторического журнала», он сам подвергался опале и был уволен в 1967 г.²³

В июле были обнародованы факты о реабилитации ряда бывших «врагов народа», наиболее заметным из которых был троцкист Н. Муралов²⁴. 16 июля «Московские новости» сообщили о реабилитации обвинённых по «делу» Трудовой крестьянской партии (в их числе были А.В. Чаянов и Н. Кондратьев)²⁵. Реабилитация этих экономистов, связанная с ростом интереса к НЭП'у и кооперативам, привела к возрождению их теорий, посвящённых мелкому крестьянскому производству. Следующим кандидатом на реабилитацию должен был стать теоретик НЭП'а Н.И. Бухарин. Об этом уже несколько месяцев говорили Шатров и Афанасьев²⁶.

В начале лета 1987 г. были сделаны новые шаги в осмыслении *ancient regime*. Первым оказался экономист Гавриил Попов. Он написал интересную статью по поводу романа А. Бека «Новое назначение», главным героем которого был типичный сталинский бюрократ. В этой статье он ввёл понятие «административная система», имея в виду режим, установленный в СССР в 30-е гг. «В основе этой системы – централизация решений и пунктуальное, неукоснительное, беззаветное исполнение директив Верха и особенно лично Сталина-Хозяина»²⁷. Берия был необходимым звеном этой Системы, поскольку «внутренняя логика Административной Системы требует подсистемы страха»²⁸. Хрущёв не понял сути этой Системы, когда полагал, что может решить все проблемы путём лишь искоренения культа личности.

Вторым автором, чья позиция заслуживает рассмотрения, был журналист Александр Бовин. Он опубликовал статью «Перестройка и судьбы социализма» в газете «Известия» 11 июля

²² *Он же*. О дискуссиях минувших лет // Советская культура. 9 июля 1987 г. С. 3.

²³ Вада Харуки. 1941 нэн 6 гацу 22 нити... С. 332.

²⁴ Солдат революции // Социалистическая индустрия. 5 июля 1987 г. С. 4.

²⁵ Возвращение – реабилитирована группа учёных // Московские новости. 1987. № 33 (16 августа). С. 12.

²⁶ Интервью с Ю. Афанасьевым // Йомиири Симбун. 27 января 1987 г.

²⁷ Попов Г. С точки зрения экономиста // Наука и жизнь. 1987. № 4. С. 54.

²⁸ Там же. С. 62.

1987 г.²⁹ Бовин писал, что после Октябрьской революции и нэповского эксперимента в СССР в 30-е гг. была построена модель новой социальной системы. Он сформулировал четыре основных признака этой модели, один из которых – «административно-командный метод управления социально-экономическими процессами». По мнению Бовина, эта система достигла предела своих возможностей в конце 50-х – начале 60-х гг., а затем они оказались исчерпанными. Таким образом, делал вывод Бовин, отход от прежней системы, её фундаментальная перестройка и создание новой системы является насущной исторической необходимостью, которая давным-давно назрела.

Статьи Попова и Бовина заложили основу для дальнейшего осмысления системы сталинизма. Однако в это же время всё более заметным становилось консервативное противодействие новому историческому мышлению. Новый поход консерваторов возглавил член Политбюро № 2 Егор Лигачёв. В июле он выступил в редакции газеты «Советская культура». В этой речи он подчеркнул, что подлинную ценность искусству придает единство партийной идеологии и художественных достоинств. Неизменными принципами культуры, искусства и образования, по Лигачёву, должны являться классовый характер, реализм и коммунистическая направленность³⁰. Несмотря на чрезмерную ортодоксальность и догматизм, Лигачёв, тем не менее, может быть, представлял взгляды некоторой части советского народа. Поэтому критика лигачёвской позиции в статьях Горбачёва и Александра Яковлева, опубликованных в том же месяце, прозвучала едва заметно³¹.

Лигачёв продолжал отстаивать свою позицию. 26 августа на выступлении в г. Электросталь³² он говорил, что есть люди, которые стремятся изо всех сил «дискредитировать процесс построения социализма в СССР, представить его как цепь непрерывных ошибок», а подвиги народа заслонить «фактами необоснованных репрессий». Между тем, по мнению Лигачёва, в 30-е гг. страна

---

²⁹ Бовин А. Перестройка и судьбы социализма // Известия. 11 июля 1987 г. С. 6.

³⁰ Советская культура, 7 июля 1987 г. С. 2.

³¹ Горбачёв М. Практическими делами углублять перестройку // Правда. 15 июля 1987 г.; Яковлев А. Перестройка и этика // Советская культура. 21 июля, 1987 г.

³² Лигачёв Е.К. Растить активных борцов перестройки // Учительская газета. 27 августа 1987 г.

вышла на второе место по объёму промышленного производства, осуществила коллективизацию сельского хозяйства «и достигла беспрецедентного уровня развития культуры, образования, литературы и искусства».

В то холодное лето 1987 г., после 17-летнего молчания, в СССР вновь зазвучал голос Михаила Гефтера, историка, руководителя сектора методологии истории Института всеобщей истории в 60-е гг., ставшего писателем-диссидентом в 70-е. Его интервью с предисловием Юрия Афанасьева было опубликовано в журнале «Век XX и мир», органе советского Комитета защиты мира. В нём Гефтер предостерегал против распространённого упрощения в оценке Сталина и сталинизма. Сталин был одним из зодчих страны, ставшей мировой державой³³. Проблема Сталина существует внутри нас, и мы не можем так легко от неё избавиться. Гефтер считал, что победе Сталина предшествовало поражение Ленина³⁴. 1923 г. и 1928 г. стали годами выбора, однако круг возможных альтернатив с каждым годом становился всё уже³⁵. Тем не менее возможность альтернативы оставалась даже в 1934 г. Гефтер отдал должное попыткам Бухарина осуществить «антифашистскую гуманизацию сталинской системы первого издания»³⁶, а период 1941–1942 гг. охарактеризовал как «стихийную десталинизацию». Возвращение Гефтера стало приятным сюрпризом для молодых читателей, ранее не знакомых с ним. Однако для его бывших коллег, профессиональных историков, его образ мышления всё ещё оставался чуждым.

В условиях продолжающейся инертности исторической науки и углубляющегося раскола исторического сознания народа протекала подготовка доклада Горбачёва, посвящённого 70-летию Октябрьской революции. Поскольку текст доклада предварительно должен был быть прочитан и одобрен членами Политбюро, он не мог не оказаться продуктом компромисса между Горбачёвым и Лигачёвым. Неслучайно, что на том же Пленуме ЦК, где утверждался текст доклада Горбачёва, против Лигачёва резко выступил Ельцин.

Доклад Горбачёва³⁷ представлял из себя смесь новых веяний и традиционных взглядов. Горбачёв высоко оценивал НЭП и

---

³³ *Гефтер М.* Надо ли нас бояться? // *XX век и мир.* 1987. № 8. С. 43.

³⁴ Там же. С. 46.

³⁵ Там же. С. 45.

³⁶ Там же. С. 47–48.

³⁷ *Горбачёв М.* Октябрь и перестройка – революция продолжается // *Правда.* 3 ноября 1987 г.

приводил слова Ленина о социализме как обществе «цивилизованных кооператоров». Это показывало, что ему самому был ближе недогматический социализм. Что касается оппозиционной борьбы в партии в 20-е гг., то здесь Горбачёв, к сожалению, не сумел подняться выше традиционной критики Троцкого и избежать обычных для этого стереотипов. Заслуги Бухарина признавались им лишь на поприще борьбы с Троцким. О реабилитации в докладе речи не было, хотя и предусматривался пересмотр дел репрессированных. Курс на индустриализацию, принятый партией в конце 20-х гг., Горбачев назвал единственно возможным.

Затем в докладе зазвучали новые ноты. Успехи индустриализации привели к распространению культа жёсткой централизации. «Возникла административно-командная система партийно-государственного руководства страной, усиливался бюрократизм...». Было «недопустимо» применять такой метод к реконструкции деревни. Эксцессы коллективизации были заклеены как отход от ленинского курса в деревне. Тем не менее Горбачёв признал, что коллективизация привела к фундаментальным переменам в жизни крестьян. Положительные результаты, достигнутые преступными методами, – это противоречие осталось без объяснения. Однако затем Горбачёв сделал ещё один шаг вперёд, заявив, что административно-командная система оказала влияние на всё общество и помешала росту социалистической демократии. А отсутствие нужного уровня демократизации, по мысли Горбачёва, сделало возможным культ личности, беззакония, произвол и репрессии 30-х гг. В отношении Великой Отечественной войны Горбачёв снова не пошёл дальше традиционных оценок, отметив заслуги Сталина как Главнокомандующего. Ответственность последнего за первоначальные поражения была Горбачёвым проигнорирована.

Итак, новое мышление и старые идеи были соединены в одном докладе. Это продемонстрировало официально признанный на тот момент уровень понимания истории. Д. Казутин в очередном номере «Московских новостей» уверенно утверждал, что этот уровень будет превзойдён в ближайшем будущем³⁸.

---

³⁸ Казутин Дм. Сверяясь с Октябрем // Московские новости. 1987. № 45 (8 ноября). С. 3.

Лигачёвский период

Период с ноября 1987 г. до апреля 1988 г. может быть назван лигачёвским периодом. Это было странное время медленного отката перестройки назад. Человеком, стоящим у руля в то время был не Горбачёв, а Лигачёв. Интеллигенцию больше угнетал тот факт, что выступление Ельцина на Пленуме ЦК было засекречено, чем собственно факт его отставки. Где же гласность, если столь важный документ не может быть опубликован в газетах? На февральском пленуме ЦК основной доклад делал именно Лигачёв, посвятив его проблеме перестройки образования. Он выступил против тех, кто видел в истории лишь «цепь грехов и ошибок», отрицая «великие достижения прошлого и настоящего», и против тех, кто начал утверждать, что социализм так и не был построен³⁹. Горбачёв на Пленуме выступил лишь в прениях, где отстаивал свою позицию в ответ на критику со стороны ревнителей официальной идеологии⁴⁰.

Драма Шатрова «Дальше... дальше... дальше!», напечатанная в январском номере «Знамени», подверглась острой критике со стороны главного редактора газеты «Правда» Виктора Афанасьева⁴¹ и ещё трёх авторов опубликованной в той же газете статьи⁴². В. Журавлёв и В. Горбунов из ИМЛ поддержали антишатровскую кампанию в «Советской России»⁴³. В качестве героев своей пьесы Шатров представил исторические фигуры, в том числе Троцкого и Сталина. Вот примерный диалог, который ведут между собой действующие лица: «Троцкий: ...Я – солдат Мировой Революции, без колебаний отдаю себя на суд потомков.

Единственно, чего не было и быть не могло никогда и что я с презрением отвергаю, – не было разведок, не было никаких контактов со спецслужбами, кроме, пожалуй, одного-единственного... (Помолчал). 20 августа 1940 года у себя в кабинете уда-

³⁹ Лигачёв Е. К. О ходе перестройки средней и высшей школы и задачах партии по её осуществлению // Правда. 18 февраля 1988 г. С. 3.

⁴⁰ Горбачёв М. Революционной перестройке – идеологию обновления // Правда. 19 февраля 1988 г.

⁴¹ Правда. 13 января 1988 г. С. 3.

⁴² Герасименко Г., Обичкин О., Попов Б. Неподсудна только правда // Правда. 15 февраля 1988 г. С. 3.

⁴³ Горбунов В. В., Журавлев В. В. Что мы хотим увидеть в зеркале революции? // Советская Россия. 28 января 1988 г.

ром ледоруба по затылку я был смертельно ранен неким Джексоном, под именем которого действовал испанец Рамон Меркадер...

Сталин: ...Что касается нашего испанского товарища Рамона Меркадера, то его роль проста и понятна: он привел в исполнение приговор пролетарского суда.

Троцкий: Вы убили меня даже без видимости суда, Сталин!⁴⁴

Совместная кампания против пьесы, которую вели «Правда» и ИМЛ, вызвала возмущение прогрессивных деятелей, однако «Правда» отказалась опубликовать коллективное письмо историков в защиту Шатрова⁴⁵.

Тем временем состоялась наконец долгожданная реабилитация Н. Бухарина. 6 февраля 1988 г. на первой странице «Правды» было опубликовано краткое сообщение о признании недействительным приговора суда 1938 г. Однако никаких комментариев по этому поводу дано не было. Более того, на следующий день в «Правде» появилась статья, призывающая не делать сенсации из этого факта⁴⁶. Только «Труд» опубликовал статью, освещавшую некоторые ужасающие подробности процесса (например, неоднократные репетиции)⁴⁷.

Итак, тон официальных газет, таких как «Правда», целиком зависел от соотношения, баланса сил «наверху». Но гласность «внизу» не поддавалась контролю. Появилась плеяда новых авторов, которые предлагали различные взгляды на Сталина и сталинизм.

Первым в этом ряду стоит отметить И. Клямкина и его статью «Какая дорога ведет к храму?» (название статьи взято из финальной сцены фильма «Покаяние»). Клямкин видел основы сталинизма в русской исторической традиции. «На Западе вхождение в индустриальную эру сопровождалось ростом свободы. В России – ростом рабства»⁴⁸. По мнению Клямкина, в России был «свой, самобытный, полуазиатский-полуевропейский капитализм, насажденный царизмом, им опекаемый и без него чаще всего беспо-

---

⁴⁴ Шатров М. Дальше... дальше... дальше! // Знамя. 1988. № 1. С. 3–53.

⁴⁵ Это письмо, подписанное И. Минцем, А. Самсоновым, Г. Иоффе, В. Логиновым, Е. Амбарцумовым, Ю. Афанасьевым, Е. Городецким и другими, было напечатано в журнале «Знамя». 1988. № 5. С. 235–236. «Правда» опубликовала лишь одно письмо в защиту Шатрова, подписанное видными театральными деятелями (29 февраля 1988 г. С. 2).

⁴⁶ Черняк А. Восстанавливая истину // Правда. 7 февраля 1988 г. С. 3.

⁴⁷ Потапов А. Возвращение // Труд. 9 февраля 1988 г.

⁴⁸ Клямкин Игорь. Какая улица ведет к храму? // Новый мир. 1987. № 11. С. 155.

мощный»⁴⁹. Сталинскую «революцию сверху» он считал неизбежной для России, так как «другого “проекта застройки” нашей улицы, способного конкурировать с коллективизацией, в ту пору не было»⁵⁰. Теперь – другое дело: «Эпохальный сдвиг произошёл прямо на наших глазах: Русь крестьянская окончательно исчезла, её сменила Русь городская»⁵¹. В конечном счёте, процесс урбанизации играет в истории решающую роль. Через семьдесят лет после Октябрьской революции «мы переживаем совершенно новый этап не только советской, но и национальной и мировой истории»⁵². Клямкин таким образом объяснял, почему перестройка началась именно сейчас. Статья Клямкина вызвала целый взрыв самых разнообразных откликов. Историки, в целом, встретили негодованием его мнение об отсутствии альтернатив накануне коллективизации.

Вторым автором был директор Института военной истории Министерства обороны Д. Волкогонов, чья статья «Феномен Сталина» была опубликована 9 декабря в «Литературной газете». Большое внимание он уделил личным качествам Сталина. «Сталин смотрел на общество как на человеческий аквариум: всё в его власти... Разве, например, можно было даже мысленно допустить, что из семи членов Политбюро, избранных в мае 1924 года на XIII съезде ВКП(б), шестеро (все, кроме самого Сталина!) окажутся “врагами”!.. Сталин уничтожил “врагов”, а волны шли дальше и дальше... Это был трагический триумф злой силы». И как знать, продолжал Волкогонов, не была ли тайная, никогда не диагностированная душевная болезнь Сталина причиной его жестокости? Иначе трудно объяснить, почему он продолжал уничтожать лучших людей страны уже после того, как были устранены его противники, и накануне тяжёлых испытаний⁵³. Легко критиковать Волкогонова за игнорирование системных факторов и социальных отношений, но советские люди должны знать больше и о Сталине-человеке. Как стало известно, эта статья являлась частью будущей биографии Сталина, которую готовит Волкогонов.

Третья статья, представлявшая из себя полную версию интервью М. Гефтера о Сталине, была опубликована в январском но-

⁴⁹ Там же. С. 156.

⁵⁰ Там же. С. 181.

⁵¹ Там же. С. 158.

⁵² Там же. С. 185.

⁵³ Волкогонов Дмитрий. Феномен Сталина // Литературная газета. 1987. № 50 (9 декабря). С. 13.

мере журнала Института международного рабочего движения⁵⁴. Уже сам заголовок статьи – «Сталин умер вчера...» – заключал в себе животрепещущий вопрос: умер ли Сталин лишь вчера и действительно ли он умер вчера?

Четвёртым в списке следует назвать целый ряд статей Л. Гордона и Э. Клопова, первая из которых появилась в № 2 журнала «Знание – сила»⁵⁵. Будучи хорошими историками, эти авторы продемонстрировали взвешенный и аргументированный анализ. В своей первой статье они доказали, что в конце 20-х гг. партийное руководство стояло перед выбором одного из двух вариантов социалистической реконструкции промышленности. Оба варианта: и сталинский (включавший форсированную индустриализацию и административно-командную систему) и более органический (основанный на принципах НЭП'а) вариант его оппонентов были одинаково возможны и реальны. Победил вариант Сталина, и это означало, что он более подходил к сложившейся ситуации. Авторы полагали, однако, что внимательный анализ последовавших затем процессов сможет показать ненадежность внешне безусловно практичного сталинского варианта.

Так началась дискуссия о Сталине и сталинизме. Уровень, заданный докладом Горбачёва, оказался быстро преодолен. Это говорит о том, что лигачёвский контроль имел силу лишь в очень узкой области.

С этого момента, наконец, стали происходить реальные перемены в официальной исторической науке. 22 и 23 декабря 1987 г. состоялись выборы в Академию наук⁵⁶. По новым правилам, если кто-то из академиков переступал 70-летний рубеж, избирался новый член. В этот раз отделение истории АН СССР пополнилось шестью академиками и одиннадцатью членами-корреспондентами. Результаты не были особо впечатляющими, хотя не обошлось без сюрпризов. Консервативная часть Отделения получила пополнение в лице Ю.С. Кукушкина (академик) и В.И. Касьяненко (член-корреспондент). Но также членами-корреспондентами были избраны такие уважаемые историки, как Н.Н. Болховитинов,

---

⁵⁴ *Гейфтер М.* Сталин умер вчера... // Рабочий класс и современный мир. 1988. № 1. С. 113–128.

⁵⁵ *Гордон Л., Клопов Э.* Тридцатые – сороковые // Знание – сила. 1988. № 2. С. 28–34, 56.

⁵⁶ См.: *Павленко В.Н.* Новое пополнение Отделения истории АН СССР // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 124–129; *Анастасьев В.* Некоторые итоги выборов в Академию наук СССР // Русская мысль. 5 февраля 1988 г. С. 7.

А.А. Фурсенко, Н.Н. Покровский, В.А. Шишкин и В.Н. Гращенков. Среди них особого внимания заслуживает фигура Покровского. В 1957 г. он был арестован, как член независимого марксистского кружка Краснопевцева и провёл шесть лет в заключении⁵⁷. Однако в то же время такой прогрессивный историк, как В.П. Данилов, не был избран, хотя его фамилия и фигурировала в списке.

После выборов все члены Отделения истории, академики и члены-корреспонденты, собрались для избрания вместо С.Л. Тихвинского нового секретаря-академика Отделения, но увы, не сумели прийти к соглашению. Этот факт может быть истолкован, как проявление здоровых тенденций и как признак острой полемики, начавшейся в цитадели академического консерватизма и бюрократизма. После академических выборов во всех институтах состоялись показательные выборы директоров. Сотрудники институтов избирали кандидатов на пост директора. Первый или второй кандидат по списку утверждался Отделением истории в качестве директора. Однако Президиум Академии наук мог аннулировать решение Отделения. В Институте истории СССР место ультраконсерватора С.С. Хромова занял А.П. Новосельцев, член-корреспондент АН и специалист по кавказскому феодализму. Кандидатами на пост директора Института всемирной истории были А.О. Чубарьян и А.А. Искендеров. Выиграл первый, и его кандидатуру утвердило Отделение истории. В Институтах археологии и славяноведения и балканистики кандидаты, победившие на выборах, не были затем утверждены Отделением истории. Хотя данные выборы были скорее видимостью, чем выборами в полном смысле слова, их можно считать первым шагом в процессе демократизации академических институтов. В 1966 г. партком Института истории, возглавляемый В.П. Даниловым и К.Н. Тарновским, впервые предложил систему выборов директора⁵⁸. Однако вскоре после того, как они оставили свои партийные посты, их предложение было забыто. Теперь о нём вспомнили. Весной 1988 г. в академических институтах состоялись подлинные выборы учёных советов, имевших право контролировать директоров.

Последнее (по времени, но не по значимости) изменение имело отношение к редакционной коллегии журнала «Вопросы истории». Согласно новым правилам, редакторы академических жур-

---

⁵⁷ Подробнее об этом кружке см.: *Рождественский С.Р.* Материалы к истории самодельных политических объединений в СССР после 1945 года // Память. Вып. 5. – М., 1981; – Париж, 1982. С. 231–249.

⁵⁸ *Некрич Александр.* Отрёкшись от страха. – Лондон, 1979. С. 253.

налов не могли теперь оставаться на своём посту более десяти лет. Главный редактор «Истории СССР» И.Д. Ковальченко занимал этот пост более 15 лет. Сектор назначил на его место В. Бовыкина, но, как говорили, его кандидатуру не одобрил ЦК. Так что Ковальченко продолжал исполнять обязанности главного редактора, и журнал остался практически без изменений. Однако новые веяния, так или иначе, ощущались и здесь. Так в последнем номере 1987 г. была опубликована статья Е.Н. Городецкого, Г.З. Иоффе и др. «Э.Н. Бурджалов – историк Февральской революции 1917 года»⁵⁹. Это была запоздавшая рецензия на замечательную книгу Бурджалова, вышедшую в 1967 г. и совершенно проигнорированную советскими историческими журналами. Теперь советские авторы цитировали письмо (от 25 февраля 1986 г.) группы японских, американских и английских историков, занимающихся темой Февральской революции, которое учёные, отдавая дань заслугам Бурджалова, направили его вдове по случаю его смерти (31 декабря 1985 г.)⁶⁰. Но, с другой стороны, в том же номере журнала были опубликованы две рецензии на книгу И.К. Пантина, Е.Г. Плимака и В.Г. Хороса «Революционная традиция в России»⁶¹, (рецензии сопровождались суровыми критическими замечаниями редакции)⁶². Таким образом, этот журнал ещё ждал своей перестройки.

Главный редактор «Вопросов истории» В.Г. Трухановский, занимавший свой пост более четверти века (с 1961 г.), летом 1987 г. подал в отставку и оставил пост вакантным. Отделение истории АН назначило на его место А.А. Искендерова, члена-корреспондента АН СССР и специалиста по средневековой японской истории и по новейшей истории. Это было удачное назначение. Новый главный редактор, готовый работать в духе перестройки, тут же назначил Волобуева и Данилова членами редколлегии⁶³.

---

⁵⁹ Городецкий Е.Н., Иоффе Г.З., Акопян Г.С., Кузнецов Н.Д. Э.Н. Бурджалов – историк Февральской революции 1917 года // История СССР. 1987. № 6. С. 168–173.

⁶⁰ Об этом письме см.: Вада Харуки. Цуйто Эдоарудо Буруджарову (Некролю Эдуарда Бурджалова). Росияси Кэнкю, № 43 (август 1986). С. 59–61.

⁶¹ Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. – М., 1986. Эта книга представляла альтернативу официальной версии истории общественных движений в России в XIX в. и была одним из провозвестников перестройки в исторической науке.

⁶² Рецензии написали И.М. Клямкин и Н.И. Цимбаев – История СССР. 1987. № 6. С. 204–213.

⁶³ Вопросы истории. 1988. № 2. С. 192.

Первым номером, вышедшим под редакцией Искендерова, стал февральский выпуск журнала за 1988 г., который открылся редакционной статьей «Перестройка и задачи журнала “Вопросы истории”».

«Не секрет, что период застоя привёл к заметному падению интереса читательской массы к современной научной литературе по истории». «Время, переживаемое нами, настоятельно требует решительного преодоления застойных и негативных явлений в исторической науке и глубокой её перестройки».

«На историческую науку в период застоя наложили отпечаток и объективные условия, в которых работали историки: жёсткое администрирование, догматический диктат, засилье конъюнктурщины, навязывание неверных точек зрения, отсутствие творческих дискуссий и т. д. Всё это отразилось и на содержании журнала “Вопросы истории”»⁶⁴.

В этой редакционной статье были перечислены конкретные задачи, стоящие перед журналом, среди которых особо были выделены глубокий научный анализ культа личности Сталина и исследования по методологии истории. Следуя прогрессивным традициям, журнал провозгласил свою патриотическую позицию, но без примеси национализма и шовинизма.

Приверженность новому курсу продемонстрировал «круглый стол» «Перестройка и историческая наука», который занял первые пятьдесят три страницы следующего, мартовского, номера журнала. Впечатление было ошеломляющим. Декан исторического факультета Ленинградского государственного университета И.Я. Фроянов критиковал академика Б.А. Рыбакова. Е.В. Анисимов, тоже из Ленинграда, критиковал решение ЦК КПСС от 9 марта 1957 г. и выразил надежду, что статья о журнале «Вопросы истории» 1956 г. будет опубликована. Новый директор Института истории СССР А.П. Новосельцев продолжил критику Рыбакова. В.И. Старцев из Ленинграда присоединился к Анисимову в критике шовинистически настроенного исторического романиста В. Пикуля. Он также настаивал на необходимости изучения деятельности масонов в российской истории⁶⁵. Это была первая свободная дискуссия историков на страницах советского историче-

---

⁶⁴ Перестройка и задачи журнала // Вопросы истории. 1988. № 2. С. 3, 4.

⁶⁵ «Круглый стол»: историческая наука в условиях перестройки. Там же. № 3. С. 13–18, 28–30, 38–39. По поводу критики Анисимовым Пикуля см.: Анисимов Е.В. Феномен Пикуля – глазами историка // Знамя. 1987. № 11. С. 214–223.

ского журнала. Такого в «Вопросах истории» не было даже в 1956 г., несмотря на смелость его тогдашних издателей, Э.Н. Бурджалова и академика А.М. Панкратовой. Второй номер журнала, вышедший под новой редакцией, открыл абсолютно новую страницу в истории советской исторической науки.

Что думала о ситуации февраля 1988 г. консервативная элита, считала ли она её в целом благоприятной или критической в смысле «теперь или никогда», мы, скорее всего, никогда не узнаем. Так или иначе, но они заняли линию активной обороны. 13 марта 1988 г. «Советская Россия» под заголовком «Не могу поступиться принципами» опубликовала открытое письмо преподавателя Нины Андреевой⁶⁶. Оно начиналось с нападок на Шатрова и А. Рыбакова и с оправдания Сталина. Даже враги, такие как Черчилль и Де Голь, признавали величие и мудрость Сталина, писала Андреева. Для неё руководством для оценки деятельности Сталина по-прежнему оставалось постановление ЦК «О преодолении культа личности и его последствий» (1956).

Во второй части своего письма Андреева упоминает две опасные группы «фальшивых» сторонников перестройки: последователей «лево-либерального интеллектуального социализма» и «крестьянского социализма». К первым она отнесла большинство советской интеллигенции, включая советников и помощников из окружения Горбачёва, а ко вторым – так называемых «деревенщиков», пишущих на сельскую тематику. Письмо заканчивалось призывом соблюдать верность принципам марксизма-ленинизма.

Письмо Нины Андреевой было опубликовано в одной из центральных газет как раз накануне отъезда Горбачёва в Югославию и Яковлева – в Монголию. Их отсутствие наводило на мысль, что письмо является отражением директивы сверху. Ни одного голоса протеста не прозвучало по поводу письма в других средствах массовой информации, за исключением небольшой колонки в «Московских новостях»⁶⁷. Более того, местные газеты начали перепечатывать его на своих страницах.

Горбачёв и Яковлев по возвращении оказались перед лицом свершившегося факта. Но, несмотря на упорное сопротивление со стороны Лигачёва, им удалось убедить членов Политбюро не

---

⁶⁶ Андреева Нина. Не могу поступиться принципами // Советская Россия. 13 марта 1988 г. С. 3.

⁶⁷ Левиков А. Борьба и вера // Московские новости. 1988. № 13 (27 марта). С. 3.

оставлять письмо Андреевой без внимания. 5 апреля в «Правде» была опубликована большая статья «Принципы Перестройки: революционный характер мышления в действии»⁶⁸. Это анонимная статья назвала письмо Андреевой «манифестом антиперестроечных сил». Красной нитью через него проходят два тезиса: «Зачем вся эта перестройка и не слишком ли далеко мы зашли в вопросах демократизации и гласности?» Вывод статьи в «Правде» был однозначным: письмо, по сути, стремится опровергнуть партийные решения о Сталине и развести проблемы социализма и морали. А с точки зрения истории, «замолчать большие вопросы нашей истории – значит пренебречь правдой, неуважительно отнестись к памяти тех, кто оказался невинной жертвой беззакония и произвола. Правда одна».

Так Горбачёв одержал победу над Лигачёвым. Поскольку в этой борьбе центральной была проблема Сталина, её итог не мог не оказать глубокого воздействия на дальнейший ход исторических дискуссий.

Второе дыхание перестройки

Как написал в письме в газету «Советская культура» один читатель из Киева, статья в «Правде» «дала второе дыхание перестройке»⁶⁹. Творческая элита, обычно придерживающаяся консервативных позиций, поспешила выступить с коллективными письмами в поддержку нового мышления. Один за другим творческие союзы присягали на верность перестройке⁷⁰. 24 апреля с таким же письмом выступили в «Правде» десять академиков и восемь членов-корреспондентов из Отделения истории АН СССР⁷¹.

Отныне все газеты наперебой начали публиковать материалы «из спецхрана». 29 апреля в «Правде» были напечатаны воспоминания военного прокурора, который пересматривал итоги про-

⁶⁸ Принципы перестройки: революционность мышления в действии // Правда. 5 апреля 1988 г. С. 2.

⁶⁹ Советская культура. 16 апреля 1988 г. С. 7.

⁷⁰ Правда, 16 апреля 1988 г. С. 2 (Союз композиторов); 18 апреля 1988 г. С. 1 (Союзы архитекторов, дизайнеров, журналистов, кинематографистов, художников); 19 апреля 1988 г. С. 2 (Союз писателей).

⁷¹ Там же. 24 апреля 1988 г. С. 2.

цесса Тухачевского и других генералов⁷². Со страниц «Правды» предстала яркая картина, рисующая подробности механизма фабрикации фактов. 4 мая в «Литературной газете» была опубликована статья Аркадия Ваксберга о «делах» Мейерхольда, Кольцова и Бабеля, содержащая поразительные сведения⁷³. В апреле–июне впервые подверглось анализу «дело врачей»⁷⁴, суд над Берией⁷⁵, ждановщина⁷⁶, дискуссия о языкознании с участием Сталина⁷⁷, дело Рютина⁷⁸. Весной и летом были также опубликованы мемуары Симонова о Сталине⁷⁹ и Аджубея о Хрущёве⁸⁰, вызвавшие огромный интерес широкой публики.

Дискуссия о Сталине и сталинизме приобретала всё более свободный и широкий характер. Острая полемика разгорелась между учёными и писателями. Авторы, сгруппировавшиеся вокруг журнала «Наш современник», будучи, по большей части, консерваторами и националистами, ополчились на прогрессивных демократов. А. Кузьмин опубликовал в мартовском номере журнала статью «К какому храму ищем мы дорогу?». Он подверг критике Клямкина и Г. Попова, обвинив их в «европеизме», отсутствии патриотизма и антикрестьянских настроениях. «Пессимизм И. Клямкина в отношении перспектив строительства социалистического общества в СССР всё-таки вытекает из троцкистско-мартовского понимания социализма как чего-то заведомо чуждого национальным особенностям и несовместимого с ними»⁸¹.

---

⁷² Викторов Борис. Заговор в Красной Армии. Там же. 29 апреля 1988 г. С. 3.

⁷³ Ваксберг Аркадий. Процессы // Литературная газета. 1988. № 18 (4 мая). С. 12.

⁷⁴ Рапопорт Я. Воспоминания о «деле врачей» // Дружба народов. 1988. № 4. С. 222–245.

⁷⁵ Головкин Анатолий. Вечный иск // Огонек. 1988. № 18. С. 28–31.

⁷⁶ Ежелев А. Душное лето 46-го. Как принималось постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Известия. 21 мая 1988 г. С. 3.

⁷⁷ Горбаневский Михаил. Конспект по корифею – какой вклад внесли в науку сталинские статьи о языкознании // Литературная газета. 1988. № 21 (25 мая). С. 12.

⁷⁸ Ваксберг Аркадий. Как живой с живыми. Там же. № 26 (29 июня). С. 13.

⁷⁹ Симонов Константин. Глазами человека моего поколения (размышления о И.В. Сталине) // Знамя. 1988. № 3. С. 3–66; № 4. С. 49–121; № 5. С. 69–96.

⁸⁰ Аджубей Алексей. Те десять лет // Знамя. 1988. № 6. С. 81–123; № 7. С. 80–133.

⁸¹ Кузьмин А. К какому храму ищем мы дорогу? // Наш современник. 1988. № 3. С. 158.

Узконационалистические взгляды Кузьмина разделял Вадим Кожин, опубликовавший в следующем, четвертом, номере статью «Правда и истина». Но если Кузьмин критиковал роман Гранина «Зубр», Кожин сосредоточил внимание на романе Рыбакова «Дети Арбата». Кожин отверг точку зрения, что сталинский культ был типично российским явлением, выросшим на крестьянской почве. Он оценивал культ вообще и 1937 год в частности как явление мирового революционного движения. «Культ Сталина – это вовсе не результат интриг его самого и каких-то сомнительных подручных; это было в прямом смысле слова всемирное явление, которое осуществлялось повсюду, от Мадрида до Шанхая»⁸². Кожин также настаивал, что людские потери 1937–1938 гг. были меньше, чем потери 1933 г. или 1918–1922 гг.⁸³ Он намекнул, хотя и неявно, что гигантские потери двух предыдущих периодов были кроме того жертвами революции и большинство их составляли крестьяне. Статья демонстрировала антипатию Кожина к евреям, как к чуждым для России элементам.

Тем временем в противоположном лагере подверглась историческому переосмыслению проблема военного коммунизма. В. Селюнин опубликовал в майском номере «Нового мира» статью «Истоки», в которой подчеркнул, что «не голод толкнул к реквизициям, а скорее наоборот: массовые реквизиции имели своим следствием голод. Крестьянам предлагалось кормить страну даром, без какой-либо выгоды для себя. На эти меры мужик отвечал в лучшем случае сокращением посевов, в худшем – обрезаем»⁸⁴. В этом контексте Селюнин упомянул антоновский мятеж и осудил метод внеэкономического принуждения. Корни военного коммунизма он видел в русской истории. Обратив внимание на сочетание факторов сильной авторитарной центральной власти и сельской общины, он цитирует книгу князя Львова, который усмотрел в советской системе реализацию славянофильского идеала общинного социализма. Завершая, Селюнин предупредил, что «социальная инертность – оборотная сторона бюрократии»⁸⁵. Его позиция была откровенно противоположной кожиновской.

М.П. Капустин опубликовал статью «От какого наследства мы отказываемся?» в журнале «Октябрь» (№ № 4–5). Он первым от-

---

⁸² *Кожин Вадим*. Правда и истина. Там же. № 4. С. 164.

⁸³ Там же. С. 165–168.

⁸⁴ *Селюнин Василий*. Истоки // Новый мир. 1988. № 5. С. 166.

⁸⁵ Там же. С. 189.

крыто использовал термин «сталинизм» и противопоставлял «сталинизм» «ленинизму», обращая внимание на революционность последнего. С точки зрения Капустина, сталинизм тем не менее является разновидностью социализма, это «грубый, казарменный коммунизм»⁸⁶. Брежневский режим он назвал «постсталинизмом», «суть его – в дальнейшем развитии бюрократического авторитаризма с некоторыми поправками на время»⁸⁷.

Гордон и Клопов продолжили цикл своих статей в мартовском, апрельском и майском номерах журнала «Знание – сила». В последней статье они так оценивали сталинский режим: элементы подлинной социалистической социализации переплелись в нём с элементами простого механического огосударствления. Результатом быстрой экспансии государства и колхозной собственности без параллельной демократизации стало огосударствление, на основе которого мог вырасти только «казарменный», авторитарный социализм⁸⁸. Мало подлинного социализма они видели в сталинском режиме.

Лидирующую позицию среди академических историков занял В.П. Данилов, опубликовавший целый ряд статей⁸⁹. Его обзор дискуссий западных историков по поводу жертв голода 1933 г. в № 3 «Вопросов истории»⁹⁰ был первым существенным вкладом профессионала в дело установления исторической правды о сталинизме в новых условиях. Позиция Данилова была близка историкам «минималистской» школы, которые оценивали число жертв голода 1932–1933 гг. в три миллиона. Его точка зрения на сталинскую «революцию сверху» была полностью отражена в статье «Феномен первых пятилеток», опубликованной в № 5 журнала «Горизонт». Данилов отмечал, что в конце 20-х гг. существовало не два, а три конкурирующих варианта дальнейшего развития. Первым был бухаринский вариант, вторым – вариант первого пятилетнего плана и третьим был реализованный сталинский вариант.

---

⁸⁶ Капустин М. П. «От какого наследства мы отказываемся?» // Октябрь. 1988. № 4. С. 189.

⁸⁷ Там же. № 5. С. 160.

⁸⁸ Гордон Л., Клопов Э. Указ. соч. // Знание – сила. 1988. № 5. С. 49.

⁸⁹ Данилов В.П. Истоки и уроки коллективизации // Правда, 9 августа 1987 г.; У колхозного начала // Советская Россия, 11 октября 1987 г. С. 4; Октябрь и аграрная политика партии // Коммунист. 1987. № 16. С. 28–38.

⁹⁰ Он же. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и «демографической катастрофе» 30–40-х годов в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 116–121.

Данилов полагал, что можно и нужно было избрать второй вариант. Сталин искажил первоначальные цели первой пятилетки, т. е. второго варианта, который был таким образом необоснованно отброшен. Чрезмерное форсирование массовой коллективизации привело к голоду 1932–33 гг. и серьёзным трудностям во многих отраслях промышленности. В течение двух первых пятилеток советский народ проделал огромную работу по строительству социализма, но построил лишь сталинское самовластие. В этом заключалось «непримиримое противоречие»⁹¹. Данилов повторил мысль Амбарцумова, заявив, что на место НЭП'а пришла административно-командная система управления. Таким образом, Данилов развил тезис Гордона и Клопова о двух альтернативах и опроверг тезис Клямкина.

В июне, накануне XIX партийной конференции, внимание привлекли две дискуссии. 12 июня в газете «Московские новости» были опубликованы мнения двух бывших диссидентов на тему «Сталин и сталинизм»⁹². И.Р. Шафаревич, математик, член-корреспондент АН СССР и один из авторов сборника под редакцией Солженицына⁹³, выразил свою обеспокоенность и недовольство уровнем современной дискуссии о сталинизме. «Все эти попытки свести историческую трагедию к вопросу о преступлениях одной личности – не есть ли нежелание понять более глубоко её корни?». Шафаревич, представляясь христианином и немарксистом, отметил статью Кожина, дающую, на его взгляд, наиболее глубокий анализ проблемы. Вслед за Кожинным он подчеркивал «глубокие всемирные корни сталинизма». Письмо Шафаревича было вызвано его критическим отношением к прогрессивным авторам и изданиям, включая «Московские новости».

Выступить оппонентом Шафаревича редакция попросила Роя Медведева. К тому времени он был уже популярным автором. 28 апреля в «Собеседнике» (еженедельное приложение к «Комсомольской правде») было напечатано большое интервью с ним⁹⁴, в котором Рой Медведев рассказал о собственном понимании проблемы сталинизма. Характерными чертами его позиции, впер-

---

⁹¹ *Он же*. Феномен первых пятилеток // Горизонт. 1988. № 5. С. 37.

⁹² Сталин и сталинизм: две точки зрения // Московские новости. 1988. № 24 (12 июня). С. 12–13.

⁹³ *Шафаревич И.П.* Социализм // Из-под глыб. Сборник статей. – Париж, 1974. С. 29–72.

⁹⁴ *Медведев Рой*. Из реки по имени Факт // Собеседник. 1988. № 18 (апрель). С. 12–13.

вые заявленной в книге «Let History Judge» (Нью-Йорк, 1972), были признание наличия исторических альтернатив, особенно в конце 20-х гг., внимание к различиям между тремя вариантами первого пятилетнего плана и доводы в пользу существования в 1933–34 гг. «тайной оппозиции» Сталину.

В дискуссии с Шафаревичем Медведев, не возражая, в принципе, против исходного тезиса своего оппонента, решительно отвергал кожиновские аргументы антисемитского и шовинистического толка. Он отмечал, что Кожинов приписал все ужасы коллективизации одному человеку, еврею Якову Эпштейну-Яковлеву, занимавшему в 1929–34 гг. пост наркома земледелия. Здесь Медведев попал в точку. Однако следующий его выпад оказался неудачным. Медведев вспомнил старую книгу диссидента Шафаревича «Социализм как явление мировой истории» (Париж, 1977), в которой он якобы оценивал социализм как абсолютное зло, а сталинизм как одно из адекватных воплощений сущности социализма. На семьдесят первом году советской истории в Советском Союзе не было единого взгляда на социализм. Уже был опубликован роман Замятина «Мы»⁹⁵ и готовился к публикации «1984» Джорджа Оруэлла⁹⁶. В такой момент было бы несправедливо отстранять от дискуссии тех, кто полностью отвергал идею социализма, отталкиваясь от существующих моделей.

Вторую важную дискуссию начал Юрий Афанасьев. 17 июня он опубликовал в «Литературной России» статью «Перестройка и историческое знание»⁹⁷, которую начал с откровенного заявления о том, что в СССР социализм так и не был построен в том виде, как это мыслили в 20-е гг. Ленин и его «старая гвардия». Он считал термин «казарменный социализм» подходящим для определения сталинизма. Он подчеркивал, что перестройка, хотя и есть «выбор, сделанный уже», никогда не была чем-то заранее данным и навсегда определённым. «Полифония голосов», разнообразие мнений поэтому являются насущно необходимыми. Затем Афанасьев перечислил негативные тенденции, проявившиеся в исторической науке.

---

⁹⁵ Замятин Евгений. Мы // Знамя, 1988. № 4–5.

⁹⁶ Отрывок из романа «1984» был опубликован в «Литературной газете». 1988. № 19 (11 мая). Там же С. Залыгин обещал, что «Новый мир» собирается напечатать роман целиком в скором будущем.

⁹⁷ Афанасьев Юрий. Перестройка и историческое знание // Литературная Россия. 17 июня 1988 г. С. 2–3, 5–6.

Однако эта часть его статьи была слабее и не соответствовала новой ситуации в процессе перестройки исторической науки. В качестве первой негативной тенденции Афанасьев отметил предрасположенное и неисторическое отношение к фигурам Троцкого, Зиновьева и Каменева. Вторая заключалась в двойственной оценке коллективизации. Среди примеров подобного отношения Афанасьев назвал статью В.П. Данилова, который, по его мнению, полагал, что несмотря на все ужасы, коллективизация была логическим продолжением ленинского кооперативного плана. Здесь крылось досадное заблуждение. Данилов всегда выступал против такого толкования. Конечно, в недавнем прошлом Данилов тяготел к выявлению плюсов и минусов коллективизации, используя формулу «с одной стороны... с другой стороны...». Однако впоследствии Данилов, как и его коллеги-академики, начал искать иные, более реальные формулы объединения советской истории. Таким образом, критика Афанасьева относилась ко вчерашнему дню исторической науки.

Третьим объектом критики Афанасьева стал Волкогонов и его восприятие сталинизма. «Многие, писал Афанасьев, хотели бы пожертвовать Сталиным во имя спасения сталинизма». Это было верно, но, как и предыдущее замечание, не соответствовало моменту. Дискуссии о сталинизме к тому времени приобрели более разнообразный характер и нуждались в более обстоятельной критике.

Четвёртой негативной тенденцией, с точки зрения Афанасьева, была ситуация с учебниками по истории. Он остро критиковал Ю.С. Кукушкина и Б.А. Рыбакова, которые оправдывали сложившееся положение вещей. По мнению Афанасьева, в учебнике истории СССР для девятого класса невозможно найти ни одной нефальсифицированной страницы. «Нет, пожалуй, в мире страны, – писал он, – со столь фальсифицированной историей, как наша». Этот вопрос требовал обсуждения.

Важные положения содержала вторая половина статьи Афанасьева. Марксизм-ленинизм он назвал догматически схоластической идеологией и призвал к «критическому переосмыслению марксизма, возвращению к истокам». Он утверждал, что три источника марксизма относились все к XVIII–XIX вв. и сегодня недействительны. Источниками современного марксизма, по Афанасьеву, являются все «наиболее талантливые и мощные интеллектуальные направления современного мира при сохранении и углублении марксизмом своего, присущего ему своеобразия».

Среди таких он упомянул не только западный марксизм и его отдельные проявления, типа Грамши или Франкфуртской школы, но и немарксистские социальные учения.

«Правда» поспешила выступить с протестом по поводу статьи Афанасьева. 25 июня на её страницах появилась статья «Вопросы историку»⁹⁸. Её автором был некий Побиск Кузнецов (возможно, никому не известное имя было псевдонимом). Цитируя доклад Горбачёва, Кузнецов отрицал существование реальной альтернативы сталинскому пути в конце 20-х гг. Для него советское общество было, хотя и деформированным, но социализмом. Юрию Афанасьеву он адресовал вопрос: «Является ли общество, построенное в нашей стране, социалистическим или нет?».

Это случилось всего за четыре дня до партийной конференции, подавляющее большинство делегатов которой были правоверными марксистами-ленинцами. Поэтому «Правда» сочла невозможным оставить афанасьевский либерализм без ответа. Партийная конференция одобрила предложение Горбачёва о политической реформе. Это происходило в условиях беспрецедентно свободной дискуссии, однако, когда Лигачёв напал на Ельцина, делегаты приветствовали его аплодисментами. Безусловно, Горбачёв выиграл больше, но и линия Лигачёва приобрела видимую поддержку, что несколько осложняло ситуацию. 9 июля, наконец, было объявлено о партийной реабилитации Бухарина, Рыкова и других⁹⁹. Само решение было принято ещё 21 июня, накануне партийной конференции. ИМЛ выпустил сборник избранных произведений Бухарина¹⁰⁰. Бухарин был официально возвращён в контекст истории партии.

22 июля «Литературная Россия» опубликовала отклики на статью Афанасьева¹⁰¹. Г. Селезнев и А.Л. Иванов выступили в защиту Афанасьева от нападок Кузнецова. В то же время Данилов взялся защищать историков от нападок Афанасьева. Он напомнил читателям, что предыдущие статьи Афанасьева сыграли важную роль в борьбе против догматизма в исторической науке. Но в его новой статье, продолжал Данилов, уже нет позитивных предло-

⁹⁸ Кузнецов Побиск. Вопросы историку // Правда, 25 июня 1988 г. С. 3.

⁹⁹ Правда, 9 июля 1988 г. С. 1.

¹⁰⁰ См. книгу, которая была опубликована в сентябре: Бухарин Н.И. Избранные произведения. – М., 1988.

¹⁰¹ Селезнев Г. Соблюдать этику спора; Иванов А. Л., Купцов А.В. Эта позиция недиалектична; Данилов В.П. Нужен ли «указующий перст»? // Литературная Россия. 22 июля 1988 г. С. 8–9, 11.

жений. Вместо глубокого переосмысливания – «монологи борца за правду», в одиночку сражающегося с невежественными массами. Данилов с негодованием отверг критику Афанасьева в адрес его статьи. Он также отметил, что метод и поза Афанасьева напомнили ему о таких персонажах с «перстом указующим», как Трапезников. Такая разобщённость в стане искренних сторонников перестройки была тем более трагичной, что ситуация продолжала оставаться крайне неопределённой.

26 июля Афанасьев опубликовал в «Правде» свои «Ответы историка»¹⁰². Он откровенно заявил, что не считает общество, построенное в СССР, социалистическим, хотя бы и «деформированным». Затем он продемонстрировал новый взгляд на перестройку: «Мы... найдём в себе силы и теоретические подходы, и адекватную политическую тактику, чтобы заново вырулить на социалистическую дорогу». Что касается проблемы альтернатив, то он утверждал: «Контрреволюционный путь Сталина и его огромного аппарата не был исторически вынужденным и поэтому оправданным».

Редколлегия «Правды» сопроводила ответ Афанасьева собственным пространством опровержением¹⁰³. Называя советское общество несоциалистическим, Афанасьев якобы забывает его фундаментальные основы, такие как общественная собственность на средства производства и отсутствие эксплуататорских классов. Проблему альтернатив редакция отрицала и для подтверждения этого многократно цитировала доклад Горбачёва. Через пять дней в «Правде» была опубликована статья заместителя главного редактора журнала «Коммунист» Отто Лациса и его коллеги И. Дедкова, которая называлась «Путь выбран»¹⁰⁴. В ней они выступили против фаталистического объяснения прошлого, в защиту исторических альтернатив. Однако они отвергли точку зрения Афанасьева на советское общество. «Идея социализма 70 лет испытывается в нашей стране жизнью, практикой, и, несмотря на все пережитые тяготы, народ не мыслит своего будущего вне социализма. Уже в этом заключена важная характеристика сущности общественного строя». Позиция этих двух авторов была неопределённой и весьма апологетичной. Вынужденные защищать горбачёвский вариант перестройки, они поспешили заверить, что

---

¹⁰² Афанасьев Ю. Ответы историка // Правда, 26 июля 1988 г. С. 3.

¹⁰³ От редакции. Там же.

¹⁰⁴ Дедков Игорь, Лацис Отто. Путь выбран. Там же. 31 июля 1988 г. С. 3.

«путь выбран», и «нельзя сравнивать перестройку с самолётом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка».

Так или иначе, эта дискуссия породила два фундаментальных вопроса: «что есть социализм?» и «является ли советское общество социалистическим?». Готовых ответов не было. Их надлежало выстрадать в будущем.

В том же месяце обратила на себя внимание ещё одна полемика. В журнале «Вопросы истории КПСС» было опубликовано письмо А.П. Бутенко¹⁰⁵. В нём он отстаивал свой тезис об узурпации Сталиным власти. Пояснив, что исходил из «марксовской формулы правительственной узурпации классового господства», он критиковал своих оппонентов, которые полагали, что сталинское единоличное правление было формой диктатуры пролетариата.

Заключительной фигурой в данной полемике стал Ю.А. Поляков, член-корреспондент АН СССР. Опубликовав статью «Исторический процесс многомерен» в сентябрьском номере «Вопросов истории КПСС», он отверг все определения сталинизма, предложенные в последнее время представителями перестроечной интеллигенции: и «казарменный коммунизм», «деспотический тоталитарный режим» М. Капустина, и «узурпацию власти Сталиным» А. Бутенко, и «отсутствие социализма до наших дней» Афанасьева. Создавалось впечатление, что Поляков вообще не склонен признавать Советский Союз сталинского периода как общественную систему. Он настаивал на необходимости многомерного подхода, в котором исторический процесс предстаёт в многообразии потоков, его составляющих. Поляков назвал положительные сдвиги в жизни советских людей «мощным и полноводным руслом нашей истории», а негативные тенденции, такие как развитие бюрократии, – «другим руслом нашей истории»¹⁰⁶. Однако взаимоотношения между этими двумя «руслами», системные или структурные, остались под вопросом.

---

¹⁰⁵ Бутенко А.П. К вопросу об узурпации власти // Вопросы истории КПСС. 1988. № 7. С. 139–141. Это был ответ на критику, которой было встречено выступление Бутенко на «круглом столе» в ИМЛ 23 октября 1987 г. Материалы этого «круглого стола» см.: Там же. № 2. С. 110–133. Оппонентом Бутенко был В. Журавлев. См. также: Бутенко А. Механизм торможения и узурпация власти // Московские новости. 1988. № 22 (29 мая). С. 12.

¹⁰⁶ Поляков Ю.А. Исторический процесс многомерен // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 26.

Перестройка в полном разгаре

Реорганизация Политбюро, произошедшая в начале октября 1988 г., привела к консолидации власти в руках Горбачёва. После отставки А.А. Громыко он стал фактически главой государства. Яковлев стал ответственным за внешнюю политику, а Вадим Медведев – за идеологию, сменив на этом посту Лигачёва. «Новое мышление» Горбачёва восторжествовало над партийной линией в идеологии. С чувством неопределённости было покончено. Гласность вступила в стадию полного расцвета. Историческая наука могла наконец наслаждаться максимумом свободы.

9 октября 1988 г. отмечалась сто лет со дня рождения Н.И. Бухарина. Накануне и в день юбилея почти все газеты опубликовали статьи в его честь. В «Правде» появилась статья В. Журавлёва и В. Наумова под заголовком «Назад к правде»¹⁰⁷. Журнал «Знамя» начал печатать воспоминания вдовы Бухарина Анны Михайловны Лариной «Незабываемое»¹⁰⁸. Эта женщина, донёсшая, благодаря своей удивительной памяти, потомкам завещание Бухарина, представила ещё одно интересное свидетельство эпохи, соединившее в себе достоинства не только памяти, но и ума. В последней части своих мемуаров, увидевшей свет в декабре, она написала о поездке Бухарина в Париж и проанализировала рассказ Бориса Николаевского об «откровениях» Бухарина. Эти воспоминания утверждают, что большевик Бухарин ни за что не стал бы рассказывать о секретных решениях по поводу Сталина меньшевикам-эмигрантам, таким как Николаевский или Фёдор Дан. К тому же, во время поездки, совершаемой с беременной женой, он находился под неусыпным контролем. Вообще, по мнению Лариной, Николаевский и Дан были людьми, которые сознательно помогли Сталину затянуть верёвку, уже наброшенную на бухаринскую шею¹⁰⁹. Это был вызов историкам, некритически оценивавшим «Письмо старого большевика» Николаевского.

Новые успехи были сделаны после октября и в разрешении сталинской проблемы. Волкогонов закончил биографию Сталина

---

¹⁰⁷ Журавлев В., Наумов В. Возвращение к правде // Правда. 9 октября 1988 г. С. 3.

¹⁰⁸ Ларина А.М. Незабываемое // Знамя. 1988. № 10. С. 126–165; № 11. С. 112–180; № 12. С. 93–169.

¹⁰⁹ Там же. № 12. С. 119.

«Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина» и опубликовал краткую версию первого тома в № № 10–12 журнала «Октябрь»¹¹⁰. Биограф заявил, что изучил сталинские архивы и его личную библиотеку, а также интервьюировал многих лиц из окружения Сталина. До него никто ничего подобного не делал. Уже благодаря этим новым материалам, книга Волкогонова должна стать заметным фактом историографии, какой бы узкой и ограниченной ни была точка зрения её автора. Волкогонов писал, что из всех современных ему авторов Сталин больше всего читал Троцкого и Бухарина. Он пришёл к выводу, что именно «призрак Троцкого» оказал решающее влияние на организацию московских показательных процессов. «Книга Троцкого “Преданная революция”, доставленная ему в начале 1937 г., была одной из последних капель, переполнивших чашу его терпения ко всем “недобиткам”»¹¹¹.

Но наиболее важным достижением советской историографии того времени стала статья Г. Бордюгова и В. Козлова «Время трудных вопросов» в «Правде» (30 сентября и 3 октября)¹¹². Козлов, ранее работавший в Институте истории СССР АН, опубликовал ряд статей в 1987 г.¹¹³ В 1988 г. он был приглашён в ИМЛ на должность заведующего сектором, а уже в августе вышла их первая совместная с Бордюговым статья¹¹⁴. Второй стала «Время трудных вопросов». Это была сознательная попытка заполнить интеллектуальный «вакуум», последовавший за крахом старых догм, создать новую, более широкую, более убедительную и более обоснованную картину периода сталинизма. Возможно, эти двое недавних сотрудников ИМЛ были выдвинуты администрацией для демонстрации нового мышления Института. Вот основные положения их статьи.

---

¹¹⁰ Волкогонов Дмитрий. Триумф и трагедия – политический портрет И.В. Сталина // Октябрь. 1988. № 10. С. 3–55; № 11. С. 16–129; № 12. С. 46–166.

¹¹¹ Там же. № 12. С. 95–96.

¹¹² Бордюгов Г. А., Козлов В. Время трудных вопросов. История 20–30-х годов и современная общественная мысль // Правда. 30 сентября 1988 г. С. 3; 3 октября 1988 г. С. 3.

¹¹³ Козлов В. Историк и перестройка // Вопросы истории КПСС. 1987. № 5. С. 110–122; Социалистическая революция и человек // Коммунист. 1988. № 4. С. 104–114.

¹¹⁴ Бордюгов Г., Козлов В. Поворот 1929 года и альтернатива Бухарина // Вопросы истории КПСС. 1988. № 8. С. 15–33.

Первое. Проанализировав ряд современных определений социализма 30-х гг., таких как «государственный социализм», «казарменный социализм», «феодальный социализм», авторы напоминали, что Ленин первоначально мыслил социализм как «государственно-капиталистическую монополию, обращённую на пользу всего народа». Именно этот, «старый взгляд» Ленина, а не его новая идея социализма как «строения цивилизованных кооператоров», был реализован и получил название административно-командной системы. Причину этого авторы усматривали в объективной реальности России, где отсутствовала материально-техническая база для социализма. Это был важный момент. Но не менее важно было учесть обстоятельства всемирной истории, особенно влияние эпохи мировых войн. Так, ленинский «старый взгляд» на социализм был основан на германском «военном социализме», т. е. экономике военного времени¹¹⁵.

Второе. Авторы утверждали, что для уяснения «феномена сталинизма» необходимо чётко понимать, что «административно-командная система... зародилась в рамках нэповской экономики». В 1925 г. Советский Союз пережил «критическую точку», но она «была пропущена», и в 1927–1928 гг. хлебные заготовки привели к кризису. Это был новый взгляд, который имел большое значение для дискуссии об альтернативах. Мне кажется, он объясняет то явление, которое М. Гефтер назвал «сужением выбора».

Третье. Авторы утверждали, что в 30-е гг. существовало сопротивление Сталину. В партии продолжалась борьба двух направлений. Умеренная линия была связана с именем Бухарина. Этот аргумент нуждается в дальнейшем разъяснении и обосновании.

Четвёртое. Что касается сталинизма, авторы придерживались взгляда об узурпации Сталиным права руководящих партийных органов представлять интересы партии и рабочего класса. «Сами по себе цели провозглашенной им политики интересам рабочего класса не противоречили... Но сталинские методы достижения исторически прогрессивных целей интересам рабочего класса не отвечали. Порочные методы “зодчего” деформировали здания, вели к отклонению от первоначального проекта, от социалисти-

---

¹¹⁵ Я склонен различать ленинскую и бухаринскую точки зрения на социализм. Хотя обе были сформулированы во время первой мировой войны, Ленин это сделал раньше. – Вада Харуки. Кокка но джидай нюокэру какумэй (Революция в эпоху государства – Бухарин и Ленин) // Нэппу кара сутаринджидай э (От НЭП'а к периоду Сталина). – Токио, 1982. С. 259–285.

ческого идеала». Так можно ли считать такое строительство социалистическим? Этот вопрос нуждается в дальнейшем обсуждении. Авторы также подчеркнули, что личный режим Сталина во многом вырос из крестьянской культуры, из психологии крестьянина, ставшего рабочим.

По сравнению с этими достижениями историографии, долгожданный «круглый стол» по проблемам советской истории 30-х гг. в журнале «Вопросы истории», не произвёл сильного впечатления. Его материалы (от 24 июня) были опубликованы в декабрьском номере журнала. В дискуссии выступил Рой Медведев. Он говорил: «Для Сталина ограничений не было. Это был узурпатор, тиран, деспот и по отношению к партии, и по отношению к государству, и по отношению к народу. Это утверждение не означает, что я отрицаю всё то положительное, что происходило в 30-е годы»¹¹⁶. Это был ещё один пример доказательств, построенных по принципу «плюсов» и «минусов». Возможно, за полгода произошло значительное углубление исторического сознания. Свидетельством тому служит тенденция к расширению спектра исторических аргументов.

Журнал «Наука и жизнь» в октябре начал публикацию большого эссе Натана Эйдельмана «“Революция сверху” в России»¹¹⁷. О своём замысле Эйдельман поведал в интервью журналу «Огонёк»¹¹⁸. Следуя примеру Гавриила Попова, он намеревался провести сравнительное исследование реформ в России. В первой половине 1987 г. Попов опубликовал две статьи о реформе 1861 г. с целью извлечь уроки для перестройки¹¹⁹. Эйдельман начал с Ивана Грозного, затем перешёл к Петру I и закончил реформами конца 1850-х – начала 1860-х гг. Он считал особенно актуальным проанализировать каждый из этих комплексов реформ и сравнить их с перестройкой, этой новой «революцией сверху». Так он пришёл к заключению о типично русском характере «революции сверху». Статья Эйдельмана является хорошим примером того,

---

¹¹⁶ «Круглый стол»: Советский Союз в 30-е годы // Вопросы истории. 1988. № 12. С. 9.

¹¹⁷ Эйдельман Н. «Революция сверху» в России (заметки историка) // Наука и жизнь. 1988. № 10. С. 97–105; № 11. С. 109–121; № 12. С. 103–112. Продолжение опубликовано в 1989 г.

¹¹⁸ Он же. Оптимизм исторического знания // Огонёк. 1988. № 44. С. 2–4, 28.

¹¹⁹ Попов Гавриил. Фасад и кухня «Великой» реформы // ЭКО. 1987. № 1. С. 144–175; Как на Руси отменяли крепостное право // Знание – сила. 1987. № 3. С. 65–71; № 4. С. 82–86; № 5. С. 78–83.

как жизненные интересы современности помогают углубить историческое понимание. Мы, японцы, также движемся в этом направлении¹²⁰.

В заключение я хотел бы отметить один недостаток современных исторических дискуссий в Советском Союзе, который необходимо преодолеть как можно скорее. Это отсутствие историографической проработки сюжетов. Без внимательного изучения предыдущих дискуссий существует опасность повторения старых, уже опровергнутых идей. Таким образом, советские историки должны уделить больше внимания историографии, включая не только официальные советские работы, но и «самиздатовские» публикации и работы зарубежных историков. В конце 1988 г. вышел сборник статей «Историки спорят». В этой книге под редакцией В. Лельчука были собраны тринадцать дискуссий по важнейшим проблемам¹²¹. Но одна тема отсутствовала в этом сборнике: это историография, или история истории.

В связи с этим следует упомянуть статью В.И. Бовыкина об историографии экономических предпосылок Октябрьской революции, опубликованную в № 5 журнала «История СССР» за 1988 г.¹²² Бовыкин взялся опровергнуть утверждения Ю. Афанасьева и покойного К. Тарновского об имевшей место расправе с новыми веяниями в начале 70-х гг. Бовыкин настойчиво утверждал, что никакого административного давления в отношении академических исследований по данной теме не было, но при этом абсолютно проигнорировал факт расправы с гефтеровским сектором методологии. В этом вопросе должна быть восстановлена правда.

---

¹²⁰ В своей книге 1987 г. «Ватасино мита пересуторойка» я впервые отметил, что перестройку можно сравнить с «великими реформами» после Крымской войны. В октябре 1988 г. я выступил с докладом на ежегодном конгрессе японского Общества исследователей российской истории, где представил перестройку как демократический вариант «революции сверху». — См.: Вада Харуки. Рэкисино накана пересуторойка (Перестройка в исторической перспективе) // Росияси кэнкю. № 47, апрель 1989. Тема «Перестройка в исторической перспективе» была также представлена в докладе Цуёси Хасегавы, сделанном им на японско-европейской конференции по Советскому Союзу в декабре 1988 г. Он сравнивал перестройку с реформами в российской истории.

¹²¹ Историки спорят. Тринадцать бесед. — М., 1988.

¹²² Бовыкин В.И. Проблемы перестройки исторической науки и вопрос о «новом направлении» в изучении социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. // История СССР. 1988. № 5. С. 67–100.

В то же время подлинная дискуссия по историографии раз-вернулась на страницах «Московских новостей» в начале ноября¹²³. В. Логинов и Г. Иоффе сравнили судьбы Э.Н. Бурджалова и А. Некрича. Бурджалову повезло, говорили они, так как он не был исключён из партии, как это было с Некричем. Иоффе отметил достойное поведение Некрича, сохранившего верность своим взглядам перед лицом испытаний. Вспомнили участники дискуссии и историю с группой Гефтера. Самым примечательным фактом дискуссии стало выступление В. Сироткина, рассказавшего о деле Краснопевцева – группе выпускников исторического факультета МГУ, репрессированной в 1957 г.

Мы вправе надеяться, что в недалёком будущем эта тема будет подхвачена журналом «Вопросы истории». Этот журнал уже опубликовал блестящий очерк В. Данилова о зарубежных публикациях по теме голода 1932–33 гг. Этот почин должен получить продолжение.

---

¹²³ Пока спала муза Клио... Сцены из недавнего прошлого советской исторической науки // Московские новости. 1988. № 45 (6 ноября). С. 8–9.

1990

Образ Великой Французской революции в ходе российской революции 1917 года*

Две революции

Французская революция XVIII в. и российская революция XX в. – две великие революции в мировой истории, имеющие к тому же общие черты. Уровень урбанизации накануне революции был примерно одинаков в обеих странах¹. Обе революции имели общую структуру, важным составным элементом которой была крестьянская революция. Обе принадлежали к тому типу революции, в которой каждый отдельный акт был частью политической драмы в целом. Но были и отличия. Поскольку царская Россия была евроазиатской империей, одной из важнейших составляющих российской революции стала революция национальностей. Кроме того, её второй этап являет собой иной тип революции – революционной гражданской войны, и здесь её аналогом скорее была Мексиканская революция. Однако основное всё-таки – общность двух революций. Русские революционеры-народники 70-х гг. XIX в. всегда думали, что их страна должна пройти через свой 1789 и свой 1793 годы. Поэтому естественно, что Французская революция послужила образцом для русской революции. Я собираюсь рассмотреть с современной точки зрения, как образ Французской революции повлиял на русскую революцию. Мой

---

* Данный доклад был впервые представлен на симпозиуме, посвящённом столетию Великой французской революции (Токио, 1989) и опубликован в японском журнале «Шисо» (Мысль). 1990. № 3.

¹ Население Франции накануне революции было 26–27 млн., из которых 84–85% жили в сёлах. См.: *Адо А.В.* Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. – М., 1971. С. 21. Население 50 губерний Европейской России накануне революции (на 1-е января 1914 г.) было 127.776.500, из которых 84,7% жили в сёлах. *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет. – М., 1956. С. 45, 101.

анализ ограничивается взглядами и деятельностью большевиков, которые возглавили революцию и оказались правителями постреволюционной России.

Якобинцы и жирондисты

В начале XX в. противоречия современного российского общества породили различной силы социальные движения, в которых Российская социал-демократическая рабочая партия выступала как одна из ведущих сил. В 1903 г. II съезд РСДРП, который являлся, по сути дела, учредительным, завершился расколом на две фракции: большевиков-ленинцев и меньшевиков-мартовцев. Ленин проанализировал значение этого события в своей работе «Шаг вперёд, два шага назад» (1904). Он сравнил эти две фракции с двумя политическими группами во Французской революции:

«Разделение на большинство и меньшинство есть прямое и неизбежное продолжение того разделения социал-демократии на революционную и оппортунистическую, на Гору и Жиронду, которое не вчера только появилось...».

«Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, осознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ. Жирондист, тоскующий о профессорах, гимназистах, боящихся диктатуры пролетариата, вздыхающий об абсолютной ценности демократических требований, это и есть оппортунист».

«Реальным основанием страха перед заговорщичеством, бланкизмом является не та или иная обнаружившаяся черта практического движения, а жирондистская робость буржуазного интеллигента...»².

В русском революционном движении XIX в. под именем «якобинцы» была известна небольшая группа под руководством П.Г. Зайчневского. Ленин в годы жизни в Самаре познакомился с членом этой группы М.П. Ясневой. Эти русские «якобинцы» были сплошь бланкистами, стремившимися к обретению государственной власти революционным меньшинством³. Теперь пред-

² Ленин В. И. ПСС. Т. 8. С. 330, 370, 371.

³ Голубева (Яснева) М.П. Моя первая встреча с Владимиром Ильичём. Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. – М., 1956. С. 112–115.

ставляя как якобинскую позицию революционеров – социал-демократов, Ленин отстаивал новую идею революционной рабочей партии. Его аргументы базировались на идеях Плеханова.

Образы якобинцев и жирондистов для своей работы 1904 г. Ленин позаимствовал из статей Маркса и Энгельса 1848 г., опубликованных в трёхтомном сборнике «Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle» (Из литературного наследия Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Фердинанда Лассаля), вышедшем под редакцией Франца Меринга в Штутгарте в 1903 г.⁴ В тот период Маркс и Энгельс сильно переоценивали якобинцев с их методом террора. Например, Маркс писал в 1848 г.: «Весь французский терроризм был не чем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством»⁵.

Заимствуя этот образ у Маркса, Ленин пришёл к взгляду на якобинцев как на радикальных революционеров.

Ленинское преклонение перед якобинцами остро критиковал меньшевик Л.Д. Троцкий. Он достаточно хорошо знал французский язык, чтобы прочесть сборник документов Олара по истории якобинского клуба в Париже⁶. Последний раздел его антиленинского памфлета «Наши политические задачи» (1904) был озаглавлен «Якобинизм и социал-демократия». Троцкий проводил жёсткую грань между революционерами социал-демократами и якобинцами: «Робеспьер, по меньшей мере, так же далёк от Бебеля, как и Жорес». «Якобинизм... это исторический продукт. Якобинизм – это высший момент напряжения революционной энергии в напряжённую эпоху самоосвобождения буржуазного общества. Это максимум радикализма, какой мог быть дан буржуазным обществом – не путём развития его внутренних противоречий, но путём их аннулирования и подавления: в теории – при помощи апелляции к правам отвлечённого человека и отвлечённого гражданина, на практике – при помощи гильотины»⁷.

Троцкий считал, что поступательное движение истории должно было остановиться, чтобы якобинизм мог остаться у власти.

⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 11. С. 47, 121, 127.

⁵ Маркс К. Буржуазия и контрреволюция. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 6. С. 114.

⁶ La société des jacobins. Recueil de documents pour l'histoire du club des jacobins de Paris, par S.A. Aulard. Т. VI.

⁷ Троцкий Н. Наши политические задачи (тактические и организационные вопросы). – Женева, 1904. С. 91.

Чем дальше, тем больше давал о себе знать внутренний раскол среди наследников якобинцев. Революционное движение шло на спад. Вчерашние бескомпромиссные патриоты, якобинцы, начали колебаться. Сказывались центробежные, дезорганизующие силы. Поэтому, «закрепить момент высшего революционного подъёма путем “осадного положения”, определить межевую грань сталью гильотины – такую политическую тактику диктовал инстинкт политического самосохранения»⁸.

До сих пор, кажется, Троцкий вёл речь о неестественной попытке якобинцев увековечить революционный дух. Но связывал это он только с буржуазными революциями. Причина заключалась в том, что якобинцы были утопистами и идеалистами, которые «хотели республики равенства – на основе частной собственности, республики разума и добродетели – в рамках классовой эксплуатации»⁹. Социал-демократы же, в отличие от них, – оптимисты, материалисты и диалектики, верящие в «классовую силу революционного пролетариата»¹⁰.

Хотя и якобинцы, и социал-демократы были не склонны к компромиссам, методы борьбы у них были различными: у якобинцев – гильотина, у социал-демократов – «идейно-политическое изживание разногласий»¹¹. В соответствии с этим Троцкий критиковал «подозрительность и недоверие» «Максимилиана Ленина»¹², более склонного, по его мнению, к якобинизму, чем к социал-демократии.

В понимании Французской революции взгляд Троцкого был куда более пронизательным, чем ленинский. Хотя Ленин ссылался в 1905 г. на книги Жореса и Олара, сомнительно, чтобы он их действительно читал. В своей брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции» он ссылался на всё ту же, уже упомянутую статью Маркса. Ленин утверждал, что большевики не собирались «обязательно подражать якобинцам 1793 года, перенимать их взгляды, программу, лозунги, способы действия». Что большевикам действительно хотелось, так это, подобно якобинцам, вдохновить народ, чтобы тот «разделался с монархией и аристократией “по-плебейски”, беспощадно унич-

---

⁸ Там же. С. 91.

⁹ Там же. С. 91

¹⁰ Там же. С. 93.

¹¹ Там же. С. 93–94.

¹² Там же. С. 96.

тожая врагов свободы, подавляя силой их сопротивление...»¹³. В тот революционный год он неоднократно повторял, что не непоследовательная германская революция 1848 г., а именно французская революция 1789 г. должна быть для них примером. Однако содержание последней сводилось, по его мнению, лишь к установлению республики. Декларация о правах человека 1789 г. оставалась за пределами сферы его интересов.

Позднее, в 1913 г., Ленин внимательно прочитал четырехтомный сборник переписки между Марксом и Энгельсом. Тогда он впервые столкнулся с критикой якобинцев поздними Марксом и Энгельсом. В частности, Энгельс писал 4 сентября 1870 г., что «террор – это большей частью бесполезные жестокости, совершаемые ради собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх»¹⁴. Читая этот абзац, Ленин записал на полях: «Террор =... мелкой буржуазии», трижды подчеркнул и поставил помету NB. Но я сомневаюсь, изменило ли это открытие его представление о Французской революции.

Террор

С падением монархии русская революция 1917 г. оказалась втянута в серьезный процесс дезорганизации государства, начатый мировой войной. В этом хаосе люди, теоретически слабо подготовленные, искали ориентиры во французской модели революции – величайшей революции в истории. Вот почему, как никогда раньше, историю Французской революции читали так жадно¹⁵. Лидеры революции ещё более, чем простой народ, были склонны видеть во французской модели образец для подражания. Теперь, когда республика в России стала реальностью, фокус внимания переместился на 1793 год.

Ленин вернулся в Россию после Февральской революции и сумел убедить свою партию отказаться от курса на условную поддержку Временного правительства. Он начал ревностно защи-

---

¹³ Ленин В. И. ПСС. Т. 11. С. 47, 48.

¹⁴ *Его же*. Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844–1883 гг.». – М., 1968. С. 147.

¹⁵ *Sorokin Pitirim*. *Leaves from a Russian Diary: and Thirty Years After*. – Boston, 1950. P. 37–39.

щать якобинцев, подчеркивая, что его партия, борющаяся за власть Советов, и есть «якобинцы XX века». «Историческое величие настоящих якобинцев, якобинцев 1793 г., состояло в том, что они были “якобинцы с народом, с революционным большинством народа”»¹⁶.

Но сначала Ленин заявил, что они не будут повторять террор. В июне 1917 г. он записал: «“Якобинцы” XX века не стали бы гильотинировать капиталистов – подражание хорошему образцу не есть копирование»¹⁷.

Однако уже в сентябре Ленин настаивал на необходимости активной борьбы против грозящей катастрофы и напоминал: «...Великие буржуазные революционеры Франции, 125 лет тому назад, сделали свою революцию великой посредством террора против всех угнетателей, и помещиков и капиталистов»¹⁸. Накануне Октябрьской революции он снова призвал отказаться от гильотины, перешагнуть этот рубеж: «Это средство контроля и принуждения к труду посильнее законов конвента и его гильотины. Гильотина только запугивала, только сламывала активное сопротивление. Нам этого мало»¹⁹.

После Октября он заявил, что в гильотинах нет необходимости. «Нас упрекают, что мы арестовываем. Да, мы арестовываем и сегодня мы арестовали директора Государственного банка. Нас упрекают, что мы применяем террор, но террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять. И, надеюсь, не будем применять, так как за нами сила»²⁰.

Но в действительности новое правительство большевиков не обладало столь большой силой. Кроме того, перед ним стояла сложная задача перестройки военного механизма государства в условиях мировой войны. Поэтому пример Французской революции оказался более влиятельным. Уже в декабре Ленину припомнилась критика Марксом и Энгельсом Парижской коммуны: «...Коммуна недостаточно энергично пользовалась своей вооружённой силой для подавления сопротивления эксплуататоров»²¹.

---

¹⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 32. С. 216.

¹⁷ Там же. С. 307.

¹⁸ Там же. Т. 34. С. 190.

¹⁹ Там же. С. 310.

²⁰ Там же. Т. 35. С. 63.

²¹ Там же. С. 192.

Именно якобинской диктатуре, а не Парижской коммуне надлежало стать образцом власти для большевиков.

В то же время Троцкий, который примкнул к большевикам и стал одним из главных действующих лиц Октябрьской революции, ничуть не колебался пугать террором сразу после захвата власти. В своих действиях он руководствовался образом Французской революции. 29 октября, выступая по поводу подавления восстания кадетов в Петрограде, он говорил: «Пленные являются для нас заложниками. Если нашим врагам доведётся брать наших пленных, то пусть знают: каждого рабочего и солдата мы будем обменивать на 5 юнкеров... Меры, которые применяются в борьбе за защиту интересов народных масс, не нуждаются в оправданиях... Пусть знают наши враги: жизнь каждого рабочего, жизнь каждого солдата обойдётся им очень очень дорого»²².

Это было первое открытое признание института заложничества. А 2 декабря в связи с объявлением кадетской партии вне закона Троцкий заявил: «Мы сделали скромное начало, арестовав кадетских главарей и приказав на местах взять их под надзор. Во время французской революции якобинцы более честных людей за сопротивление народу вели на гильотину. Мы никого не казнили и не собираемся казнить, но бывают минуты народного гнева, и кадеты сами набиваются на него. Они саботируют, срывают, всячески злобно усугубляют разруху, и никто из нас не возьмётся сказать, что народ, доведённый до крайности, откажется и от этой последней меры»²³.

Революционное правительство основало ЧК – чрезвычайный орган для подавления саботажа и контрреволюции. Учредительное собрание, большинство которого находилось под влиянием эсеров, было распущено и запрещено. Последовали незаконные расправы над спекулянтами. После так называемого «восстания» левых эсеров 6 июля 1918 г. провинцию охватили мятежи, и стали применяться массовые расстрелы их участников. Ленин лично отдал соответствующий приказ в телеграмме, разосланной на места. Он отверг критику террора, заявив, что «английские буржуа забыли свой 1649, французы свой 1793 год»²⁴.

2 сентября после убийства двух видных большевиков и неудавшейся попытки покушения на Ленина был объявлен «крас-

²² Известия. 1917. 30 октября. С. 2.

²³ Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. – М., 1925. С. 138.

²⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 37. С. 59.

ный террор». Народный комиссар внутренних дел отдал приказ арестовать эсеров и взять ряд заложников из числа буржуазии и бывших царских офицеров. А с началом гражданской войны террор, похоже, стал незаменимым средством борьбы. Образ Французской революции служил для оправдания террора.

И наоборот, критическое отношение к нынешнему террору сопровождалось критическим отношением к Робеспьеру и террору Французской революции. Анархист П.А. Кропоткин был автором нескольких томов о Французской революции. 17 сентября 1918 г. он послал Ленину письмо, в котором просил отменить «красный террор», аргументируя это тем, что «в 1794 году... террористы Комитета общественной безопасности оказались могильщиками народной революции»²⁵. Народная революция опиралась в своей власти на секции в городах и народные общества в провинции. Однако милицейские силы «пожрали» секции, ввергли в террор Комитет общественной безопасности и открыли дорогу реакции. Иной образ Французской революции сопровождал предложение иного пути для революции российской. Но в то время Ленин не пожелал ответить на это предложение.

Термидор

В конце 1920 г. – начале 1921 г., когда гражданская война против белой гвардии закончилась, Тамбовская губерния, бывшая центром крестьянской революции, оказалась охваченной массовым крестьянским антисоветским восстанием, в ходе которого уничтожались коммунисты. Тяжёлым ударом явилось и антикоммунистическое восстание моряков Кронштадта, ещё одного оплота революции. Ленин делал всё возможное, чтобы осуществить переход от системы продовольственной развёрстки к продовольственному налогу. Эта идея, с которой Ленин выступил с трибуны X съезда партии в марте 1921 г., принадлежала Троцкому. Оба, и Ленин, и Троцкий, считали этот переход к НЭП'у «отступлением» и беспокоились по поводу опасностей, таившихся в таком варианте. Следует отметить, что в примечаниях к своей статье о продналоге Ленин дважды записал: «1794 versus 1921». Уделяя повышенное внимание «мелкобуржуазной стихии», он держал в

---

²⁵ Пирумова Н.М. Петр Алексеевич Кропоткин. – М., 1972. С. 133.

уме «модель» Французской революции. Что именно он имел в виду, становится ясным из следующего примечания: «“Термидор”? Трезво, может быть, да? Будет? Увидим»²⁶. Рядовые большевики, только пробудившиеся от грёз военного коммунизма, с отвращением взирали на чёрные рынки, расцветшие пышным цветом при НЭП'е, и крестьян, выгодно сбывающих излишки зерна.

Столь неожиданная перемена в политике большевиков тут же привлекла пристальное внимание эмигрантов. Меньшевик Ю. Мартов, расценивший ленинский НЭП как «программу бонапартистской военно-бюрократической диктатуры», предсказывал, что вслед за экономическим термидором последует новое 18 брюмера. Кадет П.Н. Милюков написал ряд статей, в которых сравнил процесс в России с термидорианским периодом Французской революции²⁷. Другой кадет, Н. Устрялов, опубликовал статью «Путь термидора», которая стала частью его статьи в сборнике «Смена вех». По мнению Устрялова, термидор «не есть революционная ликвидация революции», «путь термидора есть путь эволюции». «...Основным, определяющим моментом термидора явилось именно изменение общего стиля революционной Франции и обусловленная им эволюция якобинизма в его “толпе”». Он делал позитивный вывод о том, что НЭП и есть термидор Российской революции. Ленин, который «более гибок и чуток, нежели Робеспьер», начинает «“спуск на тормозах” от великой утопии к трезвому учёту обновлённой действительности и служению ей...». «Революция спасается от собственных излишеств»²⁸.

Все эти аргументы уже сами по себе усиливали подозрительность Ленина. В августе 1921 г. он приказал распустить Комитет помощи голодающим, организованный представителями старой интеллигенции (среди которых был бывший министр Н.М. Кишкин, А.В. Чаянов, В.Н. Фигнер)²⁹. В феврале и марте следующего года он объявил, что «отступление закончено»³⁰ и дал инструкции наркому юстиции Д. Курскому по организации показательных процессов в ряде городов с целью более эффективного подавления «политических врагов Соввласти и агентов буржуазии

²⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 43. С. 403.

²⁷ Carr E.H. *Socialism in One Country 1924–1926*. Vol. I. – London, 1958. P. 56–57.

²⁸ Устрялов Н.В. «Patriotica». Смена вех. – Прага, 1921. С. 70–71.

²⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 53. С. 140–142.

³⁰ Там же.

(в особенности меньшевиков и эсеров)»³¹. Эти инструкции нашли воплощение в процессе по делу эсеров, состоявшемся в июне 1922 г. Так, держа в уме образ Французской революции, Ленин продолжал бороться против опасности термидора.

В мае 1922 г., Ленина постиг удар, после которого он оказался частично парализованным и к работе смог вернуться лишь в ноябре. Но теперь, заглянув в лицо смерти, он на многие вещи смотрел по-другому. Теперь НЭП не был для него отступлением. «Из России нэповской будет Россия социалистическая», – записывает он. А в январе 1923 г. Ленин провозгласил: «Строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма»³². Так первоначальный образ социализма, основанный на германской модели регулируемой военной экономики, был Лениным решительно пересмотрен. В качестве конкретной задачи он предложил культурную революцию, призвав учиться буржуазной культуре.

Михаил Гефтер, один из оригинальных представителей советской исторической мысли, однажды написал о произошедшей перемене во взглядах Ленина в статье «Россия и Маркс»³³.

Гефтер обратил внимание на то, что все революции неизбежно сталкиваются со своими термидорами, и важным является то, как обратить этот «прорыв истории в новую норму, в новую повседневность, в новый “консерватизм”»³⁴. Если же «самотермидоризация» не произошла, происходит «термидор». Гефтер обнаружил идею «самотермидоризации» в последних зафиксированных мыслях Ленина. Эта идея была выражена как «приостановка революции», «превращение революции в реформу» в другой статье Гефтера «Сталин умер вчера...»³⁵. Правомерно сказать, что Гефтер возродил идею Устрялова в наши дни.

Чтобы увидеть вещи в реальном свете, Ленин начал освобождаться от образа Французской революции, главным образом, от

---

³¹ Там же. Т. 44. С. 396.

³² Там же. Т. 45. С. 373.

³³ Сначала эта статья была только рукописью диссидента. После начала перестройки она была опубликована одновременно в двух журналах. *Гефтер М.Я.* Россия и Маркс // Рабочий класс и современный мир. 1988. № 4; // Коммунист. 1988. № 18.

³⁴ *Гефтер М.Я.* Россия и Маркс // Коммунист, 1988. № 18. С. 103. *Его же.* Из тех и этих лет. – М., 1991. С. 61.

³⁵ *Его же.* «Сталин умер вчера...» // Иного не дано. – М., 1988. С. 313; *Его же.* Из тех и этих лет. С. 252.

идеи перехода от якобинской диктатуры к термидору. В своём последнем высказывании о русской революции он цитирует Наполеона для объяснения своих действий: «Помнится, Наполеон писал: “On s’engage et puis... on voit”. В вольном русском переводе это значит: “Сначала надо ввязаться в серьёзный бой, а там уже видно будет”»³⁶. Это можно интерпретировать как выражение его нового отношения к Французской революции.

Напротив, со временем становился всё более одержим образом Французской революции Троцкий. В 1923 г., ещё при живом Ленине, он возглавил оппозицию в партии, среди членов которой образ термидора был особенно популярным. Российский исследователь Тамара Кондратьева, живущая в Париже, назвала его «призраком термидора»³⁷.

Накануне XIV съезда партии в 1925 г. П. Залуцкий из фракции Зиновьева заговорил об угрозе термидора для партии³⁸. Объединённая оппозиция, шумно выступив против социализма в одной стране и против роста кулачества в деревне, была склонна оценивать весь НЭП как термидор. Она считала себя последовательницей Робеспьера, борющейся против термидорианцев в лице Сталина, Бухарина и К°. Н. Бухарин, в котором левая оппозиция видела сердце термидора, с негодованием отверг подобную историческую аналогию. Ему казалось, что якобинский мелкобуржуазный террор был необходим, чтобы сокрушить феодальный режим, и как только задача была выполнена, якобинцы должны были уступить в пользу крупного производства. Пролетариат же не только разрушает старый порядок, но и воплощает плановое крупное производство. Поэтому наша ситуация, говорил Бухарин, несравнима с ситуацией буржуазной революции³⁹. Аргумент Бухарина в 1926 г. был схож с аргументом Троцкого 1904 г.: оба проводили чёткую грань между буржуазной и пролетарской революциями. Оппозиционеров, однако, не смогли убедить эти догматические доводы. Как ни удивительно, но образ Француз-

³⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 381.

³⁷ Рабочий класс и современный мир. 1989.. № 2. С. 88–89. Тамара Кондратьева является ученицей М. Гефтера. У него я познакомился с ней и узнал о её исследовании. Она издала книгу в Париже в 1989 г.: *KondratievaT. Bolcheviks et jacobins. Payot. – Paris, 1989.* Русский перевод: Большевики-якобинцы и призрак термидора. – М., 1993. Когда я написал эту статью, я не знал об издании книги Т. Кондратьевой.

³⁸ *Deutscher Issac. The Prophet Unarmed: Trotsky 1921–1929.* – Oxford University Press, 1959. P. 244–245.

³⁹ Бухарин Н.И. На пороге десятого года // Правда. 1926. 7 ноября.

ской революции оказался доминирующим в ходе дискуссии второй половины 20-х гг., ставшей фатальной для судеб советского социализма.

В июне 1927 г. Троцкий был вызван в Президиум Центральной контрольной комиссии. Это было слушание «дела» о его исключении из партии. Свою речь Троцкий полностью построил на исторических аналогиях. Гильотины и расстрелы, говорил он, имели совершенно разное значение на первом и на втором этапах революции. На первом этапе якобинцы – большевики того времени – гильотинировали роялистов и жирондистов, а на втором этапе термидорианцы и бонапартисты начали ссылать и расстреливать левых якобинцев. Обращаясь к председателю Комиссии А. Сольцу, Троцкий сказал: «Мы все – старые революционеры. Но надо знать кого, по какой главе расстреливать. Когда мы расстреливали, то твёрдо знали, по какой главе. А вот сейчас, – ясно ли вы понимаете, товарищ Сольц, по какой главе собираетесь расстреливать? Я опасаясь, товарищ Сольц, что вы собираетесь нас расстреливать по устряловской, т. е. термидорианской главе»⁴⁰.

Поскольку оппозиционеры были столь одержимы идеей борьбы с термидором, они, будучи в ссылке, поддержали сталинскую «революцию сверху» и попытались, путём самокритики, войти в сталинскую систему. Сталин казался им лидером, преуспевшим в борьбе против правой оппозиции, являвшейся воплощением термидора. Но у меня вызывает сомнение утверждение Т. Кондратьевой, что левая оппозиция оказала влияние на отмену НЭП'а, заклеив его как термидор⁴¹.

Только Троцкий, который был изгнан из страны и не имел времени на колебание, опубликовал в 1936 г. книгу под заголовком «Преданная революция», в которой развил свою концепцию «советского термидора». В соответствии с этой концепцией, «советские бюрократы», благодаря поражению мировой революции, одержали победу над левой оппозицией и, найдя вождя в лице Сталина, завоевали партию. «Революция сверху» 1929 г. тоже была их работой. Тем не менее Троцкий соглашался, что суть советского государства как государства рабочих оставалась неизменной⁴². Таким образом, он ревизовал свою концепцию термидора.

---

⁴⁰ Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. – Берлин, 1932. С. 149.

⁴¹ Рабочий класс и современный мир. 1989. № 2. С. 88–89.

⁴² Trotsky Lev. Revolution Betrayed. – London, 1937.

Но в 1936 г., после того как на смену сталинской «революции сверху» пришёл процесс стабилизации, грянувший массовый террор поразил в первую очередь раскаявшихся левых оппозиционеров, а позднее – раскаявшихся правых и часть сталинистов. Тогда стало ясно, что процесс русской революции очень отличался от французской. Для Сталина последняя никогда не служила образцом.

Заключение

Революция есть человеческое деяние с большими затратами. Если насилие и диктатура являются необходимым злом, желательно свести их к минимуму, а затем избавиться от них как можно скорее, чтобы дать дорогу реформам. Прецедентом для русской революции была Великая французская революция. Если бы русские революционеры извлекли урок из этого прецедента, они могли бы вполне смягчить революционную диктатуру и сознательно осуществить переход к государству реформ. Но в эпоху мировых войн подобная попытка воплотилась лишь частично. Воспоминания о диктатуре 1793 г. и термидоре 1794 г. явились доминирующими в ходе русской революции. Для Декларации прав человека 1789 г. не осталось места. Теперь российский народ после 70 лет, отделяющих его от своей революции, миновав эпоху мировых войн, заново открывает для себя Французскую революцию и её Декларацию.

1990

Место российской революции во всемирной истории*

Моя сегодняшняя лекция называется «Место российской революции во всемирной истории». Раньше такая постановка вопроса уже означала ответ. По доктрине марксизма-ленинизма Октябрьская революция – это первая в мире социалистическая революция. С этой революцией человечество вступило в совершенно новую историческую эпоху – эпоху перехода к социализму и победы социализма. Следовательно, Октябрьская революция является рубежом новой и новейшей истории человечества. Так думали и в России, и в Японии.

После второй мировой войны марксизм в Японии пользовался высоким авторитетом среди интеллигенции, особенно среди историков. Формационный метод почти отождествлялся с научным методом исторической науки. На основе этого метода Октябрьская революция считалась началом новейшей истории и у нас. Но когда в конце 1960-х гг. было подготовлено тридцатитомное издание «Всемирная история» (книгоиздательство «Иванами»), японские историки, редакторы этого издания решили взять точкой отсчёта новой и новейшей историй не Октябрьскую революцию, а первую мировую войну. Это выражало их отказ от ортодоксальной марксистско-ленинской концепции новейшей истории. Но ещё неясно было то, что они предложили вместо последней.

Я сам тогда с одним коллегой написал статью о российской революции для этого издания, впервые изложив там мою концепцию этой революции как комплекса революций. Хотел указать структурные противоречия этой революции как предпосылки сталинизма. Но тогда для меня тоже неясно было место этой революции во всемирной истории.

В начале 1980-х после годового пребывания в Советском Союзе я пришёл к новому пониманию российской революции,

---

* Лекция была прочитана 24 мая 1990 г. в Московском историко-архивном институте.

которое изложил в двух статьях. Первая – «Революция в эру государства: Бухарин и Ленин» (1982), и вторая – «Размышления о российской революции» (1983). Новое понимание заключалось в том, что российская революция – это явление эры мировых войн.

В Советском Союзе с началом перестройки появились критические концепции сталинской системы. Было высказано много интересных идей, но трактовка вопроса ограничивалась страноведческими рамками. Поскольку сталинизм – «феномен мирового масштаба, который осуществлялся всюду от Мадрида до Шанхая» (в этом, я думаю, В. Кожин прав), постольку переосмысление последнего в контексте всемирной истории неизбежно.

С осени 1988 г. Александр Ципко в журнале «Наука и жизнь» начал публиковать известную статью «Истоки сталинизма», которая положила начало пересмотру истории марксизма и российской революции в контексте мировой истории. Как известно, он пришёл к выводу, что доктринальные причины казарменного уравнительного социализма покоились в марксовской теории социализма на «нетоварном, безрыночном фундаменте». Отвечая на критику Ципко, Игорь Клямкин расширил трактовку вопроса в статье, опубликованной в журнале «Политическое образование» в июне 1989 г. Он написал, что Маркс и Энгельс создали проект нетоварного социализма, исходя из классовых противоречий раннего промышленного капитализма. В западных странах впоследствии в результате интеграции рабочих классов и социалистических партий такие предпосылки социализма перезрели и исчезли бесследно. Напротив, в России эти предпосылки назревали из-за отсталости страны. Клямкин, таким образом, указал на важный контраст путей Запада и России.

Трактовку вопроса расширил Гавриил Попов. В статье «Программа, которой руководствовался Сталин» («Наука и жизнь», 1989, № 7) он нашёл истоки сталинизма в большевистской ленинской программе 1919 г. Он прямо указал на ленинскую теорию империализма: «Если империализм созрел для революции и даже перезрел, если не осталось между ним и социализмом никаких промежуточных ступеней, если этот строй несёт миллионам людей только перспективу гибели в империалистической войне, если этот строй уже всё подготовил для нового строя, то чего же ждать?». Попов считал, что Ленин принимал за «готовые формы» для социализма «те административные централизованные формы, которые империализм ввёл в условиях тотальной войны. Оттуда получался социализм, где всё охвачено единым планом, социа-

лизм, где главным является задание государства, социализм, где нет товарного производства и денег». Идея Попова очень близка к моей идее. Но я думаю, надо ещё расширить трактовку и выяснить неразрывную связь между российской революцией и мировой войной.

I

Социалистическая мысль в широком смысле родилась в процессе Великой французской революции из разочарований в ней, из её критики. Коммунизм Бабёфа являлся её «пионером». Он стремился к упразднению частной собственности и уравнительной организации труда и распределения. Такое общественное устройство для народа осуществляет революционная диктатура, рождённая из революционного заговора. Герцен дал очень чёткую оценку коммунизму Бабёфа – как «рабству всеобщего благоденствия», подчеркнув, что его заговор воплотил «великую идею» через поражение.

Тяжёлое и ужасное положение рабочего класса в период промышленного переворота очень беспокоило современных гуманных людей и толкнуло их к созданию социалистических утопий разных сортов. Картины другого мира, которые обрисовали Роберт Оуэн, Сен-Симон, Фурье и Жорж Санд, действовали на сознание людей раннего капитализма и помогали более или менее гуманизировать развивающееся капиталистическое общество. Тогда социалистические утопии имели критическую и реформаторскую функции.

Марксизм, появившийся из революции 1848 г., с его экономическим анализом капитализма, материалистическим пониманием исторической закономерности и теорией классовой борьбы значительно отличался от предшествовавших социализмов. Марксизм являлся доктриной революционного социалистического движения, опирающегося на пролетариат. Энгельс, отклоняя предшествовавшие социализмы как «утопические», объявил свою позицию как «научный» социализм. Но дело не в этом: марксисты были очень пассивны в разработке самой утопии, осуществление которой теперь стало их реальной целью. Маркс когда-то написал голландскому социалисту Ньювенгейсу: «Но имел ли какой-нибудь француз XVIII века заранее а priori хотя бы малейшее

представление о том, каким образом осуществляются требования французской буржуазии? Доктринёрское, неизбежно фантастическое предвосхищение программы действий будущей революции только отвлекает от борьбы сегодняшнего дня. Фантазия о близкой гибели мира воодушевляла древних христиан в их борьбе против Римской империи и давала им уверенность в победе».

Если научный анализ действительности и научное понимание неизбежности разложения капитализма имелись, то и не надо было думать о том, какая общественная система должна заменять его и какие проблемы должны появляться в процессе перехода. Поэтому марксизм, критикующий предшествовавшие социализмы как утопические, сам оказался более бедным в рассмотрении будущего.

Правда, Маркс оставил известную работу «Критика Готской программы», но высказывания о будущем, которые содержались в этой работе, были очень упрощёнными и примитивными. Маркс определил первый этап коммунизма как этап, где люди работают по способностям и получают по труду. Это было простым отражением ситуации раннего капитализма, когда человек того времени не имел возможности работать по способности и получать по труду. На самом деле идея Маркса являлась повторением идеи Луи Блана.

В конце 1880-х гг. американский социалист Эдуард Беллами опубликовал книгу «Looking Backward», в которой изложил будущее США в 2000 г. как общества государственного коммунизма, в котором государство, как гигантский трест, управляет хозяйством и организует весь труд. Против этого представления восстал англичанин Вильямс Моррис. Он противопоставил своё представление о неиндустриальном, свободном обществе. Эта полемика содержала важное предупреждение человечеству, но марксисты, не понимая значения такой постановки вопроса, игнорировали спор.

На марксизм решились сначала германские, потом российские социалисты. В результате принятия радикального антисоциалистического закона Бисмарка, в Германии в 1890 г. была создана социал-демократическая партия и в следующем году принята Эрфуртская программа, основанная на марксизме. Упразднение капитализма и построение социалистического общества было объявлено как реальная цель. Но с отменой антисоциалистического закона для новой партии был открыт путь в парламент. И дальнейшее развитие германского капитализма повлекло за со-

бой объединение рабочего класса как реакцию на социальную политику правительства. Само движение социал-демократов, связанное с деятельностью профсоюзов, заставляло власть и капиталистов расширить социальные льготы для рабочих.

Неслучайно в конце XIX в. в рядах социал-демократической партии появилось бернштейнианство. Э. Бернштейн отрицал неизбежность перехода к социализму, основываясь на прогнозе разложения капитализма. Он предложил снять в программе цель революционного построения социалистического общества и взамен выдвинул идею эволюционного социализма, как мирного улучшения капитализма. Хотя бернштейнианство, как ревизионизм, было официально отвергнуто решением партийного съезда в 1899 г., стремление к реформам становилось ещё сильнее среди активистов профсоюзов. Фактически Германская социал-демократическая партия в целом перестала быть революционной партией уже накануне первой мировой войны, но реформы и критика не были ей чужды.

В России марксизм был принят бывшими народниками, которые нашли выход из тупика революции в европеизации России, в развитии капитализма и пролетариата в России. Начинаящий Ленин повторил следующие слова: «Россия страдает не от капитализма, а от недостатка капитализма». Русские марксисты не считали, что социализм является их реальной целью. Социал-демократия означала для них ни что иное, как радикальный республиканизм, идея демократической революции.

Итак, можно признать, что накануне первой мировой войны в Европе и России не существовало влиятельного и действенного движения, стремящегося непосредственно к свержению капитализма и замене его неизвестным человечеству новым социалистическим строем.

II

Народы мира долго жили в своих цивилизационных мирах. Но экономическое развитие в европейском мире, родившее капитализм и новую цивилизацию, одновременно расширило своё влияние. И капиталистическая Европа устанавливала гегемонию в других странах, и в конце концов, объединила их в единой всемирной истории. Становление всемирной истории произошло

окончательно в середине XIX в. Сложившийся единый мир сразу превратился в мир империалистических центров, независимых стран и колоний. В начале XX в. империализм и милитаризм передовых государств стали большими бедами для всего мира. Тогда вспыхнула мировая война. Лев Копелев когда-то написал так: не календарный, а настоящий XX век начался в 1914 году. Да, эта страшная война открыла новую эру. Если мы считаем эту войну рубежом новой и новейшей истории, то первый период новейшей истории надо назвать эрой мировых войн.

В эру мировых войн в сознании людей господствовали проблемы войны и мира в самых обострённых формах. Эту эру можно характеризовать как эру Государства, эру Национальностей и эру Технологии. Все эти факторы крайне усиливались в связи с тотальными войнами. Так, государства, являясь центральными «фигурами» войн, стали вершителями судьбы, жизни и смерти своих граждан. Угнетённые нации принуждались государством к участию в войне. Случаи сопротивления нейтрализовались обещаниями независимости или самоуправления. Технология развивалась в войне и с войной. Накануне первой мировой войны Г.Д. Уэллс опубликовал повесть «Освобождённый мир», в которой он описал будущую ядерную войну. Эта повесть оказалась книгой пророчества эры мировых войн.

Действительная мировая война стала невиданной, апокалиптической катастрофой. Поэтому вполне понятной была решимость некоторых людей основательно расстаться со старым миром, ответственным за такую адскую ситуацию. Для них уничтожение основ капиталистического общества в мировом масштабе вдруг стало неотложной задачей, которую можно и надо было осуществить любыми средствами. Превращение империалистической войны в гражданскую войну – это лозунг, с которым обратился к народам В.И. Ленин.

Новая ленинская мысль выразилась в «Нескольких тезисах» (1915). Он написал так: «Участие социал-демократов во Временном революционном правительстве вместе с демократической мелкобуржуазией мы считаем, по-прежнему, допустимым, но только не с революционерами-шовинистами». Ленин отказался от сотрудничества с «партиями-оборонцами». До начала мировой войны Ленин воспринимал как закономерность то, что мелкобуржуазные партии, эсеры в особенности, возглавят Временное правительство в грядущей революции. В 1915 г. он впервые проявил волю к власти: «На вопрос, что бы сделала партия пролета-

риата, если бы революция поставила её у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир *всем* воюющим на условии освобождения колоний и *всех* зависимых... народов».

Ленин предсказал, что ни Германия, ни Антанта не примут этого условия: «Тогда мы должны были бы подготовить и провести революционную войну». Это уже была война против капиталистических держав в союзе с социалистическими рабочими Европы и всеми колониями и зависимыми странами Азии.

Так, реальный курс на социалистическую революцию родился у Ленина впервые во время мировой войны, что представляло собой большой перелом в истории социалистического движения.

Но где залог успеха такого прыжка? Ленину было известно, что в России не существовало экономических предпосылок к социализму. В этом отношении война казалась ему небывалым «режиссёром» в шагах к социализму. Мировая война является тотальной войной. Государства-державы, подвергнутые суровому экзамену, сосредоточивали все экономические ресурсы в своих руках и контролировали всё. Немецкие учёные назвали эти явления *Kriegssozialismus* (военным социализмом) или *Staatsozialismus* (государственным социализмом).

Йоган Пленге, профессор Мюнстерского университета, написал в своей книге «Война и национальная экономика» (1915) следующее: Германия, потерявшая внешнюю торговлю в силу войны, перестала быть «мировым торговым государством», а стала «закрытым торговым государством». «Большее удивление состояло в том, что... закрытое государство военного периода служило базисом для германского “будущего государства”, стоящего более высоко, чем предвоенное государство в экономическом и политическом отношениях». Там индивидуум работает для целого. «Организация является социализмом». «Высокоразвитая экономическая жизнь XIX века, родившая в конце концов войны, и её сопровождающие явления – социализм и организация были связаны одинаково». Пленге употребил в своей другой книге такой термин, как «народное сообщество национального социализма» (*Volksgenossenschaft des nationalen Sozialismus*).

Макс Краман, доцент Берлинской горной академии, писал так: «Теперешнее могучее воздействие всех поддерживающих государство и защищающих страну мероприятий, проводимых из-за военных соображений государственной властью, приводит нас... на изрядную величину ближе к государственному социализму... Это – не интернационально-разводнённый, а национально-окреп-

ший социализм... Это – не демократический коммунизм, ещё менее – аристократическое классовое государство, а примиряющий классы национализм. К нему мы приблизились раньше невозможными гигантскими шагами с 1 августа 1914 года» (Война и горная промышленность, 1915).

У Эдмунда Фишера мы читаем: «Социализм есть одно из средств для ведения войн», и далее, «социализм по существу есть ни что иное, как перенесение государственной идеи на народное хозяйство и социальную жизнь вообще».

На эти явления и высказывания раньше всех обратил внимание Н.И. Бухарин. В статье «Мировое хозяйство и империализм» он чётко сказал о государственном социализме, появившемся в передовых странах во время мировой войны, и раскритиковал Макса Крамана и К°. Судя по следующей статье «К теории империалистического государства» (1916), он считал, что суть этого «государственного социализма» состоит в милитаризации почти всех отраслей промышленности и торговли и максимального обострения классовых противоречий: «Так вырастает законченный тип современного империалистического разбойничьего государства, железная организация, которая охватывает своими цепкими загибающимися лапами живое тело общества. Это – новый Левиафан, перед которым фантазия Томаса Гоббса кажется детской игрушкой». Бухарин противопоставил «государственному социализму», новому Левиафану, истинный социализм, «ибо социализм есть урегулированное производство, руководимое обществом, а не государством (государственный социализм есть сапоги всмятку)».

Напротив, В.И. Ленин увидел перспективу в том, что у Бухарина вызвало отвращение. Новые явления огосударствления ему казались залогом возможности осуществления социализма, даже в России. Он писал в начале 1917 г.: «Насколько созрело современное общество для перехода в социализм, это доказала именно война, когда напряжение сил народа заставило перейти к регулированию всей хозяйственной жизни свыше, чем полусотни миллионов человек из *одного* центра». И далее: «Если в интересах напряжения сил народа для грабительской войны пришлось... Германии направлять всю хозяйственную жизнь 66 миллионного народа из одного центрального учреждения,... то эту вещь в интересах 9/10 населения вполне могут сделать неимущие массы, если руководить их борьбой будут сознательные рабочие, освобождаясь от влияния социал-империалистов и социал-пацифистов». Так у Ленина родилась модель революционного государст-

венного социализма накануне революции 1917 г., в которой не доставало только революционной власти, руководимой революционными марксистами.

Уже в процессе российской революции идея Ленина стала ещё яснее. Стоит вспомнить его известную фразу в брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»: «Социализм есть не что иное, как государственная капиталистическая монополия, *обращённая на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией». Можно сказать, что для Ленина социализм – это большевистская власть плюс военный социализм по-германски.

Небольшое историографическое отступление. В своё время я познакомился с двумя замечательными представителями пятидесятников – Львом Николаевичем Краснопевцевым, аспирантом истфака МГУ, и Николаем Григорьевичем Абушенковым, ассистентом, преподавателем МГУ. В конце 1956 г. в обстановке реакции, после венгерских событий, они организовали политическую группу единомышленников, устремления которых были направлены на углубление критики сталинизма и демократизацию советского общества. Они нашли корни сталинизма в большевизме и в июле 1957 г. напечатали воззвание против произвола Н.С. Хрущёва. Их сразу же арестовали и приговорили к 6–10 годам заключения в лагерях. Эта группа Краснопевцева явилась настоящим пионером демократического движения в Советском Союзе.

В начале 1956 г. Абушенков защищал кандидатскую диссертацию «Милитаризация и нарастание революционного кризиса в Германии в 1916–1917 гг.». В беседе со мной он сказал так: «В процессе изучения этой темы я страшно удивился одному открытию. Дело в том (это я вдруг увидел в работе В.И. Ленина 1918 года), что на основе опыта германского капитализма была построена модель социалистического общества». Слушая это, я и сам удивился. Те мысли, которые я сегодня изложил перед вами, были высказаны и обсуждались молодыми историками тридцать пять лет тому назад. Потерянное время стоит слишком дорого для вашего народа.

III

Но вернусь к моему первоначальному сюжету. Объективный процесс российской революции был тоже тесно связан с мировой войной. Французский историк Жорж Лефевр создал замечательную концепцию Великой французской революции как комплекса автономных революций. Российская революция в её первой фазе принадлежит к тому же типу, что и французская. В обеих революциях главные политические процессы, словно многоактный спектакль, протекали в столицах. Этот тип революции, который резко отличается от типа «революции – гражданской войны», применим в сильно централизованных странах с цивилизованными столицами.

Российская революция является комплексом четырёх самостоятельных революций: 1) революции буржуазии и граждан, 2) революции рабочих и солдат, 3) революции крестьян и 4) революции национальностей. Каждая революция имела своих лидеров, свою организацию борьбы и свою особую революционную цель. Особо заметим, что революция рабочих и солдат была продуктом мировой войны.

Российская революция 1917 г. произошла в результате крушения слабого и неэффективного самодержавно-конституционного государства, прошедшего суровый экзамен империалистической войны. Февральская революция победила сочетанием *революции буржуазии и граждан* и *революции рабочих и солдат*.

Революцию буржуазии и граждан представляло Временное правительство, Временный комитет Государственной думы, московский комитет общественных организаций и военно-промышленные комитеты в центре и в ряде городов. Её лидерами можно считать кадетов и прогрессистов, меньшевиков и эсеров, но руководящим ядром являлась известная внефракционная организация масонского типа. Её члены, А.Ф. Керенский, М.И. Терещенко, А.И. Коновалов и Н.В. Некрасов, занимали важные посты во всех кабинетах Временного правительства. И их цель состояла в том, чтобы «построить демократию, основанную на широких социальных реформах и федеративной государственной системе», одним словом, демократическую Россию.

Революцию рабочих и солдат представляли бастующие рабочие и бунтующие солдаты. Их организация борьбы – Совет рабочих и солдатских депутатов, фабзавкомы и солдатские комитеты,

возглавляемые социалистическими партиями, сначала меньшевиками и эсерами, потом – большевиками и левыми эсерами. Целью этой революции были хлеб и мир, освобождение трудящихся фабрик, заводов и солдат от гнёта и неравенства.

Блок двух революций обеспечил Февральской революции победу над монархической контрреволюцией.

После февраля в созданном пространстве свободы вспыхнули революция крестьян и революция национальностей. Первая базировалась на общинах, сёлах и волостях. Выступления были, в основном, стихийными, а их целью являлись – земля и воля. Революция национальностей – название условное. Точнее говоря, была не одна революция национальностей, а множество национальных революций. Они возглавлялись национальными политическими организациями. Особые организации борьбы, типа Украинской Рады, возникали повсюду и их целью являлись независимость или автономия в новой федерации.

Октябрьская революция стала победой руководимой большевиками революции рабочих и солдат над революцией буржуазии и граждан. И этой победе помогали столкновения революции крестьян и революции национальностей с Временным правительством. На базе революции рабочих и солдат возникла власть Советов в форме правительства ленинской партии. Декрет о мире отражал существенные требования революции рабочих и солдат. Декрет о земле и Декларация прав народов России выражали готовность новой власти уважать самостоятельность, автономность революции крестьян и революции национальностей.

Но сразу после Октябрьской революции обнаружились трудности. Революционное солдатство с достижением своей цели быстро «растаяло» – перемирие и начавшаяся демобилизация, с одной стороны, и демократизация армии, осуществлённая двумя декретами от 15 декабря 1917 г., с другой стороны, повлекли за собой дезорганизацию самой армии. Со сломом старой армии исчезло революционное солдатство. Следовательно, базис советской власти сразу сузился вдвойне.

Первое столкновение людей разных национальностей наблюдалось на Украине. Украинское временное правительство, оформленное на основе Украинской рады, попыталось разоружить русские Советы рабочих и солдатских депутатов. Тогда московское советское правительство, после ультиматума, послало в Киев экспедиционную армию под командованием Муравьёва. Советская армия заняла Киев и революция украинцев потерпела поражение. Такие столкновения повторялись во всех частях империи.

Самостоятельность крестьянской революции ослабляла связь между городами и деревнями. Катастрофа постигла города весной 1918 г. Крестьяне перестали снабжать их хлебом. Тогда была провозглашена продовольственная диктатура, и команды вооружённых рабочих посланы в деревни для того, чтобы отобрать хлеб у «кулаков», то есть крестьян, спрятавших хлеб. В деревнях появились комитеты бедноты (комбеды), опорные пункты диктатуры пролетариата в деревне. Этот процесс можно охарактеризовать как насилие над крестьянством.

Таким образом, российская революция являлась комплексом революций и перед революционной властью стояла очень трудная задача создать государство из разобщённых групп людей. В то же время в условиях продолжения мировой войны новая власть должна была восстановить военное государство, более эффективное, чем самодержавно-конституционное, потерпевшее крушение. Ленинская модель социализма соответствовала требованию такой ситуации. Конечно, сама модель усиливала тенденцию огосударствления – диктатура становилась ещё более диктаторской.

Комплекс выступлений разных слоёв общества, завершившийся Октябрьской революцией, явился реакцией народа России на мировую войну. Такая ответная реакция означала, с одной стороны, критику, и, с другой стороны, приспособление. В этом смысле можно считать российскую революцию продуктом эры мировых войн. В то же время государство, созданное этой революцией, стало фактором эры мировых войн.

Дальнейшее развитие государственного социализма в Советском Союзе было тесно связано с условиями этой эры. Сталинскую «революцию сверху» и сталинский террор нельзя анализировать, не учитывая этих условий. Ведь казарменный социализм – типичное явление эры мировых войн. Вторая важная революция – китайская революция – являлась результатом революционной войны в эру мировых войн. И вывоз государственного социализма в Восточную Европу – это подготовка к новой мировой войне.

Сейчас под благотворным влиянием перестройки эра мировых войн кончилась, и начался второй период новейшей истории – эра мировой экономики. Демонтаж государственного социализма стал возможным и неизбежным.

1998

Корейская война и Япония: политика Сталина*

Введение

Ставшее доступным в середине 1990-х гг. обширное собрание российских документов, относящихся к Корейской войне, открыло принципиально новые подходы к изучению её истории. Эти письменные исторические свидетельства сделали возможным и одновременно заставили начать серьёзный пересмотр и осмысление целостной картины Корейской войны в контексте с американскими, захваченными их войсками северокорейскими документами и новыми исследованиями, публикуемыми в Китае.

Уильям Стьюк недавно охарактеризовал войну в Корее как «суррогат третьей мировой войны»¹, тогда как я назвал её «Северо-Восточной Азиатской войной»². Разумеется, Великобритания и Индия также были участницами; но страны Северо-Восточной Азии, судьбы которых вовлечённость в войну затронула в намного более глубокой и значительной степени, следует рассматривать как главных действующих лиц. Несомненно, в основной состав участников входили Южная и Северная Корея, Соединённые Штаты Америки, Советский Союз и Китай, но важно не забыть

---

* Впервые опубликовано: *Wada Haruki. The Korean War, Stalin's Policy and Japan // Social Science Japan Journal. Vol. I. № 1. April 1998.* Публикуется с разрешения издательства Оксфордского университета (Oxford University Press).

На протяжении всей статьи в восточноазиатских именах фамилия предшествует имени; исключение составляет Сын Ман Ли, имя которого приводится в обратном порядке. При упоминании Сэн Катаямы в русском переводе также вслед за именем идёт фамилия.

¹ *Stueck William. The Korean War: An International History.* – Princeton University Press, 1994. P. 3.

² *Вада Харуки. Тохоку АЗИА СЭНСо тоситэнно Чосэн Сэнсо (Корейская война как северо-восточная война) // Сизэ (Риккёский университет). Т. 56, № 2 (март 1996). С. 115–116.*

включить в этот список Тайвань, а также Японию. И именно Брюс Камингс впервые привлёк внимание к этим двум странам, на роль которых долгое время не обращалось внимания. Камингс сделал ряд интересных наблюдений об отношении к войне Тайваня. А в том, что касается Японии, он отметил, что среди причин озабоченности, которая выражалась Северной Кореей на пороге войны, наиболее часто упоминавшейся была «растущая озабоченность возрождением Японии и, в особенности, её экономическими и военными связями с режимом Ли»³. Цель настоящей статьи – расширить рамки наблюдений Камингса, детально рассмотрев роль японского фактора как одного из важных составляющих Корейской войны⁴.

В чём же выразилась вовлечённость Японии в войну? Как отмечалось на протяжении длительного времени и как это было подытожено Рэйнхардом Дрифтом⁵, Япония выступала в качестве тыловой базы для американских войск, извлекала значительные экономические выгоды из специальных заказов, размещавшихся армией США, а непосредственное участие в войне принимали тысячи японских моряков. Японским учёным-обществоведам и историкам, включая меня, следует адресовать упрёк в том, что не сумели подвергнуть эти аспекты войны серьёзному и правдивому научному исследованию. Также можно посетовать на то, что не хватает исследований, которые были бы посвящены Мирному договору в Сан-Франциско, а также Договору безопасности Японии – США, которые, будучи подписаны одновременно, в апреле 1951 г., сыграли решающую роль в определении последующего места Японии в международной политике. Анализ политических

---

³ *Cummings Bruce. The Origins of the Korean War: The Roaring of the Cataract, 1947–1950.* – Princeton University Press, 1990. P. 508–544, 458–468.

⁴ В своём докладе на конференции в Кобе в январе 1996 г. Катрин Везерсби также указывала: решение Сталина поддержать воссоединение Кореи военным путём было частично продиктовано его представлением о том, что, оставаясь в орбите американского влияния, Южная Корея «может быть использована в качестве плацдарма для агрессивных действий перевооружившейся Японии на Азиатском континенте». См.: *Weathersby Kathryn. Stalin, Japan and the Decision for War in Korea, a paper presented at the conference on «Postwar Japan: What Does it Mean to World Civilization?»* // Kobe. January 2–7, 1996. P. 24.

⁵ *Drifte Reinhard. Japan's Involvement in the Korean War. The Korean War in History.* Ed. James Cotton and Ian Neary. – Manchester University Press, 1989. P. 120–134.

процессов, которые привели к этим неизмеримо важным договорам, в Японии редко соотносили с развитием военной ситуации в Корее. Названные выше проблемы касаются воздействия Корейской войны на Японию. Если же мы зададимся вопросом о воздействии японского фактора на решения, которые принимались главными участниками войны, и, таким образом, о его воздействии на ход самой войны, то обнаружим, что ответа у нас нет, и именно потому, что, в действительности, сам вопрос ещё никем не был поставлен.

В двух недавно опубликованных книгах⁶ я сделал первую попытку задать некоторые из этих – так долго и неоправданно игнорировавшихся – вопросов. В январе 1996 г. я принял участие в научной конференции «Новые данные о “холодной войне” в Азии», проходившей в Гонконге в рамках Международного проекта истории «холодной войны» (МПИХВ), где выступил с докладом о Сталине и Коммунистической партии Японии (КПЯ), используя новые данные открытых для исследователей российских документов⁷. Ознакомившись с работами МПИХВ и, более того, получив возможность детально изучить и другие, недавно ставшие доступными российские свидетельства о Корейской войне, полученные мной благодаря любезности руководства Проекта, я смог на более глубоком (по сравнению с тем, что было возможно ранее) уровне проанализировать меру вовлечённости Японии в войну. И в настоящей статье развиваются основные тезисы моих предыдущих работ благодаря возвращённым к жизни российским архивным источникам⁸.

---

⁶ *Wada Haruki*. Чосэн Сэнсо (Корейская война). – Токио: Иванами шотэн, 1995; Рэкиси тоситэнно Нозака Санзо (Нозака Санзо как история). – Токио: Хэйбонша, 1996.

⁷ *Wada Haruki*. Stalin and the Japanese Communist Party, 1945–1953: In the Light of New Russian Archival Documents, a paper presented at the International Conference on the New Evidence on the Cold War in Asia, Hong Kong, January 9–12, 1996.

⁸ Недавно попытку оценить роль японского фактора предпринял Войтек Мастни, который, помимо прочих источников, ссылается на дискуссии на конференции МПИХВ в Гонконге, в том числе и на вышеназванный мой доклад. – *Masty Wojtech*. The Cold War and Soviet Insecurity: The Stalin Years. – Oxford University Press, 1996. P. 88, 230.

Азиатская политика Сталина и Коммунистическая партия Японии

Как следствие второй мировой войны, контроль над Северо-Восточной Азией осуществлялся на основе взаимного согласия между Соединёнными Штатами Америки и Советским Союзом. Оно было зафиксировано как совокупность трёх соглашений – секретного, достигнутого в 1945 г. на встрече в верхах в Ялте (Крым), Генеральной директивы Верховного Командования Союзных Сил (ВКСД), относящейся к августу 1945 г., а также решения трёхсторонней встречи министров иностранных дел в Москве в декабре 1945 г. Если более конкретно, то американо-советскими договорённостями устанавливались следующие принципы: 1) собственно оккупация Японии должна быть прерогативой Америки, тогда как Советский Союз может осуществлять свой контроль, участвуя в Союзном Совете за Японию; 2) в качестве компенсации за отказ от непосредственного участия в оккупации Японии Советский Союз приобретает Южный Сахалин и Курильские острова; 3) Окинава передаётся под контроль Соединённых Штатов; 4) Корейский полуостров делится пополам, причём южная половина оккупируется Соединёнными Штатами, а северная – Советским Союзом; 5) в том, что касается Китая, Советский Союз признаёт в качестве законного правительства чанкайшистское правительство Гоминьдана, восстанавливая взамен этого контроль над бывшей зоной российских интересов в Маньчжурии и обеспечивая признание независимости Внешней Монголии; 6) Китай возвращает себе Тайвань.

Даже после начала «холодной войны» в Европе Сталин продолжал соблюдать эти общие принципы. До какой степени всерьёз он стремился придерживаться послевоенных реалий в Северо-Восточной Азии, красноречиво подтверждает его отношение к КПЯ, что явствует из пополнения российских документов.

Когда в августе 1945 г. Советский Союз объявил войну Японии, в эмиграции в Москве не находилось практически ни одного лидера КПЯ, поскольку почти все её крупные деятели были арестованы и погибли в тюрьмах уже в 30-е гг.⁹ Член Исполкома

---

⁹ Только два человека оставались на свободе – жена Нозаки Санзо Рё и дочь Сэн Катаямы Ясу. См.: Вада Харуки. Рэкиси тоситэнно Нозака Санзо (Нозака Санзо как история). – Токио: Хэйбонша, 1996. С. 71.

Коминтерна Нозака Санзо, действовавший под псевдонимом Окано Сусуму, с 1939 г. работал в городе Яньань в Китае.

10 августа, на следующий день после того, как Советский Союз объявил Японии войну, Г. Димитров (в прошлом генеральный секретарь Исполкома Коминтерна) подал Сталину записку, в которой привлёк его внимание к Нозаке и его группе в Яньань. «Руководство КП Китая и т. Мао Цзе-дун, – утверждал Димитров, – неоднократно давали весьма положительную оценку работе т. Окано (псевдоним Нозаки – В.Х.) и Антивоенной лиге». Записка заканчивалась следующими словами: «Нам кажется, что группа т. Окано могла бы быть использована при установлении нового режима в Японии. Просим Ваших указаний»¹⁰.

Нет никаких свидетельств того, что Сталин как-то отреагировал на эту записку, однако известно, что после капитуляции Японии Нозака на пути домой посетил Москву, где жила его жена Рё. 8 сентября вместе с тремя другими активистами Антивоенной лиги он вылетел из Яньань на американском военном самолёте. После остановки в Чанчуне группа в начале октября прибыла в Москву¹¹. Она была принята в ГРУ (Главном разведывательном управлении Красной Армии). Во время встречи с его руководителем Ф.Ф. Кузнецовым Нозака интересовался советской политикой в отношении Японии и получил «ориентировку в задачах, стоящих в данный период перед Компартией» страны¹².

Сообщая о встрече с Нозакой, Кузнецов послал памятную записку министру иностранных дел В.М. Молотову, а Молотов, в свою очередь, направил её Димитрову, который к тому времени успел также ознакомиться с сообщением советского представителя из Токио о его встрече с высшим руководителем КПЯ Токудой Кюити.

Токуда, просидевший в тюрьме 18 лет, был освобождён 10 октября вместе с другими руководителями КПЯ и как раз собирался вернуться к политической деятельности. Непосредственно перед освобождением Токуда интенсивно допрашивался Джоном К. Эмер-

---

¹⁰ Памятная записка, Г. Димитров Сталину, 10 августа 1945 г. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 128. Д. 716. Л. 97.

¹¹ Интервью с Нозакой // Акахата, 31 августа, 2, 3 сентября 1971 г. Однако в этом интервью не была названа Москва как конечный пункт назначения.

¹² Памятная записка, Кузнецов Молотову, 12 октября 1945 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 722. Л. 55.

соном из Службы политических советников при ГШК/ВКСД. В своём докладе он цитирует показания Токуды: «Коммунистическая партия Японии не должна быть никак связана с Советской Россией. Коммунистическая партия России настолько крупная партия, что если компартия Японии примкнёт к ней, то потеряет свою самостоятельность и независимость». Токуда утверждает, что, по его убеждению, опасно слишком зависеть от России и что если это случится, то Коммунистическая партия Японии будет ослаблена. Он подчёркивает, что партия должна отказаться от любой финансовой поддержки, исходящей от России... Убедить Соединённые Штаты в том, что партия не связана с Советской Россией, будет одним из её основных стремлений»¹³.

Несмотря на эти заявления, Токуда, находясь в тюрьме, просил своих товарищей на свободе установить связь с советскими представителями, а вскоре после освобождения ему удалось встретиться с советским сотрудником по фамилии Воронов. Очевидно, Токуда говорил Воронову о своём стремлении быть в курсе советской политики в отношении Японии, а также получать из Москвы указания, как вести себя с оккупационными властями Соединённых Штатов.

Димитров, который не располагал полученной из первых рук информацией о Токуде, предложил Молотову сначала на месте поинтересоваться надёжностью этого человека, а в случае положительного ответа, настоятельно рекомендовать Токуде отказаться от сотрудничества с американской контрразведкой¹⁴. Димитров участвовал в устройстве судьбы группы Нозаки (которого, в отличие от Токуды, он давно уже знал и с которым вместе работал), содействуя их возвращению в Японию, чтобы через эту группу осуществлять советскую поддержку КПЯ. Примечательно, что, предлагая это, Димитров подчёркивал: связь с Нозакой должна поддерживаться «только через доверенного и подходящего работника НКГБ (Народного комитета государственной безопасности – В.Х.) или Разведывательного управления Красной Армии», но не через партийный канал¹⁵.

---

¹³ Памятная записка, допрос Токуды Кюити, проведённый 7 октября 1945 г. Джоном К. Эмерсоном, папка Полада (Polad File), GHQ/SCAP. С этим документом, впервые процитированным в статье Такэмаэ Эйзи Нихон Кёсанто га кайхосарэта хи (Дни, когда КПЯ была освобождена) // Чуокорон. 1978. № 7, я смог ознакомиться благодаря любезности профессора Такэмаэ.

¹⁴ Памятная записка, Г. Димитров Молотову, 16 октября 1945 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 722. Л. 32.

¹⁵ Памятная записка, Г. Димитров Молотову, 16 октября 1945 г. Там же. Л. 38.

Некоторые истолковывают это мнение Димитрова так, как если бы он вынашивал план склонить Нозаку стать советским агентом¹⁶, однако такая версия ошибочна. В действительности, содержание предложения Димитрова сводилось к тому, что отношения с КПЯ должны быть установлены через Нозаку совершенно секретно, не возбуждая подозрений американцев, единолично осуществлявших оккупацию Японии. В предлагаемом не было ничего экстраординарного. Если советские власти собирались установить тайные контакты с каким-либо лицом или организацией на иностранной территории, то передавали дело в руки одной из названных Димитровым тайных служб.

Резонной выглядит догадка, что это предложение было принято Сталиным. На протяжении 4 лет, с 1946 по 1949 год, КПСС не поддерживала официальных отношений с КПЯ, а все связи между партиями осуществлялись тайно через контакты агентов ГРУ с Нозакой¹⁷. Такое ведение дела указывает на осторожный подход, избранный Сталиным в отношении Японии, – осторожный в том смысле, что Сталин старался создать впечатление, что согласен с американской монополией на оккупацию Японии, и что Советский Союз не стремится, манипулируя КПЯ, поставить под вопрос американскую гегемонию.

Что здесь нуждается в выяснении – так это политика, проводившаяся Нозакой, которая отличалась от позиции КПЯ в Японии. Придерживаясь Тезиса Коминтерна 1932 г., партия призывала к «свержению монархии», рассматривая это как основную задачу Японской революции. В то же время, действуя в соответствии с изменившейся тактикой Коминтерна, который вместо социалистической революции ставил на первый план создание антифашистских народных фронтов, Нозака вместе с Ямамотой призывал из Москвы своих соотечественников в Японии выступить против войны и сформировать народный фронт, противо-

---

¹⁶ См.: Кириченко А.А. Сэнго чика эйженто тоситэнно Нозака Санзо (Нозака Санзо как секретный агент в послевоенный период) // Шокун. 1993. № 3. С. 151; Фува Тэцузо. Нихон Кёсанто нитайсуру каншо то найцу но кироку: сорэн кёсанто буншо кара (Хроника вмешательств и предательств в КПЯ: В свете архивных материалов КПСС). Т. 1. – Токио, Синнихон шуппанша, 1993. Кириченко – российский исследователь, который некогда служил в КГБ, а Фува в настоящее время – первый человек в руководстве КПЯ.

¹⁷ ГРУ доставило в Центральный Комитет КПСС первое секретное письмо Нозаки, направленное им в Москву и датированное 21 января 1946 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 999. Л. 59.

стоящий фашистской военщине¹⁸. После того как он переместился в Яньань, опыт его деятельности по формированию антивоенных настроений у японских военнопленных привёл его к новому взгляду на императорскую систему. Он обнаружил, что несмотря на сильную ненависть, которую солдаты испытывали к войне и военщине, они сохраняли в своём сердце глубокое уважение и почтение по отношению к императору. В сентябре 1944 г. Нозака рассказал о своей новой политике в отношении императорской системы Джону Сэвису из Государственного департамента США, который посетил Яньань в составе миссии Дикси: «Заставьте нынешнего императора уйти в отставку, и если ему найдется преемник, то принадлежащая ему по конституции власть должна быть урезана. Нынешнему императору никуда не уйти от известной личной ответственности за войну... Но пока что ничего нельзя сделать с существованием самого *института* императора. Мы не верим, что японский народ готов полностью отказаться от императора... (курсив оригинала. – Х.В.)»¹⁹.

Это же мнение Нозака выразил и советским официальным лицам в Москве. Сопоставив воззрения Нозаки с документом, выпущенным Токудой и другими лидерами КПЯ в Токио, руководство КПСС пришло к выводу, что Нозака прав в своей оценке императорской системы²⁰. В одной из записок о переговорах с Нозакой заместитель заведующего Отделом Международной Информации Центрального Комитета КПСС Б.Н. Пономарев сообщал, что у него сложилось впечатление о Нозаке как о зрелом государственном деятеле, которому присуща разумная оценка международной обстановки и правильное понимание основных стоящих перед КПЯ политических задач. «В беседах, – продолжал Пономарев, – мы дали понять Окано, что Советский Союз заинтересован в том, чтобы Япония была демократической страной, и хочет иметь с демократической Японией дружественные отношения. Это наше заявление Окано встретил с большим удовлетворением. Мы также указали на то, что вполне понимаем всю

---

¹⁸ Нозака Санзо. Фусэцу но аюми (Хождение сквозь ветер и снег). Т. 7. – Токио, Синнихон шуппанша, 1989. С. 68–75; Т. 8. 1989. С. 76–77.

¹⁹ Отчёт Джона Сервиса (John Service) Главнокомандующему, Вооружённые Силы США, Театр военных действий Китай–Бирма–Индия, 8 сентября 1944 г. The Amerasia Papers. Vol. 1. – Washington D.C., 1970. P. 848.

²⁰ Памятная записка Ковалева, Крайнова и Пльшевского, 13 ноября 1945 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 722. Л. 115–117.

трудность положения Японии, которая подпала сейчас под пяту американского империализма»²¹.

Таким образом, советские руководители выразили свою готовность поддержать КПЯ, если она какое-то время будет видеть свою цель в демократизации японского общества, ведя одновременно сложную игру с оккупационными войсками США. Очевидно, эта точка зрения получила одобрение Сталина. Хотя это и не может быть доказано на основе архивных документов, кажется очень вероятным, что Нозака в это время всё же встретился со Сталиным, как это часто бывало с руководителями коммунистических партий, которые, находясь в эмиграции в Москве, совещались со Сталиным перед возвращением домой²². А недавняя публикация КПЯ указывает на то, что встреча между Сталиным и Нозакой, действительно, имела место²³.

В то время советская политика в Корее была направлена на консолидацию опорного пункта в своей зоне оккупации в северной половине полуострова. Принципиальная позиция Сталина была ясно выражена в приказе, отданном 20 сентября 1945 г.: «В связи с занятием войсками Красной Армии Северной Кореи Ставка Верховного Главнокомандования приказывает руководствоваться следующим:

1. На территории Северной Кореи советов и других органов Советской власти не создавать и советских порядков не вводить.

2. Содействовать установлению в Северной Корее буржуазно-демократической власти на базе широкого блока всех антияпонских демократических партий и организаций»²⁴.

---

²¹ Памятная записка, Пономарёв Молотову (не ранее 17 ноября 1945 г.). Там же. Л. 140.

²² Согласно М.М. Наринскому, у П. Тольятти была встреча со Сталиным 3 марта 1944 г. – *Наринский М.М. Тольятти, Сталин и «поворот в Салерно» // Вторая мировая война: Актуальные проблемы.* – Москва, 1995. С. 129–130. Текст разговора М. Тореза со Сталиным 19 ноября 1944 г. // *Источник.* 1995. № 4. С. 152–154. Согласно И.И. Коваленко, переводчику Ставки Главного Командования на Дальнем Востоке, Ким Ир Сен вызывался в Москву для встречи со Сталиным в начале сентября 1945 г. – Чунганг Ирбо, 20 июля 1992 г. Ким Ир Сен сам написал в опубликованных посмертно мемуарах, что до начала нападения Квантунской армии он вызывался в Москву для участия в совещании командующих и встретил А.А. Жданова. *Ким Ир Сен. Сэки уа тобуру (Вместе с веком).* Т. 8. – Пхеньян, 1998. С. 450–455.

²³ Нихон Кёсанто но 70-нэн (70-летие КПЯ). Т. 1. – Токио: Синнихон шуппанша, 1994. С. 160.

²⁴ Шифрованная телеграмма, Сталин и Антонов Василевскому и военным советам Приморского Военного Округа и 25-й армии, 20 сентября

Сталин стремился установить просоветское правительство в северной половине Кореи. Довольствуясь этим, он предоставил южную половину страны её судьбе, какой бы оборот она ни приняла в будущем. И даже несмотря на то, что лидер южнокорейских коммунистов Пак Хон Ёнг просил поддержки у советских оккупационных сил в Пхеньяне для своей партии²⁵, Сталин, похоже, не был расположен вмешиваться и оказывать активную помощь развитию коммунистического движения на оккупированном США Юге.

Нозака получил и политическую поддержку, и финансовую помощь от советских коммунистов. Во время пребывания в Москве он обратился с запросом о финансовой помощи КПЯ со стороны КПСС в размере 50.000 американских долларов, а Пономарев и другие члены руководства предложили, чтобы Молотов проследил за тем, чтобы эта сумма была передана Нозаке в Корею²⁶. (Нозака и его группа возвратились в Японию через Корею в январе 1946 г.)

Нозаку, все 16 лет изгнания упорно боровшегося против японского империализма; встречали как героя, немедленно по возвращении он стал вторым человеком в руководстве КПЯ после Токуды Кюити. Однако руководство партии только частично приняло его политическую программу, отклонив пункт о немедленном отречении от царствующего императора. Вслед за этим Нозака выдвинул умеренный курс достижения «мирной революции» законными средствами, и эта линия, предполагавшая сворачивание уже проводившейся партией деятельности, была принята как официальная политическая линия КПЯ. Такая политика, ориентированная на демократическую революцию законными средствами в условиях американской оккупации, на практике означала бы деятельность по демократизации Японии в сотрудничестве с оккупационными войсками США, путём создания общественного давления «снизу»²⁷. А при проведении такой политики заяв-

---

1945 г. Японский перевод этой телеграммы был опубликован в Майнити Симбум 26 февраля 1993 г. Телеграмма была впервые опубликована: Отношения Советского Союза с народной Кореей 1945–1980: Документы и материалы. – Москва, 1981. С. 13, однако там два процитированных параграфа были опущены.

²⁵ Б. Сапожников Димитрову, 5 ноября 1945 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 47. Л. 20.

²⁶ Памятная записка, Пономарев и другие Молотову, (не ранее 23 ноября 1945 г.). РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 722. Л. 147.

²⁷ Вада Харуки. Рэкиси тоситэнно Нозака Санзо. С. 142–183.

ления КПЯ о том, что она полностью независима и не поддерживает никаких прямых связей с КПСС, обращившись в её пользу.

Тем не менее дружественные отношения между КПЯ и ГШК/ВКСД были недолгими. Впервые разрыв произошёл в январе 1947 г., когда Главнокомандующий Союзных держав Дуглас Макартур запретил всеобщую забастовку занятых в общественном секторе, к которой призывала КПЯ. Впоследствии, на пресс-конференции 26 марта, представитель ГШК/ВКСД обрушился на КПЯ, охарактеризовав её как такого же опасного врага демократии, как и нацизм, фашизм или возглавлявшийся Тодзио японский шовинизм. 29 марта Нозака и третий человек в руководстве КПЯ – Ито Рицу ответили на вопросы корреспондента ТАСС'а (Телеграфное агенство Советского Союза). Комментируя нападки со стороны ГШК/ВКСД Ито утверждал: «В заявлении распространяется клевета не только на коммунистов, но и на коммунизм, как доктрину. Естественно, что в результате подобных заявлений будет невозможно – и это при наличии “свободы” – защищать коммунизм, т. к. это может быть истолковано американцами как выпад против штаба Макаргура.

Всё это сводит на нет то некоторое сотрудничество в деле демократизации Японии, которое раньше существовало между компартией и штабом оккупационных войск.

Мы делаем и будем делать всё зависящее от нас, чтобы не вносить дальнейшего обострения во взаимоотношения с оккупантами. За истекшие полтора года оккупации и особенно после заявления [Джорджа] Ачесона в мае 1946 г., японская компартия делала ряд уступок, желая не обострять отношения с оккупационными властями. Однако сейчас мы подошли к пределу, когда дальнейшие уступки для партии невозможны...

Политбюро недавно разбирало эти вопросы и ещё раз подтвердило, что компартия Японии будет верна лозунгу мирного развития и завершения революции. Однако путей для такого развития становится всё меньше и меньше, но в создавшейся обстановке другого выбора мы не имеем»²⁸.

Таким образом, оба руководителя партии тайно проинформировали Москву о намерении партии продолжать политику сотрудничества с оккупационными войсками США, несмотря на нападки на КПЯ со стороны ГШК/ВКСД. Иными словами, про-

---

²⁸ Беседа с Нозакой и Ито, 29 марта 1947 г., РГАСПИ. Ф. 17. Оп.128. Д. 623. Л. 223–224.

цитированный выше отрывок показывает, что КПЯ продолжала сотрудничество с оккупационными войсками с одобрения Сталина.

Победа Китайской революции, изменения в советской политике по отношению к Японии и начало Корейской войны

Хорошо известно, что исход Китайской революции коренным образом изменил политический климат в Северо-Восточной Азии. К октябрю–ноябрю 1948 г. Народная армия Китая захватила всю Маньчжурию.

Соединённые Штаты незамедлительно отреагировали на изменение положения в Китае. 9 октября 1948 г. они, воздерживаясь от какого-либо прямого военного вмешательства в Китае, приняли документ Совета Национальной Безопасности NSC13/2, согласно которому демократизация в качестве приоритета оккупационной политики в Японии уступала место ускоренному восстановлению японской экономики²⁹. В конце 1948 г. ГШК/ВКСД представили японскому правительству программу экономической стабилизации, состоявшую из 9 пунктов, а американский банкир Джозеф Додж, прибывший в Японию как специальный экономический советник ГШК/ВКСД, начал осуществление ряда мер жёсткой экономики, известных под названием «плана Доджа» и призванных ускорить восстановление японской промышленности. Эта переориентация оккупационной политики означала, что отныне ГШК/ВКСД вступает в открытую конфронтацию с КПЯ и профсоюзами. Совершенно явной стала необходимость контролировать и профсоюзы, и КПЯ (пользовавшуюся большим влиянием среди их руководства) для того чтобы запретить забастовки в общественном секторе и для проведения принудительного сокращения работников на Национальных железных дорогах.

В январе 1949 г. Советский Союз, официально признававший правительство Гоминьдана, тайно направил А.И. Микояна в штаб-квартиру Коммунистической партии Китая на встречу с Мао Цзэдуном и другими руководителями КПК. Когда в апреле 1949 г.

---

²⁹ Foreign Relations of the United States (FRUS), 1948. Vol. 6. P. 857–862.

китайская Народно-освободительная армия перешла Янцзы и захватила Нанкин, Сталин наконец почувствовал необходимость изменить свою политику по отношению к Китаю. Однако на этом этапе начатое Сталиным изменение советской политики в отношении Китая не привело к соответствующим изменениям в политике в отношении Японии и Кореи.

Что касается Северной Кореи, то в марте 1949 г. Ким Ир Сен и Пак Хон Ёнг во время визита в Москву выразили стремление силой объединить Северную и Южную Корею, однако их план не был поддержан Сталиным³⁰. 12–14 августа, после того как 29 июня завершился вывод американских войск из Южной Кореи, Ким и Пак провели переговоры с советским послом в Северной Корее Т. Штыковым, ясно сказав ему о своей готовности объединить Корею силой³¹. Когда впоследствии с ними обоими 12–13 сентября встречался временный поверенный в делах СССР в КНДР Г.Н. Тункин, то они подтвердили прежде высказанные взгляды. На этот раз Ким и Пак расценили вероятность прямого вмешательства американских вооружённых сил как малую, выразив озабоченность, главным образом, возможной интервенцией со стороны вооружённых сил Японии. «В случае гражданской войны в Корее, – утверждали оба лидера, – американцы... могут: прислать в помощь южанам японцев и китайцев [солдат Чан Кайши]; поддержать [Южную Корею] с моря и с воздуха» своими средствами³². Штыков возражал против этого, указывая в отчёте Сталину на то, что предлагаемое военное вторжение на Юг поставит Советский Союз в трудное положение³³.

24 сентября Политбюро ЦК КПСС постановило, что осуществление вторжения на Юг невозможно, поскольку Северная Корея ещё не готова к нему в военном и политическом отношении и «если военные действия начнутся по инициативе Севера и примут затяжной характер, то это может дать американцам повод ко

---

³⁰ Хронология основных событий перед и во время начального периода войны в Корее (январь 1949 – октябрь 1950 гг.). Архив Внешней Политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 5. Оп.58. Д. 266. Л. 5.

³¹ Там же. Л. 12–13.

³² Шифрованная телеграмма Тункина в Москву, 14 сентября 1949 г., АПРФ. С. 94–101. Фонд и опись не указаны. Английский перевод Катрин Везерсби (Kathryn Weathersby) см.: Cold War International History Project Bulletin (CWIHP Bulletin). Issue 5, 1995. P. 6–7.

³³ Хронология... Л. 14; Памятная записка Т. Штыкова, 15 сентября 1949 г. АВПРФ. Ф. 3. Оп.65. Д. 776. Л. 1–21.

всякого рода вмешательств в корейские дела». Тем самым, Политбюро отвергло идею начать военное вторжение на Юг и вместо этого решило рекомендовать северокорейским коммунистам усилить там партизанские действия³⁴. До конца 1949 г. Советский Союз не показывал признаков того, что отходит от прежней политики раздела Кореи между ним и Соединёнными Штатами Америки.

Тем временем в Японии правительство Либеральной партии Иосиды Сигэру приняло в мае 1949 г. план массового увольнения 267.300 человек, занятых в общественном секторе. Национальный профсоюз железнодорожных рабочих (НПЖР), который тогда находился под сильным влиянием КПЯ, уступил уговорам руководства партии не начинать всеобщей забастовки, призванной помешать массовым увольнениям. В июле–августе 1949 г. произошла серия загадочных инцидентов, посеявших смуту в обществе и создавших неблагоприятную атмосферу вокруг рабочего движения; в свою очередь, НПЖР и другие профсоюзы начали сопротивление плану увольнений и потерпели катастрофическое поражение. Это поражение означало также банкротство проводившейся КПЯ политики сотрудничества. Добившись триумфальной победы, японское правительство и ГШК/ВКСД прибегли к роспуску Лиги корейцев в Японии, или «Чорен (Choren)», которая рассматривалась ими как наиболее воинственно настроенная и опасная из всех связанных с КПЯ организаций.

Объединяя корейцев, постоянных жителей Японии, «Чорен» являлась первой народной массовой организацией, которая была создана в послевоенной Японии значительно раньше, чем такие же организации самих японцев, и которая действовала под руководством корейских коммунистов – членов КПЯ. С 1948 г. «Чорен» открыто поддерживала Корейскую Народно-Демократическую Республику. В 1949 г. организация насчитывала 360.000 членов, её лидер Ким Чонг Хэ был членом Политбюро КПЯ³⁵. Обоснованным выглядит предположение, что «Чорен» поддерживала непосредственный контакт с Пхеньяном.

Иосикава Мицусада, в то время директор Агентства специальных расследований Министерства юстиции, направил 8 июля

³⁴ Постановление Политбюро ЦК КПСС, 24 сентября 1949 г. АВПРФ. Ф. 3. Оп.65. Д. 776. Л. 30–32; См.: СВИНР Bulletin. Issue 5. P. 7–8.

³⁵ Более подробно о «Чорен» см.: Пак Кёнсик. Кайкого заинити чосензин ундоси (История движения корейцев в Японии после освобождения). – Токио: Санити шобо, 1989.

1949 г. главе Административного отдела Управления правительственных органов ГШК/ВКСД майору Дж. Нэйпиру доклад, в котором есть наблюдения о «Чорен»: «В настоящее время, когда победа китайских коммунистов в Китае имеет тревожные последствия в том, что касается так называемых “Красных освободительных походов”, влияние которых чувствуется решительно на каждом пятачке Азиатского пространства, воздействие этой победы на положение в непосредственно граничащей с Китаем Корее может быть еще более серьезным. В частности, нынешняя ситуация в [sic] Южной Корее представляет собой, в известном смысле, настоящую гражданскую войну... и, хотя сейчас трудно себе представить, чтобы прямое вторжение войск Северной Кореи в Южную действительно послужило бы внезапным началом для гражданской войны, это не является чем-то абсолютно не представимым в будущем... И когда мы, помня о положении в обеих Кореех, наблюдаем за деятельностью корейцев в Японии и, в особенности, за теми из их многочисленных организаций, которые связаны с Лигой корейцев, то кажется вероятным, что, представляя собой одно из крыльев коммунистического движения, они втайне выжидают возможности совершить революцию в нашей стране, в соответствии с последними действиями [sic] Северной Кореи, и поддерживая негласные сношения с коммунистическими элементами в самой Японии... В этой ситуации можно предположить, что в будущем эти корейские элементы, и в особенности, упомянутые связанные с ними организации будут переходить ко всё более и более решительным действиям»³⁶.

И ГШК/ВКСД, и правительство Японии приняли трактовку Иосикавы, указывавшую на связь деятельности японской «Чорен» с ситуацией в Корее и акцентировавшую потенциально опасную роль, которую Лига может сыграть в стране. 8 сентября 1949 г. «Чорен» и Демократическая молодежная лига корейцев в Японии были распущены. 28 руководителей этих организаций, включая Ким Чонг Хэ, были уволены и лишены права работать в общественном секторе. И на этот раз КПЯ оказалась не в состоянии организовать какого-либо массового движения против разгрома правительством корейских организаций в Японии.

Это унижительное поражение компартии в 1949 г. поставило её в настолько отчаянное положение, что, если бы она не реши-

---

³⁶ *Yoshikava Mitsusada*. On the Activities of the Zai-nichi Chosenjin Renmei (О деятельности Лиги корейцев в Японии), 8 июля 1949. Choren Book I. GHQ/SCAP Records, GS, Box 2275HN. Folder 15. Item 0b, Mf GS(B)-04270.

лась на радикальный пересмотр своих взглядов на общественно-политическую ситуацию в целом, а также на выработку стратегии и тактики, которые могли бы быть использованы для овладения ситуацией, то перестала бы пользоваться каким-либо политическим влиянием в обществе.

В конечном итоге, летом–осенью 1949 г. отношения между Советским Союзом и революционным Китаем претерпели драматические изменения. 1 июля Мао Цзэдун провозгласил свою политику «опоры на одну сторону» («lean to one side»), заявив о стремлении скрепить новыми союзническими узами отношения с Советским Союзом, а на следующий день Лю Шаоци как представитель революционного режима прибыл с визитом в Москву. Сталин выразил Лю сожаление, что проводил в прошлом ошибочную политику в отношении Китая³⁷. Возникновение Китайской Народной Республики было провозглашено 1 октября, после того, как 25 сентября Советский Союз сообщил миру, что обладает атомной бомбой. Решение Сталина признать и вступить в союз с революционным правительством Китая означало, что он также должен будет пересмотреть свою политику в других частях Северо-Восточной Азии. Советская политика в отношении Японии начала претерпевать тонкие изменения.

8 октября Политбюро ЦК КПСС постановило сделать открытым процесс в Хабаровске над генералами и офицерами Квантунской армии, возглавлявшими 731-е армейское подразделение. Они обвинялись в том, что участвовали в подготовке бактериологической войны³⁸. Это решение было открытым вызовом Международному военному трибуналу по Дальнему Востоку, в котором совместно занимались этим «делом» независимые члены Союзных держав.

29 октября полковник К. Сеськин, возглавлявший японский отдел ГРУ Красной армии, составил – по всей вероятности, по распоряжению Сталина – секретную справку о Нозаке Санзо³⁹, которая должна была использоваться при пересмотре советской политики относительно Японии. Однако в этом отчёте Сеськин не опорочил деятельность Нозаки, оценив его утверждение о

---

³⁷ *Chen Jian*. China's Road to the Korean War: The Making of the Sino-American Confrontation. – New York: Columbia University Press, 1994. P. 71–78.

³⁸ Протокол Политбюро ЦК КПСС, 8 октября 1949 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп.3. Д. 1078. Л. 64, 247

³⁹ Памятная записка К. Сеськина, 29 октября 1949 г. Центр Хранения Современной Документации (ЦХСД). Д.1–1. Л. 122–128.

мирной революции (относящееся к 1946 г.) как, в целом, приемлемое, хотя оно и было «искажённо воспринято».

«Нозака старается получить от ЦК ВКП(б) подробную информацию и материалы по всем основным политическим событиям и о работе компартий других стран, — отмечал Сеськин. — Нозака поддерживает связь с одним из наших работников [агентов] в Токио и через него информирует нас о внутривластическом и экономическом положении Японии, о политике оккупационных властей, о деятельности различных политических партий, в том числе и о работе КПЯ. Иногда Нозака сам и от имени Политбюро ЦК КПЯ обращается к нашим представителям в Японии с рекомендациями и пожеланиями той или иной позиции Советского правительства по отношению к Японии.»

Отчёт завершался следующей оценкой: «Нозака является одним из инициаторов перевода наиболее надежных коммунистов и целых организаций на нелегальное положение. Он же является и воспитателем коммунистов по основным принципам конспирации». Это суждение может служить возможным указанием о просьбе Сталина оценить способности Нозаки в том, что касалось перехода КПЯ к тайным действиям. Словом, Сеськин составил свой доклад, исходя из того, что следует продолжать поддерживать курс, проводимый Нозакой.

Напротив, внутри самой КПЯ ни Токуда, ни Нозака не видели никакой необходимости подвергать ревизии существующую политику партии. В датированной 26-м июня 1950 г. памятной записке А.Н. Мамина, младшего политического советника советского представителя в Союзном совете для Японии, сообщалось о высказываниях Токуды и Нозаки советскому представителю Совета К.Н. Деревянко и одному из его помощников, когда те 11 ноября 1949 г. встретились с Токудой, Нозакой и Ито Рицу. При этой встрече первые «...решительно заявили, что американцы не посмеют запретить компартию, которая выросла в такую мощную организацию и пользуется огромным влиянием среди японского народа»⁴⁰.

Всё же верным кажется предположение, что в ноябре политика Сталина в отношении Японии изменилась, поскольку ближе к концу ноября КПСС решительно отвергла секретный запрос КПЯ о предоставлении финансовой помощи. Комментируя этот запрос,

---

⁴⁰ Мамин А. Н. К положению в Компартии Японии, 26 июня 1950 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп.137. Д. 413. Л. 130.

который Нозака прислал через Деревянко, возглавлявший Комиссию КПСС по международной политике В.Г. Григорьян в памятной записке от 29 ноября поделился со Сталиным следующими соображениями: «Товарищ Деревянко сообщает из Токио о просьбе члена Политбюро компартии Японии тов. Нозака оказать денежную помощь и выдать на текущие расходы ЦК КП Японии 500.000 иен. По сообщению тов. Деревянко деньги, переведённые на нужды КП Японии в ноябре 1948 года, израсходованы. Проект ответа тов. Деревянко прилагается. Прошу рассмотреть».

Приложенный проект ответа, который Разведывательное управление должно было отправить Деревянко в виде шифрованной телеграммы, гласил: «Для Вашего сведения сообщаем, что выдача денег на упоминаемые Вами текущие расходы признана нецелесообразной. Вы также не должны выдавать средств на эти цели из имеющихся в Вашем распоряжении сумм»⁴¹.

То, что, отказывая КПЯ в финансовой помощи, Григорьян сам составил проект письма и послал его Сталину, ни с кем предварительно не консультируясь, указывает на уже принятое Сталиным решение: в нынешнем положении и при позиции, занимаемой КПЯ, ни она, ни Нозака больше не стоят того, чтобы их поддерживать.

1 декабря Политбюро назначило дату суда над военными преступниками в Хабаровске, а 3 декабря оно направило инструкции Деревянко и Григорию Павлычеву «О нарушении принципов и невыполнении задач демократизации Японии»⁴² с поручением осудить оккупационные власти Соединённых Штатов, а также японское правительство. Советский Союз начал изменять свою политику по отношению к Японии ещё до того, как китайский лидер нанёс свой визит в Москву.

Мао Цзэдун со свитой сопровождавших лиц выехал на поезде из Пекина 6 декабря 1949 г. и 16 декабря прибыл в Москву. В 18 часов в день прибытия у него состоялась встреча со Сталиным. Согласно недавно обнаруженным протоколам встречи⁴³, Мао

---

⁴¹ Письмо Григорьяна Сталину с предполагаемым ответом Деревянко, 29 ноября 1949 г. ЦХСД. Ф. 89. Оп.50. Д. 2. Л. 1–2. Ранее, 4 ноября 1948 г., Политбюро постановило поручить Министерству финансов предоставить 500.000 иен в распоряжение Ф.Ф. Кузнецова. – Там же. Д. 1. Л. 1.

⁴² Протоколы Политбюро ЦК КПСС, 1 и 3 декабря, 1949 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп.3. Д. 1078. Л. 145, 149, 433–434.

⁴³ АВПРФ. Ф. 45. Оп.1. Д. 329. Л. 9–17; См.: CWINP Bulletin. Issue 6–7, 1995/1996. P. 5–7.

выразил готовность заключить новый китайско-советский договор о дружбе, союзе и взаимопомощи, но Сталин ответил, что предпочёл бы не менять существующий договор 1945 г., а наполнить его новым содержанием в ходе практической реализации. Сталин на этом подходе настаивал, указывая, что договор был одобрен Соединёнными Штатами и Великобританией как часть Ялтинских соглашений, и что любые действия со стороны Советского Союза по пересмотру этого договора позволят американцам и англичанам подвергнуть ревизии то, что было согласовано в Крыму, включая вопрос о принадлежности Курильских островов. Принимая во внимание, что Сталин уже решил бросить вызов США в ответ на их способ управления Японией, его упоминание Ялтинских соглашений следует рассматривать как игру – элемент дипломатического блефа.

П.Ф. Юдин, встречавшийся с Мао 31 марта 1956 г., записал, что председатель ЦК КП Китая сказал, будто после первых двух встреч Сталин отказался его видеть⁴⁴. Но согласно телохранителю Мао – Вану Донгшингу, официальная встреча в верхах между Мао и Сталиным проходила 24 и 26 декабря и каждый раз длилась около 5 часов и, представляется, что за двумя последовала еще одна (27 декабря) встреча⁴⁵. Хотя содержание того, что говорилось во время этих встреч, еще недоступно, не вызывает сомнения, что в ходе их оба лидера обсуждали широкий круг вопросов, в том числе и об Азии, о положении внутри страны и о будущем месте Китая в Организации Объединённых Наций, разумеется, о советской критике КПЯ, а также о развитии ситуации на Корейском полуострове. Очевидно, от имени КПСС Сталин поддержал вступительную речь Лю Шаоци на Пекинской конференции представителей Всемирной федерации профсоюзов и Азиатско-Тихоокеанских профсоюзов 16 ноября. Тем временем, 25 декабря, в Хабаровске начались слушания в военном трибунале, призванном решить «дело» 731-го подразделения Квантунской армии, командование которой было усажено на скамью подсудимых. Приговор был объявлен 30 декабря.

Сдвиги в советской политике на Дальнем Востоке стали явными после серии драматических шагов, предпринятых в начале 1950 г. Начать с того, что в номере «Правды» от 4 января привели

---

⁴⁴ Запись беседы П.Ф. Юдина с Мао Цзэдуном 31 марта 1956 г. // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 5. С. 103–109.

⁴⁵ Ван Донгшинг ризи (Дневник Вана Донгшинга). – Пекин, 1993. С. 164–166.

полный текст упомянутой выше речи Лю Шаоци 16 ноября 1949 г., а в ней Лю заявлял, что китайский путь вооружённой революции – «основной путь» в деле освобождения народов Азии, в том числе народов Японии и Кореи⁴⁶. Сам факт, что орган ЦК КПСС опубликовал эту речь, свидетельствовал о советской поддержке вооружённой революции китайского типа. Вторым, ещё более поразительным шагом, явилось появление 6 января статьи Коминформа (которая на следующий день была перепечатана «Правдой»), критиковавшей умеренную линию КПЯ, в особенности нападая на теорию мирной революции, отстаивавшуюся Нозакой Санзо, т. е. тем самым лидером КПЯ, о котором КПСС когда-то была столь высокого мнения. Хотя статья появилась за подписью «Обозреватель», полагают, что её настоящим автором был сам Сталин. Статья наносила смертельный удар по тем недвусмысленным заявлениям, с которыми КПЯ публично выступала с момента окончания второй мировой войны, а именно по её утверждениям, что она полностью независима от КПСС. Критикуя курс КПЯ на мирную революцию, статья настаивала, чтобы партия выступила против американских оккупационных войск. Тем самым, отвергалось сотрудничество с ГШК/ВКСД, вторым центром опоры в политике КПЯ. В статье Нозаке ставили в вину то, что он назвал свою теорию мирной революции «натурализацией марксизма-ленинизма в японских условиях».

«Вся эта “натурализация” марксизма-ленинизма, – заявлялось в статье, – есть не более как японский вариант антимарксистской и антисоциалистической “теории” о мирном перерастании реакции в демократию и империализма – в социализм. “Теория” Нозака есть теория приукрашивания империалистических оккупантов Японии, теория восхваления американского империализма, следовательно, она есть теория обмана японских народных масс»⁴⁷.

Что Мао Цзэдун приветствовал публикацию этой статьи, явствует из следующего отрывка телеграммы, посланной им 14 января 1950 г. из Москвы Ху Цяому в Пекин: «Наша партия должна поддержать критику Нозаки в органе Коминформа, а также выразить своё разочарование неспособностью Политбюро КПЯ принять эту критику и свою уверенность в том, что Коммунистическая партия Японии предпримет соответствующие шаги для исправления ошибок Нозаки»⁴⁸.

⁴⁶ Правда, 1 января 1950 г.

⁴⁷ Там же. 7 января 1950 г.

⁴⁸ Телеграмма Мао Цзе-дуна Ху Цяому, 14 января 1950 г. Чьенгуо Мао Цзе-дунг Уенгао (Архивы Мао Цзе-дуна после установления КНР). Т. 1. –

Статья с критикой в адрес Нозаки и КПЯ безошибочно указывала на изменение политики Советского Союза по отношению к Японии, которое было следствием победы Китайской революции. В Пхеньяне это привлекло внимание Ким Ир Сена и Пак Хон Ёнга. Ким Ир Сен и другие северокорейские лидеры должны были рассуждать следующим образом: теперь, когда Советский Союз поменял свои взгляды в отношении Японии, он, по зрелому размышлению, также может по-иному отнестись и к нашему стремлению начать войну за воссоединение Кореи. А это значит, что настало время вновь обратиться к Сталину за согласием.

17 января 1950 г. Ким Ир Сен довёл до советского посла Т.Ф. Штыкова своё желание и нетерпение привести в действие план воссоединения военным путём, о чём Штыков сообщил в Москву. Приведя тот аргумент, что «теперь, когда завершилось объединение Китая, на очереди стоит освобождение южной части Кореи», Ким пояснил, что «сам он начать наступление не может потому, что он коммунист, человек дисциплинированный и указания тов. Сталина для него являются законом», выразил желание посетить Москву и встретиться со Сталиным. Уже на этой ранней стадии подготовки Корейской войны у Кима обнаружилась инстинктивная склонность стравливать для своей выгоды Советский Союз и Китай. «Затем, – передавал Штыков, – он заявил, что если сейчас невозможно встретиться с тов. Сталиным, то он будет стремиться встретиться с Мао Цзедун, после его возвращения из Москвы. Ким Ир Сен подчеркнул, что Мао Цзедун обещал ему после окончания войны в Китае оказать поддержку... Ким Ир Сен сказал, что у него есть и другие вопросы к Мао Цзедуну, в частности, вопрос о возможности создания восточного бюро Коминформа»⁴⁹.

Ким был хорошо осведомлен: то, какую форму примет вопрос о Восточном бюро Коминформа, находилось в центре тонкой дипломатической игры, которую вели между собой Китай и Советский Союз, соревнуясь за лидерство в революционном движении в Азии. В мае 1949 г. идею создания такого бюро Мао Цзедун высказал заместителю министра национальной обороны Север-

---

Пекин, 1987. С. 237. Английский перевод телеграммы с незначительной ошибкой приводится в: *Goncharov S.N., Lewis J.W., Litai X. Uncertain Partners: Stalin, Mao, and the Korean War.* – Stanford University Press, 1993. P. 250.

⁴⁹ Шифрованная телеграмма, Штыков Вышинскому, 19 января 1950 г. АВПРФ. Л. 113–117. Фонд и опись не указаны. См.: *CWHP Bulletin.* Issue 5. P. 8.

ной Кореи Ким Иру, которому Ким Ир Сен поручил нанести визит Мао и попросить его после окончания гражданской войны в Китае передислоцировать в Северную Корею корейские части Народно-освободительной армии Китая. При этом Мао сказал Ким Иру, что получил письменные обращения от четырёх коммунистических партий Азии, в том числе – Бирмы, Малайи и Индокитая, в которых предлагалось создать «Информбюро компартий восточных стран». Согласно заключению Мао, в тот момент осуществлять это предложение было преждевременно, даже если это и стало бы необходимо в будущем. Достаточно интересно объяснялось, почему это преждевременно: Мао указывал, что КПК еще не установила контактов с коммунистическими партиями Японии и Индонезии. В ответ на это, Ким Ир заявил, что северокорейское руководство вообще ещё не обсуждало этот вопрос⁵⁰. Получив сообщение Ким Ира о его встрече с Мао, Ким Ир Сен должен был за выдвинутой идеей Мао увидеть его намерение поставить под вопрос доминирующее влияние Сталина.

Ким Ир Сен понял, что за критикой КПЯ Коминформом на самом деле стоит заявленное намерение КПСС отныне поставить революционное движение в Японии под свой прямой контроль. Если это так, рассуждал он, и если он окажет давление на КПСС, то советские коммунисты согласятся с северокорейским планом воссоединения Кореи; в противном случае, он присоединится к Мао Цзэдуну в том, что касается осуществления идеи Мао о Восточном бюро Коминформа.

Тем временем речь государственного секретаря США Дина Ачесона в Национальном клубе прессы 19 января, очевидно, произвела впечатление на Сталина. Ответом Советского Союза на заявление госсекретаря послужило заявление А.Я. Вышинского, опубликованное в «Правде». Осуждая так называемую «линию обороны» Ачесона, как ни что иное, как «линию агрессии» про-

---

⁵⁰ Шифрованная телеграмма, Штыков в Министерство иностранных дел, 15 мая 1949 г. АВПРФ. Л. 45–48. Фонд и опись не указаны. Также см. шифрованную телеграмму, Ковалев Сталину, 18 мая 1949 г. АВПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 331. Л. 59–61. Российский специалист по истории Коминформа Г.М. Адibeков справедливо указывает на негативное мнение Сталина об идее формирования любой региональной конференции коммунистических партий, будь то на Балканах или на арабском Востоке, однако его заключение, что все разговоры об Азиатском Коминформе были ничем иным, как мифом, оказалось слишком поспешным. – См.: *Адibeков Г.М.* Коминформ и послевоенная Европа. – М.: Россия молодая, 1994. С. 80–81.

тив Филиппин и Окинавы, Вышинский выразительно подчеркнул «банкротство американской политики в Китае», не упомянув, что Южная Корея помещалась с внешней стороны «линии обороны»⁵¹. Полное молчание Вышинского о Южной Корее может свидетельствовать о том огромном интересе, который советское руководство могло испытывать в связи с восприятием ситуации американским правительством. Глубоко обеспокоенные тем, что начало Ким Ир Сенем военных действий может вызвать американское военное вмешательство, Сталин и другие советские руководители должны были понять речь Ачесона так, как если бы вероятность американского вмешательства была, на самом деле, не столь велика, как им казалось. С другой стороны, руководство Северной Кореи, которое больше беспокоила не столько вероятность прямого американского вмешательства, сколько возможность того, что на смену американским войскам будут присланы японские, по-видимому, не придавало особого значения речи Ачесона.

На китайско-советских переговорах в верхах, возобновившихся 22 января вскоре после прибытия в Москву Чжоу Эньлая и других китайских руководителей, Сталин впервые признал, что существующий Китайско-советский договор стал «анахронизмом» и согласился начать переговоры о новом Договоре. Соглашаясь с настоянием Мао о том, что новый Договор должен включить в себя пункт об обоюдной решимости Китая и Советского Союза предотвратить любое повторение японской военной агрессии, Сталин заметил: «У японцев остались кадры, и они непременно поднимут голову, особенно при условии продолжения американцами их нынешней политики». Для Сталина Япония была предметом беспокойства, как источник военной угрозы в будущем. Было решено, что о новом Договоре пройдут переговоры между Чжоу Эньлаем и В.М. Молотовым.

Сталин, спрошенный Мао о том, что стало с его прежним замечанием, будто изменение старого Договора пойдёт вразрез с решениями Ялтинской конференции, ответил: «Верно, идёт – ну и чёрт с ним! Раз мы стали на позицию изменения договоров, значит нужно идти до конца. Правда, это сопряжено с некоторыми неудобствами для нас, и нам придётся вести борьбу против американцев. Но мы уже с этим смирились»⁵². Из процитирован-

---

⁵¹ Правда, 21 января 1950 г.

⁵² Запись беседы Сталина и Мао, 22 января 1950 г. АВПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 329. Л. 29–38. См.: CWINP Bulletin. Issue 6–7. P. 7–9. Я признателен Вла-

ного высказывания Сталина ясно, что он принял решение укреплять китайско-советский союз. Впоследствии, 30 января, Сталин лично дал ответ Штыкову, который ранее передавал ему просьбу Ким Ир Сена: «Я понимаю недовольство тов. Ким Ир Сена, но он должен понять, что такое большое дело в отношении Южной Кореи, которое он хочет предпринять, нуждается в большой подготовке... Если он хочет побеседовать со мной по этому делу, то я всегда буду готов принять его и побеседовать с ним. Передайте всё это тов. Ким Ир Сёну и скажите ему, что я готов помочь ему в этом деле»⁵³.

Разумеется, Ким Ир Сен с восторгом воспринял это сообщение Сталина, ибо, тем самым, практически полностью удовлетворялась его просьба. В этот момент Сталин очень быстро менял свою политику в отношении Японии и Кореи, готовясь полностью отбросить систему послевоенного американо-советского сотрудничества в Северо-Восточной Азии.

В известном смысле, оккупационные власти США положительно восприняли критику КПЯ Коминформом, главным образом, потому, что, вызвав полное замешательство, она привела к серьёзному конфликту в партии⁵⁴. После существенных внутренних разногласий 22 марта ЦК КПЯ постановил согласиться с критикой Коминформа и призвал своих членов к созданию «демократического народного фронта», который будет вести борьбу совместно со всеми «миролюбивыми силами мира» против «компрадорского правительства Японии»⁵⁵.

Примерно в то же самое время Управление правительственных органов ГШК/ВКСД подготовило доклад, озаглавленный «Коммунистическая партия Японии и её ставшие известными связи с советской миссией в Японии», составленный М. Учиямой, сотрудником Управления правительственных органов⁵⁶. В отчёте

диславу Зубоку, привлёкшему моё внимание к этому замечанию Сталина. — *Zubok V.M. Stalin's Goals in the Far East: from Yalta to Sino-Soviet Treaty of 1950 (New Archival Evidence from Moscow)*, a paper presented at the International Conference on the New Evidence on the Cold War in Asia, Hong Kong, January 9–12, 1996. P. 29.

⁵³ Шифрованная телеграмма, Министерство иностранных дел Штыкову, 30 января 1950 г. АВГРФ. Л. 122. Фонд и описание не указаны. См.: *CWHP Bulletin*. Issue 5. P. 9.

⁵⁴ *FRUS*, 1950. Vol. 6. P. 1203–1204.

⁵⁵ Нихон Кёсанто 50 нэн мондай сирёсу (Проблема 1950 года КПЯ: Документы и материалы). Т. 1. — Токио: Синнихон сёппанша, 1987. С. 35–39.

⁵⁶ *Uchiyama M. The Japanese Communist Party and Its Reported Relations with the Soviet Mission in Japan*. April 24, 1950. Consolidated Mines (Communi-

приводилась следующая информация о недавних событиях в международном коммунистическом движении.

Во время пребывания Мао Цзэдуна в Москве было решено организовать Дальневосточное бюро Коминформа, в котором на специальное Бюро «G» (G-Bureau) будет возложено руководство КПЯ через особый орган «G» Советской миссии в Японии. 16 февраля Бюро «G» и Комитет по созданию революционного фронта азиатского секретариата выпустили совместное извещение, озаглавленное «Объединение революционных фронтов в Японии» и предписывавшее КПЯ создать объединённый фронт с живущими в Японии китайскими и корейскими коммунистами. В ответ на это предписание 24–25 февраля на горном курорте Хакон прошла встреча Комитета по подготовке организации совместного китайско-японского фронта, призванная обсудить вопрос об организации Объединённого фронта.

Этот отчёт был чистым вымыслом; основанным на документе, который был сфабрикован агентом *Sempu* (Ураган), работавшим на Бюро специальных расследований Агентства юстиции, которое хотело запрета КПЯ⁵⁷.

Тем не менее, новая структура сотрудничества между коммунистическими партиями Советского Союза, Китая, Северной Кореи и Японии, отдалённо напоминая то, что было придумано в отчёте Управления правительственных органов, начинала обретать реальные очертания. Хотя отчёт и основывался на выдуманных данных, но он позволил Макартуру быстро продвинуться к разгрому КПЯ. 2 мая он обнародовал заявление, в котором обвинил компартию в том, что она, как нелегальная организация, показала свою истинную природу агента международного коммунистического революционного движения, действующего насильственными методами. 6–7 июня он потребовал, чтобы японское правительство лишило работы в общественном секторе 24-х лидеров КПЯ и 17-и членов редакционного совета партийного органа «Акахата». Высшее руководство, включая Токуду, Нозаку и Ито, создав Временное главное руководство, ушло в подполье. Миямото Кэндзи (высший руководитель КПЯ с 1958 г. и до ухода в отставку в 1997 г.) и несколько других руководителей не под-

---

nists in Japan), GHQ/SCAP Records, Box 2146. Folder 14. Item 45. MF GS(B) – 01291.

⁵⁷ 'G' Bureau A-100. 23. Ibid., Box 2275. Folder 11. Item 4, 5. MF GS (B)–03980; *Вада Харуки*. Чосэн Сэнсо. С. 98–101.

пали под действие этого постановления, а партия, в буквальном смысле, была расколота на части⁵⁸.

Как сообщалось, Ким Чон Хэ, постоянный житель Японии и влиятельный член ЦК КПЯ, который был лишён работы в 1949 г., 15 июня отбыл в Северную Корею, выехав из Сакаиминато в префектуре Тоттори. Под руководством Пак Ун Чола, сменившего Ким Чон Хэ, корейцы (члены КПЯ) 15–16 июня провели собрание, на котором приняли решение создать Демократический национальный фронт корейцев – жителей Японии. Собрание одобрило призывы фронта, и в их числе: « Немедленно положить конец приготовлениям японо-корейских поджигателей войны!» и «Выступим против всех форм войны, против превращения Японии и Южной Кореи в военные базы и колонии, за сохранение мира!»⁵⁹.

Тем не менее, не представляется возможным узнать, какое влияние эти события в Японии оказали на приготовления Северной Кореи к войне, а также, как Ким Чон Хэ после своего прибытия в Пхеньян описывал Ким Ир Сёну и Пак Хон Ёнгу положение в Японии.

Как же, в итоге, оценивали возможность вторжения японских войск Северная Корея и Китай? Эта оценка последовала, когда Ким Ир Сен и Пак Хон Ёнг в мае 1950 г. посетили Пекин. Мао Цзэдун спросил у них, что они думают о вероятности участия японских войск в войне в Корее. Ким Ир Сен ответил, что хотя он и рассматривает такой вариант как довольно маловероятный, но не может исключить возможности того, что Соединённые Штаты смогут мобилизовать от 20 до 30 тысяч японских солдат, однако, если эти войска и будут действительно посланы в Корею, то, по его мнению, это вряд ли скажется на исходе войны, поскольку в этом случае корейцы будут сражаться ещё более ожесточённо. Мао заявил, что хотя вероятность и невелика, но мобилизация таких сил может затянуть войну; но если это произойдёт, Китай пошлёт в Северную Корею собственные войска⁶⁰.

К этому времени Ким Ир Сен уже пересмотрел свою ранее высказанную оценку и пришёл к выводу: японская интервенция маловероятна, если не исключена вообще. Мао эту возможность

⁵⁸ Нихон Кёсанто но 65-нэн (65-летие КПЯ). Т. I. – Токио, КПЯ, 1988. С. 132.

⁵⁹ *Цубой Тоёкити*. Зайнити чосэнзин ундо но гайкё (Очерки по движению корейцев в Японии). – Токио: Зию Кокуминша, 1959. С. 297, 306–309.

⁶⁰ Хронология... Л. 30–31.

допускал ещё в меньшей степени, чем Ким... Можно сказать, что наконец оба лидера пришли к правильному пониманию реальности, ибо после уже происшедшего роспуска японских вооружённых сил возможности для прямого участия Японии в войне попросту не было. Но поразительным различием во взглядах двух лидеров было то, что если Мао был озабочен возможной интервенцией и участием в войне войск США, то Ким Ир Сен сверхоптимистически отвергал такую возможность.

Как оказалось на деле, именно американские, а не японские войска немедленно вмешались в войну после её начала 25 июня, а в это время ВКСД учредило программу перевооружения Японии, предложив японскому правительству сформировать состоящие из 75.000 человек Национальные полицейские резервные войска для поддержания законности и порядка в Японии, которая превратилась в критически важную базу снабжения военных операций США в Корее.

Начало переговоров о перемирии и советский бойкот Сан-Францисской мирной конференции

Несмотря на интервенцию войск США, Северо-корейская народная армия (КНА) всей своей мощью обрушилась на Юг, отгнав войска США и Южной Кореи в окрестности Пусан. Казалось Северная Корея добьётся успеха в объединении полуострова военным путём. Но части КНА, линии снабжения которых чрезмерно удлинились, были рассечены десантной операцией Макартура в Инчхоне, а затем обращены в беспорядочное бегство. Продолжая двигаться на север, войска Южной Кореи и США пересекли 38-ю параллель и захватили Пхеньян. Теперь уже Южная Корея и США могли добиться объединения полуострова военным путём. Однако вступление 19 октября в войну отрядов китайских народных добровольцев сделало это невозможным. К началу декабря китайские части вернули Пхеньян, заставив в беспорядке отступить части Южной Кореи и США.

Тем временем к середине июля Советский Союз поддержал план Китая сосредоточить в Маньчжурии войска для их последующей мобилизации в Корею, если войска Соединённых Шта-

тов продвинулся дальше 38-й параллели, а также пообещал на этот случай обеспечить китайским сухопутным частям прикрытие с воздуха силами советской авиации⁶¹. Когда создалась угроза продвижения частей США и Южной Кореи к северу от 38-й параллели, Сталин удвоил усилия, чтобы убедить Мао послать китайские войска в Корею. Первый зашёл настолько далеко, что утверждал: если Соединённые Штаты приведут к эскалации конфликта, он не будет стараться избежать вовлечения в войну Советского Союза как союзника Китая. «Если война неизбежна, – заявлял Сталин, – то пусть она будет теперь, а не через несколько лет, когда японский милитаризм будет восстановлен, как союзник США, и когда у США и Японии будет готовый плацдарм на континенте в виде лисымановской Кореи»⁶².

В ходе китайско-советских переговоров относительно участия Китая в войне Мао поручил Чжоу, ведущему переговоры в Москве, попытаться добиться от Советского Союза возможно больших уступок, заявляя, что Китай не склонен бросать свои войска в войну. В ответ на это Сталин предложил, что если Китай не может участвовать в войне, то основные части Северной Кореи должны быть выведены в Маньчжурию вместе с вооружением, частью личного состава и командованием, а раненные, ослабленные и старые солдаты должны быть выведены в советскую сибирскую провинцию Приморского края⁶³. Это предложение было доведено до Северной Кореи как уже получившее одобрение Китая. Однако, как представляется, его действительная цель была, по всей видимости, убедить Мао послать китайские войска в Корею. На самом деле, как только Мао принял решение вступить в войну, Сталин немедленно отменил своё предложение⁶⁴. Сталин

⁶¹ Шифрованная телеграмма, Филиппов (Сталин) Чжоу Энляоу, 5 июля 1950 г. АПРФ. Ф. 45. Оп.1. Д. 331. Л. 79. См.: *CWIPR Bulletin*. Issue 6–7. P. 112–113. Шифрованная телеграмма, Филиппов Чжоу Энляоу или Мао Цзэдуну, 13 июля 1950 г. Там же. Л. 85.

⁶² Письмо Фын Си (Сталин) Ким Ир Сену, 8 октября 1950 г. АВПРФ. Ф. 45. Оп.1. Д. 347. Л. 66. См.: *CWIPR Bulletin*. Issue 6–7. P. 116.

⁶³ См.: *Ши Чжэ*. Цай лиши чурен шенбьен: Шичже хыилу (С великой исторической фигурой: воспоминания Шичже). – Пекин, 1991. С. 497. Я согласен с интерпретацией, которую Чен Жиен даёт позиции Мао в китайско-советских переговорах. – *Chen Jian*. *China's Road to the Korean War: The Making of the Sino-American Confrontation*. – Columbia University Press, 1994. P. 199.

⁶⁴ Шифрованная телеграмма, Штыков Фын Си, 14 октября 1950 г., а также Фын Си Ким Ир Сену, 13 октября 1950 г. АВПРФ. Ф. 45. Оп.1. Д. 335.

не только приветствовал вступление Китая в войну, но и испытал восхищение воинами китайских отрядов, сражавшихся на поле боя.

Что же касается событий в Японии, служившей важной базой снабжения американских войск во время Корейской войны, то Сталин был озадачен продолжавшимся разбродом и дезорганизацией в КПЯ⁶⁵. Но когда Токуда и Нозака, соответственно в октябре и ноябре, изгнанные в Пекин, создали там Пекинское бюро КПЯ, Сталин, по-видимому, стал связывать свои надежды с этим бюро⁶⁶.

Проводя боевые действия в Корее, Соединённые Штаты, извлекали выгоду для себя, осуществляя оккупацию Японии, – свободно использовали её социальные, политические и экономические структуры в своих военных нуждах. В частности, когда они начали подготовку к заключению мирного договора с Японией, что было уже предусмотрено Союзными державами, то нашли необходимым разработать такие соглашения, которые даже после подписания договора оставляли бы в неприкосновенности американские интересы, а именно право использовать военные базы в Японии, а также по-прежнему удерживать Окинаву под своим единоличным контролем. Для достижения этих целей следовало бы устранить от участия в мирной конференции Советский Союз и коммунистический Китай. С американской точки зрения, нужно было освободить Японию от обязательств уплаты репараций, чтобы не мешать восстановлению экономики, т. к. представлялось желательным поддержать процесс её перевооружения.

Однако после вступления в игру Китая ситуация в Корее приняла для Соединённых Штатов настолько тревожные и опасные очертания, что президент Трумэн всерьез задумывался о том, чтобы пустить в ход атомную бомбу. 30 декабря Макартур потребовал, чтобы Вашингтон выбрал одно из двух: либо вывести американские войска из Кореи, бросив их на защиту Японии, либо

Л. 3; Д. 347. Л. 74–75. См.: *CWIP Bulletin*. Issue 6–7. С. 118–119. Интерпретация этих телеграмм А. Мансуровым замечательна. *Ibid.* P. 103–104.

⁶⁵ В 1950 г. политические советники Советского представительства в Союзном Совете для Японии слали в Москву критические обзоры о деятельности КПЯ. *Павлычев Г. И., Мамин А.Н.* Положение в Компартии Японии после опубликования статьи «Обозревателя» от 6 января 1950 г. *РГАСПИ*. Ф. 17. Оп.137. Д. 413. Л. 34–82; *Мамин А.Н.* Обзор деятельности Коммунистической партии Японии за август–декабрь 1950 г. Там же. Д. 413. Л. 231–287.

⁶⁶ См.: Ито Ричу кайсороку: Пекин Юхей 27-нэн (Воспоминания Ито Ричу: 27 лет в заключении в Пекине). – Токио: Бунгей Шунжуша, 1993. С. 21–23.

начать ограниченную войну на территории материкового Китая⁶⁷. 4 января 1951 г. Сеул был вновь захвачен войсками Северной Кореи и Китая. В том же месяце, когда военные действия в Корее приняли для Соединённых Штатов особенно тяжёлый оборот, Джон Фостер Даллес вновь посетил Японию и оказал энергичное давление на премьер-министра Иосиду, вынуждая его согласиться с ускоренным перевооружением Японии и с предложенными американцами сроками заключения мирного договора. В Токио Даллес испытал давление со стороны посла Великобритании, а в Канберре – со стороны министра иностранных дел Австралии: оба настаивали, чтобы Соединённые Штаты уважали обязательство, взятое ими перед Советским Союзом в Ялте⁶⁸. Участвуя в Корейской войне, Великобритания и Австралия, тем не менее, никак не стремились к устранению Советского Союза от заключения мирного договора с Японией. В результате, в составленном 1 марта «мартовском проекте» мирного договора с Японией Даллес предложил передать Курильские острова Советскому Союзу. Проект договора был составлен исходя из того, что Советский Союз будет одной из подписавших сторон, которой он должен был быть послан 23 марта⁶⁹, и, в то же время, он отражал американское стремление отдалить друг от друга Советский Союз и Китай, поскольку только первый из них приглашался участвовать в мирной конференции.

В этой ситуации Сталин был занят оценкой ситуации с войной в Корее, стремясь найти способ предотвратить эскалацию войны Соединёнными Штатами, увеличить военную помощь Китаю и Северной Корее, правильно решить вопрос о мирном договоре с Японией и попытаться найти возможность для оживления деятельности КПЯ в Японии, и всё – в одно и то же время.

Войска Китая и Северной Кореи начали четвёртое наступление 11 марта, но вскоре стало ясно, что оно не сможет приблизить войну к быстрому и победоносному концу. 2 марта Мао Цзэдун передал Сталину оценку ситуации, исходившую от Пэн Дэхуая, главнокомандующего Объединёнными китайско-северокорейскими силами: «Ход последних военных операций на корейском театре военных действий показал, что пока не будет разгромлена большая часть вражеских войск, противник не уйдёт из Кореи, а для разгрома большей части войск противника требуется

---

⁶⁷ FRUS, 1950. Vol. 7. P. 1630–1633.

⁶⁸ FRUS, 1951. Vol. 6. Part 1. P. 829–834, 886.

⁶⁹ Ibid. P. 945 ff.

определённое время. Поэтому возможно, что военные действия в Корее примут затяжной характер. Мы должны рассчитывать по меньшей мере на два года»⁷⁰.

Отвечая на новую просьбу Мао о привлечении советских военно-воздушных сил для прикрытия с воздуха, Сталин 3 марта сообщил Мао, что согласен с его оценкой военной ситуации и решил переправить две дивизии советских военно-воздушных сил из Аньдуна в Корею⁷¹. Однако по мере того, как войска Объединённых Наций разворачивали начатую 7 марта операцию «Потрошитель» («Ripper»), войска Китая и Северной Кореи были вынуждены оставить Сеул и были, к огорчению Сталина, отгеснены назад, отойдя к концу марта к северу от 38-й параллели. Сталин должен был почувствовать облегчение, по крайней мере, после того, как Трумэн 11 апреля отстранил Макартура от должности Главнокомандующего союзных держав, равно как и после заявления Трумэна днём позже. Пятое и, как первоначально предполагал Мао, «последнее наступление», призванное навсегда вытеснить войска США из Кореи⁷², началось 22 апреля, но не достигло даже минимальной цели, заключающейся в том, чтобы прорвать западный фронт, пересечь 38-ю параллель и замкнуть кольцо вокруг Сеула. Мало того, целая дивизия китайских народных добровольцев была уничтожена в конце мая в результате контратаки частей США и Южной Кореи.

После ухода в подполье компартия Японии на Четвёртой национальной конференции, проходившей с 23 по 25 февраля, приняла новую партийную линию на достижение революции насильственным путём. В апреле Сталин пригласил посетить Москву лидеров основного течения в КПЯ, в их числе Токуду, Нозаку и Нисизаву Рюдзи, находившихся в эмиграции в Пекине, а также пребывавшего там представителя фракции меньшинства Хакамаду Сатоми. В поездке в Москву их сопровождали заведующий и заместитель заведующего Отдела международных связей Центрального Комитета КПК. Сталин настаивал, чтобы Токуда и другие представители основного течения в КПЯ проработали резолюцию Четвёртой национальной конференции КПЯ и разрабо-

---

⁷⁰ Шифрованная телеграмма, Мао Цзэдун Филиппову, 2 марта 1951 г. АВПРФ. Ф. 45. Оп.1. Д. 337. Л. 78.

⁷¹ Шифрованная телеграмма, Филиппов Мао Цзэдуну, 4 марта 1951 г. Там же. Л. 89.

⁷² О прочих деталях первоначального плана пятого наступления см.: *Weathersby Kathryn. Stalin and a Negotiated Settlement in Korea. P. 14.*

тали новую партийную программу⁷³. И желанию Сталина, и общим настроениям коммунистических партий Советского Союза и Китая отвечало воздействие на КПЯ с тем, чтобы она активизировала антиамериканскую деятельность и нанесла по войскам США удар с тыла.

С другой стороны, к этому времени Сталин должен был уже осознать невозможность достичь исходную цель войны, а именно объединить Корею военным путём. Этим, по-видимому, объясняется то, что 2 мая, ещё до того, как завершилось пятое наступление, он проинструктировал главного советского представителя при ООН Якова Малика с тем, чтобы установить контакт с американским представителем при ООН. Малик сообщил своему американскому партнеру, что существует много вопросов, включая Корейскую войну, которые оба правительства могут и должны разрешить путём переговоров⁷⁴. Сталин предпринял это по своей инициативе, без предварительных консультаций с китайскими руководителями. На следующий день, 3 мая, был составлен совместный американо-английский проект мирного договора с Японией, по которому она должна была уступить Советскому Союзу свои права на территорию южной половины Сахалина и Курильских островов. Содержание этого проекта мирного договора было немедленно сообщено Мао Цзэду.

6 мая Сталин послал в Пекин текст предполагаемого ответа на американские предложения по мирному договору с Японией, прося Мао согласиться с этим ответом. Предполагаемый ответ Сталина был сформулирован на основе следующих пяти пунктов: 1) отвергая сепаратные приготовления к мирному договору с Японией, Советский Союз считал необходимым, чтобы подготовка договора велась совместно Соединёнными Штатами, Соединённым Королевством, Советским Союзом и Китаем; 2) в мирном договоре должно было быть ясно заявлено о суверенных правах Китая на Тайвань; 3) Советский Союз отвергал передачу Окинавы, территории суверенной Японии, под американский контроль; 4) договором должны были накладываться явные ограничения на японский военный потенциал; и 5) Япония не должна была получить права вступать в какие-либо военные союзы, а

---

⁷³ *Аддырхаев Н.Б.* Встреча Сталина с японскими коммунистами. // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 8. С. 140–142; *Хакамада Сатоми.* Ваташи но Сэнгоси (Моя послевоенная история). – Токио: Асахи Симбунша, 1978. С. 89–102.

⁷⁴ FRUS, 1951. Vol. 7. Part 1. P. 404.

Оккупационные войска должны были оставаться в Японии не более года после заключения мирного договора⁷⁵. Получив в этот же день, 7 мая, одобрение Мао⁷⁶, Советский Союз направил свой официальный ответ Соединённым Штатам. Согласно Статье 2 Китайско-советского договора о союзе, Советский Союз брал на себя обязательство не подписывать мирный договор с Японией иначе, как с «обоюдного согласия» и «совместно с другими Союзными державами», обещая, таким образом, воздерживаться от подписания любого мирного договора с Японией, который исключал бы Китай⁷⁷; тем более, он не мог предать Китай, когда тот вёл войну с Соединёнными Штатами. Сталин выбрал путь очень сложного дипломатического маневрирования, пытаясь начать переговоры о перемирии в Корее, и в то же время оказывая противостояние ведшимся под диктовку американцев приготовлениям к сепаратному мирному договору с Японией.

Что касается заинтересованности Советского Союза в начале переговоров об урегулировании Корейской войны, то американским политикам был послан в качестве сигнала номер газеты «Правда» от 19 мая, в котором говорилось о принятой 17 мая Сенатом США резолюции о прекращении огня в Корее. В свою очередь, Государственный департамент США попросил Джорджа Кеннана 31 мая тайно встретиться с Я. Маликом⁷⁸. Эта тайная встреча была проведена также без ведома Мао Цзэдуна.

3 июня Ким Ир Сен посетил в Пекине Мао, чтобы оценить военную ситуацию после провала пятого наступления и обсудить стратегию в новых условиях. После этой встречи Мао сообщил Пэн Дэхуаю, что он и Ким решили не начинать какого-либо крупномасштабного контрнаступления на протяжении следующих 2-х месяцев, но подготовить (предположительно в августе) контроперацию под лозунгом «надёжного наступления и надёжной обороны»⁷⁹. Очевидно, вопрос о перемирии на этой встрече не поднимался⁸⁰.

---

⁷⁵ Шифрованная телеграмма, Филиппов Мао Цзэдуну или Чжоу Энляоу, 6 мая 1951 г. АПРФ. Ф. 45. Оп.1. Д. 338. Л. 67–69.

⁷⁶ Шифрованная телеграмма, Мао Цзэдун Филиппову, 6 мая 1951 г. Там же. Л. 77.

⁷⁷ Правда, 15 февраля 1950 г.

⁷⁸ FRUS, 1951. Vol. 7. Part 1. P. 483–485.

⁷⁹ Чьенгуо Мао Цзе-дунг Уенгао (Архивы Мао Цзе-дуна после установления КНР). Т. 2. – Пекин, 1988. С. 355.

⁸⁰ Китайскими специалистами эти переговоры между Мао Цзэдуну и Ким Ир Сеном интерпретировались как попытка Китая убедить Кима, что

5 июня Мао отправил телеграмму Сталину, прося разрешения на то, чтобы Гао Ган, секретарь партийного комитета КПК Северо-Восточной провинции, а также Ким Ир Сен посетили его в Москве: «В ходе ведения нами войны в Корее мы столкнулись с такими серьёзными вопросами, как финансовый вопрос, вопрос ведения военных действий непосредственно на фронте, вопрос опасности возможной высадки противником десанта на морском побережье в нашем тылу. Мы думаем на-днях послать на самолёте в Москву тов. Гао Ган информировать Вас по выше-указанным вопросам и просить Вашего указания в деле разрешения этих важных вопросов. В настоящее время тов. Ким Ир Сен находится в Пекине. Он хочет поехать вместе с товарищем Гао Ган для обсуждения с Вами этих вопросов»⁸¹.

Тем временем Малик 5 июня во второй раз встретился с Кеннаном, проинформировав его о том, что советское правительство желает начать переговоры о прекращении военных действий⁸². 7 июня в ответной телеграмме Мао Сталин лишь выразил согласие на предполагаемые визиты Гао Гана и Ким Ир Сена в Москву, храня полное молчание о встрече Малика с Кеннаном⁸³. 9 июня, два дня спустя, Мао послал Сталину ещё одну телеграмму, уточнявшую некоторые малозначительные детали. Телеграмма заканчивалась следующими словами: «Вопросы о войне и мире, а также по приглашению в добровольческие войска советских советников тов. Гао Ган доложит Вам лично, поэтому здесь я не касаюсь их.»⁸⁴ Это можно интерпретировать как реакцию Мао на появившиеся в средствах информации сообщения о новых событиях, связанных с «вопросом о войне и мире», а конкретнее, с вопросом о прекращении огня.

переговоры о перемирии неизбежны. Согласно мемуарам Ние Ронгжен (*Nie Rongzhen. Inside the Red Star: The Memoirs of Marshal Nie Rongzhen.* — Beijing, New World Press, 1988), Центральный Комитет КПК, собравшийся уже после пятой кампании, одобрил курс на то, чтобы продолжать сражаться, начав переговоры о перемирии. См. также: *Chen Jian.* Op. cit. P. 12–13. Я тоже придерживался этой интерпретации, но недавно открытые материалы российских архивов заставили меня пересмотреть своё мнение.

⁸¹ Шифрованная телеграмма, Мао Цзэдун Филиппову, 5 июня 1951 г. АВПРФ. Ф. 45. Оп.1. Д. 339. Л. 23. См.: *CWHP Bulletin.* Issue 6–7. P. 60.

⁸² FRUS, 1951. Vol. 7. Part 1. P. 507–511.

⁸³ Шифрованная телеграмма, Филиппов Мао Цзэдуну, 7 июня 1951 г. АВПРФ. Ф. 45. Оп.1. Д. 339. Л. 26. См.: *CWHP Bulletin.* Issue 6–7. P. 60.

⁸⁴ Шифрованная телеграмма, Мао Цзэдун Филиппову, 9 июня 1951 г. АВПРФ. Ф. 45. Оп.1. Д. 339. Л. 28–29.

Гао Ган и Ким Ир Сен 13 июня встретились в Москве со Сталиным. Хотя записи встречи и недоступны, но переводчик Ши Чжэ оставил её описание в своих мемуарах. После того, как его вкратце проинформировали о театре военных действий в Корее, Сталин обратился к прибывшим сразу с двумя вопросами: «Как вы думаете, что лучше? Считаете ли вы, что лучше немедленно остановить боевые действия, или следует продолжать сражаться, пока вы не сможете отодвинуть линию фронта и только тогда начинать переговоры о прекращении огня?» Ши Чжэ пишет, что ответы Гао Гана и Ким Ир Сена были спутанными и не имели прямого отношения к делу. Добиваясь чёткого ответа, Сталин настаивал: «К чему конкретно сводятся ваши намерения, пожелания или требования?», объяснив затем, что «прекращение огня означает остановку военных действий на достаточно длинный период времени, но не означает вступления в фазу подготовки мира, ибо во время перемирия обе стороны всё ещё остаются в состоянии войны, война не окончена, и боевые действия могут возобновиться в любой момент». Выслушав объяснения Сталина, что перемирие не то же самое, что подготовка мира и заключение мирного договора, «...китайский и корейский руководитель ответили, что перемирие – это то, чего они хотят»⁸⁵. Очевидно, Сталин их уговорил. Несомненно, хотя Ши Чжэ об этом не упоминает, Сталин должен был сказать обоим руководителям о контактах между Маликом и Кеннаном, а также о том, что Кеннан сказал Малику.

В тот же день, сообщая о состоявшейся встрече, Сталин отправил телеграмму Мао. «Были поставлены три вопроса: Первое – о перемирии. Признали, что перемирие теперь выгодное дело. Второе – о военных советниках. Если они Вам очень нужны, то мы готовы удовлетворить Вас. Третье – о поставке вооружения для шестидесяти дивизий. С нашей стороны возражений не будет.» В конце телеграммы Сталин возвращался к вопросу о переговорах по прекращению огня, сообщая Мао, что «...мы получили сведения, что англо-американцы намерены в ближайшее время обратиться к Вам и к корейцам от имени шестнадцати воюющих против Кореи стран с предложением о перемирии. Но раньше, чем обратиться с этим предложением, они хотят произвести удар по Вашим войскам. Возможно, что это слухи, но вполне возможно и вероятно, что это не просто слухи, а соответствует действи-

---

⁸⁵ Ши Чжэ. Указ. соч. С. 506–508.

тельности. Поэтому советуем держаться крепко в обороне и не пропустить вперёд противника»⁸⁶.

В ответе Мао Цзэдуна на телеграмму Сталина говорилось, в частности, следующее: «Относительно того, как ставить вопрос переговоров о перемирии, мы считаем нецелесообразным для Кореи и Китая выдвинуть самим этот вопрос сегодня, поскольку в ближайшие два месяца Корейская армия и Китайские добровольческие войска должны занять оборонительную позицию. Лучше поступать таким образом: 1) Ждать, когда противник обратится. 2) Желательно, чтобы Советское правительство на основании заявления Кэннана сделало бы запрос американскому правительству о перемирии. Можно одновременно осуществлять указанное двумя способами, то есть, с одной стороны, советское правительство делает запрос, а с другой, – если противник выдвигает вопрос о перемирии, то Корея и Китай выразят своё согласие на это. Что целесообразнее, просим Вас поделиться мнениями и разрешить с тов. Филипповым [т. е. Сталиным]»⁸⁷.

Это означает, что Мао предпочёл, хотя и сделав некоторые оговорки, последовать осторожным убеждениям Сталина.

Обеспечив согласие Китая и Северной Кореи, советское правительство открыто взяло на себя инициативу, предложив начать переговоры о прекращении огня в Корее. 23 июня в своём выступлении по внутренней радиосети ООН советский представитель при ООН Яков Малик намекнул на возможность достигнуть урегулирования в Корее путём переговоров. 29 июня Командующий войсками Объединённых наций в Корее Мэтью Б. Риджуэй в речи, переданной по радио, предложил Китаю и Северной Корее, чтобы обе находящиеся в состоянии войны стороны начали переговоры о прекращении огня. Китай без промедления принял это предложение и под непосредственным руководством Мао Цзэдуна начал подготовку к переговорам⁸⁸.

В действительности, правительства Америки и Великобритании уже 14 июня договорились о новом проекте мирного договора с Японией, предусматривая, что Советского Союза не будет

⁸⁶ Шифрованная телеграмма, Филиппов Мао Цзэдуну, 13 июня 1951 г. АВГРФ. Ф. 45. Оп.1. Д. 339. Л. 31–32. См.: *CWIP Bulletin*. Issue 6–7. P. 60–61.

⁸⁷ Шифрованная телеграмма Мао Цзэдуна Гао Гану и Ким Ир Сену, 13 июня 1951 г. АВГРФ. Ф. 45. Оп.1. Д. 339. Л. 58–60. См.: *CWIP Bulletin*. Issue 6–7. P. 61–62.

⁸⁸ См. телеграммы Мао Пэн Дэхуаю и Ким Ир Сену, 2 и 4 июля 1951 г. Чьенгуо Мао Цзе-дунг Уенгао. Т. 2. С. 379–382, 385.

среди подписывающих мирный договор, а также предложили, чтобы Япония отказалась от предъявления территориальных прав на Южный Сахалин и Курильские острова, не обуславливая при этом, что эти территории должны быть переданы Советскому Союзу⁸⁹. 7 июля проект договора был доведен до сведения СССР⁹⁰. После того, как СССР очень настойчиво предъявлял свои территориальные требования, он всё же пошел на то, чтобы эти требования не стали международно признанными, т. к. считал более важным сохранить верность союзу с Китаем даже ценой отказа от собственных территориальных претензий⁹¹. В этой ситуации 7 июля в Корее начались переговоры о перемирии.

Тем временем, Сталин трижды встречался с тремя лидерами основного течения в КПЯ, которых, как отмечалось выше, он в апреле пригласил в Москву. В ответ на настояние Сталина на их первой встрече, «перевести» резолюцию Четвёртой национальной конференции КПЯ в новую партийную программу, Токуда и два других руководителя подготовили проект партийной программы и представили его Сталину во время их второй встречи, однако Сталин нашёл его неудовлетворительным. Во время третьей встречи Сталин продемонстрировал новый вариант проекта, который он лично отредактировал и который был принят его собеседниками. На четвёртой встрече новый, отредактированный Сталиным проект программы пообещал поддержать и не принадлежавший к основному течению Хакамада, который также был приглашён на эту встречу. Согласно Н.Б. Адырхаеву, бывшему переводчиком на этих четырёх встречах, все они прошли в течение полутора месяцев, в то время как, по воспоминаниям Хакамады, встреча, на которой он присутствовал, произошла через четыре месяца после его приезда в Москву. Во всяком случае, Адырхаев согласен с тем, что лидеры японских коммунистов покинули Москву летом⁹².

---

⁸⁹ FRUS, 1951. Vol. 6. Part 1. P. 1120.

⁹⁰ Славинский Б.Н. Сан-Францисская конференция 1951 г. по мирному урегулированию с Японией и Советская дипломатия // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 1. С. 89.

⁹¹ «Просто глупой» считает Войтек Мастны принятую Сталиным линию поведения, которая предусматривала бойкот Мирной конференции в Сан-Франциско и означала, что будет упущен шанс на международное признание новых территориальных приобретений (*Mastny Wojtech*. Op. cit. P. 126). Теперь с таким мнением согласны многие российские авторы. Однако это утверждение звучит неубедительно.

⁹² Адырхаев Н.Б. Указ. статья. С. 142–144; Хакамада Сатоми. Указ. соч. С. 89–102.

14 августа московское радио сообщило о статье, появившейся в органе Коминформа: в соответствии с договорённостью, достигнутой в Москве между основным и оппозиционным течением в КПЯ, партии рекомендовалось урегулировать внутренние разногласия, сплотившись на базе курса, принятого на Четвёртой национальной конференции⁹³. Вслед за тем оппозиционеры из КПЯ выразили самокритику и присоединились к основному течению. Принадлежавший к этому течению Центральный Комитет КПЯ на собрании 18–19 августа одобрил присланный из Пекина новый проект программы и принял решение об объединении партии⁹⁴. В её новой программе, спустя два месяца единогласно принятой на состоявшейся в подполье 16–17 октября Пятой национальной конференции КПЯ, правительство Иосиды характеризовалось «как ведущее дело к порабощению японского народа под ярмом американского империализма». Утверждая неизбежность «демократической революции национального освобождения» ради свержения правительства Либеральной партии Иосиды, программа призывала к её проведению насильственными средствами: «Ошибочно думать, что освобождения Японии и проведения в ней демократических реформ можно добиться мирным путем»⁹⁵.

Велась и подготовка к тому, чтобы превратить Сан-Францисскую мирную конференцию в трибуну для политической агитации. 8 августа советское Министерство иностранных дел представило Сталину свой проект мирного договора с Японией. В отличие от англо-американского проекта договора, в преамбуле советского проекта прямо утверждалось, что, участвуя в пакте трёх держав «Оси» Япония «...предприняла агрессивную войну и тем самым вызвала состояние войны со всеми Союзными и Соединёнными Державами и другими Объединёнными Нациями» и «на ней лежит ответственность за войну в Азии и на Тихом океане»⁹⁶. Тем не менее, основываясь на своей оценке ситуации, Сталин предпочёл поручить советским делегатам во главе с А.А. Громыко

---

⁹³ Нихон Кёсанто но 50-нэн мондай ширёшу (Сборник документов по «вопросу 1950 года» в КПЯ). Т. 3. ЦК КПЯ, 1987. С. 172–173.

⁹⁴ Камэяма Козо. Сэнго Нихон Кёсанто но Ниджучобо (Ложь и правда КПЯ после второй мировой войны). – Токио: Гэндай Хёронша, 1978. С. 153–160.

⁹⁵ Нихон Кёсанто тосэй коё бункэн (Материалы для поощрения партийности КПЯ). – Токио, Сундайша, 1952. С. 7–20.

⁹⁶ Мирный договор с Японией (Проект). АВП. Фонд Вышинского, 1951. Оп.24. Л. 32. Д. 396. Ч. 2. Л. 93–94.

на мирной конференции не выносить в таком виде на рассмотрение этот проект, а, вместо этого, предложить поправки к американо-британскому проекту договора⁹⁷. Вскоре после открытия в начале сентября 1951 г. мирной конференции в Сан-Франциско руководитель советской делегации Громыко, действуя в духе полученных инструкций, попытался использовать конференцию исключительно как платформу для политической пропаганды, а затем поспешил бойкотировать конференцию вместе с делегациями союзных Советскому Союзу стран.

Таким образом, поставив под свой контроль лидеров Китая и Северной Кореи, Сталин предпочёл приступить к переговорам о перемирии в Корее; однако в том, что касалось Японии, он отказался участвовать в заключении мирного договора, по отношению к Соединённым Штатам он стал занимать всё более враждебную позицию, также рассчитывая на то, что революционная борьба КПЯ примет более наступательный и насильственный характер. В основе решения Сталина начать переговоры о перемирии в Корее лежало его представление о том, что, приступив к переговорам, коммунистические силы могут продолжать вооружённую борьбу, в чём он был недалек от мнения Китая. Он считал, что переговоры застрахуют от дальнейшей эскалации войны, и в особенности, от распространения её на советскую территорию. Застраховав себя от этого, он, в то же время, намеревался раздувать революционное движение в Японии, которая была для военных действий тыловой базой, и, тем самым, атаковать войска США с тыла.

Заключение

В целом, Сталин оставался очень осмотрительным и осторожным. С началом «холодной войны» в Европе он стремился уважать в Азии те соглашения, которых достиг с Соединёнными Штатами, – от Ялтинского до Московского. Он верил в то, что следование этой линии наилучшим образом отвечает задачам национальной безопасности его страны. Но следует помнить, что он был не только правителем советской империи, но и хранителем

---

⁹⁷ Славинский Б.Н. Указ. соч. С. 96–97.

марксистско-ленинской революционной идеологии. Происшедшая в Азии Китайская революция поставило его перед целью возглавить и повести новое революционное наступление в Северо-Восточной Азии. После того, как он признал Китайскую революцию и Мао Цзэдуна, Сталин стал подталкивать Токуду и Нозаку к тому, чтобы они всерьёз взялись за проведение революции в Японии. Поскольку ему пришлось соревноваться с Мао за лидерство в коммунистическом движении в Азии, Сталин чувствовал себя призванным подвергнуть КПЯ, долголетнюю протее советских коммунистов, серьёзной «хирургической» операции и вывести её из состояния полного замешательства и дезорганизации, в котором та находилась в 1949 г. и позднее. Стремясь во что бы то ни стало начать революционную войну в Корее, за этот шанс ухватились Ким Ир Сен и Пак Хон Ёнг в надежде получить одобрение Сталина и после некоторого промедления добились волевого согласия.

Коммунистических руководителей Северной Кореи и Китая тревожила возможность того, что в случае вооружённого конфликта в Корее в дело могут вмешаться японские войска. В отличие от них, Сталин хорошо понимал и знал, что это очень маловероятно, по крайней мере, в ближайшем будущем. Главным образом, он был озабочен весьма вероятной интервенцией со стороны Соединённых Штатов. То, что в последний момент он оценил ситуацию так, что американского вмешательства не произойдет, позволило Северной Корее получить зелёный свет для нападения на Южную. Мао Цзэдун дал согласие на нападение Северной Кореи на Южную, предвидя возможность интервенции со стороны американских, а не японских войск. В отличие от него, Ким Ир Сен начал войну со свойственным ему гипероптимизмом, считая при этом, что вероятность вовлечения в конфликт японских войск очень незначительна, если не пренебрежимо мала.

На начальной стадии войны устремившиеся на Юг войска Северной Кореи были скоро, когда в дело вступили войска ООН, остановлены, а затем в ходе боевых действий откатились назад и были отброшены к северу от 38-й параллели. Обращённые в бегство северокорейские войска ждал неминуемый и полный разгром, от которого их едва спасло вступление в войну китайских добровольцев. Хотя китайские войска предприняли наступление на Юг и вновь овладели Сеулом, удержать захваченное они не

могли. К маю 1951 г. стало очевидным, что коммунистическим войскам не суждено достигнуть своей цели в Корейской войне. Неоднократные угрозы американцев применить ядерное оружие также не предвещали ничего хорошего и не прибавляли присутствия духа.

При таком обороте событий Сталин заставил китайских и северо-корейских лидеров начать переговоры о перемирии. Принимая это решение, Сталин рассуждал следующим образом: во время переговоров о перемирии не будет происходить расширения географии войны; продолжая во время переговоров боевые действия, коммунистические войска смогут непрерывно подтачивать силу сопротивления и дух американских войск; он сам будет бойкотировать мирный договор с Японией, пожертвовав возможностью международного признания советских территориальных приобретений и оплатив этой ценой верность китайско-советскому союзу, но, с другой стороны, он сможет всячески подталкивать революционное движение в Японии, служившей в ходе Корейской войны критически важной базой снабжения для Соединённых Штатов, и, тем самым, сможет нанести по американским войскам удар с тыла. И для Китая и для Северной Кореи согласие на переговоры о перемирии было в то время единственным выходом из положения.

Подытожим некоторые важные события, последовавшие за открытием переговоров. Когда из-за вопроса о репатриации военнопленных переговоры о перемирии зашли в тупик, то, начиная с мая 1952 г., Соединённые Штаты нанесли интенсивные воздушные удары по Северной Корее, вызвав огромные разрушения и потери. Под их тяжестью Ким Ир Сен стал добиваться ускоренного перемирия. Он также не хотел продолжать сражаться в условиях, когда командование было монополизировано китайскими генералами. Мао Цзэдун придерживался мнения, что у него нет иного выбора, кроме как продолжать войну до тех пор, пока вопрос о репатриации пленных не будет разрешён на почетных условиях. Сталин был на стороне Мао, но прислушивался и к паническому настроению Кима и лично принял решение о том, что война должна быть немедленно остановлена. Достигнуть объединения Кореи путём войны не удалось. Действующее насильственными средствами революционное движение в Японии – вторая опора сталинской стратегии в Азии – оказалось не имеющим ни малейших шансов на успех, заглухнув после нескольких

уличных стычек между демонстрантами, бросающими бутылки с «коктейлем Молотова», и полицией. Двойная неудача в Корее и в Японии тяжело отозвалась на Сталине. Чтобы выйти из положения с обоими потерпевшими провал предприятиями, он дал северокорейской и японской партии разоблачить «предателей» и возложить на них вину за провал. Ито Рицу и Пак Хон Ёнг были выбраны на эту роль, скорее всего, из-за их прошлого отступничества, однако предметом более детального рассмотрения эта проблема может стать лишь в особой статье.

2003

Судьба коммуниста: Носака Сандзо*

Моя ошибка, что я не принимал все это более серьезно, независимо от того, было ли это беспричинно или нет.

Носака Сандзо

1. «Дело Носака»: суть проблемы

Носака Сандзо скончался 14 ноября 1993 г. в возрасте ста одного года. Почти за год до смерти этот уникальный коммунист-долгожитель, ветеран бурного века, был исключен из Коммунистической партии Японии (КПЯ), которая обошла молчанием его кончину. Известно, что Ленин, спрашивая, каков наихудший урок, сам ответил: жить до 55 лет¹. Тогда тот факт, что Носака до ста лет продолжал занимать почетное положение в партии, иначе как чудом не назвать. Однако судьба оказалась жестокой и к нему, в итоге покрыв его имя бесчестьем.

Огромный массив секретных документов КПСС стал достоянием гласности после ее распада. Именно эти документы были использованы для кампании против Носака и привели к его позорному исключению из КПЯ, а также к переоценке его личности и деятельности в Японии.

Первыми японцами, получившими доступ к рассекреченным партийным документам, были сотрудники телерадиовещательной корпорации NHK. Большой массив этих документов был использован в прекрасном документальном фильме «Путь к Токийскому процессу» (премьера состоялась 15 августа 1992 г.), анализиро-

---

* Впервые опубликовано: Япония второй половины XX века. Проблемы и судьбы. – М.: Восточная литература РАН, 2003.

¹ Trotsky's Diary in Exile, 1935. – Cambridge, 1958. P. 43.

вавшем позиции союзных держав в вопросе об ответственности императора Сева за развязывание войны. Рассматривая позицию СССР, авторы фильма обратились к протоколам переговоров Носака с представителями ВКП(б) в Москве в октябре–ноябре 1945 г.² Только тогда впервые стало известно, что Носака, находившийся в годы войны в Китае, перед возвращением в Японию побывал в Москве. Журналисты ННК встретились с сотрудником Института востоковедения РАН Л.Л. Кириченко, который высказал предположение, что оценка императорской системы, данная Носака, могла оказать влияние на решение советской стороны не привлекать императора к суду. Чтобы проверить это предположение, журналисты получили документы о пребывании Носака в СССР и доверили их анализ автору настоящей работы.

К документам КПСС обратились и те, кто хотел вывести на свет тщательно скрываемые темные эпизоды истории КПЯ. Работавший в Москве журналист Като Акира получил доступ к письму Носака Г. Димитрову от 22 февраля 1939 г. и вместе со своим коллегой Кобаси Сюнъити 3 сентября 1992 г. опубликовал его в журнале «Сюкан бунсюн». Это было первое появление в печати «письма Носака, предавшего своих товарищей». «Шапка» публикации гласила: «Многие чтут Носака Сандзо, патриарха, достигшего столетнего возраста, как бога. До войны он боролся с милитаристами, после войны – с оккупационными властями... Однако обнаруженные в Москве секретные документы КПСС сегодня разоблачают этот лживый миф»³.

Согласно ранее опубликованным воспоминаниям самого Носака, он, по приезде в Москву из США, узнал об аресте представителя КПЯ и Профинтерне Ямамото Кэндзо и письменно запросил О.В. Куусинена и Г. Димитрова о причинах⁴. На самом же деле Носака написал Димитрову о своих подозрениях в отношении Ямамото. Авторы статьи в «Сюкан бунсюн» однозначно квалифицировали это письмо как донос.

Испытав столь тяжелый удар, руководство КПЯ само получило копию документа. Спешно собранный пленум ЦК КПЯ снял Носака с поста почетного председателя. В его резолюции говори-

---

² Токе сайбан-э-но мити (Путь к Токийскому процессу). Сост. Авая Кэнтаро и ННК. Токио, 1994.

³ Сюкан бунсюн, 03.09.1992. С. 40.

⁴ Носака Сандзо. Фусэцу-но аюми (Сквозь ветер и снег). Т. 8. – Токио, 1989. С. 224, 226.

лось, что действия Носака являются «еще одним важным актом, легшим в основу репрессивной политики советского правительства» и «предательством в отношении Ямамото». 12 сентября резолюция и полный текст письма Носака 1939 г. были опубликованы в партийной газете «Акахата».

Вслед за этим авторы публикации в «Сюкан бунсюн» обнародовали показания Сэки Мацу, жены Ямамото, из которых стало ясно, что донес на нее именно Носака⁵. Продолжение публикации показало, как Носака, стремясь утаить правду о своем поступке, помешал Сэки вернуться на родину после того, как она вышла из советского лагеря во время послесталинской «оттепели»⁶. Это был смертельный удар по Носака. 29 октября в «Сюкан бунсюн» появился еще один материал Като и Кобаяси, в котором прямо утверждалось, что Носака был агентом КГБ (?) непосредственно со времени своего прибытия в Москву в 1930 г.⁷

Оказавшись в критической ситуации, КПЯ спешно завершила собственное расследование дела, и новый пленум ЦК окончательно признал правдой то, что авторы статей в «Сюкан бунсюн» написали об обвинении Ямамото и разоблачении Сэки со стороны Носака. Носака лгал, когда, зная правду о причинах гибели Ямамото, скрыл ее от партии и народа. По той же причине он препятствовал возвращению Сэки в Японию, куда она так и не смогла приехать. Кроме того, резолюция утверждала, что Носака с 1962 г. «втайне от партии поддерживал связи с КПСС и не сообщил об этом». В соответствии с этой резолюцией решением ЦК от 27 декабря 1992 г. Носака был исключен из партии⁸.

С началом следующего года «Акахата» начала публиковать серию статей председателя ЦК КПЯ Фува Тэцудзо «Хроника вмешательства и измены: из секретных архивов КПСС», призванных показать, как КПСС с 1962 г., создав с помощью советского посольства в Токио группу предателей» внутри КПЯ, пыта-

---

⁵ Носака Сандзо, мо хитоцу-но дайджай (Еще одно большое преступление Носака). – Сюкан бунсюн. 08.10.1992.

⁶ Сюкан бунсюн. 15.10.1992.

⁷ Носака Сандзо ва KGB-но эйдзэнтэ датта (Носака Сандзо был агентом КГБ). – Сюкан бунсюн. 29.10.1992. Позднее эти материалы вошли в книгу: *Кобаяси Сюньити, Като Акира. Ями-но отоко: Носака Сандзо-но хякунэн (Человек тьмы: сто лет Носака Сандзо)*. – Токио, 1993.

⁸ Носака Сандзо-ни кансуру тэса кэка то соти-но рию ни цуйтэ (О результатах расследования в отношении Носака Сандзо и о принятых мерах). – Акахата. 28.12.1992.

лась таким образом развалить японскую компартию изнутри⁹. Одним из главных «предателей» интересов КПЯ и ее противостояния с Москвой публикация представляла Носака.

Автор настоящей работы заинтересовался этой проблемой, ознакомившись с документами о пребывании Носака в СССР осенью 1945 г., и в марте 1993 г. отправился в Москву, где работал в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ныне называемом Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), и в Центре хранения современных документов (ЦХСД). Результаты моих исследований были опубликованы сначала в виде статьи в 1994 г., а затем обобщены в книге «Носака Сандзо. История», вышедшей в 1996 г. Однако в то время я не имел возможности использовать оригинал письма Носака Димитрову, опубликованного в «Сюкан бунсюн» и «Акахата». Затем в сотрудничестве с РГАСПИ мы с покойным Г.М. Адибеквым в 1998–2001 гг. подготовили к изданию собрание документов «ВКП(б), Коминтерн и Япония», изданное отдельной книгой в России. В ходе работы мы обнаружили много новых материалов по «делу Носака».

В свете этих документов я решил заново рассмотреть такие ключевые моменты в жизни и судьбе Носака, как обстоятельства гибели Ямамото и вопрос об отречении императора Сева от престола.

2. Носака и «дело Ямамото»

Носака покинул Японию в марте 1931 г. вместе с женой Рё и через Харбин приехал во Владивосток (где встретился с членом ЦК КПЯ Ямамото Кэндзо, работавшим в Профинтерне), а через несколько дней отправился в Москву. В мае 1931 г. Носака был назначен представителем КПЯ в Исполкоме Коминтерна (ИККИ), где работал вместе с Катаяма Сэн. В качестве партийного псевдонима он избрал себе имя Окано Сусуму. Осенью в Москву из Владивостока приехали Ямамото и Сэки, включившиеся в работу

---

⁹ Акахата. 10.01–16.06.1993; есть отдельные издания на японском, английском и русском языках, выпущенные в Японии.

вместе с Носака; Ямамото ими себе псевдоним Танака, его жена – Андо Юки¹⁰.

В марте 1934 г. Носака был командирован в США. С помощью американской компартии Коминтерн создал в Лос-Анджелесе центр для помощи японским коммунистам и руководства их деятельностью, поручив эту работу Носака, который вместе с Джо Коидэ успешно взялся за дело немедленно по прибытии.

В июне 1935 г. Носака возвратился в Москву. Несмотря на произошедшее за полгода до того убийство С.М. Кирова, в коминтерновских кругах доминировал дух всеобщего единения под лозунгом борьбы с фашизмом. Как раз в июле открылся VII Конгресс Коминтерна, на котором Димитров выступил с известным докладом «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма», выдвинув лозунг создания антифашистского народного фронта. Через полгода после конгресса, в феврале 1936 г. появилось «Письмо Окано и Танака японским коммунистам», определявшее новый курс КПЯ. Оно было составлено Носака при участии Ямамото¹¹. Называя главным врагом «фашистскую военщину», письмо указывало: «Только мощное народное движение на основе единства действий пролетариата и единого народного антифашистского фронта может спасти японский народ от ужасов фашизма и войны. Задача компартии состоит в том, чтобы объединить всех трудящихся против военщины, реакции и войны, Лагерю фашистской военщины, финансовых магнатов и помещиком, этому лагерю самой черной реакции и военных авантюров надо противопоставить единый фронт трудящихся классов – лагерь демократии, мира и труда»¹².

Вскоре Носака снова отбыл в США.

Тем временем в Советском Союзе развернулась кампания репрессий против «пособников» германского фашизма и японского милитаризма. Остававшиеся в Москве японские коммунисты один за другим оказывались в застенках. 7 июня 1937 г. был арестован Маэсима Такэо (он же Кандзё), учившийся в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), 4 августа – бывший доцент медицинского факультета Токийского импера-

---

¹⁰ Носака Сандзо. Фусэцу-но аюми. Т. 6, 7. Токио. 1982. 1989. См. также: ЦХСД. Л/д I–I. Л. 123.

¹¹ ВКП(б), Коминтерн и Япония. – М., 2001. С. 655–656.

¹² Там же. С. 648.

торского университета Кунидзаки Тэйдо, под именем Александр Кон вступивший в Коммунистическую партию Германии и работавший заведующим японской секцией Издательства иностранных рабочих в Москве. Несколько раньше был арестован сотрудник того же издательства, выпускник КУТВ Ито Масаносукэ (он же Такэути), муж Катаяма Ясу, дочери Катаяма Сэн¹³. Наконец, 2 ноября 1937 г. были арестованы и Ямамото, представитель КПЯ в ИККИ (с 1936 г., ранее – в Профинтерне) и товарищ Носака. В определении Военной коллегии Верховного суда СССР от 23 мая 1956 г. о реабилитации Ямамото говорилось, что обвинение в его адрес в «провокационной и шпионской деятельности» «основывались на признании вины на предварительном следствии самим Танака-Ямамото и на показаниях, данных на следствии обвиняемыми по другим делам» Кандзё, Такэути, бывшим руководителем Дальбюро Коминтерна П.А.Мифом и референтом Восточного отдела Профинтерна Е.П. Терновской, ответственной за связи с Японией¹⁴. Теперь мы располагаем секретным донесением (точнее будет назвать его доносом) Мифа от 3 сентября 1937 г. в отдел кадров ИККИ, которое приводим полностью:

«Работающий в качестве представителя КП Японии Танака внушает, по моему мнению, серьезные подозрения. Еще в 1931 г. Танака обратился ко мне с просьбой помочь в получении и переброске десятка револьверов на японскую часть Сахалина. Это оружие, по словам Танака, необходимо было для работы наших японских товарищей. Я, конечно, категорически отказался удовлетворить тогда просьбу Танаки и о самом этом факте, вызвавшем у меня известное сомнение, сообщил работникам секретной части и НКВД. Второе, на что следует обратить внимание, это постоянное попечительство со стороны Танаки над подозрительными и явно враждебными нам элементами. Так, например, Танака всегда прекрасно отзывался и всячески покровительствовал таким людям, как 1) высланным из СССР Сэки Сано, Хидзиката (Ёси, деятели японского пролетарского театра. – В.Х.) арестованному японцу Кандзё (Маэсима Такэо. – В.Х.), уволенному из НИИ НКП (Научно-исследовательский институт национально-колониальных проблем. – В.Х.) Симидзу (Хориути Тэцудзи. –

¹³ *Като Тэцудзиро*. Мосукувадэтайхо-сарэта нихондзин (Японцы, арестованные в Москве). Токио, 1994. С. 282; *Кобаяси С., Като А.* Цит. соч. С. 140–141, 238–239.

¹⁴ ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 678–679.

В.Х.) и др., фамилии которых не могу сейчас вспомнить. В КУТВ, по настоянию Танаки, были приняты японцы Бадмаев (Мацумото Кэн. – В.Х.) и Базарон (Тэрасима Гидзо. – В.Х.), вызывающие серьезные сомнения. Во всяком случае (по наблюдению наших товарищей), Базарон является интеллигентом, а не рабочим (как утверждает Танака) и приехал в СССР со знанием русского языка, что он усиленно скрывает. Следует также проверить связь Танаки с ныне арестованным Волком (Я.И. Волк, референт Секретариата ИККИ по Японии. – В.Х.)¹⁵.

О недвусмысленном характере этого письма свидетельствует другой документ – письмо Мифа от 28 ноября 1937 г. в партком НИИНКП, директором которого он был, где он прямо говорит: «Не последнюю роль я сыграл в разоблачении Танаки»¹⁶.

Арест Ямамото стал угрозой для Рё, жены Носака Сандзо, в то время работавшей в аппарате ИККИ под именем Ким Сян. Известно, что она была знакома с Танака с 1922 г. и он даже жил в ее доме. В письме в партком ИККИ от 2 ноября она писала: «Несколько японцев, более или менее связанных с ним, арестованы НКВД как враги народа. Можно предположить, что Танака допустил большую ошибку или небрежность в отношении этих людей. Я должен (так в документе и далее; следует: должна. – В.Х.) откровенно сказать, что до сегодняшнего утра я доверял Танака почти как самому себе, среди всех японцев, живущих в Москве. Конечно, у него есть личные недостатки, но, к сожалению, у меня не было никаких сомнений в его вере в дело пролетариата. Арест Танака явился для меня тяжелым ударом, какого я никогда не ожидал. Я глубоко сознаю мою ошибку, небрежность и отсутствие бдительности как члена партии, потому что я не мог разоблачить его раньше перед партией, и я прошу партию принять решение на мой счет»¹⁷.

В результате партком парторганизации ИККИ 3 ноября 1937 г. исключил Носака Рё из ВКП(б) «за связь с врагами партии и народа и как неоправдавшую доверия партии»¹⁸. 10 февраля 1938 г. она была арестована по обвинению в «шпионской деятельности»¹⁹.

---

¹⁵ Там же. С. 667.

¹⁶ Там же. С. 668.

¹⁷ Оригинал по-английски; русский перевод сделан в аппарате ИККИ, см.: там же. С. 668–669.

¹⁸ Там же. С. 670.

¹⁹ Там же. С. 671.

Узнав об исключении жены из партии, а затем и о ее аресте, Носака, находившийся в Америке, почувствовал огромную опасность. По словам И.И. Коваленко, бывшего заведующего сектором Японии Международного отдела ЦК КПСС (впоследствии заместитель заведующего отделом), приведенным С. Кобаяси и А. Като, Носака активно прилагал усилия для освобождения жены²⁰. Если сказанное правда, то в то время это было исключением, потому что хлопотать за жену, арестованную в качестве «врага народа», не решались даже члены Политбюро, не говоря уже о простых смертных. Именно в это время, в феврале 1938 г., Носака пишет письмо Димитрову по поводу Ямамото, но содержание его нам не известно.

Димитров имел возможность вмешаться в дело Носака Рё. 31 марта 1938 г. она была освобождена. Ее дальнейшее содержание под стражей было признано «нецелесообразным», поскольку «произведенным расследованием фактов шпионской деятельности со стороны Ким Сян не установлено», а ее муж находился в «заграничной секретной командировке» по заданию ИККИ²¹.

Носака вернулся в Москву в августе того же года. Ямамото к тому времени уже 9 месяцев находился в тюрьме НКВД. Вполне естественно, что Носака должен был осудить бывшего товарища, однако он так не поступил. В справке отдела кадров ИККИ за подписью К. Абакумова от 21 сентября 1938 г., приводимой в книге С. Кобаяси и А. Като, говорилось, что Носака, вернувшись в Москву, «проявлял чрезмерный интерес» к Ямамото и «подчеркивал, что “Танака – мой лучший друг, товарищ, с которым мы всегда работали вместе”»²². Затем в справке отдела кадров ИККИ от 28 ноября 1938 г. по факту ареста Ямамото говорилось, что Носака «не по-партийному подошел» к случившемуся, «не проявив при этом должной бдительности»²³.

В сентябре Носака направил Димитрову докладную записку «О Японии и нашей работе»²⁴, в которой, однако, ни словом не упомянул «дело Ямамото». В октябре он послал Д.З. Мануильскому перевод статьи из выходившей в Лос-Анджелесе японской

²⁰ Кобаяси С., Като А. Цит. соч. С. 136–138.

²¹ Дело Ким Сян: Архив УНКВД МО, № 58303; изложение: ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 671.

²² Кобаяси С., Като А. Цит. соч. С. 160.

²³ ЦХСД, л/д I–I. Л. 124.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 4951 127. Д. 550. Л. 1–38; частично опубликовано: ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 682–687.

газеты «Рафу симно», в которой приводились слухи об аресте Ямамото и Носака. Вывод автора статьи: «Руководство японской компартии в России уничтожено. Это означает, что Коминтерн отрекся от японского (коммунистического. – В.Х.) движения»²⁵. Посылая такой текст руководству Коминтерна, Носака давал понять, каким образом был воспринят за границей арест Ямамото, и как бы молчаливо вопрошал, хорошо ли это.

Более того, Носака старался облегчить жизнь Сэки Мацу, жены арестованного. Согласно ее показаниям во время беседы в Интернациональной контрольной комиссии (ИКК) Коминтерна, по возвращении Носака из Америки «жена Окано мне сказала, что т. Окано ничего для меня в подарок не привез, но вот, возьми это, и она мне дала 300 рублей. Она знала, что я нахожусь посте ареста Танака в очень тяжелом положении»²⁶. Иными словами, от встречи с Сэки Носака уклонился, но деньги ей передал. Это был явно «антипартийный» поступок, несовместимый с отношением к Ямамото как к «врагу народа». Тем не менее жена Носака и потом передавала Сэки деньги.

Однако такое положение не могло сохраняться долго. Носака был вынужден действовать. Он уведомил ИКК, что в автобиографии Сэки сообщила о себе ложные сведения: на самом деле она была проституткой (как деликатно говорится в некоторых документах, «официанткой») во Владивостоке, где познакомилась с Ямамото и в 1923 г. вышла за него замуж. Поскольку Ямамото скрывал прошлое своей жены, начальный период ее пребывания в России окутан мраком. Раскрытие этой тайны вызвало гнев Сэки против Носака. Однако в эпоху, когда обвинение в шпионаже в пользу иностранных разведок вело к смерти, акцентирование внимания на простом сообщении ложных сведений в автобиографии могло быть уловкой, попыткой облегчить неизбежную участь. В ноябре Сэки три раза вызывали в ИКК. Сначала она защищала Ямамото, но во время третьего вызова, 26 ноября, сказала: «Я думаю теперь, что Танака враг, потому что он арестован НКВД». Тогда же она «заложила» Носака и Катаяма Ясу²⁷. Донося в отчаянии на других людей, Сэки хотела спасти себя. 31

---

²⁵ РГАСПИ. Ф. 4951 127. Д. 550. Л. 41–42; фрагменты: ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 678.

²⁶ Выписка из беседы в ИКК с Андо Юки, 26 ноября 1938 г. – ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 672.

²⁷ Там же. С. 672–674.

ноября она была исключена из КПЯ «за полное притупление партийной бдительности, за неискренность и обман ИКК»²⁸. Однако исключение из партии за столь незначительный проступок не привело к ее аресту.

Вот в это время и появилось письмо Носака–Окано Димитрову от 22 февраля 1939 г.²⁹, наделавшее столько шума в 1992 г. Это несомненная попытка оправдаться.

Рассказывая о своих отношениях с Ямамото начиная с 1913 г., Носака сообщал: «Можно сказать, что я являюсь одним из старейших работников, работавших с Танака. В течение всего периода моей связи с Танака я никогда не подозревал его серьезно. Однако, когда я узнал в 1937 г. о преступной деятельности троцкистов, бухаринцев, японских шпионов и т. п., я почувствовал, что моим долгом было сообщить Вам о всех фактах, которые в большей или меньшей мере вызывали подозрение относительно Танака, так как я думал, что это могло бы помочь Вам в деле проверки всех кадров и очистить аппарат ИККИ от всех сомнительных элементов. Таким образом, в августе 1937 г. я послал Вам (из США. – В.Х.) телеграмму, а в ноябре сообщение через т. Браудера (Браудер Э.Р., секретарь Коммунистической партии США. – В.Х.), предлагая Вам вызвать меня в Москву (не упоминая имени Танака). Но я не получил никакого ответа от Вас».

Следом Носака привел девять пунктов подозрений в отношении Ямамото. Семь из них сравнительно незначительны, но два других обвинения более важны. Они касаются возможной – опять-таки только возможной – причастности Ямамото к аресту двух коммунистов, тайно отправленных в Японию из Москвы в 1934 и 1936 гг. Если первый арест, по словам Носака, вызвал лишь «в некоторой степени мое подозрение к Танака», то второй – уже «более серьезное подозрение».

В заключение Носака дал развернутую оценку Ямамото: «Танака не имел ответственных постов в партии за все время пребывания в ней, ибо партия считала его открытым агитатором или руководителем левого профсоюзного движения, но не руководителем партии. Он был теоретически слаб, тем не менее я узнал с изумлением, что он приобрел большой политический багаж за

---

²⁸ Там же. С. 674.

²⁹ Оригинал по-английски; русский перевод, сделанный в аппарате ИККИ, см.: там же. С. 674–677.

время пребывания в СССР с 1928 г. Насколько мне известно, он не сделал какой-либо серьезной политической ошибки. Он был таким человеком, который умел приспосабливаться к руководящей линии. Танака был популярен среди левых рабочих и до сих пор пользуется влиянием среди них. Его знали как одного из старейших работников профсоюзов, как бесстрашного борца, как хорошего оратора».

Далее Носака заявлял: «Я не знаю всех обвинений, выдвинутых органами НКВД против Танака. Но мне очень хотелось бы знать, что он делал». Это уже выглядело вызывающе. Носака напомнил, что посылал руководству Коминтерна перевод статьи с сообщением об аресте Танака и Окано: «Некоторые рабочие восприняли эти новости как обыкновенную фабрикацию буржуазной печати, некоторые верили этому. Коммунисты отрицали эти новости. Этот факт необходимо принять во внимание, когда будете разбирать дело Танака». Это не что иное, как попытка помочь Ямамото.

В последних строках письма говорится: «За все долгое время моей связи с Танака я не имел серьезных подозрений против него, но чувствовал какую-то “неточность” (может, “неясность”. – В.Х.) в некоторых случаях с ним. В этом моя ошибка, что я не принимал все это более серьезно, независимо от того, было ли это беспричинно или нет».

Этот вывод сводит на нет все подозрения и обвинения в адрес Ямамото, высказанные в письме. Таким образом, оно больше подходит не на донос, но на попытку Носака рассказать о Ямамото все, что ему известно. В письме нет ни слова о том, что его автор считает Ямамото «врагом народа». Скорее оно выглядит осторожной попыткой его защиты.

В приписке Носака напоминает, что первым обратил внимание на /южные сведения, которые Сэки Мацу сообщала о своем прошлом. Сказанное производит тяжелое впечатление, но обошлись уже без него.

Письмо Носака не оказало никакого влияния на судьбу Ямамото. 10 марта 1939 г. военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к смертной казни через расстрел, которая была приведена в исполнение на следующий день. Носака и его жена остались в живых. Жена Ямамото тоже выжила. С началом Великой Отечественной войны она была отправлена в Уфу вместе со всем аппаратом Коминтерна, где работала уборщицей. В 1944 г.

ее арестовали за мелкую кражу и осудили на пять лет лагерей, а в 1949 г. выслали в Красноярский край; разрешения на выезд в Японию советские власти ей так и не дали³⁰.

3. Работа Носака в Китае и требование об отречении императора

В 1940 г. Коминтерн направил Носака на работу в Яньань, центр «советских районов» Китая³¹. Отправившись из Москвы 25 февраля 1940 г., он ехал кружным путем через Алма-Ату и Урумчи и только через месяц, 25 марта 1940 г., прибыл к месту назначения³². Теперь он взял себе китайское имя Ли Куй. По воспоминаниям Носака, он работал в «японском кабинете» при политотделе 8-й армии, где непосредственно руководил изучением военного, политического, экономического и социального положения Японии, а также выработкой мер воздействия на японских солдат³³.

При активной поддержке Чжоу Эньлая, усилиями попавшего в плен Мори Кэн (настоящее имя Ёсидзуми Киёси) и еще двоих японцев в мае 1940 г. в Яньани было организовано отделение японской Антивоенной лиги. Сразу по прибытии Носака в обстановке строгой секретности (он представлялся приехавшим с Филиппин через Гонконг) встретился с ними и передал указания³⁴. С наступлением весны он создал в Яньани Японскую рабоче-крестьянскую школу (официально открыта 15 мая) для «хороших пленных японцев» (его собственное выражение) и возглавил ее.

О проделанной работе Носака докладывал в Москву. Согласно его письму Димитрову от 23–26 января 1941 г., из привезенных им с собой из Москвы 5000 долл., он уже истратил 1450 долл., в том числе на организацию школы. Оставшаяся сумма предназна-

³⁰ Кобаяси С., Като А. Цит. соч. С. 70.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 722. Л. 93.

³² Вада Харуки. Рэкиси то ситэ-но Носака Сандзо (Носака Сандзо. История). Токио, 1996. С. 91.

³³ Носака Сандзо. Энан-но омоидэ (Воспоминания о Яньани). – Носака Сандзо сэню. Сэндзихэн (Избранные сочинения Носака Сандзо. Военные годы). – Токио, 1962. С. 238–240.

³⁴ Хансэн хэйси моногатари (История борцов против войны). – Токио, 1963. С. 76–84.

чалась для создания типографии, достройки школы и т. д., а также для возможной отправки агентов в Японию. Определив сумму расходов на 1941 г. в 5000 долл., Носака просил прислать еще 2000 долл., про запас, «учитывая возможные затруднения связи с Москвой в будущем»³⁵.

Носака впитывал бытовавшие в Коммунистической партии Китая идеи Мао Цзэдуна, в том числе его точку зрения на теорию антифашистского народного фронта. В феврале 1940 г. Мао опубликовал работу «О новой демократии», определявшую курс китайской революции. Она оказала на Носака большое влияние.

23 июня 1942 г. Носака организовал Союз японских коммунистов в Китае. На его учредительной конференции присутствовали 42 человека. С 16 по 19 июня проходила солдатская конференция, следом за ней, с 20 по 26 июня, антивоенная конференция. На второй конференции шесть антивоенных организаций образовали Северо-Китайский объединенный совет Антивоенной лиги³⁶. Работа с борцами против войны и общение с военнопленными впервые дали Носака возможность понять образ мыслей и сознание рядовых японцев, что сделало более адекватным и реалистическим его взгляд на императорскую систему. В этом смысле яньаньская школа стала хорошей школой для самого Носака. В 1944 г. по его плану Антивоенная лига была преобразована в Народно-освободительную лигу. Можно добавить, что весной 1943 г. по решению Сталина был распущен Коминтерн.

22 июля 1944 г. в Яньань прибыла американская военная миссия, направленная туда командующим союзными войсками в Китае генералом Дж. Stilvelлом. 21 августа военные общались с представителями Народно-освободительной лиги. В Рабоче-крестьянской школе Носака на хорошем английском языке приветствовал «американскую военную миссию и иностранных журналистов – наших товарищей по оружию в борьбе с общим врагом – японским фашизмом и милитаризмом»³⁷. Замечу, что немногочисленные иностранные журналисты, находившиеся в Яньани (точнее, допущенные туда Мао Цзэдуном), открыто сочувствовали коммунистам.

---

³⁵ ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 762–764.

³⁶ Носака Сандзо ээнсю. Сэндзихэн. С. 293–295; Хансэн хэйси моногата-ри. С. 94–98.

³⁷ The 'Amerasia' Papers: A Clue to the Catastrophe of China. – Wash., 1970. P. 762–764.

8 сентября с Носака встретился американский дипломат и эксперт по Китаю Дж. Сервис, также симпатизировавший китайским коммунистам и ставший центральной фигурой скандала вокруг журнала «Amerasia» в 1945–1946 гг. Сервис пробыл в Яньани около двух месяцев и отправил в Государственный департамент большое количество отчетов, в которых стремился создать максимально благоприятный образ китайского коммунистического движения и проводил мысль о необходимости максимально тесного сотрудничества союзников с китайскими коммунистами в борьбе против Японии.

Сервис не раз общался с Носака, который разъяснил своему американскому собеседнику суть программы и задач КПЯ. Носака наметил три этапа в реализации стратегической линии партии: ликвидация пережитков милитаризма и феодальной системы, установление демократии; последующий переход от капитализма к социализму. Касаясь «свержения нынешнего милитаристского режима» и «демократизации правительства» на первом этапе (окончание войны и возрождение страны), Носака следующим образом охарактеризовал свою позицию в отношении императорской системы: «Добиться отречения нынешнего императора. Если трон займет наследник, его конституционные полномочия должны быть ограничены. Нынешний император не может избежать личной ответственности за войну. <...> Однако на данный момент мы не будем прилагать усилий для ликвидации *института* императора. Мы не верим, что японский народ полностью готов изгнать императора; мы удовлетворимся ожиданием, пока не будем уверены, что наступило время предлагать решительные действия. <...> Мы избегаем лозунга “Долой императора!” Однако мы считаем опасными любые попытки, наши или союзных держав, *использовать* императора. Это может подать пример силам, которые действуют вопреки нашим интересам» (выделено везде автором документа. – В.Х.)³⁸.

Стоило только Сервису уехать из Яньани (он вернется туда будущей весной), как в октябре в столицу «свободного Китая» прибыл эксперт Государственного департамента по Японии Дж. Эммерсон. Он много раз встречался с Носака и даже выступил с лекцией в Рабоче-крестьянской школе. В подробном доку-

---

³⁸ Ibid. P. 848–851; см. также: Ibid. P. 1298 (резюме бесед Носака с Г. Штайном). О «деле» «Amerasia» и роли Сервиса в нем см.: *Kubeka*. Introduction. II. The «Amerasia» Case. – Ibid. P. 31–70.

ментированном докладе о прошлом, настоящем и будущем КПЯ Эммерсон делал вывод: «Если мы желаем демократической Японии, мы должны поддерживать все силы, которые могут объединиться для ее построения, включая коммунистов. Наша помощь японским коммунистам внутри и вне Японии не приведет к тому, что японцы попадут под контроль русских; напротив, она направит политическое развитие Японии в сторону Америки, что будет полезно для наших будущих отношений в Тихоокеанском регионе»³⁹. Сильное личное впечатление, произведенное Носака на Эммерсона, его стремление к разумной демократии, здравомыслие его политического курса – все это убеждало, что КПЯ может быть использована в качестве партнера США в деле демократизации Японии.

Историк Араки Ёсинобу справедливо отметил, что курс Носака на демократическую революцию сформировался под влиянием доктрины «новой демократии» КПК и программы Коммунистической партии Италии, поддержанной Москвой⁴⁰. Отношение итальянских коммунистов к монархии заставило Носака снова задуматься над проблемой императорской системы. Лозунг свержения императорской системы как таковой был заменен на призыв к отречению нынешнего императора. Политическая демократизация оставалась необходимой первоочередной мерой, однако вопрос о сохранении самого института императорской власти должен был решаться волеизъявлением японского народа. Напомню в этой связи, что в США и Китае в то время многие влиятельные лица решительно высказывались за ликвидацию императорской системы в Японии.

Носака проработал в Яньани пять лет. В 1945 г., когда положение Японии стало безнадежным, Советский Союз, одержавший победу над нацистской Германией, присоединился к Потсдамской декларации союзников и 9 августа объявил войну Японии. Разумеется, он должен был оказывать влияние и на строительство новой Японии. Вот тут-то и настал черед вспомнить о Носака и его яньаньской группе.

10 августа 1945 г., на следующий день после объявления войны, Г. Димитров и его политический помощник Б.Н. Пономарев

---

³⁹ Ibid. P. 1224–1225; на эту тему см. подробнее позднейшие доклады Эммерсона и его помощника Ариёси Кодзи: Ibid. P. 1302–1308, 1383–1388, 1397–1400.

⁴⁰ Араки Ёсинобу. Сэнрёки ни окэру кёсансюги ундо (Коммунистическое движение в период оккупации). – Токио, 1993. С. 70–71.

направили И.В. Сталину, Г.М. Маленкову и В.М. Молотову памятную записку о «группе Окано». «Нам кажется, что группа т. Окано могла бы быть использована при установлении нового режима в Японии»⁴¹. Не значит ли это, что Носака уже решили вызвать в Москву? Во всяком случае, как показали последующие события, звали его туда отнюдь не в гости.

Перед возвращением в Японию Носака и сам хотел съездить в Москву для консультаций с руководством ВКП(б). 9 сентября он покинул Яньань на транспортном самолете американских ВВС С-46 вместе с группой Сюй Сяньцяня⁴². Самолет, на борту которого находился Носака, в тот же день совершил посадку в Ринкю, затем группа в течение недели продолжала путь пешком, на лошадях, грузовике и поезде, пока не добралась до Калгана. Здесь они остались еще на неделю, работая с местными японцами, потом вылетели на советском военном самолете в Мукден. На следующий день Носака был уже в Чанчуне, где находилось командование советских войск. Его пожелание было передано в Москву, и после получения необходимого разрешения он отправился туда, снова на военном самолете⁴³.

В Москве Носака и трое его спутников оказались во власти ГРУ, полностью отрезавшего их от внешнего мира. 11 октября, во время первой встречи с начальником ГРУ Ф.Ф. Кузнецовым Носака сообщил ему свои просьбы. Он хотел получить разъяснения относительно советской политики в ходе войны с Японией и после ее окончания, задач КПЯ на этот период и необходимых мер по организационному восстановлению партии. Кроме того, перед легализацией партии он хотел посоветоваться насчет пересмотра ее программы и устава⁴⁴.

Димитров предложил Молотову следующий план:

«1. Оказать содействие переброске его (Носака. – В.Х.) и его товарищей в Японию, а также наиболее проверенных людей из Народно-освободительной Лиги, находящихся в Северном Китае.

2. Послать имеющуюся у нас марксистско-ленинскую литературу на японском языке, а также важнейшие произведения на русском и английском языке.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 128. Д. 716. Л. 97.

⁴² Носака гитё-о кику. Энан кара Токио мадэ (Слушаем председателя Носака. От Яньяни до Токио). Ч. 16. – Акахата. 31.08.1971.

⁴³ Там же. Ч. 18, 2 2. – Акахата. 02,06.09.1971; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 722. Л. 49.

⁴⁴ Там же. Л. 55–57.

3. Оказать известную материальную помощь, необходимую для восстановления японской компартии, ее работы, печати и пропаганды.

4. Поддерживать связь с т. Окано через доверенного и подходящего работника НКГБ или Разведывательного Управления Красной Армии, а не по линии ЦК ВКП(б).

5. Посоветовать японским коммунистам вести курс на объединение прогрессивных сил Японии в борьбе за демократическое преобразование страны.

6. Поддержать идею организации политической работы под лозунгом “За демократическую Японию” среди проживающих в Маньчжурии и Корее японцев, а также среди японских военнопленных.

7. Посоветовать т. Окано не спешить с выработкой программы Компартии Японии.

8. Информировать т. Окано (по линии т. Кузнецова) о состоянии важнейших компартий и рабочих организаций, а также о послевоенных демократических преобразованиях и о положении в Советском Союзе»⁴⁵.

28 октября 1945 г. Молотов дал указание Б.Н. Пономареву встретиться с Носака. 30 октября с ним беседовала группа ответственных работников Отдела международной информации ЦК ВКП(б) во главе с Пономаревым в присутствии Кузнецова. Носака сразу заговорил о проблеме императорской системы. «С его точки зрения, в нынешней обстановке неправильно будет ставить вопрос об устранении императора и императорского дома. Он сказал, что нам-то, коммунистам, конечно, император не нужен. Но учитывая, что в Японии с именем императора связано не только понятие о государственной власти, но также и о божественной власти, т. Окано считает, что лозунг об устранении императора и императорского престола не будет популярен в широких массах. Поэтому он считал бы более правильным выдвинуть лозунг не устранения императора и императорского дома, а о замене нынешнего императора его сыном. Это, по его мнению, будет содействовать сплочению демократических сил Японии вокруг других задач». Сразу за этим Носака заявил, что только что освобожденные из тюрьмы, где они находились с 1928 г., и начавшие активную политическую деятельность коммунистические лидеры Токуда Кюити и Сига Ёсио «не имеют опыта антифашистской борьбы и объединения демократических сил и могут занять “ле-

---

⁴⁵ Там же. Л. 38.

вую” позицию в решении основных вопросов политической жизни Японии <...> поэтому он опасается, что они не смогут обеспечить правильного руководства демократическими силами Японии»⁴⁶.

2 ноября Носака посетили работники Отдела международной информации ЦК Е. Ковалев и П. Крайнов. На сей раз разговор зашел о более практических вопросах. «О финансовой помощи японской компартии Окано заявил, что желательно было бы получить около 10 тыс. в американской валюте или золотом, но оформить в Мукдене, как помощь со стороны демократической китайской и японской общественности для антифашистских организаций в Японии»⁴⁷.

13 ноября Е. Ковалев, П. Крайнов и И. Плышевский составили докладную записку «Об основных проблемах политического курса Компартии Японии», которая была направлена Г.М. Маленкову и Л.П. Берия В ней давался сравнительный анализ взглядов Токуда и Сига, с одной стороны, и Носака – с другой, причем предпочтение отдавалось последним: «Замена правительства барона Сидэхара коалиционным демократическим правительством. Что касается императорской власти, то целесообразно выдвинуть: во-первых, требование о признании ответственности императора Хирохито за развязывание и ведение империалистической войны и, во-вторых, требование о лишении его трона, допуская отречение в пользу сына или установление регентского совета. В принципе японский император должен быть лишен политической и военной власти, но за ним могут быть оставлены его религиозные функции»⁴⁸.

17 ноября состоялась вторая встреча Носака и Пономарева, имевшая, как сказано в ее записи, «откровенный товарищеский характер». Н результате двух этих встреч у советской стороны сложилось хорошее впечатление о Носака. «В беседах мы дали понять Окано, что Советский Союз заинтересован в том, чтобы Япония была демократической страной, и хочет иметь с демократической Японией дружественные отношения. Это наше заявление Окано встретил с большим удовлетворением. Мы также указали на то, что вполне понимаем всю трудность положения Японии, которая подпала сейчас под пяту американского империализма»⁴⁹.

---

⁴⁶ Там же. Л. 44–45.

⁴⁷ Там же. Л. 6–8 (цитата: л. 7).

⁴⁸ Там же. Л. 115–117.

⁴⁹ Там же. Л. 139–140.

Бесспорно, Советский Союз поддерживал демократизацию Японии. Однако слова о «пяте американского империализма» говорят о признании со стороны ВКП(б) той сложной игры, которую КПЯ предстояло вести с американской оккупационной армией.

В начале декабря Носака и его товарищи в обстановке строгой секретности уехали из Москвы в Мукден, откуда в середине месяца их переправили в Пхеньян. 31 декабря они покинули Пхеньян, выехав на «джипе» в южном направлении; их провожал Ким Ир Сен. После короткого отдыха в пункте, расположенном на 38-й параллели, на следующий день они пересекли полосу «ничьей земли» и продолжали путь уже по южной части Кореи. Днем позже они въехали в Сеул и разместились в казарме американской военной полиции, где провели около десяти дней. В это время Носака дал интервью известному журналисту Э. Сноу. 10 января четверка отплыла из Пусана и через два дня была уже в Фукуока⁵⁰.

4. После возвращения в Японию

13 января 1946 г. Носака прибыл в Токио. Сига Ёсио и Камэяма Кодзо ждали его на Токийском вокзале, а на привокзальной площади уже собралась толпа народа, чтобы встретить его. Носака немедленно отправился в штаб-квартиру партии, где провел совещание с Сига и Токуда. Результатом встречи стало беспрецедентное «Совместное заявление» за двумя подписями – ЦК КПЯ и Носака, скорректировавшее курс партии. Кроме Токуда и Сига, никто из членов ЦК не имел к заявлению ни малейшего отношения. 14 января оно было обнародовано на совместной пресс-конференции Сига и Носака.

«Наше мнение относительно правильности курса на свержение императорской системы остается неизменным», – говорилось в заявлении. Однако «упразднение императорской системы, ликвидации ее как государственного строя и сохранение императорского дома – это отдельные проблемы. Их надлежит решить в будущем, по завершении процесса демократизации Японии и в соответствии с волеизъявлением японского народа». Был затро-

---

⁵⁰ Носака Сандзо сэсю. Сэндзихэн. С. 475–476; Носака гитё-о кики. Энан кара Токио мадэ. Ч. 20. – Акахата. 04.09.1971.

нут в заявлении и вопрос о «едином фронте»: «Мы решительно подчеркиваем <...> необходимость немедленного создания единого демократического фронта всех демократов, имеющих одинаковые устремления. <...> Не замыкаясь в рамках позиции только одной партии, мы признаем необходимость компромиссов там, где компромиссы необходимы»⁵¹.

Совершенно очевидно, что Токуда и Сига признали руководящую роль Носака и скорректировали собственную точку зрения. Токуда и его товарищи определили программный курс КПЯ на ее Первой общенациональной конференции (ноябрь 1945 г.), а затем на Четвертом съезде (декабрь 1945 г.). В программе действий, принятой съездом, первым пунктом было записано: «Свержение императорской системы, установление народно-республиканской власти». Теперь это положение было пересмотрено.

Признание руководящей роли Носака со стороны Токуда и других партийных деятелей было вызвано тем, что Носака заручился поддержкой КПК и ВКП(б) во время переговоров с их руководством. Кроме того, из СССР шло финансирование КПЯ. Нетрудно предположить, что авторитет, приобретенный Носака во время работы в Коминтерне и Китае, в сочетании с результатами его переговоров в Москве оказали на японских коммунистов мощное воздействие.

Однако решение о пересмотре курса партии в отношении императорской системы хоть и было принято, но вызывало внутреннее сопротивление у других членов руководства КПЯ. Не приглашенный для консультаций Хакамада Сатоми позднее вспоминал, что был против этого заявления⁵². Миямото Кэндзи в статье для первого номера журнала «Дзэнъэй», теоретического органа КПЯ, за издание которого он отвечал, выступил против отказа от лозунга свержения императорской системы. Он резко критиковал сторонников «реформы конституции, основанной на суверенитете народа», за то, что они «идут на поводу у сознания отсталых масс»⁵³.

Вот почему Токуда и Сига приняли точку зрения Носака на устранение императора из политики, но не приняли лозунг его отречения. Ведь отречение предполагало сохранение системы.

⁵¹ Майнити симбун. 15.01.1946; Акахата. 22.01.1946.

⁵² Хакамада Сатоми. Ватаси-но сэнгоси (Моя послевоенная история). – Токио 1978. С. 37–40.

⁵³ Миямото Кэндзи. Тэнносэй хихан-ни цуйтэ (О критике императорской сию темы). – Дзэнъэй. Т. 1, № 1. С. 7.

Носака хотел одержать полную победу. Во время приема, устроенного в его честь в штаб-квартире партии, он заявил, что КПЯ «должна стать партией масс, партией народа, партией нации, партией, пользующейся любовью и поддержкой со стороны народных масс Японии»⁵⁴. Именно здесь первый раз прозвучали слова о «компартии, Пользующейся любовью народа», обращенные за ее пределы. Приветственный митинг в честь возвращения Носака, организованный И парке Хибия 26 января, показал, насколько велик был интерес к нему. Выдвинув лозунг формирования демократического народного фронта, Носака выставил программу из девяти пунктов. Коснувшись вопроса об императорской системе, он высказался за ликвидацию феодальной, деспотической, диктаторской политической системы»⁵⁵. Однако лозунг отречения императора не выдвигался.

13 февраля на страницах «Майнити симбун» Носака весьма решительно представил свою точку зрения. Императорская система как политическая структура должна быть упразднена, что же касается императорского дома, то этот вопрос должен решать народ. О нынешнем императоре Носака писал, что тот «несет верховную ответственность за войну наряду с военными и является одним из военных преступников. Если у императора есть хоть какое-то чувство ответственности, он должен немедленно отречься от престола»⁵⁶.

В итоге то, на чем настаивал Носака, не было принято коммунистами. Вопрос об отречении императора волновал общество, что проявилось, например, в апрельской речи ректора Токийского университета Намбара Сигэру, призвавшего императора отречься от престола в знак признания своей моральной и духовной ответственности⁵⁷. Поэтому, если бы коммунисты дружно стояли за отречение, события, возможно, приняли бы другой оборот. Поскольку генерал Д. Макартур не хотел этого, а император страшился такой перспективы, добиться отречения было крайне затруднительно. Однако оно, имеете с новой конституцией, могло бы изменить все последующее развитие Японии.

---

⁵⁴ Акахата. 22.01.1946.

⁵⁵ Акахата. 03–02.1946.

⁵⁶ *Носака Сандзо*. Минсюсюги какумэй-но тэнкай (Развитие демократической I эволюции). – Майнити симбун. 13.02.1946.

⁵⁷ *Намбара Сигэру*. Сококу-о окосу моно (Возрождение отечества). – Токио, 1947.

2007

Знай своего врага: русские военные и военно-морские агенты в Японии*

Старые подходы и новые материалы

Долгое время японцы утверждали, что в период, предшествовавший русско-японской войне, Российская империя уделяла слишком мало внимания военному потенциалу противника. Исторический роман Рётаро Сиба «Облако над холмом» удачно отражает эту концепцию. Восьмитомный роман, выходявший частями с 1968 по 1972 годы, удостоился многолетней популярности и стал основой преобладающих в современной Японии представлений о войне 1904–1905 гг. Сиба писал так: «Как бы странно это ни звучало, офицеры и генералы Российской империи не оценивали по достоинству японский потенциал. Более того, они даже не рассматривали его всерьез»¹.

Сиба приводил три примера. Первым был полковник Г.М. Ванновский, военный агент в Японии в 1900–1902 гг. Согласно Сибе, Ванновский докладывал, что «японская армия – это армия младенцев» и что «у японской армии уйдет сто лет на то, чтобы достичь моральной подготовки самой слабой армии в Европе». Словосочетание «армия младенцев» было, очевидно, позаимствовано Ванновским у генерал-майора Иванова, который вместе с Ванновским наблюдал за японскими маневрами у Сендая в 1901 году². Хорошо известно, что Ванновский последовательно недооцени-

---

* Впервые опубликовано: Study Your Enemy: Russian Military and Naval Attaches in Japan // The Russo-Japanese War in Global Perspective: World War Zero. Vol. II / Edited by David Wolff and others. – Brill, Leiden, 2007.

¹ Сиба Рётаро. Облако над холмом. В пяти томах. – Токио, 1971–1984. – Т. II. С. 209 [на яп. яз.].

² Военно-историческая комиссия по описанию русско-японской войны [далее ВИК]. Русско-японская война 1904–1905 гг. В 9 т., в 16 кн. – СПб., 1910–1913. – Т. I. С. 437.

вал японский военный потенциал³. Гораздо менее известно, что ни предшественники, ни последователи Ванновского не разделяли его оценок.

Второй пример, цитируемый Сибой, – это капитан 1-го ранга К.А. Грамматчиков, который в 1903 году посетил смотр японского флота. Сиба писал, что Грамматчиков отчитался послу Р.Р. Розену о блестящей материальной подготовке японского флота, но в то же время недостаточном опыте японцев в маневрировании кораблей. Источником, из которого Сиба взял комментарий Грамматчикова, была книга Тани Тосио «Секретная история русско-японской войны», сборник лекций, представленный в первую очередь Военной академии в 1925 году⁴. Однако если бы Сиба прочитал еще и мемуары барона Розена, он бы обнаружил, что капитан 2-го ранга А.И. Русин, русский военно-морской агент в Японии, отреагировал на заявления Грамматчикова с саркастической улыбкой, продемонстрировав молчаливое несогласие с наблюдениями старшего по званию⁵.

Третьим примером был военный министр А.Н. Куропаткин, который совершил короткое турне по Японии в конце весны 1903 года. Согласно Сибе, Куропаткин заметил, что «русский солдат может противостоять двум японским солдатам» и что «предстоящая война с Японией будет не войной, а победным маршем». Если первое утверждение представляет собой искаженную фразу из мемуаров графа С.Ю. Витте, то в случае второго речь идет о прямой фальсификации⁶. Хотя Куропаткин был склонен к тому, чтобы недооценивать японский потенциал, он вряд ли стал бы так низко опускать способности японской армии.

Лекции занимавшего тогда должность майора Тосио Тани в Военной академии несильно отличались от романа Рётаро Сибы в плане отношения к русским генералам и «дипломатам в погонах». Тани при этом выделил генерал-майора К.И. Вогака, первого русского военного агента в Японии, за особенную насмешку:

Генерал Вогак, который когда-то служил военным агентом в Японии, изучал ситуацию в Японии и тайно доложил, что япон-

---

³ *Деревянко И.В.* Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. // Тайны Русско-японской войны. – М.: Прогресс-Академия, 1993. – С. 149–150 («Предисловие»).

⁴ *Тани Т.* Секретная история русско-японской войны. – Токио: Хара сёбо, 1966. – С. 34 [на яп. яз.].

⁵ *Rosen R.R. (baron).* Forty Years of Diplomacy, 2 vols. – London, 1922. – I. P. 212–213.

⁶ *Витте С.Ю.* Воспоминания. В трех томах. – М.: Соцэкгиз, 1960.

ской армии можно не бояться. Его отношение было широко известным. Он также был военным агентом в пекинском посольстве и участвовал в переговорах с Китаем о секретном соглашении по вопросу Маньчжурии. Когда китайский чиновник сказал ему, что в случае подписания Китаем такого договора с Россией, возникнет серьезное противостояние со стороны третьей державы, Вогак ответил с презрительной насмешкой: «Какую страну вы имеете в виду? Японию? Япония – это же просто ха-ха-ха». Он не придавал Японии никакого значения. Без сомнения, он являлся одним из инициаторов русско-японской войны⁷.

Несмотря на подобные интерпретации, детальный анализ прямых и косвенных источников показывает, что и Сива, и Тани были односторонни и даже откровенно неправы в своих оценках русских генералов и офицеров, изучавших Японию.

До недавнего времени русские военные и военно-морские агенты в Японии фигурировали в исторических описаниях русско-японской войны бессистемно или же отсутствовали в них вообще. Непосредственно после конфликта официальная историография Российской империи уделила ограниченное внимание деятельности агентов в Японии. В 1910–1913 годах военно-историческая комиссия при Главном управлении Генштаба опубликовала девятитомный труд «Русско-японская война 1904–1905 гг.», в первом томе которого были кратко рассмотрены отчеты и мнения русских военных агентов К.И. Вогака (1893–1896), Н.И. Янжула (1896–1899), Г.М. Ванновского (1900–1902) и В.К. Самойлова (1903–1904). Негативные оценки Ванновского получили весьма поверхностное освещение⁸. В 1912–1918 годах историческая комиссия при Морском генеральном штабе опубликовала собственное семитомное исследование «Русско-японская война 1904–1905 гг.», первый том которого содержал скупой обзор деятельности военно-морских агентов лейтенанта И.И. Чагина (1897–1900) и капитана 2-го ранга А.И. Русина (1901–1904)⁹.

---

⁷ Тани Т. Секретная история русско-японской войны. – С. 31. Ссылаясь на военного министра А.Н. Куропаткина, Тани писал, что «Куропаткин, который когда-то настаивал на оккупации Маньчжурии, стал придерживаться более сдержанных взглядов после посещения Японии».

⁸ ВИК. Русско-японская война 1904–1905 гг. – Т. I. С. 421–450.

⁹ Историческая комиссия действия флота в войне 1904–1905 гг. при Морском генеральном штабе [далее ИК]. Русско-японская война 1904–1905 гг. В 7 кн., незаверш. – СПб./Петроград, 1912–1918. – Кн. 1. С. 123–136.

После революции 1917 года наступила долгая тишина, в течение которой сама тема, связанные с ней документы и военные архивы в целом оставались засекреченными. Только в 1996 году В.А. Петров опубликовал 19 рапортов и телеграмм Русина в петербургском историческом журнале «Русское прошлое». В 1998 году в московском журнале «Знакомьтесь – Япония» вышла новая статья Петрова «Русские военно-морские агенты в Японии (1858–1917)»¹⁰. В 2000 году Е.В. Добычина опубликовала подробный обзор деятельности русских военных агентов на Дальнем Востоке, уделив особое внимание К.И. Вогаку¹¹. Это были новаторские исследования.

С приближением сотой годовщины русско-японской войны в академической среде наблюдался возросший интерес к исследованиям по конфликту. Серьезные статьи о военных агентах двух молодых российских исследователей, П.В. Кондратенко и В.Б. Каширина, вошли в сборник под редакцией О.Р. Айрапетова¹². С учетом появления новых вторичных и доступных первичных источников, вероятно, пришло подходящее время для более полной оценки русских военных и военно-морских агентов, в особенности их лучших представителей, К.И. Вогака и А.И. Русина. Опираясь на упомянутые выше работы как на ориентир, данное исследование дополняет взгляд на проблему материалами из российских и японских архивов¹³. Тема имеет значение не только

---

¹⁰ *Петров В.А.* Из предыстории русско-японской войны: Донесения морского агента в Японии А.И. Русина (1902–1904 гг.) // *Русское прошлое.* – № 6 (1996). – С. 52–94; *В. Петров.* Русские военно-морские агенты в Японии (1858–1917) // *Знакомьтесь – Япония.* – № 19 (1998). – С. 52–61.

¹¹ *Добычина Е.В.* Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке в 1895–1897 годах // *Отечественная история.* – № 1 (январь 2004). – С. 161–170.

¹² *Кондратенко П.В.* Российские морские агенты об усилении японского флота в конце XIX – начале XX века. // *Русско-японская война 1904–1905 гг.* / Под ред. О.Р. Айрапетова. – М.: Три квадрата, 2004. – С. 62–110; *Каширин В.Б.* Русский Мольтке смотрит на восток. Дальневосточные планы Главного штаба Российской империи во время японо-китайской войны 1894–1895 гг. // Там же. – С. 150–182.

¹³ Особенно полезными оказались Российский государственный архив (РГИА), фонд 560 (министерство финансов), опись 28 и фонд 1282 (В.К. Плеве), опись 1; Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 32 (Е.И. Алексеев). Ф. 4171 1. Ф. 1335 (А.И. Русин); Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 601 (Николай II); Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 165

для специалистов по страноведению, заинтересованных в «изучении соседа», но и при освещении той роли, которую отчеты агентов играли в подготовке Российской империи к войне с Японией.

Изучение Японии К.И. Вогаком

20 февраля 1893 года (по старому стилю) Константин Ипполитович Вогак получил приказ о назначении военным агентом в Японии. С 26 марта прошлого года он служил военным агентом в Китае. Направление в Токио было дополнительным заданием, которое предполагало, что Вогак будет ежегодно проводить в Японии два месяца. Согласно Каширину, Вогак родился 3 августа 1859 года в дворянской семье, проживавшей в Калужской губернии¹⁴. Считалось, что его семья имеет шведское происхождение¹⁵. Его отец, Ипполит Вогак, был вице-адмиралом, который смог подняться в должности до заместителя командующего Балтийским флотом¹⁶. Молодой Вогак окончил 2-й Кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Военную службу он начал в 1878 году корнетом лейб-гвардии Уланского полка. В 1881–1884 годах он посещал Николаевскую академию Генштаба. В 1889 году Вогак начал работать в Главном штабе, а в 1893 году он был командирован на Дальний Восток начальником штаба генералом Н.Н. Обручевым¹⁷.

(А.И. Куропаткин). Автор также выражает благодарность Брюсу Меннингу за возможность ознакомиться с предварительной версией его статьи «Miscalculating One's Enemies: Russian Military Intelligence before the Russo-Japanese War» до предстоявшей публикации в сборнике «War in History» (XIII, no. 2, Spring 2006; P. 141–170).

¹⁴ *Каширин В.Б.* Русский Мольтке смотрит на восток. – С. 152; Послужной список К.И. Вогака // РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 183718. Даты, которые приводятся здесь и далее (если не дана двойная форма), соответствуют Юлианскому календарю (или старому стилю), на тот момент отстававшему от грегорианского на 13 дней.

¹⁵ *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата. 1893–1922. – М.: Соцэкгиз, 1959. – С. 58.

¹⁶ См. послужной список его младшего брата: РГВИА. Ф. 409. Д. 99–143. Л. 1. См. также: Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. Т. II (1922). – С. 114.

¹⁷ *В.Б. Каширин.* Русский Мольтке смотрит на восток. – С. 152.

Известно, что в Японии Вогак нанял переводчика¹⁸. Навыки Вогака оказались особенно востребованными во время японо-китайской войны 1894–1895 годов. Его объемные отчеты заняли два тома «Сборника географических, топографических и статистических материалов по Азии», опубликованного военно-ученым комитетом Главного штаба. Уже 24 июня (6 июля) 1894 года Вогак докладывал из Тяньцзиня:

«Минувший год, когда я немало занимался изучением японской армии по документам, переведенным на русский язык, обработку которых я отложил до предстоящей поездки в Японию, убедил меня, что с японской армией очень и очень надо считаться. Я считаю своим долгом доложить, что Япония положительно самое сильное в военном отношении государство на крайнем востоке, не исключая и России. Ее 60,000 армия, которая при мобилизации почти утраивается, заслуживает полного внимания, как в смысле организации, так и в отношении личного состава – это мнение всех лиц, которым приходилось видеть эту армию. Не надо забывать и очень хорошего флота, который не стоит недвижимо в портах, как китайский, а плавает и совершенствуется»¹⁹.

Вогак прибыл в Токио в апреле 1894 года, на пике обострения японо-китайских отношений. Порядком раздраженный навязчивым стремлением японцев к секретности, он все же смог получить материалы для анализа после переговоров с Каваками Сороку, заместителем командующего Генеральным штабом. 22 сентября (4 октября) Вогак писал:

«Вне всякого сомнения, что мобилизация и перевозка войск по железным дорогам и водою совершаются положительно блистательно, так что этому может позавидовать любая европейская держава. <...> Железные дороги работают прекрасно. <...> Посадка производится с таким совершенством, какого мне еще никогда не приходилось видеть. <...> Словом, всё идет как по маслу и японский главный штаб положительно может гордиться достигнутыми результатами. <...> Я думаю, что в лице Японии мы имеем опасного соседа, с которым нам в будущем придется много считаться и который может наделать нам много хлопот и затруднений. <...> В лице Японии народилась новая сила, которая будет иметь большое влияние на судьбы дальнего востока»²⁰.

---

¹⁸ Сборник географических топографических и статистических материалов по Азии, в 87 томах. – СПб., 1883–1914. Т. LX. С. 87.

¹⁹ Там же. С. 60.

²⁰ Там же. С. 80–81, 83.

Такая оценка японского потенциала была сделана еще до того, как Вогак увидел японскую армию в бою. 27 сентября (9 октября) он покинул Токио и вместе с майором Икеда отправился в Хиросиму, чтобы посетить ставку японского генерального штаба. Там он коротко встретился с Каваками, который заявил, что Россия и Япония должны объединиться против Великобритании. Вогак также был удостоен аудиенции у императора Мэйдзи, который пожелал выслушать его предложения и советы на предстоящую военную компанию против Китая²¹.

8 (20) октября Вогак сел на японский корабль, который доставил его в Чемульпо. Там он присоединился к первой дивизии 2-й армии под командованием Оямы Ивао, чтобы затем наблюдать за Пхеньянским сражением и битвой при Ялу. В отчете от 16 (28) февраля 1895 года он так оценивал японскую армию:

«Для меня теперь не остается никакого сомнения в том, что в лице Японии мы имеем соседа, заслуживающего полного с нашей стороны внимания. До сих пор в вопросах, касающихся нашего положения на дальнем востоке, обыкновенно принимались в расчет главным образом Китай и Англия. Ныне здесь объявилась новая данная, с которой приходится очень считаться. Японская армия уже теперь представляет собой внушительную силу, прекрасно организованную, составленную из отличных солдат, очень хорошо обученных и воспитанных, руководимых офицерами, всецело преданными своему делу, относящимися к службе с завидной любовью и разумным рвением. Про чувства долга, патриотизма в армии – и говорить нечего; эти качества присущи японцам с рождения, это характерные черты нации. Я видел японские войска на походе зимой, при крайне трудных условиях; я видел их в бою, правда, с китайцами, но все-таки под очень сильным огнем, и не могу отозваться о них иначе, как с искренним уважением и полной похвалой. Организация тыла, служба транспортов, предварительная подготовка операций – положительно оставляют желать очень мало, особенно приняв во внимание трудные условия театра войны и его удаление от главного базиса. Всё предусмотрено, всё прилажено, ничего не упущено из виду. Столь успешное разрешение наиболее сложных и деликатных вопросов современных операций могло бы несомненно сделать честь главному штабу любой европейской армии. Медицин-

---

²¹ Там же. – С. 90, 92.

ская часть – вне всякой конкуренции; ни в одной армии Европы нет чего-либо подобного в отношении подачи помощи на поле сражения, устройства госпиталей, эвакуации и пр.»²².

Преемники Вогака

Вогак предложил выслать для аккредитации в Японии отдельного военного агента. Во второй половине 1896 года в Токио в качестве первого постоянного русского военного агента прибыл бывший начальник 13-й пехотной дивизии полковник Николай Иванович Янжул. Янжул оценивал японскую армию почти так же, как Вогак. Побывав на полевых маневрах 1896 года, Янжул написал в отчете:

«Хотя трудно судить о качествах войск на основании 3–4-х дневных наблюдений, я тем не менее должен засвидетельствовать, что пехотные части 5-й и 6-й дивизий произвели на меня самое выгодное впечатление. Решаюсь даже сказать, что в отношении обучения (одиночного, а также рот и батальонов), снаряжения и подвижности эти части по справедливости могут быть поставлены наряду с любыми европейскими войсками»²³.

Впоследствии опыт, накопленный Янжулом на должности агента, проявился в рапорте от июня 1898 года. В случае возникновения ситуации, требовавшей вторжения русской армии в Японию, Янжул считал наиболее подходящим местом для высадки войск порт Симидзу. Начав движение оттуда, русский десант смог бы захватить город Сидзуока и затем перейти в Нагойю. В широкой перспективе Янжул описывал план захвата центральной части Хонсю, крупнейшего острова Японии. Однако японские агенты смогли завладеть копией рапорта и показать ее императору Мэйдзи. Из документа было очевидно, что поддержку Янжулу оказывали священники Русской православной церкви в Японии²⁴. Несмотря на предвзятый характер доклада, сделанное Янжулом описание Японии и японской армии продемонстрировало высокий уровень компетентности агента.

---

²² Там же. – С. 107–108.

²³ ВИК. Русско-японская война 1904–1905 гг. – Т. I. С. 427.

²⁴ *Хара Го*. Доклад Янжула // Гуньдзи сигаку. Т. 28. № 4 (март 1993). С. 47–57 [на яп. яз.].

Тем временем в начале 1898 года на смену пожилому военному министру П.С. Ванновскому пришел генерал Алексей Николаевич Куропаткин. Когда Янжул запросил отпуск в связи с семейными обстоятельствами, Куропаткин временно, на период с 1898 по 1899 г., заменил его на полковника Глеба Михайловича Ванновского, племянника бывшего военного министра. В 1900 году назначение стало постоянным²⁵. Ванновский родился 5 марта 1862 года, получил образование в элитном Пажеском корпусе и вступил на военную службу офицером кавалерии. После окончания академии Генерального штаба, в 1891 году он начал работать в Главном штабе²⁶. 22 февраля 1900 года, перед занятием постоянной должности агента в Японии, он составил свою первую известную записку, посвященную японской армии. Он писал в частности:

«Японская армия далеко еще не вышла из состояния внутреннего неустройства, которое неизбежно должна переживать всякая армия, организованная на совершенно чуждых ее народной культуре основаниях, усвоенных с чисто японской слепой аккуратностью и почти исключительно по форме, а не по существу, как, впрочем, это замечается и во всех прочих отраслях современной японской жизни. <...> Пройдут десятки, может быть, сотни лет, пока японская армия усвоит себе нравственные основания, на которых зиждется устройство всякого европейского войска <...>»²⁷.

Оценки Ванновского, по всей видимости, являлись продуктом его размышлений над книгами о Японии, которые в то время издавались в Российской империи. Например, Александр Пеликан, бывший консул в Иокогаме (1879–1884), опубликовал в 1895 году книгу «Прогрессирующая Япония». Он характеризовал Японию и ее армию следующим образом:

«[П]одражая во всем примеру великих европейских держав, Япония содержит значительную армию, которая для нее, как для морской по географическому положению державы, совершенно излишня. <...> Как материальный прогресс японцев не свидетельствует об их культурном росте, так и умственное их преус-

²⁵ *Menning B. Miscalculating One's Enemies.* – P. 143–144, 150–151. Ранее Г.М. Ванновского часто путали с Борисом Петровичем Ванновским, сыном бывшего военного министра.

²⁶ *Послужной список Г.М. Ванновского // РГВИА. Ф. 403. Д. 150–504. Л. 267 об.–268 об.*

²⁷ *ВИК. Русско-японская война 1904–1905 гг. – Т. I. С. 430–431.*

пеяние оказывается совершенно призрачным и не соответствующим народным потребностям»²⁸.

Ванновский, очевидно, разделял эти идеи. Не менее примечательно, впрочем, что военный министр Куропаткин открыто соглашался с Ванновским и 6 марта 1900 года оставил о его записке такой комментарий: «Читал. Увлечений наших бывших военных агентов японской армией уже нет. Взгляд трезвый»²⁹.

После прибытия в Японию Ванновский представил негативный отчет о японской армии. В его описании маневров под Сендаем в 1901 году содержались следующие ремарки:

«Что касается тактической подготовки пехоты, то она слаба и не сделала почти никаких успехов за последние три года. <...> Артиллерия по самой своей организации оказалась неудовлетворительной. <...> Кавалерия на этих маневрах, как и всегда, оказалась самым слабым родом оружия японской армии. <...> [П]ротив такой армии сильный конный отряд, снабженный артиллерией, будет при мало-мальски быстрых и энергичных партизанских действиях иметь верный и решительный успех»³⁰.

Восприятие японской армии Ванновским во многом соответствовало общему курсу и планам Куропаткина. Военный министр считал, что Япония не является опасным врагом для России. Русским военным и военно-морским агентам на Дальнем Востоке, включая Вогака, взгляды Ванновского были известны. Вогак наверняка презирал Ванновского, и, согласно ряду предположений, в 1900–1903 годах отношения Вогака с военным министром Куропаткиным заметно ухудшились.

Вогак и Безобразов

В 1903 году этот Вогак появился на фронте политической жизни России в качестве одного из близких сторонников пресловутого А.М. Безобразова. До сих пор его прошлое и роль в группе Безобразова были никогда не выяснено³¹.

---

²⁸ Пеликан А. Прогрессирующая Япония. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1895. – С. 158, 162.

²⁹ ВИК. Русско-японская война 1904–1905 гг. – Т. I. С. 431.

³⁰ Там же. – С. 431–434.

³¹ Борис Романов, называя Вогака просто «безобразовцем», указал, что его записка была прочитана в совещании 7 Мая. Романов Б.А. Россия в Мань-

В конце 1902 года дворянин, предприниматель и авантюрист Александр Михайлович Безобразов отправился в командировку на Дальний Восток как представитель Восточно-Азиатской промышленной компании, а также с Высочайшим поручением. Безобразов обращался за советами к Вогаку и, очевидно, разделял его убеждения относительно ситуации на Дальнем Востоке. Кроме того, Безобразов, по всей видимости, настойчиво просил императора вернуть Вогака в Санкт-Петербург. 2 марта 1903 года контр-адмирал А.М. Абаза, близкий союзник Безобразова, сообщил Куропаткину, что император изъявил желание сделать Вогака участником безобразовской Восточно-Азиатской промышленной компании³². Сообщение могло быть камуфлированным 5 марта Куропаткин лично высказал царю свои возражения по поводу деятельности Безобразова, но царь все же приказал Куропаткину вызвать Вогака³³.

21 марта (3 апреля) 1903 года Д.Д. Покотилов, представитель министерства финансов, докладывал с Дальнего Востока:

Безобразов выехал третьего дня из Порт-Артура. По дороге предполагает захватить в Харбин. С ним вместе выехал генерал-майор Вогак. Безобразов предложил ему главное заведывание военной частью в его предприятии с окладом 24.000 рублей в год. Генерал-майор Вогак, только что вернувшийся из отпуска в Китае, вызван в С.-Петербург особым Высочайшим повелением, последовавшим в начале марта после переговоров его с Безобразовым³⁴.

27 марта Безобразов и Вогак вместе выехали в Санкт-Петербург³⁵.

чжурин (1892–1906). Л., 1926. С. 410. Давид Макдональд дал более подробное изложение о деятельности Вогака. *McDonald David Macralen. United Government and Foreign Policy in Russia, 1900–1914.* – Harvard Univ. Press, 1992. P. 52, 54, 57, 58. Игорь Лукоянов упомянул Вогака только один раз в его тексте. *Лукоянов Игорь В. «Bezobrazovtsy» // The Russo-Japanese War in Global Perspective, Leiden, 2005. P. 80.* Но исключительно богатое изложение о роли Вогака можно найти в книге Симанского. *Симанский П.Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие Русско-Японской войне (1891–1903 гг.), в 3 частях. Ч. 3.* – СПб., 1910.

³² Дневник А.Н. Куропаткин». С. 33. О деятельности Безобразова и «безобразовской клики» см.: *Lukoianov I.V. «The Bezobrazovtsy» // J. Steinberg et al. (eds.) The Russo-Japanese War in Global Perspective: World War Zero.* – Leiden and Boston, 2005. P. 65–86.

³³ Дневник А.Н. Куропаткина. С. 34.

³⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 275. Л. 193.

³⁵ Телеграмма. Югович и Игнациус. 27 марта 1903 г. Там же. Л. 205.

В начале апреля они прибыли в столицу. К этому моменту участники прошедшего 26 марта Особого совещания отклонили предложения Безобразова по открытой правительственной поддержке его предпринимательской деятельности на Дальнем Востоке. Николай II не стал принимать Безобразова сразу после его приезда. Во время встречи Вогака и Куропаткина военный министр показал Вогаку протокол совещания 26 марта. Куропаткин сказал, что если Вогак планирует работать в компании Безобразова, ему нужно покинуть должность агента в Китае³⁶. Ситуация осложнилась после того, как Абаза предложил Вогаку составить записку «Значение договора от 26 марта 1902 г. в развитии вопроса о Маньчжурии». 25 апреля царь пригласил Вогака, чтобы обсудить документ³⁷.

Записка Вогака содержал критику внешней политики Российской империи на Дальнем Востоке после японо-китайской войны³⁸. С его точки зрения, Российской империи не удалось «эксплоатировать в свою пользу благодарность Китая, ни укрепить оборону против сильной Японии». Поскольку «военные успехи Японии не были признаны достаточно доказательными», по мнению Вогака, «Империя Микадо не дано была соответствующего места в вопросах Дальнего Востока». Вместо этого Россия выбрала неоднозначный курс «ни вражды, ни дружбы» с Японией, подтолкнув ее тем самым к союзу с Великобританией. Договор от 26 марта 1902 г., по которому Россия согласилась вывести свои войска из Маньчжурии, был следствием дипломатического провала. Уступки Российской империи воспринимались как слабость государства. Считалось, что Россия не сможет вести войну на Дальнем Востоке из-за внутренних конфликтов и финансового кризиса. Вогак считал, что если русские войска покинут Маньчжурию, то ее оккупирует Китай и на смену России придут другие державы. Российская империя утратит свое исключительное влияние и, вероятно, будет вынуждена воевать. Однако война в Маньчжурии, «даже при блестящем ее исходе, нежелательна; при меньших же успехах она может сказаться бедственной. В качестве потенциального врага гораздо более выгодной была бы Япония. Если русские войска уйдут, Порт-Артур окажется в изоля-

³⁶ Вогак – Алексееву. 21 мая 1903 г. // РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 179. Л. 2.

³⁷ Там же. Л. 2; Дневник Николая II. Запись от 25 апреля 1903 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 245. Л. 174.

³⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 213. Л. 135–141.

ции. А если Порт-Артур будет потерян, репутации Российской империи будет нанесен большой ущерб.

На основе этих предпосылок Вогак делал вывод, что «предотвращение войны на Дальнем Востоке является для России вопросом первостепенной государственной важности». Для достижения этой цели он предлагал осуществление четырех мер: 1) прекратить политику уступок; 2) вывести русские войска из Маньчжурии в соответствии с договором от 26 марта 1902 г.; 3) дать понять, что Россия «не намерена уступать кому либо своего места», и что она «готова поддержать это решение с оружием в руках»; 4) увеличить воинский контингент на Дальнем Востоке, чтобы обозначить эту позицию. Нарращивание мощи, таким образом, должно было предотвратить нежелательную войну. По отзыву Вогака, во время полуторачасовой беседы о ситуации на Дальнем Востоке царь продемонстрировал гораздо лучшую осведомленность в дальневосточных делах, чем он сам ожидал³⁹.

Из дневника Николая II мы знаем, что 27 апреля он встретился с Абазой, а на следующий день – с Безобразовым. Только после разговора с Вогаком император принял предложение Безобразова по изменению курса на Дальнем Востоке. 30 апреля Николай снова встретился с Безобразовым и Абазой. В своем дневнике он записал: «Долго принимал Безобразова и Абаза по вопросу об объединении всего управления и направления всех дел на Дальнем Востоке»⁴⁰. Основной переменной в этой ситуации был доклад Вогака, который, очевидно, ускорил переход к новой политике на Дальнем Востоке и создание Дальневосточного наместничества.

То, что курс изменился, стало очевидно сразу же. 2 мая Николай отправил телеграмму вице-адмиралу Е.И. Алексееву, командующему морскими силами Тихого океана. Царь сообщил Алексееву о решении назначить вице-адмирала наместником Его Императорского Величества на Дальнем Востоке. Николай отдал распоряжение «подготовиться к этой деятельности и наметить в крупных чертах, форму», в которую новое положение Алексеева может быть облечено. Непосредственные задачи Алексеева включали осуществление мер, чтобы не допустить проникновения в Маньчжурии иностранного влияния в каком бы то ни было виде после договора от 26 марта 1902 года. Первой мерой было

³⁹ Вогак – Алексееву. 21 мая 1903 г. // РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 179. Л. 2.

⁴⁰ Дневник Николая II. 27–29 апреля 1903 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 245. С. 176–178.

«поставить боевую готовность на Дальнем Востоке в полное равновесие» с русскими «политико-экономическими задачами». Вторая мера – «дать широкое развитие деятельности русских предпринимателей в Маньчжурии»⁴¹.

О создании Дальневосточного наместничества, при этом, ничего не говорилось. Впрочем, позже Вогак объяснил Алексееву, что телеграмма царя предписывала учреждение такого института⁴².

Доклад Вогака и особое совещание 7 мая 1903 года

6 (19) мая Безобразов получил должность Статс-секретаря, фактически став членом правительства. Вогаку в то же время был пожалован беспрецедентный титул Свиты Его Императорского Величества Генерал⁴³. На следующий день царь самолично председательствовал на Особом совещании, в котором принял участие и Вогак⁴⁴. Безобразов открыл заседание с отчета о своей лесной концессии на реке Ялу. Он внес на рассмотрение семь поправок к резолюции, принятой на совещании 26 марта. В ходе последовавшей дискуссии министр финансов Витте призывал к достижению компромисса, однако министр иностранных дел В.Н. Ламсдорф отвергал поправки Безобразова в принципе.

Царь выразил убеждение в том, что «уступки всегда влекут за собой уступки же», и попросил Вогака прочитать свой доклад. Витте затем объявил, что как минимум три предложения Вогака не могут быть реализованы, полагая при этом, что «ситуация на Дальнем Востоке не так опасна, как изображено в докладе». Ламсдорф раскритиковал Вогака за игнорирование важных документов и выразил готовность составить записку с опровержением. Начальник Главного штаба В.В. Сахаров назвал ситуацию на Дальнем Востоке столь серьезной, что возможность любого кон-

---

⁴¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 213. Л. 132–132 об.

⁴² Вогак – Алексееву. 21 мая 1903 г. // РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 179. Л. 2–3.

⁴³ *Симанский П.Н.* События на Дальнем Востоке... Ч. 3. С. 90.

⁴⁴ Отчет об Особом совещании 7-го мая 1903 года в Высочайшем Его Императорского Величества присутствии // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 213. Л. 150–158.

фликта с Японией должна быть исключена. А по мнению министра внутренних дел В.К. Плеве, доклад Вогака продемонстрировал крайнюю слабость позиции Российской империи на Дальнем Востоке, которая требовала от коммерческого предприятия Безобразова предельной аккуратности, чтобы не допустить конфликта.

Царь пришел к заключению, что поправки Безобразова должны заменить собой предыдущие решения и попросил прочитать его телеграммы адмиралу Алексееву и генералу Куропаткину от 2 мая. Что касается последнего, Николай приказал военному министру остаться на Дальнем Востоке до прибытия Вогака и Безобразова и ускорить развитие новых решений и новых обсуждений⁴⁵. Протокол совещания закреплял семь поправок Безобразова. Более значимо, однако, что доклад Вогака фактически стал основой нового дальневосточного курса Российской империи.

Чтобы ответить на обвинения Вогака, министр иностранных дел Ламсдорф составил длинную записку в защиту российской внешней политики после японо-китайской войны⁴⁶. 17 мая Ламсдорф отправил записку Витте⁴⁷. Витте сделал вывод, что Россия будет в безопасности, если не станет провоцировать Японию, но предупредил, что «время – единственный союзник России».

Вогак и Куропаткин в Японии и в Порт-Артуре

После Особого совещания 7 мая Вогак вернулся на Дальний Восток. Он прибыл в Порт-Артур 26 мая (8 июня) и передал Куропаткину все материалы, касавшиеся заседания 7 мая, а также несколько дополнительных указов. Куропаткин записал в своем японском дневнике, что Вогак по-прежнему вызывал у него доверие и симпатию и что их дискуссии оставались дружелюбными, но, скорее всего, замечания военного министра носили притворный характер⁴⁸. Выражаясь напрямую, Куропаткин считал, что доклад Вогака содержал корректный диагноз, но неправильный

---

⁴⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 213. Л. 133.

⁴⁶ Там же. Л. 164–175 об.

⁴⁷ Там же. Л. 179.

⁴⁸ Куропаткин А.Н. Японские дневники // Российский архив. VI (1995). С. 398.

метод лечения⁴⁹. В сущности, военный министр не разделял взглядов агента. С точки зрения Куропаткина, главная военная опасность для России всегда исходила из Европы, поэтому тратить большую часть военного бюджета на Дальний Восток было невозможно⁵⁰. Среди документов, которые Вогак привез для Куропаткина, была записка без названия и автора, на которой военный министр позже указал: «Это было написано Безобразовым вместе с Вогаком и Абазой и передано мне Вогаком 26 мая»⁵¹. Безымянная записка предполагала сосредоточение исполнительной власти на Дальнем Востоке в руках одного полномочного представителя, а также создание Специального комитета по Дальнему Востоку. Куропаткин, однако, не сразу распознал всей значимости этого предложения.

Вогак сопровождал Куропаткина во время его поездки в Японию 28 мая. Куропаткин встретился с императором Мэйдзи, гэнро (старейшиной) Ямагатой Аритомо, Ито Хиробуми, премьер-министром Кацура Таро, министром иностранных дел Комура Дзютаро, военным министром Тэраути Масатакэ, начальником Генерального штаба Оямой Ивао и бывшим военным агентом в Петербурге генералом Мурата Ацуси. Вогак постоянно был рядом с Куропаткиным, иногда выполняя роль переводчика. Военному министру Тэраути Куропаткин осмелился указать на слабость японской конницы и сказал, что в случае войны русская армия сможет очень быстро ее уничтожить⁵².

После смотра военной подготовки Токийского гарнизона Куропаткин написал, что следует «осторожнее признавать японскую военную силу по своим достоинствам равную европейским». В то же время Куропаткин считал наиболее выгодным способом действий против японских войск ночные атаки на конницу⁵³. Он также уделял особое внимание отсутствию религиозности у японцев. Он считал, что «это большая слабость японской армии»⁵⁴. Следует заметить, что теперь Куропаткин стал более

---

⁴⁹ Там же. С. 400.

⁵⁰ Там же. С. 399.

⁵¹ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 872. Л. 1–2.

⁵² *Куропаткин А.Н. Японские дневники.* С. 414.

⁵³ Там же. С. 418.

⁵⁴ Там же. С. 436. Позже, в конце 1903 года, в заключительном отчете о своем визите в Японию Куропаткин особо выделил эту слабость японской армии в завершающей части. См. черновик его отчета: РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 957. Л. 24–24 об.

трезво оценивать японский военный потенциал, но его восприятие всё равно оставалось ближе к взглядам Ванновского, чем к взглядам Вогака⁵⁵.

Куропаткин вернулся в Порт-Артур 17 июня и на следующий день провел переговоры с Алексеевым и Безобразовым. 19 июня к ним присоединился Вогак. И на первой, и на второй встрече все участники сошлись в том, что соглашение от 26 марта 1902 года не могло быть выполнено, а воинский контингент в Маньчжурии следовало усилить. Кроме того, все согласились с нежелательностью российской оккупации северной части Кореи или всей Кореи целиком. Японская оккупация южной части Кореи или всего Корейского полуострова была также нежелательна. В случае оккупации Японией Южной Кореи Россия должна была протестовать, но без применения оружия⁵⁶. Что касается Русского лесопромышленного товарищества («дочки» Восточно-Азиатской промышленной компании), то участие в нем действительных военнослужащих стало причиной разногласий между Куропаткиным и «безобразовской кликой»⁵⁷. В достижении компромисса должно было помочь решение царя. Во время обсуждения адмирал Алексеев заметил, что «совокупность всех сведений, получаемых из Японии, и впечатления лиц, прибывающих оттуда приводят его на убеждение, что Россия стоит близко к возможности войны с Японией». Исходя из этого, он сделал вывод, что Россия должна «относиться с крайней осторожностью ко всем действиям, которые могут ускорить взрыв и тщательно избегать к этому поводу»⁵⁸.

По ряду решений трое участников были практически единогласны. Однако 20 июля Безобразов отправил письмо царю, где изложил некоторые собственные возражения. С точки зрения Безобразова, Российская империя могла позволить Японии сохранять активность в южной части Корейского полуострова, но

---

⁵⁵ Брюс Меннинг пишет об этом так: «Уверенность Куропаткина в успехе партизанских маневров отражала пренебрежение к силе и боевой готовности японской армии, свойственное не только полковнику Ванновскому...», но при этом «личные замечания военного министра демонстрируют оценку японской армии, более напоминающую генерала Вогака, <...> чем полковника Ванновского». См.: *Menning B. Miscalculating One's Enemies*. P. 155, 165.

⁵⁶ Заключение Совещания по вопросу о Маньчжурии. № 1, 2 // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 213. Л. 196–197.

⁵⁷ Там же. № 6. Л. 204 об.

⁵⁸ Там же. № 9. Л. 209.

ни в коем случае не должна была допускать японцев в его северную часть⁵⁹. Безобразов рассматривал Северную Корею как буферную зону, защищавшую Россию от Японии. В письме Безобразова также подробно описывалась военная ситуация на Дальнем Востоке – оборона Российской империи была слаба и находилась в критическом состоянии⁶⁰.

Суждения Безобразова о военной ситуации на Дальнем Востоке во многом основывались на наблюдениях генерала Вогака. Когда Безобразов составил отдельную записку «Силы Японии и России на Дальнем Востоке», Куропаткин раскритиковал его выводы и выступил в защиту русской обороны на Дальнем Востоке. Безобразов был уверен, что слабому Порт-Артуру не поможет временное укрепление и в случае войны крепость придется оставить или сдать. Куропаткин отрицал такую возможность, подчеркивая достоинства крепостного гарнизона и Тихоокеанской эскадры⁶¹.

Дальневосточное наместничество и Вогак

В конце июля 1903 года накануне императорского указа о создании Дальневосточного наместничества возникла серьезная проблема. Адмирал Алексеев, которого Николай II и Безобразов считали единственным кандидатом в наместник, отклонил предложение, ссылаясь на нехватку личного опыта и отсутствие необходимого рвения и энергии после предыдущих четырех лет работы⁶². Безобразов неоднократно упрашивал Алексеева поменять свое мнение, а Вогак написал Алексееву личное письмо, в котором объяснил, что царь видит адмирала единственным претендентом на пост, способным осуществить его волю⁶³. В конце концов, 30 июля (12 августа) император издал указ об учреждении Дальневосточного наместничества, так и не дождавшись согласия Алексеева. Адмирал узнал об указе и своем новом статусе наместника

---

⁵⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 213. Л. 218 об.–219.

⁶⁰ Там же. Л. 217.

⁶¹ Текст записки Безобразова с замечаниями Куропаткина. 1 августа 1903 г. // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 900. Л. 15.

⁶² РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–1 об.

⁶³ Там же. Л. 7–8.

только 5 (18) августа, находясь во Владивостоке. Он был обязан принять назначение⁶⁴.

Тем временем в Санкт-Петербурге министры А.Н. Куропаткин, С.Ю. Витте и В.Н. Ламсдорф с удивлением узнали об указе из газет⁶⁵. Они встретились двумя днями спустя, сойдясь во мнении, что лесная концессия на реке Ялу имела провокационный характер и поэтому ее следовало заморозить⁶⁶. Вогак был в ярости, увидев, как военный министр Куропаткин изменил свои взгляды после возвращения в столицу⁶⁷.

16 августа долгосрочные усилия Безобразова по смещению Витте с поста министра финансов увенчались успехом. Но его собственные планы по экономической экспансии на Дальнем Востоке, противостоявшие более ранним инициативам Витте, были немногим эффективнее. Так, в записке от 21 июля Безобразов выразил надежду на то, что Вогаку удастся договориться о сотрудничестве по лесной концессии на реке Ялу с американским капиталистом Хантом⁶⁸. Однако 27 августа Вогак составил записку «О проблеме привлечения американского капитала в российские предприятия на Дальнем Востоке». Вогак полагал, что рассчитывать на американский капитал было невозможно, так как американцы видели противоречия в интересах США и Российской империи, а также считали войну Японии и России неизбежной⁶⁹. О военных перспективах Вогак писал так:

Принимаемые ныне меры по усилению нашего военного положения на ДВ [Дальнем Востоке], несомненно, позволяют нам спокойно смотреть на будущее и твердо идти по принятому направлению. С общей точки зрения, мы можем относиться равнодушно к толкам о неизбежности нашей войны с Японией⁷⁰.

Как будто чтобы укрепить это убеждение, Вогак рассматривал варианты соглашения между Россией и Японией. С его точки зрения, Япония должна была признать два факта: корейский вопрос не может быть решен без соглашения с Российской империи-

---

⁶⁴ Там же. Л. 10.

⁶⁵ Дневник А.Н. Куропаткина. – С. 45.

⁶⁶ *Симанский П.Н.* События на Дальнем Востоке... Ч. 3. С. 137–139.

⁶⁷ Вогак – Алексееву. 22 октября 1903 г. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 761. Л. 155.

⁶⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 759. Л. 182 об.

⁶⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 213. Л. 229–234.

⁷⁰ Там же. Л. 231.

ей; российско-японские отношения не улучшатся, пока Япония находится в союзе с Великобританией. Россия, в свою очередь, должна была усилить боевую готовность и упрочить свое положение в Маньчжурии, чтобы убедить Японию в необходимости заключения соглашения⁷¹.

В октябре Николаем был создан Особый комитет по делам Дальнего Востока, в состав которого был включен Вогак. Во второй половине месяца он вернулся на Дальний Восток, где провел переговоры с наместником Его Величества Алексеевым. После встречи Вогак отправил письмо Абазе, секретарю комитета:

«У Адмирала нет еще определенного представления о том, как будет поступлено с Маньчжурией, но я мог понять, что просто военную оккупацию он считает недостаточной. <...> Я все-таки счел возможным указать, что заботящие его вопросы разрешатся естественным путем, как только будет надлежащим образом установлена наша политико-экономическая программа. Эта мысль очень понравилась Адмиралу, и он сказал, что он и сам придает совершенно исключительное значение экономическим вопросам и имеет в виду поговорить о них со мной»⁷².

Судя по словам Вогака, он был убежден в том, что российская экономическая экспансия на Дальний Восток укрепит позиции Российской империи. После неудачи инициатив, предпринятых С.Ю. Витте, Безобразов и Вогак стали уповать на собственную версию экономического курса, которая в конечном итоге была обречена на ту же судьбу. Лесная концессия на реке Ялу была наглядным тому доказательством: деревья были повалены, но лесопилок не было, и предприятие ничего не продавало. В том же письме о разговоре с Алексеевым Вогак также сообщил о встрече с И.П. Балашовым, который возглавлял Русское лесопромышленное товарищество в Порт-Артуре:

«Окончательного заключения из моей беседы с ним я еще не вывел... Всё дело до такой степени запутано, что требуется немало времени на то, чтобы разобраться в нем. <...> [Д]ело можно спасти, но при непременно условии <...> [в частности] вручения руководства делом здесь на месте компетентному и совершенно самостоятельному лицу»⁷³.

---

⁷¹ Там же. Л. 231 об.—233.

⁷² РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 761. Л. 157 об.

⁷³ Там же. Л. 158—158 об.

Идея об отстранении от должности Балашова была практически неосуществима. В то же время неприглядное положение дел в Русском лесопромышленном товариществе грозило обернуться банкротством⁷⁴.

Безобразов и Куропаткин накануне войны

Если говорить о ситуации на Дальнем Востоке в целом, то в преддверии русско-японской войны во взглядах Безобразова произошла неожиданная перемена. Вероятно, он осознал, что «новый курс» Российской империи не мог предотвратить вооруженное столкновение с Японией. В записке, составленной 28 декабря 1903 года (10 января 1904), он предлагал заключение русско-японского союза⁷⁵. Он писал, что «прочный мир» «может создать только вполне искренний, на основании действительного соглашения интересов, *союз России с Японией*». Условия союза включали отказ от оккупации Маньчжурии и Кореи Россией и Японией соответственно, а также разрешение на разработку маньчжурских ресурсов Россией и корейских ресурсов – Японией. В заключительной части содержались такие слова: «Если мысли, изложенные в настоящей записке, одобрятся понимающими дело и власть имущими лицами, то для успеха дела существенно *важно* заключить союз *немедленно*».

29 декабря 1903 года (11 января 1904) Безобразов показал эту записку Тано Ютака, переводчику японского посольства в Петербурге. Безобразов попросил Тано передать посланнику Курино Синитиро следующее сообщение: если японская сторона сочтет эту идею приемлемой и если можно быть уверенным в том, что император Мэйдзи пришлет телеграмму с выражением «надежды на установление мира и дружеского сотрудничества», то Безобразов «примет все необходимые меры для мирного решения, чтобы достичь конечной цели». Безобразов был уверен, что сможет убедить Николая II принять подобный демарш⁷⁶. Тем не менее через

---

⁷⁴ См.: Обзор сношений России с китайским и японским правительствами, предшествовавших вооруженному столкновению с Японией // РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 27. Л. 29 об.–30.

⁷⁵ Эта записка находится в документах министра внутренних дел В.К. Плеве: РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 761. Л. 208–214.

⁷⁶ Нихон гайко бунсё [Документы внешней политики Японии]. Т. 37. Ч. 1. С. 40.

три дня Безобразов уехал в Женеву, оставив посланника Курино недоумевать о том, как следует относиться к сделанному предложению⁷⁷.

Есть основания полагать, что в развитии ревизионистского мышления Безобразова, включая идею о несостоятельности «нового курса» с точки зрения предотвращения конфликта, участвовал Вогак. Более того, в декабре 1903 года в Петербурге ходил слух о желании Безобразова заменить военного министра Куропаткина на начальника Главного штаба В.В. Сахарова – место Сахарова тогда бы занял Вогак⁷⁸.

В противовес инициативе Безобразова по созданию союза военных министр Куропаткин, по имеющимся данным, разрабатывал собственное решение дальневосточной дилеммы. В последние месяцы 1903 года Куропаткин предлагал рассмотреть возвращение Квантунского полуострова вместе с Порт-Артуром и продажу Южно-Маньчжурской железной дороги Китаю, а также оккупацию Северной Маньчжурии⁷⁹. Общее намерение состояло в том, чтобы не допустить войны с Японией.

Позже, в широко известном докладе о начале русско-японской войны Куропаткин противопоставил свое смелое предложение якобы примерно тогда же составленной записке Вогака «Общее положение дел на Дальнем Востоке (Маньчжурия и Корея)». По утверждению Куропаткина, его собственное предложение и записка Вогака поступили к Николаю II «практически одновременно»⁸⁰. «Общее положение дел» изобиловало планами активных операций в Маньчжурии и Корее. В верхней части документа, который хранился в канцелярии Куропаткина, была сделана пометка карандашом: «Записка представлена генералом Вогаком в сентябре 1903 года»⁸¹. При этом сама записка не подписана и не датирована. У нас нет уверенности в том, что она принадлежит перу Вогака. Как бы то ни было, документ не мог иметь прямого

---

⁷⁷ Там же. С. 40–41.

⁷⁸ Японский посланник Курино передал этот слух в Токио 12 (25) декабря 1903 года // Там же. Т. 36. Ч. 1. С. 804.

⁷⁹ Куропаткин впервые сформулировал свое предложение об уходе из Южной Маньчжурии и оккупации Северной в записке от 15 октября 1903 г.: РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 204. Л. 1–23 об. Его дальнейший план по сдаче Порт-Артура содержался в записке от 24 ноября 1903 г.: РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 944. Л. 1–15.

⁸⁰ Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича. – Л.: Государственное издательство, 1925. С. 36.

⁸¹ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 923. Л. 1.

отношения к событиям конца года, раз он был составлен еще в начале осени.

Таким образом, мы можем сделать надежный вывод, что идея Куропаткина могла быть противопоставлена только предложению Безобразова – вероятно, появившемуся с участием Вогака, – о заключении русско-японского союза. Но надвигавшуюся войну уже ничто не смогло бы остановить. После первых вооруженных атак Куропаткин уехал на Дальний Восток, став командующим Маньчжурской армией, а Безобразов и Абаза исчезли из общественной жизни. Вогаку, впрочем, удалось сохранить императорское доверие, и 24 марта 1905 года бывший агент в Китае и Японии стал русским военным агентом в Лондоне⁸².

Александр Русин – четвертый военно-морской агент в Японии

Первым русским военно-морским агентом в Японии был лейтенант А.Ф. Шванк, занявший эту должность в 1894 году. Подробные отчеты Шванка о японском флоте были объединены и отредактированы капитаном 1-го ранга А.М. Доможировым для «Сборника материалов по военно-морским вопросам»⁸³. Вторым агентом стал лейтенант И.В. Будиловский, сотрудник Главного морского штаба, составивший доклад о японском флоте⁸⁴. Именно он заложил институциональные основания для деятельности будущих военно-морских агентов в Японии, выбрав дом и штаб в Йокогаме, а также наняв Такахаси Монсаку в качестве переводчика⁸⁵.

Третий агент, лейтенант И.И. Чагин, прибыл в Японию в 1896 году⁸⁶. Он занимал эту должность четыре года, успев тщательно изучить японский флот. В 1898 году он опубликовал статью об

⁸² *Сергеев Е., Улуян А.* Не подлежит оглашению: Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914 гг. – М.: Реалии-Пресс, 2003. С. 435.

⁸³ *Кондратенко П.В.* Российские морские агенты... С. 62–71. См. также: Сборник материалов по военно-морским вопросам. Выпуск I. Японско-китайская война. – СПб., 1896.

⁸⁴ *Кондратенко П.В.* Российские морские агенты... С. 73–82. См.: *Будиловский И.* Японский флот. – СПб., 1890.

⁸⁵ *Петров В.* Русские военно-морские агенты в Японии. С. 54.

⁸⁶ *Кондратенко П.В.* Российские морские агенты... С. 83–99.

истории и современном состоянии ВМС Японии в «Морском сборнике», официальном журнале Российского императорского флота⁸⁷. В октябре 1899 года, докладывая о положении японского флота Главному морскому штабу, Чагин сделал такой вывод:

«Всё это еще раз приводит нас к заключению, что на Японской территории воевать с Японией весьма и весьма трудно и скорее невозможно; что для такой войны необходимо атакующему иметь такие громадные морские и сухопутные силы, быть очень крупные морские и сухопутные силы, каковыми пока не располагает здесь на Востоке ни одно государство»⁸⁸.

Вернувшись из Японии в 1900 году, Чагин был назначен старшим офицером крейсера «Россия»⁸⁹. Зимой 1902–1903 гг. он играл роль начальника японского Генерального штаба на практических занятиях по морской стратегии, проходивших в Николаевской морской академии. Темой занятий была возможная война с Японией⁹⁰.

В декабре 1899 года в Японию прибыл Александр Иванович Русин, ставший четвертым военно-морским агентом России. Русин родился в 1861 году в семье священника, в 1882 году окончил Морское училище и в 1888 году – Николаевскую морскую академию. Военную службу он начал на крейсере «Россия» под командованием капитана Доможирова. Именно Доможиров рекомендовал Русина на должность военно-морского агента в Японии⁹¹.

Находясь в Японии, капитан 2-го ранга Русин полностью доверился переводчику Такахаси, который остался работать у него после отъезда Чагина. Родом из Фукусимы, Такахаси Монсаку вырос в семье самурая, которая в 1880 году приняла православие. Сразу после этого события старшая сестра Монсаку Ине начала учебу в православной женской гимназии в Токио, и он сам вскоре

---

⁸⁷ Чагин И. Очерк развития японского флота // Морской сборник. – Вып. 286, № 7 (июль 1898). С. 45–66.

⁸⁸ Доклад И.И. Чагина от 12 октября 1899 г. // РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2128. Л. 97а.

⁸⁹ Чагодаев-Саконский А.П. На «Алмазе» (От Либавы через Цусиму – во Владивосток). – СПб.: М.А. Леонов, 2004. С. 122–123. Чагин стал командиром крейсера «Алмаз» в 1902 году.

⁹⁰ Война России с Японией в 1905 году. Отчет о практических занятиях по стратегии в Николаевской морской академии в продолжении зимы 1902–1903 года. – СПб., 1904. С. 2.

⁹¹ Петров В.А. Из предыстории русско-японской войны: Донесения морского агента в Японии А.И. Русина (1902–1904 гг.). С. 52. Автору не удалось найти послужной список Русина в российских архивах.

последовал ее примеру и поступил в токийскую православную семинарию. Там «Григорий» Монсаку в совершенстве овладел русским языком, а затем отправился на Кюсю, чтобы вести миссионерскую деятельность. Однако немногим позже склонность к разгульному образу жизни вынудила его покинуть Русскую православную церковь⁹².

Именно в этот момент русский военно-морской агент Будилловский пришел на помощь Такахаси, предложив ему должность переводчика. Такахаси не только переводил статьи из японских газет и различные публикации о японском флоте, но и находил японцев, готовых к сотрудничеству. Сам Русин собирал информацию из англоязычных источников. К тому же, они оба регулярно осматривали японские военно-морские базы. Как отмечает Брюс Меннинг, военно-морские агенты видели важное преимущество над своими коллегами по сухопутным войскам в «полной доступности японских морских сил, сосредоточенных большей частью в нескольких военных базах, которые могли находиться под прямым наблюдением»⁹³. Русин также открыто обращался к представителям японского флота с запросами на посещение верфей и других военных предприятий.

Естественным образом его деятельность привлекла внимание японской полиции. Первый полицейский отчет о Русине в архиве японского министерства иностранных дел датирован 23 (10) марта 1900 года. Губернатор префектуры Канагава докладывал:

«После своего прибытия новому русскому атташе Русину не удавалось найти достаточное количество полезных своей стране материалов для отчетов. Его доклады были короче, чем доклады его предшественника, Чагина. Это могло испортить репутацию. Поэтому он [Русин] попытался посетить каждую военно-морскую базу, чтобы получить необходимую информацию. Но, опасаясь возможности попасть под подозрение при личном осмотре флота, перепоручил это задание Такахаси Монсаку. Сегодня в 11:10 Такахаси сел на поезд из Иокогамы в Йокосуку»⁹⁴.

---

⁹² *Накамура К., Накамура Е.* Никорайдо но жосейтати [Женщины Русской православной церкви в Японии]. – Токио: Кёбункан, 2003. С. 373–374, 378–380, 408–409. Авторы изучали жизнь Такахаси Ине, директора православной женской школы в Киото.

⁹³ *Menning B.* *Miscalculating One's Enemies.* P. 148.

⁹⁴ Коллекция материалов о деятельности подозреваемого в военном шпионаже Такахаси Монсаку // Архив Министерства иностранных дел Японии. 5–11–10–11.

Русин отправлял свои отчеты контр-адмиралу З.П. Рожественскому, начальнику Главного морского штаба. Обычные рапорты шли в Санкт-Петербург почти месяц, но телеграммы через Порт-Артур и начальника штаба Тихоокеанской эскадры адмирала В.К. Витгефта могли дойти до столицы всего за несколько дней. Хотя Рожественский регулярно получал сообщения Русина, он зачастую пренебрегал трезвыми рассуждениями агента и его особыми предупреждениями.

Рожественский не стал уделять особого внимания и результатам практических занятий по стратегии, которые состоялись в Николаевской морской академии зимой 1902–1903 гг. Капитан 2-го ранга Л.А. Брусилов, брат знаменитого генерала А.А. Брусилова, играл роль начальника русского Главного морского штаба, а капитан 2-го ранга Чагин – японского. В этой игровой модели военных действий российская сторона ожидала, что Япония предпримет всё возможное, чтобы «сделать объявление войны как можно более внезапным». Тем не менее боевые действия начались чинно с почти синхронных объявлений войны каждой стороной⁹⁵. В то же время в завершающей части отчета о военной игре указывалось, что для нейтрализации русского флота на Дальнем Востоке должны быть уничтожены эскадры в Порт-Артуре и Владивостоке, и приводился следующий вывод:

«...а самым лучшим надо признать – внезапное нападение без предварительного объявления войны. При современном состоянии морского дела, флот, атакованный на якорю, можно считать бесповоротно погибшим. А так как наш флот обыкновенно стоит на открытом рейде Порт-Артура или в незащищенной бухте Та-лиенвана, то при внезапном нападении, даже одними японскими миноносцами наших, судов не будет в продолжении нескольких минут»⁹⁶.

Этот тезис был важным предостережением, которое могло бы спасти Тихоокеанскую эскадру Российской империи от серьезнейших потерь в начале русско-японской войны. Хотя адмирал Рожественский в ходе занятий выполнял функции арбитра, он, очевидно, не проявил должного внимания к подведению итогов игры⁹⁷. Учитывая эти обстоятельства, можно не удивляться тому,

---

⁹⁵ Война России с Японией в 1905 году. С. 3–4.

⁹⁶ Там же. С. 133.

⁹⁷ Грибовский В.Ю., Познахирев В.П. Вице-адмирал З.П. Рожественский. – СПб.: Цитадель, 1999. С. 133; Кондратенко П.В. Российские морские агенты... С. 106.

что сообщения от русского военно-морского агента в Японии, как правило, не вызывали в Главном морском штабе ощущения чрезвычайной ситуации.

Отчеты Русина за 1903 год

На протяжении 1903 года Русин отправлял многочисленные рапорты и телеграммы, которые предупреждали Санкт-Петербург и Порт-Артур о подготовке японцев к войне. В январе 1903 года Русин проинформировал адмирала Алексеева о четырех возможных планах действий японской армии в случае войны: 1) высадка армии на севере Кореи или вблизи Ялу и Пхеньяна; 2) высадка армии в Пусане и движение на Сеула; 3) высадка десантной армии вблизи Порт-Артура с одновременным или последующим движением в Маньчжурию; 4) занятие Кореи и ожидание наступления русских войск⁹⁸. Вплоть до самого начала войны в начале 1904 года Русин прикладывал все усилия, чтобы понять, какой вариант или комбинацию вариантов могла выбрать Япония.

В течение 1903 года уровень угрозы в докладах Русина колебался от низкого к высокому вместе с характером отношений между Россией и Японией. В телеграмме от 3 (16) мая он сообщал, что слух об особой военной подготовке оказался несостоятельным и в действительности речь шла о тестировании японского плана мобилизации⁹⁹. Однако в его телеграммах от 20 июня (3 июля) и 21 июня (4 июля) указывалось, что «демонстрация возможна из за Маньчжурию», после того как Российская империя нарушила обещание вывести войска из Маньчжурии¹⁰⁰. 3 (16) июля в конце длинного отчета об отставке премьер-министра Кацура он писал:

В заключение позволю себе доложить, что флот и армия Японии [пребывают] в состоянии готовности, насколько возможно по мирному времени. Со стороны технической, не встретится никакого затруднения к отправке на материк двух дивизий (около 30 тысяч [человек]) в течение от одной до двух недель. Вся армия может быть мобилизована и готова через две недели, а через три

⁹⁸ ВИК. Русско-японская война 1904–1905 гг. Кн. 1. С. 123.

⁹⁹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2486. Л. 162.

¹⁰⁰ Там же. Л. 162 об.

месяца у устьев Ялу может быть сосредоточено до 150, 000 [человек] войска¹⁰¹.

20 августа (2 сентября) Русин сообщил, что текущие переговоры России и Японии вряд ли могли бы привести к положительному результату. Превалирующие русофобские настроения в политических кругах и средствах массовой информации мешали заключению соглашения между правительствами двух стран. Поддержка, оказываемая Японии Великобританией и Соединенными Штатами, также препятствовала достижению компромисса. Поэтому, идя навстречу Японии, Российская империя не выполнила бы поставленных целей. Русин оценивал ситуацию следующим образом:

«Отрезвит Японию лишь твердый отпор с нашей стороны, отпор, основанный на наличии такой русской военной силы на Дальнем Востоке, которая делала бы проблематичным даже в глазах японцев их успех, хотя бы первое время, на поле военных действий».

Необходимо подчеркнуть, что, по мнению Русина, подготовка японской армии и японского флота к войне велась «как бы демонстративно, слишком явно и открыто». Он полагал, что если «подобная гласность существует, то это объясняется, с одной стороны, желанием кабинета графа Кацура убедить японский народ, что правительство не дремлет и готовится к самым энергичным мерам, а с другой стороны, повлиять на уступки с нашей стороны». Если русско-японские переговоры зашли бы в тупик, Япония, с точки зрения Русина, воспользовалась бы любым предложением, для того чтобы поставить ультиматум Корее и отправить свои войска на северное побережье реки Ялу. Он почти отрицал возможность прямой японской атаки на Россию¹⁰².

Хотя Русин осознавал риск манипуляции, он все равно продолжал приписывать большое значение возможности японской оккупации Кореи – теме, которая широко обсуждалась на страницах японских газет. 7 (20) сентября он отправил телеграмму, где сообщил, что в течение десяти дней Япония может отправить на северную часть Корейского полуострова смешанную бригаду¹⁰³. 16 (29) сентября он доложил, что, судя по слухам и газет-

---

¹⁰¹ Там же. Л. 146 об.

¹⁰² Там же. Л. 156–159. *Петров В.* Из предыстории русско-японской войны. С. 73–75.

¹⁰³ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2823. Л. 1.

ным публикациям, эшелон 12-й японской дивизии отчалил от порта Кокура¹⁰⁴. 17 (30) сентября Русин добавил, что пять японских линкоров, шесть крейсеров и десять миноносцев сосредоточились в корейском порте Масампо¹⁰⁵. В Порт-Артуре и Санкт-Петербурге эти телеграммы создали напряженную обстановку. Они были направлены в министерство иностранных дел Российской империи, а также фактическому начальнику морского ведомства, генералу-адмиралу великому князю Алексею Александровичу в Париж¹⁰⁶. Испуганный сведениями о неминуемой высадке японских войск в Корею, вице-адмирал Алексеев начал докучать Петербургу запросами о подобающей реакции российской стороны¹⁰⁷. Алексеев предлагал немедленные контрмеры, включавшие атаку на японский десант в случае его высадки в Чемульпо или в устье Ялу. Но Николай II поспешил запретить такие ответные действия – даже при оккупации территории между Сеулом и Ялу¹⁰⁸. В то же время адмирал Ф.К. Авелан, управляющий морским министерством, попросил министерство иностранных дел проинформировать его, в каком случае, по мнению МИД, ситуация на Дальнем Востоке будет считаться достаточно серьезной и опасной, чтобы немедленно удовлетворить запросы вице-адмирала¹⁰⁹.

В самом морском министерстве капитан 2-го ранга Брусилов, очень опытный и по-боевому настроенный штабной офицер, 4 (17) октября представил свой доклад адмиралу Рождественскому. Он рекомендовал избегать военного столкновения с Японией в ближайшие месяцы, с тем, чтобы объявить войну Японии через два года, когда будет завершена российская судостроительная программа на Дальнем Востоке. Рождественский записал на отчете Брусилова собственное мнение: «нам нет надобности иметь подавляющего превосходства на море перед японцами. Достаточно быть равносильными, не допустить этим господства японцев на море и таким образом облегчить напряжение армии для изгнания

---

¹⁰⁴ Там же. Л. 4.

¹⁰⁵ Там же. Л. 11.

¹⁰⁶ Там же. Л. 12–13.

¹⁰⁷ Алексеев, в частности, отправил телеграммы Николаю II 20 и 24 сентября 1903 г. // Там же. Л. 19, 31–31 об.

¹⁰⁸ Николай II – Алексееву. 22 сентября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 170. Л. 10.

¹⁰⁹ Авелан – министерству иностранных дел. 25 сентября 1903 г. // Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2823. Л. 33 об.

их из Кореи». Далее Рождественский добавлял: «Сейчас более чем когда-нибудь мы готовы к войне с Японией»¹¹⁰.

25 октября (7 ноября) Русин сбавил градус напряжения, написал: «Вообще теперь Япония как будто предусматривает, что лишь с раннею весною ей может встретиться необходимость в применении своих вооруженных сил»¹¹¹. Этот тезис он аргументировал несколькими фактами. Во-первых, японское правительство наметило покупку коммерческих судов. Во-вторых, Япония купила в Англии 60 тысяч тонн угля. В-третьих, Япония приобрела чилийский броненосец «Constitution»¹¹². Все эти сделки требовали времени для их полного осуществления, и Русин считал, что вероятный конфликт будет отсрочен. 19 ноября (2 декабря) агент написал вице-адмиралу Алексееву: нет оснований полагать, что самодовольные японцы станут предпринимать рискованные шаги. Несмотря на серьезную подготовку японских морских и сухопутных войск, по мнению Русина, до начала активных действий Японии должен был пройти как минимум месяц¹¹³.

Однако 7 (20) декабря Русин повторил «слух, хотя необоснованный, но все-таки как бы подсказывающий один из возможных исходов из нынешнего положения». Японское правительство будет продолжать переговоры с Россией, но в то же время пошлет в Корею одну или две бригады с целью удовлетворения народных настроений. К весне 1904 года, когда переговоры не приведут к желаемым результатам, «будут начаты военные действия»¹¹⁴. В этот судьбоносный период непосредственно перед началом войны Русин сделал шаг вперед и предупредил о неотвратимости наступающего кризиса, который, по его мнению, ограничивался только японской оккупацией Кореи.

Его следующий отчет датирован 12 (25) декабря 1903 года. Русин настойчиво предостерегал, что японская оккупация Кореи имеет неизбежный характер:

Задорный, демонстративный шум Японии выльется, можно ожидать, в ближайшем будущем (в течение двух-трех недель,

---

¹¹⁰ ВИК. Русско-японская война 1904–1905 гг. Кн. 1. С. 105–106.

¹¹¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2486. Л. 172 об.; *Петров В.* Из предыстории русско-японской войны: Донесения морского агента в Японии А.И. Русина (1902–1904 гг.). С. 77.

¹¹² Там же. Л. 173–174 об.; *Петров В.* Из предыстории русско-японской войны. С. 77–78.

¹¹³ *Петров В.* Из предыстории русско-японской войны. С. 80.

¹¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2486. Л. 176 об.–177; *Петров В.* Из предыстории русско-японской войны. С. 82.

если не ранее) в форму военной экспедиции в Корею: вероятно, отправят одну смешанную бригаду (около 8 тысяч человек) и высадят ее преимущественно (если не исключительно) в Фузане и отчасти в Чемульпо, для чего у военного ведомства уже зафрахтовано от 8 до 10 пароходов общим водоизмещением в 20–25 тысяч тонн. В первую голову пойдут, надо думать, части из 12-ой, 5-ой, 4-ой и 6-ой дивизий, с местом посадки Кокура, Удзина, Осака или Кобе и Карацу.

Русин черпал эти сведения из японских газет. Он писал, что «официозная японская пресса настойчиво доказывает необходимость отправки японских войск в Корею для обеспечения японских интересов и противодействия русскому влиянию на Корейском полуострове»¹¹⁵. На этом рапорте Рождественским была сделана помета: «Читал. З. Рождественский. 9/1»¹¹⁶. Он получил отчет 9 (22) января 1904 года.

Последний доклад от военно-морского агента, который прибыл в Петербург до начала вооруженных действий, был отправлен 23 декабря 1903 (5 января 1904) и получен 20 января (2 февраля) 1904 года. Русин писал, что, судя по различного рода сведениям, 26 декабря (8 января) Япония отправит в Корею три смешанных бригады¹¹⁷. На момент отправки отчета Русин по-прежнему считал, что Япония только отправит войска в Корею, но не будет объявлять войну.

Доклады от Русина, по всей видимости, вместе с докладами военного агента подполковника В.К. Самойлова, формировали стратегию правительства Российской империи. Николай II и адмирал А.М. Абаза в Санкт-Петербурге, а также вице-адмирал Алексеев в Порт-Артуре обменивались телеграммами и обсуждали, до какого момента японская оккупация Кореи оставалась бы приемлемой. 24 декабря Алексеев запросил императорского разрешения на мобилизацию дальневосточных провинций в случае оккупации Кореи Японией¹¹⁸. Николай выразил свое согласие¹¹⁹, но 14 (27) января 1904 года уточнил свое решение, предписав Алексееву считать допустимой японскую оккупацию Корейского

---

¹¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2486. Л. 178 об.–179 об.

¹¹⁶ Там же. Л. 178.

¹¹⁷ Там же. Л. 186.

¹¹⁸ Особый комитет Дальнего Востока. Документы по переговорам с Японией в 1903–1904 годах, хранившиеся в канцелярии Особого комитета Дальнего Востока. – СПб., 1905. С. 33–35.

¹¹⁹ Николай II – Алексееву. 26 декабря 1903 г. // Там же. С. 35–36.

полуострова от южного побережья до Сеула как крайней северной точки¹²⁰.

31 декабря (13 января 1904) Русин отправил свой последний рапорт из Японии. Он писал о том, что 40 судов, зафрахтованных японским правительством, могли перевезти две дивизии. Поскольку коммерческие логистические связи с различными странами были приостановлены, дополнительные корабли могли быть взяты в аренду, и на них поместилось бы еще две дивизии. Русин предупреждал, что в случае непосредственного разрыва отношений и враждебных действий против Российской империи японцы захотят столкнуться с русским флотом, чтобы заполучить контроль над морем. Даже когда он писал об этом, Русин продолжал считать, что Пусан и Чемульпо будут использованы как плацдармы для высадки японских войск в Корею без объявления войны¹²¹. Однако адмирал Рожественский получил последний отчет Русина только 30 января (12 февраля) 1904 года – уже после того, как война началась.

В январе 1904 года телеграммы передавались исключительно через Порт-Артур. 15 (28) января Русин телеграфировал о 60 зафрахтованных японцами пароходах, а также о транспортировке угля из Амоя в Сасебо. В то же время большое количество военных ресурсов отправлялось на базу Удзина. Русин сообщал далее:

Можно ожидать общую мобилизацию. Размеры приготовлений и их стоимость, достигшая 50 миллионов, указывают на широкие планы Японии. Возбуждение сильное. Мой переводчик арестован по подозрению в передаче мне важных военных секретов, улики нет¹²².

Теперь и для Русина было очевидно, что Япония намерена начать войну против России. Но ничто не указывало на то, что решительное предупреждение Русина имело какой-либо прямой эффект. В Санкт-Петербурге и Порт-Артуре продолжали ожидать начала японской оккупации Кореи.

После 16 (29) января Русин уделял повышенное внимание ожидавшейся доставке в азиатские воды крейсеров «Касуга» и «Ниссин». Изначально предназначавшиеся для Южной Америки,

---

¹²⁰ Там же. С. 40.

¹²¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2486. Л. 191 об.

¹²² Там же. Л. 197 об. Эта телеграмма была перепечатана В. Петровым в статье в журнале «Русское прошлое» за исключением самой важной фразы: «Можно ожидать общую мобилизацию».

они были выкуплены японцами и теперь должны были прибыть в Японию из Генуи. По убеждению Русина, их вход в японские воды должен был стать сигналом скорого начала войны. 23 января (5 февраля) он передал в Порт-Артур, что японским флотом были призваны «все специалисты» и «часть запасных чинов» и, кроме того, часть резервистов была призвана во всех армейских дивизиях. На следующий день он отправил свою последнюю телеграмму: «Общая мобилизация. Русин»¹²³.

Переводчик Русина Такахаси Монсаку был арестован 9 (22) января 1904 года. Японские газеты написали об этом 12 (25) января¹²⁴. 10 (23) февраля он был допрошен в районном суде Йокотамы и приговорен к восьми годам тюремного заключения¹²⁵. Такахаси обращался к инженеру на верфи в Йокосуке, а также к офицеру морской полиции в порте Майдзуру, чтобы ему показали карты портов, планы военных кораблей и другую информацию. Однако оба гражданина, «помня об интересах империи, передали лишь незначимые сведения». Никаких военных секретов Такахаси получить не смог.

Эти данные указывают на то, что двое упомянутых участников следствия тесно сотрудничали с японской полицией и передали Такахаси и Русину только то, что японский флот желал сообщить русскому флоту в качестве дезинформации. Такахаси заявил в суде, что «когда-то сам сотрудничал с офицерами японской полиции и старался действовать в интересах империи» и что «он не имел злого намерения, в котором его обвиняют». В то же время не было сомнений в его верности русским. Именно поэтому за ним пристально наблюдала и манипулировала его действиями японская полиция.

Арест Такахаси стал большим потрясением для Русской православной церкви в Японии и ее главы священника Николая¹²⁶. Русин объяснял в приложении к финансовому отчету, что Такахаси был предан своему делу и был крайне полезен на протяжении всех долгих лет службы. Русин считал своим долгом выплатить причитавшиеся ему 500 йен и впоследствии попросил

¹²³ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2486. Л. 198.

¹²⁴ Токио асахи симбун. 25 (12) января 1905. С. 5.

¹²⁵ Решение суда от 23 (10) февраля 1904 года. Коллекция материалов о деятельности подозреваемого в военном шпионаже Такахаси Монсаку // Архив Министерства иностранных дел Японии. 5-11-10-11.

¹²⁶ Дневники святого Николая Японского. – Саппоро, 1994. С. 375, 384–385.

французского банкира пересылать жене Такахаси 40 йен ежемесячно¹²⁷.

Русин уехал из Японии 3 (16) февраля 1904 года. Во время войны он занимал должность начальника морской обороны в главном штабе Маньчжурской армии. Летом 1905 года в составе российской делегации он участвовал в мирной конференции в Портсмуте. После 1907 года он продолжил работу на высоких должностях в морских учреждениях, а в 1913 году занял пост начальника Морского генерального штаба – последнего в царской России.

Заключение

Константин Вогак, вероятно, может быть назван самым талантливым и влиятельным из русских военных агентов, работавших в Японии до вооруженного конфликта 1904–1905 годов. В начале 1903 года его оценки японских военных сил и общей ситуации на Дальнем Востоке были достаточно объективными и продуманными, чтобы завоевать уважение и сторонников в высших эшелонах власти. Неслучайно, что император Николай II и «безобразовская клика» избрали Вогака архитектором своего «нового курса» на русском Дальнем Востоке. Однако мероприятия «нового курса», включавшие создание Дальневосточного наместничества, умеренное укрепление вооруженных сил, а также задачи по экономической экспансии в Маньчжурии, не смогли достигнуть желаемых результатов. В конечном итоге эти инициативы вызвали в Японии лишь новые опаски и подозрения, ставшие причиной роста агрессивных настроений. Безусловно, «новый курс» не мог предотвратить войну с Японией. Безобразов предложил заключить русско-японский союз слишком поздно. По всей видимости, в формулировке этой идеи участвовал Вогак.

В то же время Александр Русин был, наверное, лучшим русским военно-морским агентом в Японии. Он усердно работал вместе с помощником Такахаси Монсаку, чтобы заблаговременно

---

¹²⁷ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2486. Л. 195–195 об. После тюремного заключения Такахаси был нанят в 1907 году в качестве переводчика российским консульством в Кобе. См.: *Накамура К., Накамура Е.* Никораидо но жосеитати. С. 431.

предупредить своих начальников о военных приготовлениях японцев. В 1903 году он многократно сообщал Главному морскому штабу в Санкт-Петербурге и вице-адмиралу в Порт-Артуре о том, что Япония собирается отправить оккупационные войска в Корею. Слишком демонстративный характер подготовки казался ему подозрительным, но истинных планов японского флота – внезапной атаки на Порт-Артур без объявления войны – ему не удалось выявить. Русин изменил свою точку зрения только 15 (28) января 1904 года, доложив о скором объявлении всеобщей мобилизации в Японии. Тем не менее Санкт-Петербург и Порт-Артур продолжали заниматься выбором уместной реакции на японскую оккупацию Кореи.

Говоря в целом, русские военные и военно-морские агенты проделали впечатляющий объем работ, но из-за противоречий органов власти, различных аналитических недоработок и зачастую недальновидных взглядов царского правительства и военных элит рапорты и донесения агентов не были в полной мере использованы для пользы Российской империи.

2008

Политические взгляды и стратегия М.Т. Лорис-Меликова*

1

Для историка всегда большое счастье заниматься сюжетом, связанным с исключительно богатыми историческими материалами. Если все главные герои оставили свои дневники и переписку, мы можем с разных точек зрения проследить и проверить ход событий и получить панорамную их картину. Попытки М.Т. Лорис-Меликова осуществить политические реформы в обстановке нарастающей угрозы жизни Александра II и их провал после царевубийства 1 марта 1881 г. – все это является одной из привлекательных для историков тем.

Автором первой статьи по этому вопросу оказался последний директор Главного архива Российской империи Н.В. Голицын. В 1918 г. он впервые опубликовал основные документы о деле Лорис-Меликова со своей статьей. Не очень интересуясь политическими факторами, он дал только поверхностный анализ.

Второй историк, занимавшийся этим вопросом, ученик В.О. Ключевского, профессор МГУ Ю.В. Готье в 1938 г написал статью «Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г». Он ставил целью «восстановить самый ход борьбы правительственных группировок в первые два месяца царствования Александра III». Ознакомившись с недавно опубликованными дневниками Готье, я подумал, что неслучайно он обратил внимание на этот момент поражения реформаторов и победы реакции именно в разгар сталинского большого террора. К сожалению, его статье недоставало анализа самого проекта М.Т. Лорис-Меликова, и вообще он не обратил особого внимания на понима-

---

* Впервые опубликовано: Петр Андреевич Зайончковский: сборник статей и воспоминаний к столетию историка. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.

ние своими героями политической ситуации, несмотря на то, что впервые использовал их дневники и переписку.

После второй мировой войны среди советских историков появилась историческая концепция «второй революционной ситуации». С ее помощью историки могли анализировать кризис «верхов» и ход обсуждения проектов политических реформ в тесной связи с кризисной ситуацией, созданной террористическими актами революционеров. Но эта концепция оказалась слишком жесткой рамкой, стесняющей историков. Молодой историк МГУ М.И. Хейфец занимался вопросом о деятельности ЛорисМеликова с точки зрения этой концепции. Но его самая интересная и ценная статья «Архивные материалы М.Т. ЛорисМеликова» была написана в 1959 г., фактически вне этой концепции.

Изучение народнического движения 1870-х годов я начал в 1958 г. После дипломной работы я занимался изучением экономической политики царизма и развития промышленности в России. В это время, натолкнувшись на вопрос о «Конституции графа ЛорисМеликова», я решил заняться им, желая оперировать богатыми и интересными материалами. Я сделал первый доклад по этому вопросу в октябре 1960 г. и написал большую статью «Проект реформы М.Т. ЛорисМеликова и царизм», опубликованную в 6-м томе журнала «Сурабу Кэнкю», органе Института Хоккайдского университета в феврале 1962 г.

В этой статье я попытался проанализировать политические взгляды и стратегию М.Т. ЛорисМеликова. Я твердо убежден был в том, что без постановки его личности в центре анализа невозможно понять ход событий в период его деятельности. Хотя я мог использовать только дневники Д.А. Милютина, П.А. Валуева и Е.А. Перетца и цитированные в статье Готье письма К.П. Победоносцева к Е.Ф. Тютчевой, я открыл несколько интересных фактов в этой статье.

2

В статье 1962 года я, остановившись на происхождении ЛорисМеликова, как сына армянского купца в Тифлисе и новоиспеченного русского дворянина, попытался охарактеризовать его политические взгляды и способ действий. Мой вывод сводится к следующим четырем элементам.

Первый элемент – это его имперское сознание. Будучи сыном новоиспеченного русского дворянина, он выбрал свою жизненный путь и поступил в одно из гвардейских военных училищ. В одном из писем последних лет он писал так:

«Бедное отечество, настанет ли когда-либо та возжеленная пора, когда и русскому, по примеру других, дозволено будет гласно и свободно выражать свои мнения и убеждения, давать свои оценки, не рискуя попасть за это в число ярых революционеров и сокрушителей основ государства?»¹.

Здесь для нас, может быть, важнее не тот вопрос, который вызвал у Лорис-Меликова горестные восклицания, сколько выраженное в письме чувство неотъемлемой принадлежности к России, своему отечеству, и к русским. Что такое Россия для него? Он писал в письме к бывшему своему помощнику А.А. Скальковскому от 14 октября 1881 г., что широкое распространение земских учреждений оградит их от утопических мечтаний любителей московской старины в духе Аксакова и его сторонников. Дальше он выразил свое *confession de foi*.

«...Огромная часть населения Русской Империи – Польша, Остзейские губернии, весь Западный край, Кавказ, Малороссия, часть Поволжья, казачество и даже Сибирь – не пожелает стоять под флагом велико-княжества Московского, ибо для всех их, не исключая и московского, существует лишь одно общее собирательное знамя – Всероссийской Империи, под которым охотно сомкнутся все, как братья, лишь бы исполнители царской власти принялись за работу честно, умело и дружно»².

Всероссийская Империя – это его Россия. Для него свяшенно все, что усиливает Российскую Империю. Это имперское сознание составляет ядро его политических взглядов.

Второй элемент – это плебеизм, или отсутствие у него аристократизма. Он был чужд стилю жизни великорусских помещиков-дворян. Его жена, сама происходившая из армянского княжеского рода, являлась женщиной не светской, простой, но очень умной. Е.А. Перегц однажды писал так:

«Дочери ее, много выезжающие в свет, стали несколько зазнаваться. Тогда мать сказала им: “Полноте важничать, давно ли вы

---

¹ Конституция графа Лорис-Меликова и его частные письма. – Лондон-СПб. (н. г.). С. 4. Это письмо от 20 октября 1886 г. ОР РГБ. Ф. 22. Папка 6. Ед. хр. 17–40. Л. 39–39 об.

² Исповедь графа Лорис-Меликова // Каторга и ссылка. 1925, № 2. С. 120.

на простых извозчиках ездили. Пожалуй, скоро опять будете ездить на извозчичьих дрожках”».

Мне кажется, что в натуре Лорис-Меликова было много плебейского, в хорошем понимании этого слова. Он не цеплялся за дворянские привилегии, а также, возможно, не разделял и чисто дворянскую идею безусловной верности государю.

Третий элемент – это его своеобразный либерализм. Историки царского периода называли его либералом. Но надо знать, какой он был либерал. Об этом неоднократно публично писал его друг Н.А. Белоголовый. Цитирую из воспоминаний Белоголового о М.Т. Лорис-Меликове, опубликованных в следующем году после его смерти в журнале «Русская старина».

«По политическим своим убеждениям это был умеренный постепеновец, который не мечтал ни о каких коренных переворотах в государственном строе и признавал их положительно пагубными в неподготовленных обществах, но, непоколебимо веруя в прогресс человечества и в необходимость для России примкнуть к его благам, крепко стоял на том, что правительству необходимо самому поощрять постепенное развитие общества и руководить им в этом направлении. Поэтому он был за возможно широкое распространение народного образования, за нестесняемость науки, за расширение и большую самостоятельность самоуправления и за привлечение выборных от общества к обсуждению законодательных вопросов в качестве совещательных членов. Дальше этого его реформативные идеалы не шли» (подчеркнуто автором статьи).

Очевидно, Н.А. Белоголовый, имея в виду ту «реакционную печать», старавшуюся выставить Лорис-Меликова чуть не врагом отечества, или революционером, попытался защитить его в глазах соотечественников, определяя степень его либерализма так скромно и узко. Но сам Белоголовый получил от Лорис-Меликова письмо от 20 октября 1886 г., где резко раскритикован был великий князь Михаил Николаевич за его распоряжения по военным делам на Кавказе во время Русско-турецкой войны. Лорис-Меликов писал ему так:

«Материалы эти попадут в печать в более удобное, чем нынешнее, время и ознакомят русское общество с возникавшими на азиатской части... театра войны неурядицами и сумбуром, благодаря безнаказанности членов Императорской фамилии и неразумно сопровождающей их сволочи-камарильи»³.

---

³ Большая цитата из этого письма была опубликована в «Конституции графа Лорис-Меликова». С. 4–19. Оригинал ОР РГБ. Ф. 22. Папка 6. Ед. хр. 14–25. Л. 17–40 об. Цитированные слова. Л. 18 об.

Далее он слышал от Лорис-Меликова такие слова: Александр II «вовсе не любил Россию, и любил только себя, да женщин»⁴. Мне кажется, что цитированные выше слова Н.П. Белоголового были написаны в связи с определенными политическими побуждениями, о которых уже говорилось.

Летом 1881 года Лорис-Меликов в разговоре с адмиралом И. Шестаковым высказался в том смысле, что «все Романовы гроша не стоят, но необходимы для России». Для России – то есть для «Всероссийской империи». Романовы необходимы как символ Российской империи, но лично они неспособны и глупы. Значит надо отнять у царя реальную власть, и пусть он будет только политическим символом имперской консолидации. Лорис-Меликов бесспорно намеревался ограничить самодержавие.

С другой стороны, Белоголовый признавал, что Лорис-Меликов был за расширение и большую самостоятельность самоуправления и за привлечение выборных представителей от общества к обсуждению законодательных вопросов. Сочетание ограничения самодержавия с привлечением выборных представителей общества к государственным делам – это можно считать основой конституционализма.

Четвертый элемент – это его «*esprit d'intrigue*». Некоторые говорили, что он легко поддавался чужому влиянию и был оппортунистом. Другие говорили, что у него не было определенной линии, он всегда колебался. С.Ю. Витте писал в своей докладной записке, представленной царю в 1901 году:

«Граф Лорис-Меликов как бы боялся прямо взглянуть на дело, боялся вполне точно определить свою программу»⁵.

Но тот же Витте передал в своих воспоминаниях следующие слова Лорис-Меликова, которые он слышал в 1880 г.

«Так вот... ты мне говоришь; сделай да сделай, ты болтаешь, болтаешь, а мне в голове надо такт держать, если я... не буду в голове такт держать, то, пожалуй, меня государь... выгонит»⁶.

Слово «такт», по «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, означает «чувство меры, подсказывающее правильное отношение, подход к кому-чему, создающее умение держать себя подобающим образом».

⁴ В статье 1962 г. я цитировал первую половину этих слов по статье М.И. Хейфеца (указ. статья. С. 202). Теперь я проверил текст Белоголового. ОР РГБ. Ф. 22. Папка 2. Д. 6. Л. 6 об.

⁵ Хейфец М.И. Указ. Статья. С. 202.

⁶ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. I. – М., 1960. С. 158.

Лорис-Меликов писал в одном из писем 1883 г., что чувство, близкое к отвращению, одолевало его всякий раз, когда он представил себе ту разъедающую петербургскую среду, и продолжал так:

«Никакие усилия не могут дать там желанных результатов, если только человек не решится войти, так сказать, в сделку со своей совестью и, заглушив основные понятия о чести, прикидываться вседовольным и в большей части случаев говорить совершенно обратное тому, что лежит на душе»⁷.

Здесь *modus vivendi*, или стратегия Лорис-Меликова были расшифрованы. Так называемая его неясность, неопределенность или скрытность – это все выражение его стратегии.

В большом письме от 20 октября 1886 г. Лорис-Меликов остановился на борьбе помощника великого князя Михаила Николаевича, князя Святополк-Мирского против него. Он признал наличие «способности к интригам» у этого князя, который так мучил его хитрыми интригами⁸. Мне кажется, что князь Святополк-Мирский учил Лорис-Меликова тому, как царский политический деятель должен вести себя, и передал ему этот «способност к интригам».

И в самом деле, М.Т. ЛорисМеликов примерно так и начал работать на посту начальника Высшей распорядительной комиссии. Он никому не открывал свою истинную идею. Он добился полного доверия наследника Александра и затем постарался выгнать реакционных министров и заменить их возможными сторонниками его линии. В основном ему удалось достигнуть обновление состава министров и создать их единство Потом он посмел представить Александру II доклад от 28 января 1881 г.

«По содержанию этот доклад был скорее скромным, но по намерению автора, предложенная мера являлась шагом вперед к ограничению самодержавия, к конституционализму. Если внутреннее положение обострилось бы еще больше, эта реформа могла бы открыть такую возможность для России».

Так я писал в своей статье 1962 г., по существу поддерживая мнение В.И. Ленина, изложенное в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма».

⁷ Конституция графа Лорис-Меликова. С. 78.

⁸ Там же. С. 7. ОР РГБ. Ф. 22. Папка 6. Ед. хр. 14–21. Л. 25. Слово «*esprit d' intrigue*» было вставлено Белоголовым в кн. «Конституция граф Лорис-Меликова». Оригинальное слово в письме Лорис-Меликова – «способность к интригам».

3

В 1963 году М.И. Хейфец опубликовал книгу «Вторая революционная ситуация в России». Это книга производила грустное впечатление, поскольку чувствовалось, что историк стеснен официальной рамкой.

Но в 1964 году книга П.А. Зайончковского «Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов» произвела ошеломляющее впечатление на молодого историка Японии. Какими богатыми историческими материалами оперировал Зайончковский! Я восхищался его глубоким знанием исторических материалов. Его книга «Отмена крепостного права в России» была первой книгой, которую я прочитал, когда поступил в университет. После чтения новой его монографии 1964 года я оставил мысль продолжать работу по теме о Лорис-Меликове. Когда я получил возможность заниматься в советских архивах, я выбрал другую тему. Но как-то в середине 1980-х годов я перечитал книгу Зайончковского 1964 г. и теперь заметил также и ее недостатки. В этой книге, в том виде, как она была опубликована, не обращалось внимания на личность Лорис-Меликова. Даже такой выдающийся историк, как П.А. Зайончковский, не мог преодолеть ограничения своей эпохи. Тогда у меня возникло желание переделать мою статью 1962 года в книгу. С середины 1980-х годов я начал эту работу и, наконец, почти окончил ее в этом году. Надеюсь, книга выйдет в начале следующего года. (Харуки Вада. Терроры и реформа. Убийство Александра II. (на японском языке). Ямакава шуппанша, Токио, июля 2005).

В России теперь поднимается интерес к Лорис-Меликову. Ученики Зайончковского Б.С. Итенберг и В.А. Твардовская готовят к печати большую книгу «Граф Лорис-Меликов и его современники», и их совместная биография Лорис-Меликова будет помещена в ней. Часть их работы была опубликована в журнале «Отечественная история» в начале этого года. Эта работа открывает новый мир Лорис-Меликова и вносит большой вклад в наше общее дело, лорисмеликологию. Одновременно молодой историк, ученик ученицы Зайончковского, А.В. Мамонов написал блестящую статью «Граф М.Т. Лорис-Меликов: к характеристике взглядов и государственной деятельности», которая была опубликована в журнале «Отечественная история» (осенью 2001 года.).

Мамонов тонко проанализировал *modus vivendi* Лорис-Меликова, раскопав новые материалы. Я согласен почти со всеми его утверждениями.

Но конечно у нас есть разногласия. Это касается конституционализма Лорис-Меликова. Далее я останавливаюсь на этом вопросе.

4

Мамонов спрашивал себя: «было ли у Лорис-Меликова намерение провести через 3 года более радикальную или даже конституционную реформу?» и ответил: «Едва ли»⁹. У него пять аргументов. Слова Лорис-Меликова, сказанные его помощникам В.М. Юзефовичу и А.А. Скальковскому, его слова в беседе с сенаторами, назначенными на ревизию, слова Александра II, высказанные утром 1 марта, и реакция Д.А. Милютинна на них.

В разговорах со своими помощниками и в письмах к ним Лорис-Меликов всегда был против конституции и ограничения самодержавной власти, говорил о непригодности конституционного строя для России. Это должно было быть так. Иначе он потерял бы помощников. Даже после ухода он не мог изменить свою позицию перед бывшими помощниками. С коллегами, министрами он вел себя аналогичным образом. В недавно опубликованных воспоминаниях Н.П. Игнатьева передается ответ Лорис-Меликова на вопрос о конституции:

«Я пушу пулю в лоб тому, который предложит конституцию для России»¹⁰.

К сенаторам Лорис-Меликов высказал очень интересные слова, которые Зайончковский в свое время открыл в дневниках А.А. Половцова¹¹. Лорис-Меликов сказал, что «есть люди, мечтавшие о парламентах, о центральной земской думе, но я не принадлежу к их числу. Эта задача достанется на дело наших сыновей и внуков, а нам надо лишь приготовить к тому почву».

---

⁹ Мамонов А.В. Граф М.Т. Лорис-Меликов: к характеристике взглядов и государственной деятельности, «Отечественная история». 2001. № 5. С. 45.

¹⁰ Игнатьев Н.П. Отрывок из воспоминаний. Земский собор. — СПб.—Кишнев, Нестор, 2001. С. 71.

¹¹ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов. — М., 1964. С. 240. ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 17. С. 15–16.

Сенаторам Лорис-Меликов не мог сказать, что он был конституционалистом. Это было невозможно. Он должен был сказать в духе отрицания конституционализма. Но в отличие от Мамонова, я думаю, что эти слова неожиданно и невольно обнаружили его скрытый конституционализм. Ему было уже 55 лет. Время его сыновей было недалеко, можно сказать, через десять лет. Он фактически сказал, что через десять или пятнадцать лет и в России будет конституционный строй и надо готовиться к этому.

На самом деле, Лорис-Меликов, всегда отрицая конституционализм, иногда объяснял близким людям, почему он это делал. В сентябре 1880 г. он пригласил к себе редакторов большой прессы с специальной целью «разяснить им, чтобы они не волновали напрасно общественных умов, настаивая на необходимости привлечения общества к участию в законодательстве и управлении, в виде ли представительных собраний европейских, в виде ли бывших наших древних земских соборов, что ничего подобного в виду не имеется»¹².

Но на другой день Лорис-Меликов сказал своему знакомому с 1875 года А. И. Кошелеву, что «на созвание Земской думы он никак не надеялся получить соизволение государя! но он имел в виду собрать общую, довольно многочисленную комиссию из выборных от земств»¹³.

Одновременно так же он говорил Е.А. Перетцу 21 октября 1880 г.: «От чего же я восставал против конституционных стремлений, у нас теперь невозможных»¹⁴.

С другой стороны, степень отрицания конституционализма усиливалась со временем в течение его деятельности. В первом докладе от 11 апреля 1880 г. он, упомянув предположения об образовании народного представительства в формах, заимствованных с запада, или на началах древнерусских, или наконец, призывом представителей земства в состав Государственного совета, писал так:

«По глубокому моему убеждению, никакое преобразование, в смысле этих предложений, не только не было бы ныне полезно, но, по совершенной своей несвоевременности, вредно»¹⁵.

¹² Отечественные записки. 1880, № 9, разд. VIII. С. 140–141.

¹³ Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). – М., 2002. С. 167.

¹⁴ Дневник Е.А. Перетца. – М.–Л., 1927. С. 8.

¹⁵ Былое 1918, № 4–5. С. 159.

И, наконец, подготавливая последний доклад Александру II от 28 января 1881 года, он усиливал решительно степень отрицания. В первоначальном варианте он написал так:

«никакая организация народного представительства в формах, заимствованных с запада в России, не мыслима, равно как высказываемое некоторыми приверженцами старинных форм российского государства предложение об образовании у нас земской Думы или Собора, по меньшей мере, далеко еще не своевременно. Народу эти понятия совершенно чужды, в обществе же, если и слышатся иногда только о конституции и иных формах представительства, то без всяких серьезных соображений относительно возможности и способа их осуществления, лишь как проявление потребности служить общественному делу»¹⁶.

Слово «несвоевременно» в его докладе от 11 апреля 1880 г. заменилось здесь словом «не мыслима». И в окончательном варианте он еще усиливал выражение так:

«по глубокому моему убеждению, для России не мыслима никакая организация народного представительства в формах, заимствованных с запада; формы эти не только чужды русскому народу, но могли бы даже поколебать все основные его политические воззрения и внести в них полную смуту, последствия коей трудно и предвидеть. Равным образом, мне представляется далеко не своевременным и высказываемое некоторыми приверженцами старинных форм российского государства предложение о пользе образования у нас земской думы или земского собора»¹⁷.

Западные формы народного представительства теперь были объявлены не только «не мыслимыми», а и «чуждыми русскому народу». Это сделалось для того, чтобы представить свои предложения совершенно свободными от связи с конституционализмом.

Итак, мы можем установить, что все его слова об отрицании конституционализма высказывались, исходя из конкретной политической обстановки, и не выражали его истинных взглядов.

---

¹⁶ ГАРФ. Ф. 569. Д. 96. Л. 23 об.–24. О разнице между первоначальным вариантом и окончательным вариантом впервые указал М.И. Хейфец. Но он не заметил то, что я указал здесь.

¹⁷ Былое. 1918, № 4–5. С. 163.

5

В конце 1880 года М.Т. Лорис-Меликов успел создать единство главных министров – военного, финансов, народного просвещения, юстиции и государственного контролера. Это стало одной из основ его власти. Конечно, К.П. Победоносцев являлся скрытым врагом, которого ему надо было сделать безопасным или нейтральным всеми мерами.

Но другая, самая важная основа его власти – это доверие Александра II и наследника престола Александра. Здесь решающую роль играла связь Лорис-Меликова с морганатической женой царя княгиней Екатериной Юрьевской. Царь, цесаревич и морганатическая жена царя – это тройка, на которой должен был ехать Лорис-Меликов. Об этом остроумно высказался К.П. Победоносцев в письме Е.Ф. Тютчевой от 2 января 1881 г.

«В прошлом году в минуту кризиса призвали и поставили Лорис-Меликова. Он еще в Харькове взял за дело с удивительной ловкостью... Он принялся развязывать узлы, и это снова развязывать стал его особенной темой. Развязывать он умеет и умеет связывать на живую нитку, – но на созидательную работу неспособен. Мастер заговорить, очаровывать, мастер дать тому и другому готовое лекарство, которых запас у него в кармане – и успокоить людей, требующих знахаря. Вот на что он мастер. Но надолго ли хватит этого лекарства?»

Он удивительно быстро создал себе две опоры и в Зимнем дворце и в Аничковом. Для государя он стал необходимостью, ширмой безопасности. Наследнику облегчил подступы к государю и представил готовые ответы на всякое недоумение, ариаднину нить из всякого лабиринта. По кончине императрицы он укрепился еще более, потому что явился развязывателем еще более путанного узла в замутившейся семье и добыл еще в силу обстоятельства третью опору в известной женщине»¹⁸.

Повидимому, Лорис-Меликов использовал страх Юрьевской потерять мужа-царя для того, чтобы убедить Александра II в необходимости предложенной реформы и преодолеть его последние колебания. Лорис-Меликов впоследствии сказал Белоголовому так:

«И все, это он (т. е. Александр II) сделал в последний год жизни, все это отчасти из самодержавия, отчасти под влиянием кн.

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 230, картон 4410. Д. 1. Л. 1 об. – 2.

Юрьевской, и в этом последнем обстоятельстве вся разгадка и моего значения и власти. Я мог влиять на царя только через Юрьевскую»¹⁹.

Но эта тройка являлась весьма неустойчивой, и трудно было рассчитывать, чтобы ее долго можно было использовать. Если настоящее сближение с Юрьевской было необходимо для влияния на Александра II, то это же могло охладить отношения ЛорисМеликова с наследником. С другой стороны, чтобы сохранить хорошие отношения с наследником, Лорис-Меликов должен был ладить со своим скрытым врагом К.П. Победоносцевым.

Эта последняя задача была самой трудной. Но здесь играл важную роль разлад между Александром II и Победоносцевым. Александр II не любил Победоносцева. И Победоносцев презирал царя. В цитированном выше письме от 2 января 1881 года Победоносцев откровенно выразил свои чувства к Александру II.

«Теперь ничего и не отличает в нем от Сарданапала. Судьбы Божьей послали нам его на беду России. Даже все здоровые инстинкты самосохранения иззякли в нем! Остались инстинкты тупого властолюбия и чувственности. Мне больно и стыдно, мне противно смотреть по нему, и я чувствую что он меня не любит и не доверяет мне»²⁰.

Царь Сарданапал – легендарный правитель древней Ассирии, который погряз в разврате. Он, окруженный врагами, умер в огне со своими многими женами и любовницами. Раз отношения между царем и Победоносцевым были так плохи, влияние Победоносцева на наследника имело свои пределы. Это служило залогом для успеха Лорис-Меликова. Но по цитированному выше письму ясно, что Победоносцев в начале января 1881 г. уже очень негативно смотрел на ЛорисМеликова.

Поэтому Зайончковский был не прав, когда писал, что уже к концу 1880 года отношения ЛорисМеликова с наследником становятся прохладнее, потому что на наследника оказывал влияние Победоносцев, начавший враждебно относиться к Лорис-Мели-

---

¹⁹ Там же. Ф. 22, Папка 2. Д. 6. Л. 6 об.

²⁰ Там же. Ф. 230, картон 4410. Д. 1. Л. 1. Это письмо Победоносцева в адрес Александра II было опубликовано московским историком А.Ю. Полуновым в сборнике «Река времен», книга первая. – М., 1995. С. 181–182. П.А. Зайончковский цитировал это письмо частично, не обращая внимание к строкам, раскритиковавшим императора. *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 233. Но Михаил Вострышев цитировал их в своей книге. Михаил Вострышев. *Августейшее семейство. Россия глазами Великого князя Константина Константиновича.* – М., 2001. С. 67.

кову²¹. И Мамонов не прав, когда он написал, что Победоносцев вплоть до начала 1881 г. оставался вполне лоялен к Лорис-Меликову и лишь вел «обычные свои споры» с ним по поводу проекта закона о печати²².

Наследник Александр поддерживал проект Лорис-Меликова до конца и в то же время ничего не сообщил Победоносцеву об этом. В конце января 1881 г. наследник и Победоносцев обменялись письмами о смерти их общего знакомого Ф.М. Достоевского. Чувство скорби связало их заново. И все же наследник не сказал ничего своему учителю о предложении Лорис-Меликова. Только когда журнал совещания был утвержден всеми его участниками и представлен Александру II 16 февраля 1881 г., наследник просил Лорис-Меликова передать копию журнал Победоносцеву. Лорис-Меликов обещал исполнить просьбу, но не исполнил. Впоследствии, 3 марта Победоносцев гневно писал Тютчевой:

«При покойном Государе было уже три заседания о каком-то совещательном собрании: одно в Зимнем дворце и два в Аничковском дворце. Я не участвовал. Цесаревич не заявил возражений, но сказал Л.-Меликову сообщить мне протокол. Л.-Меликов объявил мне о том две недели тому назад и при мне получил протокол, хотел прислать его в тот же день, и не прислал до сих пор»²³.

6

После 1 марта 1881 г. Лорис-Меликов потерял главную основу своей власти: тройку царя, царевича и жены царя. В связи с этим он более не мог ограничивать влияние Победоносцева на Александра Александровича.

Относительно заседания Совета министров 8 марта 1881 г. существуют разногласия. По моему мнению, Александр III, который намеревался похоронить проект Лорис-Меликова, руководил заседанием сознательно в таком духе, но ему не удалось реализовать свои намерения, потому что сторонники Лорис-Меликова были еще достаточно сильны. Тогда начались его колебания.

---

²¹ Зайончковский П.А. Указ. Соч. С. 232–233.

²² Мамонов А.В. Указ. Статья. С. 43.

²³ Русский архив. 1907. Кн. 2. С. 90.

Поэтому Зайончковский не прав, когда писал, что Александр III, хотя и стоял бесспорно на стороне Победоносцева, не мог высказать свою точку зрения, потому что страх перед неизвестным будущим был слишком велик²⁴.

Через несколько дней после заседания Совета министров (12 марта) Лорис пригласил в себе В.А. Бильбасова, фактического главного редактора газеты «Голос», и рассказал ему об одном важном совещании. То, что он сообщил о порядке выступлений, их содержании и результатах совещания, было все фальшивым. Фактически верно было только то, что речь шла о привлечении представителей земств, и то, что пять человек с Победоносцевым во главе высказались против и девять во главе с Лорис-Меликовым – за²⁵. Граф открыл большой секрет представителю печати относительно конфликта между правительственными группировками и намеревался заставить его известить об этом общественность.

У меня есть предположение, что Лорис-Меликов в то же время спрятал под сукно письмо Исполнительного Комитета Народной Воли к Александру III, потому что считал содержание его опасным. Террористы требуют конституцию – Лорис-Меликов связан с террористами. Он мог бояться такой версии. Быть может, такое предположение выглядит литературным. Но в делах Александра III и в самом деле нет того письма, а имеется только прокламация Исполнительного Комитета от 1 марта 1881 г.²⁶

28 марта Лорис-Меликов высказал важное мнение сенатору А.А. Половцову: «Прежде всего необходимо одномыслящее министерство, которое одно, без выборных представителей, ничего сделать не может»²⁷. Это его новая мысль после 1 марта. Привлечение выборных представителей еще необходимо и желательно, но установление одномыслящего министерства, как правительственной системы, т. е. создание кабинетной системы с премьер-министром во главе, стало первой задачей для Лорис-Меликова в конце его борьбы.

Эта мысль была выражена в его докладе от 12 апреля 1881 года. «Министры должны договориться между собой по важнейшим вопросам и установить общую программу внутренней политики, безусловно обязательную для каждого из них» Эта программа

²⁴ П.А. Зайончковский. Указ. соч. С. 333.

²⁵ Совет министров 8 марта 1881 года. Рассказ графа Лорис-Меликова В.А. Бильбасову // Былое. 1918, № 4/5. С. 187–193.

²⁶ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 519. Л. 24.

²⁷ Там же. Ф. 583. Оп. 1. Д. 18. Л. 216.

должна быть утверждаема царем, который может вносить в нее необходимые изменения или заменить «личный состав министров новыми, но тоже однородными»²⁸. Это предложение было выражено прямо и определенно. Этот открытый вызов перерогативам самодержца был последним актом Лорис-Меликова.

Привлечение выборных народных представителей и однородное министерство – это важные шаги в ограничении самодержавия, что было необходимо для России на трицатом году после отмены крепостного права. Великие реформы осуществлялись самодержавием. Иначе это было невозможно. Но в изменившихся в течении тридцати лет внутренних и внешних обстоятельствах для России необходима была новая власть. Повторение опыта эпохи великих реформ было невозможным.

Без никаких совещаний с министрами Александр III издал манифест 29 апреля 1881 г., который был составлен К.П. Победоносцевым и поддержан С.Г. Строгановым. Неограниченность власти царя была восстановлена и отрицалась традиция самодержавия, действовавшего на основе совещаний министров.

Самодержавие Александра III осуществило значительную часть программы Лорис-Меликова. Используя самодержавную власть, министр финансов С.Ю. Витте осуществил его систему в 1890-х гг. Россия развивалась на основе этой власти в 1880 90-х гг. Я в свое время назвал ее «новым царизмом», или «царизмом нового времени». Но в сравнении с Японией, путь России оказался отличным. В Японии в 1881 г. было объявлено о даровании конституции через восемь лет. И в 1889 г. конституция была дарована, а на следующий год был созван парламент. Дефект «нового царизма» состоял в том, что произвол царя был никем не ограниченным.

Результатом этого дефекта явилась большая беда Русско-японской войны. В июле 1903 г. Император Николай II издал роковой указ о учреждении наместничества на Дальнем Востоке, без совещания с министрами. Удивленного военного министра А.Н. Куропаткина утешил министр внутренних дел В.К. Плеве, сославшись на прецедент такого акта царя, царский манифест 29 апреля 1881 г.²⁹

---

²⁸ Былое. 1918. Кн. 4–5. С. 183.

²⁹ Красный архив. 1922. Т. 2. С. 45–46. 28 апреля 1881 г. Плеве, новоназначенный директор департамента полиции, присутствовал на заседании министров у Лорис-Меликова, где манифест был прочитан министром юстиции Набоковым впервые. Н.П. Игнатьев. Указ. соч. С. 70–71.

2012

Русско-японские переговоры. Путь Японии к началу войны с Россией*

Генезис и начало русско-японской войны давно стали предметом пристального внимания исследователей как в России и Японии, так и в третьих странах. По этой теме было опубликовано немало серьезных работ. Но, пожалуй, самым замечательным достижением следует считать трехтомный труд военного историка, генерала П.Н. Симанского «События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891–1903 гг.)». Этот материал был составлен в 1910 г. и предназначался для первой главы официального издания Генерального штаба по истории русско-японской войны. Автором этой рукописи были обнаружены засекреченные материалы военного и военно-морского ведомств, МИДа, Министерства финансов, Особого комитета по Дальнему Востоку, а также личные архивы ведущих политических фигур того времени. Широкое использование данных документов позволило автору создать фундаментальную работу, насчитывавшую 791 страницу.

Однако, благодаря столь смелому использованию секретных государственных документов, работа Симанского была засекречена и спрятана от публики. Она была напечатана секретным отделом военной типографии в количестве всего семи экземпляров¹. Автор, эмигрировавший после Октябрьской революции, не решился издавать свою работу вне России, поэтому она оставалась неизвестной даже такому видному исследователю, как Б.А. Романов, который работал в архивах Министерства финансов и ввел в научный оборот множество новых материалов².

---

* Впервые опубликовано: Вопросы истории. 2012. № 3.

¹ *Симанский П.Н.* События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891–1903 гг.). Т. I–III. – СПб., 1910.

² *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии (1892–1906). – Ленинград, 1928.

Среди книг, изданных на Западе по данной тематике, едва ли не первой была работа А. Малозёмова, вышедшая в 1958 г. и основанная на опубликованных российских материалах³. Положения Малозёмова получили развитие в работе английского ученого Яна Ниша, опубликованной в 1985 году⁴. Как оказалось, западные историки тоже не были осведомлены о работе Симанского.

Англо-японский союзный договор 1902 года

В постсоветский период в российской исторической науке появилось новое имя – Игорь Лукоянов, который опубликовал ряд интересных работ, превзошедших уровень Романова, а также ввел в научный оборот большой массив новых архивных документов. Его первый доклад о «безобразовцах» был прочитан в Саппоро в январе 2003 г., а в 2005 г. в голландском сборнике «Russo-Japanese War in Global Perspective» (Том 1) вышла его статья на данную тему⁵. Однако даже он на этом этапе еще не был знаком с произведением Симанского. Первой статьей Лукоянова, написанной им после ознакомления с трехтомником, является работа «Последние русско-японские переговоры перед войной 1904–1905 гг. (взгляд из России)», опубликованная в Японии в 2006 году⁶. Наконец, в 2008 г. вышел в свет фундаментальный труд «“Не отстать от держав...”». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв.»⁷.

В Японии исследованием этой темы занимался ряд специалистов по японской истории. Следует особо выделить книги Цунода Дзюн и Тиба Исао, опубликованные, соответственно, в 1967 и 2008 годах⁸. Монография Романова была переведена на японский

---

³ *Malozemoff A. Russia's Far Eastern Policy. With Special Emphasis on the Causes of the Russo-Japanese War. – Berkeley, 1958.*

⁴ *Nish I. The Origins of the Russo-Japanese War. – London, 1985.*

⁵ *Лукоянов И.В. Безобразовцы: путь России к русско-японской войне 1904–1905 гг. Доклад, прочитанный в Университете Хоккайдо 29–31 января 2003 года.*

⁶ *Его же. Последние русско-японские переговоры перед войной 1904–1905 гг. (взгляд из России). Acta Slavica Iaponica. Т. XXIII. 2006.*

⁷ *Его же. «“Не отстать от держав...”». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. – СПб., 2008.*

⁸ *Цунода Дзюн. Мансю мондай то кокубо хосин (Маньчжурский вопрос и политика государственной обороны). Токио. 1967; Тиба ИСАО. Кюгайкото кэйсэй Нихон гайко 1900–1919 (Формирование старой дипломатии: японская дипломатия в 1900–1919 гг.). – Токио, 2008.*

язык еще в 1934 году. Сам я начал изучать этот вопрос только в 2003 г., когда впервые ознакомился с его докладом. К счастью, мне удалось прочитать работу Симанского на первом этапе исследования. Я нашел ее в собрании микрофильмированных материалов «Россия и Япония», изданных японской компанией «Наука». Руководствуясь работами Симановского, Романова и Лукоянова, а также самостоятельно добывая новые материалы в российских архивах РГИА, РГАВМФ, РГВИА, ГА РФ и ОР ГИМ, я написал двухтомную монографию «Русско-японская война: генезис и начало», которая вышла в свет в 2009–2010 годах. Но мне, тем не менее, не удалось использовать в работе новую книгу Лукоянова. Настоящая статья была подготовлена на основе моей монографии.

В 1900 г. в Чжилийской провинции Китая началось «боксерское» восстание. Державы решили высадить коалиционный десант и воевать с «боксерами». 21 июня китайское имперское правительство объявило войну коалиции⁹. Это явилось серьезной проблемой для России, которая, как писал Симанский, «имея общую с Китаем границу на протяжении более 8 тысяч верст и сооружая в Маньчжурии железную дорогу», не должна была «принимать на себя открытое руководство враждебными действиями против Китая». Однако растерянный известиями о разрушении построек КВЖД министр финансов С.Ю. Витте уговорил царя отправить войска на китайскую территорию, и 8 июля Николай II отдал приказ армии о наступлении на Маньчжурию¹⁰. В итоге 173-тысячный контингент русских войск к началу октября оккупировал все маньчжурские провинции Китая.

За время этих событий у японского правительства возникла новая идея: 22 июля японский посланник в Санкт-Петербурге Комура Дзютаро предложил, чтобы Япония и Россия имели «free hand in Corea and Manchuria respectively», то есть фактически обменяли Корею на Маньчжурию. Горечь дипломатического поражения от интервенции трех держав после японо-китайской войны 1895 г. долгое время заставляла Токио ограничиться разделом Корейского полуострова на сферы влияния с Петербургом. Только после этого Япония стала требовать монополизировать свое влияние в Корее¹¹.

---

⁹ Сато Кимихико. Гивадан-но киген то соно ундо (Происхождение их-туаней и их движение). Токио. 1999. С. 142–144.

¹⁰ Симанский П.Н. Ук. соч. Т. II. С. 102–104.

¹¹ Комура – Аоки. 22.VII.1900. Нихон Гайко Бунсё. Документы внешней политики Японии. Т. 33. С. 699.

Однако, корейский император Коджон, встревоженный новой ситуацией, выдвинул предложение о нейтралитете Кореи и в конце августа 1900 г. отправил специального посланника Чо Бён Сика в Японию¹². Чо попытался вступить в переговоры с японским правительством, но безуспешно. В то же время русский посланник в Токио А.П. Извольский познакомился с корейским представителем и решил поддержать точку зрения Коджона. Он предложил министру иностранных дел В.Н. Ламсдорфу поставить вопрос об этом перед японской стороной¹³. 30 декабря 1900 г. глава МИДа, получив согласие царя, разрешил Извольскому вступить в сношения с Японией¹⁴.

7 января 1901 г. Извольский посетил министра иностранных дел Като Такааки и предложил ему начать переговоры, однако японское правительство выступило резко против этого¹⁵. Комура, в то время японский посланник в Пекине, настаивал на том, чтобы предложения России были отклонены, так как при нейтралитете Кореи Япония «потеряет нынешнее положение в Корее, в силу которого Япония может эффективно сдерживать действия России в Маньчжурии»¹⁶.

По сравнению с июлем прошлого года, позиция Комура претерпела существенные изменения. Он проявил огромный интерес к Маньчжурии. 23 января Като передал ноту Ламсдорфу через посредство японского посланника в Санкт-Петербурге. В этой ноте Като заявлял, что положение России в Маньчжурии вызывало тревогу, а кроме того отмечал, что в виду наличия разнообразных проблем, которые могут возникнуть в связи с нейтрализацией Кореи, японское правительство считало необходимым отложить

---

¹² Симанский П.Н. Ук. соч. Т. I. С. 274.

¹³ Нихон Гайко Бунсё. Т. 33. Пр. 2. С. 431–432; А.П. Извольский – В.М. Ламсдорфу. 25.XI.1900. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 1334 470. 1900 г. Д. 102. Л. 290 об., 291 об., 292 об.; Ламсдорф – Извольскому. 26.XI.1900. Там же. Л. 22; Извольский – Ламсдорфу. 1.XII.1900. Там же. Л. 297 об., 298 об.; Извольский – Ламсдорфу. 15.XII.1900. Там же. Л. 302–302 об.; Никкан Гайко Сирё Сюсэй (Собрание японско-корейских дипломатических документов). Т. 8. Ганнандо. 1964. С. 409–411.

¹⁴ Извольский – Ламсдорфу. 17.XII.1900. АВПРИ. Ф. 1334 470. 1900 г. Д. 102. Л. 26; Обзор сношений с Японией по корейским делам с 1895 года. – СПб., 1906. С. 15.

¹⁵ Нихон Гайко Бунсё. Т. 34. С. 521.

¹⁶ Комура – Като. 11.I.1901. Там же. С. 524.

переговоры, пока не «станет возможным вести переговоры свободно»¹⁷.

Итак, первая попытка переговоров в условиях новых обстоятельств оказалась неудачной. Однако, в ходе контактов определились позиции трех государств: Япония хотела монопольно господствовать над Кореей; Корея, в свою очередь, стремилась стать нейтральной; Россия, захватив Маньчжурию, фактически подержала Корею.

Практически российско-японские консультации все же состоялись в конце 1901 г. во время поездки Ито Хиробуми в Россию. Впрочем, они носили неофициальный характер, поскольку одна фракция японского правительства пыталась установить контакты с кабинетом министров России. Среди постоянных советников императора (Гэнро) сторонником Ито был Иноуэ Каору, а в МИДе – новый посланник в России Курино Синъитиро. Но основное ядро правительства, включая премьер-министра Кацура Таро и министра иностранных дел Комура Дзюнтаро, придерживалось другого мнения относительно политики в отношении России.

Ито приехал в Санкт-Петербург и 4 декабря во время второй беседы с Ламсдорфом передал ему свой проект соглашения. В этом документе Ито требовал от России признать за Токио «свободу действий» в Корее в политическом, экономическом и коммерческом отношениях и «исключительное право» помогать ей советами и содействием, причем Япония принимала на себя 1) «гарантию независимости Кореи», 2) «обязательства не использовать ни в каком виде корейской территории для стратегических целей» и 3) «обязательство не прибегать на корейском побережье к каким-либо военным мероприятиям». Таким образом, Ито согласился с некоторыми ограничениями прав Японии над Кореей¹⁸.

14 декабря, после обсуждения с царем и министрами, глава российского МИДа направил свой ответ Ито. Проект Ламсдорфа признавал «преимущественные права» Японии в Корее вместо «исключительного права», а также добавлял к трем ограничительным условиям предложения Ито следующие два: 1) обязательство японских войск не выходить «за пределы заранее строго определенной зоны вдоль российской границы»; 2) признание

---

¹⁷ Като – Чинда. 17.I.1901. Там же. С. 527–528.

¹⁸ Предложения Ито // Красный архив. 1934. Кн. 2. С. 46.

преимущественных прав и свободы действий России во всех прилегающих к русской границе областях Китая¹⁹.

Последнее условие не являлось затруднительным с точки зрения обмена Маньчжурии на Корею. Однако, Ито полагал, что он не сможет убедить японское правительство принять этот ответ, так как требование «исключительного права» было отклонено²⁰. В это время Кацура и Комура стремились заключить англо-японский союз, в котором Россия представлялась бы в качестве возможного противника. Им была чужда идея соглашения с Россией на основе ограничения японского «исключительного права» в Корею.

Удивленное самим фактом заключения англо-японского союза, русское правительство подписало договор с Китаем об эвакуации войск из Маньчжурии²¹. Однако претворение в жизнь данного договора в дальнейшем вылилось в насущную проблему для российского кабинета министров.

Посланник Курино в Санкт-Петербурге отмечал позитивный настрой Ламсдорфа относительно переговоров с Японией. Несмотря на инструкцию министра Комура, он передал свой текст проекта русско-японского соглашения 4 августа 1902 г., исключив из предложения Ито фразу «исключительное право», предложив взамен следующую формулировку: «recognizing the preponderance of the Japan's interests in Corea», то есть «не пользоваться никакой частью корейской территории для военных и стратегических целей». Документ признавал концессию России на Ляодунском полуострове и свободу ее действий в Маньчжурии²². Этот проект основывался на том же фундаменте, что и предложение Ито, хотя и имел более уступчивый характер.

25 (12) сентября 1902 г. Р. Розен, назначенный посланником в Японии после Извольского, подготовил обстоятельную записку, касавшуюся предложения Курино²³. По мнению Розена, соглаше-

---

¹⁹ Проект Ламсдорфа. Там же. С. 48.

²⁰ Ито – В.Н. Ламсдорфу. 10(23).XII.1901. Обзор сношений с Японией по корейским делам с 1895 г. С. 74–75; В.Н. Ламсдорф – Ито. 1(13).XII.1901. Там же. С. 72–73.

²¹ Симанский П.Н. Ук. соч. Т. II. С. 185–186.

²² Проект соглашения по корейскому вопросу, переданный Курино Ламсдорфу 22.VII.(4.VIII) 1902. Обзор сношений с Японией по корейским делам с 1895 г. С. 78.

²³ Записка Р. Розена от 12.IX.1902. РГИА. Ф. 5602 28. Д. 59. Л. 55–74; A Collection of Russian Archival Documents. Vol. I. – Seoul. 2008. P. 350–376.

ние с Японией не означало того, что между двумя странами устанавливался мир, так как Япония не отказалась от своих стремлений господствовать над Кореей. Как полагал российский дипломат, Япония может поступиться своими интересами в Корее только в том случае, если превосходство российских «военных и морских сил на Крайнем Востоке» окажется реальным. Казалось бы, что в этих условиях было бы весьма желательным не сокращать и без того незначительное количество расположенных в Маньчжурии российских войск. Что касается Розена, то он определенно недооценивал значение заключения соглашения с Японией.

Ламсдорф не мог согласиться с такой позицией. В инструкции Розену он поручал ему воспользоваться миролюбивым настроением японских правительственных кругов для того, чтобы возобновить переговоры по корейским делам, приложив все старания к устранению в будущем всяческих недоразумений с Японией. При этом в основу соглашения должен был быть положен принцип целостности и неприкосновенности Кореи. Розену было поставлено на вид, поскольку уступки, которые могли быть сделаны японской стороной, не должны были *предрешать* корейского вопроса, а Россия должна была не допустить никакого вмешательства Японии в положение, которое занимали русские в Маньчжурии²⁴.

В это время Витте отправился на Дальний Восток и в октябре, вернувшись из этой поездки, представил Николаю II докладную записку²⁵. В ней министр финансов признавал, что построенная им на северо-востоке Китая железнодорожная империя не слишком процветала. Однако относительно Маньчжурии Витте высказал мысль о необходимости вывода войск как можно скорее, подчеркнув что при этом, следует передать Корею Японии. «Из двух зол – вооруженного столкновения с Японией и полной уступки ей Кореи – в ближайшем будущем для России меньшим злом является второе». «Я полагал бы, что в крайнем случае нам можно было бы временно поступиться Кореей, если только Япония предоставит нам за это соответствующие компенсации». Итак, Витте сделал вывод, что «скорейшее устранение мирным путем взаимных уступок и недоразумений по корейским делам... представляет собою... одну из важнейших стоящих на очереди задач русской политики на Дальнем Востоке».

---

²⁴ Обзор сношений с Японией по корейским делам с 1895 г. С. 18.

²⁵ Глинский Б. Пролог русско-японской войны. – Пг., 1916. С. 190–242.

Однако 9 ноября (27 октября) на совещании четырех министров в Ялте Витте занял чрезвычайно пассивную позицию. Его слова – «не спеша и не насилуя естественного течения события» – весьма точно отражали настроение министра. Вслед за Малозёмовым, Лукоянов толковал это как отказ от проведения активных мероприятий даже в Маньчжурии. Он писал, что «подобное тотальное отступление от широкого плана экономической экспансии в Китае являлось серьезным ударом для Николая II»²⁶.

Николай II выбрал А.М. Безобразова в качестве своего уполномоченного и направил его на Дальний Восток. Это была чрезвычайная мера, направленная на перестройку дальневосточной политики государства. Самой большой удачей для Безобразова явилось его открытие К.И. Вогака, лучшего специалиста в России по проблемам Дальнего Востока. Он был военным агентом в Японии и Китае, находясь в этом регионе без перерыва с 1894 года. Безобразов полностью поддержал точку зрения Вогака. До последнего времени этот ключевой момент оставался за рамками внимания историков²⁷.

Безобразов срочно доложил царю об этом знакомстве и, получив высочайший приказ, вернулся в Санкт-Петербург вместе с Вогаком. Они прибыли в российскую столицу около 20 (8) апреля²⁸. 8 мая (25 апреля) Вогак получил аудиенцию у Николая II. Он зачитал царю свою записку «Значение договора 26-го марта 1902 г. в развитии вопроса о Маньчжурии»²⁹. Вогак полагал: 1) «России следовало бы немедленно принять меры к урегулированию добрососедских отношений на Корейском полуострове». Однако Россия уклонилась от переговоров по этому вопросу в 1896 г., когда маршал Ямагата, прибывший на торжества по случаю коронации, был искренне готов договориться относительно Кореи. Теперь, как считал Вогак, соглашение с Японией было не-

---

²⁶ *Lukoianov I.V. The Bezobrazovtsy. P. 77; Malozemoff A. Russian Far Eastern Policy, 1881–1904. – Berkeley. 1958. Reprint. – New York. 1977. P. 201–202.*

²⁷ Ключевым документом является следующая телеграмма: Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте. 15.II.1903. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 16511. Д. 5312. Л. 7–9.

²⁸ Дневник А.Н. Куропаткина. – Б/м. 1923. С. 38–40; Покотиллов – Витте 21.V.1903. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 560228. Д. 275. Л. 193.

²⁹ Дневник Николая II. 25.IV.1903. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 60111. Д. 245. С. 174.

возможно. «Вследствие этого, предотвращение войны на Дальнем Востоке является для России вопросом первостепенной государственной важности». 2) Первым средством для достижения этой цели он считал прекращение политики уступок; вторым – исполнение договора от 26 марта 1902 года. Одновременно с этим, «необходимо дать понять Китаю и другим державам, что Россия не намерена, однако, уступать там кому-либо своего места». 3) В качестве третьего средства предлагалось немедленно создать эту готовность, то есть увеличить российские вооруженные силы на Дальнем Востоке. «На первое место надо поставить возможность избежать нежелательной войны, на которую никто не решится, раз достаточная боевая готовность России на Дальнем Востоке станет для всех очевидной»³⁰.

Кроме того, Вогак вместе с Безобразовым предложил построить «заслон» – линию обороны Порт-Артур – Ялу – Владивосток, используя для этого лесопромышленное общество на реке Ялу, а также создать наместничество на Дальнем Востоке и наделить наместника всеми управленческими функциями. Наконец, они хотели изгнать из правительства двух министров – Витте и Куропаткина. В этом состоял смысл «нового курса».

Николай II одобрил этот «новый курс». Важными вехами в его осуществлении стали совещание 20 (7) мая и порт-артурские совещания 1–11 июля (18–28 июня). В результате 12 августа (30 июля) было создано наместничество на Дальнем Востоке. Наместником был назначен Алексеев. 28 (15) августа был уволен министр финансов Витте.

Разногласия между Куропаткиным и Безобразовым оказались очень серьезными. По мнению Куропаткина, численность вооруженных сил на Дальнем Востоке была оптимальной. Однако Безобразов считал количество войск недостаточным, даже опасным³¹. Впоследствии авторы официальной истории русско-японской войны, изданной под редакцией Генерального штаба, утверждали, что заявления военного министра оказались ошибочными³².

³⁰ Вогак К. Значение договора 26-го марта 1902 г. в развитии вопроса о Маньчжурии. РГИА. Ф. 5602 28. Д. 213. Л. 135–141.

³¹ Записка А.Н. Куропаткина, представленная Николаю II 24.VII.1903. ГАРФ. Ф. 5431 1. Д. 183. Л. 95–117 об.; РГВИА. Ф. 1651 1. Д. 879. Л. 1–17 об.; А.М. Безобразов – Николаю II, 30.VII.1903; Русско-Японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.Р. Линевича. – Ленинград, 1925. С. 154–156; Куропаткин – Николаю II. 1.VIII.1903. РГВИА. Ф. 1651 1. Д. 900. С. 2–15.

³² Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т. I. – СПб., 1910. С. 329–332.

Тем не менее, Николай II не мог согласиться с отставкой его любимого военного министра. Вероятно, поэтому «новый курс» не получил дальнейшего развития. Безобразов отступил и занялся упорядочением дел Особого комитета Дальнего Востока и лесопромышленного общества.

23 (10) июня, во время пребывания Куропаткина и Вогака в Японии, японское правительство определило свой основной курс по отношению к России. В его основу легли два документа: «Записка по решению корейского вопроса», подготовленная начальником Генерального штаба Ояма Ивао, представленная кабинету министров 22 июня, и записка министра иностранных дел Комура Дзютаро от 23 июня³³. Оба государственных деятеля полагали, что поскольку Россия уже заняла Маньчжурию, Корейский полуостров станет русским владением через три или четыре года, если Японская империя будет безучастно смотреть на ситуацию. В этом случае японцы потеряют единственную гарантию независимости. Поэтому необходимо было немедленно начать переговоры с Россией и разрешить корейский вопрос, то есть заставить Россию признать «исключительное право» Японии давать советы и оказывать помощь Корее, а также посылать войска на полуостров. При этом признавалось недопустимым ограничение японских прав, кроме сохранения независимости и территориальной целостности Кореи. В случае, если в ходе переговоров Россия откажется признавать права Японии, то решать эту проблему придется с помощью войны. Ояма писал по этому поводу следующее: «Если, к несчастью, начнется война, на сегодняшний день в военных приготовлениях [России] пока еще существуют изъяны... Пока наши и их силы не потеряли равновесия, мы сможем противостоять этому. Поэтому для долгосрочных планов государства на сто лет, корейский вопрос необходимо решить именно сейчас».

В записке Комура ничего не говорится о войне. Однако его фраза «Если мы упустим сегодняшний день, мы не сможем найти такие шансы еще раз в будущем. Время проходит и только дух раскаяния остается вечно» означала то же самое, что и слова Ояма. В случае начала войны Маньчжурия превратилась бы в театр военных действий. Таким образом, начав войну из-за корейского

---

³³ Секретная история русско-японской войны на японском языке. Т. 1. Ганнандо. 1977. С. 47–50; *Нумата Такадзо*. История русско-японской войны на суше на японском языке. – Токио, 1940. С. 4–6.

вопроса, можно было решить и маньчжурскую проблему. Поэтому было целесообразно вести переговоры только по вопросу о Корее. Когда в Генеральном штабе громко заговорили о неизбежности войны с точки зрения решения маньчжурского вопроса, в записке начальника штаба переговоры по корейскому вопросу предлагалось рассматривать только потому, что Ояма и Комура предварительно согласовали содержание своих записок.

Вместе с тем, предположить, что Россия примет японское предложение, касающееся Кореи, было достаточно сложно. Судя по результатам переговоров в 1901 и 1902 гг., можно было предугадать, что Россия откажется от японских требований. Поэтому переговоры являлись необходимой процедурой перед началом войны.

Русско-японские переговоры начались с предъявления японского предложения от 12 августа (30 июля) 1903 года. Япония выдвигала свои предложения три раза. Выражение «исключительное право» появилось только в первом проекте, затем оно фигурировало в документах просто как «право».

Но содержание не менялось. Япония каждый раз отказывалась от обязательства не использовать корейскую территорию для своих стратегических целей. Это касается статей о нейтральной зоне, расположенной к северу от 39-ой параллели. Исходя из принципа непризнания ограничения японских прав в Корее, Комура ознакомил с японскими предложениями английского посланника Макдональда и попросил совета относительно требований Японии, касающихся Маньчжурии. Однако сомнительно, чтобы Комура придавал серьезное значение переговорам по маньчжурскому вопросу. Как представляется, статьи о Маньчжурии были важны исключительно для того, чтобы получить поддержку англичан.

Контр-предложения, сделанные со стороны России, были составлены на основе ответа Ламсдорфа относительно проекта Ито 1901 года³⁴. Россия была готова признать за Японией права в Корее, но с обязательными ограничениями. Первое из них – обязательство не использовать даже часть корейской территории для своих стратегических целей. Второе – статья о нейтральной зоне. Розен предложил, чтобы «японские войска ни в каком случае не

---

³⁴ Розен – Е.И. Алексееву. 2.IX.1903. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 321 1. Д. 485. Л. 151–151об; Проект Алексеева. Там же. Д. 134. Л. 11.

переходили к северу от определенной параллели, которую можно бы определить таким образом, чтобы включить устье и бассейн реки Ялу». Алексеев предложил «взаимное обязательство считать р. Ялу, от береговой полосы шириной в 50 верст, нейтральной зоной в военном отношении». Вероятно, окончательный вариант, содержащий формулировку «Взаимное обязательство считать часть территории Кореи, лежащую к северу от 39-ой параллели, нейтральной полосой» был принят Николаем II. Ламсдорф ознакомил с контр-предложением России французов. В результате этих бесед была предпринята попытка исключить статью о нейтральной зоне. Однако обязательство не использовать корейскую территорию для стратегических целей было сохранено без изменений.

Корейское правительство было не в курсе содержания переговоров. Тем не менее 15 августа Коджон решил послать секретное письмо русскому царю и начать переговоры о нейтралитете с Японией и Россией в случае войны между ними. Наряду с этим в секретном письме Коджон обещал занять сторону России в случае военных действий³⁵. 26 сентября японское правительство отказалось от переговоров о нейтралитете Кореи³⁶. Российское правительство получило секретное письмо корейского императора и отнеслось к нему доброжелательно. Тем не менее Санкт-Петербург не мог согласиться с японской точкой зрения.

Рапорты военного и морского агентов о грядущей высадке японских войск в Корею беспокоили наместника уже на раннем этапе переговоров. Раздававшиеся в Японии призывы начать войну с Россией усиливали напряженность обстановки. 3 октября (20 сентября) Алексеев внес на рассмотрение Николая II предложения о мероприятиях на случай высадки японских войск³⁷. Через два дня российский император направил ответ, в котором сообщил, что «и в этом случае нам не следует горячиться, а напротив избегать всего, что могло бы вызвать столкновение»³⁸.

---

³⁵ Это письмо было обнаружено группой историков южной Кореи в АВПРИ и опубликовано в сеульских газетах 26.IV.1995. Текст этого письма см.: Нихон Гайко Бунсё. Т. 36. Ч. 1. С. 721–722.

³⁶ Комура – Хаяси. 26.IX. и 6.X.1903. Нихон Гайко Бунсё. Т. 36. Ч. 1. С. 725–726.

³⁷ Документы, касающиеся переговоров с Японией в 1903–1904 гг., хранящиеся в канцелярии Особого Комитета Дальнего Востока. – СПб., 1905. № 8. С. 21–22.

³⁸ Николай II – Алексееву. 22.IX.1903. РГАВМФ. Ф. 321 1. Д. 170. Л. 10.

Алексеев был недоволен этим. 16 (3) ноября, при обсуждении второго русского контр-предложения он писал: «Считая дальнейшие изменения едва ли возможными, полагаю следует остановиться теперь же на тех последствиях, которые могут произойти в случае отказа Японии принять наш проект», добавив при этом следующее: «мне казалось бы более осторожным замедлить передачу нашего проекта, дабы иметь время привести в исполнение некоторые уже начатые согласно высочайшим предначертаниям мероприятия, направленные к усилению нашего военного положения на Дальнем Востоке»³⁹. 29 (16) декабря, когда третье японское предложение было передано российской стороне, Алексеев выступил за то, чтобы его отвергнуть⁴⁰. Затем он предложил созвать совещание и всесторонне обсудить сложившуюся ситуацию.

В начале января 1904 г. Алексеев получил телеграммы русских военных агентов, которые сообщали о подготовке Японии к отправке войск в Корею. Посланник Павлов из Сеула также писал Алексееву о кризисном положении. 6 января (24 декабря) Алексеев попросил у царя разрешение принять соответствующие меры, а именно: объявить мобилизацию в областях Дальнего Востока и в сибирских губерниях, ввести в Маньчжурии военное положение и одновременно с этим занять передовыми войсками нижнее течение реки Ялу⁴¹. 12 января (30 декабря) Куропаткин послал телеграмму Алексееву: «Государь император приказал телеграфировать Вам следующее: из проектированных Вами мер принять... следующие. Первое, объявить крепости Порт-Артур и Владивосток на военном положении. Второе, приготовиться к мобилизации всех войск наместничества. Третье, готовится распоряжение об ассигновании в Ваше распоряжение трех миллионов рублей. Четвертое, подготовиться выдвинуть отряд войск по направлению к корейской границе»⁴². Таким образом, Алексееву было приказано ограничиться только подготовительными мерами. Николай II и военный министр опасались, что активные действия могут привести к началу войны.

В тот момент, когда война с Японией, по существу, стала неизбежной, развернули свою деятельность Безобразов и Вогак.

³⁹ Алексеев – Ламсдорфу. 2.XI.1903. Там же. Д. 134. Л. 23.

⁴⁰ Алексеев – А.И. Павлову. 16.XII.1903. Там же. Д. 182. Л. 21 об.

⁴¹ Алексеев – Николаю II. 24.XII.1903. ДКПЯ. № 17. С. 33–35.

⁴² Куропаткин – Алексееву. 30.XII.1903. РГАВМФ. Ф. 321 1. Д. 28. Л. 5; Дневник А.Н. Куропаткина. С. 99.

Вначале они послали Вонлярлярского к Курино. Вонлярлярский заявил посланнику, своему старому знакомому, что его друг Безобразов был ошибочно представлен сторонником войны с Японией и что для Курино было бы полезно организовать встречу с ним. Курино согласился и направил переводчика посольства Тано к Безобразову. 30 (17) декабря Безобразов провел удивительно интересный разговор с Тано. Он раскритиковал англо-японский союз и заявил, что «война между Россией и Японией является бедствием для обеих стран и что ее истоки будут выгодны только для другой страны». Он предложил заключить русско-японский союз на основе обмена Маньчжурии на Корею. По мнению Безобразова, Ламсдорф не достоин уважения, а Куропаткина он назвал человеком, которому не доставало государственного мышления⁴³.

Удивленный Курино рассказал об этой беседе английскому посланнику Скотту, который направил Лансдоуну соответствующую телеграмму. Японский посланник Хаяси, узнавший об этой беседе от Лансдоуна, послал в Токио телеграмму, текст которой был опубликован в японском сборнике дипломатических документов⁴⁴. До сих пор эта телеграмма остается единственным опубликованным в Японии документом, касающимся контактов Курино с Безобразовым. Разумеется, в дальнейшем Курино стал более осторожным и перестал сообщать какие-либо сведения английскому посланнику. Телеграммы Курино, адресованные непосредственно Комуре, дошли до Токио в период с 3 по 10 января. Но глава японского МИДа игнорировал все эти сообщения. Комуре было важно, чтобы Безобразов оставался вождем «партии войны».

10 января (28 декабря) Безобразов составил записку, посвященную русско-японскому союзу. Не исключено, что в этом ему помогал Вогак. С документом были ознакомлены Николай II и глава МВД Плеве. Один экземпляр находился в делах Министерства внутренних дел, а другой обнаружил Лукоянов в деле Николая II⁴⁵. Безобразов по этому поводу писал: «Совершенно очевидно, что любое распространение с Лиантунга[Ляодуна] куда либо еще дальше, например, в Корейский полуостров... нам со-

---

⁴³ Курино – Комура. 1.I.1904. Документы японской миссии в Корею. Т. 22. – Сеул, 1996. С. 447–449.

⁴⁴ Хаяси – Комура. 31.XII.1903. Нихон Гайко Бунсё. Т. 36. Ч. 1. С. 49.

⁴⁵ Записка А.М. Безобразова. 28.XII.1903. РГИА. Ф. 12821 1. Д. 761. Л. 208–214.

вершенно не нужно». Россия только желает охранить линию Порт-Артур – Ялу – Владивосток. Широкой ареной торгово-промышленной деятельности для Японии является, прежде всего, восточно-азиатское побережье, а также и весь Тихий океан в целом. Однако прямые интересы Англии и Америки должны заставить их стремиться оттеснить Японию с юга и направить ее деятельность на север. «Союз России и Японии может быть создан только на основе согласования искренних интересов двух стран». «Россия не присоединяет к себе Маньчжурию и Корея остается независимой; но к действиям Японии в Корее Россия относится как к своему другу и союзнику». Обе империи должны создать в Маньчжурии и Корее официальные акционерные общества, ставящие своей ближайшей целью эксплуатацию естественных богатств этих регионов. Безобразов предложил создать на этой основе союз с помощью установления тесных контактов между японским и русским императорами.

Эта идея вызвала большой интерес у Курино. Японский посланник, сопоставляя предложения Безобразова с мнением Ламсдорфа и Витте, убедился в том, что они не лишены здравого смысла. Люди, которые выглядели сторонниками войны, оказались сторонниками мира и наоборот. 12 января Курино составил рапорт под названием «Отношение русских политических деятелей к Японии». Эта телеграмма дошла до Токио 15 января между 13:00 и 17:00⁴⁶. Однако Комура проигнорировал и ее. Телеграмму надолго упрятали под сукно. Она была опубликована в Сеуле лишь в 1990-х годах.

Беда Безобразова состояла в том, что Николай II не реагировал на его предложения. Отчаявшись, 14 января он отправился в Женеvu⁴⁷.

12 января (30 декабря) в Японии состоялось особое совещание у императора. На нем был принят окончательный вариант обращения к России по проекту Комура. Но, как считал Комура, «судя по ходу предыдущих переговоров, уже было ясно, что заставить Россию принимать наши пожелания стало крайне трудно и безнадёжно. Но поскольку откладывать решение вопроса было невыгодно для нас... то следовало нам прекратить переговоры и со-

---

⁴⁶ Курино Синъитиро. Рококу сэйдзика-но Нихон тайдо-ни кансуру кэнто (Отношение русских государственных деятелей к позиции Японии). 12.I.1904. Т. 22. С. 445–447.

⁴⁷ Курино – Комура. 15.I.1904. Нихон Гайко Бунсё. Т. 37. Ч. 1. С. 40–41.

общить российскому правительству, что японское правительство сохраняет за собой право прибегнуть к независимым действиям, которые оно посчитает наилучшими для защиты своего положения на угрожающих направлениях...»⁴⁸.

Корейский император Коджон, который чувствовал приближение трагического момента, решил опубликовать декларацию о нейтралитете Кореи⁴⁹. Посланник Павлов не только поддержал это решение, но и помог его осуществить. 18 (5) января текст декларации появился в Чифу и был вручен мировым державам при содействии французского консула⁵⁰. До сих пор существует мнение, что российское правительство не поддержало эту декларацию. Однако 29 (16) января Ламсдорф сообщил Павлову: «Вам разрешается передать корейскому императору, что заявление о сохранении Кореей нейтралитета, в случае столкновения между Россией и Японией, встречено вполне сочувственно императорским правительством, которое с удовольствием приняло к сведению данные по этому поводу заверения»⁵¹.

28 (15) января 1904 г. было созвано Особое совещание для выработки ответа на японское предложение. Ламсдорф заявил, что на принятие японцами 6-ой статьи о нейтральной зоне остается все меньше надежд. Что касается 5-ой статьи и предложений Японии исключить первую ее часть (обязательство не использовать корейскую территорию в стратегических целях), министр считал, что можно было возразить, поскольку российские предложения отвечали основному принципу независимости и территориальной целостности. Эта ошибка стала фатальной в рассуждениях главы российского МИДа. В ходе дискуссии высказывались разные точки зрения. В конечном счете было решено представить царю проект Ламсдорфа и проект морского министерства, согласно которому предлагалось сохранить статью о нейтральной зоне, отказавшись от обязательства не использовать корейскую территорию для стратегических целей⁵². Глава внешнеполитического ведомства убеждал царя принять его проект. Николай II временно утвердил проект Ламсдорфа, но 3 февраля (21 января)

⁴⁸ Там же. С. 30–31.

⁴⁹ Павлов – Алексееву. 31.XII.1903. РГАВМФ. Ф. 321 1. Д. 167. Л. 161–162.

⁵⁰ Павлов – Ламсдорфу. 5.I.1904. Там же. Д. 209. Л. 4, 5–6 об.

⁵¹ Ламсдорф – Павлову. 16.I.1904. РГВИА. Ф. 1651 1. Д. 1070. Л. 2

⁵² Журнал состоявшегося по высочайшему повелению Особого совещания 15.I.1904. РГАВМФ. Ф. 4171 1. Д. 2823. Л. 106–113 об.

стал настаивать на требовании включить в него пункт о нейтральной зоне⁵³. Это был безответственный шаг.

3 февраля (21 января) Кацура и Комура, а также военный и морской министры и все пять членов Гэнро приняли решение начать войну в соответствии с предложением начальника Генерального штаба Ояма от 1 февраля. Императорское совещание было назначено на следующий день. 3 февраля в 19:00 японскому Морскому министерству стало известно, что русская эскадра в полном составе вышла из Порт-Артура. Однако решение о начале войны уже было принято⁵⁴. 4 февраля в 14:00 императорское совещание приняло окончательное решение начать войну. Одновременно были направлены две ноты российскому правительству⁵⁵.

Российский министр иностранных дел, оказавшийся в затруднительном положении из-за требования царя включить в проект секретный пункт о нейтральной зоне, был вынужден направить четвертую телеграмму наместнику соответствующего содержания. Алексееву предлагалось передать посланнику в Токио следующее указание Николая II: прежде чем заявлять об отказе Петербурга от 6-й статьи, следует все-таки попытаться убедить японскую сторону дать согласие на установление нейтральной зоны в северной части Корейского полуострова. Согласно телеграмме Ламсдорфа, наместник, «передавая инструкции барону Розену», должен был обратить внимание последнего «на необходимость предварительно сообщать токийскому правительству о нашем отказе от 6-ой статьи..., попытаться склонить тем или иным способом японцев к принятию, хотя бы в форме секретной статьи, условия установления нейтральной зоны в северной Корее⁵⁶. 4 февраля Ламсдорф встретился с Курино и передал ему

---

⁵³ Николай II – Ламсдорфу. 21.I.1904. ГАРФ. Ф. 5681 1. Д. 661. Л. 76–77. Этот документ был найден И.В. Лукояновым. LUKOIANOV 1. V. Bezobrazovtsy. P. 85.

⁵⁴ Химицу нитиро сэнси (Секреты русско-японской войны). Т. 1. С. 103–108; Мэйдзи тэнноки (Хронология жизни Императора Мэйдзи). Т. 10. С. 593; Косяку Кацура Таро дэн (Биография маркиза Кацура Таро). Т. 2. С. 199; Ямамото Гонбэй то кайгун (Ямамото Гонбэй и военно-морской флот). – Харасёбо, 1966. С. 202.

⁵⁵ Нихон Гайко Бунсё. Т. 37. Ч. 1. С. 92–93.

⁵⁶ Ламсдорф – Алексееву. 21.I.1904. ГАРФ. Ф. 5681 1. Д. 180. Л. 216; РГВИА. Ф. 1651 1. Д. 969. Л. 26. Этот документ был найден японским историком Кано Тадаси. *Кано Тадаси*. Россия тэйкоку то нитиро сэнсо э-но мити

вербальную ноту, в которой было сказано, что Россия требует буферную зону («une region servant pour ainsi dire de tampon»)⁵⁷. Все это свидетельствовало о том, что замыслы министра иностранных дел потерпели окончательный крах.

Собственно говоря, эти усилия были бесполезны. Япония не собиралась отказываться от войны, пока сохранялось обязательство не использовать территорию Кореи в стратегических целях. Исключение статьи о нейтральной зоне было недостаточным для японцев. Кроме того, не был в должной мере использован временной фактор. Мнение Ламсдорфа было сообщено в японскую столицу 5 февраля в 17:15. Окончательное решение начать войну было принято в Токио еще накануне.

Русско-японская война начиналась как битва за Корею. 6 февраля (24 января) 1904 г. японский военный флот начал военные действия. В 6:30 из порта Такэсики на острове Цусима 7-й отряд боевых кораблей 3-го флота (7 кораблей) вышел в море, чтобы захватить залив Чинхэ. В 16:00 команда матросов с канонерки «Атаго» высадилась на берег и заняла корейскую телеграфную станцию в Масане⁵⁸.

В 16:00 в Токио Комура передал Розену ноты о прекращении дипломатических отношений. Это произошло в 9:00 по петербургскому времени. Но поскольку действовал запрет на использование каналов связи, Розен не мог передать содержание этих нот ни в Петербург, ни в Порт-Артур⁵⁹.

Тем временем в 16:00 в Санкт-Петербурге (в 23:00 по токийскому времени) Курино посетил Ламсдорфа и передал ему две ноты. В первой говорилось о прекращении переговоров, а также заявлялось, что «императорское правительство оставляет за собой право принять независимое действие, какое сочтет наилучшим для укрепления и защиты своего положения и охраны своих прав и законных интересов.» Вторая нота сообщала о прекращении дипломатических сношений с Россией и выезде Курино и всего состава миссии⁶⁰.

(Российская империя и путь к русско-японской войне). – Хосэй дайгаку, № 53, октябрь 2006 г. С. 36.

⁵⁷ Ламсдорф – Курино. 22.I.1904. ГАРФ. Ф. 5681 1. Д. 180. Л. 218–220.

⁵⁸ Секретная история войны на море 1904–1905 гг., ч. I. Т. 10. С. 2, 5, 6, 11, 23, 25–26.

⁵⁹ *Rozen R. Forty Years of Diplomacy. Vol. I, L. 1922. P. 231–232.*

⁶⁰ Нота японского посланника на имя графа Ламсдорфа. 24.I.(6.11). 1904. Обзор сношений с Японией по корейским делам. С. 87–88; Нихон Гайко

Вторая половина первой ноты подразумевала предупреждение о возможном нападении, но Ламсдорф не уловил этого потайного смысла. Вместе с официальными нотами Курино передал главе русского МИДа свое частное письмо, в котором содержалась такая фраза: «En esperant vivement que cette interruption des relations diplomatiques sera limitee a la plus courte duree possible»⁶¹. Как представляется, Ламсдорф, прочитав эту фразу, решил, что приостановка дипломатических отношений между двумя странами является кратковременной мерой и войны возможно избежать.

На следующий день, 7 февраля (25 января), глава внешнеполитического ведомства написал Куропаткину, что «отозвание японского посланника из Санкт-Петербурга и русской миссии из Токио не означает еще, что война между нами неизбежна»⁶². О сообщении Курино, но в своей интерпритации, Ламсдорф доложил царю и послал циркулярные телеграммы представителям за границей, а также наместнику на Дальнем Востоке. Фраза «императорское правительство оставляет за собой право принять такое независимое действие, какое сочтет наилучшим для укрепления и защиты своего опасного положения» не содержалась ни в докладе, ни в телеграммах⁶³. В этом заключалась серьезная ошибка министра иностранных дел.

Бунсё. Т. 37. Ч. 1. С. 97–101; Маньчжурия и Корея. Английская синия и японская белая книги 1901–1904. – СПб., 1904. С. 226–227. Курино – Комура. 6. II. 1904. Нихон Гайко Бунсё. Т. 37/38, пр. 1. С. 4.

⁶¹ Нота японского посланника на имя графа Ламсдорфа. 24. I. 1904. Обзор сношений с Японией по корейским делам. С. 89.

⁶² Частное письмо японского посланника на имя графа Ламсдорфа. 24. I. 1904. Там же. С. 90.

⁶³ Дневники Императора Николая II. – М., 1992. С. 192; Алексеев Е. И. Всеподданнейший отчет Наместника на Дальнем Востоке по дипломатической части 1903–1904. ГАРФ. Ф. 5431 1. Д. 186. Л. 25 об.

2017

Февральская революция:
новая концепция японских
историков*

1. Несколько слов о японской
историографии

У нас в Японии настоящее научное изучение истории России началось только после 1956 года. Молодые историки прочитали интересные доклады о российской революции на заседаниях Японского общества исследователей истории России (ЯОИИ). Можно назвать три доклада: Харуки Вада «Февральская революция и большевики: диапазон отношений революционных элит и масс к Совету рабочих депутатов» (апрель-май 1959 г.); Цуёси Хасэгава «Двоевластие и большевики» (февраль 1964 г.) и Хисаси Нагао «Колебания большевиков в течение Февральской революции и ленинские “Апрельские тезисы”» (март 1965 г.). Мы все уважали советского историка Эдуарда Бурджалова, автора известной статьи, опубликованной в апрельском номере (1956 г.) журнала «Вопросы истории». В этой аудитории, я думаю, не нужно объяснять, кто такой Хасэгава. Его книга «The February Revolution: Petrograd, 1917», опубликованная в США в 1981 году, уже является классикой для специалистов всех стран. Покойный Нагао опубликовал книгу «История Российской Октябрьской революции» в Токио в 1973 г. Он объяснил Октябрьскую революцию поддержкой многих Советов рабочих депутатов, принявших резолюции за Советскую власть.

В 1968 году ЯОИИ опубликовал сборник статей, посвященный пятидесятилетию российской революции. Для этого тома я написал большую статью «Февральская революция». Хотя и будучи учеником Э. Бурджалова, я обратил внимание на течение

---

* Лекция на научной конференции, состоявшейся в Институте Российской истории. Москва, 8–9 октября 2017 г.

левого либерализма, тайную политическую ассоциацию масонского характера и Центральный военно-промышленный комитет вместе с его «Рабочей группой». В этой первой статье я высказал соображение, что левые либералы А.И. Коновалов и др. заставляли «Рабочую группу» идти вперед к революционному выступлению в начале 1917 года. Поэтому я предложил датировать начало Февральской революции 14 Февраля, когда «Рабочая группа» призвала рабочих к шествию к Государственной Думе.

Почти полвека спустя, то есть в этом году, я написал книгу «Февральская революция: 1917 год в Петрограде»¹. Она выйдет в ноябре. Нынешний год богат на публикации по теме революции. Почетный профессор Токийского университета, мой бывший аспирант Нориз Исии также написал книгу «Российская революция». Хотя я еще не ознакомился с ее содержанием, я верю, что монография Исии даст нам новое прозрение. Весной этого года была опубликована работа талантливого молодого историка Ёси-ро Икэда. Это маленькая, но важная книга «Российская революция: восемь месяцев катастрофы». Икеда учился на семинарах у меня и профессора Исии.

В этом докладе я намерен изложить мою новую концепцию российской революции и затем объяснить кратко новую концепцию Икэда.

2. Причины Российской революции

Российская революция 1917 года явилась великой борьбой россиян против самодержавия и мировой войны.

Самодержавие, дожившее до трёхсотлетия династии, оказалось окончательно нежизнеспособным в тотальной войне. Настоящий кризис верховной власти выразался в ненормальных отношениях между царем, царицей и Распутиным. Супруга царя написала ему 4 декабря 1916 года: «Я глубоко убеждена, что бли-

---

¹ Вада Харуки. Нигацу какумэи (Февральская революция). В сб. *Россия какумэи но кэнкю* (Исследования Российской революции). – Токио, 1968. С. 321–454. См. *Wada Haruki. The Russian February Revolution of 1917 // Annals of the Institute of Social Science. № 15, 1974. P. 72–94. Вада Харуки. Февральская революция 1917 года // Россия как проблема всемирной истории. – М., 1999. С. 27–50.*

зятся великие и прекрасные дни твоего царствования и существования России. Только сохраняя бодрость духа, не поддавайся влиянию сплетен и писем... Покажи всем, что ты властелин, и твоя воля будет исполнена. Миновало время великой снисходительности и мягкости... теперь наступает твое царство воли и мощи! Они будут принуждены склониться перед тобой и слушаться твоих приказов, и работать так, как и с кем ты назначишь»². Царица только что заставила царя сохранить Протопопова в качестве министра внутренних дел. Она торжествовала.

А тем временем мировая война стала невыносимым горем для всего народа России.

В конце 1916 года страна столкнулась с трудностями в пополнении вооруженных сил людским составом. В.И. Гурко, Б.А. Энгельгардт и другие 26 членов Особого совещания по обороне государства обратились к царю с запиской, в которой указали, что уже скоро, через пять месяцев, придется вести войну, расходуя запасные батальоны, без возможности их пополнения. Они также писали, что в стране все более остро ощущается недостаток рабочих рук во всех важнейших отраслях народного труда. В записке было предложено пять мер, но среди них не было настоящего способа разрешения проблемы³. Это означает, что Россия уже перестала быть способной продолжать войну.

В начале октября 1916 г. солдаты на фронте начали открыто отказываться идти в атаку. В ночь с 1-го на 2-е, в 48-м Сибирском стрелковом полку начались брожения, слышались выкрики, что в наступление они не пойдут. 3-го октября, когда атака началась, часть солдат 47-го и 48-го полков отказалась идти в бой. В связи с этим три стрелка были преданы военно-полевому суду и расстреляны по его решению⁴. Отказ солдат идти в атаку продолжался и дальше. В ноябре солдаты 1-ой и 3-ей рот 326-го Белградского полка в окопах кричали: «Не пойдем», «Защищать позиции будем до последней капли крови, а в атаку не пойдем».

---

² Переписка Николая и Александров Романовых. Том IV. – М.–Л., 1926. С. 154.

³ Весь текст этой записки см. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Том I. Париж, 1939. С. 97–105. Об этой записке см. Lyanders Semen. The Fall of Tsarism: Untold Stories of the February 1917 Revolution. – Oxford, 2014. P. 56–57.

⁴ Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны. Сборник документов. – М., 1966. С. 204–205, 424.

За этот отказ 197 человек были преданы Общему корпусному суду⁵. Вопреки всяким карательным мерам, солдаты начали бороться против мировой войны.

3. Три попытки преодоления кризиса

Кризис власти и государства особенно остро ощущался наверху, поэтому и попытки преодолеть кризис начались сверху. Первой попыткой стал «дворцовый переворот». Классической моделью дворцового переворота была цареубийство. Но в этот раз организаторы намеревались убить Распутина, устроить и выгнать царицу из царского дворца и освободить царя от их влияния. Распутин был убит 18 декабря князем Феликсом Юсуповым, великим князем Дмитрием Павловичем и правым депутатом Пуришкевичем. Эта акция не могла изменить верховную власть. Царица, не упавшая духом, стала более агрессивной.

Второй попыткой должен был стать «государственный переворот». Центральной его фигурой был Александр Гучков. Его поощряли Николай Некрасов и Михаил Терещенко. Вместе с ними Гучков составил план переворота: обеспечение надежных офицеров и воинских подразделений; захват поезда Николая II на пути между Царском селом и ставкой; вынуждение царя отречься в пользу наследника; назначение великого князя Михаила регентом; соответствующие манифесты. Князь Д.Л. Вяземский, который состоял уполномоченным отряда Красного креста, стал важным сотрудником для Гучкова. Подготовка шла усердно⁶.

Но неожиданное обстоятельство помешало осуществлению их замысла. Гучков был в Кисловодске на лечении с 13 октября по 20 декабря⁷, а князь Вяземский в конце 1916 года был тяжело ранен на фронте пулей в грудь навывлет, и даже в конце февраля 1917 года он еще не вполне оправился от этой раны⁸. Поэтому

---

⁵ Там же. С. 247–253.

⁶ Основной источник о затее А. Гучкова: Александр Иванович Гучков рассказывает. – М., 1993.

⁷ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в года первой мировой войны. – Л., 1967. С. 301. Также см. Утро России. 18 дек. 1916 г. С. 4.

⁸ Васильчиков И.С. То, что мне вспомнилось. – М., 2002. С. 124. Автор – муж сестры Д. Вяземского.

попытка Гучкова окончилась безрезультатно. Потом Терещенко попытался вновь вернуться к этой затее вместе с генералом Крымовым, но их планам, приуроченным к началу марта, тоже не суждено было осуществиться.

Третьей попыткой стала «буржуазно-гражданская революция». Центральными фигурами этого движения были А. Коновалов, Н. Некрасов и А. Керенский. Письменное свидетельство их согласия не найдено до сих пор, но без предположения о том, что они согласовывали свои действия, невозможно объяснить развитие событий. Все трое были членами масонской ложи «Великий Восток народов России»¹⁰ и депутатами Государственной думы. В начале ноября 1916 года они приступили к организации революции, поощряя Рабочую группу ЦВПК к выступлению во имя спасения страны¹¹. В секретариате Рабочей группы в этом деле ключевую роль играл меньшевик Е. Маевский. Он был участником революции 1905 года и членом авторского коллектива меньшевистского пятитомника «Общественное движение в России в начале XIX века»¹².

4. Февральские выступления народных масс Петрограда

До сих пор историки единогласно считали, что началом Февральской революции является 23 февраля. Я же с 1968 года полагаю, что Февральская революция началась 14 февраля 1917 года.

В январе Рабочая группа ЦВПК приняла решение призвать массу рабочих «к открытию Гос. Думы, т. е. 14 февраля выйти всех до одного на улицу и двинуться к Таврическому дворцу».

---

⁹ М.И. Терещенко о ген. Крымове // День. 2 сентября 1917 г. С. 2.

¹⁰ В основном я опираюсь на работу В.И. Старцева. *Старцев В.И. Тайны русских масонов.* – СПб., 2004.

¹¹ С.В. Куликов в своей статье считал руководителей ЦВПК во главе с Гучковым вдохновителями революционных акций Рабочей группы (Куликов С.В. Центральный Военно-промышленный Комитет накануне и в ходе Февральской революции 1917 года // *Российская история.* 2012. № 1.). Эта замечательная работа русского историка, но он не видит отличия Коновалова от Гучкова. Линии этих двух людей являются разными.

¹² Ценнейшим материалом всего этого дела была брошюра «Канун революции» (Петроград, 1917), редактором которой был Евгений Маевский.

Они не скрывали, что намерены повторить затею попа Гапона «шествие к Зимнему Дворцу»¹³. Это значило начать революцию. Но этот призыв не дал результата, потому что власти арестовали заранее почти всех членов Рабочей группы и в тот же день установили жестокий режим против демонстрации рабочих. Еще одно обстоятельство помешало выступлению 14 февраля. Это противостояние левых партий и групп. Они не думали, что момент решительных акций пришел, и считали призыв к выступлению 14 февраля ловушкой власти¹⁴. Только студенты нескольких институтов провели демонстрации на Невском проспекте¹⁵.

Неудавшийся призыв к шествию к Таврическому дворцу и все события вокруг этого оставили чувство глубокой неудовлетворенности у передовых рабочих Выборгского района. Через 9 дней, 23 февраля они горячо отреагировали на призывы женщин-работниц текстильных фабрик начать забастовку, намереваясь идти к центру города.

Выступление рабочих Выборгского района 23 февраля на другой день быстро охватило и другие районы. А 25 февраля весь город уже был охвачен всеобщей забастовкой. Участились столкновения рабочих и студентов с полицией и войсками. 26 февраля командующий Петроградским военным округом приказал войскам стрелять в демонстрантов. Первой восстала четвертая рота Преображенского полка, но её выступление было сразу подавлено. Утром 27 февраля учебная команда Волынского полка, брошенная на расстрел безоружной массы, подхватила инициативу, и весь полк восстал. Сразу присоединились три полка из соседских

---

¹³ Письмо к рабочим всех фабрик и заводов г. Петрограда // Канун революции. Пг., 1917. С. 94–100. В нем мы находим следующие строки: «Одиннадцать лет тому назад Рабочий Петербург, спаянный наивной детской верой в царя, двинулся к Зимнему дворцу искать правды... Теперь мы выросли, теперь мы не пойдем уж к Зимнему дворцу... Как и в Кровавое Воскресенье, мы должны спать себя братской клятвой... к открытию Гос. Думы, выйти все до одного на улицу и двинуться к Таврическому дворцу... Мы пойдем с властными требованиями, чтобы наши желания, наш голос услышала вся страна, услышали миллионы народа, одетого в солдатские шинели».

¹⁴ Меньшевики-интернационалисты (Инициативная группа), партия большевиков, межрайонцы, левые эсэры – все они были против призыва Рабочей группы.

¹⁵ В Петрограде накануне Февральской революции // Красная летопись. 1927. № 1. С. 42.

казарм. Таким образом, рабочая революция переросла в рабоче-солдатскую революцию. Заключенные из двух тюрем были сразу освобождены.

5. Совет рабочих и солдатских депутатов и Временный Комитет Государственной Думы

В течение февральских революционных дней остатки Рабочей группы и их союзники, деятели рабочего кооператива, старались создать Совет рабочих депутатов. И 27 февраля члены Рабочей группы, освобождённые из Крестов, спешили в Таврический дворец, где вместе с деятелями кооператива и Н.Д. Соколовым издали обращение с призывом к созданию Совета рабочих депутатов. Но по содержанию обращения это был призыв создать Совет рабочих и солдатских депутатов. Я в этом вижу роль, сыгранную бывшим большевиком Н.Д. Соколовым.

1 марта первое общее собрание, в котором участвовали солдатские депутаты, приняло резолюцию о первоочередных мерах для демократизации армии. Эта резолюция была превращена в «Приказ № 1»¹⁶. Временное правительство отменило 12 марта смертную казнь в гражданских и в военно-полевых судах. Это было большой победой для солдатских масс.

Тем временем, в Государственной Думе, распущенной утром 27 февраля, вечером того же дня был создан Временный Комитет Гос. Думы (ВКГД). Он приступил к взятию власти только после полуночи. С утра 1 марта Комитет проделал большую работу по подчинению себе министерств и железной дороги. Однако Родзянко и Гучков постарались получить царские указы о назначении Г. Львова премьер-министром и генерала Л.Г. Корнилова командующим Петроградским военным округом, и затем заставить царя Николая отречься в пользу наследника Алексея и назначить великого князя Михаила регентом¹⁷. Это было реанимацией попытки «государственного переворота». Они хотели сохранить

---

¹⁶ Соколов Н.Д. Как родился приказ № 1 // Огонек. 1917. № 11.

¹⁷ Заявление А. Гучкова. Nicholas de Basily, Diplomat of Imperial Russia 1903–1917: Memoirs. – Hoover Institution Press, 1973. P. 129–130.

монархию как фактор порядка. Но Николай, поначалу согласившийся на отречение в пользу сына, окончательно высказал свою волю отречься в пользу Михаила. На этом моменте люди революционной фракции консолидировали усилия в пользу отмены монархии. Миллюков пишет в своих воспоминаниях, что Керенский и Некрасов настаивали в разговорах с ним на введении республиканской формы правления¹⁸. Встреча великого князя Михаила с министрами и членами ВКГД стала театром решительной битвы между Некрасовым–Керенским–Коноваловым и Гучковым–Миллюковым, дилемм «революция или государственный переворот», «республика или конституционная монархия».

В итоге, Февральская революция как буржуазно-гражданская революция победила. Самодержавие было свергнуто. Временное правительство было создано на основе соглашения с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов.

6. Противоречие Февральской революции

Династия Романовых ушла, но мировая война продолжалась. Здесь лежало противоречие Февральской революции.

6 марта Временное Правительство опубликовало воззвание к гражданам, в котором выяснилась его позиция в отношении войны. «Правительство верит, что дух высокого патриотизма, проявившийся в борьбе народа со старой властью, окрылит и доблестных солдат наших на поле брани. Правительство, со своей стороны, приложит все силы к обеспечению нашей армии всем необходимым для того, чтобы довести войну до победного конца. Правительство будет свято хранить связывающие нас с другими державами союзы и неуклонно исполнит заключенные с союзниками соглашения»¹⁹.

Буржуазные либералы, консервативные, умеренные или революционные, все хотели продолжать войну.

14 марта Совет рабочих и солдатских депутатов принял свое обращение «К народам всего мира».

¹⁸ Миллюков П.Н. Воспоминания. Том II. – New York, 1955. С. 315. Гучков заметил, что в квартире вел. князя Михаила Коновалов энергично требовал от вел. князя отказаться от престола. Nicholas de Basily, op. cit. P. 143.

¹⁹ Революционное движение в России после свержения самодержавия: документы и материалы. – М., 1957. С. 425.

«Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу от всяких реакционных посягательств – как внутри, так и извне. Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силой. Но мы призываем вас: сбросьте с себя иго вашего полусамодержавного порядка... откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров... и дружными объединенными усилиями мы прекратим страшную бойню, позорящую человечество»²⁰.

Это обращение было созвучно выкрикам солдат на фронте в 1916 году и выражало желание солдатских масс в резонной и умеренной форме.

Буржуазно-гражданская революция и рабоче-солдатская революция объединились в процессе свержения самодержавия, но Временное правительство должно было изучать эту проблему серьезно и думать о том, как примирить две позиции.

Только малочисленные дальновидные либералы, такие как управляющий делами Временного правительства В. Набоков и член Юридического совещания Борис Нольде, уже с первых дней существования нового правительства признали невозможность продолжать войну, но они не успели убедить в этом министров и членов ЦК кадетской партии²¹.

Такова моя картина Февральской революции. Для того, чтобы выяснить историческое место этой революции, мне надо продолжить мои размышления.

7. Дальнейшее развитие революции

В конце концов, Временное правительство не смогло прекратить войну. Эта неудача оказалась смертельной для него. Народные массы, рабочие и солдаты желали немедленного мира и демократизации армии. Они стали всё активнее поддерживать идею Советской власти в противоположность Временному правительству.

Октябрьская революция была провозглашена воззванием, принятым 25 октября Вторым Всероссийским съездом Советов.

---

²⁰ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Том I. – СПб., 1993. С. 323–324.

²¹ *Набоков В.* Временное Правительство // Архив русской революции. I. С. 41–42.

Вот задачи революции, провозглашённые в нем: 1) Немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах; 2) Безвозмездная передача помещичьих земель в распоряжение крестьянских комитетов; 3) Права солдата, полная демократизация армии; 4) Рабочий контроль над производством; 5) Своевременный созыв Учредительного собрания²². Никакая новая, социалистическая задача здесь не была поставлена.

26 октября съезд Советов принял Декрет о мире, предложенный Лениным. Это был момент настоящего энтузиазма депутатов и зрителей. Люди встали и пели «Интернационал». Джон Рид прекрасно изложил эту атмосферу в своей известной книге. Старик-солдат плакал, как ребёнок. Молодой рабочий воскликнул радостно: «Война кончена! Война кончена!». Одновременно было создано правительство большевиков с В.И. Лениным во главе. Этому правительству было поручено выполнить задачи, обозначенные в воззвании.

Итак, Октябрьская революция являлась продолжением и завершением задач Февральской революции. Октябрьская революция была прежде всего революцией за мир против войны и царской армии. 15 декабря на заседании Совета народных комиссаров были приняты два декрета, определивших весь ход демократизации армии. Декрет об уравнивании всех военнослужащих в правах полностью упразднял все воинские чины и звания. И декрет о выборном начале и об организации власти в армии вводил выборность всех офицеров и командиров²³. Демократизация армии завершилась к концу декабря. Это означало полную дезорганизацию старой армии. Утопия «мир» является утопией двадцатого века, утопией эпохи мировых войн. Российская революция в ее первом и втором актах реализовала эту утопию, но создать реальный мир она была не в силах.

Ленинское правительство 6 января 1918 года постановило, что Учредительное собрание распускается. Этой акцией была провозглашена третья, Ленинская, революция. Третья революция была социалистической. Ленин намеревался продвинуться к осуществлению социалистической утопии девятнадцатого века через гражданскую войну при помощи сильной власти (однопартийная диктатура), сильной армии (Красная армия) и германского «военного социализма». Для него этот путь был надежным шагом впе-

---

²² Декреты Советской власти. Том I. – М., 1957. С. 8.

²³ Там же. С. 242–245.

ред из ада мировой войны. Все-таки его система оказалась самой подходящей к эпохе мировых войн.

Теперь мы знаем результат Ленинской революции. Утопия «социализм» потеряла свое обаяние для людей. Но утопия «мир», обозначенная Февральской и Октябрьской революциями, продолжила жить в истории человечества. Мне хочется указать на «мирную конституцию» послевоенной Японии и могучее антивоенное движение граждан во время Вьетнамской войны как продолжение утопии Российской революции.

8. Новая постановка вопроса у молодого ученого Икэда

В заключение мне хочется сказать несколько слов о замечательной книге представителя нового поколения японских историков-русистов. Книга Икэда «Российская революция»²⁴, изданная в Токио в январе этого года, имеет характерный подзаголовок: «Восемь месяцев катастрофы». Икэда полагает, что в 1917 году в России произошли две революции: Февральская и Октябрьская.

Путь России от февраля до октября характеризуется им как ход катастрофы. Временное правительство, революционная власть либералов и умеренных социалистов, не могло создать устойчивую, работоспособную демократическую республику. Он старается рассмотреть историю Временного правительства в целом. Работа Икэда является примером хорошего подхода к изучению деятельности Временного правительства.

---

²⁴ *Икэда Ёсиро*. Россия какумэи (Российская революция): хакёку но 8 кагэцу (восемь месяцев катастрофы). – Токио, 2017.

Иси Норие

«Азиатское магнитное поле» исследователя России

После поражения во Второй мировой войне, в эпоху «холодной войны» многие японские интеллигенты были захвачены марксистской космологией, космологией советской цивилизации, спрятавшись под нее, как под зонтик. Если смотреть из дня сегодняшнего, пребывание одновременно под советским «интеллектуальным зонтиком» и американским «ядерным зонтиком» может показаться странным, но факт есть факт. Конечно, теперь, когда советская цивилизация рухнула, легко позабыть эти факты, но разве это не было бы безответственностью? *Увлеченность* советско-марксистской космологией, ставшая неотъемлемой частью послевоенной мировой истории, является интереснейшим предметом исследования в рамках всеобщей истории XX века. Следовательно, надо изучать всю систему советской цивилизации, ставшей главным источником этой космологии, с какими бы трудностями мы ни сталкивались. Разумеется, прежде всего это задача тех, кто сегодня живет в России или в «постсоветском пространстве». Но глядя на послевоенное японское общество, стремясь познать историю своей собственной страны, понимаешь, что это – важная задача и для нас самих. Так японские историки послевоенных поколений оказались вынуждены выполнять долг своих русских коллег. Профессор Вада Харуки – из числа тех, кто взял на себя в Японии труд изучения России и Советского Союза.

Вада Харуки родился 13 января 1938 г. В апреле 1956 г. поступил в Токийский университет, избрав своей специализацией русскую историю. Как известно, именно в этом году в СССР началась открытая критика Сталина и сталинизма, по для молодого Вада это не стало ударом. По окончании университета в 1960 г. он был принят на работу в Институт общественных наук при Токийском университете и за 38 лет исследовательской и преподавательской деятельности в его стенах (до выхода на пенсию в 1998 г.) воспитал многих ученых, включая ряд авторов данного

сборника. Собственные работы профессора Вада требуют особого разговора, поскольку он является одним из основоположников изучения современной истории в послевоенной Японии.

В последние годы профессор Вада активно проводит в жизнь идею нового истолкования мировой истории с заменой марксистской космологии и ее теории «империалистического понимания мира» па концепцию «эпохи мировых войн» Формула «эпоха мировых войн» – результат рефлексии, отражение сложившегося у него мысленного образа эпохи, в которую он сам родился и которая продолжается вплоть до сегодняшнего дня. Без преувеличения можно сказать что вся жизнь и работа профессора Вада определяется этой формулой. Один из результатов этой работы – трактовка русской революции как «комплекса революций эпохи мировых войн».

Научные интересы профессора Вада широки и разнообразны. Намереваясь сконцентрироваться па Февральской революции, он тем не менее написал дипломную работу о народниках. Будучи страстным комментатором событий перестройки, он одновременно глубоко изучал войну в Корее и проблемы Северной Кореи, а также судьбу Носака Сандзо, одного из лидеров Коммунистической партии Японии. Поэтому определить особенности научного творчества профессора Вада в целом нелегко. В то же время он участвовал в общественном движении против войны во Вьетнаме, поддерживал процесс демократизации в Республике Корея, не раз выступал по проблеме «северных территорий». Эти два аспекта, две стороны его деятельности невозможно отделить друг от друга.

Послевоенное поколение японских русистов, к которому принадлежит и профессор Вада, начинало свою работу, что называется, с чистой страницы. Еще до войны японские власти прервали научное сотрудничество с Советской Россией, однако интерес к ней в Японии нельзя назвать незначительным хотя бы потому, что число публикаций по российской тематике было немалым. На филологическом факультете Токийского императорского университета профессор Сайто Сэитаро еще до войны читал специальный курс по русской истории, а написанные им «Лекции по истории России» в полной мере охватывали и советский период. Много внимания в «Лекциях» уделялось национальному вопросу, поскольку интересы их автора концентрировались па проблеме взаимоотношений империи и национальностей (показательно, что ранее он выпустил книгу «Трагическая история Польши»), Однако необходимо отметить, что интерес Сайто к истории России

развивался в соответствии с тогдашней «континентальной политикой» Японской империи, поэтому его позиции можно назвать «старорежимными». После 1945 г. это течение и вовсе перестало существовать. Интерес, порожденный повой государственной политикой, привел в те годы к организации советской группы в Институте общественных наук, созданном при Токийском университете, однако ее задачей были не исторические исследования, а анализ текущей ситуации.

Поступив в университет, молодой Вада усердно взялся за изучение доступных тогда в Японии документов и материалов по русской истории, включая полученные из СССР после разрушительного Великого землетрясения Канто 1923 г. Его отличает глубокое знание источников. Но главный вопрос заключался в том, как читать, осмысливать и интерпретировать собранные материалы.

Сразу по окончании Второй мировой войны в Японии была уничтожена ранее существовавшая система жесткой цензуры, что уравнило в правах разные научные школы и направления. Так называемая «императорская концепция истории», служившая в годы войны идеологической основой для мобилизации Масс, была полностью отвергнута, а ее главный протагонист профессор Хираид-зуми Киеси ушел из Токийского университета. «Императорская концепция истории» – это система взглядов, или идеология, созданная японским правительством в 1930-е годы для мобилизации усилий всего общества па тотальную войну, что стало необходимым из-за ожесточенного сопротивления китайцев. Понимание истории согласно этой концепции было совершенно нелепым, однако она в самом деле способствовала мобилизации усилий масс. Опыт эпохи «духовной тотальной мобилизации» стал душевной травмой для ученых-историков, призванных содействовать послевоенному возрождению общества, поэтому для них бескомпромиссное сопротивление «императорской концепции истории», превратилось, можно сказать, в няззчивую идею.

После войны понятие «мобилизация» стало широко использоваться в ином смысле – применительно к демократизации и модернизации. Это было сделано прежде всего усилиями Оцука Хисао, профессора экономического факультета Токийского университета, специализировавшегося на европейской экономической истории, а также историков-марксистов. Превосходившие обычный академический уровень, работы Оцука оказали сильное влияние па интеллектуалов того времени. А марксистская теория

формационного развития общества ассоциировалась с деятельностью Коммунистической партии Японии, которая возродилась, сплотившись вокруг вышедших из многолетнего заключения лидеров, и с советской цивилизацией, а потому завоевала исключительный авторитет. Существовали и другие важные обстоятельства. Теория формационного развития с ее «основными законами всемирной истории» бралась полностью, от начала и до конца объяснить весь ход истории, по делу было не только в этом. Она была единственной цельной исторической теорией, которая решительно отвергла «императорскую концепцию истории», основанную на древних японских мифах и принципе «непрерывности в веках императорской власти» (бансэй иккэй). Поэтому сфера ее влияния была шире и глубже, чем собственно у работ Оцука.

Советская историография как научная дисциплина вышла за рамки академических исследований, на деле став идеологическим оформлением окончательно сложившейся в 1930-е годы советской цивилизации, а также орудием объединения и мобилизации усилий коммунистов и народных масс в СССР. Таким образом паша послевоенная историография косвенным путем оказалась под зонтиком советской идеологии. После войны любой, кто намеревался стать ученым-историком, неизбежно вступал с ней в напряженный диалог.

Разумеется, такая идеология и такое понимание истории не способствовали объективному изучению истории России. Теоретические схемы Оцука возникли как упрощенные модели в результате изучения английской экономики, опыт которой, по его мнению, должны заимствовать все другие страны. Марксистская историография тоже была европо-центричной, поэтому вопрос о России как «отсталой стране» остался вне поля ее зрения. Однако тенденция ряда интеллектуалов ориентироваться прежде всего на Западную Европу подвергалась жесткой критике со стороны историка-марксиста Эгути Бокуро, профессора Токийского университета. Кстати, именно он стал первым президентом японского Общества исследователей истории России, созданного в 1956 г.

Интеллектуальная атмосфера послевоенной Японии характеризовалась брожением умов, которое было вызвано подъемом национально-освободительного движения в Азии, особенно «крестьянской» революцией 1949 г. в Китае, приведшей к власти режим Мао Цзэдуна. Китайская революция была немыслима без влияния советской цивилизации, но в то же время несла в себе возможность критического рассмотрения западноевропейских

моделей развития. В целом это ускорило пересмотр японскими историками европоцентричной интеллектуальной традиции, возникшей после «реставрации Мэйдзи» (1868). Разразившаяся одновременно с китайской революцией война в Корее до предела накалила и без того напряженные советско-американские отношения, поставив на первый план в глобальной политике проблему мира.

Можно сказать, что китайская революция создала особое магнитное поле в послевоенной Азии. Большую часть населения азиатских стран составляло крестьянство, поэтому «азиатское магнитное поле», как его называли, определялось такими понятиями как «угнетенные народы», «крестьянство», «мир», «демократия». Погружаясь в изучение истории, Вада, по его собственным словам, в те годы много читал двух «властителей ума»: Такэути Есими, специалиста по современной китайской литературе, и Исимода Се, историка-марксиста, исследователя японского средневековья. Еще до войны Такэути чувствовал проявления «азиатского магнитного поля», а после войны видел, что теперь Япония возвращается к роли одной из частей Азии, что ей придется учиться у азиатских народов, до сих пор подвергавшихся агрессии, и что «современный Китай» куда прогрессивнее «современной Японии».

Мыслитель, обладавший даром интуиции, Такэути сосредоточился на постановке проблемы самобытной «модернизации азиатского типа». Обратившись к ленинской концепции «отсталой Европы и передовой Азии», он увидел в ней особую, русскую интерпретацию событий, отличную от европоцентричной. Среди японских интеллектуалов Такэути и Исимода как раз и стали воплощением концепции «азиатского магнитного поля».

Первым научным трудом Вада стала его дипломная работа, посвященная народничеству. Народники, являвшиеся, согласно школе Оцука и представителей ортодоксальной советской историографии, «крестьянскими социалистами», относились к числу представителей идеалистического «гуманистического утопизма», а потому были достаточно «посторонней», неагжированной темой. По меркам того времени работа была написана на высоком уровне и встретила хороший прием в научных кругах. Уровень задавала капитальная монография итальянского историка Франко Вентури, появившаяся в 1952 г. В то же время работа отразила интеллектуальный климат тогдашней Японии, в том числе результаты перемен, вызванных «азиатским магнитным полем».

В то время перспективность подобной темы представлялась весьма неясной. Не оцененной должным образом, ей еще предстояло пройти через испытания и дожидаться справедливого суда. Однако Вада определился в выборе темы исследования, частично основываясь на аргументации Хинада Сидзума, который сумел преодолеть односторонность ленинских суждений об аграрных отношениях. Это свидетельствовало о недогматическом понимании российского капитализма как среды, окружавшей крестьянское общество. Согласно этой трактовке, характер революционного народничества, о котором Вада как раз и писал, и крестьянской общины определялся как антикапиталистический, а не только как антифеодальный. Истолкованное таким образом понятие «крестьянская демократия» относилось не только к русской революции 1917 г., но было актуальным и для 1970-х годов.

В первой работе Вада следует выделить еще один важный момент: разграничение «крестьянской демократии» и «социализма как утопии». «Социализм» он рассматривал как утопию, побуждающую людей к действиям, пока не подвергая его более глубокому анализу. Сильной стороной работы Вада было признание исторической важности «крестьянской демократии» в связи с позитивной ее оценкой Лениным.

Будучи попутчиком советской цивилизации, Вада вступил в среду историков-русистов непосредственно под влиянием «азиатского магнитного поля». В этом оригинальность, своеобразие не только лично Вада, но также времени и места, эпохи и страны. До 1970-х годов основные научные интересы Вада сосредоточились на уяснении исторического значения революционного народничества.

Поступив на работу в Институт общественных наук при Токийском университете, Вада избрал для своей научной работы два главных направления:

- 1) русское общество нового времени как предпосылка русской революции;
- 2) Первое направление предполагало структурный анализ русского общества. По крайней мере до 1970-х годов для Вада это был один из путей определения предпосылок революции 1917 г. Ученый много писал по этим проблемам, но специальной обобщающей работы так и не создал.

Самый ранний из затронутых им тогда периодов истории русского общества – эпоха Николая I, еще до отмены крепостного права; Вада посвятил специальную статью хлопчатобумажному

производству в России этого времени. Самый поздний – первая мировая война и русская революция. Особо отметим статью об экономической политике С.Ю. Витте, направленной на империалистическую реорганизацию России. Все это работы 1960-х годов. Кроме того, Вада анализировал реформаторские планы М.Т. Лорис-Меликова, структуру правовой системы Российской империи, рабочую политику, пролетарское движение и т. д. Время шло, менялось понимание проблем: ученый занялся исследованием бюрократических институтов и ознакомлением японской научной общественности с работами американских историков-русистов.

Обращаясь к дореволюционной России, Вада не только не подпал под влияние схем теории формационного развития, но создал оригинальный базовый инструментарий для детального научного анализа, тем самым заложив основы изучения истории России в нашей стране. Отметим, что его концепции весьма схожи с «теорией модернизации» применительно к российскому обществу нового времени. Осознавая это, он укрепился в критическом отношении к «теории модернизации», а в качестве своего рода компенсации все больше опирался на популистские идеи как неотъемлемую часть системы «азиатского магнитного поля».

Теперь обратимся к исследованиям, посвященным русской революции.

Первую работу на эту тему Вада написал еще будучи студентом. В ней он основывался на статье Э.Н. Бурджалова 1956 г. и книге Синохара Хадзимэ, профессора юридического факультета Токийского университета, «Введение в исследование истории германской революции» (октябрь 1956 г.). Советской историографии был присущ сильный скептицизм относительно автономии политики. Синохара успешно «схватил» динамический характер революции, признав эту автономию и трактуя феномен революции в рамках дихотомии «элита – массы». В то время, к счастью для молодого Вада, часть политологии уже освободилась от догматических марксистских трактовок. Работа Синохара символизировала реабилитацию политики, в особенности массовой. Молодой Вада глубоко интересовался переменами в интеллектуальной обстановке Японии, происшедшими за короткий промежуток времени после окончания войны, и жадно набрасывался на все интеллектуальные новшества, даже отличные от «азиатского магнитного поля».

В то же самое время, под влиянием работы Э.Н. Бурджалова, Вада начал заниматься изучением Февральской революции: опыт

знакомства с исследованием представителя поколения советских «шестидесятников», которому еще предстояло сформироваться, имел для молодого ученого большое значение. В течение всего времени Вада сознательно работал «в связке» с советскими историками- «шестидесятниками». И даже в условиях крушения советской цивилизации он прилагал усилия, чтобы по возможности сохранить те ее интеллектуальные и духовные основы, которые имели созидательный, конструктивный характер.

В 1967 г. вышел первый том монографии Бурджалова о Февральской революции. В следующем году Вада опубликовал большую работу на ту же тему, изложив в ней свои идеи. И в отношении фактов, и в отношении методологии она совершенно оригинальна, что видно, например, при сравнении ее с вышедшей в 1981 г. монографией американского историка-русиста японского происхождения Хасэгава Цуеси о тех же событиях. Опираясь на высказанные в работе 1968 г. положения, в 1970 г. Вада особо отметил важность структурного исследования революции. Под влиянием историка Великой французской революции Жоржа Леффевра он указал на комплексный характер русской революции как на ее важную особенность, выделив в пей «революцию рабочих и солдат», «революцию крестьян» и «революцию национальностей». В основу своей концепции Вада положил тезисы о русской революции как демократическом движении и о едином фронте революционных партий того времени.

В работах первой половины 1970-х годов ученый продолжил изучение этих проблем, опираясь на сформировавшееся у него понимание их сути. Первым шагом – и первым заметным итогом – стала двухтомная монография «Николай Руссель. Народник, перешедший много границ» (1973). Вторым этапным событием стал выход в 1975 г. книги «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». Третьей значительной работой профессора Вада этих лет стал сборник статей «Мир крестьянской революции. Есенин и Махно». Тема книги – не только личность поэта Есенина и революционера Махно, но и бытовавшие среди русских крестьян представления о царе-избавителе. Интерес к сознанию и верованиям крестьянства был присущ Вада еще со студенческих лет. Даже такую тему он смог поместить в «азиатское магнитное поле» (разумеется, понимаемое в широком смысле), что неудивительно: в дозоепные годы японские крестьянские массы тоже отличались иступленной верой в императора, так что сюжет оказался весьма интересным с точки зрения компаративистики.

В 1977 г. Вада опубликовал специальную работу об эсерах, деятельность которых положительно оценивал еще в 1965 г.

В трудах Вада этого периода, когда он связывал историю русского общества нового времени и народнического движения с «азиатским магнитным полем», можно видеть определенные параллели с поздней фазой школы А.Л. Сидорова в советской историографии. В чем эти параллели? В осознании многоликое™ предреволюционной России, где высокоорганизованный капиталистический порядок в экономике сосуществовал с чудом сохранившимся крестьянским миром, имевшим все характерные признаки отсталого общества. В учете многонационального характера Российской империи. В этих работах Вада поднимает проблемы философии и методологии истории, стараясь в полном объеме понять сложную структуру Российской империи, мир в широком смысле, вырванный из оков ортодоксальной советской космологии. В признании многообразия мы видим примечательное сходство с позицией уважения «открытых демократических возможностей». Поэтому вполне естественно, что Вада и М.Я. Гефтер почувствовали друг в друге единомышленников.

Позиция Вада с ее уважением к самостоятельности крестьянства, которое составляло подавляющее большинство населения России, совпадала с позицией советских историков аграрного общества В.П. Данилова и Н.А. Ивпицкош. Взгляды советского исследователя В.Г. Хороса, специализировавшегося на народничестве и предпринявшего сравнительное исследование России и стран «третьего мира», также во многом совпали с воззрениями Вада.

В первой половине 1970-х годов, особенно после введения советских войск в Чехословакию в 1968 г. и заметно усилившегося стремления к переоценке Сталина и сталинизма, реформаторские попытки «школы Сидорова» в советской историографии сошли на нет. В 1979 г. последовало советское вторжение в Афганистан. В Советском Союзе воцарялось безмолвие, а за его пределами, в условиях укрепления еврокоммунизма, все большее распространение получало научное изучение феномена сталинизма.

С изменением условий новые тенденции наметились и в работах профессора Вада. Здесь в первую очередь следует отметить его обращение к теме «Советский Союз как система».

Можно сказать, что до определенного времени ученый не задумывался над экспрессией этой проблемы, особенно применительно к феномену сталинизма. В работах Вада русская революция 1917 г. представлена как «праздник освобождения» и «ко-

нечная станция» истории России. Как знать, может, он предвидел возможность разрешения проблем советского общества путем возвращения к идеям народников и эсеров... До того времени он ничего не писал о сталинизме, но это нельзя считать проявлением равнодушия. В период после критики «культы личности», начиная с «дела» редакции журнала «Вопросы истории», профессор Вада неизменно считал залогом успеха своей научной работы поддержку движения за демократизацию в Советском Союзе, следование за работами «шестидесятников» и обеспечение конструктивного диалога с ними. Познакомившись с вышедшими в 1973–1974 гг. в Японии книгами Р.А. Медведева, в 1976 г. он опубликовал статью «Историки и историческая наука в послевоенном Советском Союзе» о тенденциях в изучении советской истории применительно к внутренней ситуации в стране. Однако даже в статье 1977 г. «Критика культа личности Сталина, 1953–1956 гг.» Советский Союз еще не рассматривался им как система.

Статья 1970 г. «Противоречия русской революции» уже не удовлетворяла автора. Он должен был решительно вступить на путь формирования собственного взгляда на Советский Союз, перейти к созданию оригинальной теории сталинизма. Находившийся ранее под воздействием схемы «империалистического понимания мира», созданной Лениным, отцом советской цивилизации, Вада начал выбираться из-под «марксистского зонтика», но для осмысления советского феномена во всей его полноте нужен был еще один скачок. Поворотным пунктом для Вады стало его пребывание в СССР в 1978–1979 гг. Свою роль сыграли и реалии того, что называлось «социализмом», и непосредственная связь с участниками диссидентского движения, а также историками, группировавшимися вокруг Гефтера, – носителями протестного сознания. Это произошло, хоть и потребовало времени.

Впечатления от СССР периода застоя получили яркое отражение в большой статье «Политическая логика советского антифашизма» (1980). Это была «первая работа, в которой Вада по настоящему анализировал Советский Союз как систему.

Закладывая основы нового подхода к истории СССР, профессор Вада начал с переосмысления идей и деятельности Ленина, видя в них основу основ. Не поняв Ленина, невозможно понять ни Октябрьскую революцию, ни советскую цивилизацию в целом. Но теперь требовалось иное прочтение ленинских теорий.

Постепенно Вада осознавал, что ни Февральская, ни Октябрьская революции не стремились к социализму). Ленин и его сорат-

ники официально заговорили о «социализме» лишь после того, как демократическое движение и его идеология достигли апогея в январе 1918 г. Ученый еще прямо не писал об этом, но «противоречия русской революции» были на деле выявлены им уже в ходе серьезного обсуждения подлинного характера советского государства. Согласно выводу Вады, проблема заключается во взаимоотношениях государства и идейной сущности того, что Ленин на практике называл «социализмом» с тех пор, как сделал па него ставку.

В начале 1980-х годов Вада стал серьезно перечитывать Ленина, а также Бухарина, споря с профессором Принстонского университета Стивеном Козном, автором книги «Бухарин. Политическая биография». В отличие от Бухарина, Ленин весьма оптимистически смотрел на прогрессирувавшее в ходе Первой мировой войны укрепление государства. То, что в Германии было известно как «военный социализм» или «социализм военного времени», Ленин назвал «государственно-монополистическим капитализмом» и положительно оцепил его как ближайшую предпосылку социализма. «Социализм», к которому стремился Ленин, был ничем иным как «государственным социализмом», который позднее и воплотился в советской системе. Подобная трактовка решений Ленина выглядела как измена священным принципам «азиатского магнитного поля», как решительный прыжок в принципиально другой мир. Во всяком случае, именно это стало теоретической основой нынешнего понимания профессором Вада советской цивилизации, обрамлением его самобытной концепции двадцатого века.

Начиная с дипломной работы, он функционально разделял понятия «крестьянское демократическое движение» и «социализм как утопия», что позволило ему конкретно-исторически оцепить ленинское понимание социализма. В радикальной переоценке Ленина японский историк опередил других, особенно в сравнительном анализе основ и источников ленинских концепций.

Используя четко сформулированное понятие «эпоха мировых войн», профессор Вада в работе 1983 г. определил русскую революцию 1917 г. как характерную именно для этой эпохи. Поэтому и значение Первой мировой войны – применительно к революции – предстало теперь в несколько ином свете.

Характеризуя систему «государственного социализма» как единство партии, государства и общественных организаций, Вада высказался в пользу теории стадийного развития государствен-

ного социализма. В статье «Периодизация истории системы государственного социализма» (сентябрь 1984 г.) он дал вполне оригинальный теоретический очерк системы сталинизма. Например, сталинизм он понимал как систему страха вторичных структур, построенной на системе «государственного социализма», где даже семья стала опорой системы. При Хрущеве эти вторичные структуры были ликвидированы, произошел поворот политики в сторону допущения частной жизни, начиная с «открытия семьи», в силу чего повседневная жизнь в СССР приобрела двойственный характер. Ну, а при Брежневе государственный социализм достиг своей зрелости и потерял динамичность.

К началу перестройки у профессора Вада уже сформировался свой самостоятельный взгляд на советскую цивилизацию. Во время перестройки понимание русской и советской истории углубилось, но не испытало существенных колебаний. Даже после падения берлинской стены и распада СССР Вада настаивал, что перестройка продолжается. Здесь несомненно отразилось то макроколическое понимание современной советской и мировой истории, которое сложилось у него еще до 1985 г. Говоря в итоговой монографии «Социализм как история» (1992) о всемирно-историческом значении советской цивилизации, ученый дал ей обобщенную и в то же время гибкую характеристику, касаясь таких явлений как социалистическая утопия, социалистическая идеология, марксизм, типы государственного социализма в Азии и Восточной Европе и т. д.

Еще одной важной тенденцией в работах профессора Вада последнего десятилетия стало появление новой темы: Советская цивилизация и Северо-Восточная Азия.

В результате перестройки, а затем и распада СССР ученым стали доступны архивные материалы о дальневосточной политике Коминтерна. Знакомство с ними позволило более четко осознать всемирно-историческое значение советской цивилизации и посмотреть на «азиатское магнитное поле» с другого угла. Теперь в центре научных интересов профессора Вада оказались война в Корее и коммунистическое движение на Дальнем Востоке, а результатом стали первоклассные работы по трем направлениям исследования.

Первое – проблемы Северной Кореи, в изучении которых был сделан огромный шаг вперед, благодаря интенсивному использованию документов из советских архивов. Этой теме посвящены монографии «Ким Ир Сен и анти-японская партизанская война в

Маньчжурии» (1992), «Корейская война» (1995), «Северная Корея: настоящее партизанского государства» (1998). Второе направление – русско-японские отношения с особым вниманием к проблеме «северных территорий», о которых говорится в книгах «Размышления о проблеме “северных территорий”» (1990), «Открытие страны: японо-российские переговоры, 1853–1855 гг.» (1991) и «Проблема “северных территорий”: прошлое и будущее» (1999). Третье направление – история Коммунистической партии Японии, противоречивой биографии одного из лидеров которой профессор Вада посвятил книгу «Носака Сандзо в истории» (1996).

Применительно к этим работам заметим, что подход автора в них явно отличается от того, который был до 1970-х годов. Пока он находился под влиянием советской цивилизации, наиболее важным для него была пропаганда идеи противостоящего империализму, сплоченного демократического азиатского мира. Взглянув на события по-новому, он больше не выступал с боевыми призывами, как раньше. Напротив, теперь профессор Вада призывает к развитию конструктивного диалога и переговоров с официальными инстанциями (включая дипломатические) всех стран региона, чтобы создать в нем атмосферу доверия и сотрудничества, «общий дом». Такие перемены в его позиции непосредственно связаны с идеями Гефтера периода перестройки, который горячо призывал к тому, чтобы выбираться из катастрофической ситуации общими усилиями.

Как регион Северо-Восточная Азия в ее нынешнем виде сложилась под воздействием Второй мировой и «холодной войны», то есть является, по терминологии профессора Вады, продуктом «эпохи мировых войн». Видя свою миссию в том, чтобы способствовать преодолению этих последствий, ученый обратил к региону все свое внимание.

Профессор Вада вступил на путь изучения истории России, благодаря воздействию «азиатского магнитного поля», и сумел успешно создать в науке свой самобытный мир. Смысл его сегодняшней деятельности – отдать долг «азиатскому магнитному полю» (разумеется, включая и соответствующую часть постсоветского пространства).

Икеда Ёсиро

Вада Харуки в XXI веке

Два источника концепции Российской революции Вада

Россия, Восточная Азия и война – вот три основные области научного интереса Вада Харуки, воплотившиеся во множестве работ за более чем 60 лет исследовательской деятельности. И все три между собой теснейшим образом взаимосвязаны. Родившийся в 1938 г., Вада испытал на себе Вторую мировую войну и холодную войну. В отличие от Европы, холодная война в Восточной Азии была полна горячих войн, поскольку после развала Японской империи там развернулась жестокая братоубийственная борьба вокруг выбора нового режима – капитализм или социализм. Влияние СССР как родины социализма сильно чувствовалось не только там, где шла борьба – в Китае и Корее, но и в Японии, которая стояла перед насущной задачей обновления общества на руинах империи. Решив стать историком в молодости, Вада неизменно сознавал себя частью обновляющегося современного мира, в особенности Восточной Азии, включая Японию.

Конкретные темы исследования Вада были, как видно из данного сборника, довольно разнообразными. Но Российская революция 1917 года всегда оставалась для него центральной темой, что было естественно, учитывая то огромное влияние, которое оказывал СССР на японских интеллектуалов послевоенного поколения. Я полагаю, что у концепции Вада о Российской революции есть два главных источника. Во-первых, научный руководитель Вада, Эгути Бокуро (1911–1989), видный марксист и историк международных отношений начала XX века, выдвинул к концу 1940-х годов тезис о Российской революции как общенародной революции. Это была попытка освободиться от узкоклассовой и схематичной интерпретации ее как сугубо «пролетарской» революции. Данное понимание Эгути тогда казалось многим левым

интеллектуалам вполне отвечающим задаче широкой демократизации Японии. Развивая тезис учителя, и также изучая учение Жоржа Лефевра (1874–1959) о Французской революции как комплексе нескольких революций (аристократической, буржуазной, городских масс и крестьянской), Вада к началу 1970-х годов разработал свою концепцию Российской революции как комплекса революций – буржуазной, рабочей, солдатской, крестьянской и национально-освободительной. По сравнению с тезисом Эгути об общенародной революции, концепция комплексной революции Вада объяснила процесс 1917–1921 годов гораздо динамичнее, с подчеркиванием противоречия между «городской» революцией рабочих и солдат, с одной стороны, и «деревенской» революцией крестьян, с другой. Можно сказать, что данная концепция Вада предшествовала появлению социальной школы изучения Российской революции, которая возникла чуть позже в США и Европе. В то же время, хотелось бы заметить, что Вада, как и его учитель Эгути, искал в опыте Российской революции модель для японского общества, а такое положение в иных случаях обязывало его идеализировать народное движение как борьбу угнетенных. Международный контекст Российской революции также освещался им недостаточно.

Однако, как бывает у выдающихся ученых, Вада постоянно пытался преодолеть себя. Так, в 1980-е годы он начал развивать новую концепцию Российской революции как революции «эпохи мировых войн». Тут уместно указать на второй источник концепции революции Вада. Это работа Уэхара Сэнроку (1899–1975) с тезисом о «мировой истории», который он выдвинул и развил в 1950-е годы. В отличие от Эгути, Уэхара не был марксистом, а принадлежал к школе Макса Вебера. Его специальностью была история Германии в средние века, но после Второй мировой войны он начал активно выступать по широкой проблеме о том, как нужно понимать современный мир. Критикуя традиционное разделение исторического образования в вузах Японии на истории Запада, Востока и Японии, он предложил рассматривать историю человечества как «мировую историю», состоящую из нескольких самостоятельных цивилизаций; в то же время Уэхара утверждал, что эти цивилизации не были обособлены, они взаимодействовали друг с другом, и их взаимосвязи становились все теснее после Второй мировой войны, с перемещением центра международной жизни из Европы в Азию. Каждый гражданин, где бы он/она ни жил, должен сознавать себя творцом «мировой истории».

Еще в молодости Вада глубоко проникся данным взглядом Уэхара, но лишь к началу 1980-х годов он начал оказывать влияние на работы Вада о революции. Для этого ему понадобился опыт пребывания в СССР поздней брежневской эпохи, куда он в качестве стажера был командирован министром образования Японии. Там Вада познакомился с реалиями жизни советского государства и начал обращать серьезное внимание на государство как важнейший фактор в истории России. После возвращения в Японию он сначала написал статью о сравнении теорий государства в работах Н.И. Бухарина и В.И. Ленина в годы Первой мировой войны. Она называется «Революция в эпоху государства – Бухарин и Ленин» и включена в данный сборник. Потом в статью «Место Российской революции во всемирной истории», которая также есть в этом сборнике, и в книге «Социализм как история» (Токио: Иванамисётэн, 1992) Вада уже представил фактор государства в мировой перспективе XX века, развив тем самым взгляд Уэхара на взаимосвязь различных частей мира. Получилась целостная концепция «Эпохи мировых войн», одно из важнейших достижений японских историков в области понимания XX века.

Согласно этой концепции, большая часть XX века от 1914 года по 1991 год считается «Эпохой мировых войн», включая Первую и Вторую мировые войны и холодную войну. В данную эпоху в различных частях мира происходило усиление и даже максимализация государственной власти для подготовки тотальной мобилизации населения. При такой общей тенденции, однако, существовало различие во времени и в конкретном образе усиления государственной власти в разных странах: советский социализм, итальянский фашизм, немецкий нацизм, японская военщина, американский Новый курс и т. д. В целом, «Эпоха мировых войн» была эпохой социализма и прежде всего СССР, поскольку большевикам удалось осуществить самый тотальный режим в XX веке, и их модель распространилась на другие части мира. Но нельзя забывать, что она везде получилась различной, в зависимости от места. В России социалистический режим родился из антивоенного движения масс, а в таких азиатских странах, как Китай, Северная Корея и Вьетнам, социализм был принят как метод национального освобождения и установления независимости. Именно поэтому жизнеспособность социалистического режима (точнее, диктатуры коммунистической партии) в этих странах отличается особой устойчивостью.

В рамках концепции «Эпохи мировых войн», Вада рассмотрел Российскую революцию уже не как модель для японского общества, а как составную часть целой эпохи войн и революций. На передний план выдвинулось не описание процесса народного движения, а анализ мировой системы. Кроме того, освещая вопрос об усилении государственного насилия в всемирном масштабе, эта концепция предвосхитила новейшие тенденции историографии истории СССР и мира XX века. Она по праву принадлежит к общему достоянию мирового научного сообщества.

Вада как общественный деятель

Выше мы рассмотрели развитие концепции революции у Вада, сконцентрировавшись на академической сфере его деятельности. Однако, чтобы выяснить досконально, на каком фоне развивался путь Вада как историка, необходимо посмотреть и на сферу общественной деятельности в его жизни. Есть немало интеллектуалов, принимающих активное участие в общественном движении. Но мало кому удается соединять опыт такого участия с профессиональной научной работой. Вада в этом смысле является редким исключением.

Начальным этапом участия в общественном движении для Вада стала Вьетнамская война. В середине 1960-х годов в Японии возникло антивоенное движение против правительства США, занимающегося агрессией во Вьетнаме. Исходящее из инициативы горстки интеллектуалов, это движение нашло отклик в разных частях Японии, развившись в массовом масштабе. Для Вада, который был молодым преподавателем в Институте общественных наук Токийского университета, толчком стало известие об убийстве Мартина Лютера Кинга. Весной 1968 г. Вада начал заниматься организацией акций протеста против Вьетнамской войны в своем квартале Ойдзуми в столице, имея поначалу лишь одного товарища – свою жену Акико Вада (1938), исследователя литературы и культурной политики Советской России. Вокруг них постепенно собирались люди, желающие, как граждане, выразить негодование против несправедливой войны. В их районе находился тогда госпиталь американской военной базы, где лечились солдаты, получившие ранение во Вьетнаме, чтобы потом вернуться и продолжить воевать. Вада и его группа решили органи-

зывать антивоенную агитацию среди этих солдат, раздавая им листовки через забор, а потом с помощью репродуктора. Появились и такие солдаты, которые сами занимались антивоенным движением внутри госпиталя и пытались установить контакт с японцами. В целом, действие группы Вада явилось важной частью общепонского движения против Вьетнамской войны, и в этом движении у Вада окончательно сформировалось убеждение, что выражать протест против несправедливости – долг и ответственность гражданина и интеллигента.

Позже Вада активизировал свое внимание на проблемах войны и мира в Восточной Азии, в особенности на проблеме японско-корейских отношений. В первой половине 1980-х годов он старательно поддерживал движение народа Южной Кореи за демократизацию страны, опубликовал ряд статей и книг по этой теме, требовал от военного режима Сеула не казнить лидера оппозиции Ким Дэ Чжуна (будущего президента Южной Кореи) и призывал японское правительство оказать давление на Сеул с этой целью. Думается, что активное участие в движении в поддержку демократизации Южной Кореи, вместе с опытом участия в антивоенной акции против Вьетнамской войны, значительно углубило у Вада представление о мощности современного государства и о тотальном характере его насилия, что способствовало развитию концепции «Эпохи мировых войн».

Надо заметить, что Вада не принадлежит к такому типу общественного деятеля, который абсолютизирует свой идеал, не обращая должного внимания на реальность. Наоборот, его подход к ряду проблем отличался прагматичностью, из-за чего ему часто приходилось оказываться в изоляции даже среди своих товарищей на левом фланге японского общества. Например, в 1993 г. он вместе с восемью профессорами опубликовал в журнале «Сэкай (Мир)» прогрессивного издательства Иванамисётэн, предложение принять «Основной закон о мире», признающий право Японии иметь минимальные военные силы для обороны. Это предложение вызвало замешательство и негодование многих левых интеллектуалов, которые увидели в нем лишь серьезное нарушение нашей конституции, запрещающей иметь военные силы. Частично цель Вада заключалась в устранении противоречия между конституцией и реальностью существования военных сил под названием «Силы самообороны», но этим его намерение не исчерпывалось. На основе такого закона Вада хотел продвинуть идею создания объединенных армий Китая, Южной Кореи, и Японии,

закрепляющую установление нового, мирного порядка в Восточной Азии после окончания холодной войны. Он всегда желал связать далекую цель с реальностью диалектически, стремясь осуществить то, что возможно.

А в 1995 г. Вада начал вплотную заниматься разрешением еще одной трудной проблемы японского общества. Это проблема «ианфу», или «комфортных женщин». В 1930–40-х годах немало женщин оказались собраны на военных базах японских войск на оккупированных Японией территориях. Эти женщины принуждались к сексуальному обслуживанию офицеров и солдат. Их называли «ианфу». После демократизации Южной Кореи, в начале 1990-х годов данная проблема возникла как серьезнейший вопрос в корейско-японских отношениях. Правительство Японии исследовало факты, признало свою ответственность и извинилось перед бывшими «женщинами для утешения». Однако оно не нашло возможным компенсировать их страдания за счет государства, утверждая, что всякий вопрос о компенсации для корейцев был разрешен с заключением Договора об отношениях между Японией и Южной Кореей в 1965 г. Ситуация оказалась тупиковой. Но именно тут Вада выступил одним из инициаторов создания «Азиатского женского фонда» для выплаты компенсаций бывшим «ианфу». Созданный в 1995 г., этот фонд носил «полуофициальный» характер, то есть, поддерживался преимущественно пожертвованиями частных лиц, но и правительство также частично его финансировало. Таким образом, он представлял собой выражение извинения японского народа.

Не только правый фланг японского общества, где считали недопустимой любую форму новой компенсации, но и левый фланг, где настаивали на официальной форме компенсации, весьма негативно отнеслись к созданию фонда и лично к Вада. Кроме того, мощная женская организация в Южной Корее резко критиковала полуофициальный характер фонда, делая невозможным получение денег женщинами, независимо от их воли.

В те дни Вада оказался в настоящей изоляции в японском обществе. Несмотря на всё это, он продолжал играть центральную роль в фонде как член его правления, а с 2005 г. по 2007 г. – ответственный директор. Вада утверждал, что полуофициальная форма фонда, конечно, не идеальная, желательнее была бы официальность, но надо делать всё возможное, чтобы хоть как-то выразить извинение японского общества перед бывшими «женщинами для утешения», тем более, что они уже весьма старые, и

надо успеть компенсировать материально. В конце концов, из более 200 зарегистрированных при правительстве Южной Кореи бывших «ианфу», лишь 60 человек получили от фонда в общей сложности 5 миллионов йен. Организаторы фонда не смогли завершить свою работу по принесению извинений и компенсации до 2005 г., когда он перестал существовать.

Вада в XXI веке

В последние 20 лет никакого признака ослабления энергии Вада не замечается. Совсем наоборот. В научной сфере вышли в свет его книги «Полная история Корейской войны» (Токио: Иванамисётэн, 2002), огромный двухтомник «Русско-японская война» (Токио: Иванамисётэн, 2009–2010), «Критика Сталина» (Токио: Сакухинся, 2016) и др., каждая объемом не менее 500 страниц. Кроме того, в 2013 г. ему удалось опубликовать новое издание своей книги 2002 года о Корейской войне на английском языке под названием *The Korean War: An International History* (Lanham: Rowman & Littlefield, 2013). Оба издания данной книги были написаны на основе долголетнего поиска материалов в России, Китае, Южной Корее, США и Японии, с систематическим использованием документов из архивов России и Китая, и получили высокую оценку среди широкого круга специалистов как содержащие один из лучших анализов данной войны. А в сфере общественной деятельности Вада является самым ярким деятелем в японском обществе, выступающим против ухудшения наших отношений с Северной Кореей.

Из перечня новых трудов Вада видно, что в последнее время созрели богатые плоды его научного интереса к истории Восточной Азии. В японской публике особое внимание привлек его двухтомник о Русско-японской войне, основывающийся на богатых архивных и опубликованных материалах России, Японии, Южной Кореи и др. В данной книге Вада предложил рассматривать Русско-японскую войну как «Корейскую» войну, поскольку полуостров стал главным полем битвы, и тем более, что японская армия десантировалась на территории Кореи раньше, чем совершила нападение на Порт-Артур. Данная книга существенно углубила наше понимание об этом важном событии в общей истории России, Японии, Кореи, Китая и всей Восточной Азии.

Что касается Российской революции, то в ближайшее время будет опубликована его монография «Российская революция – Февраль 1917 г. в Петрограде». Какой анализ революции предлагается в ней, основанный на каком подходе? И какая оценка дается народному движению 1917 года? Ответы на эти вопросы мы вскоре получим. Несомненно, эта книга найдет широкого читателя и вызовет новую, оживленную дискуссию специалистов, среди которых и я.

В заключение хотелось бы познакомить читателей с мнением Вада, которое он однажды высказал нам. Он сказал: «Задача историков – давать ответы на те вопросы, которые интересуют общество». Думается, не все историки и исследователи вообще готовы согласиться с этим: кто-то, не считая себя способным и достойным столь высокой задачи, кто-то, не желая подчинять свою научную работу неразборчивым интересам широкой публики. У Вада нет такого уклончивого или снисходительного отношения к нуждам общества. Он сознает свою ответственность перед публикой. Недавно, отвечая на вопрос молодого студента, он сказал следующее о роли историков в обществе. «Я хочу определить, – заметил Вада, – слово “интеллигенция” по П.Л. Лаврову, т. е., это те, кто способны критически мыслить. А историки, в силу профессии, должны знать как можно больше о том, что было сделано предыдущими поколениями, и этим самым, посредством своих знаний, помогать людям критически мыслить». Да, за 60 с лишним лет исследовательской и общественной деятельности Вада всегда был и остался верным этой задаче настоящего историка.

Хроника жизни Вада Харуки

1938

Родился в г. Осака. Отец, Вада Кацуо – учитель истории в реальной средней школе. Мать – Вада Коко.

1944

Поступил в народную школу Ока (г. Симидзу)

1950

Поступил в низшую среднюю школу Сидзуока при Сидзуокском университете (г. Сидзуока)

1953

Поступил в восточную высшую среднюю школу Симидзу (г. Симидзу)

1956

Поступил в Токийский университет (г. Токио)

1957

Вступил в Японское общество исследователей истории России (ЯОИИР)

1960

Окончил отделение истории Запада филологического факультета Токийского университета. Назначен ассистентом Института общественных наук Токийского университета

1964, ноябрь

Женился на Миягава Акико, аспирантке отделения русской литературы университета Васэда

1966

Назначен доцентом Института общественных наук Токийского университета.

1968

Назначен ассистент-профессором Института общественных наук Токийского университета. Стал представителем «собрания граждан» Оидзуми (квартал в Токио) против Вьетнамской войны

1970

Впервые побывал в СССР в связи с участием во Всемирном конгрессе историков

1975

Стал генеральным секретарем Совета Японо-южнокорейской демократической солидарности

1978, октябрь – 1979, октябрь

Жил в СССР по советско-японскому соглашению о культурном обмене. Сломал позвоночник в Алма-Ате и 50 дней пролежал в Боткинской больнице

1980

Стал представителем Комитета Японо-южнокорейской демократической солидарности

1983

Впервые был в США. Занимался исследованием истории Российской революции и истории Северной Кореи

1984, ноябрь–декабрь

Снова побывал в США по приглашению Вашингтонского университета (г. Сизтл), где занимался исследованием истории Северной Кореи

1985

Назначен профессором Института общественных наук Токийского университета

1987, апрель–июнь

Побывал в СССР по соглашению о культурном обмене. Наблюдал перестройку и написал книгу «Перестройка, как я ее увидел» (Токио, 1987)

1988

Впервые посетил КНР для участия в Всемирном конгрессе корееведов

1990, июль

Впервые посетил Республику Корея для участия в симпозиуме, организованном газетой «Тона Ильбо».

1991, январь

Впервые посетил КНДР для дискуссии с учеными

1993, октябрь – 1995, октябрь

Председатель ЯОИИР

1995

Стал инициатором создания Азиатского женского фонда

1996, апрель – 1998, март

Директор Института общественных наук Токийского университета

1996

Включен в Международный совет издательских программ и научных проектов АИРО-XX

1998

По уставу вышел в отставку с занимаемого поста в Токийском университете. Стал почетным профессором Токийского университета. Награжден званием почетного доктора Российского государственного гуманитарного университета

1999

В России издана книга: «Россия как проблема всемирной истории». М.: АИРО-XX

2000

Стал генеральным секретарем Японского Национального Общества поощрения дипломатических отношений Японии и Северной Кореи

2001

Назначен приглашенным профессором Центра исследования северо-восточной Азии университета Тохоку

Издан юбилейный сборник статей коллег и друзей в России: «Новый мир истории России». – М.: АИРО-XX

2005–2007

Директор-администратор Азиатского женского фонда

2010, август

Получил академическую премию имени Ким Дэ Чжуна от университета Чоннам (г. Кванджу, Республика Корея)

2013, сентябрь

Получил книжную премию Паджу (Paju Book Award) за книгу «Русско-японская война: происхождение и начало» (2 тома, Токио, 2009–2010)

Избранные труды Вада Харуки

1957

Росиа какумэй кэнкю но сёмондай (Вопросы истории Российской революции) // Гакуэн, ноябрь 1957.

1959

Нигацу какумэй то большевики (Февральская революция и большевики: Отошения между элитами и массой вокруг Совета депутатов) // Росиаси кэнкюкай кайхо (Бюллетень Японского общества исследователей истории России), июнь и август 1959 г.

1960

«Тоти то дзию» шуги но какумэй рирон (Революционная мысль общества «Земля и Воля»: Теория и пафос революционного народничества 1870-х годов) // Рэкисигаку кэнкю (Исторические исследования), № 241, 1960.

Плеханов обозгаки (Заметки о Г.В. Плеханове) // Наука но мадо, октябрь 1960 г.

1961

С.Ю. Витте: Тэйкокусюги дзэня но царизм но кэйзайсэйсаку (С.Ю. Витте: Экономическая политика царизма накануне империализма) // Рэкисигаку кэнкю, № 253, 1961.

Киндай росиа сякай но козо (Структура Российского общества нового периода: Становление и противоречия) // Рэкисигаку кэнкю, особый номер «Всемирная история и Новая Япония», 1961.

1962

Лорис-Меликов но кайкакуан то царизм (Проекты реформы М.Т. Лорис-Меликова и царизм) // Сурабу кэнкю. Т. 6, 1961.

1963

Росия ниокэру коккадокусэн сихонсюги (Государственно-монополистический капитализм в России: историографический об-

зор достижений в советской исторической науке) (вместе с Удака Мотосукэ) // Сякайкагаку но кихонмондай (Основные проблемы общественной науки). Т. 1. – Токио, 1963.

1964

Ленин но какумэй сисо (Революционная мысль В.И. Ленина) // Рэкисигаку кэнкю, № 288, 1964.

1965

Киндай росиа сякай но хатгэн козо (Структура развития Российского общества нового времени: Россия в 1890-х годах) // Сякайкагаку кэнкю (Журнал Института общественных наук Токийского университета). Т. 17. № 2–3, ноябрь–декабрь 1965 г.

1966

Нодосю кокка тайсэй то росиа мэногё (Самодержавно-крепостнический строй и хлопчато-бумажная промышленность в России) // Тотисэйдо сигаку. Т. 8, № 2, 1966.

Гэндайтэки «Киндайка»рон но сисо то ронри (Мысль и логика современной теории «Modernization») // Рэкисигаку кэнкю. № 318, 1966.

1968

Нигацу какумэй (Февральская революция) // Росия какумэй но кэнкю (Исследования Российской революции) под ред. Б. Эгути. – Токио, 1968.

Киндай росиа но хотэки козо (Юридическая структура России нового времени) // Кихонтэки дзинкэн но кэнкю (Исследования основных человеческих прав). Т. 3. – Токио, 1968.

1970

Ти но нитиёби (Кровавое воскресенье), (совм. с Вада Акико). – Токио, 1970. 213 с.

Росия какумэй (Российская революция). Вместе с Нагао Хисаси // Сэкай рэкиси(Всемирная история). Т. 24. – Токио, 1970.

1971

Ленин но сэкайси нинсики (Понимание мировой истории у В.И. Ленина) // Сэкай рэкиси (Всемирная история). Т. 30. – Токио, 1971.

1972

Заданкай: Шоки Ленин но сёмонлай (Дискуссия: вопросы ранних годов В.И. Ленина). Вместе с Танака Ёдзи и др. // Росияси кэнкю. Т. 19, 1972.

Росиа дайитидзи какумэй ниокэру родо мондай (Рабочий вопрос в первой русской революции: Вокруг Коковцовских комиссий) // Сякайкагаку кэнкю. Т. 23. № 4, марта 1972 г.

1973

Николай Руссель: кокке окоэру народник (Николай Руссель: Народник, перешедший много границ государств). Т. I–II. – Токио, 1973.

Сибэриа сэнсоси кэнкю но сёмондай (Проблемы истории Сибирской войны) // Росиаси кэнкю, № 20, 1973.

Росиа какумэй ниокэру номин какумэй (Крестьянская революция в Российской революции) // Киндай какумэй но кэнкю (Исследования о революциях нового периода). – Токио, 1973.

1974

1896 нэн Петербург мэнкогё родося но дзэнэсуто (Всеобщая стачка петербургских рабочих хлопчатобумажной промышленности в 1896 году) // Сякайкака-ку кэнкю. Т. 25. № 4, февраль 1974 г.

The Russian February Revolution of 1917 // Annals of the Institute of Social Science. № 15. 1974 (На рус. яз. Февральская революция 1917 года // Вада Х. Россия как проблема всемирной истории. – М., 1999. С. 27–50)

Сорэн но тайнити сэйсаку (Политика Советского Союза к Японии в послевоенных годах) // Сэнго кайкаку (Послевоенные реформы в Японии). Т. 2. – Токио, 1974.

1975

Маркс, Энгельс то какумэй росиа (К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия). – Токио, 1975. 472 с.

1976

Сэнго сорэн но рэкисика то рэкисигаку (Историки и историческая наука в послевоенном Советском Союзе) // Росиаси кэнкю (История России). Т. 25, 1976.

1977

Сталин хихан 1953–1956 (Критика культа личности И.В. Сталина 1953–1956) // Гэндай сякайсюги (Соверменные социализмы). – Токио, 1977.

Karl Marx and the Revolutionary Russia // Annals of the Institute of Social Science, No. 18, 1977

Ленин (мировые мыслители: хрестоматия. Т. 22). – Токио, 1977.

Рэкиси нонакано Эсэр то (Партия С.-Р-ов в истории) // Сисо, декабрь 1977.

I narodniki e i giapponesi // Rivista storica italiana. Anno LXXXIX, fascicolo 2, 1977.

1978

Номин какумэй но сэкай (Мир крестьянской революции: Есенин и Махно). – Токио, 1978. 330 с.

1979

The Inner World of Russian Peasants // Annals of the Institute of Social Science. № 20, 1979.

1980

Сорэн ниокэру ханфашизм но ронри (Политическая логика советского антифашизма) // Ундо то тэйко (Движения и сопротивления). – Токио, 1980 (Вада Харуки. Россия как проблема всемирной истории. – М., 1999. С. 183–246).

Нагарэ ни тэйкосуру рэкисикатати (Историки против течения 1964–1966) // Росиаси Кэнкю. Т. 32, 1980.

1981

Karl Marx and the Revolutionary Russia // History Workshop, No. 12, Autumn 1981.

Солидарность японских и русских социалистов во время Русско-японской войны // Japanese Slavic and East European Studies, Vol. 2, 1981.

Сякайсюги но како то мирай (Прошлое и будущее социализма) // Сисо но кагаку, ноябрь 1981 г.

1982

Сорэн но чосэн сэйсаку (Политика Советского Союза в отношении Кореи: август 1945 г. – март 1946 г. // Сякайкагаку кэнкю. Т. 33, № 4, 6, 1982.

Кокка но дзидай ниокэру какумэй – Бухарин то Ленин (Революция в эпоху государства – Бухарин и Ленин) // НЭП кара Сталин дзидай хэ (От нэпа до сталинской эпохи). Ред. Таниути Юдзуру и Арата Хироси. – Токио, 1982

Хасэгава Цуёсиси но нигацу какумэй кэнкю ницуитэ (О книге Ц. Хасэгава: The February Revolution: Petrograd 1917) // Росиаси кэнкю. Т. 36, 1982.

1983

Росиа какумэй никансуру косацу (Размышления о Российской революции) // Рэкисигаку кэнкю, № 513, 1983.

Америка но росиа-сорэнси кэнкю (Американская историография об истории России и Советского Союза) // Росиа си кэнкю но атарасии нами (Новые волны исследований истории России нового времени). – Токио, 1983.

Karl Marx and the Revolutionary Russia, Late Marx and the Russian Road, edited by Teodor Shanin. – Routledge and Kegan Paul: London, 1983

Vera Figner in the Early Post-revolutionary Period // Annals of the Institute of Social Science, No. 25, 1983–1984. (Вада Харуки. Россия как проблема... С. 87–122)

Представления о России в Японии: Учитель, враг, собрат по страданиям. Доклад, представленный на VI симпозиуме советско-японских историков, Ленинград, 17–19 ноября 1983 г. (Опубликован в сб. Россия и Япония в трудах советских и японских историков. – М., 1984. Затем в сб. Вада Х. Россия как проблема всемирной истории. – М., 1999. С. 299–313)

1984

Киндай росиа но дайджинтати (Министры России нового периода: некоторые биографическо-статистические анализы) // Сякайкагаку кэнкю. Т. 36, № 4, 1984.

1985

Нихондзин но росиакан (Представления о России в Японии: учитель, враг, собрат по страданиям) // Росиа то нихон (Россия и Япония). – Токио, 1985.

Тэнкансуру сорэн рэкисигаку (Советская историческая наука на повороте 1968–1970) // Сякайкагаку кэнкю. Т. 37, № 5, 1985.

1986

(ред.) Росиаси но атарасии сэкай (Новый мир истории России). – Токио, 1986.

Котэй, кого, Распутин (Распутин, царь и царица: Читая роман Валентина Пикуля), Там же. (Вада Харуки. Россия как проблема... С. 51–71)

Хоппо редомоцдай никансуру косацу (Размышления о проблеме северных островов) // Сэкай, ноябрь 1986 г.

1987

Ватаси номита Перестройка (Перестройка, как я увидел). – Токио, 1987. (Глава 4. Наследство 1960-х годов. Опубликовано на рус. яз. // Вада Х. Россия как проблема всемирной истории. – М., 1999. С. 247–260).

Lev Tikhomirov: His Thought in His Later Years 1913–1923 // Annals of the Institute of Social Science, No. 28, 1987 (Вада Харуки. Россия как проблема... С. 123–164).

Koreans in the Soviet Far East, 1917–1937 // Koreans in the Soviet Union, Edited by Dae-Sook Suh, Papers of the Center for Korean Studies, Honolulu, 1987 (Вада Харуки. Россия как проблема... С. 314–348).

1989

Perestroika and the Rethinking of History in the Soviet Union, 1986–1988 // Facing Up to the Past: Soviet Historiography under Perestroika. Edited by Ito Takayuki. – Sapporo, 1989 (На рус. яз. Перестройка и переосмысление Советской истории (1986–1989) // Вада Х. Россия как проблема всемирной истории. – М., 1999. С. 261–295)

1990

Пепестройка – сэйка то кики (Перестройка – достижения и кризисы). – Токио, 1990. 246 с.

Хоппо редомоцдай о кангаэру (Размышления о проблеме северных островов). – Токио. 1990. 459 с.

Росиа какумэй ниокэру фурансу какумэй но Image (Образ Великой Французской революции в ходе Российской революции 1917 года) // Сисо. Март 1990 г. (Вада Харуки. Россия как проблема... С. 72–86.)

Место Российской революции во всемирной истории. Лекция, прочитанная в Московском историко-архивном институте 24

мая 1990 // Вада Х. Россия как проблема всемирной истории. – М., 1999. С. 15–26)

1991

Кайкоку – Нитиро кокко косе (Открытие страны – Японо-русские переговоры 1853–1855). – Токио, 1991, 219 стр.

Росиа но какумэй (Российская революция 1991 года). – Токио. 61 с.

1992

Ким Ир Сен то мансю ко нити югэки сэно (Ким Ир Сен и анти-японская партизанская война в Маньчжурии). – Токио, 1992. 414 с. Корейский перевод. – Сеул, 1992.

Рэкиси тоситэнно сьякайсюги (Социализм как история). – Токио, 1992. 221 с. Корейский перевод. – Сеул, 1994.

Рэкиси но хансэй то кэйзай но ронри (Раскание по поводу истории или логика экономика: из истории переговоров по установлению дипломатических отношений с Китаем, Советским Союзом и Кореей), Гэндай нихон сьякай (Современное японское общество). Т. 7. – Токио, 1992.

1993

Росиа-Сорэн (Краткая история России). – Токио, 1993. 209 с.

(Ред.) Перестройка то кайкаку кайхо (Перестройка и Открытие страны для реформ: Сравнительный анализ опытов России и Китая). – Токио, 1993.

Japan and Soviet Union in 1930s: A Comparison. Paper presented to the symposium, Woodrow Wilson Center, Washington, 23–24 September 1993. (На рус. яз. Япония и Советский Союз в 1930-е гг.: опыт сравнения // Вада Х. Россия как проблема всемирной истории. – М., 1999. С. 165–182.)

1994

Российская революция 1917 года как комплекс революций в эпоху мировых войн, Россия в XX веке // Историки мира спорят. – М., Наука, 1994.

1995

Чосэн сэно (Корейская война). – Токио, 1995. 385 с. Корейский перевод. – Сеул, 1999.

Japanese-Russian Relations and the United States, 1855–1930 // *A Hidden Fire: Russian and Japanese Cultural Encounters 1868–1926*, edited by J. Thomas Rimer, Stanford University Press, 1995.

1996

Рэкиси тоситэнно Нозака Санзо (Нозака Санзо как история). – Токио, 1996. 308 с.

Гэфтер – рэкисика, симин (М.Я. Гэфтер – историк и гражданин) // *Роснаси кэнкю*. Т. 58. 1996.

1997

(Ред.) *Росиа си* (История России). Т. 3. – Токио, 1997.

1998

Китачосэн (Северная Корея: Настоящее партизанского государства). – Токио, 1998. 317 с. Корейский перевод. – Сеул, 1999.

Сорэн System но чосэн то Costs (Вызов и издержки Советской системы) // *20 Сэйки System* (Система XX века). Т. 1. Токио. 1998.

Economic Co-operation in Place of Historical Remorse: Japanese Post-War Settlements with China, Russia, and Korea in the Context of the Cold War // The Political Economy of Japanese Society, Volume 2. Oxford University Press, 1998

The Korean War, Stalin's Policy and Japan // *Social Science Japan Journal*, Vol.1, No.1, 1998 (Вада Харуки, Россия как проблема... С. 349–388).

1999

Хоппо рёдомондай (Проблема северной территории: прошлое и будущее). – Токио, 1999. 396 с.

Вада Харуки. Россия как проблема всемирной истории. – М., АИРО-XX, 1999. 400 с.

2000

The San Francisco Peace Treaty and the Definition of the Kurile Islands // *Japan and Russia: The Tortuous Path to Normalization, 1949–1999*, Edited by Gilbert Rozman, St. Martin's Press, New York, 2000. P. 15–32.

2001

(Ред.) ВКП(б), Коминтерн и Япония. Документы, (совм. с Г.М. Адибековым). – М.: РОССПЭН, 2001. 792 стр.

East Asia and the Cold War: Rethinking Its Meaning in the New Millennium // Ending the Cold War in Korea: Theoretical and Historical Perspectives, Edited by Chung-in Moon and Odd Arne Westad, Yonsei University Press, Seoul, 2001. P. 69–88.

Historical Guide – Россия (Краткая история России). – Токио, 2001. 219 с.

2002

Чосэн сэно зенси (Полная история Корейской войны). – Токио, 2002. 529 с.

(Ред.) Росиаси (История России). – Токио, 2002. 512 с.

Сэнго нихон хэйвасюги но гэнтэн (Истоки японского послевоенного пацифизма) // Сисо, 2002, № 12. С. 5–26.

Иванами сэдзитэн Гэндаиканкоку чосэн (Современная Корея: краткая энциклопедия). – Токио, 2002. 318 с.

Чосэн юдзи во нозомунока (Хотите Вы войну в Корее?). – Токио, 2002. 267 с.

2003

Нихон, Канкоку, Китаосэн – тохоку азия ни икиру (Япония, Южная и Северная Корея – наша жизнь в Северо-восточной Азии). – Токио, 2003. 258 с.

(Ред.) Китаосэн бон во доу ёмука (Как читать книги о Северной Корее). – Токио, 2003. 252 с. Корейский перевод, Сеул, 2003.

Тоухоку азия кёдо но из (Общий дом Северо-Восточной Азии: регионалистический манифест). – Токио, 2003. 270 с. Корейский перевод. – Сеул, 2004

Судьба коммуниста Носака Сандзо // Япония второй половины XX века: проблемы и судьбы. – М.: Восточная литература, 2003.

2005

Терору то кайкаку (Террор и реформы: до и после царевубийства 1 марта 1881 года). – Токио, 2005. 388 с.

Додзидай хихё: ниччо канкэй то рати мондай (Современная критика: японо-корейские отношения и проблема похищений). – Токио, 2005. 283 с.

Кэншо ниччо канкэй 60 нэнси (Проверенная история: 60 лет японо-северо-корейских отношений) (вместе с Такасаки Соудзи). – Токио, 2005

2006

Ару сэngo сэйсин но кэйсэй 1938–1965 (Духовное формирование одного послевоенного интеллигента, 1938–1965). – Токио, 2006. 362 с.

Envisioning a Northeast Asian community: regional and domestic factors to consider // *Regional Cooperation and its Enemies in North-east Asia: The Impact of domestic factors*. Edited by Edward Friedman and Sung Chull Kim, Routledge. – London, 2006. P. 38–58

Forever stepping back: the strange record of 15 years of negotiation between Japan and North Korea (together with Gavan McCormack) // *The Future of US-Korean Relations: The Imbalance of power*. Edited by John Feffer, Routledge. – London, 2006. P. 81–100.

2007

(Ред.) ВКП(б), Коминтерн и Корея. Документы (совм. с К. Ширина). – М.: РОССПЭН, 2007. 816 с.

Study Your Enemy: Russian Military and Naval Attaches in Japan // *The Russo-Japanese War in Global Perspective: World War Zero, Vol. II*, Edited by David Wolff and others. – Brill, Leiden, 2007. P. 13–43.

2008

Политические взгляды и стратегия М.Т. Лорис-Меликова // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. – М., 2008.

2009

Нитиро Сэнсо: кигэн то кайсэн (Русско-японская война: происхождение и начало). В двух томах. Том I. – Токио, 2009. 502 с.; китайский перевод – Пекин, 2018; корейский перевод – Сеул, 2018 (готовится к печати).

2010

Нитиро Сэнсо: кигэн то кайсэн (Русско-японская война: происхождение и начало). В двух томах.–Том II. – Токио, 2010. 480 с.; китайский перевод – Пекин, 2018; корейский перевод – Сеул, 2018 (готовится к печати).

2011

Хигаси Азия кингэндайси (Новая и новейшая история Восточной Азии). (совместн. ред.). В 10 томах. – Токио, 2011

2012

- Китачосэн гэндайси (Современная история Северной Кореи). – Токио, 2012. 254 с.; корейский перевод – Сеул, 2014; китайский перевод – Тайпэй, 2014
- Рёдомондай о доу кайкэцусурука (Как разрешать территориальные проблемы). – Токио, 2012. 256 с.; корейский перевод – Сеул, 2013.
- Русско-японские переговоры. Путь Японии к началу войны с Россией // Вопросы истории, 2012, № 3.

2013

- Сэкайрэкиси но таби: Росия (Путешествие по мировой истории: Россия–Москва, Санкт-Петербург, Киев) (вместе с Накамура Ёсикадзу). – Токио, 2013. 199 с.

2014

- The Korean War: an international history. – Rowman & Littlefield, 2014. Paperback edition, 2018. 381 p.
- Коминтерн то нихон кёсанто: сирёшу (Коминтерн и Коммунистическая партия Японии: сборник документов) (ред. вместе с Томита Такэси). – Токио, 2014. 453 с.

2015

- «Хэйва Кокка» но танджо: Сэнго нихон но гэнтэн то хэнё (Рождение «Государства за мир»: истоки и видоизменение послевоенной Японии). – Токио, 2015. 235 с.

2016

- Сталин хихан 1953–1956 (Критика культа Сталина 1953–1956). – Токио, 2016. 475 с.
- Азия жосэй кикин то ианху мондай–кайсо то кэншо (Азиатский женский фонд и проблема «комфортных женщин» – воспоминания и проверки). – Токио, 2016. 392 с.

2017

- Ватаси но зинсэй (Моя жизнь: интервью). Асахи Симбун, 23–27, 30–31 января; 1–3 февраля 2017 (вечерние выпуски).
- Ленин: 20 сэйки кёсаншуги ундо но тити (Ленин: Отец коммунистического движения XX века). – Токио, 2017. 103 с.
- Бейчо сэно о хусэгу (Надо предотвратить Американско-корейскую войну). – Токио, 2017. 112 с.

Какумэй о икани катариаэрука (Как нам можно разговаривать о революции). (Беседа с Икэда Ёсиро) // Гэндай Сисо, 2017, октябрь.

Февральская революция: новая концепция японских историков. Лекция на конференции, состоявшейся в Институте Российской истории, Москва, 8–9 Октября 2017 года.

Юбилейный год Российской революции в Японии // Революция-100: реконструкция юбилея; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2017.

2018

Росия какумэй: 1917 нэн 2 гацу Петроград (Российская революция. Февраль 1917 года. Петроград). – Токио, 2018. 500 с.

Издания АИРО в 2008–2017 гг.

2008

- Сиратори Тосио.* Новое пробуждение Японии. Политические комментарии 1933–1945. Составление, перевод, вступительная статья и комментарии доктора политических наук В.Э. Молодякова. («АИРО – первая публикация»).
- Danke, профессор Аймермахер. 12 писем из России. Сост. Г.А. Бордюгов, Т.М. Горяева.
- Константинов С.В.* «В неверном озаренье славы...»: реформаторы и жертвы. Сост.: Давыдов О.В., Касаев А.Ч., Молодяков В.Э.
- Леонид Козлов.* В диалоге с прошлым.
- Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов. Предисл. С. Бабурина. Введ. Ст. Коэна. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн., измен. и расшир.
- Харуки Вада – сенсей российской истории. Сост. Г.А. Бордюгов.
- Стивен Коэн и Советский Союз / Россия. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Добрыхотов.
- Е.В. Суровцева.* Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е гг.). («АИРО – Первая монография»).
- А.А. Куреныхшев.* Крестьянские организации Русского Зарубежья. (1920–1951 гг.). («АИРО – Монография»).
- Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера.
- Общее прошлое и современность. Материалы польско-российско-немецкого триалога историков и журналистов (Россия, Тверская область, «Гелиопарк-Эммаус» на Волге, 6–9 сентября 2007 г.).
- Глобальные вызовы – японский ответ / Рук. проекта Э.В. Молодякова.
- Прошлое: российский и немецкий подходы. Материалы российско-немецкого колоквиума. Москва, 12–13 июля 2007 года. Под ред. Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова.
- Роберт Эдельман.* Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР.
- А.Г. Тепляков.* Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. («АИРО – Монография»).

2009

- В. Волков, С. Соколов.* Антиманипулятор. Типизация постперестроечного государственного устройства в контексте глобализации и перестройки. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 24).
- Н.В. Кравчук.* История отечества глазами малоросса. (Метаисторические очерки). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 25).

- В.А. Рябинин.* Идеология «тайны беззакония»: философский и политический анализ идеологии «мондиализм».
- А.П. Ненароков.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга первая. Вдаль к началу. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).
- А.П. Ненароков.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга вторая. Свеча в доме. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).
- Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания? Материалы российско-немецкого форума. Москва, Овальный зал ВГБИЛ, 3 декабря 2008 г. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова, Екатерины Гениевой.
- В.Н. Томилин.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. («АИРО – Монография»).
- Н.И. Бурнашева.* В единении – сила! История кооперации Якутии (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.). (АИРО – Монография).
- Эрик Кулевиг.* Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. (АИРО – Первая публикация в России).
- Russia: a history of the twentieth century. Materials for course the lectures / *G. Bordjugov, S. Devyatov, E. Kotelenets, A. Titkov.*
- Ф.Д. Крюков.* Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. Возвращаясь на улицу Юности.
- Л.А. Боева.* «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. («АИРО – Первая монография»).
- Б.В. Соколов.* Как провалилась бериевская «перестройка». Извержение enfant terrible из властных структур. Новые документы. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 26).
- Япония 2009. Ежегодник.
- Идейно-политические дискуссии в Советском Союзе в 1940–50-х гг. и национально-государственное размежевание 1990-х. Материалы круглого стола в «РИА Новости» 15 сентября 2009 г. Под редакцией Геннадия Бордюгова и Алана Касаева.
- А.К. Конопацкий.* Прошлого великий следопыт. Академик А.П. Окладников: страницы биографии.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

2010

- Пётр Баратов.* «И с Москвой золотоголовой Вышеград заговорил...». Из опыта чешского либерализма. 1870–1880-е годы / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 240 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).

- Венков А.В.* «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства. Часть 1-я. В поисках автора. Часть 2-я. Авторы «Тихого Дона». – М.: АИРО–XXI. 2010 г. – 884 стр.
- Кравчук Н.В.* История отечества глазами малоросса. Очерк третий. Русь расщепленная. XIII–XV вв. – М.: «АИРО–XXI». 2010 г. – 124 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 28).
- Япония: полвека правления либерал-демократов / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 284 с.
- Япония 2010. Ежегодник. – М.: «АИРО–XXI», 2010. – 320 с.
- Ю.М. Коликов.* Жемчужина седого Каспия. Документальная повесть. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 432 с.
- Виктор Кригер.* Российские немцы вчера и сегодня. Народ в пути; перевод с нем. И. Черемушкинского. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 104 с. (Серия «АИРО – первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Н.К. Веселовская.* Воспоминания выездного врача скорой помощи (1940–1953). Редакция и предисловие А.Г. Макарова. Серия «АИРО – первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО–XXI, 2010. – 184 с.
- Г.А. Бордюгов.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 256 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- Посадский А.* От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. – М.: АИРО–XXI; ГПИБ. 2010. – 412 с.
- Цыганок А.Д.* Война на Кавказе 2008: русский взгляд. Грузино-осетинская война 8–13 августа 2008 года. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 328 с.
- Ирина Каргина.* Горечь полыни. Пропавший в «Поднятой целине». – М.: АИРО–XXI. 2010. – 216 с.
- Справочник молодого журналиста. – М.: «РИА Новости»; АИРО–XXI, 2010. – 512 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 1: Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 1024 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 896 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 1032 с.
- Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.* Образы России в мире. Курс лекций. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 296 с.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО–XXI, 2010. – 372 с.
- Носович А.Л.* Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 96 с.

- Кыласов А.В.* Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма.
- Гурвич Э.Б.* Взгляд в настоящее прошлое. Фрагменты семейной хроники Николая Ивановича Бухарина. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2010. – 176 с. + 56 с. илл.
- Загадки и тайны «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок. – М.: «АИРО-XXI», 2010. – 400 стр.
- Суровцева Е.В.* Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.). – М.: АИРО-XXI, 2010. – 128 с. (Серия «АИРО – монография»).
- Стивен Козн.* Утраченное наследие Горбачева. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 56 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 27).
- Мировой кризис и Япония / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.

2011

- И.Б. Белова.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. / Под ред. Г.А. Бордюгова. – (Серия «АИРО – Первая монография»). – М.: АИРО-XXI, 2011. – 288 с. + 24 с. илл.
- Стивен Козн.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / Новое расширенное издание. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 216 с.
- А.А. Куреныхев.* Он слышал музыку полей... Жизнь и деятельность Алексея Григорьевича Дояренко ученого, педагога, общественного деятеля, музыканта. 1874–1958 гг. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 118 с.
- Е.В. Суровцева.* Жанр «письма царю» в XIX – начале XX века. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 164 с.
- Г.А. Бордюгов.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Предисловие Алана Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 256 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- Г.А. Бордюгов, В.М. Бухараев.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 248 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- З.С. Бочарова.* Российское зарубежье 1920–1930 х гг. как феномен отечественной истории. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 304 с.
- Стивен Козн.* Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв / Перевод Ирины Давидян. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2011. – 208 с. + 40 с. илл.
- Б.В. Соколов.* Потери Советского Союза и Германии во Второй мировой войне: методы подсчетов и наиболее вероятные результаты. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 128 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 29).
- Р.А. Медведев.* «Тихий Дон». Загадки и открытия великого романа. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 228 с.
- Научное сообщество историков России: 20 лет перемен; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 520 с.

- Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / Под редакцией Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 584 с.
- 20 лет Независимому Казахстану. – М.: Компания развития общественных связей (КРОС); РИА Новости; АИРО-XXI, 2011. – 172 с.
- Япония 2011. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2011. – 288 с.
- Япония: опыт модернизации / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2011–280 с.
- А.Д. Цыганок. Русский взгляд на израильские войны: Вторая Ливанская – 2006 и в секторе Газа – 2009. – М.: АИРО-XXI; Крафт+, 2011. – 352 с.

2012

- Чермен Касаев. Мой край, мои земляки / Предисловие и составление А.Ч. Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 184 с.
- Норман Неймарк. Геноциды Сталина. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 176 с.; (Серия «АИРО – Первая публикация в России»).
- Юрий Штридтер. Мгновения. Из сталинской Советской России в «Великогерманский рейх» Гитлера. Воспоминания о детстве и юности (1926–1945). С послесловием Карла Аймермахера / Перевод В.А. Брун-Цехового. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2012. – 480 с.
- В.В. Агеносов. Избранные труды и воспоминания. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 704 с. + 72 с. илл.
- Г.А. Бордюгов. Ожидаемая революция не придет никогда. Массовые протесты конца 2011 – начала 2012 года на фоне гражданского противостояния XX века. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 176 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- В.Э. Молодяков. Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 656 с. + 16 с. илл. (Серия «АИРО – Монография»).
- Власть и общество в истории России. Сб. ст. – М. АИРО-XXI. 2012. – 208 с.
- А.Г. Ложкин. Интервенция, аннексия и советизация во внешней политике СССР: историко-правовые аспекты новейших исследований / А.Г. Ложкин. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 416 с. – (АИРО – Монография»).
- Синто: память культуры и живая вера. – М.: АИРО-XXI. 2012. – 236 с.
- Г.М. Семенцев. Донцы. Из истории донского казачества. – М.: АИРО-XXI, 2012 г. – 180 с.
- Н.В. Кравчук. Загадка Чернобыльской катастрофы. (Опыт независимого исследования). – М.: АИРО-XXI, 2011. – 104 с.
- А.Д. Цыганок. Военные под Российским флагом: русский взгляд. 1991–1993 / Предисловие С.А. Филатова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 432 с.
- А.А. Куреньшев. Сельскохозяйственная столица России. Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818–1929 гг.). – М.: АИРО-XXI, 2012. – 404 с.
- Т.А. Филиппова. «Враг с востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века / Предисловие В.И. Шеремета. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 384 с. – (АИРО – Монография»).

- А.Н. Соломатин.* Основы подготовки журналистов для работы в районах военных действий и экстремальных ситуациях. Программа курса лекций. Курс апробирован на Отделении журналистики Филологического факультета РУДН в 2011–2012 гг. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 32 с.
- А.Д. Цыганок.* Интервенция США и НАТО в Ливии и ее последствия для Сирии, Ирана, Кавказа: русский взгляд / Предисловие М.А. Гареева. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 448 с.
- Япония: события 11 марта 2011 года. Итоги и уроки / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2012–224 с.
- А.В. Макутчев.* «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...»: революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 256 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- Япония 2012. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2012. – 450 с.
- Эльгена Васильевна Молодякова. К 75-летию со дня рождения. Библиографический указатель. Под ред. Г.А. Бордюгова и И.Л. Тимониной. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 120 с. + 8 с. илл.
- С.С. Михайлов.* Погост Николо-Шатур: История мешёрского прихода. М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2012. – 104 с.: ил. Б. тир. (Б-ка альм. «Мешёра-край»).
- Мешёра-край: альм. по истории и культуре Мещерского края / Ред.-сост. С.С. Михайлов; Независимая ассоц. исследователей Зап. Мешёры «Гуслиц. перекрёсток». – М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2012. Вып. 2. – 214 с.
- В.Г. Шаповал.* История сел Дунилово и Горицы. От неолита до современности. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 208 с. ил. – (Серия «АИРО – Российская провинция»).
- 90 лет СССР. Сб. ст. – М. АИРО-XXI. 2012. – 268 с.
- Федор Крюков.* Православный мир старой России. – М.: АИРО-XXI. 2012. – 200 с.
- Федор Крюков.* Картинки школьной жизни старой России. – М.: АИРО-XXI. 2012. – 328 с.
- Светлана Лурье.* Imperium (Империя – ценностный и этнопсихологический подход). – М.: АИРО-XXI, 2012. – 272 с. – (АИРО – Монография).
- Федор Крюков.* Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону / Предисловие и составление А.Г. Макарова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 362 с.
- Алексей фон Лампе* – военный агент барона Врангеля в Венгрии. Сборник документов. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 536 с. – («АИРО – первая публикация»).

2013

- Две родины Стивена Козна. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 224 с. + ил.
- Крестянский фронт 1918–1922 гг. Сборник статей и материалов. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 700 с.
- Невольник чести. Путь и судьба Владимира Полкутова / Сост.: Т.Б. Григер канд. ист. н., доц., Н.В. Полкутова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 152 с. + 52 с. ил.

- “...Ведь не безнадежность перед нами”. Переписка Николая Бухарина и Надежды Лукиной. 1911–1914, 1922 годы. Предисл. – Стивен Коэн; вступит. статья – Ж. Артамонова; составление и комментарии – Ж. Артамонова, Е. Суббота. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 320 с. + 4 с. ил. – (Серия «АИРО – первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- Япония 2013. Ежегодник. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 412 с.
- Федор Крюков. На Германской войне. На фронте и в тылу. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 548 с.
- Япония в Азии: параметры сотрудничества / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М., АИРО-XXI, 2013 – 312 с.
- Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 1520 с.
- Фридрих Фирсов. 34 года в Институте марксизма-ленинизма. Воспоминания историка. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2013. – 480 с. + 32 с. илл.
- Л.Н. Суворова. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком / Л.Н. Суворова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 304 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- А.Ю. Каратеев. Авиационные инженеры в России и СССР. Подготовка кадров в 1909–1945 гг. / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 368 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- С.Н. Чекин. Старый Буян, Самара, Печорлаг. Повествование врача Трудникова. Составитель и автор предисловия Л.С. Чекин. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 296 с. + 8 с. илл. (Серия «АИРО – первая публикация»).
- М.И. Мельтюхов. Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.). – М.: АИРО-XXI, 2013. – 216 с. – (Серия «АИРО – Монография»).
- Валерий Брюсов. В эту минуту истории. Политические комментарии. 1902–1924 / Составление, вступительная статья В.Э. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 312 с. + 4 с. илл. (Серия «АИРО – первая публикация»).
- Л.А. Посадская. Советская повседневность в художественных текстах (1920-е – 1990-е годы). (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI, 2013. – 184 с.
- Евреи. История по Брокгаузу и Бухарину. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 384 с.
- Д.В. Стрельцов. Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 280 с.
- В.Я. Гросул. Общественное мнение в России XIX века. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 560 с.
- Идущий впереди. К 90-летию Гейдара Алиева. – М.: Вестник Кавказа; АИРО-XXI, 2013. – 368 с.
- Современное медиапространство Азербайджана. Под ред. Г. Бордюгова. Предисл. А. Рагимова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 416 с. + 36 с. илл.
- Мещёра-край: Альм. по истории и культуре Мещерского края / Гл. ред. С.С. Михайлов. М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2013. Вып. 3. 320 с. – (АИРО – Рос. провинция).

2014

- М.Н. Мосейкина.* У истоков формирования Русского мира. XIX – начало XX века. Том 1 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 392 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-236-0.
- З.С. Бочарова.* Феномен зарубежной России 1920-х годов. Том 2 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 408 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-238-4.
- З.С. Бочарова.* Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России. Том 3 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 336 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-240-7.
- А.В. Антошин.* На фронтах Второй мировой и «холодной» войн: русские эмигранты в 1939 – начале 1950-х гг. Том 4 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 376 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-242-1.
- А.В. Антошин.* От Русского Монмартра – к Брайтон-Бич: эволюция Русского мира в 1950-е – начале 1980-х гг. Том 5 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 376 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-244-5.
- Г.А. Бордюгов, А.Ч. Касаев.* Русский мир и Россия: формирование нового типа отношений. 1986–2000 гг. Том 6 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 352 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-246-9.
- В.В. Агеносов* Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 736 с.; илл. – ISBN 978-5-91022-230-8. – ISBN 978-5-90670-527-3.
- Л.В. Совинский.* В зеркале времени. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 592 с. + 32 с. илл.
- Война и мир в новой и новейшей истории России. (К 100-летию начала Первой мировой войны). Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 252 с.
- Всё остается людям. Анатолий Котеленец: к 100-летию со дня рождения / Составители: Е.А. Котеленец, Т.А. Котеленец, О.Б. Беляков. М.: АИРО-XXI, 2014. – 112 с. + 28 с. илл.
- В.Я. Гросул.* Труды по теории истории. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 548 с.
- Татьяна Филиппова, Пётр Баратов.* «Враги России». Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. – (Серия «АИРО – монография») – М.: АИРО-XXI, 2014. – 272 с. + 88 с. илл.
- Юлия Сидур – Карл Аймермахер. «Время новых надежд...». Переписка 1986–1992 / Обработка текста Владимира Воловникова. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 512 с., илл. – (Серия «АИРО – первая публикация в России» / Под ред. Г.А. Бордюгова).

- Торгово-промышленные палаты и биржевые комитеты России в годы Первой мировой войны / Предисл. С.Н. Катырина. – М.: ТПП РФ; АИРО-XXI, 2014. – 432 с. (с иллюстрациями).
- Владимир Александрович Невежин. Биобиблиографический указатель. Сост.: Е.С. и М.С. Сапрыкины. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 128 с.
- И.Б. Белова.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. – (Серия «АИРО – монография») – М.: АИРО-XXI, 2014. – 432 с. + 16 с. илл.
- Н.Г. Смирнов.* Рапава, Багиров и другие. Антисталинские процессы 1950-х гг. / Рукопись подготовлена к печати С.Н. Смирновым. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 368 с. + 12 с. ил. – (Серия «АИРО – первая публикация» / Под ред. Г.А. Бордюгова).
- Г.А. Бордюгов. Биобиблиография. Сост. А. Макаров, О. Пруцкова, С. Щербина. Предисл. Дм. Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 192 с. + 16 с. ил.
- Юрий Штридтер.* Плутувской роман в России: к истории русского романа до Гоголя. Перевод с немецкого Валерия Брун-Цехового и Даниила Бордюгова – (Серия «АИРО – первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова) – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 416 с.
- Политическая полиция Российской империи между реформами. От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского. Сборник документов / Вступительная статья, составление и комментарии – Е.И. Щербакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 352 с. – (Серия «АИРО – первая публикация» / Под ред. Г.А. Бордюгова).
- Япония 2014. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2014. – 340 с.
- Японское общество: изменяющееся и неизменное / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2014. – 300 с.
- «Запад как враг»: реанимация исторического мифа или новая реальность? Материалы Семинара 22 октября 2014 г. / Под редакцией Карла Аймермахера и Геннадия Бордюгова – М.: АИРО-XXI, 2014. – 128 с., илл.
- От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. Сборник статей и материалов / Под ред. А. В. Посадского. – М.: АИРО-XXI. 2014. – 624 с. + 44 с. илл.

2015

- Русский мир и русское образование в условиях глобализации культуры. Перечитывая философско-педагогическую антропологию Е.П. Белозерцева. К 75-летию профессора Е.П. Белозерцева. Монография / Под ред. И.Е. Булатникова, А.В. Репринцева. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 368 с. + 40 с. ил.
- Фрезинский Борис.* Троицкий. Каменев. Бухарин. Избранные страницы жизни, работы и судьбы. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 384 с.
- Национальный вопрос в истории России. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 320 с.
- А.А. Баев.* Отлучение от науки. Академик Александр Александрович Баев. Архивно-следственные документы 1937–1954 гг. и многое другое. (Серия

- «АИРО – Первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 352 с. : ил.
- Юлия Нельская-Сидур.* «Время, когда не пишут дневников и писем...» Хроника одного подвала. Дневники 1968–1973 / Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии Владимира Воловникова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетей, 2015. – 1080 с.
- Г.А. Куренков.* От конспирации к секретности. Защита партийно-государственной тайны в РКП (б)–ВКП (б). 1918–1941 гг. (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 252 с.
- Всесоюзная торговая палата. 1939–1945 гг. / Под редакцией Президента ТПП РФ С.Н. Катырина. – М.: ТПП РФ; АИРО-XXI, 2015. – 504 с. (с иллюстрациями).
- Великой Победе – 70 лет. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI. 2015. – 320 с.
- А.В. Долгопятов.* Эти тихие уездные города. О социально-экономическом развитии малых городов Московской губернии во второй половине XIX – начале XX века. (Серия «АИРО – Первая монография»). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 232 с.
- Любите край Кумылженский, что нам судьбою дан. Книга вторая. Серия «АИРО – Российская провинция». – М.: АИРО-XXI, 2015. – 528 с.
- В.А. Сомов.* Первое советское поколение: испытание войной. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 176 с. + илл. – (АИРО – Монография).
- В.В. Барабаш, Г.А. Бордюгов, Е.А. Котеленец.* Государственная пропаганда и информационные войны. Учебное пособие. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 400 с.: ил.
- О.Ю. Голечкова.* Бюрократ его величества в отставке: А.А. Половцов и его круг в конце XIX – начале XX века / Послесловие – Дмитрий Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 192 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Победа-70: реконструкция юбилея; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 624 с. с иллюстрациями.
- Б.В. Соколов.* Моя книга о Владимире Сорокине. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 336 с.
- И.Н. Гребенкин.* Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 528 с. + илл. – (АИРО – Монография).
- Н.А. Четырина.* «Для науки кукольного мастерства»: художественные промыслы в документах ратуши Сергиевского посада (1796–1864 гг.). (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 304 с.
- Е.В. Суровцева.* Баден под Веной и его окрестности. Историко-культурологический путеводитель с приложением воспоминаний барона Ф.Ф. Торнау. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 248 с.
- Олег Кантес.* «Воинственная» наука: проработка прошлого диктатур в германской и российской историографиях второй половины XX века – (Серия «АИРО – первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова) – М.: АИРО-XXI, 2015. – 352 с.

- Марк Юнге.* Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921–1935. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 640 с.
- Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 1: Большой террор в маленькой кавказской республике; составители Марк Юнге, Бернд Бонвеч. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 640 с.
- Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 2: Документы и статистика; составители Марк Юнге, Бернд Бонвеч. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 656 с.
- О.Г. Герасимова.* «Оттепель», «заморозки» и студенты Московского университета / Послесловие – Дмитрий Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 608 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Япония 2015. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2015. – 352 с.
- Япония: консервативный поворот. / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI, 2015. – 288 с.
- Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века / под редакцией проф. Д.В. Стрельцова. – М., АИРО-XXI, 2015 – 448 с.
- Федор Крюков.* На Дону. В родных местах. М.: «АИРО-XXI». 2016 г. – 384 с.
- От «Кровавого воскресенья» к третьей июньской монархии. Материалы научно-практической конференции. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 220 с.
- «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сборник статей и материалов / Под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 856 с. + 20 с. илл.

2016

- Научно-педагогические школы России в контексте Русского мира и образования. Коллективная монография / Под ред. Е.П. Белозерцева. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 592 с. – ISBN 978-5-91022-342-8.
- Неизвестный Примаков. Документы. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета»; АИРО-XXI, 2016. – 560 с.
- Неизвестный Примаков. Воспоминания. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета»; АИРО-XXI, 2016. – 488 с.; цв. илл.
- The unknown Primakov. Memoirs. – Moscow: Publishing house TPP RF; Publishing house Rossiyskaya gazeta; АИРО-XXI, 2016. – 464 p.; with ill., in color.
- Н.И. Дедков, Г.А. Бордюгов, Е.И. Щербакова и др.* История для экономистов. Интегрированный учебный комплекс для студентов экономических специальностей вузов Российской Федерации / Под общей редакцией А.Д. Некипелова и С.Н. Катырина. Том первый. М.: АИРО-XXI, 2016, – 928 с.
- Ю.Е. Бычков.* Опущение своего времени. Страницы одной не рядовой биографии. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 304 с. Илл.

- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 1: Анатомия ближневосточного конфликта. Восток после краха колониальной системы. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 656 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 2: История одного стовора: ближневосточная политика США в 70-е – начале 80-х годов. Война, которой могло не быть. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 608 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 3: Годы в большой политике. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 592 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 4: Восемь месяцев плюс... Мир после 11 сентября. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 544 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 5: Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 608 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 6: Минное поле политики. Мир без России? – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 800 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 7: Мысли вслух. Россия: надежды и тревоги. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 416 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 8: Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 320 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 9: Избранные доклады, выступления, интервью и эссе. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 592 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 10: Библиография Е.М. Примакова. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 336 с.; цв. илл.
- А.В. Венков.* «Дело Сенина» или операция «Трест» на Верхнем Дону. – М.: АИРО–XXI, 2016. – 196 с.
- А.Д. Цыганок.* Война в Сирии и ее последствия для Ближнего Востока, Кавказа и Центральной Азии: русский взгляд. – М.: АИРО–XXI, 2016. – 400 с.
- Нечаев И.А.* «Я знаю, что время не ждет у порога...». Стихи. Письма. Воспоминания / Серия «АИРО – первая публикация» под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО–XXI, 2016, – 184 с.
- Время декана. К 80-летию Тамары Ивановны Карповой. – М.: АИРО–XXI, 2016. – 320 с.
- О.А. Чагадаева.* «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Петрограда и Москвы) / Послесловие – Алек-

- сандр Шевырев. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 256 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
- С.С. Войтиков.* Узда для Троцкого. Красные вожди в годы Гражданской войны. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 432 с.
- В.Л. Кириллов.* Революционный терроризм, которого не было: Тайное общество «Сморгонская академия» в русском революционном движении 1860-х гг. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 240 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Пётр Черёмушкин.* Ярузельский: испытание Россией. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 288 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
- А.Д. Цыганок.* Донбасс: неоконченная война. Гражданская война на Украине (2014–2016): русский взгляд – М.: АИРО –XXI, 2016. – 680 с.
- Идеология и политика в истории России. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI. 2016. – 192 с.
- Япония 2016. Ежегодник. – М.: «АИРО–XXI», 2016. – 404 с.

2017

- В.Я. Гросул.* Общественное движение в России первой половины XIX века. – М.: АИРО–XXI, 2017. – 832 с.
- Япония 2017. Ежегодник. – М.: АИРО–XXI, 2017. – 432 с.
- В.В. Выжтович.* Другой разговор: диалоги с умными людьми / Предисловие А. Архангельского. М.: АИРО-XXI, 2018. – 476 с.
- Революция-100: реконструкция юбилея; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 1088 с. с иллюстрациями.
- Б.В. Соколов.* Цена войны. Людские потери России/СССР в XX–XXI вв. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 576 с.
- А.М. Рыбаков.* Искусство принятия экономических решений. Доклады, статьи и интервью / Сост. и ред. Г.А. Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 424 с.
- Образовательная деятельность и историко-культурное наследие Отчего края. Коллективная монография / Под ред. Е.П. Белозерцева. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 352 с.
- Е.Н. Шталь.* Литературные Хибинь: энциклопедический справочник. 1835–2015. – М.: АИРО-XXI. 2017. – 1056 с.
- Е.А. Котеленец.* Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 256 с. – (АИРО – Монография).
- Международный форум «Примаковские чтения». Сборник материалов. 2016. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 176 с. + 12 с. илл.
- Грузия в пути. Тени сталинизма; составители Марк Юнге, Бернд Бонвеч, Даниель Мюллер. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 512 с.
- Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг. Биографические материалы / Под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО–XXI. 2017. – 584 с.
- Октябрьской революции – 100 лет. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI. 2017. – 304 с.

- Михаил Соловьев.* Когда боги молчат. Малая война (Записки советского военного корреспондента). Публикация и комментарии В.В. Агеносова. – М.: АИРО-XX, 2017. – 336 с.
- В.Г. Тимофеев.* Снежно-метеорологическая служба Хибин. История. – М.: АИРО-XXI – 352 с.
- В.А. Потто.* Русские на Кавказе. XIX век. – М.: АИРО-XXI. 2017. – 464 с.
- Ф.Ф. Торнау.* Воспоминания русского офицера / [Ф.Ф. Торнау]. – М.: АИРО-XXI, 2017 г. – 448 с.
- Ф.Ф. Торнау.* Воспоминания кавказского офицера / [Ф.Ф. Торнау]. – М.: АИРО-XXI, 2017 г. – 448 с.
- Чой Чжун-Хюн.* Проповедь как жанр литературы Древней Руси. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 320 с.
- Марк Юнге.* Чекисты Сталина: мощь и бессилие. «Бериевская оттепель» в Николаевской области Украины. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 352 с.
- В.Н. Рябцев.* Геополитическая мысль в России в преддверии, во время и после окончания «Второй Великой Смуты». – М.: АИРО-XXI. 2017. – 608 с, прил.; литер.

2018

- Карл Аймермахер.* Воззрения и понимания. Попытки понять аспекты русской культуры умом. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 308 с. с иллюстрациями.
- Е.В. Волженина.* Жизнетворчество грубых гуннов, или Модернизм – массам / Послесловие – Дмитрий Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 208 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
- М.А. Некрасов, Г.И. Маношкина. Сапожниковы.* Московские фабриканты (АИРО – Монография). – М.: АИРО-XXI, 2018. – 424 с.